

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗ ИСТОРИИ
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ
И НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ
В СЛАВЯНСКИХ
СТРАНАХ

XXVIII

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

Том XXVIII

ИЗ ИСТОРИИ
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ
И НАЦИОНАЛЬНО-
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ
В СЛАВЯНСКИХ
СТРАНАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1964

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. А. Хренов (ответственный редактор),
И. К. Бунина, И. Ф. Балза, Л. В. Валев, Л. Э. Калнынь,
В. Н. Кондратьева (ответственный секретарь),
А. Я. Манусевич, И. С. Миллер, С. В. Никольский,
Б. Ф. Стагеев

И. С. Яжборовская

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ПОЛЬСКИМИ ПРОЛЕТАРСКИМИ ПАРТИЯМИ
ОПЫТА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
ПРИ СОЗДАНИИ СОВЕТОВ (1918—1919 гг.)

В. И. Ленин в работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме», говоря о международном значении Октябрьской революции, особо отмечал, помимо ее международного значения в широком смысле слова (революционизирующего воздействия на все страны), «весьма существенное» значение «русского образца» для рабочих всех стран, а именно «международное „значение“ (в узком смысле слова) Советской власти, а также основ большевистской теории и тактики»¹.

Автор настоящей статьи ставит перед собой задачу попытаться проследить это непосредственно практическое влияние Октябрьской революции на организацию сил польского пролетариата СДКПиЛ и ППС-левых, а после их объединения — Коммунистической рабочей партией Польши, на оформление авангарда польского рабочего движения как *партии класса* (по выражению В. И. Ленина), которая, создавая Советы рабочих депутатов, выходит к массам, в самую гущу политической борьбы и вступает на путь превращения в партию нового типа. Истории Советов в Польше², равно как и проблемам стратегии и тактики пролетарских партий в этот период³ посвящен ряд работ, но они мало касаются указанного аспекта темы. Автор настоящей статьи ограничивается рассмотрением определяющей группы Советов — Советов рабочих депутатов ведущей в промышленном отношении части Польши — бывшего Королевства Польского, где наиболее успешно действовали тогда рево-

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 5, 6, 9.

² W. L. Karwacki. Łódzka Rada Delegatów Robotniczych. «Z Pola Walki», 1958, № 2; Z. Szczygielski, A. Tymieniecka. Z dziejów Rad Delegatów Robotniczych w Polsce. Warszawa, 1960; W. L. Karwacki. Działalność KPRP w Łodzi na przełomie 1918—1919. Studia i materiały do dziejów Łodzi i okręgu łódzkiego. Łódź, 1961; A. Kałuża, S. Poprawska. RDR w Zagłębiu Dąbrowskim 1918—1919. Katowice, 1961; Z. Rybicki. Rady Delegatów Robotniczych w Polsce 1918—1919. Warszawa, 1962, и др.

³ И. А. Хренов. Из истории образования и первого периода деятельности Коммунистической рабочей партии Польши. «Вопросы истории», 1959, № 6; T. Daniszewski, J. Kowalski. Lenin a polski ruch komunistyczny (1918—1923). «Z dziejów idei leninowskich w Polsce». Warszawa, 1961; J. Kowalski. Z zagadnień strategii i taktyki KPRP i PPS na przełomie lat 1918—1919. «Z Pola Walki», 1958, № 1; J. Kowalski. Z zagadnień rozwoju ideologicznego KPRP w latach 1918—1923. «Ruch robotniczy i ludowy w Polsce w latach 1914—1923». Warszawa, 1961; F. Ty ch. PPS-Lowica w latach wojny 1914—1918. Warszawa, 1960, и др.

люционные силы польского пролетариата — СДКПиЛ, ППС-левица, а затем КРПП. К моменту вступления первой мировой войны в завершающую фазу в оккупированных австро-германскими войсками польских землях назревал глубокий революционный кризис. СДКПиЛ, одна из наиболее близких к РСДРП(б) партий в международном рабочем движении, выдвинувшая под влиянием большевистского лозунга превращения империалистической войны в гражданскую лозунг революционного выхода из войны, после Февральской революции начала постепенно превращаться из политической организации, отдающей дань теории стихийности классовой борьбы, в руководителя выступлений польского рабочего класса против оккупантов. Активное участие в организации стачечного и профсоюзного движения принимала и ППС-левица, переходившая на последовательно пролетарские, интернационалистские позиции.

Октябрьская революция открыла реальный путь к созданию независимого Польского государства, стала мощным фактором дальнейшего усиления рабочего движения в Польше и складывания там революционной ситуации. Она содействовала быстрой активизации польских пролетарских партий и революционизированию рабочего класса⁴.

Передовые слои польского рабочего класса в силу своих традиционных связей с пролетариатом России и опыта совместной борьбы высоко и в целом правильно оценили завоевания Великого Октября. Пристальное внимание ко всем доходившим в оккупированную Польшу сведениям о событиях в России, подробное освещение их в польской революционной печати, популяризация при помощи агитационных изданий международной и внутренней программы пролетарской революции с того самого момента, как первые известия о ней дошли до Варшавы, убедительно характеризуют тот чрезвычайный интерес, который Октябрьская революция вызвала у авангарда польского пролетариата.

Деятели СДКПиЛ В. Ковальский и Ю. Красный (Ротштадт) писали 22 декабря 1917 г. из немецкого лагеря в Гавельберге своим товарищам, находившимся в то время в России: «Вы должны иметь контакт со страной через фронт. Вы должны скомплектовать библиотеку брошюр и газет, которые бы сразу позволили работающим в стране вникнуть в историю русской революции. Вы должны приготовить для широких польских масс брошюру о революции в России, а также другую, с основными революционными документами и декретами...»⁵.

Польское рабочее движение, переживавшее период собирания сил, активно впитывало опыт Октябрьской революции. Характерно, что возникший во время всеобщей стачки варшавских коммунальников в январе 1918 г. нелегальный рабочий орган (хотя это был постоянный стачечный комитет, представлявший интересы 12 тыс. разбитых рабочих, у которых не было своего профсоюза) получил название Совета⁶. В организации борьбы коммунальников большую роль сыграли Ч. Гроссерова, В. Улановский и другие социал-демократы и члены ППС-левицы⁷.

Январское совещание СДКПиЛ, обсуждая перспективы революционного движения в Польше, записало в резолюции, что «история революции в России, которая привела к диктатуре пролетариата, показала един-

⁴ Подробнее об этом см.: И. Яжборовская. Великая Октябрьская социалистическая революция и польское рабочее движение. «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1957; М. В. Миско. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957; А. Я. Манусевич. Из истории революционного движения в Польше в 1917—1918 гг. «Новая и новейшая история», 1957, № 4.

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 871, л. 226. Такое решение было принято конференцией группы СДКПиЛ в России в мае 1918 г. («Документы и материалы по истории советско-польских отношений». М., 1963, стр. 360, 488, 493).

⁶ «Wiadomości Rady Delegatów Robotniczych m. Warszawy», 4. XII 1918.

⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 678, л. 1; ф. 281, оп. 1, д. 48, л. 22.

ственно возможный выход». Оно указывало на необходимость использовать любые политические события «для того, чтобы вызвать массовые революционные действия», чтобы втянуть самые широкие слои рабочего класса в борьбу⁸. Вопросы работы в массах в связи с назреванием революционных событий обсуждали варшавская межокружная конференция СДКПиЛ (июнь—июль 1918 г.), чрезвычайные конференции партии в Домбровском бассейне, Лодзи и других городах⁹. Однако выработка конкретного плана действий, уточнение форм и методов организации сил рабочего класса тормозились из-за ожесточенных репрессий оккупационных властей. В середине 1918 г. последовал новый провал Варшавского комитета, повлекший роспуск всей варшавской организации СДКПиЛ. В германских лагерях находились к этому времени почти все члены Главного правления партии и ряд руководителей ППС-левицы.

Естественно, что это не способствовало выходу обеих партий за рамки работы среди пролетариата. К тому же здесь сказывались и старые ошибки люксембургизма — игнорирование революционных возможностей других слоев общества и общедемократических задач.

Летом 1918 г., вместе с транспортами беженцев и пленных, возвращавшихся из России, согласно Брестскому договору (в первую очередь вывозились представители имущих слоев), в Польшу стали проникать и революционеры, непосредственные участники Октябрьской революции. Министерство внутренних дел с тревогой писало 25 июля 1918 г., что они «заражают» идеями большевизма, находящими благоприятную почву, местное население¹⁰.

Вот что пишет старый коммунист Зыгмунт Окрент о приезде в Варшаву в конце лета 1918 г. руководящего работника СДКПиЛ Ф. Гжельщак-Гжегожевского, который был членом ВЦИК Советов и секретарем ВЧК, работал одновременно в Комиссариате по польским делам и пробрался в Польшу, как он сам пишет в автобиографии¹¹, по поручению Я. М. Свердлова: «Он сделал нам первое сообщение о том, как выглядит и борется власть, созданная Октябрем. Помню, эта торжественная встреча с ним произошла в саду Красинских... Сначала он поздравил нас от имени Советского правительства и от имени товарища Ленина лично. Это был неслыханно волнующий момент, когда мы приветствовали первого нашего товарища, прибывшего из Советской России, который нам рассказал правду о том, каково там положение, какое участие в революции принимали поляки...»¹².

Вслед за Ф. Гжельщак, сообщает З. Окрент, из Советской России прибыли и другие видные социал-демократы (решение об этом было принято в мае 1918 г. конференцией групп СДКПиЛ в России¹³), в том числе Станислав Будзыньский. Будучи одним из руководителей групп СДКПиЛ в России, он одновременно проводил большую работу в РСДРП, участвовал в работе Апрельской конференции, был членом бюро большевистской секции Моссовета, членом Московского областного бюро РСДРП. Великолепный организатор, С. Будзыньский был одним из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Москве, работал и в советском аппарате (на посту народного комиссара социального обеспечения Москвы и Московской области)¹⁴.

⁸ «Trybuna» [Moskwa], 28.VI 1918.

⁹ «Trybuna», 20.IX 1918; «Czerwony Sztandar», 1918, III—IV, VII—VIII; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 869, л. 89.

¹⁰ «Документы и материалы...», т. I, стр. 406.

¹¹ «Z Pola Walki», 1958, № 2, стр. 184.

¹² AZHR, Okręt Zygmunt-7100. Вскоре Ф. Гжельщак был арестован на заседании исполкома Варшавского комитета СДКПиЛ.

¹³ «Документы и материалы...», т. I, стр. 492.

¹⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 267, л. 3 и др.; «Z Pola Walki», 1958, № 3, стр. 203—204.

Прибыв в Варшаву, С. Будзыньский сделал для партактива СДКПиЛ несколько докладов о положении в Советской России (после этого он вернулся в Москву, но вскоре снова приехал в Польшу)¹⁵.

Ряд партийных работников СДКПиЛ из Лодзи, Люблина и Варшавы постарался пробраться через германские кордоны в Москву, чтобы, как подчеркивал на ноябрьской конференции групп СДКПиЛ в России Ю. Лещинский-Ленский, «изучить великую русскую революцию у ее истоков»¹⁶.

Практика революционного строительства в России, его формы и методы становились все ближе и понятнее польским революционерам. «Каждый раз приезд этих товарищей, которые возвращались из Советской России, приезд старых революционных деятелей, — отмечает З. Окрент, — был для нас мощной дозой революционного романтизма и укреплял уверенность, что мы на верном пути...»¹⁷.

С приездом партийных работников из Страны Советов агитационные материалы партии, посвященные Великой Октябрьской революции, приобрели более конкретный характер. Они начали детально знакомить польских рабочих с большевистской стратегией и тактикой, разъяснять содержание мероприятий Советской власти, анализировать механизм ее организации и т. д.

В августе 1918 г. появился второй в этом году номер теоретического и политического органа СДКПиЛ «Червоны штандар»¹⁸. Откликаясь на огромный интерес масс к событиям в советской стране, он уделял им особое внимание. Можно предположить, что автором помещенной газетой анонимной статьи «Что делает рабочее правительство в России» был кто-то из приехавших в это время из России социал-демократов. Четкость и глубина изложения материала указывают на то, что автор хорошо разбирался в вопросах внутренней жизни молодой Советской республики. В разделе статьи под названием «Политическая организация» основное внимание уделялось принципиально новой, противопоставляемой буржуазному парламентаризму форме народовластия — Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Автор разъяснял, что Советы являются формой диктатуры пролетариата, к установлению которой стремится и польский пролетариат. В статье говорилось о порядке выборов в Советы и отмечалось, что в них участвует все трудовое население, в том числе крестьянство. Статья содержала краткую информацию о V съезде Советов и принятой им Конституции РСФСР¹⁹. Указывая на внутренние трудности, вызванные борьбой с контрреволюцией, автор подчеркивал необходимость организации вооруженных сил революции и рассказывал о создании и деятельности Красной Армии и Красной гвардии.

Второй раздел — «Хозяйственная организация» — был посвящен характеристике экономической программы и деятельности пролетарской революции: национализации банков и промышленности, рабочему контролю, преодолению продовольственных и жилищных трудностей и т. д. Эта статья, занимавшая в номере центральное место, являлась в тот мо-

¹⁵ «Z Pola Walki», 1958, № 3, стр. 203—204. В отчете ЦИК групп СДКПиЛ в России на ноябрьской конференции 1918 г. отмечалось, что один из членов ЦИК был несколько раз нелегально в Варшаве с информацией о положении в Советской России и доставил туда «некоторое количество нашей польской и русской литературы» (см.: «Документы и материалы...», т. I, стр. 492). Вероятно, речь шла именно о С. Будзыньском.

¹⁶ «Документы и материалы...», т. I, стр. 492.

¹⁷ AZNP, Okręt Zygmunt-7400.

¹⁸ «Czerwony Sztandar», 1918, VII—VIII.

¹⁹ Текст Конституции был переведен на польский язык и по решению майской конференции групп СДКПиЛ в России издан во второй половине 1918 г. (см.: «Документы и материалы...», т. I, стр. 488). Политическая литература широко распространялась среди беженцев, возвращавшихся в Польшу (там же, стр. 440 и др.).

мент самой полной и исчерпывающей информацией о мероприятиях, проводившихся в России. Без сомнения, она способствовала формированию у членов СДКПиЛ и значительных кругов польского пролетариата конкретного представления о деятельности революционной власти, оформлению представлений об организующей, созидательной работе большевистской партии.

Для ППС-левицы этот период, характеризовавшийся назреванием революционного кризиса, тесно связанного с революционными событиями в России, имел особое значение. 1917 год был для нее переломным годом. Февральская революция, участие в начавшемся подъеме рабочего движения, более тесное сотрудничество с СДКПиЛ, возникшее во время руководства стачками, и, наконец, могучий толчок, данный Октябрьской революцией, — все это способствовало быстрому идеологическому созреванию партии. В декабре 1917 г. ППС-левица прочно стояла на позициях революционного выхода из войны. Об этом свидетельствует программная резолюция, принятая общепартийной конференцией в Варшаве, известной под названием «радомского совещания».

Анализ эпохи империализма и порожденной ею мировой войны, данный в этой резолюции, носит явный отпечаток ленинской теории империализма. Раскрытие противоречий империализма, характеристика его как кануна пролетарских революций, разоблачение как иллюзий об освободительном характере войны, так и пацифистских теорий и, наконец, вывод о необходимости прекращения войны революционным путем — таковы основные положения общей части резолюции. Эта часть заканчивается указанием, что директивой для рабочего класса в настоящее время является борьба пролетариата за власть, утверждение диктатуры пролетариата и осуществление социализма по примеру Октябрьской революции. «Собрание призывает рабочий класс к более напряженной, чем когда-либо, борьбе с войной и оккупацией, а также со злоупотреблениями ее польских наемников, к открытым проявлениям своей воли, к массовым выступлениям и объединению своих революционных усилий с усилиями возрождающегося рабочего Интернационала»²⁰, — так формулируются в последней части резолюции текущие задачи польского рабочего класса. Следует отметить также одно из дополнявших эту резолюцию решений — резолюцию солидарности с пролетарской Россией, тесно увязывавшую грядущее освобождение польского народа с успехами последней.

Однако, как отмечал один из руководителей ППС-левицы, редактор «Глоса роботничего» Ю. Цишевский, «от солидарности с общей линией до понимания большевистской политики во всей ее конкретности было еще очень далеко»²¹. Правильное восприятие партией идеи Советской власти несколько тормозилось в связи с путаной позицией руководства ППС-левицы в России, недопониманием характера пролетарской демократии, организующей и руководящей роли пролетарской партии и т. д.²² Тем не менее и в этой области партия быстро прогрессировала. Очень характерна в этом отношении формулировка, данная в отчете «Роботника» о лодзинской конференции ППС-левицы летом 1918 г.: «... Речь идет об обучении и подготовке рядов к титаническим боям, близость которых все мы понимаем и видим. Речь идет о том, чтобы в стихийный взрыв, каким является революция, внести как можно больше социалистической сознательности, чтобы как следует сыграть роль руководителей и предводителей восстающих масс»²³.

²⁰ Резолюции так называемого «радомского совещания» были опубликованы в газете «Robotnik» II, 1918. Ф. Тых приводит полный текст этих резолюций в приложениях к своей монографии «PPS-Lewica w latach wojny», стр. 218—225. стр. 237—255).

²¹ «Z Pola Walki», M., 1929, № 7—8, стр. 286.

²² «Robotnik», 1918, IV; «Głos Robotniczy», 11. VIII. 1918. и др.

²³ «Robotnik», IX, 1918.

Взросшее внимание ППС-левицы к теории пролетарской революции выразилось в публикации в «Глосе роботничем» цикла статей В. Костшевой «Русская революция и международный пролетариат». Этот цикл — обширное теоретическое исследование, содержащее оценку международного значения Великой Октябрьской революции и развивающее взгляды ППС-левицы по вопросу о диктатуре пролетариата, о пролетарской демократии и т. д. Он свидетельствует о напряженном внимании к этим важнейшим политическим вопросам и о быстром созревании партии; ряд недоумений и сомнений по поводу большевистской тактики, высказанных в первых статьях цикла под очевидным влиянием газеты «Рабочий в России», отражавшей оппозиционные по отношению к партии большевиков настроения руководства ППС-левицы в России, совсем по-иному разрешается в последней статье, которая максимально приближается к правильной оценке событий, так как опирается уже непосредственно на материалы и детальную информацию из Советской страны (текст Конституции РСФСР и т. д.).

Уже в первой статье цикла («Единство пролетарской борьбы») В. Костшева приходит к пониманию того, что Великая Октябрьская революция продемонстрировала ряд общих закономерностей пролетарской революции, имеющих международное значение. Важнейший вывод ее: Октябрьская революция является закономерным результатом развития всего общества, а не чисто русским явлением и поэтому «ее результаты, завоевания и часто дорогой ценой добытый опыт будут для пролетариата всей остальной Европы не только материалом для наблюдений и извлечения исторических уроков, но одновременно самой существенной составной частью общих преобразований»²⁴.

В последней статье («Диктатура пролетариата России и демократия») автор, отвечая на поставленные ранее вопросы, начинает правильно оценивать характер и политику пролетарской диктатуры и уделяет большое внимание значению Советов.

Во втором разделе статьи, опубликованной 29 августа, автор переходит от общей характеристики диктатуры пролетариата к конкретному анализу советской ее формы, к анализу новых органов власти, возникших вместо старого аппарата угнетения. Он с гневом обрушивается на буржуазную прессу, допускающую бесчисленные выпады и издевки по адресу Советской власти, якобы забывшей об идеалах демократии. «Социалисты тем всегда собственно и отличались от буржуазных демократов, — пишет автор, — что никакой механизм политической жизни не был для них *идеалом* — он был всегда только *средством, оружием* в борьбе за настоящий идеал, за *ликвидацию эксплуатации и всяких общественных привилегий*. Если это оружие, каким являются те или иные формы политической жизни, тормозит борьбу за освобождение, то это оружие отбрасывается без малейшего ущерба для самого идеала». Так, отмечает автор, Учредительное собрание было распущено, ибо «уже возникла другая форма народовластия, лучше отвечающая задачам момента и цели привлечения трудящихся масс к активной роли в политической жизни: речь идет о Советах»²⁵.

Обращаясь к истории Советов, автор правильно характеризует их возникновение как создание органов борьбы рабочего класса и прослеживает их действия, опираясь на Конституцию, принятую V съездом Советов. Совершенно справедливо он указывает на то, что Советы используют не только опыт борьбы пролетариата в Октябрьской революции, но и всю долговременную практику работы и борьбы других политических организаций рабочего класса, успешно заменяя при этом прежние парламентские

²⁴ «Głos Robotniczy», 15.VIII 1918.

²⁵ «Głos Robotniczy», 29.VIII 1918.

формы власти. «Новая организация народовластия, — пишет В. Костшева, — разрешает одним махом вопросы, которые давно будили беспокойство в социалистическом лагере и вызывали сомнения в целесообразности участия в парламентской жизни. Ибо прежняя парламентская система не привлекала массы к активному участию в политической жизни... Все эти недостатки ликвидирует новая государственная организация, которая все ячейки коллективной жизни объединяет в одно целое, ликвидирует прежние искусственные преграды, делает органы самоуправления составной частью общегосударственного организма, устанавливает тесную связь между законодательными и исполнительными властями, вводит принцип частого повторения выборов и т. д.»²⁶

Так впервые в прессе ППС-левицы появляется подробное описание новой формы пролетарской диктатуры, возникшей в молодой Советской республике, — системы Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. И появляется оно не только как информация об опыте рабочего класса России, но и как теоретическое обоснование новаторства, гибкости и преимуществ этой формы власти. Таким образом, именно Вере Костшевой (Марии Кошутской), одному из видных руководителей и теоретиков ППС-левицы, а затем Коммунистической партии Польши, принадлежит заслуга теоретического осмысления и популяризации в польском рабочем классе Советов как принципиально новой формы власти²⁷.

Активными популяризаторами идей Октябрьской революции, в том числе и Советов, стали и другие деятели ППС-левицы, вернувшиеся из России в Польшу осенью 1918 г. В их числе был прибывший в Лодзь Генрик Битнер (Бич) — кандидат по списку большевиков Румынского фронта в Учредительное собрание, член революционного комитета 8-й армии, участвовавший в организации Красной Армии в феврале 1918 г.²⁸ В середине 1918 г. в Польшу руководством партии был направлен Мирослав Здзярский — участник Октябрьского вооруженного восстания в Москве, один из организаторов Польского комиссариата в Московском округе. Он включился в работу в Плоцке осенью, так как на границе был задержан германскими властями и отправлен в лагерь в Модлине, откуда ему удалось бежать. В Плоцке и Влоцлавеке он выступал на митингах и собраниях, рассказывал о событиях в Советской России²⁹.

Варшавская конференция ППС-левицы, состоявшаяся в начале октября 1918 г., продемонстрировала дальнейшее идеологическое созревание партии. Сообщая об этой конференции, «Глос роботничы» отмечал: «Выдвинутый партией еще на радомском совещании лозунг диктатуры пролетариата, наполняясь все более конкретным содержанием, требовал обсуждения форм и способов, а также путей, которыми рабочий класс будет двигаться в направлении осуществления этого лозунга, а также содержания, которое он в этот лозунг вкладывает»³⁰. В резолюции конференции о политическом положении и задачах партии указывалось, что момент перехода власти в руки пролетариата приближается, и выдвигалась задача «создания массового представительства всех рабочих, которое было бы основой для будущего революционного правительства»³¹, т. е. партия практически приближалась к выдвиганию лозунга образования Советов.

Таким образом, к осени 1918 г. СДКПиЛ и ППС-левица стояли на

²⁶ «Głos Robotniczy», 29.VIII 1918.

²⁷ Цикл статей В. Костшевой опубликован в собрании ее сочинений (M. Koszutska — W. Kostrzewa. Pisma i przemówienia, t. I. Warszawa, 1961, стр. 237—255).

²⁸ «Z Pola Walki», 1958, № 1, стр. 234—236.

²⁹ «Z Pola Walki», 1960, № 2, стр. 119.

³⁰ «Głos Robotniczy», 7.XI 1918.

³¹ Там же.

позициях революционного выхода из войны, организации сил рабочего класса на борьбу за диктатуру пролетариата и преодоления раскола. К моменту ликвидации оккупации лозунг создания Советов стал лозунгом действия и для польского рабочего класса. В воспоминаниях коммунистов Домбровского бассейна отмечается, что 29 октября окружной комитет СДКПиЛ обсуждал в Бендзине вопрос об организации Советов и Красной гвардии³². Известна распространявшаяся 2 ноября в Домбровском бассейне листовка окружного комитета ППС-левицы «Близится день освобождения», призывавшая рабочих создавать, «как это сделали трудящиеся массы в России, Австрии и других странах, зачатки своей пролетарской власти, Советы рабочих депутатов в городе и деревне» и Красную гвардию³³.

Одновременно с развалом оккупационного режима и созданием соглашательского «народного» правительства в разных концах страны началось создание Советов. 5 ноября возник Совет рабочих депутатов в Люблине, 8 ноября — в Домброве и т. д.

В жизни СДКПиЛ сразу наступили серьезные изменения: в Варшаву вернулись освобожденные германской революцией руководители партии, в том числе Ф. Гжельщак, варшавская партийная организация была восстановлена. По решению ЦИК групп СДКПиЛ в Варшаву снова приехал С. Будзыньский, который вскоре был избран в Главное правление. «Варшавский комитет и Главное правление СДКПиЛ, — пишет З. Окренг, — констатировав, что возникла совершенно новая политическая ситуация, ... очень активно развернули вместе с ППС-левицей кампанию по выборам в Советы рабочих депутатов...»³⁴.

Обе партии почти одновременно начинают борьбу за создание единой марксистской партии, которая возглавила бы борьбу рабочего класса³⁵ и организацию сил всего рабочего класса в Советах.

Начало создания Советов в Польше совпало с празднованием годовщины Великой Октябрьской революции. Главное правление СДКПиЛ выпустило по этому случаю листовку «В годовщину победы трудового народа. 7 ноября 1917—7 ноября 1918», в которой, перечисляя завоевания русской революции, призывало последовать примеру своих товарищей по оружию и провозглашало: «Нашим правительством будет правительство Советов рабочих и крестьян!»³⁶. Возобновившая свое издание социал-демократическая «Наша трибуна» 9 ноября выступила со статьей «Год пролетарской революции», которую посвятила истории создания Советов и превращения их в органы власти. Напомнив о революции 1905—1907 гг., газета писала: «И как тогда, так и теперь, пролетариат России выковывает новые формы и новое оружие не только для себя, но и для всего международного пролетариата. В 1905 г. он выдвинул массовую политическую стачку, и пролетариат Европы включил это средство борьбы в арсенал своего оружия. В 1917 г. он создал Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — теперь уже почти вся народная Европа перенимает у России эту форму организации и борьбы. И рабочая Европа пойдет дальше, переймет ту форму государства, которая не возникала до этого ни в чьей голове, которая была порождена самой диктатурой пролетариата: социалистическую республику Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов»³⁷.

³² А. Kałuża, S. Poprawska. Указ. соч., стр. 15—16.

³³ «Документы и материалы...», т. I, стр. 467—470.

³⁴ AZHP, Okręg Zygmunta-7100.

³⁵ См. об этом: И. Яжборовская. К истории образования Коммунистической рабочей партии Польши. «Из истории польского рабочего движения». М., 1962.

³⁶ «Socjaldemokracja Królestwa Polskiego i Litwy. 1914—1918. Materiały i dokumenty», Oprac. B. Szmidt. Moskwa, 1936, стр. 295.

³⁷ «Nasza Trybuna», 9.XI 1918.

«Глос роботничы» 10 ноября в статье «Как и почему большевики пришли к власти» отмечал, что Советы — не только органы борьбы, что через них будет осуществляться диктатура пролетариата, что на них «должны опираться рабочие правительства»³⁸.

Эти мысли красной нитью проходили через все выступления представителей СДКПиЛ и ППС-левицы на многочисленных митингах, во время массовых демонстраций, сопровождавших празднование годовщины Великого Октября и возникновение новых Советов³⁹. Почва для восприятия этих идей, для превращения их в руководство к действию была в этот период чрезвычайно благодатная. Всего было создано около 120 Советов, объединявших в основном городской пролетариат и представлявших около 0,5 млн. человек⁴⁰.

В Варшаве образованию Совета предшествовало большое собрание по случаю годовщины Октябрьской революции, организованное СДКПиЛ и ППС-левицей. Перейдя к обсуждению положения в Польше, выступавшие призывали «к мобилизации сил рабочих, которые должны сгруппироваться вокруг собственных Советов рабочих депутатов, добываясь полноты власти для этих Советов»⁴¹.

В Сосновце отчетное профсоюзное собрание с участием 3 тыс. человек, организованное правлением Союза металлистов, при участии руководителей СДКПиЛ и ППС-левицы превратилось в революционную манифестацию. В связи с новой политической ситуацией повестка дня была изменена. От имени ППС-левицы выступил С. Круликовский, от имени СДКПиЛ — С. Будзыньский. Они говорили о необходимости создания Советов, ссылаясь на пример пролетариата России. С. Будзыньский напомнил рабочим, «кем являются большевики, чего они хотят и почему буржуазия так их ненавидит». Он подробно рассказал об Октябрьской революции, активным участником которой был. Собравшиеся с энтузиазмом приняли приветственную резолюцию в адрес революционного пролетариата России и Германии. Было решено провести на всех шахтах, фабриках и металлургических заводах массовые собрания и немедленно приступить к выборам⁴². В Лодзи выборам в Совет также предшествовали массовые собрания, организованные обеими партиями и прошедшие под теми же лозунгами.

СДКПиЛ и ППС-левица повсеместно проводили избирательную кампанию под лозунгами организации сил пролетариата и создания Советов как органов революционной борьбы. 10 ноября из руководящих деятелей обеих партий был образован Межпартийный совет. В определении его полномочий указывалось, что в Советах рабочих депутатов обе партии действуют вместе, что в совещаниях, касающихся Советов, представители обеих партий участвуют на паритетных началах, что партии имеют равное представительство и т. д.

Главное правление СДКПиЛ вместе с Центральным рабочим комитетом ППС-левицы и Советом профсоюзов Варшавы издало общую листовку «К рабочим города и деревни», являвшуюся избирательной платформой этих организаций. «... Выбирайте таких депутатов, — говорилось в этой листовке, — которые будут стремиться к взятию всей политиче-

³⁸ «Głos Robotniczy», 10.XI 1918.

³⁹ Подъем был выше всего на территории б. Королевства Польского и западной части Малой Польши. В землях бывшего немецкого захвата в создании Советов участвовали в основном солдаты немецкой армии и Советы были подчинены руководству шейдемановцев. Советы в Верхней Силезии действовали независимо от общепольского движения.

⁴⁰ H. Bicz. Rady Delegatów Robotniczych w Polsce w 1918—1919 r. Moskwa, 1934, стр. 10.

⁴¹ Там же, стр. 61.

⁴² Там же, стр. 138—139.

ской власти Советами рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, к созданию рабочего правительства — диктатуры пролетариата. Выберите таких депутатов, которые будут бороться за ликвидацию всякого гнета и эксплуатации путем экспроприации собственности буржуазии и передачи всех фабрик, шахт и земли в собственность всего общества...»⁴³. Платформа включала требования 8-часового рабочего дня (на шахтах — 6-часового), прекращения спекуляции и ростовщичества, справедливого решения жилищного вопроса, распределения предметов первой необходимости и т. д.

В условиях повсеместного создания Советов 14—15 ноября состоялась общепартийная конференция СДКПиЛ, которая определила направление работы партии следующим образом: организовывать Советы рабочих депутатов в городе и деревне как органы борьбы за диктатуру пролетариата и объединять вокруг них весь рабочий класс⁴⁴, разоблачая политику буржуазии и мелкобуржуазный радикализм и противопоставляя буржуазно-демократическому лозунгу Учредительного собрания (конституанты) пролетарский лозунг создания Советов.

Партия недооценивала революционные возможности других слоев населения. Недостаточное внимание к вопросам стратегии и тактики было связано также с теорией одновременной победы социализма во всех или нескольких странах и ориентацией на быстрое развитие мировой революции. Вместе с тем партия правильно понимала свою первоочередную задачу — завоевание и организацию рабочего класса и указывала на необходимость «заострения и углубления ежедневных стычек в связи с вопросами заработной платы, безработицей, продовольственными и жилищными спекуляциями, локаутами, саботажем и т. д. и введения их в русло борьбы за диктатуру пролетариата»⁴⁵. Резолюция конференции ориентировала на быструю мобилизацию сил пролетариата, на активное противодействие всем элементам, отвлекающим пролетариат от решения его классовых задач и задерживающим его классовое самоопределение, основное условие его боеспособности. «Задача нашей партии, — говорилось в этой резолюции, — ... стремиться к организации пролетариата как самостоятельной силы и к переходу в его руки политической власти»⁴⁶. Конференция определила формы организаторской работы партии. Если уже в конце лета — начале осени по указанию Главного правления СДКПиЛ начали создаваться склады оружия, а накануне ликвидации речь шла о создании «по примеру Советской России» Красной гвардии⁴⁷, то к началу конференции Красная гвардия уже существовала в целом ряде мест. Конференция определила задачи Красной гвардии совершенно конкретно, связывая ее создание с перспективой объединения всех Советов в единое целое и с завоеванием политической власти в стране: «Организовать непосредственную борьбу за политическую власть путем вооружения народа (создания Красной гвардии) и разоружения буржуазии, путем объединения Советов рабочих депутатов в один централизованный организм, способный взять всю власть в стране в свои руки»⁴⁸.

⁴³ «Документы и материалы...», т. I, стр. 497—498.

⁴⁴ Часто пользуясь ленинским лозунгом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ориентирующим на объединение самых широких слоев трудящихся, польские пролетарские партии не до конца понимали его и обращались лишь к городскому и сельскохозяйственному пролетариату. Задача создания солдатских Советов практически была поставлена Партийным советом КРПП в феврале 1919 г.

⁴⁵ «Socjaldemokracja...», стр. 324.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ AZHP, Okręg Zygmunt-7100.

⁴⁸ «Socjaldemokracja...», стр. 324.

Работа в Советах, как отмечалось в решении, должна была и впредь проводиться на основе избирательной платформы, опубликованной в воззвании «К рабочим города и деревни», подписанном обеими революционными партиями (совместно с Советом профсоюзов).

Создание Советов сразу натолкнулось на решительное сопротивление ППС-«фракции», которая активно выступала против избирательной платформы СДКПиЛ и ППС-левицы, допуская националистические выпады против Октябрьской революции и пролетариата России, мешая проведению предвыборных собраний и т. п.⁴⁹ Она старалась ориентировать рабочий класс на поддержку «народного» правительства. Печать СДКПиЛ и ППС-левицы систематически разъясняла, что соглашательские «народные» правительства не решат задачи социального освобождения польского народа, что они лишь прикрывают готовящееся наступление реакции⁵⁰. Ежедневно события подтверждали правоту этих партий. Правительство Морачевского отложило все обещанные реформы до созыва сейма; принятые им декреты, отвечавшие отдельным требованиям трудящихся, касались уже проведенных явочным порядком мер (например, декрет о 8-часовом рабочем дне, о введении охраны труда и т. д.). Поддерживая у трудящихся иллюзии о том, что все назревшие социальные проблемы будут разрешены при помощи сейма, «народное» правительство все чаще переходило к репрессивным мерам против революционных сил, возобновило действие царского законодательства⁵¹.

Когда движение по созданию Советов охватило широкие слои рабочего класса, руководство ППС-«фракции» изменило свою тактику и, дабы не потерять влияние, приняло участие в избирательной кампании. В Люблине, Жирардове, Плоцке и некоторых других городах, где влияние этой партии было преобладающим, она получила в Советах большинство и стала навязывать им свою программу поддержки «народного» правительства и сведения деятельности к участию в совещательных органах при нем⁵².

Линию ППС-«фракции» концентрированно выразила статья И. Дашинского «О компетенции Рабочих советов». Демагогически отмечая, что «от счастливого и разумного начала в этой в будущем мощнейшей организации зависит много первостепенных дел огромного значения», Дашинский предостерегал рабочих «от одной ошибки» — взятия в свои руки руководства промышленным производством. Ссылаясь на опыт, накопленный «в других местах», он утверждал, что в условиях развала экономики только правительство может наладить хозяйство. «Поэтому, — писал Дашинский, — рабочие, а особенно их органы — Рабочие советы — должны идти рука об руку с правительством», «твердо его поддерживать, и тогда идея обобществления выиграет от этого чрезвычайно»⁵³.

Там, где ППС-«фракция» большинства не получила, она, не будучи в силах снизить огромную популярность лозунга Советов, стала создавать (часто путем назначения) сепаратные, изолирующие своих членов и сторонников от влияния Советов рабочих депутатов «Рабочие советы». Например, 21 ноября из Варшавского Совета были отозваны руководством все члены ППС-«фракции» и в Варшаве был образован подобный «Рабочий совет».

Так, при возникновении Советов снова и со всей силой проявился раскол польского рабочего движения, подрывавший боеспособность рабочего класса.

⁴⁹ «Głos Robotniczy», 23, 27.XI 1918; «Nasza Trybuna», 6.XII 1918 и др.

⁵⁰ «Głos Robotniczy», 21.XI 1918; «Nasza Trybuna», 29.XI 1918 и др.

⁵¹ H. Jabłoński. Указ. соч., стр. 503—508.

⁵² «Głos Robotniczy», 12.XI, 4, 12.XII 1918 и др. «Nasza Trybuna», 6.XII 1918; «Sztandar Socializmu», 1, 3, 12.I 1919 и др.

⁵³ «Naprzód», 24.XI 1918.

СДКПиЛ и ППС-левица бросили свои лучшие силы на организацию Советов, на конкретное руководство борьбой масс. Работа в Советах стала основной сферой деятельности этих партий. Ф. Гжельщак был избран председателем Варшавского Совета рабочих депутатов, членами его исполкома стали А. Варский и Г. Валецкий, председателями Совета Домбровского бассейна были Г. Битнер (Бич) и Л. Шмидт, активное участие в его работе принимали Ю. Красный, Л. Пурман, в Лодзи в Совете работали В. Гибнер, И. Граляк. В люблинском Совете активно работал участник Октябрьской революции, бывший комиссар по польским делам в Смоленске Я. Дюперо. Постоянными и ведущими докладчиками в ходе избирательной кампании были активные участники Октябрьской революции С. Будзыньский и С. Круликовский. С разъяснением задач Советов и их функций они выступали на собраниях и митингах в разных концах страны — в Варшаве, Лодзи, Домбровском бассейне и т. д. О блестящем ораторском искусстве С. Будзыньского, об убежденности его в огромном значении социалистической революции в России для будущего Польши пишет в своих воспоминаниях И. С. Паперников, встречавшийся в 1917 г. с этим, как он отмечает, «несгибаемым революционером», «хорошо знавшим марксистскую литературу»⁵⁴.

Периодическая печать СДКПиЛ и ППС-левицы, к которой прибавились бюллетени, издававшиеся Советами, уделяла основное внимание определению задач и перспектив развития последних. Обе партии выдвинули на первый план задачу объединения параллельных и создания единых Советов и таким образом расширить доступ к самым широким слоям рабочего класса, к слоям, находившимся под влиянием ППС-«фракции» и польской буржуазии, чтобы, используя трибуну Советов и высокую активность рабочего класса, прийти к нему со своей программой и, преодолевая соглашательство и национализм, объединить его силы и направить рабочее движение по революционному пути.

24 ноября «Гłos robotniczy» опубликовал статью М. Здзярского (под псевдонимом Р. Мирский) «От органов борьбы к органам власти». Используя свой опыт работы в революционной России, автор указывал на необходимость постепенного подведения широких масс, а не только «сознательных элементов пролетариата», к решению важнейших политических вопросов, к преодолению соглашательства, подчеркивал сложность задач, стоявших перед Советами, напоминал о возможности заговоров и даже мобилизации «всего буржуазного лагеря» против Советов и т. д.⁵⁵

В тот же день в районе Варшавы — Праге — с докладом о целях и задачах Советов выступил С. Круликовский. Изложение его доклада, выступления С. Будзыньского и резолюция собрания, в которой значительное место было уделено созданию единых Советов, были опубликованы в «Глосе robotniczym»⁵⁶.

29 ноября программную редакционную статью «Советы рабочих депутатов» опубликовала «Наша трибуна». Обобщая опыт международного рабочего движения, газета подчеркивала значение создания пролетариатом новой формы политической организации общества — Советов, более полно отражающей интересы рабочего класса, чем буржуазный парламентаризм. Особенно подробно, параллельно с анализом опыта Советской власти в России и с критикой платформы ППС-«фракции», разбирался вопрос о необходимости завоевания большинства рабочего класса на свою сторону и борьбы за власть. Ссылаясь на пример борьбы большевиков за массы в период от Февраля к Октябрю, газета писала:

⁵⁴ «Z Pola Walki», 1962, № 3, стр. 150.

⁵⁵ «Głos Robotniczy», 24.XI 1918.

⁵⁶ «Głos Robotniczy», 27.XI 1918.

«... „Фракция“» повторяет попытку одурачить рабочие массы, которую предпринимали в России Церетели и Скобелев после Февральской революции. Российские социал-обманщики обожгли себе руки при этой попытке. Чем больше русское Временное правительство становилось слугой интересов буржуазии, тем лучше рабочие понимали, что их интересы может защитить только их собственная классовая власть. Все более широкие массы собирались под знаменем большевиков-коммунистов. А по мере того, как эти рабочие отзывали своих старых депутатов из Советов и выбирали новых, Советы становились органами, выражающими сознательное стремление рабочих к политической власти. Результатом этого была Октябрьская революция. Власть перешла в руки Советов».

«Наша трибуна» подчеркивала, что аналогичный механизм общественной борьбы ведет к пролетарской революции и в Польше. Она писала: «ППС-«фракцию» с ее попытками обмануть рабочих ждет такая же участь, как и ее коллег в России. Советы не пойдут на поводу у буржуазной политики. Смешно надеяться, что можно создавать широкие рабочие организации — и удержать их от борьбы за классовые интересы пролетариата. Между Советами рабочих депутатов и так называемым «народно-социалистическим» правительством должна разгореться борьба! Каждый частный вопрос — вопрос ли зарплаты и рабочего дня, вопрос ли дороговизны и жилищных спекуляций, или безработицы — будет демонстрировать неразрешимое противоречие между буржуазным правительством и классовыми интересами пролетариата. Октябрь в Польше должен наступить!»⁵⁷.

Те же идеи широко пропагандировались и через печатные издания Советов. Например, в первом номере «Ведомостей рабочих депутатов г. Варшавы», вышедшем при активном участии Ю. Красного⁵⁸, в статье «Цели и задачи Советов» говорилось: «... Постепенно разные направления, представленные в рабочем движении, сталкиваясь друг с другом, проходя через горнило жизни и опыта, продемонстрируют свою истинную ценность, усилятся или обанкротятся. Колебания, оппортунизм, национализм, тенденция к сотрудничеству с буржуазией уступят место лозунгам борьбы за диктатуру пролетариата, за господство рабочего класса, за свержение капитализма...»⁵⁹.

Борьба СДКПиЛ и ППС-левицы с ППС-«фракцией» за единые Советы, носившая на местах очень напряженный характер и получившая поддержку среди рядовых членов последней⁶⁰, привела к их объединению. Основная причина этого заключалась в том, что Советы рабочих депутатов, в которых большинство принадлежало сторонникам и членам СДКПиЛ и ППС-левицы, последовательно и энергично защищали насущные интересы рабочего класса, что способствовало быстрому росту популярности этих Советов в массах. В центре внимания Советов рабочих депутатов с самого начала оказались вопросы сокращения рабочего дня, увеличения зарплаты, борьбы с саботажем капиталистов, улучшения продовольственного снабжения, конфликты с домовладельцами и т. п. Вынося решения по этим наиболее острым и актуальным для всего пролетариата вопросам, Советы добивались проведения этих решений в жизнь, прибегая к помощи испытанного оружия — массовых стачек. Стаечное движение переживало период мощного подъема. Если за весь 1917 г. в Варшаве было 27 стачек, то в декабре 1918 г. — январе 1919 г. их было 14⁶¹. Деятельность Советов рабочих депутатов способствовала

⁵⁷ «Nasza Trybuna», 29.XI 1918.

⁵⁸ ППА ИМЛ, ф. 124, оп. 1, д. 970, л. 6.

⁵⁹ «Wiadomości Rady Delegatów Robotniczych m. Warszawy», 4.XII 1918.

⁶⁰ «Głos Robotniczy», 19, 23, 27.XI 1918; «Nasza Trybuna», 29.XI 1918; «Socjaldemokracja...», стр. 334—335 и др.

⁶¹ T. Szturm de Sztrem. Walka o płace zarobkowe. Warszawa, 1922, стр. 15.

реальному улучшению жизненного уровня и дальнейшему развертыванию инициативы рабочего класса.

Налаживая работу Советов, их комиссий, фабричных и домовых комитетов, СДКПиЛ и ППС-левица (а после их объединения 16 декабря 1918 г. — КРПП) опирались на революционный опыт Страны Советов, на опыт участников Октябрьской революции. Например, подробные инструктивные статьи «Фабричные комитеты» и «Домовые комитеты», опубликованные в газете «Гłos robotniczy», были написаны С. Круликовским⁶². На рабочих собраниях и митингах, на заседаниях городских советов, в печати⁶³, в просветительном обществе «Ведза robotnicza», где читались лекции «Как возникли и чем являются Советы рабочих депутатов», «Задачи домовых комитетов» и др.⁶⁴, а особенно в Советах эти партии знакомили массы с опытом борьбы рабочего класса молодой Советской республики.

Лидеры ППС-«фракции» старались, особенно после объединения Советов, нейтрализовать влияние идей и примера Октябрьской революции, оклеветать политику Советского правительства, очернить его мероприятия. Вслед за буржуазной печатью они повторяли утверждения о «реакционности» Советов в России, об «одичании» страны и т. д.⁶⁵ и обвиняли СДКПиЛ, ППС-левицу, а затем КРПП в «большевизме», в навязывании польскому рабочему классу чуждых идей и настроений.

«Наша трибуна» в цитировавшейся выше статье «Советы рабочих депутатов» специально обращала внимание на то, что борьба пролетариата за власть — результат закономерного развития общества, что она с неизбежностью возникает или возникнет в каждой стране и не является монополией России. «Советы рабочих и солдатских депутатов — это не слепое повторение русских образцов, — подчеркивала газета. — Это закономерное явление — явление организации сил пролетариата для установления его диктатуры»⁶⁶. Это положение подтверждалось революционными событиями в Германии, Австрии и других странах. Польская революционная печать детально и систематически освещала эти события, в частности создание и деятельность Советов в Германии. При этом отмечался и критиковался оппортунизм правого руководства социал-демократии. В. Костшева, следя за событиями в Германии, в статье «Радикализм польского социализма» анализировала причины большей революционности Польши по сравнению с Германией, «классической» страной социализма⁶⁷. В. Врублевский в статье «Учредительное собрание или диктатура?» выражал надежду на ускорение темпа революционных преобразований в Германии⁶⁸.

Лозунг создания органов борьбы пролетариата, перспектива превращения их в органы власти были хорошо понятны передовой части польского пролетариата и полностью вытекали из понимания своих задач. Об этом убедительно свидетельствуют даже самые первые решения, принятые Советами рабочих депутатов. На первом же заседании Совета в Домброве было решено обратиться к рабочим всей страны с манифестом, «призывающим к созданию Советов депутатов в городе и деревне и к подготовке к взятию власти в свои руки»⁶⁹. Варшавский Совет рабочих де-

⁶² «Głos Robotniczy», 29.XI, 1.XII 1918.

⁶³ Например, орган КРПП в Домбровском бассейне — «Комуниста» опубликовал цикл статей «В Донецком бассейне», содержащий материал о мероприятиях Советской власти в Донбассе, о положении горняков и т. д. (см.: «Komunista», Zagłębie Dąbrowskie, 19.I 1919 и др.).

⁶⁴ «Głos Robotniczy», 28.XI 1918 и др.

⁶⁵ «Głos Robotniczy», 17.XI, 6.XII 1918; «Sztandar Socjalizmu», 3, 16.I 1919.

⁶⁶ «Nasza Trybuna», 29.XI 1918.

⁶⁷ «Głos Robotniczy», 27.XI 1918.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ «Głos Robotniczy», 17.XI 1918.

путатов, объединявший революционную часть пролетариата Варшавы (в этот Совет был избран также ряд революционно настроенных членов ППС-«фракции», принявших участие в выборах), принимая на своем втором заседании 16 ноября 1918 г. резолюцию по докладам С. Будзыньского и С. Круликовского, проявил полное понимание характера «народного» правительства и указал на необходимость разоблачения его в глазах широких масс и последующего свержения. «Наш лозунг — вся власть в руки Советов рабочих депутатов в городе и деревне»⁷⁰, — говорилось в резолюции Совета о политическом положении.

Передовая часть польского рабочего класса, объединенная в ноябре в Советы рабочих депутатов, прочно стояла на платформе диктатуры пролетариата, а также осваивала основы марксистско-ленинской теории пролетарской революции и опыт тактики большевиков в борьбе за массы.

В ведущих Советах — Варшавы, а особенно Домбровского бассейна — где преобладающим влиянием все время пользовались СДКПиЛ и ППС-левица, а после их объединения — КРПП, обсуждался вопрос о проведении социалистических преобразований в экономике: о подготовке к взятию в свои руки руководства промышленностью при помощи рабочего контроля, фабрично-заводских комитетов и т. д. Например, в Совете рабочих депутатов Сосновецкого округа при рассмотрении основного вопроса повестки дня («Цели и задачи Советов») обсуждение сосредоточилось вокруг проблемы, «может ли рабочий класс одним актом взять на себя руководство хозяйственной жизнью, или же сначала нужно создать комиссии контроля, при помощи которых Совет рабочих депутатов постепенно будет брать в свои руки руководство производственной жизнью и власть». В ходе обсуждения подчеркивалась необходимость завоевания доверия широких трудящихся масс, подготовки к переходу управления шахтами и фабриками в руки рабочих. Решение по этому вопросу гласило: «Совет рабочих депутатов Сосновецкого округа поручает своему Исполнительному комитету выработать план перехода в руки рабочих разных отраслей экономики Домбровского бассейна»⁷¹. 1 декабря 1918 г. в Сосновце состоялось собрание шахтных и фабричных комитетов. В резолюции собрания было записано, что эти комитеты — мощный фактор в борьбе пролетариата с капиталом за социализм, что «пока власть не вырвана из рук буржуазии, комитеты должны стать рабочими органами, контролирующими хозяйственную деятельность капиталистов»⁷².

В Домбровском бассейне, где в этот период рабочий класс был самым высококонцентрированным и организованным, идеи социализма проникли в массы наиболее глубоко. Здесь удалось с помощью организационного объединения отдельных Советов в единый Совет Домбровского бассейна систематически поднимать рабочих на массовые стачки в поддержку экономических мероприятий Советов и с политическими требованиями. В руки Совета частично перешла административная власть в бассейне. Он оказывал могучее воздействие на экономическую жизнь. Красная гвардия, насчитывавшая здесь около 2' тыс. человек и возглавлявшаяся коммунистами — руководителями Совета (в частности, Г. Битнером-Бичем⁷³), в ряде мест полностью контролировала положение.

Мощный революционный подъем привел в этом районе страны к возникновению некоторых элементов двоевластия.

⁷⁰ «Rady Delegatów Robotniczych w Polsce. 1918—1919. Materiały i dokumenty», t. I. Warszawska Rada Delegatów Robotniczych. Warszawa, 1962, стр. 39.

⁷¹ «Wiadomości RDR okręgu Sosnowieckiego», 17.XI 1918.

⁷² «Głos Robotniczy», 5.XII 1918.

⁷³ См. воспоминания инструктора Центрального военного отдела КРПП Л. Мальчевского. ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 625, л. 1—9. Отряды Красной гвардии были созданы в разных концах страны, но нигде это движение не достигло такого размаха, как в Домбровском бассейне. Наиболее активную роль в деятельности

16 декабря 1918 г. состоялся объединительный съезд СДКПиЛ и ППС-левицы и была образована Коммунистическая рабочая партия Польши. Платформа объединения, принятая съездом и ставшая первой программой КРПП, заключала в себе убедительное свидетельство того, что партия становилась руководителем борьбы широких трудящихся масс.

Задачи революции в Польше формулировались в этом документе следующим образом: переход власти в руки пролетариата города и деревни, организованного в Советы рабочих депутатов, и восстановление экономики «на принципах общей собственности на средства производства и землю»⁷⁴.

В разделе «Ближайшие задачи партии» указывалось на необходимость продолжения борьбы за отмежевание пролетариата от буржуазии, свержения капитализма, разоблачения реакционной сущности лозунгов буржуазных партий, национализма и соглашательства ППС-«фракций», сепаратизма и оппортунизма Бунда и воспитания рабочего класса Польши в духе пролетарской солидарности.

В решениях съезда ставилась задача самого активного участия в создании Советов рабочих депутатов как представительства всего пролетариата и объединения их «в один большой централизованный организм, способный взять в свои руки всю власть», в подготовке и организации «непосредственной борьбы за политическую власть»⁷⁵. Поставив перед польским пролетариатом задачу завоевания власти, КРПП, однако, не учитывала, что пролетариат не может взять власть и строить новое общество, не опираясь на непролетарские трудящиеся массы, не ведя их за собой. Решения I съезда КРПП игнорировали вопрос о возможных союзниках пролетариата. Они отразили непонимание партией этой закономерности пролетарской революции и связанные с этим не изжитые ошибки в аграрном и национальном вопросе, в частности в вопросе о создании независимого польского государства.

После того как Советы в декабре 1918 г. — январе 1919 г. объединились и стали ареной борьбы между КРПП и ППС, первая медленно, но неуклонно завоевывала позиции в рабочем классе⁷⁶. Ее популярность росла после каждого успеха в экономической области, достигнутого вопреки сопротивлению руководства ППС. Преодолевая препятствия, чинимые этим руководством при обсуждении Советами политических вопросов, КРПП неуклонно разъясняла, ссылаясь на пример тактики большевиков, что Советы не должны терять перспективы объединения своих сил и борьбы за диктатуру пролетариата⁷⁷.

Антирабочая политика «народного» правительства⁷⁸, систематический саботаж работы Советов либо срыв их мероприятий руководством ППС содействовали убеждению масс в правильности политики коммунистов и

Красной гвардии играли участники Октябрьской революции. Интересно указание З. Окрента на то, что «боевые группы Красной гвардии состояли в основном из сочувствующих и членов партии, вернувшихся из Советской России» (AZHR, Okręt Zygmunt-7100).

⁷⁴ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. I. Warszawa, 1954, стр. 42.

⁷⁵ Там же, стр. 45.

⁷⁶ «Nasza Trybuna», 13.XII 1918; W. L. Karwaski. Указ. соч., стр. 24.

⁷⁷ «Nasza Trybuna», 6.XII 1918; «Socjaldemokracja...», стр. 334—335; W. L. Karwaski. Указ. соч., стр. 25.

⁷⁸ По случаю расстрела 29 декабря на Саксонской площади в Варшаве рабочей демонстрации протеста против ареста членов миссии советского Красного Креста Варшавское пресс-бюро сообщало: «В рядах ППС эти события вызвали угнетенное настроение, ибо стало ясно, что влияние ППС из-за этого упало и что

распространению идеи диктатуры пролетариата в массах. Там, где Советы прерывали свою работу из-за саботажа ППС, коммунисты организовывали массовые собрания с разъяснением задач Советов, разоблачая соглашательство и добиваясь продолжения их работы.

Отчет мандатной комиссии Варшавского Совета рабочих депутатов о ее деятельности с 13 декабря 1918 г. по 7 марта 1919 г., включавший данные о составе Совета по партийной принадлежности, свидетельствует о том, что соотношение сил КРПП и ППС близилось в центральном Совете страны к равновесию. Число коммунистов достигло 305, а вместе с сочувствующими — 338, число членов ППС соответственно 313 и 391⁷⁹. Примерно такие же данные получились при подсчете соотношения сил на заседании Совета 14 января, когда избирался исполком: за КРПП голосовало 296 делегатов, за ППС — 333⁸⁰.

Именно этими данными располагал В. И. Ленин, когда в докладе о партийной программе 19 марта 1919 г. говорил: «У поляков идет самоопределение пролетариата. Вот последние цифры относительно состава Варшавского совета рабочих депутатов: от польских социал-предателей — 333, от коммунистов — 297. Это показывает, что там по нашему революционному календарю недалеко уже Октябрь. Это — не то август, не то сентябрь 1917 года»⁸¹.

Такое соотношение сил, показывающее постепенный, но неуклонный рост коммунистического влияния на пролетариат, было характерно для всего Королевства Польского. По подсчетам Г. Бича, охватывавшим материалы 19 крупных Советов, представлявших 221 тыс. рабочих (из общего числа более чем полумиллиона избирателей), за ППС голосовало 70 тыс., за КРПП — 63 тыс. человек⁸².

Партийный совет КРПП в середине февраля 1919 г. констатировал укрепление партии в ходе работы в Советах, усиление ее руководящей роли и влияния. Как показали отчеты окружных партийных организаций, во всех концах страны возникали новые партийные ячейки, охватывавшие не только промышленные центры, но и целый ряд небольших городов и местечек. Партия пользовалась влиянием более чем в 80 городах и местечках б. Королевства Польского и насчитывала не менее 7 тыс. членов. Организации работали чрезвычайно активно (чему в немалой степени способствовало возвращение тысяч рабочих из России и Германии). В Домбровском бассейне, например, коммунистами было организовано 26 митингов, они выступали на 22 собраниях по выборам в сейм, провели 80 партийных собраний, в том числе 18 районных партийных собраний и одну окружную конференцию⁸³. В Лодзи, по подсчетам В. Л. Карвацкого, во второй половине декабря 1918 г. — январе 1919 г. КРПП провела 75 митингов с участием 32 тыс. человек, три межрайонных собрания с участием 350 человек, 20 районных собраний, на которых

это равносильно самоубийству правительства в глазах рабочих» («Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. II, док. 36).

⁷⁹ AZHP, 167/II, t. I.

⁸⁰ «Sztandar Socjalizmu», 16.I 1919.

⁸¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 153. 31 августа (13 сентября) 1917 г. в Петроградском, а 5 (18) сентября 1917 г. в Московском Совете рабочих и солдатских депутатов большинство пошло за большевиками.

⁸² H. Bicz. Указ. соч., стр. 10. Остальные избиратели голосовали за другие партии и организации: среди польского пролетариата, кроме КРПП и ППС, работали крайне правый Национальный рабочий союз и находившиеся под влиянием этого союза и национал-демократии желтые «польские» профсоюзы, среди еврейского пролетариата были популярны Бунд, Поалей-сион, Ферайните и Социал-сион.

⁸³ «Sprawozdanie z Rady Partyjnej, zwołanej w połowie lutego 1919». Warszawa, стр. 15, 17.

присутствовало 700 человек, 12 собраний партийных организаций на фабриках, на которых присутствовало 1800 человек, и т. д.⁸⁴

В Советах рабочих депутатов, как показывали отчеты, влияние КРПП продолжало расти. Там, где были проведены новые выборы (в Домбровском бассейне, в Лодзи), число коммунистов в Советах увеличилось. В Люблине, Влоцлавске, Заверче, где ранее в Советах преобладали члены ППС, численность депутатов-коммунистов почти сравнялась с числом непезосовцев, «а благодаря своей ясной позиции и решительной тактике», как отмечалось на партийном совете, они становились «доминирующей и руководящей силой в Советах»⁸⁵.

Особое внимание к работе в массах выразилось также в принятии специального решения о профсоюзах, которые к этому времени значительно активизировали свою деятельность. Как указывалось в отчете, этот вопрос был поставлен на обсуждение в связи с решением задачи «воспитания всего рабочего класса в революционном духе и направления его в целом на путь революции». Во время обсуждения раздавались голоса о необходимости ликвидации раскола профсоюзов и борьбы за влияние на массы в единых профсоюзах⁸⁶.

Партийный совет поставил задачу усиления работы в армии (начитывавшей в январе уже 110 тыс. человек) и подготовки создания Советов солдатских депутатов. Была создана Коммунистическая военная организация, во главе которой стояли участники Октябрьской революции, имевшие большой опыт работы в массах, особенно среди солдат, — С. Будзыньский, видный деятель КРПП Э. Прухняк, бывший комиссар Западной стрелковой дивизии С. Жбиковский и др. В результате деятельности этой организации летом 1919 г. в Варшаве был создан Совет солдатских депутатов⁸⁷.

Следует отметить также решение партийного совета об усилении агитационно-издательской деятельности, в частности указание на необходимость издать «брошюру о большевиках»⁸⁸.

После того как 2 января 1919 г. был обнародован декрет о применении «в исключительных случаях» войск, в Варшаве и Домбровском бассейне было введено особое положение, а 16 января «народное» правительство было отстранено от власти. Было сформировано открыто контрреволюционное буржуазное правительство И. Падеревского, начался поход реакции против Советов. Кровавые репрессии усилились. ППС стала оппозиционной партией, но продолжала в Советах свою прежнюю линию, препятствуя организации сил рабочего класса.

В условиях наступления буржуазии Варшавский Совет рассматривал на чрезвычайном заседании предложение коммунистов о всеобщем вооружении пролетариата и повсеместном создании Красной гвардии, о проведении всеобщей стачки в поддержку этих требований и о переходе к непосредственной борьбе за завоевание пролетариатом политической власти. Однако соотношение голосов было не в пользу КРПП⁸⁹.

Продолжая настойчиво организовывать силы рабочего класса, КРПП ориентировалась на дальнейшее развитие революции. В феврале 1919 г. ЦК КРПП выпустил воззвание «Буржуазное правительство Польской

⁸⁴ W. L. Karwacki. Указ. соч., стр. 21.

⁸⁵ «Sprawozdanie z Rady Partyjnej...», стр. 4.

⁸⁶ Там же, стр. 8. Профсоюзы выступили с предложением созвать общий конгресс профсоюзов. Это предложение было решено вынести на обсуждение съезда Советов (см. «Biuletyn Warszawskiej RDR», 30.III 1919). Об укреплении позиций КРПП в профсоюзах см.: W. L. Karwacki. Walka o władzę w Łodzi 1918—1919. Łódź, 1962, стр. 151—152.

⁸⁷ Z. Szczygierski. Początki działalności KPP wśród żołnierzy (lata 1918—1919). «Wojsko Ludowe», 1958, № 12, стр. 28—41.

⁸⁸ «Sprawozdanie z Rady Partyjnej...», стр. 9.

⁸⁹ «Sztandar Socjalizmu», 7, 15.I 1919.

республики идет по пути насилий и репрессий» с призывом готовиться к общему выступлению пролетариата всей страны⁹⁰. В решении Партийного совета выражалась уверенность, что в ответ на усиление реакции ускорится революционизирование широких пролетарских масс, что антинародная программа правительства окажется невыполнимой и ее провал будет способствовать усилению сил революции, что срок решающей схватки с буржуазией быстро приближается. Партийный совет акцентировал внимание на задачах обострения классовой борьбы и поднятия уровня классового самосознания пролетариата, на задаче разоблачения буржуазного правительства, псевдемократического сейма, демагогических обещаний буржуазных партий и реакционного духовенства, а особенно соглашательства ППС.

Работа КРПП в Советах обогащала партию опытом политической борьбы. Особенно напряженной эта борьба стала в условиях чрезвычайного положения и белого террора, который осуществляло правительство Падеревского. В этих условиях стремление ППС и Национального рабочего союза снизить уровень движения до выставления чисто экономических требований объективно вело к подавлению рабочего движения. КРПП противопоставляла этому направлению целую программу руководства политической борьбой пролетариата — активные кампании протеста против белого террора и захватнической политики польского правительства (митинги, демонстрации и политические стачки, выступления депутатов-коммунистов в Советах, резолюции и декларации коммунистической фракции)⁹¹. Коммунисты старались, активизировав борьбу рабочего класса, добиться объединения Советов в единый политический организм, вооружения рабочего класса и создания Красной гвардии и Красной Армии. Практика борьбы показывала, что обращение к рабочему классу, борющемуся за установление социалистического строя, не исключает, а предполагает постановку демократических задач, в частности отстаивания политических свобод как условия успешного развертывания классовой борьбы. Именно по этому пути КРПП делала первые шаги зимой — весной 1919 г.

Однако легальная работа становилась все труднее из-за репрессий, обрушивавшихся на рабочий класс. Достаточного опыта сочетания легальных и нелегальных форм борьбы у КРПП еще не было. Тяга к более привычной нелегальной работе привела к тому, что накануне прихода Падеревского к власти, еще до массовых репрессий против партии, в условиях отдельных нападений и арестов варшавская межрайонная конференция склонялась к переходу в подполье. Докладчик Варшавского комитета Ю. Красный высказывал мнение, что «мы как партия революционная легально развиваться не можем. Легальность уменьшает наши ряды и отбирает у нас авторитет среди масс»⁹². Партия вскоре с усилением террора ушла в подполье и тем самым сузила свои возможности работы среди масс.

Недооценкой легальных форм работы был и бойкот Законодательного сейма, выборы в который в основном прошли 26 января 1919 г. До создания Советов лозунг созыва сейма противопоставлялся реакцией лозунгу диктатуры пролетариата, революционному направлению развития событий. Создавая Советы, СДКПиЛ, ППС-левица, а затем КРПП рассчитывали на быстрое завоевание доверия масс и переход власти в руки Сове-

⁹⁰ AZHP, 158/VIII — 1919/II.

⁹¹ «Przełom», 9, 16.II 1919; «Biuletyn Grupy Komunistycznej w Komitecie Wykonawczym RDR m. Warszawy», 3.III 1919; «Prawda Komunistyczna», 8, 15.III 1919; «Komunista», 5, 13, 19.III 1919; «Biuletyn Warszawskiej RDR», 30.III 1919; «Biuletyn RDR Zagłębia Dąbrowskiego», 11.V 1919; «Rady Delegatów Robotniczych...», t. I, стр. 221—222, 225—226.

⁹² AZHP, Okręt Zygmunt-7100.

тов, несколько педооценивая сложность этой задачи в Польше. Старый польский коммунист Э. Грабовский вспоминает: «Я разговаривал с тов. Валецким (членом Центрального Комитета КРПП. — И. Я.) ... о том, что считаю бойкот сейма КРПП ошибкой. Он мне на это ответил: „Дорогой товарищ, этого сейма не будет“». Такое же настроение, отмечает Э. Грабовский, было тогда и у других членов ЦК КРПП⁹³. Когда этот вопрос рассматривался накануне Объединительного съезда на конференции СДКПиЛ, обсуждение, как рассказывает другой польский коммунист тов. Беджицкий, было очень кратким. Ю. Красный отметил на обсуждении, что участие в выборах дезориентирует рабочих, поскольку уже выставлен лозунг «Вся власть Советам!»⁹⁴. Было решено, что в период борьбы за власть Советов «участие в выборах в парламент противопоказано»⁹⁵. Советники — члены СДКПиЛ, ППС-левицы и КРПП — были отозваны из городских Советов⁹⁶. Так же негативно было оценено предложение кооптировать представителей рабочих в эти Советы⁹⁷ и новых выборов в них⁹⁸.

В. И. Ленин, обобщая опыт борьбы большевиков за массы, указывал, что ни перед победой пролетарской революции, ни после победы, участие в парламенте не только не вредит пролетариату, но помогает ему показать отсталым массам реакционный характер парламента и изжить иллюзии буржуазного парламентаризма⁹⁹.

КРПП же и накануне выборов¹⁰⁰ и после них оставалась на позициях бойкота сейма. Ссылаясь на опыт Советской России в статье «Сейм или Советы», «Штандар социализму» 12 января писал о перспективах Советов и снова противопоставлял лозунгу сейма лозунг Советов¹⁰¹. Таким образом, одобряя в свое время разгон Учредительного собрания в России, польские коммунисты не поняли до конца значения этого шага и восприняли тактический опыт большевистской партии несколько односторонне.

Полагая, что в условиях революции сейм быстро разоблачит себя в глазах народа, КРПП, отказавшись от использования его трибуны¹⁰², однако, последовательно разоблачала двуличное поведение руководителей ППС, которые «в сейме говорят на одном языке, а в Советах депутатов — на другом»¹⁰³, блокируются с эндеками, поддерживают захватническую войну против советских республик и т. д.¹⁰⁴ Понимание необхо-

⁹³ AZHP, R/62.

⁹⁴ В первый период Советы рабочих депутатов, идущие за СДКПиЛ и ППС-левицей, поддерживали этот лозунг. Однако они не представляли большинства рабочего класса. После объединения Советов большинство из них еще не хотело и не могло брать власть в свои руки.

⁹⁵ AZHP, R/62.

⁹⁶ «Nasza Trybuna», 6.XII 1918; «Głos Robotniczy», 12. 17.XII 1918.

⁹⁷ «Wiadomości RDR okręgu Sosnowieckiego», 24.XII 1918.

⁹⁸ См. воззвание ВК КРПП «Долой выборы в Городской совет», AZHP, 158/XVII—1919/II.

⁹⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 42.

¹⁰⁰ Накануне выборов КРПП провела кампанию митингов и собраний, на которых так же, как и в печати, разъясняла антинародный характер сейма (см.: «Komunista», 19.I 1919 и др.).

¹⁰¹ «Sztandar Socjalizmu», 12.I 1919.

¹⁰² «Przełom», 9.II 1919. Интересно, что в помещенном в том же номере некрологе в память Р. Люксембург газета отмечала в числе ее заслуг требование участия в выборах в парламент, «чтобы и на этом плацдарме контрреволюции атаковать врага» и сделать путь для масс «на Голгофу собственного горького опыта» «более кратким, а опыт — самым плодотворным».

¹⁰³ См. протокол пленарного заседания Варшавского Совета рабочих депутатов от 4 марта 1919 г. «Документы и материалы...», т. II, док. 89; «Komuna», 13.IV 1919 и др.

¹⁰⁴ См. Воззвание ЦК КРПП «Сейм врагов и предателей народа». AZHP, 158/VIII—1919/II; рапорт варшавского пресс-бюро о заседании Варшавского Совета от 11 марта 1919 г. «Документы и материалы...», т. II, док. 99; «Przełom», 16.II 1919; «Prawda komunistyczna», 8, 22.III, 5.IV 1919; «Sztandar Komunizmu», III—IV, 1919.

димости использования трибуны сейма уже возникало у тех представителей партии, которые имели большой опыт работы в массах, приобретенный во время участия в Великой Октябрьской революции. С такими взглядами выступал, например, С. Будзыньский¹⁰⁵. О существовании в партии таких настроений говорил на II съезде КРПП А. Варский¹⁰⁶.

Руководители ППС, проводившие в апреле 1919 г. объединение социалистов всех польских земель в единую партию, играли в Советах все более контрреволюционную роль, стремясь вывести оттуда своих сторонников и тем самым сохранить свое влияние на них. В самой партии росли оппозиционные настроения¹⁰⁷. Однако численный перевес представителей этой партии в Советах над коммунистами привел к тому, что в решающий момент, когда КРПП прилагала все усилия для объединения Советов в единую систему и смогла провести такое решение в Советах, съезд их не удалось провести. Правда, на последнем, IV совещании представителей крупнейших Советов страны 15 июня 1919 г. обнаружилось, что ППС уже не имеет достаточного большинства, а внутри нее появилось мощное течение против раскола Советов¹⁰⁸. Но руководители ППС ушли с этого совещания, несмотря на протесты представителей рабочих, Союза бывших военнослужащих и других против раскола Советов. В частности, выступивший на совещании представитель Союза бывших военнослужащих, отражая эволюцию настроений тысяч солдат, вернувшихся из России, где контрреволюционное командование старательно изолировало их от революционного пролетариата, говорил, что они служили там защите интересов буржуазии, но теперь убедились, что только от Советов можно ждать поддержки и помощи. «Мы хотим служить Советам рабочих депутатов, — торжественно заявил он, — дайте лозунги, и мы станем на защиту рабочей Польши».

Исполнительная комиссия совещания приняла воззвание «К Советам рабочих депутатов городов и деревень Польши. Ко всем рабочим Польши», в котором разоблачалось предательство руководства ППС. Воззвание содержало призыв к сохранению и укреплению Советов, к недопущению подрыва рабочего движения и сдачи позиций буржуазии¹⁰⁹. Однако в июле 1919 г. раскольническая тактика ППС способствовала быстрому разгрому Советов.

До последнего дня работы Советов КРПП максимально использовала их трибуну для завоевания сторонников, руководила массовой борьбой рабочего класса, добиваясь реального улучшения его положения, и уверенно шла по пути к превращению в силу, ведущую за собой польский пролетариат. Она разоблачала оппортунистическую тактику руководства ППС, сотрудничавшего с буржуазией и срывавшего активные выступления рабочего класса.

Безусловно, опыт борьбы этого периода, проверка на практике правильности идейно-теоретических позиций партии, обогащение их идеями Октябрьской революции и воздействие тактического опыта большевизма оказали огромное влияние на созревание самой КРПП, помогли ее движению по пути большевизации. Об этом свидетельствовал выработанный

¹⁰⁵ «Głos Robotniczy», 26.XI 1918.

¹⁰⁶ «Z pola walki», 1958, № 4, стр. 147.

¹⁰⁷ J. Holzer. Polska Partia Socjalistyczna w latach 1917—1919. Warszawa, 1962, стр. 408—418. В воспоминаниях К. Марианьского описывается собрание членов ППС в варшавском районе Воля, на котором вернувшийся из Советской России Т. Жарский (где он был членом Совета революционно-демократических организаций при Комиссариате по польским делам и членом ЦИК ППС) «громил руководство за сдачу врагам революции одной позиции за другой и отстаивал необходимость непосредственной борьбы за диктатуру пролетариата» («Z Pola Walki», № 4, 1958, стр. 122).

¹⁰⁸ AZHP, 167/II—4.

¹⁰⁹ Там же.

партией и изданный в апреле 1919 г. «Проект политической платформы в Советах рабочих депутатов», который представлял собой развернутую программу для съезда Советов. Ежедневно изучая в Советах требования и настроения масс, противопоставляя свою платформу платформе ППС, идейную борьбу с которой КРПП считала своей основной задачей, она старалась учитывать конкретные задачи момента, проверяла правильность проводимых ею мероприятий. Это нашло свое отражение в «Проекте политической платформы в СРД», который содержал как основные принципиальные положения программы партии (организация по всей стране Советов рабочих депутатов, объединенных в одно целое съездом Советов, переход власти в их руки и установление тем самым диктатуры пролетариата, создание Красной Армии и «перестройка общества на социалистических принципах»), так и конкретные требования текущей экономической и политической борьбы.

Экономическая программа предусматривала введение 6-часового рабочего дня (в целях уменьшения безработицы), введение охраны труда и передачу фабричной инспекции под контроль профсоюзов, установление социального обеспечения и улучшение системы продовольственного снабжения, здравоохранения, обучения, решение жилищного вопроса (национализация жилого фонда) и т. д. В программе содержались требования национализации промышленности и банков, установления рабочего контроля, конфискации имений, национализации крупных и средних земельных хозяйств, лесов, вод и т. д. Мелкие крестьянские хозяйства предполагалось оставить в собственности их владельцев «до момента, когда они сами согласятся на присоединение к социалистическим земельным кооперативам»¹¹⁰. Таким образом, КРПП не предложила еще такого решения аграрного вопроса, которое отвечало бы интересам миллионов трудящихся польских крестьян и было бы им понятно, например аграрной реформы.

Из числа политических задач Советов выделялись три: последовательная борьба против режима террора, за отмену чрезвычайного положения; массовые политические выступления в поддержку экономических требований пролетариата; борьба против развязанной в феврале 1919 г. войны, которую «польская буржуазия ведет на всех границах Польши вопреки самым жизненным интересам народа...»¹¹¹.

В ходе работы в Советах, вливая в эту форму организации сил и борьбы пролетариата актуальное содержание выражения и защиты интересов польского рабочего класса, в ходе разоблачения национализма ППС партия не могла не заметить и не понять патриотических настроений масс. Поэтому в платформе было записано требование «создания революционным путем Польской республики Советов рабочих депутатов городов и деревень». Это требование было огромным шагом вперед в деле преодоления ошибочной концепции партии по национальному вопросу. Оно полностью отвечало принципам пролетарского интернационализма, сочетаясь с требованием братского союза социалистической Польши с другими социалистическими республиками как для борьбы с международным империализмом, так и для «экономической взаимопомощи и совместного планового строительства экономической жизни, опирающейся на социалистические принципы»¹¹².

Таким образом, на рубеже 1918—1919 гг. польские пролетарские партии под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции активизировали свою деятельность, вступили на путь энергичного руководства борьбой пролетариата, объединяя его силы в Со-

¹¹⁰ «Projekt platformy politycznej», стр. 6.

¹¹¹ Там же.

¹¹² «Projekt platformy politycznej», стр. 4—5.

ветах рабочих депутатов и примыкающих к ним пролетарских организациях — Красной гвардии, фабричных и домовых комитетах, усилили работу в профсоюзах и развернули деятельность в армии, стараясь преодолеть соглашательство в рабочем движении и раскол рабочего класса. Результатом этой работы был быстрый и значительный рост боеспособности пролетарского авангарда, приведший к образованию Коммунистической рабочей партии Польши.

Партия обобщала накопленный в Советах опыт руководства революционной борьбой рабочего класса. Освоение опыта Великой Октябрьской революции, колоссальная практическая работа по использованию этого опыта в специфических польских условиях и пропаганда ее идей в Советах были чрезвычайно важными моментами в формировании авангарда польского рабочего класса и воспитании его в духе пролетарского интернационализма.

В ходе руководства борьбой пролетариата в защиту своих интересов в Советах весной 1919 г. КРПП усилила свои позиции в рабочем классе. Но соотношение сил в момент открытого наступления реакции не позволило превратить Советы из органов борьбы пролетариата в органы власти, тем более, что, как отмечалось в тезисах ЦК ПОРП к 40-летию Коммунистической партии Польши, «КРПП еще не понимала тогда необходимости объединения в одно революционное русло патриотических стремлений, стремлений к независимости и демократических стремлений широких народных масс с классовыми стремлениями пролетариата и крестьянства»¹¹³. КРПП еще только нащупывала те пути, которые позволили бы пролетариату объединить широкие слои трудящихся города и деревни и стать их гегемоном в деле ликвидации старого и установлении нового, социалистического строя в стране.

¹¹³ «Nowe Drogi», 1958, № 12, стр. 35.

А. Я. Манусевич

«НОВА ТРИБУНА» — ПОЛЬСКАЯ ЛЕГАЛЬНАЯ ГАЗЕТА ПРАВДИСТСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ (1914 г.)

25 марта 1914 г. газета «Путь правды» — под таким названием выходила тогда большевистская «Правда» — поместила на первой полосе объявление о выходе в свет «Новой Трибуны» — «общественного, политического и литературного еженедельника, посвященного рабочему делу». Далее, в написанном на польском языке объявлении содержались сведения о материалах, опубликованных в первом номере нового издания, об условиях подписки, а также адрес редакции и администрации¹.

Это объявление было первым откликом в печати на знаменательное событие в польском рабочем движении — появление в Петербурге польского легального марксистского издания — газеты «Нова Трибуна».

Издание «Новой Трибуны» началось в обстановке подъема революционного движения во всей России, массовых рабочих стачек, оживления крестьянского движения.

Под влиянием большевиков и революционной борьбы русского рабочего класса заметных успехов достигли польский рабочий класс и его передовая сила — Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Не разделяя ленинских взглядов по ряду вопросов теории, стратегии и тактики, СДКПиЛ с 1906 г. входила в состав РСДРП и в основном поддерживала большевиков в борьбе с меньшевиками и ликвидаторами. «По направлению своей работы польские революционные социал-демократические рабочие идут вместе с нами», — писал В. И. Ленин летом 1912 г.²

Однако между позицией польских революционных социал-демократических рабочих и признанных лидеров, распоряжавшихся в руководящем органе партии — его Главном правлении, обнаружились резкие расхождения. Эти расхождения стали принимать отчетливую форму еще на VI съезде СДКПиЛ, происходившем в 1908 г. После съезда Главное правление осталось в распоряжении группы деятелей во главе с Я. Тышкой (Я. Иогихесом). Как по вопросам тактики СДКПиЛ внутри РСДРП, так и острейшим вопросам собственно польского рабочего движения эта группа проводила неустойчивую политику. Я. Тышка и его сторонники довели Главное правление до того, что оно «оказалось *между* партией и ликвидаторами партии»³.

¹ «Путь правды», 25 марта 1914 г.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 394.

³ Там же, стр. 391.

В качестве уполномоченного Российской организационной комиссии (РОК) по созыву партийной конференции Г. К. Орджоникидзе 14 (27) ноября 1911 г. обратился в Главное правление СДКПиЛ с приглашением делегировать своего представителя в РОК⁴. Но Главное правление уклонилось от принятия этого приглашения. В резолюции, принятой в связи с приглашением, полученным от представителя РОК, Главное правление осудило РОК за нежелание созвать «общепартийную конференцию», т. е. конференцию с участием ликвидаторов и других антипартийных элементов, и за то, что ее члены не отмежевались «от агитации большевистского партийного центра за границей»⁵.

Неустойчивость, шатание Главного правления проявилось и в том, что вслед за отзывом в ноябре 1911 г. своего представителя из ставшего всецело ликвидаторским Заграничного бюро ЦК, в декабре, накануне Всероссийской партийной конференции, оно отозвало своего представителя В. Ледера из состава центрального органа РСДРП газеты «Социал-демократ», фактическим редактором которой как раз тогда стал В. И. Ленин⁶.

Несмотря на трехкратное приглашение, Главное правление СДКПиЛ не послало своих делегатов на состоявшуюся в январе 1912 г. в Праге VI Всероссийскую конференцию РСДРП. Продолжая занимать позицию между партиями и ликвидаторами, представитель Главного правления СДКПиЛ Я. Тышка явился на совещание, посвященное подготовке ликвидаторской конференции, но сразу же покинул его⁷.

Пражская конференция, изгнавшая ликвидаторов из партии и закрепившая победу большевиков, приняла предложенную В. И. Лениным специальную резолюцию по вопросу об отсутствии на общепартийной конференции делегатов от национальных организаций. В резолюции отмечалось, что национальные организации — Бунд, СДКПиЛ и Социал-демократия Латышского края — работали совершенно обособленно от русских организаций, осуществляли федерацию худшего типа, мешали РСДРП в исполнении самых необходимых и самых важных партийных начинаний. СДКПиЛ, отмечалось в резолюции, в решительный момент отстранилась от борьбы против разрушителей партии — ликвидаторов. Возложив всю ответственность за неявку на конференцию «националов» на их центры, конференция поручила ЦК РСДРП неустанно добиваться единства и установления нормальных отношений с национальными организациями, входящими в РСДРП. Конференция особо отметила, что «все партийные элементы из национальных организаций и прежде всего все рабочие — партийцы, поскольку до них доходят вести о жизни *русских* организаций, решительно высказываются за единство с русскими нелегальными с.-д. организациями, за *поддержку* РОК и за борьбу с ликвидаторством»⁸.

Суждение Пражской конференции о позиции партийных элементов из национальных организаций, отличавшейся от позиции их руководящих органов, основывалось на правильной оценке положения в этих организациях, в частности в СДКПиЛ. Так, еще в декабре 1911 г. состоялась межрайонная конференция варшавской организации СДКПиЛ, которая осудила деятельность Главного правления партии, указала, что оно не знакомит польских социал-демократов с положением дел в РСДРП⁹. Таковую же позицию заняла лодзинская и ряд других организаций СДКПиЛ. Варшавская конференция решила возобновить издание органа

⁴ См.: Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, т. I, М., 1956, стр. 27—28.

⁵ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — ЦПА ИМЛ), ф. 163, д. 421, лл. 23—25.

⁶ См.: «Социал-демократ», 21.XII 1911.

⁷ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 358, 393.

⁸ Там же, стр. 134—135.

⁹ «Z pola walki». М., 1934, № 16, стр. 167—168.

Варшавской организации СДКПиЛ — «Газеты рабочих». Первый по возобновлению номер этой газеты (15—16 порядковый номер) вышел в свет 16 июля (н. ст.) 1912 г. под редакцией Я. Ганецкого (Фюрстенберга). Член Главного правления СДКПиЛ с 1903 г., представитель партии на II съезде РСДРП, делегат IV съезда РСДРП, заочно избранный на V съезде РСДРП кандидатом в члены ЦК, Я. Ганецкий был весьма близок к большевикам; еще в мае 1909 г. из-за разногласий с большинством членов Главного правления СДКПиЛ он вышел из состава этого руководящего органа польской социал-демократии¹⁰.

Редактировавшаяся Я. Ганецким «Газета рабочих» печаталась в находившемся в ту пору под австрийским господством Кракове. Сюда для того, чтобы быть ближе к России и отсюда руководить всем революционным движением, в июне 1912 г. переехал В. И. Ленин.

В первом же номере органа Варшавского комитета СДКПиЛ «Газете рабочих» была опубликована статья В. И. Ленина «Положение в РСДРП и ближайшие задачи партии». Эта статья была написана для того, чтобы помочь социал-демократическим рабочим Польши критически оценить отход Главного правления СДКПиЛ от РСДРП. Изложив положение в РСДРП и указав на роль, которую играло Главное правление СДКПиЛ своей мелкой дипломатией и интригами, В. И. Ленин заканчивал статью выражением уверенности в том, что пролетариат Польши, по направлению своей работы идущий вместе с РСДРП, «сможет и организационно соединиться с нами, с РСДРП, вопреки принципиальным колебаниям нынешнего Главного правления»¹¹.

Между тем Главное правление СДКПиЛ, после ряда постановлений, направленных против варшавской организации, осуждавшей его политику, особенно в вопросах, связанных с РСДРП, выдвинуло против руководителей варшавской организации обвинения в сотрудничестве с охранкой, а самую варшавскую организацию объявило раснущенной и исключенной из партии и тем самым осуществило форменный раскол партии. Вслед за тем Главное правление провело конференцию своих сторонников, которая высказалась за соглашение с Бундом и Польской социалистической партией-левицей при выборах в IV Государственную думу. Эта же конференция, рассмотрев вопрос об отношении к РСДРП, обрушилась на решения VI (Пражской) конференции и на большевиков-ленинцев¹². Тем самым Главное правление содействовало проискам ликвидаторов и троцкистов, как раз в августе 1912 г. сколотивших свой антипартийный блок.

Большевики решительно осудили действия Главного правления и оказали поддержку оппозиционным элементам в СДКПиЛ, которых сторонники Главного правления, повинные в расколе партии, прозвали «розламовцами» («раскольниками»).

«Владимир Ильич, — пишет Н. К. Крупская, — не считал, что дело „розламовцев“ какое-то чуждое дело, — оно было связано со всей такой острой в тот момент внутрипартийной борьбой и поэтому Владимир Ильич не мог остаться в стороне»¹³.

В письмах Международному социалистическому бюро, в ряде статей В. И. Ленин критиковал поведение Главного правления СДКПиЛ. Он энергично помогал сплочению сил польских революционных социал-демократов¹⁴.

¹⁰ R. Jermolajewa. Jakub Hanecki. «Z pola walki», Warszawa, 1962, № 2 (18). стр. 175—182.

¹¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 21, стр. 394.

¹² См. там же, т. 22, стр. 223—230.

¹³ Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 193—194.

¹⁴ См.: В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 45—56, 288—292 и др. Подробнее о поддержке В. И. Лениным «розламовцев» см.: Р. А. Ермаева. В. И. Ленин и польская революционная социал-демократия в 1912—1914 годах. «Новая и новейшая история», 1960, № 3.

Краковское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, состоявшееся в декабре 1912 — январе 1913 г., выразив глубокое сожаление по поводу раскола рядов польской социал-демократии, констатировало, что Главное правление не представляет большинства польских социал-демократических организаций и «прибегает к недопустимым средствам в борьбе с этим большинством»¹⁵.

Вопреки позиции Главного правления, большинство польских социал-демократов стремилось к тесному единству с РСДРП, с большевиками. Со своей стороны большевики всегда оказывали поддержку революционным польским социал-демократам и тесно с ними сотрудничали.

О прочности этого сотрудничества говорит хотя бы постоянное участие революционных польских социал-демократов в большевистской печати, в том числе и легальной. Например, в перечне постоянных сотрудников большевистской легальной газеты «Звезда», выходившей в Петербурге в 1910—1912 гг., в ее первом же номере был назван один из старейших деятелей СДКПиЛ Бронислав Весоловский. Им был опубликован в «Звезде» ряд статей и заметок. В «Звезде» выступал видный публицист СДКПиЛ Збигнев Фаберкевич, обычно подписывавшийся «Т. Гневич». Член СДКПиЛ с 1905 г., З. Фаберкевич вскоре после революции 1905—1907 гг. переехал в Петербург, где организовал группу СДКПиЛ среди польского студенчества и был одним из активных участников созданного большевиками в январе 1913 г. легального издательства «Прибой»¹⁶.

Весьма значительным было участие революционных польских социал-демократов в легальном большевистском журнале «Просвещение», выходившем в 1911—1914 гг. в Петербурге. Сначала среди объявленных постоянных сотрудников журнала был назван Антон Малецкий (Рубинштейн)¹⁷. Деятель СДКПиЛ с конца 90-х годов, участник V съезда РСДРП, А. Малецкий в течение ряда лет был членом Главного правления СДКПиЛ, а затем — одним из руководителей «розламовцев» и редактором их краковской «Газеты рабочих»¹⁸. Позднее в списке постоянных сотрудников «Просвещения» появилась фамилия Т. Гневича¹⁹.

Уже во втором номере «Просвещения» была помещена статья А. Малецкого «Господин Туган-Барановский и его «этическое» уничтожение марксизма». В ней разоблачался поверхностный эклектизм «великого комментатора и продолжателя Маркса», каким представляли Туган-Барановского его буржуазные почитатели²⁰. Нередко в журнале публиковались статьи и других деятелей польской социал-демократии.

В борьбе рабочего класса всей России большое место заняла страховая кампания, т. е. выборы в больничные кассы, созданные по принятому Думой под давлением рабочих закону о государственном страховании рабочих. Особого размаха эта кампания достигла в польских губерниях, где ее умело возглавили «розламовцы». В брошюре, написанной Ю. Лещиньским, видным деятелем варшавской организации СДКПиЛ, был выдвинут план проведения страховой кампании, нацеленный на использование в самых максимальных размерах куцого царского закона²¹. В соответствии с планом, варшавские рабочие, руководимые «розламовцами», требовали создания общегородской страховой кассы, а не отдельных мел-

¹⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 268.

¹⁶ «Z pola walki», 1959, № 1 (5), стр. 117.

¹⁷ «Просвещение», 1911, № 1.

¹⁸ «Z pola walki», 1958, № 2, стр. 185—186.

¹⁹ «Просвещение», 1913, № 1.

²⁰ «Просвещение», 1912, № 2, стр. 14.

²¹ J. Leszczyński. Robotnicza Kasa Chorych. Projekt ustawy, wskazówki i objaśnienia. Zarys kampanii ubezpieczeniowej. Warszawa, 1913.

ких касс, как предлагали ликвидаторы, оказания врачебной помощи рабочим и их семьям, признания за кассами права заниматься культурно-просветительной деятельностью, созывать съезды и т. д.

Подобное освещение всего хода борьбы вокруг страховых касс, детальное изложение двух противостоявших планов всей кампании — «розламовского» и ликвидаторского содержалось в статье «Страховая кампания в Польше», которую Ю. Лещинский опубликовал в «Просвещении» под псевдонимом «Ю. Ленский»²².

Тесной связи польского рабочего класса с рабочим классом всей России существенно способствовала легальная большевистская газета «Правда». В списке постоянных сотрудников, помещенном в первом номере газеты, находились имена Б. Весоловского, Т. Гневича, а также Р. Люксембург, признанного идеолога СДКПил и видного деятеля левого крыла германской социал-демократии.

Уже во втором номере газеты была помещена заметка, гневно бичевавшая произвол по отношению к 15 арестованным «зачинщикам» стачки текстильщиков в Заверце²³. Вслед за тем «Правда» систематически помещает материалы, освещающие характер, задачи, масштабы забастовочных выступлений, демонстраций и других проявлений активности польского рабочего класса²⁴. «Правда» уделяла много внимания деятельности «сторонников последовательно-марксистского направления», как в газете обычно именовались польские социал-демократы «розламовцы», и их борьбе против комбинаций оппортунистов из «левого блока», составленного Бундом и ППС-левицей²⁵.

В «Правде» печатались речи и статьи депутатов социал-демократов в защиту интересов польских рабочих, против угнетения польского народа царизмом²⁶. Депутат-большевик Г. И. Петровский в специальной статье разоблачал чуждую польскому народу, хотя и прикрывающуюся словами о «бедной Польше», деятельность польских буржуазных депутатов в Думе. Состоящее из этих депутатов польское коло, писал Петровский, «представляет из себя думскую фракцию польской националистической буржуазии»²⁷. «Правда» систематически разоблачала антинародную, антинациональную политику польского кола. Возмущение польских трудящихся антинациональной политикой польского кола ярко отразил опубликованный протест польских рабочих против законопроекта о городском самоуправлении в Польше. Этот законопроект, писали польские рабочие, «бьет в лицо нашим самым элементарным требованиям». В протесте польских рабочих выражалось презрение в адрес польского кола и содержалось одобрение деятельности социал-демократической фракции в Думе. Заслуживает внимания сам факт обращения польских рабочих со своим протестом именно в «Правду». Этот протест был заявлен 3608 рабочими, представлявшими 21 предприятие²⁸. За опубликование его газета была подвергнута аресту²⁹.

«Правда» систематически освещала принимавшую в польских губерниях все более широкий размах страховую кампанию. Газета указывала, что «образцом единой и планомерно-организованной страховой кампании является Варшава»³⁰. В заметках и статьях «Правда» рассказы-

²² «Просвещение», 1913, № 7—8.

²³ «Правда», 24.IV. (7.V) 1912.

²⁴ «Правда», 4 (17), 6 (19).V, 2 (15), 13 (26), 14 (27).VI 1912 и т. д.

²⁵ «Правда», 2 (15), 3 (16), 8 (21), 10 (23).XI 1913 и др.

²⁶ «Правда», 7 (20), 10 (23).III 1913 и др.

²⁷ «Правда», 10.III 1913.

²⁸ «За правду», 1.XI 1913.

²⁹ «Большевистская печать в тисках царской цензуры. 1910—1914». Л., 1939, стр. 194.

³⁰ «Путь правды», 26.II 1914.

вала о борьбе польских рабочих за такое использование куцега закона, которое настойчиво пропагандировали «розламовцы»³¹. Подчеркивая, что в страховой кампании принимают активное участие также сторонники оппортунистической ППС-левицы, газета отмечала, что лишь группа оппортунистов-литераторов, связанная с легальным журналом «Кузня», навязывает рабочим политику соглашательства и уступок предпринимателям.³² Не один раз со страниц «Правды» со статьями о страховой кампании выступал Ю. Ленский³³.

Передовая часть польского рабочего класса, тесно связанная с общероссийским рабочим движением, всецело поддерживала большевиков — депутатов Государственной думы в их борьбе против меньшевистской семерки депутатов, препятствовавшей революционному использованию большевиками своих депутатских прав. После того как в результате дезорганизаторской деятельности «семерки», в состав которой входил и деятель ППС-левицы Е. Ягелло, избранный в Думу голосами не только сторонников ППС-левицы, но и Бунда и части еврейских националистов, депутаты-большевики выделились осенью 1913 г. в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую фракцию, многие рабочие в своих письмах в «Правду» решительно поддерживали большевиков. Среди опубликованных газетой материалов этого рода немало было написанных польскими рабочими. Например, 19 рабочих ленточной фабрики в Ченстохове прислали в «Правду» резолюцию в поддержку депутатов-большевиков и заявили, что именно депутаты-большевики «представляют громадное большинство пролетариата России и Польши»; 70 рабочих фабрики зеркал из той же Ченстоховы указывали, что ликвидаторская «семерка» в Думе «выступила против огромного большинства русского и польского пролетариата», и приветствовали создание Российской социал-демократической рабочей фракции³⁴. Вслед за тем в «Правде» появилось приветствие от рабочих ряда других польских предприятий, которые выражали свое доверие и одобрение большевикам-депутатам. «Мы признаем, — писали польские рабочие, — что семерка своей поддержкой, оказываемой ликвидаторам, принятием во фракцию деп. Ягелло и постоянным подавлением шести рабочих депутатов внесла раскол в с.-д. фракцию». Это письмо было подписано 757 рабочими³⁵.

Количество корреспонденций, поступающих в «Правду» от польских рабочих, постоянно возрастало. Подводя итоги своей двухлетней работы, большевистская газета сообщала, что ввиду ограниченного места на ее страницах не были опубликованы сотни корреспонденций, за которыми стоят десятки тысяч рабочих, так как в большинстве своем рабочие корреспонденции пишутся коллективно. По районам, откуда были опубликованы корреспонденции, польские губернии занимали девятое место: с 22 апреля 1912 г. по 10 апреля 1914 г. в газете было опубликовано 154 статьи и корреспонденции из Польши; из этого количества на сообщения о стачечных выступлениях польского пролетариата приходилось за первый год существования газеты 29 статей и заметок, за второй год — 107³⁶. О растущей связи «Правды» с польским рабочим классом говорил не только рост корреспонденций из Польши, но и увеличение

³¹ «Правда», 2.VII 1913; «Северная правда», 4.IX 1913; «Правда труда», 18.IX 1913 и др.

³² «За правду», 4.X, 13.X 1913 и др.

³³ «Правда», 7.IV, 17.V 1913; «Рабочая правда», 20.VII 1913, а также «За правду», 17.X 1913; «Пролетарская правда», 14.I 1914. Указания на последние две статьи отсутствуют в библиографии работ Ю. Лещиньского-Ленского, опубликованной в журнале «Z pola walki», 1958, № 4.

³⁴ «Пролетарская правда», 8.I 1914.

³⁵ «Пролетарская правда», 23.I 1914.

³⁶ «Путь правды», 22.IV 1914.

числа подписчиков на «Правду» в польских губерниях: так, в конце 1913 г. их было 37³⁷, а к апрелю 1914 г. — уже 221³⁸.

Однако общероссийская марксистская газета не могла удовлетворить потребности польского рабочего читателя. Польское рабочее движение нуждалось в своей собственной легальной марксистской газете, издаваемой на польском языке. К тому же вслед за оппортунистической «Кузней» — связанным с ППС-левицей легальным двухнедельником, издававшимся в Вильне, — в Варшаве стала выходить легальная газета «Нове слово», фактически являвшаяся органом ППС-левицы. С рассмотрением позиций газеты «Нове слово» выступил в «Правде» один из видных «розламовцев» Зб. Фабержевич (Т. Гневич), незадолго до этого приехавший из Петербурга в Краков к В. И. Ленину³⁹. Изложив опубликованное в газете «Нове слово» открытое письмо Е. Ягелло, в котором задачи польского пролетариата сводились к использованию страховых законов, профессиональных союзов, культурных и кооперативных обществ, Т. Гневич писал: «Одним словом — легальные возможности — и больше ничего. О тех более общих политических задачах, решение которых стоит во всей полноте перед пролетариатом Польши и России, о связи между легальной и остальной деятельностью пролетариата в программной статье Ягелло нет ни одного звука». Для решения общих политических задач, стоявших перед польским рабочим классом, ему была необходима легальная революционная газета, которая, подобно большевистской «Правде», организовывая и просвещая рабочих, сплачивала бы их в борьбе за коренные нужды пролетариата. «Польским рабочим, — указывал в своей работе Т. Гневич, — нужна своя газета. Необходимость ее признана всеми сознательными польскими пролетариями. Но подобно тому, как польский рабочий класс в лице своих передовых организованных отрядов стоит на почве полных неурезанных лозунгов рабочей демократии, так и польская рабочая пресса будет служить их осуществлению»⁴⁰.

Острая необходимость в польской легальной марксистской газете ощущалась и в связи с продолжавшимся ростом рабочего движения в стране и в связи с изменениями, происходившими в польской социал-демократии.

Вследствие того, что Главное правление СДКПиЛ продолжало занимать в вопросах общероссийского рабочего движения антибольшевистские позиции, а в польском рабочем движении вело травлю «розламовцев», последние были поставлены перед необходимостью организационно упрочить свое положение. Если Главное правление партии практически поставило себя вне РСДРП, то «розламовцы» стремились к тесному общению с большевистской партией. Весной 1913 г. состоялся ряд районных собраний «розламовской» варшавской организации СДКПиЛ, на которых был обсужден вопрос об отношении к РСДРП и одобрена политическая линия большевистского ЦК⁴¹. Вслед за тем в апреле 1913 г. состоялась межрайонная конференция варшавской организации СДКПиЛ. В ее решениях подчеркивалась принадлежность СДКПиЛ к ленинской большевистской партии⁴².

Ликвидаторы и троцкисты пытались помешать развивавшемуся сближению «розламовцев» с большевиками, они запугивали «розламовцев» уклоном в «сторону фракционной поддержки ленинизма»⁴³. «Розламовцы» категорически отвергали все измышления о фракционности. Но в то же время в своем ответе на обвинения ликвидаторов и троцкистов Я. Ганец-

³⁷ «Пролетарская правда», 3.I 1914.

³⁸ «Путь правды», 22.IV 1914.

³⁹ Цит. по кн.: А. М. Володарская. Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса. М., 1960, стр. 173.

⁴⁰ «За правду», 1.X 1913.

⁴¹ «Социал-демократ», 15 (28).VI 1913.

⁴² «Z pola walki», 1934, № 16, стр. 190.

⁴³ ЦПА ИМЛ, ф. 486, оп. 1, д. 34, лл. 14—14 об.

кий, явно делая им уступку, приглашал ликвидаторов изложить свои взгляды перед «форумом польских рабочих»; самую же поддержку ленинского ЦК РСДРП он безоговорочно объяснял как политической близостью к ленинцам, так и стремлением содействовать восстановлению единства РСДРП, соответственно считая эту поддержку шагом «не к расколу, а первым своим шагом к объединению всех партийных элементов РСДРП»⁴⁴

Тесное сотрудничество «розламовцев» с большевиками не ускользнуло из внимания охранки. Особый отдел департамента полиции 28 апреля (11 мая) 1913 г. обратился к губернским жандармским управлениям с циркуляром, в котором сообщалось, что раскол в СДКПиЛ «привел к образованию так называемой оппозиции большевистского оттенка... в противовес коренному партийному учреждению, именуемому «Главным Правлением» и исповедующему меньшевистские взгляды... В настоящее время «оппозиция» приобретает в Польше все большую силу... Польские рабочие начали откликаться на русские партийные дела, в последнее время состоялось 5 конференций, вынесших резолюции против ликвидаторского течения и пожелание об установке связей между польскими партийными деятелями и Ленинским Центральным Комитетом, выбранным в Праге...»⁴⁵.

27 июля (9 августа) в дер. Поронин (около Кракова) под руководством В. И. Ленина состоялось совещание членов ЦК РСДРП. Совещание рассмотрело ряд вопросов и в том числе о дружной совместной работе с «розламовцами». Лидеры «розламовцев» Я. Ганецкий, Ю. Ленский, Г. Каменский присутствовали с правом совещательного голоса на проходившем 23 сентября — 1 октября (6—14 октября) 1913 г. совещании ЦК РСДРП с партийными работниками, созванном в дер. Поронин, где тогда жил В. И. Ленин. На самом совещании наряду с другими был заслушан доклад о работе СДКПиЛ⁴⁶.

Поронинское совещание способствовало дальнейшей активизации «розламовцев». Правда, оставаясь в области теории на люксембургских позициях, представители «розламовцев» на совещании продолжали выступать против ленинской постановки национального вопроса⁴⁷.

Между тем именно в это время Р. Люксембург внесла в Международное социалистическое бюро предложение, формально говорившее о восстановлении единства российской социал-демократии, но сопровождавшееся выпадами против русских и польских последовательных марксистов и практически отвечавшее интересам антипартийных элементов. В связи с этим в «Правде» появилось «Заявление руководящего учреждения варшавской социал-демократии», в котором «розламовцы» раскрывали неприглядную роль «тышкинцев» в русской и польской социал-демократии и выражали солидарность с «ленинской группой» и большевистскими депутатами в Государственной думе⁴⁸. Вслед за тем «розламовские» организации выступили с рядом других заявлений, в которых содержалось осуждение ликвидаторов и раскольников и выражалась солидарность с большевистскими депутатами⁴⁹.

Продолжавшийся бурный подъем рабочего движения, благотворное влияние большевиков и их борьбы против ликвидаторов, за боевую, революционную пролетарскую партию способствовали тому, что в марте 1914 г. варшавская, лодзинская и ченстоховская организации СДКПиЛ,

⁴⁴ Там же, лл. 17—23.

⁴⁵ Центральный государственный исторический архив УССР в Киеве, ф. 51, оп. 1, д. 1277, л. 80—80 об.

⁴⁶ См.: «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1954, стр. 301.

⁴⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 486, д. 44, лл. 1—5.

⁴⁸ «За правду», 26.XI 1913.

⁴⁹ «За правду», 1.XII 1913; «Пролетарская правда», 12, 19.XII 1913.

поддерживавшие «розламовцев», создали свой партийный центр для руководства всей партийной деятельностью в Королевстве Польском — Краевое правление СДКПиЛ.

Сожалеем о расколе в СДКПиЛ и осуждая непартийное поведение Главного правления, большевики не исключали возможности участия Главного правления в общепартийной деятельности. В частности, на подготовлявшийся к августу 1914 г. очередной партийный съезд ЦК РСДРП имел в виду пригласить как представителей Краевого правления, так и представителей Главного правления СДКПиЛ⁵⁰. Правда, как рассказывает в своих воспоминаниях видный деятель большевистской партии О. Пятницкий, В. И. Ленин считал, что только «розламовцы» смогут работать в партии. Теперь, говорил В. И. Ленин О. Пятницкому, «речь идет не о дипломатичности, а о создании боеспособной партии. Главное же правление СДКПиЛ, если оно и пойдет на съезд, то только с тем, чтобы тор-мозить его работу»⁵¹.

Еще задолго до того, как позиция Главного правления вынудила «розламовцев» пойти на фактическое оформление состоявшегося по вине «тышकिनцев» раскола СДКПиЛ, «розламовцы» испытывали острую потребность в печатном органе, который давал бы им возможность широко пропагандировать свои взгляды и организовывать рабочие массы.

«Розламовский» Варшавский комитет СДКПиЛ в своем отчете за девятимесячную деятельность отмечал в апреле 1913 г., что выходявшая в Кракове «Газета работнича» не может осветить все вопросы, интересные польских рабочих⁵².

Ввиду того, что цензурные условия делали невозможным издание легальной рабочей газеты в Варшаве и в других центрах Королевства Польского, внимание «розламовцев» все больше привлекала возможность наладить выпуск газеты в Петербурге. Несомненно, что лидеры «розламовцев» учитывали и то, что в Петербурге польская рабочая газета могла опереться на помощь и содействие большевистской «Правды» и что в столице была значительная группа польских социал-демократов.

Зб. Фабержевич, отвечая Я. Ганецкому, писал в Краков в письме, полученном адресатом 4 марта 1913 г.: «Не лучше было бы вместо Кракова издавать газету в Петербурге?.. Редакцию можно было бы поместить при одном из русских изданий. Здесь можно составить группу сотрудников, как из поляков, так и русских. Можно было бы начать через «Правду» сбор средств на это издание, при этом вообще, если бы тут находился постоянно один человек (редактор) финансовым вопросом можно было бы заняться энергичней»⁵³. Через некоторое время, видимо получив соответствующие указания из Кракова, Фабержевич сообщал о своих переговорах с одной из петербургских типографий об издании еженедельника⁵⁴.

Тем временем в Кракове 2—4 мая (н. ст.). 1913 г. состоялось совещание, в котором приняли участие Я. Ганецкий, Ю. Уншлихт, Я. Дольский (Фенигштейн) и другие «розламовцы». Совещание обсудило вопрос о легальных и нелегальных изданиях. «Необходимо издание легальной газеты. Направить человека в Питер. В случае, если бы издание газеты пришлось отложить, необходимо издать одну или две однодневки», — говорилось в решении совещания. В отношении редакции издания совещание решило, что она «должна находиться в Питере... Одновременно надо организовать редакцию в Кракове»⁵⁵.

⁵⁰ «Исторический архив», 1957, № 1, стр. 32.

⁵¹ О. Пятницкий. Записки большевика. М., 1956, стр. 185.

⁵² ЦПА ИМЛ, ф. 486, оп. 1, д. 1, л. 34.

⁵³ ЦПА ИМЛ, ф. 486, оп. 1, д. 32, лл. 1 об.—2.

⁵⁴ Там же, л. 7.

⁵⁵ Там же, д. 17, л. 1.

Тотчас же после совещания «розламовцы» предприняли новые шаги к созданию легальной газеты. В связи с этой задачей Я. Ганецкий писал своим товарищам в Краков: «Около 20 еду в Питер. В Питере постараюсь любой ценой создать газету»⁵⁶. Уже в конце мая Ганецкий, как писал один из польских социал-демократов в письме к Г. Каменскому, находился в Петербурге, где «подготавливал почву» для издания газеты. Небезынтересно при этом, что в качестве вдохновляющего примера, побуждавшего «розламовца» торопиться с налаживанием своей легальной газеты, автор письма считал то, что «Правда» оказалась в состоянии и в цензурных условиях вести открытую дискуссию с ликвидаторским «Лучом»⁵⁷.

Из небольшого денежного фонда, составленного путем сбора средств среди рабочих, шестерка большевистских депутатов Думы вручила Я. Ганецкому для подготовки издания польской марксистской газеты 200 руб.⁵⁸

Пока шла подготовка к изданию, «розламовцы» выпустили в Петербурге газету-однодневку «Ютшния» тиражом в 3 тыс. экземпляров⁵⁹. Весь тираж газеты был конфискован. По сохранившейся корректуре можно судить, что среди материалов, опубликованных в «Ютшне», было изложение заявления думской социал-демократической фракции по вопросу о городском самоуправлении в Королевстве Польском, редакционная заметка о первой годовщине со дня выхода «Правды», две статьи Ю. Лещиньского (за подписями «Ю. Эльский» и «Ю. Ленский») об уставе больничных касс и страховой кампании в Королевстве Польском, подробные заметки о стачечной борьбе в России, хроника первомайских выступлений и другие материалы^{59a}.

Издание газеты наталкивалось на немалые трудности. В ноябре 1913 г. Я. Ганецкий сообщал одному из русских социал-демократов: «Мы, наконец, приступаем к изданию нашего легального органа. Первый № появится в самое ближайшее время...». Ганецкий указывал на то, что подготовка к выпуску газеты ведется при отсутствии денежных средств. «Надеемся, что помощь сотрудников облегчит нам работу. После двух-трех номеров нахлынут, вероятно, и сборы от рабочих», — писал он, выражая надежду на то, что газета, подобно «Правде», сможет опереться на денежную помощь рабочего класса⁶⁰.

Несмотря на все старания «розламовцев», первый номер их легальной газеты вышел в свет лишь 20 марта (2 апреля) 1914 г.⁶¹

Издателем «Новой Трыбуны» был зарегистрирован Мечислав Козловский — видный деятель польского рабочего движения, один из организаторов объединения в 1900 г. Социал-демократии Королевства Польского и Рабочего союза Литвы в единую СДКПиЛ, затем член Главного правления СДКПиЛ, делегат V (Лондонского) съезда РСДРП, проводивший с 1909 г. революционную работу в Петербурге⁶². Редактором газеты официально считался Феликс Станкевич, рабочий одного из петербургских заводов. Как впоследствии писал Зб. Фабержевич, практически русскоязычный изданием «Новой Трыбуны», Ф. Станкевич «говорить по-польски совсем не умел, но зато согласился в случае необходимости отсиживать наказания»⁶³.

⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 486, оп. 1, д. 21, лл. 42—53.

⁵⁷ Там же, д. 29, л. 14.

⁵⁸ Там же, ф. 364, оп. 3, д. 40973, л. 6.

⁵⁹ Там же, ф. 486, оп. 1, д. 40, л. 39.

^{59a} См. «Jutrznia». Jednodniówka robotnicza. Petersburg. Lipiec 1913 r. — Biblioteka Zakładu Historii partii przy KC PZPR. NP. 11180.

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 486, оп. 1, д. 34, лл. 27—37 об.

⁶¹ Газета носила название «Нова Трыбуна», видимо, в связи с тем, что в 1910 г. в Варшаве выходила созданная при участии Я. Ганецкого газета «Трыбуна».

⁶² ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 2, д. 729, лл. 167—168.

⁶³ «Wiadomości Komisarjatu», Moskwa, 29.IX 1918.

«Для вас, польские рабочие, создается «Нова Трыбуна», для освещения ваших нужд и руководства вашей борьбой, — говорилось в редакционной статье первого номера газеты. — Все классы польского общества имеют свою легальную печать, ваши эксплуататоры и враги могут выступать открыто; только вы одни, рабочие, загнаны еще в подполье, ваше свободное слово стеснено. А между тем только вы одни можете выпестить великую правду на свет дня, только вам одним не нужно прикрывать свои мысли и дела убогим лицемерием, как это делают собственнические классы. Вам больше, чем другим классам, принадлежит свободное слово, так как только ваша печать служит не для оглушения и затуманивания, но для распространения подлинной сознательности и знания».

Правильно определяя место и задачи легальной рабочей газеты, авторы передовой статьи указывали, что они отдают себе отчет в том, что «Нова Трыбуна» окажется в таких же тяжелых условиях, как и вся рабочая печать. Вместе с тем они выражали уверенность, что растущее рабочее движение позволит понести слово газеты в широкие массы, что польские рабочие окажут поддержку своей газете, будут присылать корреспонденции и резолюции, чтобы «Нова Трыбуна» «была газетой, написанной не только для рабочих, но и самими рабочими». В заключении статьи указывалось, что газета несомненно столкнется с материальными трудностями. Такие же трудности испытывает и русская пролетарская печать. Но рабочие своими денежными сборами помогли ей окрепнуть и расширяться; польские рабочие также придут на помощь своей газете. «Если вы начнете принимать резолюции о поддержке газеты и присылать их нам вместе со средствами в фонд «Новой Трыбуны», если создадите на предприятиях постоянные группы поддержки, тогда существование нашей газеты будет обеспеченным», — так заканчивалась передовая статья⁶⁴.

Вслед за передовой, газета поместила статью, в которой отмечались славные боевые дела польских рабочих в 1905 г. и их приверженность делу рабочей демократии, подтверждаемая результатами выборов по рабочей курии в Варшаве и ходом страховой кампании. Далее в статье без указания на источник приводились знаменитые слова К. Маркса о том, что освобождение рабочих может быть делом только самих рабочих, и рассказывалось о примере русских рабочих, которые на свои рабочие гроши, собранные по фабрикам и мастерским, создали свою газету «Правда». Благодаря материальной поддержке самих рабочих русский рабочий класс располагает газетой «Путь правды», еженедельником «Вопросы страхования», теоретическим ежемесячником «Просвещение», рядом профсоюзных органов, сообщала польская газета своим читателям⁶⁵.

Каждая из восьми полос газеты была заполнена статьями и заметками, посвященными насущным вопросам рабочего движения. Здесь освещались и ход страховой кампании в Польше и выступления в Думе депутатов-большевиков Бадаева и других с запросами о несчастных случаях на предприятиях, о действиях административных властей во время Ленских событий 1912 г. и по другим, волнующим рабочий класс вопросам.

Много места в газете отводилось информации о стачках в Варшаве, Лодзи, Пабяницах, о положении рабочих на некоторых предприятиях в Варшаве, Ченстохове, о профсоюзном движении в Петербурге, Москве, Риге, о несчастных случаях на предприятиях и т. д. Сообщение о запрещении собрания портных в Лодзи было помещено под заголовком «Свобода собраний»; под заголовком «Свобода союзов» газета сообщала и о запрещении профсоюза нефтяников в Баку, и о повторном отказе властей Смоленска и Саратова в регистрации профсоюзов; поместила газета све-

⁶⁴ «Nowa Trybuna», 20.III (2.IV) 1914.

⁶⁵ Там же.

дения о многочисленных репрессиях против печати, в частности о 5-часовом обыске в Петербургской типографии, печатавшей большевистскую «Правду», а также объявление о продаже брошюры Ю. Лещинского о рабочих страховых кассах и т. д.

Большевистская «Правда» тотчас же откликнулась на выход первого номера «Новой Трыбуны». «Семья российских марксистских органов обогатилась еще одним членом... — с радостью писала она. — Польские сознательные рабочие марксисты получили, наконец, возможность всестороннего освещения общественной и политической жизни с классовой точки зрения...». Далее «Правда» указывала, что создание польского последовательно марксистского органа «является тем более необходимым, что оппортунисты в польском рабочем движении развывают энергичную деятельность...». Рассмотрев содержание польской легальной марксистской газеты, «Правда» отметила, что первый номер «Новой Трыбуны» составлен живо и разнообразно, и выразила надежду, что рабочие сами постараются осветить свою жизнь на страницах «Новой Трыбуны». «Шлем польскому брату свой привет и желаем ему стать в теснейшую связь с рабочими массами Польши», — так заканчивала «Правда» свою первую статью о «Новой Трыбуне»⁶⁶.

Через несколько дней «Правда» посвятила еще более подробную статью рассмотрению первого номера своего польского собрата. Обстоятельно разобрав содержание «Новой Трыбуны», «Правда» подтвердила вывод о том, что направление польской газеты — «последовательно марксистское. Орган выражает мнение большинства польских рабочих-марксистов и отгораживается от беспринципного кружка Тышки, отвергнутого организованными рабочими... Чем идейно непримиримее будет идейная позиция «Новой Трыбуны», тем больше ей обеспечены симпатии польских марксистов»⁶⁷. Мы шлем новому польскому брату самые горячие пожелания. «Новая Трыбуна» — единственный марксистский орган на польском языке⁶⁸. Все друзья польского марксизма, мы уверены, откликнутся поддержкой этой газеты» — так заканчивала «Правда» свою статью⁶⁹.

Появление легального польского марксистского издания не прошло незамеченным и со стороны других органов печати. Естественно, что буржуазные польские газеты обрушились на «Новую Трыбуну» с руганью и клеветой. Останавливаясь на откликах, которые вызвало ее появление, «Новая Трыбуна» отмечала, что лишь русская рабочая газета «Путь правды» посвятила «Новой Трыбуне» приветственные статьи; польский легальный марксистский орган писал, что он «не мог рассчитывать на хороший приём в буржуазных салонах... Среди хора сетований или ругани, с которым столкнулась «Новая Трыбуна», раздался только один единственный голос одобрения и приветствия. Но нам только этот голос и хотелось услышать. Традицией польских марксистов было всегда идти плечом к плечу с русским пролетариатом, и эта традиция сегодня является живой действительностью в совместных действиях рабочих масс.

⁶⁶ «Путь правды», 25.III 1914.

⁶⁷ Отметив правильное идейное направление «Новой Трыбуны», «Правда» выразила удивление тем, что на ее страницах появилась статья К. Радека, который то выступал «крайним левым», рвал и метал против ликвидаторов, то защищал явно ликвидаторские взгляды. «Мы полагаем, что в той большой идейной борьбе, которая предстоит группе «Новой Трыбуны», ей не следовало бы обременять себя таким грузом, как элементы, играющие (подобно Тышке) между ликвидаторством и марксизмом», писала по этому поводу «Правда» (см.: «Путь правды», 2.IV 1914). Однако «Новая Трыбуна» посчитала дружескую рекомендацию «Правды» неприемлемой и продолжала публиковать статьи К. Радека.

⁶⁸ Речь шла о легальной польской печати.

⁶⁹ «Путь правды», 2.IV 1914.

Приветствуем вас, старшие, верные товарищи!» — обращалась «Новая Трыбуна» к большевистской «Правде»⁷⁰.

Между «Правдой» и «Новой Трыбуной» сложилось боевое, революционное сотрудничество. Подготавливая празднование дня рабочей печати в связи с предстоявшей второй годовщиной со дня выхода первого номера «Правды», большевистская газета писала, что принять участие в дне рабочей печати могло бы по меньшей мере 18 изданий, в том числе «Новая Трыбуна»⁷¹.

Польская марксистская газета немедленно откликнулась на призыв «Правды». В начале апреля, в своем втором номере, она опубликовала редакционную статью «Праздник рабочей печати». Статья рассказывала польским рабочим, что «Правда» появилась тогда, когда временно обессиленный рабочий класс России снова начал пробуждаться к жизни, когда ленские события отозвались эхом по всей стране. «Правда» отстаивает позиции непримиримого марксизма. «И поэтому дело своей газеты, своей «Правды» русский пролетариат взял в собственные руки, создав из своих грошовых сборов ее печатный фонд, выдвигая редакторские силы, принимая, наконец, личное участие в работе редакции путем присылки собственных корреспонденций и статей... Когда существование газеты оказывалось под угрозой, русский пролетариат энергично и быстро приходил ей на помощь. Несмотря на удары, рабочая печать не погибла; наоборот, развилась провинциальная печать, появился ряд братских органов на армянском, латышском, эстонском, а затем и на польском языках. Польские рабочие должны принять самое деятельное участие в праздновании дня выхода в свет «Правды» — дня рабочей печати»⁷².

Передовая статья третьего номера «Новой Трыбуны» вышла под призывным заглавием: «Помните о дне рабочей печати!»

Польская марксистская газета указывала, что русские рабочие могут с радостью встречать день рабочей печати, так как своим трудом они выпестовали свою газету. «Отрывая от рта, они собирали на фабриках и мастерских своим тяжелым трудом заработанные гроши, чтобы поддержать орган своей воли и своих требований. С этих рабочих медяков складывались тысячи рублей. И очень скоро газета окрепла, стала расходиться в десятках тысяч экземпляров, сея свет среди широких масс. Русские рабочие уже знают, какие услуги оказывает им их газета! Она помогла им в огромной степени сплотить свои ряды, стать сплоченной массой, знающей свои цели. Как в политических делах, так и в экономической борьбе стала она указателем направления к непримиримому марксизму.

Сила рабочей печати является показателем силы рабочего движения. Уже в течение нескольких недель в редакцию «Пути правды» ежедневно поступают сотни рублей. Рабочие дают деньги на свою газету! Они знают, что это не жертва, а лишь исполнение пролетарской обязанности. Польские рабочие! Вы несете такую же обязанность по отношению к „Новой Трыбуне“»⁷³.

Несколько позднее «Новая Трыбуна» подробно познакомила своих читателей с развитием русской рабочей печати, начиная от выхода «Звезды» и первого номера «Правды» до ее современного состояния и перспектив создания маленькой однокопеечной газеты, которая издавалась бы при газете «Путь правды» тиражом в несколько сот тысяч экземпляров⁷⁴.

⁷⁰ «Nowa Trybuna», 18.IV (1.V) 1914.

⁷¹ «Путь правды», 28.III 1914.

⁷² «Nowa Trybuna», 2 (15).IV 1914.

⁷³ «Nowa Trybuna», 18.IV (1.V) 1914.

⁷⁴ «Nowa Trybuna», 3 (16).V 1914.

Статьи «Новой Трыбуны» о большевистской «Правде» весьма характерны во многих отношениях. Прежде всего они свидетельствовали о понимании польской легальной марксистской газетой роли рабочей печати как коллективного организатора и воспитателя масс. Опыт русского рабочего класса, его живую связь со своей боевой газетой «Нова Трыбуна» стремилась сделать достоянием и польского рабочего движения. Гордость за успехи русского рабочего класса, за его «Правду», полное единство с русским революционным движением являлись неотъемлемыми признаками присущих «Новой Трыбуне» революционности и пролетарского интернационализма.

С особой силой дух союза и братства польского и русского революционного движения проявился в приветствии, с которым «Нова Трыбуна» обратилась к газете «Путь правды» в связи с днем рабочей печати. «В торжественный для всех российских рабочих день двухлетнего существования рабочей марксистской печати мы шлем вам горячий привет, — писала редакция органа польских марксистов. — На вашу долю выпала великая честь быть идейной преемницей первой рабочей «Правды». Так пусть же «Путь правды», следуя ее заветам, служит рабочему классу, без различия национальностей, освещая ему светом последовательного марксизма тернистый путь движения. Этот праздник — и наш праздник. Да здравствует братство русских и польских рабочих!»⁷⁵.

Изложение событий с позиции подлинного братства и единства польских и русских рабочих было типично для всех материалов, печатавшихся в «Новой Трыбуне». Касалось ли дело происшедших весной 1914 г. массовых производственных отравлений работников фабрики резиновых изделий «Треугольник» и одной из табачных фабрик в Петербурге⁷⁶, первомайских выступлений русского рабочего класса⁷⁷, закрытия властями петербургского союза металлистов⁷⁸ и многих десятков других фактов, «Нова Трыбуна» всегда рассматривала их в свете общих задач и интересов польского и русского пролетариата.

В большевиках-депутатах Государственной думы «Нова Трыбуна» видела «представителей сознательных рабочих всего государства». Газета широко популяризировала деятельность депутатов-большевиков, умело использовавших под руководством В. И. Ленина думскую трибуну для постоянных изобличений царского режима и чудовищной эксплуатации трудящихся и для пропаганды основных требований партийной программы-минимум.

«Нова Трыбуна» опубликовала полный текст законопроекта о максимальном 8-часовом рабочем дне, внесенного в Думу социал-демократическими депутатами, ряд статей, популяризовавших это требование, а также обращение и анкету социал-демократической фракции Думы о продолжительности рабочего дня в России⁷⁹.

В связи с рассмотрением в Думе давно назревшего вопроса о городском самоуправлении в Королевстве Польском газета изложила декларацию социал-демократических депутатов. В ней разоблачался законопроект о городском самоуправлении, предусматривавший передачу власти в руки горстки богачей и национальные ограничения для части городского населения. «Рабочие, — писала польская марксистская газета, — будут добиваться самоуправления, опирающегося на демократические начала»⁸⁰. Позиции депутатов-большевиков «Нова Трыбуна» противопоставляла позицию польской националистической буржуазной фракции в Думе —

⁷⁵ «Путь правды», 22.IV 1914, а также «Nowa Trybuna», 3 (16).V 1914.

⁷⁶ «Nowa Trybuna», 2 (15).IV 1914.

⁷⁷ «Nowa Trybuna», 23.V (5.VI) 1914.

⁷⁸ «Nowa Trybuna», 5 (18).VI 1914.

⁷⁹ «Nowa Trybuna», 18.IV (1.V) 1914; 3 (16).V 1914.

⁸⁰ «Nowa Trybuna», 2 (15).IV 1914.

польского коло, непрерывно лакействовавшего перед русскими черносотенцами. «Нет такого врага, — писала газета о польском коло, — с которым оно не соединилось бы против рабочих»⁸¹. Вместе с Пуришкевичами и Марковыми польское коло одобрило удаление силой из зала заседаний Думы депутатов социал-демократов и трудовиков, в защиту своих прав устроивших обструкцию новому председателю совета министров Горемыкину; именно польское коло поддержало правительственную политику аграрного протекционизма, выдающую широкие массы трудящихся на произвол спекулянтам; прикрываясь трескучей повиннистической пропагандой, раздувая антисемитизм, ведя черносотенную кампанию против классовых организаций пролетариата, польское коло, как на фактах доказывала «НоваТрыбуна», вело политику полной поддержки бюрократическо-централистской царской империи⁸².

Изобличая националистическую, антинациональную политику польского коло, «Нова Трыбуна» выступала в защиту национальных интересов польского народа. Она показала, как совместными усилиями царской охранки и польских буржуазных прогрессистов было закрыто за просветительскую деятельность Товарищество польской культуры⁸³, как домбровские промышленники добивались закрытия имеющихся немногочисленных школ, потому что «просвещение портит рабочего, делает его более требовательным и строптивым»⁸⁴, и т. п.

В газете уделялось некоторое внимание аграрному вопросу и положению крестьянства. Так, «Нова Трыбуна» поместила статью М. Броньского о капиталистическом развитии сельского хозяйства за 50 лет, прошедших после земельной реформы 1864 г.⁸⁵, в другой раз, ссылаясь на радикальный крестьянский журнал «Заране», газета писала о духовном терроре церковников в деревне и давлении помещичьих организаций на крестьянство. Рабочий класс, отмечала в связи с этим «Нова Трыбуна», отдаст себе отчет о значении, какое имеет демократическое движение в деревне, и должен разъяснить безземельным и малоземельным крестьянам, что они могут защитить свои интересы только в союзе с городским пролетариатом⁸⁶. Но в основном крестьянский вопрос оказался вне поля зрения газеты. Объясняется это, конечно, не случайными обстоятельствами, а свойственной польским социал-демократам недооценкой значения союза рабочего класса с трудящимся крестьянством.

Самому же рабочему классу, его борьбе были посвящены почти все полосы «Новой Трыбуны». В гущу рабочих масс польская марксистская газета несла дух революционной борьбы и мысли. Недаром, вновь отмечая успехи «Новой Трыбуны», «Правда» писала, что то, с каким азартом на нее накинулись буржуазная печать и ликвидаторская «Кузница», показывает, насколько для них неудобно появление легального польского марксистского органа⁸⁷.

Польские рабочие сразу же заметили появление «Новой Трыбуны». Уже во втором своем номере редакция газеты выразила благодарность ряду лиц, приславших ей свои поздравления. «Вместе с Вами надеемся, что наше дело преодолет все преграды и что польский пролетариат не даст себя лишнить своего органа», — писала газета всем тем, кто ее приветствовал⁸⁸. В третьем номере газеты уже появились рабочие корреспонденции, заметки и письма, присланные прямо с предприятий. Так, рабочий фабрики «Мотув» в Ченстохове, на которой работало свыше 3 тыс.

⁸¹ «Nowa Trybuna», 18.IV (1.V) 1914.

⁸² «Nowa Trybuna», 3 (16).VII 1914.

⁸³ «Nowa Trybuna», 18.IV (1.V) 1914.

⁸⁴ «Nowa Trybuna», 2 (15).IV 1914.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ «Nowa Trybuna», 19.VI (2.VII) 1914.

⁸⁷ «Путь правды», 27.IV 1914.

⁸⁸ «Nowa Trybuna», 2 (15).IV 1914.

человек, сообщал о каторжных порядках, существовавших на фабрике, о том, что на рабочих сыпятся штрафы, что тех, кто, проработав многие годы, потерял силы и здоровье, увольняют, лишая последнего куса хлеба; «Ткач» с варшавской фабрики Майзеля писал о беспощадном использовании на предприятии труда девочек⁸⁹.

Передовые рабочие отдавали себе отчет в своих обязанностях по отношению к рабочей газете. Поэтому их поздравления газете обычно сопровождалась пересылкой денежных средств в фонд своего печатного органа. «Группа рабочих с Воли с радостью приветствует выход «Новой Трыбуны» как подлинно марксистского органа и посылает 2 рубля, собранные в фонд печати»; группа рабочих крупного варшавского предприятия — завода Лиллоп, Рау и Левенштейн перевела «Новой Трыбуне» 11 руб. 50 коп. 48 лодзинских рабочих сообщали, что они поставили газету «по мере возможности поддержать материально и морально»⁹⁰; шесть рабочих марксистов из железнодорожного депо Прага-Надвислянская, советуя своим товарищам читать «Нову Трыбуну», а также «Правду», «Вопросы страхования» и другие рабочие издания перевели 10 руб. 40 коп. «на развитие „Новой Трыбуны“, дорогой нам газеты». Приветствие «Новой Трыбуне» поступали и от тех, кто «в силу внутренних обстоятельств» находится на далеком холодном Севере либо в дикой сибирской тайге»⁹¹. Группа лодзинских рабочих писала одному из большевистских депутатов Государственной думы: «По прочтению рабочей газеты „Путь правды“ № 42, а также рабочей газеты „Nowa Trybuna“ №№ 1—2 мы постановили произвести сбор средств и выслать вам 22 апреля с. г. (т. е. в день печати. — А. М.)»⁹². Несмотря на особо тяжелое положение, связанное с тем, что они работали только по три дня в неделю, рабочие фабрики «Варшавянка», одобряя направление, взятое «Новой Трыбуной», и считая необходимым поддержать легальное рабочее издание, обещали в письме, направленном в редакцию, помогать ей сбором средств⁹³ и т. д.

Продолжая знакомить общероссийского читателя с «Новой Трыбуной», «Правда» в своем отделе «Литературная полка рабочего» отмечала, что «Нова Трыбуна», излагающая рабочим марксистскую оценку событий, публикует много корреспонденций, заметок из рабочей жизни и писем рабочих в редакцию⁹⁴.

Хотя с появлением «Новой Трыбуны», польское революционное движение обрело свой легальный орган, «Правда», как и ранее, с большим вниманием продолжала освещать жизнь и борьбу польского рабочего класса. Много внимания газета уделила тому боевому характеру, который носили первомайские выступления рабочих Варшавы в 1914 г.⁹⁵; упорной забастовке на Варшавских газовых заводах⁹⁶; административному произволу заводских властей, закрывших в Сосновицах, Домброве, Заверце, Дубовой Гуре даже разрешенные законом организации⁹⁷, и т. д.

Публикация материалов на польские темы в ежедневной «Правде» не только отражала единство интересов всего российского пролетариата, но в известной мере облегчала задачи польского еженедельника.

Делая важный шаг к тому, чтобы еще больше приблизить «Нову Трыбуну» к читателям, редакция открыла свое отделение в Варшаве; уведомление об этом появилось в четвертом номере газеты. С этим редакция

⁸⁹ «Nowa Trybuna», 18.IV (1.V) 1914.

⁹⁰ «Nowa Trybuna», 3 (16).V 1914.

⁹¹ «Nowa Trybuna», 5 (18).VI 1914.

⁹² ЦПА ИМЛ, ф. 486, оп. 1, д. 53, л. 3.

⁹³ Там же, д. 50, л. 118.

⁹⁴ «Трудовая правда», 1.VI 1914.

⁹⁵ «Путь правды», 30.IV 1914.

⁹⁶ «Путь правды», 16.V 1914; «Рабочий», 29.V 1914.

⁹⁷ «Рабочий», 22.V 1914.

«Новой Трибуны», как это видно из перехваченного полицией письма, связывала и надежды на то, что теперь от рабочих «посыпятся корреспонденции и деньги»⁹⁸.

Успешная деятельность «Новой Трибуны» получила весьма положительную оценку большевистского теоретического органа — журнала «Просвещение». Рассказав о длительной и упорной борьбе польских марксистов за легальную прессу, об их попытках организации легального издания в Варшаве, «Просвещение» отмечало, что с выходом «Новой Трибуны», наконец, возродилась польская легальная рабочая печать. «Новая Трибуна» выражает мнение огромного большинства сознательных рабочих Польши, координирующих свои действия с сознательными рабочими России, сторонников последовательных неурезанных лозунгов», — писал журнал «Просвещение».

Изложив основное содержание вышедших номеров «Новой Трибуны», «Просвещение» отмечало: «Находясь на правильном идейном пути, „Nowa Trybuna“ окажет, без сомнения, громадные услуги польским рабочим, помогая распространению среди широких масс идей последовательного марксизма»⁹⁹.

Высшим одобрением «Новой Трибуны» явилась прямая поддержка марксистской газеты В. И. Лениным. Об этом редакция известила своих читателей в особой информационной заметке следующего содержания: «Тов. В. Ильин передал нам выражение полной солидарности с идейным направлением „Новой Трибуны“ и присоединил к нему 5 крон в ее денежный фонд»¹⁰⁰.

Одобрив общее направление «Новой Трибуны», В. И. Ленин тем самым еще раз поддержал «розламовцев» во всем том революционном, передовом, что было им свойственно. Но, поддерживая «розламовцев», Ленин в то же время критиковал их ошибки, помогал им, как и всей СДКПиЛ, преодолеть неверные представления по многим вопросам марксистской теории, правильно уяснить ближайшие задачи рабочего класса и его революционного авангарда.

Одно из центральных мест в деятельности революционного авангарда занимала борьба за создание партии нового типа. Однако сами «розламовцы», несмотря на всю свою близость к большевикам, не обнаруживали ленинской принципиальности и стойкости в деле строительства революционной партии, и в решающий момент, на Брюссельском «объединительном» совещании, созванном исполнительным комитетом Международного социалистического бюро в июле 1914 г., их представители Я. Ганецкий и А. Малецкий, явившиеся как союзники большевиков, в ходе совещания поддержали оппортунистических лидеров II Интернационала, в замыслы которых входило под видом объединения РСДРП ликвидировать большевистскую партию. Польская оппозиция («розламовцы»), писала Н. К. Крупская в Петербург в Русское бюро ЦК РСДРП, «сначала держалась с делегацией ЦК, потом, испугавшись угроз, голосовала с ликвидаторами...»¹⁰¹.

Эта уступка «розламовцев» нажиму оппортунистов и ликвидаторов, оказавшаяся, впрочем, весьма недолговременной, была гневно осуждена В. И. Лениным¹⁰². ЦК РСДРП 6 (19) июня 1914 г. принял решение: «Прекратить моральную и материальную поддержку полякам (оппозиции)»¹⁰³.

⁹⁸ Центральный государственный исторический архив в Москве, ф. ДП, О, оп. 1914, д. 5, ч. 95, л. 20.

⁹⁹ «Просвещение», 1914, № 7, стр. 107.

¹⁰⁰ «Nowa Trybuna», 3 (16).V 1914.

¹⁰¹ «Исторический архив», 1957, № 6, стр. 28.

¹⁰² См. В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 428—430.

¹⁰³ «Исторический архив», 1958, № 6, стр. 27. В условиях начавшейся летом 1914 г. первой мировой империалистической войны «розламовцы», а вслед за ними и Главное правление СДКПиЛ в решающих вопросах момента, приблизились к позиции большевиков. Это способствовало воссоединению в ноябре 1916 г. двух ча-

Неустойчивость позиции «розламовцев» в вопросе о партии сказалась, видимо, и в том, что «Нова Трыбуна» почти не касалась внутреннего положения СДКПиЛ, линии его Главного правления. Объяснять это молчание лишь цензурными соображениями не приходится, так как «Правда» постоянно в форме, диктовавшейся общей обстановкой, разоблачала все антипартийные течения и группировки. Например, уже после того, как стала выходить «Нова Трыбуна», «Правда» поместила статью «Против раскола», в которой осветила организационный кризис, имевший место в СДКПиЛ, и указала, что с образованием Краевого правления положен конец существовавшему в польской социал-демократии разброду. «Тышкинцам остается теперь выбирать — или вернуться в ряды марксистов, или окончательно оказаться вне рабочего движения»¹⁰⁴. «Нова Трыбуна» не откликнулась на эту статью и вообще обходила молчанием промежуточную позицию «тышкинцев», хотя и вела открытую борьбу против ликвидаторской «Кузни» и связанной с меньшевиками ППС-левицы.

Несмотря на некоторую свою непоследовательность и ограниченность, «Нова Трыбуна», являлась боевым революционным органом. Царские власти вскоре же после появления в Петербурге польской марксистской газеты обратили на нее внимание.

Уже после Великой Октябрьской социалистической революции Зб. Фабержевич обнаружил и опубликовал в «Ведомостях Комисарьяту», редактором которых он являлся, два посвященных «Новой Трыбуне» документа, исходившие от Варшавского охранного отделения. В первом из них, относящемся к 30 марта (12 апреля) 1914 г., начальник варшавской охраны сообщал в Петербург директору департамента полиции о появлении в Варшаве первого номера «Новой Трыбуны» и докладывал, что «за дальнейшим распространением этой газеты в г. Варшаве в настоящее время установлен тайный надзор». Ко второму своему донесению, отправленному 15 (28) апреля, начальник варшавской охраны приложил переводы некоторых статей «тенденциозного направления» из № 2 «Новой Трыбуны»; он сообщал, что о распространении газеты в Варшаве им сделано донесение также помощнику варшавского генерал-губернатора¹⁰⁵.

После того как в шестом номере газеты была опубликована статья о репрессиях против профессиональных союзов, в которой содержался призыв к рабочим добиться изменения соотношения политических сил, редактор газеты Ф. Станкевич был приговорен петербургским градоначальником к 300 руб. штрафа или двум месяцам тюремного заключения¹⁰⁶, а после выхода 3 (16) июля восьмого номера «Новой Трыбуны» издание прекратилось. Как известно, в те же дни, 8 (21) июля, царские власти закрыли и «Правду».

«Нова Трыбуна» до сих пор не привлекала к себе внимание исследователей. Между тем в ней ярко отражаются сильные и слабые стороны передовой части польской социал-демократии того времени — «розламовцев». То, что газета неизменно отстаивала коренные классовые интересы пролетариата, воспитывала польских рабочих в духе революционного союза с рабочим классом России, позволяет говорить о «Новой Трыбуне», как о подлинном собрате большевистской «Правды», а о «розламовцах» — как об искренних, хотя и не всегда последовательных, союзниках большевиков.

стей СДКПиЛ в единой революционной партии. Объединение в декабре 1918 г. СДКПиЛ с революционизировавшейся ППС-левицей положило начало Коммунистической рабочей партии Польши.

¹⁰⁴ «Путь правды», 11.IV 1914.

¹⁰⁵ «Wiadomości Komisarjatu», 26.IX 1918.

¹⁰⁶ ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 21, д. 2, л. 48.

Я. Б. Шмераль

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ БУРЖУАЗНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Проблема образования и становления буржуазной Чехословацкой республики относится к числу важнейших проблем новейшей истории Чехословакии. Она стала не только предметом многочисленных исторических исследований. В течение многих лет она являлась объектом ожесточенной политической борьбы. С нею был связан один из кардинальных вопросов классовой борьбы — вопрос об отношении к буржуазному государству. Созданные буржуазной историографией «вильсоновская» и «масариковская» легенды стали в межвоенное двадцатилетие одним из краеугольных камней официальной буржуазной пропаганды, которая оказывала немалое влияние на значительную часть трудящихся. Вот почему восстановление исторической правды о событиях того времени стало одной из важнейших задач историков-марксистов Чехословакии. К настоящему времени в этой области им удалось достичь немалых результатов.

Данная статья содержит обзор основных направлений чехословацкой буржуазной историографии, а также характеристику некоторых работ буржуазных авторов, посвященных образованию и становлению чехословацкого государства в 1918 г. Вместе с тем в ней дается попытка подвести некоторые итоги разработки этой проблемы чехословацкими историками-марксистами.

* * *

Борьба по вопросам оценки рассматриваемого события выростала непосредственно из политической борьбы, сохраняя большую остроту на протяжении всего межвоенного периода. Вот почему для исследователя порой нелегко провести четкую грань между работами историков и работами политических деятелей и публицистов, между некоторыми видами источников и литературой.

Несмотря на ряд различий в подходе к исследуемой проблеме, подавляющее большинство буржуазных авторов изображало процесс образования Чехословакии лишь как результат политики империалистических держав Запада, деятельности буржуазной эмиграции, а также лидеров чешских буржуазных партий внутри страны. Одновременно они замалчивали или всемерно принижали значение революционной борьбы трудящихся Австро-Венгрии и то огромное влияние, которое оказала на исто-

рические судьбы чешского и словацкого народов Великая Октябрьская социалистическая революция. Сам факт возникновения буржуазно-демократического Чехословацкого государства они рассматривали как самоцель, как своего рода воплощение абсолютной идеи, на которой основывается поступательное развитие общества.

При всем том общем, что объединяет буржуазных авторов, в их концепции можно отметить различные оттенки, находящиеся в непосредственной связи с политической борьбой внутри правящего лагеря домюнхенской Чехословакии, а в значительной мере и с личными амбициями отдельных буржуазных политических деятелей того времени¹.

С открыто реакционных, крайне националистических позиций оценивали события рассматриваемого периода идеологи национально-демократической партии, длительное время претендовавшей на руководящее положение в лагере чешской буржуазии. В работах лидера этой партии К. Крамаржа², восплававшего политическим честолюбием поэта В. Дыка³ и перешедшего на позиции фашизма И. Стршибрного⁴, в сериях статей, периодически появлявшихся на страницах газеты «Народни листы» и журнала «Трибуна», содержались грубейшие нападки на рабочий класс, революционные выступления которого в период 1918—1920 гг. объявлялись изменой национальным интересам чешской нации⁵. К ним примыкал со своими ультрареакционными теориями и историк И. Пекарж, резко критиковавший «справа» проведенные в этот период буржуазно-демократические реформы и горько сожалевший об утраченных привилегиях дворянства⁶. Не страдая излишней скромностью, лидеры национальных демократов всемерно восхваляли свои мнимые заслуги и упрекали группу Масарика—Бенеша в том, что она присвоила себе их лавры.

Твердолобый консерватизм и открытая реакционность национал-демократов, приведшие к быстрому падению их политического влияния в стране, помешали широкому распространению выдвигаемого их представителями толкования событий, связанных с возникновением буржуазной республики.

Более широкое хождение получила версия, отражавшая позицию ведущей группировки чехословацкой буржуазии — так называемой группы Града⁷, возглавляемой Масариком и Бенешем.

В качестве идеологов этой группы выступали многие политические деятели чешского буржуазного лагеря, сторонники так называемого «чехословакизма» в рядах словацкой буржуазии⁸, а также ведущие представители чехословацкой социал-демократии. Исходя в принципе из тех же позиций, что и Крамарж и его приверженцы, они проявляли значительно большую политическую гибкость в аргументации выдвигаемых ими положений.

Одним из родоначальников так называемой «масариковской легенды» о становлении чехословацкой буржуазной республики является по существу не кто иной, как сам Масарик. Масарик бесспорно выделялся на фоне большинства других чешских буржуазных политиков, кругозор

¹ В связи с этим вряд ли можно согласиться с некоторыми историками, которые считают, что развернувшиеся с середины 20-х годов ожесточенные споры между отдельными группами буржуазных авторов были вызваны лишь тактическими соображениями.

² К. Крамарж. *Život-dílo-práce vůdce národa*, d. I—II. Praha, 1936; он же. *Paměti*, Praha, 1937.

³ V. Dyk. *O národní stát, 1917—1919*, Praha, 1932.

⁴ J. Stršíbrný. *Ze zákulisí bojů 28 října 1918*. Praha, 1935.

⁵ См., например: «*Národní listy*», 15.X 1926.

⁶ J. Pekař. *Omyly a nebezpečí pozemkové reformy*. Praha, 1923.

⁷ Град — пражский замок, резиденция президента Чехословацкой республики.

⁸ Т. е. словацкие буржуазные деятели, выступавшие за союз с чешской буржуазией.

которых не простирался в довоенный период дальше границ Австро-Венгрии. Он был одним из первых, кто понял, что мировая война может сделать возможным то, что было невозможно раньше — создание чехословацкого государства. Однако, стремясь к достижению этой в принципе прогрессивной цели, он избрал весьма реакционный путь. Масарик не только выступил в роли одного из активнейших врагов Октябрьской революции, но явился по существу и противником антиимпериалистического в своей основе революционного движения трудящихся Австро-Венгрии, т. е. именно тех сил, которые абстрактную возможность создания чехословацкого государства превратили в реальную действительность. Ориентация на то, чтобы поставить существование чехословацкого государства в полную зависимость от политики империалистических держав Запада делала решение чехословацкого вопроса непрочным и неустойчивым. В этом смысле позиция Масарика действительно носила не только антинародный, но и антинациональный характер. Мюнхен, оккупация Чехословакии и появление непосредственной угрозы физического истребления чешской нации — таков конечный результат осуществления этой концепции на практике.

Концепция Масарика изложена в его статьях и выступлениях, опубликованных впоследствии в сборнике «Путь демократии»⁹, а также в книге «Мировая революция»¹⁰. Наряду с воспоминаниями в этой работе выделены специальные разделы, в которых дается оценка процессов, связанных с образованием Чехословакии. Подчеркивая, что державы Антанты и США почти до самого конца мировой войны ориентировались на сохранение Австро-Венгрии, Масарик проводит мысль о том, что лишь благодаря настойчивости возглавляемых им эмигрантских кругов удалось добиться изменения этой позиции. Их деятельности он приписывает решающую роль в возникновении Чехословакии, отбрасывая при этом важнейшие объективные факторы развития международной обстановки и внутреннего положения Австро-Венгрии тех лет.

Неизменным лейтмотивом всех этих работ является утверждение, что образование Чехословакии не имеет ничего общего с Великой Октябрьской социалистической революцией. Уже на следующий день после возвращения из эмиграции Масарик в своем программном заявлении 22 декабря 1918 г. сказал: «Судьбы нашей нации прямо логически связаны с Западом и его современной демократией»¹¹. «Мы достигли своей политической независимости главным образом благодаря державам Запада — Франции, Англии, Америки и Италии» — таков основной тезис его позднейшей работы «Мировая революция»¹². Так уже в первые дни существования Чехословакии создавалась та порочная концепция, которая позднее оказалась «прямо логически связанной» с Мюнхенской катастрофой.

Масарик прямо указывает, что вооруженное выступление внутри страны вплоть до самого конца войны не входило и не могло входить в его планы. По его утверждению народные массы играли лишь второстепенную роль пассивного помощника эмиграции. Вопреки общеизвестным фактам он практически полностью обходит молчанием значение активной борьбы трудящихся масс монархии. «Мы завоевали свою самостоятельность в Сибири, во Франции и Италии, как коротко это охарактеризовал президент Пуанкаре, — утверждает он. — Легионы обеспечили нам симпатии и поддержку западных держав, легионы и сибирский поход обеспечили нам симпатии широкой общественности в странах союз-

⁹ T. G. Masaryk. Cesta demokracie. Praha, 1925.

¹⁰ T. G. Masaryk. Světová revoluce. Praha, 1925.

¹¹ T. G. Masaryk. Cesta demokracie, стр. 12.

¹² T. G. Masaryk. Světová revoluce, стр. 512.

ников и даже уважение наших врагов... Таким образом, эта революция произошла несколько своеобразно»¹³. Это была весьма «своеобразная» концепция, в соответствии с которой контрреволюционное восстание в далекой Сибири выдавалось за основную силу национального освобождения народов Чехословакии¹⁴. Она действительно отражала политическую линию чешских буржуазных кругов, прилагавших максимум усилий для того, чтобы отстранить народные массы от процесса создания чехословацкого государства. Но этот сугубо односторонний подход имел мало общего с реальной картиной возникновения Чехословацкой республики.

Главной мыслью, которую проповедовал Масарик в своих послевоенных работах и выступлениях, было утверждение, что опыт революционной России не применим в условиях развитых капиталистических стран и, в частности, Чехословакии. Ссылаясь на экономическую и культурную отсталость России, он утверждал, что большевизм представляет собой лишь разрушительное начало и не способен к созидательной деятельности. Позднее, когда Советский Союз наглядно показал всему миру пример небывалого в истории творческого созидания, последователями Масарика, которые и сейчас еще не перевелись на Западе, пришлось немало потрудиться, чтобы завуалировать этот ненадежный фундамент, на котором покоилась вся аргументация Масарика.

Характерно, что, рассматривая события после октября 1918 г., Масарик ограничивается нарочито туманными рассуждениями о «подлинной демократии», которую будто бы и представляла буржуазная Чехословакия. Ярким примером демагогической эквилибристики может послужить, например, следующая фраза из его предисловия к книге «Путь демократии»: «Демократия для меня означает осуществление в демократической форме демократической, гуманистической программы: осуществление в демократической государственной и конституционной форме идеалов демократии — именно так я всегда и понимал демократию»¹⁵.

Положения, выдвинутые Масариком, легли в основу большинства работ буржуазных авторов, посвященных проблеме образования и становления Чехословацкой республики. С середины 20-х годов начали появляться мемуары и исторические работы чехословацких буржуазных деятелей, способствовавшие дальнейшему распространению так называемой «масариковской легенды». В 1928—1930 гг. была опубликована трехтомная работа Э. Бенеша «Мировая война и наша революция»¹⁶. Это была своего рода попытка подвести документальную базу под тезисы, выдвинутые Масариком. В предисловии к III тому этой работы автор подчеркивает, что он ставил перед собой задачу восстановления на основе документального материала объективной картины процессов, связанных с образованием Чехословацкой республики.

Односторонним подбором материала Бенеш стремился свести процесс создания чехословацкого буржуазного государства прежде всего к деятельности буржуазной эмиграции. Вместе с тем следует отметить, что в работе Бенеша впервые было опубликовано некоторое количество и таких документов, которые не укладывались в рамки масариковской кон-

¹³ Там же, стр. 447—448.

¹⁴ При рассмотрении проблем образования чехословацкого буржуазного государства небезытересно сравнить работы Масарика, например, с мемуарами одного из последних министров иностранных дел Австро-Венгрии Черниша. Черниш прямо говорит, что причиной распада монархии было прежде всего революционное движение масс, ставшее грозной силой именно под влиянием русской революции. Сопоставление подхода к историческим фактам этого самовлюбленного и не очень далекого аристократа с концепцией Масарика выглядит в данном случае не в пользу последнего.

¹⁵ T. G. Masaryk. Cesta demokracie, стр. VII.

¹⁶ E. Beneš. Světová válka a naše revoluce, d. I—III. Praha, 1928—1930.

цепции и выставляли в довольно неприглядном свете как позицию западных держав по чехословацкому вопросу, так и политику самой чехословацкой буржуазии.

Из рядов правой социал-демократии, примыкавшей к группе Града, особенно плодовитым оказался Ф. Соуккуп¹⁷. Наряду с апологией Масарика «Сын рабочего — победитель Габсбургов»¹⁸, он выпустил в 1928 г. работу об образовании Чехословацкой республики¹⁹, а спустя десять лет — двухтомную книгу очерков по истории чехословацкой социал-демократической партии, носящих претенциозное название «Революция труда»²⁰. Основная тенденция его работ — патетическое восхваление сотрудничества социал-демократии с буржуазией, сочетающееся с само-рекламой, редкой даже у буржуазных авторов подобного рода²¹. Определенное место в своих работах Соуккуп отводит движению масс, но признает его прогрессивность лишь постольку, поскольку оно не выходило из-под влияния буржуазии. Масарик упоминается у него не иначе, как с эпитетом «благословенный»²². Рашин — один из наиболее реакционных представителей чешского финансового капитала, по утверждению Соуккупа, «один из самых больших и самых гениальных людей, рожденных чешским народом»²³. Пафос этот, однако, начинает автору изменять, когда ему приходится говорить о борьбе трудящихся масс за свое социальное освобождение. На смену ему приходит озлобленное брюзжание и бесцеремонное извращение даже общеизвестных фактов²⁴.

Несколько иной характер носят многотомные работы В. Шробара «Освобожденная Словакия» и К. Медвецкого «Словацкий переворот»²⁵. «Масариковская легенда» полностью довлеет и над ними. Оба автора вслед за Масариком исходят из идеи существования единой чехословацкой нации, отрицавшей национальную самобытность словацкого народа. И здесь

¹⁷ Франтишек Соуккуп (1871—1943) — один из лидеров чехословацкой социал-демократической партии. Будучи секретарем Национального Комитета, он принадлежал к группе так называемых «людей 28 октября», которые в момент образования Чехословацкой республики в 1918 г. непосредственно осуществили переход власти в руки чешской буржуазии. Он входил в состав первого правительства буржуазной Чехословакии, а с 1929 г. был председателем сената. Даже среди коллег пользовался репутацией цветистого, но несерьезного демагога. Это проявляется и в его исторических работах.

¹⁸ F. Soukup. Syn dělníka-vítěz nad Habsburky. Praha, 1926.

¹⁹ F. Soukup. 28 říjen. Praha, 1928.

²⁰ F. Soukup. Revoluce práce, d. I—II. Praha, 1938.

²¹ О себе Соуккуп писал всегда не иначе, как в третьем лице. В своих работах он цитировал, например, следующие отрывки из им же инспирированной статьи: «Характерная его (Соуккупа — Я. Ш.) черта — это неутомимое трудолюбие, прилежность и ответственность, с которой он берется за каждое дело — большое и малое... Любой оклад, даже министерский, не может компенсировать самоотверженность, с которой он работает. Его сердце всегда горит огнем самопожертвования» (там же, стр. 1416).

²² Там же, стр. 1094 и др.

²³ F. Soukup. 28 říjen, стр. 1139.

²⁴ Особенно фантастические вымыслы содержатся в разделах, посвященных расколу внутри социал-демократических партий. Соуккуп, например, договаривается до того, что всеобщая декабрьская забастовка 1920 г. практически будто бы вообще не состоялась («Revoluce práce», стр. 1517).

²⁵ V. Šrobár. Oslobodené Slovensko, d. I. Praha, 1928; K. Medvecký. Slovenský prevrat, d. I—III. Trnava, 1930—1931. Шробар Вавро (1869—1951) — словацкий буржуазный политический деятель, один из наиболее последовательных сторонников объединения Чехии и Словакии в единое государство. Будучи в 1918—1920 гг. министром по делам Словакии, принимал активное участие в осуществлении реакционного курса чехословацкого правительства. В дальнейшем, однако, проделал большую эволюцию. В 1945 г. встал на сторону народно-демократического строя, а после февраля 1948 г. вошел в состав правительства Клемента Готвальда. Медвецкий Карол — священник, автор ряда работ по истории религии. В 1918 г. был секретарем Словацкого национального комитета. В основу его работы легли многочисленные воспоминания местных священников о событиях 1918—начала 1919 г.

мы сталкиваемся с рядом весьма произвольных оценок, что особенно бросается в глаза, когда речь заходит о революционных выступлениях народных масс. Однако имеющийся в этих работах материал, в том числе и материал по истории массового революционного движения, нередко выходит за рамки оценок и концепций авторов и помогает воссоздать объективную картину положения в Словакии в рассматриваемый период. Это представляет особую ценность для исследователя, так как в силу ряда причин по истории Словакии того времени сохранилось мало доступных источников.

По своей проблематике значительный интерес вызывает вышедшая в 1936 г. работа «Строительство армии» Р. Калгоуса²⁶, бывшего в первые годы существования Чехословацкой республики начальником оперативного отдела генерального штаба. Однако читателя, открывающего книгу, ожидает весьма необычный сюрприз: она почти наполовину состоит из чистых белых листов. В предисловии автор объясняет это тем, что им опущен ряд разделов по просьбе министерства обороны. Это именно те разделы, в которых рассматриваются конкретные мероприятия по созданию буржуазной армии. Попятно, что подобного рода засекречивание фактов двадцатилетней давности было вызвано отнюдь не соображениями военного характера, а политическими мотивами. Это еще раз показывает, насколько чувствительны были правящие круги буржуазной Чехословакии к освещению своей деятельности в период 1918—1920 гг.

Мы видим, что в основе официальной буржуазной концепции образования и первых лет развития Чехословацкой республики лежали работы ведущих буржуазных политических и государственных деятелей страны. Что же касается собственно историков, они шли преимущественно по пути иллюстрации и дополнения этой уже сложившейся концепции.

В конце 20-х—начале 30-х годов появилась целая серия работ, посвященных проблеме образования Чехословацкой республики²⁷. Одновременность их выхода, круг авторов, а также их полемическая направленность позволяют предполагать, что они были подготовлены непосредственно по инициативе Э. Бенеша²⁸. К ним вскоре присоединились работы, защищавшие политику Масарика и Бенеша в период образования Чехословакии против критики немецких и словацких сепаратистов²⁹.

В силу самой специфики исторических исследований, требующих систематического изложения фактического материала, авторы этих работ оказались в более сложном положении, чем политические деятели, по стопам которых они шли. Одни из них (Я. Верштадт, В. Халоупецкий) предпочитали обходить не устраивавшие их факты, другие вынуждены были вносить определенные коррективы в защищаемую ими концепцию. С этой точки зрения наиболее интересны работы Я. Опоченского, принадлежавшего к числу серьезных буржуазных историков. Он не мог вслед за Масариком просто сбрасывать со счетов роль трудящихся масс в образовании

²⁶ R. Kalhous. Budování armady. Praha, 1936.

²⁷ J. Opocenský. Vznik národních států v říjnu 1918. Praha, 1927; он же. Konec monarchie rakousko-uherské. Praha, 1928; L. Borský. Znovudobytí samostatnosti. Praha, 1928, а также ряд статей Я. Опоченского, Л. Сыхравы, Я. Верштадта, опубликованных в 1926—1928 гг. в сборниках «Naše revoluce». В 1928 г. вышла книга Я. Папоушека «Лженаука об освобождении» (J. Papoušek. Osvozenecská praveďa), полемически направленная против Крамаржа.

²⁸ Об этом свидетельствует тот факт, что Я. Опоченский, Я. Верштадт и Я. Папоушек принимали непосредственное участие в подготовке работы Бенеша «Мировая война и наша революция» (см. предисловие к III тому этой работы).

²⁹ F. Houdek. Oslobodenie Slovenska. Praha, 1929; V. Chaloupecký. Zápas o Slovensko 1918. Praha, 1930. Ранее появилась работа Ф. Цайтхамела «Слава и падение провинции Дейчбемеш» (F. Caithamel. Sláva a pád «provincie Deutschböhmen». Praha, 1924).

Чехословацкой республики и даже опубликовал специальную работу, посвященную всеобщей забастовке 14 октября 1918 г.³⁰

Опоченский признает большое влияние русской революции на распад Австро-Венгрии, на процесс борьбы поработенных народов монархии за свою национальную независимость. Однако, по его мнению, силы социальной революции и национально-освободительной борьбы — это лишь временные союзники, пути которых в конечном счете расходятся. В этом сказывалась классовая ограниченность Опоченского, который не мог себе представить завоевание национальной свободы иначе, чем в форме создания буржуазного государства. Тем не менее в целом его труды стоят значительно выше работ большинства других чехословацких буржуазных историков, предпочитавших обходить молчанием вопросы, рассмотрение которых не укладывалось в рамки отстаиваемой ими концепции.

Прославляя факт образования чехословацкого государства, эти историки всемерно уклоняются от конкретного анализа того, что же из себя представляло в действительности это государство. Вот почему начало 1919 г. — это тот сакраментальный рубеж, через который не смогло перевалить большинство авторов более поздних буржуазных монографических исследований.

Среди них следует отметить работу Э.Штрауса «Возникновение Чехословацкой республики», которая представляет собой обобщение предшествующих работ чехословацких историков с умеренным креном в сторону немецкого национализма³¹. Проблеме образования Чехословацкой республики значительное внимание уделено и в последней книге многотомной «Политической истории чехословацкой нации с 1848 г. по настоящее время» З.Тоболки³². Работа эта, развивающая положения его предшествующей книги «Чешская политика в период мировой войны»³³, в целом также не выходит за рамки официальной буржуазной концепции. Однако на работе З.Тоболки, видимо, сказалось его стремление оправдать свою австрофильскую позицию в годы первой мировой войны, стремление показать, что она в принципе ничем не отличалась от позиции остальных деятелей чешского лагеря. Поэтому он приводит ряд фактов и материалов, которые в значительной мере развенчивают ореол революционности «людей 28 октября», а тем самым и чешской буржуазии в целом.

Рассмотрению внутриполитической проблематики Чехословакии 1919—1920 гг. был посвящен ряд официальных и полуофициальных изданий. К десятилетию Чехословакии был издан трехтомный сборник «Чехословацкая республика»³⁴. Официальный, юбилейный характер сборника определял, естественно, и его апологическое содержание. Что касается работ отдельных авторов, то они, как правило, стремились избегать обобщающего анализа внутриполитических проблем, ограничиваясь лишь об-

³⁰ J. Opočenský. 14 říjen 1918. «Naše revoluce», III. Praha, 1926. Приводимые в этой и других его работах факты, например, полностью опровергают настоячивые утверждения Ф. Соукупы о революционном характере действий Пражского национального комитета. Они показывают, что переход власти в руки чехословацкой буржуазии был осуществлен на основе соглашения с венским правительством, которое хотя бы этой ценой стремилось избежать революционного взрыва.

³¹ E. Strauss. Die Entstehung der Tschechoslowakischen Republik. Praha, 1934. Штраус Эмиль — историк, журналист. В буржуазной Чехословакии примыкал к немецкой социал-демократии, был редактором ее теоретического журнала «Социал-демократ».

³² Z. Tobolka. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby, d. IV. Praha, 1937. Тоболка Зденек — чешский буржуазный историк и политический деятель. В начале XX в. был одним из ближайших сотрудников Масарика. В годы первой мировой войны в качестве вице-председателя парламентского клуба чешских депутатов в австрийском рейхсрате активно поддерживал политику лояльности по отношению к Австро-Венгрии.

³³ Z. Tobolka. Česká politika za světové války. Praha, 1923.

³⁴ «Deset let ČSR», d. I—III. Praha, 1928.

зором законодательных актов и статистических данных³⁵. Исключение представляют лишь работы по истории отдельных политических партий, носившие в значительной степени пропагандистский характер. Это — «Антонин Швегла в истории аграрной партии» О. Франкенбергера³⁶, «Политический путь чехословацкого католицизма от 1918 по 1928 г.» И. Долежала³⁷ и «История чехословацкой социал-демократии» И. Фальты³⁸. Интересно, что И. Долежал, открыто выступивший в роли непримиримого противника марксизма, сумел проявить гораздо больше элементарной добросовестности при характеристике развития революционного движения в Чехословакии, чем социал-демократ Фальта.

«Неблагодарную» задачу освещения внутривнутриполитической обстановки в стране в период 1919—1920 гг., от которой стремились уклониться буржуазные историки, взял на себя журналист Фердинанд Пероутка. В 1933—1937 гг. он опубликовал многотомную работу «Строительство государства», посвященную проблемам политического развития Чехословакии в 1918—1921 гг.³⁹ Несмотря на свой публицистический характер, она сразу же была принята на вооружение буржуазной историографией и пропагандой. Уже сам объем этой работы (около 3 тыс. страниц), широта охвата проблематики, живой язык, любопытные, хотя порой и сомнительные психологические экскурсы, всемерное подчеркивание своей политической беспристрастности — все это производило впечатление на недостаточно искушенного массового читателя. Действительно, автор опирается на богатый, хотя и не всегда достоверный материал, приводит ряд интересных личных наблюдений. Он готов даже признать отдельные отрицательные черты общественного строя и политики буржуазной Чехословакии. Но это делается лишь для того, чтобы придать убедительность своему главному тезису, будто бы проводимая правящими кругами страны политика была в условиях того времени единственно возможной с точки зрения общенародных и общенациональных интересов. Масарик и его политика — это та аксиома, из которой исходит вся логическая концепция Пероутки⁴⁰. Здесь у автора не находится места ни для его столь усердно рекламируемого скептицизма, ни для каких бы то ни было психологических экскурсов⁴¹. Зато его покидает академическое спокойствие, когда ему приходится

³⁵ См., например: A. Broz. The first Year of the Czecho-Slovak Republik. London, 1920; J. Borovička. Deset let československé politiky. Praha, 1928; Z. Tóbolka. Národní shromáždění v prvním desetiletí. Praha, 1929, а также крайне поверхностную работу J. Papánek. La Tchécoslovaquie, Histoire politique et juridique de sa création. Paris, 1923.

³⁶ O. Frankenberger. Antonín Švehla v dějinách agrární strany. Praha, 1931.

³⁷ J. Doležal. Politická cesta československého katolicismu 1918 až 28. Praha, 1930.

³⁸ J. Falta. Dějiny československé sociální demokracie. Praha, 1928.

³⁹ F. Peroutka. Budování státu, d. I—IV. Praha, 1933—37. Пероутка Фердинанд — либерально-консервативный журналист, по своим политическим взглядам близкий к наиболее правым кругам реформистов. В буржуазной республике получил известность своей демагогической проповедью космополитизма, «свободы личности» и «политического скептицизма». После Мюнхена распространял идеи приспособления к фашизму. В период 1945—1948 гг. — один из наиболее ярых антикоммунистических и антисоветских публицистов. После февраля 1948 г. эмигрировал за границу, где стал выступать в качестве адвоката западногерманского реваншизма. Позже возглавлял чешскую редакцию радио «Свободная Европа» в Мюнхене.

⁴⁰ В середине 20-х годов Пероутка, кокетничавший в то время с социализмом, даже полемизировал в своем журнале «Пршитомност» с философскими взглядами Масарика. В данной работе от подобного рода «ошибок молодости» не осталось и следа.

⁴¹ Впрочем, уже Пероутка исподтишка пытается несколько подновить «масариковскую легенду». Учитывая, что основной аргумент Масарика о «петворческом» и «разрушительном» характере русской революции не выдержал проверки временем, он делает вид, будто бы его никогда и не существовало. По его утверждению, антисоветский курс правящих кругов Чехословакии противоречил их намерениям

говорить о движении пролетарского авангарда, вышедшего на простор самостоятельной революционной борьбы за свое социальное освобождение. Пытаясь заменить отсутствие аргументов презрительной иронией по отношению к «толпе», он утверждает, что источником революционного движения была... политическая незрелость масс и честолюбивые замыслы их руководителей. Он упрекает правых лидеров социал-демократии за то, что они не пошли на открытый раскол с левыми еще весной 1919 г., что могло будто бы помешать развитию массовой революционной борьбы⁴². Основной вывод, к которому всей своей работой Пероутка стремится подвести читателя, — это вывод о том, что революционный путь — удел «примитивных» народов, чуждый передовым, цивилизованным нациям⁴³.

Что касается работ Г. Клепетаржа⁴⁴ и К. Крофты⁴⁵, содержащих образ истории Чехословакии в межвоенный период, то они ни по своему материалу, ни по оценкам не дают ничего принципиально нового по сравнению с уже упомянутой литературой.

Особенно тонкой аргументацией отличается книга Я. Боровички⁴⁶. Он утверждает, например, что вина за реакционную политику чехословацких правящих кругов полностью ложится на... коммунистов. Обвиняя их в расколе социал-демократии (что само по себе не верно), он пишет, что «ослабление политического влияния социалистов привело к замедлению социальных реформ, которые стояли в программе национальной революции и первых министерств»⁴⁷. Это лишь один из примеров тех трюков, которые проделывала порой буржуазная историография даже с общеизвестными, элементарными фактами.

Буржуазные авторы уделяли довольно значительное внимание рассмотрению экономических проблем развития Чехословакии в первые годы ее существования. Их работы явились отражением острой конкурентной борьбы между отдельными группировками чехословацкой буржуазии. Большинство из них было посвящено финансовым вопросам.

Перу министра финансов в первом правительстве буржуазной Чехословакии А. Рашина принадлежат книги «Мой финансовый план» и «Финансовая и экономическая политика Чехословакии до конца 1921 г.»⁴⁸ В них он описывает предпринятую по его инициативе весной 1919 г. финансовую реформу и так называемую нострификацию акций, а также отстаивает проводимый им курс на дефляцию чехословацкой валюты и введение охранительных таможенных тарифов. Понятно, что эти мероприятия он оправдывает ссылками на национальные интересы, хотя все они были всецело направлены на укрепление позиций чешского финансового капитала. Защищая эгоистические интересы своего класса, он последовательно проводит мысль о том, что главным средством стабилизации чехословацкой экономики в этот период было подавление движения трудящихся масс за улучшение условий своего существования. В этом смысле с Рашином солидаризировались Р. Готовец⁴⁹ и особенно К. Энглиш⁵⁰ —

и был навязан им Антантой, от которой полностью зависело сохранение независимости Чехословакии. Эта попытка замазать антисоветское острие социальной чехословацкой внешней политики особенно заметна в последних частях работы, опубликованных после 1935 г., когда был заключен советско-чехословацкий договор о взаимопомощи.

⁴² F. Peroutka. Указ. соч., стр. 865.

⁴³ Там же, стр. 154—156.

⁴⁴ H. Klepetar. Seit 1918... Eine Geschichte der Tschechoslowakischen Republik. Moravská Ostrava, 1937.

⁴⁵ K. Krofta. Z dob naší první republiky. Praha, 1939.

⁴⁶ J. Borovicka. Dix ans de politique tchecoslovaque. Paris, 1939.

⁴⁷ Там же, стр. 97—98.

⁴⁸ A. Rašín. Můj finanční plán. Praha, 1920; он же. Finanční a hospodářská politika československá do konce r. 1921. Praha, 1922.

⁴⁹ R. Hotowetz. Úkoly naší politiky hospodářské. Praha, 1922.

⁵⁰ K. Engliš. Otázky a názory. Praha, 1926.

его преемники на посту министра финансов. Однако вместе с тем они полемизируют против тех отстаиваемых Рашином мероприятий, которые нанесли серьезный ущерб интересам монополизированной промышленности.

Довольно подробный образ эволюции чешских банков содержится в работе А. Пимпера⁵¹ — близкого друга А. Рашина. Впрочем, он касается лишь финансовой и отчасти экономической стороны деятельности банков, оставляя в стороне их социально-политическую роль в жизни чехословацкого общества и вопрос об их международных связях. Аналогичный, хотя и более обзорный характер носят работы Я. Козака⁵², Н. Жекулина⁵³ и некоторые другие.

Фундаментальные труды, исследующие общие проблемы развития экономики страны в первые годы существования республики, практически отсутствуют не только в исторической, но и в экономической буржуазной литературе. Имеющиеся работы представляют собой либо анализ регионального развития отдельных отраслей промышленности и торговли, либо обзор статистики. К работам последнего типа можно отнести книгу М. Вейриха «Старая и новая Чехословакия»⁵⁴, представляющую собой комментированное изложение статистических данных о развитии чехословацкой промышленности в 1918—1938 гг. По широте охвата материала довольно интересна также книга немецкого автора Б. фон дер Декена «Хозяйство Чехословакии»⁵⁵. Хотя книга и лишена научного аппарата, проверка отдельных данных говорит в пользу достоверности основных приводимых в ней фактов. Этого, однако, нельзя сказать о выводах, которые автор в несколько завуалированной форме преподносит читателям. Причину неустойчивости чехословацкой экономики он видит отнюдь не в самих пороках капиталистического производства, а в недостаточной ее связи с экономикой Германии и Австрии. Более откровенно этот тезис проводится в работе Г. Гратца и Р. Шюллера «Экономический распад Австро-Венгрии»⁵⁶, в которой образование национальных государств рассматривается как экономическая катастрофа для всех составных частей монархии. Довольно интересный анализ развития экономики Словакии дается в книге И. Карваша «Выравнивание производственных условий в чешских землях и Словакии»⁵⁷. Ряд материалов о состоянии промышленности Чехословакии можно встретить и в «Сборнике лекций по народному хозяйству», изданном под редакцией В. Климецкого.

Литература по аграрному вопросу рассматриваемого периода также сравнительно невелика. В количественном отношении здесь резко преобладает пропагандистский материал аграрной партии. С претензиями на создание теоретического фундамента этой партии выступает О. Франкенбергер в своей книге «Аграризм»⁵⁸, являющейся попыткой очередного, на этот раз аграрного «опровержения» Маркса. Ее основной тезис — утверждение единства интересов всего сельского населения (лозунг «деревня — одна семья») и противоположности интересам других слоев. В книге можно встретить совершенно фантастическую аргументацию. Так, заявляя, что

⁵¹ A. Pimper. České obchodní banky za války a po válce. Praha, 1929.

⁵² J. Kozák. Československá finanční politika, nástin vývoje v letech 1918—1930. Praha, 1937.

⁵³ N. Zekulin. Československá měna od reformy dr. Rašina až do zřízení Československé národní banky. Praha, 1927.

⁵⁴ M. Weirich. Staré a nové Československo. Praha, 1938.

⁵⁵ B. von der Decken. Die Wirtschaft der Tschechoslowakei. Leipzig, 1930.

⁵⁶ Gratz G., Schüller R. Der wirtschaftliche Zusammenbruch Österreich-Ungarn. Eine Tragödie der Erschöpfung. Wien, 1930.

⁵⁷ J. Karvaš. Sjednacení výrobních podmínek v Českých zemích a na Slovensku, Praha, 1933.

⁵⁸ O. Frankenberg. Agrarismus, Národní hospodářství ze stanoviska venkovského lidu. Praha, 1923.

эксплуатация — это отнюдь не присвоение чужого прибавочного труда, а лишь экономически неоправданное обогащение за счет других, автор с полной серьезностью утверждает, что эксплуатация предпринимателей рабочими — отнюдь не более редкое явление, чем эксплуатация рабочих хозяевами. Все это обильно снабжается рассуждениями о недопустимости общественной собственности на средства производства и неприкосновенности частной собственности на землю. Подобные рассуждения составляли своего рода квинтэссенцию пропаганды аграрной партии, позволившей ей в тех условиях в силу ряда причин привлечь на свою сторону значительные слои крестьянства.

Некоторые, хотя и весьма ограниченные сведения о социальном составе деревни, структуре землевладения и развитии капиталистических отношений в сельском хозяйстве дают работы Я. Стоцкого⁵⁹, А. Прокеша, В. Брдлика, В. Компиша и Е. Райха⁶⁰, также примыкавших к партии аграриев.

Буржуазная литература почти полностью оставила в стороне вопросы экономического положения трудящихся масс. Работы по истории социального страхования К. Добиаша и Я. Немеца⁶¹, бывшего министром социального обеспечения в правительстве Годжи, носят сугубо официальный, апологетический характер, всемерно восхваляют социальное законодательство буржуазной Чехословакии. Отсутствием критического анализа отличается также книга Хилика «О чехословацкой налоговой системе»⁶², которая представляет собой скорее обзор законодательных и финансовых мероприятий в этой области.

Среди немногочисленной литературы, посвященной вопросам положения трудящихся, можно отметить работы Г. Райфа⁶³, а также сборник материалов дискуссии по проблемам реальной заработной платы, проведенной в 1926 г. в Пражском социальном институте⁶⁴. Небезынтересно, что в результате целого ряда обсуждений буржуазные социологи пришли к выводу о полной невозможности определения динамики реальной заработной платы и жизненного уровня трудящихся в рассматриваемый период⁶⁵.

Довольно значительное число работ домюнхенская буржуазная историография посвятила вопросам внешней политики. Подавляющее большинство из них носило официальный или полуофициальный характер⁶⁶.

«Внешняя политика Бенеша исходит из моральных предпосылок и преследует моральные цели: мир во всем мире, разоружение, освобождение наций, взаимное уважение прав и договоров» — так характеризуется внешняя политика буржуазной Чехословакии в сборнике «Армия и народ»⁶⁷. Ориентация на империалистические державы Запада, в особенности на Францию, выдается в этих работах за жизненное условие существования Чехословацкого государства. Вместе с тем их авторы, стремясь оправдать реакционные тенденции чехословацкой внешней политики, подчеркивали, что Чехословакия — малое государство и поэтому ее руководители порой

⁵⁹ J. Stocký. Zemědělství v Československu. Praha, 1932.

⁶⁰ A. Prokeš. Krátký přehled československého zemědělství. Praha, 1924; V. Brdlík. Hospodářské a sociologické základy reformy pozemkové v CSR, Praha, 1923; V. Kompíš, E. Reich. Zemědělské poměry Slovenska. Praha, 1918.

⁶¹ K. Dobiaš. Sociální politika Čsl. republiky. Praha, 1928; J. Němec. 20 let sociální péče v CSR. Praha, 1938.

⁶² J. Chylík. O danové soustavě československé. Praha, 1937.

⁶³ G. Reif. Mzdová hladina v hlavním městě Praze. Praha, 1929; он же. Statistika stávek a výluk. Praha, 1924.

⁶⁴ «Skutečná mzda dělníků u nás a v cizině». Praha, 1926.

⁶⁵ Там же, стр. 36.

⁶⁶ См., например: E. Beneš. Problémy nové Evropy a zahraniční politika Československa. Praha, 1924; он же. Boj o mír a bezpečnost státu. Praha, 1934 и др.

⁶⁷ «Armáda a národ». Praha, 1937, стр. 17.

даже против своей воли вынуждены следовать в фарватере политики великих держав Запада. Чаще всего этот тезис применялся в связи с антисоветскими шагами чехословацкой внешней политики, которые встречали противодействие внутри страны.

Переходя от рассмотрения общих проблем внешней политики к анализу конкретных вопросов, некоторые буржуазные авторы становились на путь прямой фальсификации фактов. Примером может служить полуофициальное издание «Вторжение венгерских большевиков в Словакию»⁶⁸. Сейчас, когда документально точно установлено, что военные действия на территории Словакии весной 1919 г. были результатом заранее подготовленного вторжения чехословацких войск в Советскую Венгрию, особенно ясно видно, что эта книга представляет собой грубую попытку поставить с ног на голову историческую действительность. Это же в полной мере относится и к большей части литературы, посвященной контрреволюционному выступлению чехословацких легионов в Сибири в 1918—1919 гг. Историография этого вопроса подробно рассматривается в книге В. Вавры⁶⁹.

Масариковская концепция возникновения и становления Чехословацкого государства была одним из основных устоев официальной идеологии мюнхенской Чехословакии. Своим широким распространением в стране она отчасти была обязана той демократической, псевдопатриотической личности, которую ей придавали. Однако главную роль в ее популяризации сыграл буржуазный пропагандистский аппарат — печать, радио и особенно школы, где она преподавалась молодому поколению в качестве некоей незыблемой истины.

В основе масариковской концепции по существу находится четыре краеугольных положения. Во-первых, утверждение о извечном единстве общенациональных интересов всех слоев чехословацкого общества, выразителем которых будто бы являлось «демократическое» крыло буржуазии. Во-вторых, утверждение о том, что существование независимого чехословацкого государства неразрывно связано с империалистическими державами Запада. В-третьих, утверждение о том, что интернационалистический характер политики революционного пролетариата, политики коммунистической партии противоречит национальным интересам чешского и словацкого народов. И, наконец, в-четвертых, утверждение о нетворческом характере русской революции, и о неприменимости поэтому ее опыта для Чехословакии.

Как уже отмечалось, тезис о нетворческом характере русской революции был развеян практикой социалистического строительства в СССР еще в предвоенные годы. Мюнхенская трагедия похоронила иллюзии о патриотизме чехословацкой буржуазии и о том, что оплотом независимости Чехословакии являются западные империалистические державы. Героическая борьба коммунистов в годы второй мировой войны неопровержимо показала, что именно они являются единственными последовательными защитниками национальной независимости Чехословакии. Опыт войны убедил широкие массы чешского и словацкого народов, что национальное и государственное существование их страны неразрывно связано с великой социалистической державой — Советским Союзом.

Не случайно поэтому идеологи буржуазии в первые послевоенные годы, широко распространяясь о демократии Масарика и Бенеша, всеми силами избегали конкретного рассмотрения событий, охватывающих период от Великой Октябрьской социалистической революции до 1920 г.⁷⁰

⁶⁸ «Vpád maďarských bolševikov na Slovensko». Bratislava, 1936.

⁶⁹ V. Vávra. Klamná cesta. Praha, 1959, стр. 235—245.

⁷⁰ Отдельные попытки подобного рода в большинстве случаев кончались конфузом. 5 октября 1947 г. в разгар острой политической борьбы газета реакционной национально-социалистической партии «Свободное слово» с большой помпой опубли-

И лишь после февраля 1948 г., когда чехословацкая реакция потерпела окончательное поражение, начались попытки гальванизировать масариковскую легенду — на этот раз на чужеземной почве — в США, Англии и Западной Германии. Состав «специалистов» по Чехословакии пополнился за счет реакционных деятелей, не желавших мириться с победой народного строя у себя на родине. И поскольку штаты различного рода «национальных советов» и комитетов, финансировавшиеся преимущественно из фондов госдепартамента и крупных американских монополий, были сравнительно ограничены, многие из них стали искать пропитание на ниве истории.

В конце 40-х и в 50-х годах в американских и английских газетах и журналах появился ряд статей, обрушивающихся на пародно-демократическую Чехословакию и КПЧ. Не особенно утруждая себя аргументацией, авторы расписывали в них «ужасы коммунизма», противопоставляя их политической идиллии буржуазной Чехословакии Масарика. Однако эта мелкотравчатая литература постепенно, видимо, перестала оказывать воздействие даже на приученного ко многому западного читателя. По мере того как правда о пародно-демократической Чехословакии постепенно проникала через железный занавес лжи и дезинформации, империалистической пропаганде пришлось перестраиваться. Свисшее вило начало перелпывать в новые меха. На свет стали появляться объемистые труды, в которых реакционные выводы облачались в солидные академические формы. Были среди них и работы, рассматривающие проблемы, которым посвящена данная статья. В 1953 г. вышла книга С. Томсона «Чехословакия в европейской истории»⁷¹. Особых откровений она, несмотря на свою объемистость, не содержала. «Независимость», — говорилось в ней об образовании Чехословакии, — была достигнута благодаря самоотверженной работе горсточки людей...»⁷² «События на Западном фронте, как военные, так и политические, окончательно определили судьбы чехословацкого народа»⁷³. Все это не ново, все это мы читали еще у Масарика. За рамки предшествующих буржуазных исследований ни по своему материалу, ни по приводимым оценкам и выводам не выходит и более поздняя работа З. Земана «Распад Габсбургской империи»⁷⁴. Не вызывает удивления сочетание масариковской концепции с грубыми нападками на коммунизм в работе И. Леттриха «История современной Словакии»⁷⁵. Несколько неожиданно он выступает в роли защитника идеи единства чехов и словаков, хотя в свое время антикоммунизм привел его на платформу сотрудничества с клерикальными представителями словацкого сепаратизма.

Особенно стоит остановиться на работе американского историка чехословацкого происхождения В. Маматея «Соединенные Штаты и Восточная

ликовала 10 вопросов, адресованных коммунистам. Был среди них и такой: почему коммунисты, выступающие за единство рабочего класса, раскололи в 1920 г. социал-демократическую партию? Вопрос носил явно провокационный характер и был направлен на то, чтобы дискредитировать в глазах рядовых членов социал-демократической партии идею сотрудничества с коммунистами. Однако, к удивлению инициаторов этой затеи, она вызвала раздражение прежде всего у правых деятелей социал-демократии, которые не без основания не хотели допустить, чтобы начали стирать их грязное белье на глазах у всего народа.

⁷¹ S. H. Thomson. *Czechoslovakia in European History*. Princeton, 1953.

⁷² Там же, стр. 325.

⁷³ Там же, стр. 300.

⁷⁴ Z. A. B. Zeman. *The Break-up of the Habsburg Empire*. London—N. Y.—Toronto, 1961.

⁷⁵ J. Lettrich. *History of modern Slovakia*. N. Y., 1955. И. Леттрих в домюхенской Чехословакии примыкал к аграрной партии. С конца войны — один из лидеров демократической партии, вставшей на путь тесного сотрудничества с клерикально-фашистским подпольем. С 1946 по 1948 г. — председатель Словацкого национального совета. После февраля 1948 г. эмигрировал из Чехословакии.

и Центральная Европа в 1914—1918 гг.»⁷⁶ Она интересна уже тем, что, как отмечает сам автор, непосредственной его целью была полемика с книгой чехословацкого историка-марксиста И. Гаека «Вильсоновская легенда»⁷⁷. Концепция автора сводится к следующему: США вступили в первую мировую войну, руководствуясь идеалами «демократии и гуманизма». Их позиция и вклад в победу союзников предопределили образование национальных государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. Квинтэссенция работы содержится в ее заключительных фразах: «Союзники сделали возможной их независимость, уничтожив главное препятствие к ее достижению — военную мощь центральных держав. Победа над центральными державами — именно в этом заключался крупнейший вклад союзников в свободу народов Центральной и Восточной Европы. Вильсоновская Америка способствовала победе союзников, а большевистская Россия — нет»⁷⁸. Этот довольно сложный силлогизм несколько отличается от прежних прямолинейных заявлений, что Америка даровала свободу Чехословакии. Но суть дела от этого в конечном счете не меняется.

В подтверждение своих тезисов автор приводит большой документальный материал. Некоторые документы из американских архивов публикуются им впервые. Насколько удалось проверить, приводимые источники цитируются правильно: там, где положено, — кавычки, на месте пропусков — многоточия... Зато подбор этих фактов осуществляется им с большой «свободой»⁷⁹.

Прежде всего он почти полностью отбрасывает все, что имеет какое-либо отношение к внутреннему развитию народов Австро-Венгрии. И это не случайно. Судя по его работе, В. Маматей, безусловно, наблюдательный историк. Если он «не заметил» революционной борьбы трудящихся монархии — этого связующего звена между Октябрем 1917 г. и образованием

⁷⁶ V. Mamatey. *United States and East Central Europe 1914—1918*. Princeton, 1957.

⁷⁷ J. S. Hájek. *Wilsonovská legenda v dějinách ČSR*. Praha, 1953.

⁷⁸ V. Mamatey. Указ. соч., стр. 384. Не безынтересно отметить, что те буржуазные историки, которые стремились остаться на почве фактов, не могут отрицать той роли, которую сыграла Октябрьская революция в подрыве военной мощи Австро-Венгрии. Вот что, например, писал в свое время Я. Опоченский: «Наконец и попытка, в которую вылилась русская революция... разложила армию и администрацию центральных держав. Первоначальная выгода, которую центральные державы извлекли из русской революции в результате того, что восточный, русский противник был лишен способности продолжать борьбу, была вскоре сведена на нет, когда армия и администрация центральных держав оказались пропущены революционным брожением глубже, чем армия и администрация союзных держав. Армии центральных держав не получили в результате освобождения войск, борющихся против русской империи, ожидаемого подкрепления. Части, пришедшие с Востока, принесли вскоре большевистское учение на Запад, заразив им верных до сих пор солдат Карла и Вильгельма» (J. Opočenský. *Konec monarchie rakousko-uherské*, стр. 110).

⁷⁹ Вместо анализа фактов автор преподносит читателю такого рода рассуждения: «...Чешская буржуазия, памятуя о своем недавнем пролетарском происхождении и о единстве своих национальных интересов с рабочими и крестьянами, проявляла твердую солидарность с этими двумя классами» (стр. 9). Читатель, хотя бы мало-мальски знакомый с историей чешского и словацкого народов, вряд ли нуждается в комментариях к этому положению. Не желая быть несправедливым к автору, следует отметить, что в книге содержится одна фраза, в которой в общей форме признается роль народов в образовании национальных славянских государств Центральной и Юго-Восточной Европы. «Ее (Австро-Венгрии. — Я. Ш.) распад стал неизбежным не столько в результате политики союзников, сколько благодаря ее собственным народам, включая в конечном счете и правящие национальности, которые стали относиться к ней отрицательно и развалили ее» (стр. 380). Это можно было бы рассматривать как шаг вперед, если бы книга в целом и выводы, о которых мы уже говорили, не сводили дело к одному лишь военному разгрому центральных держав. Возможно, что подобного рода апомалия в концепции автора является вынужденным отступлением перед лицом столь поносимой им марксистской историографии.

национальных государств на развалинах Австро-Венгрии — то лишь потому, что это поставило бы под удар его концепцию. Отказ от рассмотрения революционного движения масс позволяет ему выдвинуть тезис о том, что Октябрьская революция не оказала решающего влияния на судьбы поработанных народов монархии. Так с помощью фигуры умолчания строится его первый основной вывод.

Подобного рода аргументация лежит и в основе второго его главного вывода о решающей роли США и Антанты в создании национальных государств Центральной и Юго-Восточной Европы. Конечно, историки-марксисты вовсе не отрицают того факта, что военное поражение центральных держав сыграло важную роль в развале Австро-Венгрии. Но сама по себе победа Антанты и США в войне отнюдь не обеспечивала независимости поработанным народам. Широко известно, например, что США, вступая в войну, не ставили перед собой такой цели⁸⁰. Перспектива национального освобождения славянских народов Австро-Венгрии приобрела реальный характер лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, в ходе развернувшегося под ее влиянием массового революционного движения народов. Сам поворот в американской внешней политике по отношению к Австро-Венгрии был прежде всего результатом этих событий, последовал вслед за ними⁸¹. Но этого В. Маматей также не хочет видеть. По его утверждению, в основе изменений внешней политики США в годы первой мировой войны лежали военные соображения, предстоящие мирные задачи и чувство справедливости⁸². Столь быстрые и кардинальные метаморфозы «чувства справедливости» не могут, понятно, не вызвать удивления.

Полемизируя с И. Гаеком, В. Маматей утверждает, что политика США в отношении поработанных славянских народов по крайней мере до конца первой мировой войны не имела ничего общего со стремлением противодействовать революционным силам⁸³. Но то, что оспаривает В. Маматей, подтверждает по существу в рецензии на его книгу западногерманский историк Эрвин Хельцле⁸⁴. Он отмечает, что автор недооценил влияние, которое оказала Советская Россия на изменение внешней политики США по отношению к поработанным народам монархии.

Работу В. Маматея также не миновало модное в последнее время на Западе поветрие открытых или слегка замаскированных сожалений о распаде габсбургской монархии, являвшейся будто бы «важным элементом системы политического равновесия сил в Европе»⁸⁵.

Подобного рода «теории» не новы. У их истоков лежат агрессивные тенденции германского империализма и реакционные устремления националистических группировок немецкой буржуазии в славянских странах. Уже с начала 20-х годов появилась довольно значительная литература, пытавшаяся доказать историческую «необоснованность» самого факта создания Чехословацкой республики⁸⁶. Значительная часть этих работ сводится

⁸⁰ Даже в своем выступлении в связи с объявлением войны Австро-Венгрии Вильсон не преминул подчеркнуть: «Но мы все же обязаны себе сказать, что мы никоим образом не стремимся нанести ущерб Австро-Венгрии или каким-либо образом ее реорганизовать» (R. S. Baker, W. E. Dodd. The Public Papers of Woodrow Wilson, War and Peace, v. I, N. Y.—London, 1927, стр. 132).

⁸¹ Этот поворот был связан также с неудачей попыток отколоть в ходе войны Австро-Венгрию от Германии. Но это произошло уже после того, как развал монархии всем ходом внутренних революционных событий был предрешен.

⁸² В. Маматей. Указ. соч., стр. 263.

⁸³ Там же.

⁸⁴ «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», 1958, Bd. VI, H. 2, S. 180—181.

⁸⁵ В. Маматей. Указ. соч., стр. 381.

⁸⁶ См., например: «Deutschböhmen». Berlin, 1919; R. Freissler. Vom Zerfall Österreichs bis zum tschechoslowakischen Staat. Berlin, 1921; P. Molisch. Vom Kampf der Tschechen um ihren Staat. Wien, 1929; он же. Die sudetendeutsche Freiheitsbewegung in den Jahren 1918/19. Wien, 1932; «Die tschechoslowakischen

к апологии немецкого сепаратистского движения в Чехословакии в 1918—1919 гг. Исходным пунктом их авторов была критика Версальской системы. Но велась она не с демократических, а с реакционных позиций. Демагогически ссылаясь на лозунг «права наций на самоопределение», они по существу отрицали право чешского и словацкого народов на самостоятельное государственное существование. После оккупации Чехословакии к ним присоединились и голоса чешских коллаборационистов. Одним из первых подал свой голос предатель чешского народа министр пропаганды марионеточного протекторатного правительства Э. Моравец. Когда читатель берет в руки его книгу «Конец республики Бенеша»⁸⁷, у него остается впечатление бреда в полном смысле этого слова. Хаотическое нагромождение исторических примеров, начиная с пунических войн и кончая новейшим временем, сочетается в нем с расистскими теориями и геополитическими конструкциями, охватывающими весь земной шар. Однако этот хаос, составленный по геббельсовским рецептам, преследует определенную цель — заставить читателя отказаться от логического восприятия проповедуемой в книге концепции, восходящей к геополитическим теориям Ф. Науманна. Суть ее сводится к тому, что создание чехословацкого государства было большой исторической ошибкой. Чехи, по утверждению Э. Моравца, в состоянии существовать лишь в рамках «Срединной Европы», которую «могут возглавлять только немцы»⁸⁸. Издательская сущность этой «теории» становится особенно наглядной, если учесть, что опубликование книги Моравца по времени совпало с разработкой гитлеровцами плана физического уничтожения чешского народа.

На всех этих в равной мере человеконенавистнических и лицемерных «теориях» не стоило бы, вероятно, останавливаться, если бы они в последние годы вновь не начали расцветать на почве «западного мира». Современные идеологи германского империализма стремятся поскорее изгладить из памяти народов уроки, полученные ими во время гитлеризма. Зато тем охотнее они проливают крокодиловы слезы по поводу судеб немецких меньшинств в славянских странах. В частности, они широко воспевают добродетели сепаратистского движения немецкой буржуазии в Чехословакии после первой мировой войны⁸⁹. В этой связи бесполезно вспомнить об эволюции этого движения, явившегося непосредственным предшественником генлейновского фашизма. Оккупация Чехословакии гитлеровцами — вот во что вылилась проповедь «права нации на самоопределение» немецкими шовинистами. Именно безудержный национализм и фашизм немецкой буржуазии сделали невозможным совместное существование немецкого меньшинства на одной территории с чехами и словаками. Именно они явились причиной переселения немцев из Чехословакии после второй мировой войны. Но об этом современные проповедники «права немцев на родину» предпочитают не вспоминать. Зато они одну за другой выпускают работы, доказывающие неправомерность образования Чехословацкого государства и необходимость перепланировки карты Центральной Европы. Не решаясь в большинстве своем прямо говорить о «Великой Германии», одни из них вытаскивают на свет обветшалые планы «Срединной Европы», другие проповедуют идею воссоздания некоего подобия габ-

Denkschriften für die Friedenskonferenz in Paris 1919—1920); «Volk und Reich», 1937, H. 6, Sonderabdruck; H. Aubin. Geschichtliche Kräfte in Sudetenraum. Leipzig, 1941 и др.

⁸⁷ E. Moravec. Das Ende der Benesch Republik. Prag., 1941.

⁸⁸ Там же, стр. 58.

⁸⁹ W. Brandt. Die sudetendeutsche Tragödie. Nürnberg, 1949; «Die Deutschen in Böhmen und Mähren». Gräfelding, 1952; E. Schwarz. Sudetendeutsches Schicksal im Laufe der Jahrhunderte. Augsburg, 1956; «Der Donaauraum», 2, Sonderheft. Wien, 1960; K. Rabl. Das Ringen um das sudetendeutsches Selbstbestimmungsrecht 1918/1919. München, 1958.

сбургской монархии⁹⁰. Конечно, в мире дуют сегодня совсем иные ветры, чем четверть века тому назад, и авторам подобных «теорий» приходится облачать их в рассуждения о «свободе», «демократии» и даже «дружбе народов». Но никакими красивыми словами они не могут прибавить привлекательности потрепанным идеологическим знаменам, под которыми в свое время рвались в бой Вильгельм II и Гитлер. Тем более они не могут повернуть вспять колесо истории.

Проповедуемые идеологами германского империализма взгляды на становление Чехословацкой республики во многом перекликаются с точкой зрения представителей словацкой реакции. Попытки «исторического» обоснования идеологии людацтва⁹¹ исходят прежде всего от самих руководителей этой партии⁹². Начав с прямой поддержки чехословацкого государства и фальшивой теории о «единой чехословацкой нации», людаки вскоре встали на путь резкой критики самой идеи создания Чехословацкой республики. Но эта критика не имела ничего общего с подлинными интересами словацкого народа, отражая взгляды католической иерархии, помещиков и части крупной словацкой буржуазии, которым даже буржуазная Чехословакия казалась слишком демократической. Поэтому в основе работ словацких клеро-фашистов, выступавших под лозунгом «за бога и нацию», лежала не социальная, а прежде всего религиозная и националистическая демагогия, спекулировавшая на религиозных предрассудках остальных слоев словацкого населения. Примечательно, что эта идеология никогда не носила самостоятельного характера, а всегда стремилась опереться на наиболее реакционные силы в Центральной Европе. Вначале это была хортистская Венгрия, позднее — гитлеровская Германия. Работы, опубликованные в период существования так называемого «Словацкого государства», всемерно подчеркивая сходство между словацким клеро-фашизмом и гитлеровским национал-социализмом, настойчиво проводят мысль о том, что судьбы словаков будто бы неразрывно связаны с «Великой Германией»⁹³.

В последние годы на Западе в общем хоре антикоммунистической пропаганды вновь стали раздаваться голоса недобитых словацких клеро-фашистов. Военные преступники, которым удалось скрыться от гнева своего народа в Ватикане и франкистской Испании (часть из них позднее перебежала в Аргентину и США), снова пытаются доказать необоснованность создания и существования Чехословацкой республики⁹⁴. Все они единодушно утверждают, что основным пороком образовавшейся в 1918 г. Чехословацкой республики был ее отход от католицизма, что привело к уси-

⁹⁰ Подобными «откровениями» особенно богаты работы бывшего лидера немецких социал-демократов в Чехословакии Венцеля Якша, ставшего ныне одним из наиболее ярких проповедников реваншизма. «Реабилитация старой дунайской империи, — пишет он, — неудержимо развертывается... Вена осталась после 1945 г. маяком надежды для анонимных миллионов за железным занавесом» (W. Jaksch. Europas Weg nach Potsdam. Stuttgart, 1958, стр. 447).

⁹¹ Термин «людацтво» происходит от официального названия партии словацких клеро-фашистов — людовая партия (ľudová strana).

⁹² См., например: A. Hlinka. Vôdca slovenského národa. Trnava, 1934; J. Tiso. Ideológia slovenskej ľudovej strany. Bratislava, 1930; F. Juriga. Blahozvest kriesenia slovenského národa a slovenskej krajiny. Trnava, 1936; K. Sidor. Z bojů komunismu proti kresťanstu. Bratislava, 1933.

⁹³ Этим особенно отличались работы бывшего министра иностранных дел «Словацкого государства» Ф. Дюрчанского (F. Durčanský. Pohľad na slovenskú politickú minulosť. Bratislava, 1943; он же. Der Weg zur slowakischen Freiheit. Bratislava, 1944), посла «Словацкого государства» в Ватикане К. Сидора (K. Sidor. Slovenská politika na pôde pražského snemu. Bratislava, 1943). См. также: S. Polakovič. Slovensky narodny socialismus. Bratislava, 1941; L. Zachar. Katolicismus a slovensky narodny socialismus. Bratislava, 1940.

⁹⁴ F. Durčanský. Bilá kniha. (Právo Slovákov na samostatnosť v svetle dokumentov). Buenos Aires, 1954; J. Mikus. Slovaquie dans le drame de l'Europe. Paris, 1955; L. Nemeš. Church und State in Czechoslovakia. N. Y., 1955.

лению революционных сил в стране. На этот раз они призывают уже не к Гитлеру, а прежде всего к империалистическим кругам США. Подобного рода защита мракобесия и полуфеодалных порядков и раньше, до войны, выглядела анахронизмом. Сегодня, когда словацкие трудящиеся с братской помощью чешского народа буквально от основания построили новую, счастливую Словакию, эти вопли представляют собой политическую и историческую нелепость, которая вряд ли заслуживает развернутой полемики.

В своем обзоре мы коротко остановились на освещении проблем образования и становления Чехословацкой республики основными направлениями буржуазной историографии. Как мы уже отмечали, наибольшее распространение из них в буржуазной Чехословакии получила так называемая «масариковская легенда». Миф о патриотизме ведущих группировок чехословацкой буржуазии лежит у ее истоков. Сегодня могикине чехословацкой буржуазии и ее адвокаты говорят о необоснованности создания Чехословацкой республики в 1918 г., сожалея о распаде габсбургской монархии. При всем своем различии в этом сходятся как открытые проповедники германского реваншизма, так и многие последователи и апологеты буржуазной республики Масарика и Бенеша. Антинародная по своему существу идеология буржуазии не в состоянии выдержать самой суровой проверки — проверки жизнью.

* * *

Немалая заслуга в том, что народы Чехословакии правильно поняли и осмыслили исторические уроки образования чехословацкой буржуазной республики, принадлежит Коммунистической партии Чехословакии, чехословацкой марксистской исторической науке.

Разработка марксистско-ленинской точки зрения на проблемы образования и становления чехословацкого государства была неразрывно связана с идеологическим развитием Коммунистической партии Чехословакии. Огромную роль сыграло при этом знакомство чехословацких марксистов с работами В. И. Ленина, посвященными проблемам империализма, буржуазно-демократической и социалистической революции, национальному и аграрному вопросу, так же как и непосредственная помощь Коммунистического Интернационала.

Уже в первые годы своего существования в КПЧ сложился в основном правильный взгляд на процессы, связанные с образованием Чехословацкой республики. Сам факт создания Чехословацкой республики рассматривался как большой прогрессивный шаг, исторически необходимый для того, чтобы подготовить чешский и словацкий пролетариат к непосредственной борьбе за свое социальное освобождение⁹⁵. В партийных документах и выступлениях ряда руководителей КПЧ разоблачалась антинародная сущность буржуазного государства, подчеркивалось, что причина, вследствие которой Чехословакия возникла как буржуазное государство, кроется прежде всего в империалистической политике руководства социал-демократии⁹⁶. В резолюции I съезда КПЧ фигурировала характеристика Чехословакии как страны, находившейся в вассальной зависимости от западных держав. Односторонне подчеркивая зависимость Чехословацкой республики от империалистических держав, эта формулировка затрудняла правильное понимание характера политики ее правящих кругов. В 1924 г. II съезд КПЧ впервые дал характеристику буржуазной Чехословакии как империалистического государства.

В статьях второй половины 20-х годов, появлявшихся в коммунистических газетах и журналах, образование Чехословакии рассматривалось как

⁹⁵ B. Šmeral. Historické spisy. Praha, 1961, стр. 145.

⁹⁶ «Protokol ustavujícího sjezdu KSC, který se konal v Karlíně 14—16 května 1921». Praha, 1921, стр. 100—101.

результат буржуазно-национальной революции. Авторы этих работ подчеркивали, что решающей силой этой революции были трудящиеся массы, однако в силу оппортунистической политики социал-демократического руководства власть в республике захватила чешская монополистическая буржуазия⁹⁷. Серьезное внимание коммунисты и представители прогрессивной интеллигенции уделяли разоблачению «масариковской легенды» и восстановлению исторической правды о решающей роли Великой Октябрьской социалистической революции в создании Чехословацкой республики. В этом отношении особенно следует отметить статьи З. Неедлы, публиковавшиеся им с 1919 г. вначале в журнале «Реалиста», а позднее в журнале «Вар». Разоблачению «масариковской легенды» был посвящен также ряд статей, опубликованных в 1924 г. в газете «Руде право»⁹⁸. В связи с десятилетием существования Чехословакии в теоретическом журнале КПЧ «Комунистичка ревью» была опубликована серия статей, в которых содержался анализ влияния Великой Октябрьской социалистической революции на национальное освобождение чешского и словацкого народов⁹⁹. Их вывод был сформулирован в следующих словах: «Без пролетарской революции никаким убеждением, никакими разговорами и выступлениями не удалось бы преодолеть «легитимизм» (т. е. международное признание Австро-Венгрии. — Я. Ш.), не удалось бы превратить освободительную борьбу угнетенных наций Центральной Европы в международный вопрос. Без пролетарской революции не развилось бы так широко и само освободительное движение угнетенных наций»¹⁰⁰.

В связи с анализом всей предшествовавшей политики партии вопрос об оценке образования и становления Чехословацкой республики рассматривался и на V съезде КПЧ, сыгравшем чрезвычайно важную роль в преодолении оппортунизма в партии. Съезд подчеркнул тезис о том, что Чехословацкая республика с самого момента своего возникновения в 1918 г. являлась империалистическим государством. Однако борьба с оппортунистическими тенденциями, носившая жизненно важный характер для всего дальнейшего развития партии, сопровождалась в отдельных случаях выдвиганием положений догматического характера. Так, в подтверждение правильного в принципе тезиса об империалистическом характере буржуазной Чехословакии на съезде были выдвинуты некоторые ошибочные аргументы, связанные с образованием Чехословацкой буржуазной республики. В докладе К. Готвальда и политических тезисах съезда проводилась мысль, что решающую роль в создании Чехословацкого государства играло не массовое движение, а империалистическая война¹⁰¹. Влияние упрощенного подхода проявилось и при рассмотрении национальной проблематики, связанной с образованием Чехословакии¹⁰².

Появление подобного рода взглядов было своего рода реакцией на имевший место в партии до V съезда оппортунистический подход к оценке характера буржуазной республики и прежние ошибки по национальному вопросу. Оно было вызвано также искренней ненавистью к буржуазному

⁹⁷ См., например: K. Kreibich. Stát, národ a revoluce. «Komunistická revue», listopad 1925.

⁹⁸ «Konec osvobozené legendy». «Rudé právo», 16.VII 1924; «Švindl 28 října 1919». «Rudé právo», 27.VII 1924; «Revoluce se svolením Rakouska Uherska». «Rudé právo», 28.X 1924.

⁹⁹ «Vznik Československa a proletářská revoluce». «Komunistická revue». 1928, № 8—12.

¹⁰⁰ Там же, стр. 783.

¹⁰¹ Protokol pátého řádného sjezdu Komunistické strany Československa. Praha, 1929, стр. 10. Несколько по-иному ставил вопрос в своем выступлении на съезде Я. Шверма. Он также считал, что образование Чехословакии — результат решений империалистов, но подчеркивал, что сами эти решения были приняты не добровольно, а под давлением масс (стр. 141—142).

¹⁰² Там же, стр. 10—12 и 168.

национализму, являвшемуся одним из наиболее действенных средств обмана значительной части трудящихся масс буржуазией. Сегодня неправильность этих положений, которые, кстати говоря, не оказали существенного влияния на последующую деятельность партии, кажется совершенно очевидной. Нельзя, однако, не учитывать обстановку того времени. Разве мог кто-нибудь тогда предположить, что события в Европе будут развиваться так, как это случилось после прихода Гитлера к власти. Разве мог кто-нибудь даже подумать, что Чехословакия через несколько лет окажется буржуазно-демократическим островом в окружении фашистских государств?

Следует отметить, что подобного рода взгляды довольно быстро стали преодолеваться. Весной 1931 г. появилась книга П. Реймана «История КПЧ» — одна из первых обобщающих работ по истории коммунистических партий капиталистических стран. Характеризуя образование Чехословацкой республики, автор вновь вернулся к формулировке «буржуазно-национальная революция»¹⁰³. Правда, по некоторым вопросам ему не удалось избежать влияния ряда «левых» взглядов, которые имели в то время определенное распространение в международном рабочем движении. Но для своего времени это было важное событие в развитии марксистского идеологического фронта в Чехословакии.

С конца 1931 г. на страницах теоретического журнала «Комунистичка ревю» развернулась по поводу «Истории КПЧ» острая дискуссия, в которой приняли участие Г. Ольднер, Я. Прохазка, К. Крайбих, Э. Уркс и др.¹⁰⁴ Конечно, ряд оценок, высказанных в то время как самим П. Рейманом, так и его оппонентами, не был свободен от упрощенного понимания событий и отличается от оценок сегодняшней марксистско-ленинской историографии. Однако в целом опубликование работы П. Реймана и развернувшаяся на ее основе дискуссия были определенным этапом на пути к правильному решению вопросов, связанных со становлением Чехословацкой республики и образованием КПЧ.

Позднее, в условиях роста гитлеровской опасности, задача разоблачения буржуазной демократии и правильного освещения становления буржуазной Чехословакии хотя и не потеряла своей политической актуальности, но отошла на второй план. Вопрос об осмыслении исторического опыта 1918—1920 гг. вновь встал на повестку дня уже в годы второй мировой войны в связи с разработкой стратегии и тактики КПЧ в условиях борьбы с гитлеризмом. Анализируя вновь события 1918—1920 гг., руководство КПЧ, находившееся в то время в Москве, пришло к выводу, что после первой мировой войны, в условиях падения Австро-Венгрии и создания самостоятельного Чехословацкого государства, в стране развивалась национально-демократическая революция, и этому должна была отвечать политика рабочего класса, стратегия и тактика его революционного авангарда, направленные на победу социализма. Рабочий класс должен был возглавить национально-демократическую революцию и не должен был оставлять ее руководство в руках буржуазии, Крамаржей, Рашинов и Швевлов. На широком пути национально-демократической революции рабочий класс, опираясь на большинство нации и создавая народно-демократическое государство, должен был целеустремленно стремиться к осуществлению глубоких революционных преобразований в экономической и социалистической структуре страны и на этой базе

¹⁰³ P. Reimann. Dějiny KSČ. Praha, 1931, стр. 59.

¹⁰⁴ G. Oldner. Dějiny KSČ. «Komunistická revue», 1931, стр. 186—190; J. Svoboda (Procházka). Dnešní situace a úkoly theoretického boje. «Komunistická revue», 1932, стр. 20—28; J. Svoboda. Rolnická a národnostní otázka v dějinách KSČ. «Komunistická revue», 1932, стр. 62—75; K. Kreibich. K dějinám vzniku KSČ. «Komunistická revue», 1932; E. Urk. Marxistická ideologie v Reimannových «Dějínách KSČ». «Komunistická revue», 1932, стр. 161—168.

осуществить переход к созданию социалистического строя. Попытка ориентироваться непосредственно на социалистическую революцию ослабила силы революционного фронта, изолировала пролетариат от большей части непролетарских слоев трудящихся, что явилось одной из решающих причин его поражения в декабре 1920 г.¹⁰⁵

В условиях острой классовой борьбы, развернувшейся в Чехословакии в 1945—1948 гг., вопросы образования и становления буржуазной Чехословацкой республики не носили столь актуального характера. Правда, представители буржуазии стремились широко использовать искусственно созданный в довоенные годы авторитет Масарика и Бенеша. Однако они не были заинтересованы в анализе конкретных исторических фактов, находящихся в резком противоречии с «масариковской легендой». В свою очередь коммунисты, учитывая сложившуюся в то время своеобразную внутривнутриполитическую обстановку, по тактическим соображениям порой сознательно не форсировали критику масарикизма, стремясь лишить буржуазию предлога для дальнейшего обострения противоречий в рядах Национального фронта. О необходимости борьбы с масарикизмом и «масариковской легендой» говорилось на февральском пленуме ЦК КПЧ (1946 г.). Вместе с тем на пленуме отмечалось, что в условиях того времени коммунистам нецелесообразно было открыто выступать по этому вопросу.

Победа трудящихся Чехословакии в феврале 1948 г. открыла новые возможности для развития марксистской исторической науки в стране.

Важным шагом вперед в разработке марксистской точки зрения на проблемы становления чехословацкой буржуазной республики была состоявшаяся в ноябре 1949 г. конференция историков, посвященная влиянию Великой Октябрьской социалистической революции на исторические судьбы чешского и словацкого народов¹⁰⁶. В докладах советского историка И. Удальцова, А. Климь, О. Ржиги и других были намечены пути разработки этих важнейших проблем с марксистских позиций. В 1952 г. вышла в свет научно-популярная брошюра И. Крижики и О. Ржиги «Без Великой Октябрьской революции не было бы Чехословакии» — первая марксистская работа, специально посвященная рассматриваемой нами проблеме. Отдельные аспекты этой проблематики рассматривались также в вышедших в то время работах В. Копецкого «30 лет КПЧ», З. Фирлингера «Предательство чехословацкой буржуазии и ее союзников»¹⁰⁷. Конечно, это были еще не исследования, а лишь новая постановка вопроса, опирающаяся на уже известный фактический материал. Их авторам не удалось избежать ряда неточных оценок и формулировок. Так, в работе В. Копецкого, несмотря на правильную в принципе характеристику империалистической сущности образовавшегося в 1918 г. Чехословацкого государства, период 1918—1920 гг. оценивался как период борьбы за классовый характер Чехословацкой республики. Эта формулировка и до последнего времени встречалась в работах чехословацких историков. Она, по нашему мнению, оставляет место для ошибочного предположения о том, что классовый характер республики, возникшей 28 октября 1918 г., не был еще в достаточной мере определен. Декабрьский пленум ЦК КПЧ в 1953 г. подчеркнул, что разоблачение идеологии масарикизма и «масариковской легенды» является одной из главных задач партии в идеологической об-

¹⁰⁵ Единственным доступным источником, характеризующим то, как московское руководство КПЧ в годы второй мировой войны оценивало события периода 1918—1920 гг., является пока что брошюра В. Копецкого «Готвальд в Москве». Не исключено, что в работу,носящую характер воспоминаний, вкрались некоторые неточные формулировки. Однако в целом правильность освещения этого вопроса до сих пор никем не опровергалась.

¹⁰⁶ Материалы конференции опубликованы в русском переводе в кн.: «Великая Октябрьская социалистическая революция и свобода Чехословакии». М., 1952.

¹⁰⁷ V. Kopecký. 30 let KSČ. Praha, 1951; Z. Fierlinger. Zrada československé buržoasie a jejích spojenců. Praha, 1951.

ласть. Примерно к этому времени был завершен организационный период формирования марксистского исторического фронта в Чехословакии. Все более широким потоком начала выходить в свет марксистская историческая литература. Значительная часть ее была посвящена проблемам становления Чехословакии и образования КПЧ.

В 1951—1953 гг. вышли в свет монографии И. Веселого «О возникновении и основании КПЧ», М. Госиоровского «Очерки по истории словацкого рабочего движения», З. Шолле «Рабочее движение в чешских землях в годы первой мировой войны»¹⁰⁸. Эти работы, охватывающие широкую проблематику, опирались на сравнительно узкий круг наиболее доступных источников и носили в значительной мере очерковый характер. Их общим недостатком было то, что они не лишены были элементов схематизма, рассматривали вопросы развития революционного движения в известном отрыве от внутрисполитической и международной обстановки. Однако их появление было шагом вперед на пути переосмысления с позиций марксизма важнейших проблем новейшей истории Чехословакии. Характеризуя книгу И. Веселого, В. Сухопар в рецензии, опубликованной в журнале «Новая мысль», писал: «Работа И. Веселого — это первая работа об основании КПЧ, которая с марксистских позиций анализирует 14 и 28 октября 1918 года, оценивает возникновение Чехословацкой республики как национальную и демократическую революцию и разбирает конкретные условия создания ЧСР, в которых развернулась борьба между чешской и словацкой буржуазией и пролетариатом за руководство в революции»¹⁰⁹. Одновременно автор рецензии отмечал, что в книге И. Веселого нет последовательного разбора ошибок марксистской левой. В известной мере этот упрек был справедливым. Но и сам В. Сухопар иногда видел эти ошибки не там, где они в действительности имели место. По его мнению, одна из главных ошибок марксистской левой состояла в том, что она длительное время организационно не выделялась из рядов социал-демократии¹¹⁰. В этом сказывалась недооценка значения борьбы за массы, которая в этот период имела определенное распространение в чехословацкой историографии.

В то время как работу И. Веселого можно было отнести скорее к типу научно-популярных изданий, книга З. Шолле носила в большей мере характер монографического исследования. Ее автор на основе данных прессы, а частично и архивного материала впервые нарисовал обобщенную картину борьбы рабочего класса в годы первой мировой войны. Значение книги заключалось прежде всего в том, что она являлась по существу первой работой, подтверждающей на фактическом материале тезис о решающей роли Великой Октябрьской революции и революционной борьбы трудящихся в образовании Чехословакии. К этим работам примыкают книги Д. Барты «Декабрьская забастовка 1920 года» и К. Гаяна «К вопросу о возникновении КПЧ»¹¹¹. Написанные на более узкую тему, они отличаются более детальной разработкой отдельных узловых проблем рассматриваемого периода, опираются на более широкий круг источников. Серьез-

¹⁰⁸ J. Veselý. O vzniku a založení KSC. Praha, 1952 (русск. пер.: И. Веселый. Основание Коммунистической партии Чехословакии. М., 1956). M. Gosiorovský. Príspevok k dejinám slovenského robotníckého hnutia. Bratislava 1951; Z. Solle. Dělnické hnutí v českých zemích v letech první světové války. Praha, 1953 (русск. пер.: З. Шолле. Рабочее движение в чешских землях во время мировой империалистической войны 1914—1918 годов. М., 1955).

¹⁰⁹ «Новая мысль», 1954, № 1, стр. 100.

¹¹⁰ Как показали последующие исследования, работа внутри социал-демократии, направленная на завоевание большинства рабочего класса, принадлежала к числу сильных сторон деятельности марксистской левой, что не избавляло ее от других ошибок, связанных главным образом с недооценкой организаторской роли партии.

¹¹¹ D. Barta. Prosincová stávká r. 1920. Praha, 1953 (русск. пер.: Д. Барта. Декабрьская всеобщая стачка 1920 года в Чехословакии. М., 1953). K. Gaĵan. Príspevok ke vzniku KSC. Praha, 1954.

ной заслугой Д. Барты было то, что он на основании большого количества неизвестных ранее архивных документов впервые сумел восстановить широкую картину декабрьской забастовки 1920 г., показать на фактах, какое огромное значение она имела в развитии революционного движения. Это было особенно важно, если учесть, что буржуазная историография стремилась всеми силами извратить и принизить роль этого крупнейшего революционного выступления в истории рабочего класса Чехословакии. Вместе с тем Д. Барта недооценивал тот факт, что декабрьская забастовка 1920 г. произошла в то время, когда в стране уже начался отлив послевоенной революционной волны.

Основная часть книги К. Гаяна выходит за хронологические рамки рассматриваемого нами периода. Однако книга открывается вводной главой, в которой содержится довольно подробный обзор развития революционного движения в Чехословакии в 1918—1920 гг. По своим выводам эта работа во многом отличалась от работ И. Веселого и Д. Барты.

Оценивая события 1918—1920 гг., Д. Барта рассматривал их как дальнейшее развитие национально-демократической революции, в ходе которой развернулась борьба за гегемонию между пролетариатом и буржуазией¹¹². Правда, эта оценка носила довольно декларативный характер и не опиралась на глубокий анализ конкретной обстановки в стране. По-иному ставил вопрос К. Гаян: «Перед пролетариатом, — писал он, — стояла задача осуществления революции по своему содержанию социалистической, которая одновременно бы полностью решила задачи буржуазно-демократической революции»¹¹³.

Из расхождений в общей оценке обстановки вытекало и различие в характеристике деятельности революционного авангарда пролетариата. Если И. Веселый и Д. Барта, критикуя недостатки марксистской левой, в целом положительно оценивали ее линию, направленную на завоевание большинства социал-демократической партии, то К. Гаян видел в ее ошибках основную причину того, что пролетариату не удалось одержать победу в период 1918—1920 гг. «Руководство левой, — писал К. Гаян, — не было еще большевистским, у него не было еще ясности по многим принципиальным вопросам, и поэтому оно выбрало при завоевании большинства рабочего класса и всех эксплуатируемых неправильную тактику... Левые правильно и популярно не объясняли массам, что такое диктатура пролетариата, почему рабочие советы лучше буржуазного парламента, а диктатура пролетариата лучше диктатуры буржуазии и т. д. Поэтому (курсив мой. — Я. Ш.) левая не завоевала на сторону пролетарской революции большинство всех эксплуатируемых и даже большинство пролетариата, который отчасти все еще оставался в плену буржуазно-националистической идеологии, не понимал сущности диктатуры пролетариата и боялся потерять только что полученную национальную свободу и независимость»¹¹⁴.

Такое расхождение в постановке вопроса вызвало довольно оживленную дискуссию на страницах чехословацких журналов. И. Колейка в рецензии на книгу Д. Барты решительно протестовал против выдвигаемого им тезиса о том, что исход борьбы за руководство в национальной и демократической революции не был еще окончательно решен до декабря 1920 г., так как он завершился окончательной капитуляцией руководства социал-демократии перед буржуазией еще летом 1918 г.¹¹⁵

С более развернутой критикой основных положений книги Д. Барты выступил К. Гаян в своей рецензии в журнале «Новая мысль». Повторяя свой тезис о социалистическом характере нараставшей в то время революции в Чехословакии, он более подробно и по-иному его аргументировал.

¹¹² D. Barta. Указ. соч., стр. 154.

¹¹³ K. Gajan. Указ. соч., стр. 47.

¹¹⁴ Там же, стр. 50.

¹¹⁵ «Československý časopis historický» (далее — CsCH). Praha, 1954, стр. 154.

На этот раз он упрекал марксистскую левую не в том, что она недостаточно широко пропагандировала социалистические лозунги, а за ее недооценку демократических требований. «Стремясь завоевать большинство рабочего класса и всех эксплуатируемых, — писал он в рецензии, — руководство левой должно было выдвигать на первое место демократические требования, которые были бы направлены на завершение буржуазно-демократической революции, требования, на которых настаивали широкие массы народа и которые помогли бы рабочему классу приобрести союзников»¹¹⁶. Эта оценка представляется нам правильной и сегодня. Но и в этой статье К. Гаян сводил основную причину неудачи пролетариата в борьбе за власть в период 1918—1920 гг. к тактическим просчетам марксистской левой, недооценивал роль объективных условий, в которых происходило революционное развитие. Эту точку зрения разделял и З. Карник в рецензии на сборник документов о декабрьской забастовке 1920 г.¹¹⁷

Я. Менцлова в рецензии на книгу К. Гаяна также высказывалась против тезиса Д. Барты о том, что в Чехословакии вплоть до декабря 1920 г. развертывалась борьба между пролетариатом и буржуазией за руководство национально-демократической революцией¹¹⁸. Вместе с тем она выступила и против положения К. Гаяна о том, будто бы перед чехословацким пролетариатом стояли в то время задачи социалистической революции, считая, что его первоочередной целью было создание марксистско-ленинской партии¹¹⁹. По ее мнению, К. Гаян чрезмерно увлекся и преувеличил ошибки марксистской левой, принижая факт образования Коммунистической партии Чехословакии¹²⁰. С подобного рода, но еще более резкой оценкой выводов К. Гаяна выступил З. Конечный в «Хисторицки часопис»¹²¹.

Кроме историко-партийной тематики чехословацкие историки-марксисты сосредоточили свое внимание в первую очередь на разоблачении буржуазных мифов о Масарике и Вильсоне, о патриотизме чехословацкой буржуазии. Одной из первых работ этого рода явилась книга В. Краля «О контрреволюционной, антисоветской политике Масарика и Бенеша»¹²². В рецензиях на эту книгу Я. Вошаглика¹²³ и В. Оливовой¹²⁴ отмечалась недостаточно четкая структура работы, неполнота и неточ-

¹¹⁶ «Nová mysl», 1954, № 4, стр. 397.

¹¹⁷ Z. Kárník. K dějinám prosincové stávky. «Nová mysl», 1955, № 3.

¹¹⁸ «Nová mysl», 1955, № 10.

¹¹⁹ Там же, стр. 1022.

¹²⁰ Там же, стр. 1023.

¹²¹ «Historický časopis», 1955, № 2. Дискуссия о характере задач, стоящих перед чехословацким пролетариатом в 1918—1920 гг. и о причинах его тогдашнего поражения в свое время так и не была доведена до конца. Спор о том, какая по своему характеру революция назревала в то время в Чехословакии, носил в значительной мере искусственный характер. В условиях, когда революционный авангард пролетариата не имел за собой поддержки большинства трудящихся, организованная массовая борьба за проведение коренных демократических преобразований была наиболее прямой и, пожалуй, единственно возможной формой успешной подготовки социалистической революции.

То же, видимо, следует сказать и по вопросу о том, что было первоочередной задачей рабочего класса — организация самостоятельной революционной партии или борьба за подготовку масс к революции. В условиях послевоенного революционного подъема, когда следовало считаться с перспективой вызревания пролетарской революции в ближайшем будущем, борьбу за размежевание с оппортунистами (за создание марксистской партии) и за завоевание на сторону революционного авангарда большинства трудящихся приходилось вести одновременно. В этом состояло отличие ряда европейских стран от России, где борьба против оппортунистов и «левых» была доведена до конца еще задолго до непосредственной массовой борьбы за диктатуру пролетариата (см.: В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 88).

¹²² V. Král. O Masarykově a Benešově kontrarevoluční a protisovětské politice. Praha, 1953.

¹²³ «Nova mysl», 1954, № 9.

¹²⁴ CsCH, 1954, № 2.

ность некоторых выводов, в некоторых случаях упрощенность отдельных исторических оценок. Характеризуя внешнюю политику Чехословацкой буржуазии, автор явно недооценил влияние, которое оказывали на нее межимпериалистические противоречия. В то же время книга привлекла к себе внимание большим документальным материалом, убедительно раскрывавшим антинародную сущность политики Масарика. Менее чем через год В. Краль опубликовал новую монографию «Интервенционная война чехословацкой буржуазии против Венгерской Советской Республики в 1919 году»¹²⁵. Она была посвящена проблеме, которая подверглась, пожалуй, наибольшему искажению в чехословацкой буржуазной историографии. В книге на основании архивных источников доказывалось, что инициатором вооруженного конфликта с Советской Венгрией в 1919 г. явились чехословацкие правящие круги. В отличие от предыдущей работы В. Краля, события, связанные с интервенцией против Советской Венгрии, рассматривались в ней на более широком политическом фоне. В этой работе также встречались некоторые неточности в общей характеристике периода 1918—1920 гг.¹²⁶ В целом, однако, она получила весьма высокую оценку чехословацкой научной критики.

Несколько иной характер носила работа И. Гаека «Вильсоновская легенда в истории Чехословакии»¹²⁷. Она опиралась на уже опубликованные официальные документы американской внешней политики периода первой мировой войны и первых послевоенных лет, вскрывала ее империалистическую, антидемократическую сущность. Работа показала, что переход американской внешней политики от проавстрийской ориентации к благожелательной позиции относительно создания Чехословакии определяется отнюдь не «гуманизмом» и «высокими демократическими идеалами», а коренным изменением в международной обстановке, происшедшим в результате выросшего из войны всеобщего кризиса капитализма, Великой Октябрьской социалистической революции и широкого революционного движения трудящихся Австро-Венгрии. О том, что эта книга попала прямо в цель, свидетельствовала, в частности, столь бурная реакция американского историка В. Маматея, о которой мы уже упоминали.

К работам В. Краля и И. Гаека примыкают и соответствующие разделы обобщающей работы «О чехословацкой внешней политике»¹²⁸, охватывающей период с 1918 по 1939 г. В ней впервые давалась правильная характеристика внешней политики правящих кругов в Чехословакии в рассматриваемый период. В работе был использован ряд новых документальных материалов из архива МИД Чехословакии. Рассматривая более подробно некоторые частные вопросы чехословацкой внешней политики, она давала очень краткую характеристику процессов, связанных с образованием Чехословакии, и лишь бегло останавливалась на рассмотрении чехословацкого вопроса на Пражской мирной конференции. Следует отметить также известный отрыв внешнеполитических проблем от процессов внутреннего развития страны.

К середине 50-х годов чехословацкие историки сделали первые шаги по изучению предпосылок возникновения чехословацкого государства. Речь идет, в частности, о работах П. Реймана, К. Германа и З. Индры, посвященных отдельным вопросам социально-экономического развития чешских земель в рамках Австро-Венгрии в эпоху империализма¹²⁹.

¹²⁵ V. Král. Intervencií válka československé buržoazie proti Maďarské sovětské republice v roce 1919. Praha, 1954.

¹²⁶ См. рецензию В. Вавры в журнале «История и военство», 1954, № 4 и Я. Криена в журнале «Новая мысль», 1955, № 7.

¹²⁷ J. S. Hájek. Wilsonovská legenda v dějinách ČSR. Praha, 1953.

¹²⁸ «O československé zahraniční politice». Praha, 1956.

¹²⁹ P. Reiman. Příspěvek k otázce hospodářského vývoje imperialismu v Rakousku-Uhersku a v českých zemích do první světové války. Praha, 1955;

В целом к 1956 г. чехословацкая марксистская историография в исследовании рассматриваемой нами проблемы достигла довольно значительных успехов. Главное заключалось в том, что была создана развернутая марксистская концепция исторических событий того времени. На основе документального материала были опровергнуты буржуазные фальсификации истории возникновения Чехословакии. Получил марксистское освещение процесс складывания КПЧ. Началось исследование таких важнейших событий, как образование Словацкой Советской Республики в 1919 г.¹³⁰ и декабрьская забастовка 1920 г. Были предприняты первые шаги по изучению революционной деятельности чехословацких интернационалистов и контрреволюционного мятежа чехословацких легионов в России¹³¹. Однако многие проблемы развития революционного движения в стране в целом оставались еще по-настоящему не изученными. Отдельные работы на эту тему либо носили очень узкий характер, либо отличались декларативностью и недостаточно глубоким изучением фактического материала. Что же касается исследования экономической истории и проблем политики буржуазии, то оно по существу только еще начиналось.

Правильно отмечая общую антинародную направленность политики буржуазии, многие авторы в то время упрощенно излагали ее позицию по национальному вопросу, недооценивали разногласия внутри буржуазного лагеря и роль межимпериалистических противоречий. (Несомненным упрощением являлся, например, выдвигаемый некоторыми авторами тезис о том, будто бы представители чешской буржуазии не были заинтересованы в создании чехословацкого государства.) Проблема национального освобождения хотя и ставилась по-новому — прежде всего с точки зрения деятельности народных масс, — но рассматривалась при этом в известном отрыве от единого мирового процесса переходе от капитализма к социализму. В ходе исследования истории рабочего движения периода 1917—1920 гг. основное внимание иногда уделялось ошибкам революционных элементов, а объективные трудности развития этого процесса сводились главным образом к этим ошибкам. Это было связано не только с молодостью чехословацкой марксистской исторической науки, но и прежде всего с отрицательным влиянием последствий культа личности в области исторической науки.

И все же нам представляется, что главное, из чего следует исходить в оценке работ этого периода, заключается не в их порой существенных ошибках и недостатках, а в том новом, что они принесли для более правильного понимания столь важной проблемы истории Чехословакии.

Тем более нельзя согласиться с попыткой рассматривать под одним углом зрения складывавшуюся в чехословацкой марксистской историографии концепцию образования чехословацкой буржуазной республики и «масариковскую легенду»¹³². В то время как «масариковская легенда»

К. Herman. K vývoji českého kapitálu. Otázky vývoje kapitalismu v českých zemích a v Rakousku-Uhersku do r. 1918. Praha, 1957; Z. Jindra. K rozvoji českého bankovního kapitálu před první světovou válkou. ČsČH, 1957, № 4.

¹³⁰ M. Vietor. Slovenská sovietská republika. 1919. Bratislava, 1955.

¹³¹ J. Veselý. Češi a Slováci v revolučním Rusku. Praha, 1954; Muška a Hořec. K úloze Československých legií v Rusku. Praha, 1954.

¹³² Так, К. Пихлик, в основном правильно характеризую упрощения, допущенные в свое время в оценке политики представителей чешской буржуазии в годы первой мировой войны, довольно неожиданно приходит к такому выводу: «В новом изложении героем стал народ, который завоевал самостоятельное государство без политического руководства и даже против воли своих политиков. Из этого совершенно одностороннего взгляда возникла «пародная», «прогрессивная» легенда, которая должна была заменить реакционную, антинародную легенду о Масарике и западных державах. Неизбежным результатом этого была нелогичность и необъяснимость изложения столь важного рубежа нашей национальной истории, тот факт, что обе легенды о возникновении Чехословакии в настоящее время остаются

исходила из принципиально порочных, реакционных позиций, чехословацкая марксистская историография 50-х годов правильно выдвинула на первый план тезисы о решающей роли революционной борьбы трудящихся масс Австро-Венгрии, о решающей роли Октябрьской революции для возникновения Чехословакии, хотя и допускала ряд ошибок и элементов упрощения в доказательстве этих положений. На наш взгляд исторический подход к исторической науке требует не отбрасывать результаты предшествующих исследований, а, опираясь на них, освобождаясь от их ошибок и недостатков, идти дальше по пути всестороннего воссоздания объективной картины прошлого во всем ее богатстве, противоречивости и многообразии.

Внимание на ряд недостатков чехословацкой исторической науки, связанных с недооценкой роли масс в развитии общества, обратил еще X съезд КПЧ в 1954 г. Необходимые предпосылки для преодоления этих недостатков создал XX съезд КПСС, который положил начало перехода чехословацкой марксистской исторической науки на новую, более высокую методологическую ступень.

Ряд принципиальных положений в оценке рассматриваемого нами периода был высказан на юбилейном пленуме ЦК КПЧ в мае 1956 г., посвященном 35-летию КПЧ. Важнейшим из них, пожалуй, была констатация факта, что создание КПЧ как массовой партии имело огромное положительное значение для дальнейшего развития партии, для последующих судеб всей страны¹³³.

С 1956 г. теоретическая мысль историков значительно оживилась. В рамках подготовки «Истории КПЧ» и многотомной «Истории Чехословакии», к работе над которыми были привлечены лучшие силы чехословацких ученых, был приведен ряд широких дискуссий по узловым вопросам истории рассматриваемого нами периода.

Практически влияние XX съезда КПСС впервые сказалось на работах, вышедших к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Эти работы, как правило, отличались более глубоким анализом фактического материала, а на этой основе и более творческим и всесторонним подходом к событиям исторического прошлого.

Довольно критически была встречена книга Я. Колейки «Революционное рабочее движение в Моравии и Силезии в 1917—1921 гг.»¹³⁴ Если З. Копечный в рецензии в журнале «Хисторицки часопис» оценил ее в целом весьма положительно¹³⁵, то З. Карник в журнале «Ческословенски часопис хисторицки» раскритиковал ее самым резким образом¹³⁶. Он упрекал автора в некритическом использовании материала, региональной ограниченности и теоретической слабости. В целом вряд ли можно согласиться с этой оценкой. По нашему мнению, работа представляла собой значительный шаг вперед прежде всего потому, что по существу впервые мы получили не обзор, а исследование процессов развития революционного движения в Моравии, опирающееся на очень большой местный материал. Второй положительной чертой работы Я. Колейки является то, что он рассматривал процессы, развернувшиеся после образования Чехословакии, в неразрывной связи с событиями предшествующего периода, что способствовало значительно более глубокому их пониманию. Конечно, в его работе порой не хватает выводов. По не совсем понятным причинам автор

пережитком обстоятельств, в которых они в свое время возникли. К правильной картине возникновения ЧСР не имеет отношения ни одна из них». (K. Pichlík. O vzniku ČSR bez legend. «Dějiny a současnost», 1963, № 10, стр. 5).

¹³³ «Rudé právo», 15.V 1956.

¹³⁴ Z. K o l e j k a. Revoluční dělnické hnutí na Moravě a ve Slezsku (1917—1921). Praha, 1957.

¹³⁵ «Historický časopis», 1947, № 4.

¹³⁶ «Československý časopis historický», 1958, № 2.

вынес большинство из них за рамки своей книги, опубликовав в специальной статье¹³⁷.

В течение 1957—1958 гг. появился ряд исследований, освещающих вопросы развития революционного движения в Словакии в 1917—1919 гг. Книга Л. Голотика «Штефаниковская легенда и возникновение ЧСР»¹³⁸ содержала не только развернутое и тщательно документированное разоблачение фигуры буржуазного лжегероя Штефаника, но и широкий анализ внутреннего развития Словакии накануне и в период мировой войны. Работа не лишена была ряда отдельных неточностей и противоречий¹³⁹. В целом, однако, она остается и по настоящее время одним из основных марксистских трудов, посвященных проблеме вхождения Словакии в состав Чехословацкого государства.

Почти одновременно вышла и другая работа того же автора, «Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Словакии в 1917—1918 гг.»¹⁴⁰. В предисловии к работе автор писал: «Мы стремимся прежде всего к тому, чтобы... объяснить на основе новых материалов вклад словацкого народа и в особенности рабочего класса в борьбу за национальное освобождение и в борьбу за самостоятельное государство чехов и словаков, показать роль Великой Октябрьской социалистической революции в этот переломный момент нашей истории»¹⁴¹. На деле автор, опираясь на материалы словацких, венских и будапештских архивов, вышел за рамки поставленной им задачи. Ему удалось охватить важнейшие аспекты развития словацкого общества в первый год после Октябрьской революции. Он рисует широкую картину забастовочного движения, антиимпериалистских выступлений в армии, показывает двойственную позицию представителей словацкой буржуазии. Л. Голотик приходит к выводу, что национальные моменты играли сравнительно небольшую роль в развитии революционного движения в Словакии. «...Массовое национально-освободительное движение в Словакии, — пишет он, — развивалось по сравнению с чешским движением медленнее... Процесс развития национального самосознания, который был предпосылкой массовой национально-освободительной борьбы... не затронул в достаточно широкой степени словацкий народ»¹⁴². Вместе с тем автор совершенно справедливо подчеркивает, что это не умаляет вклада словацкого народа в дело образования Чехословакии, ибо именно массовое социальное движение трудящихся явилось одной из основных причин распада двуединой монархии. Изложение событий в книге Л. Голотика оканчивается октябрём 1918 г., т. е. именно тем моментом, когда массовое движение в Словакии только еще начинало развертываться в полную силу. Это несколько ограничило возможности ав-

¹³⁷ J. Kolečka. K otázce ohlasu Říjnové revoluce a úkolů proletariátu u nás v letech 1917—1918. Приложение. «Léta 1917—1921 na Ostravsku» к журналу «Slezský sborník», 1957, № 4.

¹³⁸ L. Holotík. Štefánikovská legenda a vznik ČSR. Bratislava, 1958.

¹³⁹ Так, на стр. 310 автор пишет: «Миклашская резолюция является убедительным доказательством того, что во главе борьбы за национальное освобождение (Словакии. — Я. Ш.) в годы первой мировой войны стоял рабочий класс». А на стр. 311 читаем: «...Выход из этого положения буржуазия искала в том, что сама встала во главе национально-освободительной борьбы». Оба эти утверждения представляются нам спорными. На наш взгляд, в Словакии в рассматриваемый период ни рабочий класс — в силу оппортунизма социал-демократического руководства, ни словацкая буржуазия — в силу своей слабости, нерешительности и неорганизованности не смогли, в отличие от чешских земель, установить своей прочной гегемонии в массовом движении, которое носило ярко выраженный стихийный характер.

¹⁴⁰ L. Holotík. Októbrová revolúcia a národnoslobodzovacie hnutie na Slovensku v rokoch 1917—1918. Bratislava, 1958 (русск. пер.: Л. Голотик. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Словакии в 1917—1918 гг. М., 1960).

¹⁴¹ Там же, стр. 8.

¹⁴² Там же, стр. 107.

тора дать развернутую характеристику процесса вхождения Словакии в состав Чехословацкого государства.

Решению этой задачи была посвящена работа М. Дзвоника «Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Словакию (1918—1919)»¹⁴³. Работа М. Дзвоника была первым развернутым исследованием истории революционного движения в Словакии после октября 1918 г. Опираясь на богатейший фактический материал, автор не стремился к всестороннему охвату вопросов, связанных с влиянием Октябрьской революции, а сосредоточил свое внимание на основных тенденциях развития революционного движения. Одна из причин удаchi автора заключалась в том, что он рассматривал историю развития словацкого революционного движения в рамках общенародной (применительно к периоду до октября 1918 г., а также к периоду Словацкой Советской Республики) и общечехословацкой проблематики, учитывая в необходимой степени и общую международную обстановку. Работа М. Дзвоника интересна прежде всего своим подчеркнуто интернациональным подходом к рассматриваемым проблемам. Особенно большой интерес представляет исследование процесса нарастания интернационалистических сил в рабочем движении Словакии. Вместе с тем, по нашему представлению, автор несколько недооценил отрицательное влияние буржуазного национализма в классовых боях в Словакии (особенно это касается событий начала 1919 г.) В своих выводах и оценках автор иногда увлекается. Например, явным преувеличением звучит его вывод о том, что «... пролетариат всей Словакии уже в середине 1920 г. решил окончательно последовать примеру Великой Октябрьской социалистической революции»¹⁴⁴. Несмотря на некоторые неточные формулировки и выводы (что, впрочем, вполне понятно, если учесть, что целый ряд вопросов автор исследовал впервые), опубликование работы М. Дзвоника стало по-настоящему важным событием в изучении истории революционного движения в Чехословакии.

Ряд исследовательских работ меньшего объема был опубликован в сборнике «К вопросу о возникновении Чехословацкой республики»¹⁴⁵. Большинство из них также рассматривало отдельные проблемы развития революционного движения в Чехословакии. Среди них следует отметить статьи «14 и 28 октября, их ход и значение» Я. Коутека. «Борьба чешского рабочего класса в первые месяцы после возникновения ЧСР» Я. Колейки, «К вопросу об истории создания рабочих советов в чешских землях» З. Карника и др.

Первым развернутым исследованием истории развития советско-чехословацких отношений в рассматриваемый нами период была книга В. Оливовой¹⁴⁶. В ней получил широкое документальное подтверждение тезис об антинародной империалистической внешней политике правящих кругов буржуазной Чехословакии. Вместе с тем В. Оливовой по существу впервые удалось отойти от упрощенной трактовки чехословацкой внешней политики, сводившей все лишь к антисоветской направленности и недоучитывавшей значения межимпериалистических противоречий. Большое внимание в работе уделялось влиянию Советской России и ее внешней политики на развитие внутриполитической обстановки в Чехословакии. В этом смысле работа представляла собой ценный вклад в разработку проблем развития революционного движения в Чехословакии. В меньшей степени автору удалось проследить, какое влияние оказывало развитие револю-

¹⁴³ M. D z v o n í k. Ohlas Velkej Októbrovej socialistickej revolúcie na Slovensku (1918—1919). Bratislava, 1957.

¹⁴⁴ M. D z v o n í k. Указ. соч., стр. 197.

¹⁴⁵ «Ke vzniku CSR. Sborník statí k ohlasu Říjnové revoluce a ke vzniku CSR». Praha, 1958.

¹⁴⁶ V. O l i v o v á. Československo-sovětské vztahy v letech 1918—1922. Praha, 1957.

ционного движения в стране на официальную внешнюю политику Чехословакии.

Наиболее широкие отклики вызвало опубликование книги О. Ржиги, посвященной влиянию Великой Октябрьской революции на Чехословакию¹⁴⁷. «Она безусловно принадлежит к числу лучших работ по новейшей истории, вышедших у нас в последние годы», — писали о ней К. Гаян и К. Пихлик в рецензии, опубликованной в журнале «Чехословенский часопис хисторицкый»¹⁴⁸. Работа О. Ржиги интересна прежде всего широким охватом проблемы. Процесс образования Чехословакии в ней прослеживается на широком фоне развития обстановки в Австро-Венгрии и международного положения. Несколько менее подробно автор прослеживает события после 1918 г. Несмотря на то, что работа Ржиги была написана без привлечения архивных источников, она представляла собой значительный шаг вперед в разработке исследуемой нами проблемы. В ней как бы подводился итог работы, проделанной к тому времени чехословацкими историками-марксистами по вопросу о возникновении Чехословацкой республики и первых лет ее развития.

Общая концепция автора подверглась довольно острой критике в чехословацкой исторической печати. М. Дзвоник в своей рецензии на работу О. Ржиги отмечал, что ее главный недостаток заключается «в односторонности, в переоценке факта национального освобождения, возникшей в связи с тем, что автор отчасти отклонился от классовой оценки результатов буржуазной революции 1918 г.»¹⁴⁹. Правильной представляется нам критика выдвинутого О. Ржигой положения о том, что «28 октября ни в коей мере не решало еще вопроса о власти». М. Дзвоник справедливо отмечал, что такое утверждение по существу ведет к отрицанию того факта, что Чехословацкая республика с самого начала возникла как империалистическое государство. Однако вряд ли можно согласиться со следующими его выводами: «В новой работе О. Ржига не решил ни одного теоретического вопроса, не прибавил никаких новых оценок, не выдвинул никаких новых проблем»¹⁵⁰. Уже сам факт рассмотрения истории революционного движения на широком политическом фоне бесспорно помог по-новому взглянуть на многие проблемы периода 1917—1921 гг.

Полемика вокруг книги О. Ржиги проходила в рамках дискуссии о некоторых проблемах образования Чехословацкой республики, развернувшейся среди чехословацких историков в 1957—1958 гг. Первым в дискуссии выступил на конференции Советско-чехословацкого Института осенью 1957 г. К. Помайзл. «1918 год выглядит иногда в нашем изображении так, — говорил он, — как будто главное в Октябрьской революции было решение национального вопроса, как будто главное значение Октябрьской революции для нашего народа заключалось прежде всего или даже только лишь в ее влиянии на нашу национально-освободительную борьбу. Это было хотя и чрезвычайно важным, но все же побочным продуктом Октябрьской революции»¹⁵¹. К. Помайзл отвергал тенденцию рассматривать классовую борьбу трудящихся в период до 28 октября 1918 г. лишь с точки зрения решения задачи национального освобождения.

Несколько иным было выступление Ю. Кршижека¹⁵². Он подчеркнул, что нерешенность национального вопроса в Австро-Венгрии создавала колоссальные трудности для распространения идей социализма и борьбы за его победу. Смысл его выступления сводился к тому, что без решения

¹⁴⁷ O. Říha. *Ohlas Říjnové revoluce v ČSR*. Praha, 1957.

¹⁴⁸ *CsČH*, 1958, № 3, стр. 542.

¹⁴⁹ «*Historický časopis*», 1958, № 3, стр. 451.

¹⁵⁰ Там же, стр. 450.

¹⁵¹ «*Velká Říjnová socialistická revoluce v dějinách a kultuře Československa*», Praha, 1959, стр. 125.

¹⁵² Там же, стр. 131—139.

национального вопроса и без создания Чехословацкой республики нельзя было в тех конкретных условиях успешно бороться за социализм.

В более развернутом виде Ю. Кршижек изложил свои положения в статье «К вопросу об истории распада Австро-Венгрии и возникновения Чехословакии», в которой убедительно раскрыта историческая неизбежность и прогрессивность распада Австро-Венгрии¹⁵³. Ю. Кршижек отмечал, что во время войны в Австро-Венгрии «создавались все необходимые предпосылки для революционного решения, завершения буржуазно-демократических преобразований, для окончательного революционно-демократического решения национального вопроса, для постепенного перерастания этих революционных преобразований в коренные революционные преобразования, в революцию пролетарскую. Создавались предпосылки для совместной борьбы трудящихся всех национальностей против капитализма, против монархии, за социализм»¹⁵⁴. Говоря о том, что эти благоприятные объективные условия не были использованы прежде всего в результате националистической позиции руководства отдельных социал-демократических партий, Ю. Кршижек приходит к следующему выводу: «Таким образом, лидеры всех социал-демократических партий сознательно согласились с буржуазным решением нового государственного урегулирования в Центральной Европе, более или менее приемлемым для империалистов, готовящихся в предстоящей борьбе против Советской власти. Такое чисто национально-освободительное решение вопроса о дальнейшем самостоятельном существовании отдельных территорий габсбургской монархии бесспорно представляло собой значительный прогресс по сравнению с существующим полуфеодалным абсолютистским государственным формированием и означало прогресс в развитии угнетенных народов, по оно не могло и действительно не исчерпало все революционные возможности данной эпохи, а, наоборот, существенно их ограничило и отодвинуло пролетарское революционное решение вопроса»¹⁵⁵. В целом автор считает, что «кажущееся отклонение с пути прямого преобразования габсбургской монархии в социалистическое государство было в тогдашних, определенных предшествующим историческим развитием условиях необходимым шагом вперед в жизни наших народов»¹⁵⁶. Целый ряд интересных соображений высказали по этому поводу Я. Колейка, а также К. Пихлик, подчеркнувший мысль о том, что правильно понять проблему образования чехословацкой буржуазной республики можно лишь в том случае, если ее рассматривать в широких рамках процесса борьбы за победу социализма¹⁵⁷.

Обзор результатов этой дискуссии содержался в статье К. Пихлика «Вопрос о возникновении буржуазной Чехословакии в работах наших историков, подготовленных к 40 годовщине Октябрьской революции и возникновения ЧСР»¹⁵⁸. К. Пихлик писал: «Дискуссия попыталась (и ей это в основном удалось) поднять исследование периода 1917—1918 гг. на новую ступень, от полемики со взглядами буржуазной историографии и опровержения ее легенд, от подчеркивания решающей роли трудящихся при воз-

¹⁵³ J. Křížek. Příspěvek k dějinám rozpadu Rakouska-Uherska a vzniku Československa. «Příspěvky k dějinám KSČ», 1958, № 5. На наш взгляд, Ю. Кршижек очень правильно подошел к решению этой проблемы, рассматривая ее главным образом в свете тех тенденций, которые определились в развитии Австро-Венгрии в связи с началом эпохи империализма. Он дает очень интересный анализ проявления закона о неравномерности развития капитализма в Австро-Венгрии, который, правда, не всегда последовательно связывается с особенностями ее политической эволюции.

¹⁵⁴ Там же, стр. 62.

¹⁵⁵ «Příspěvky k dějinám KSČ», 1958, № 5, стр. 73.

¹⁵⁶ Там же, стр. 75—76.

¹⁵⁷ K. Pichlík. K otázce bezprostředního ohlasu Říjnové revoluce v našich zemích. «Nová mysl», 1957, № 11.

¹⁵⁸ K. Pichlík. Otázka vzniku buržoasního Československa v pracích našich historiků k 40. výročí Říjnové revoluce a zrodu ČSR. «Historie a vojenství», 1959, № 2.

пикновении ЧСР к марксистскому изложению истории этого периода... Навивший и по существу буржуазно-националистический критерий — „тот, кто был за возникновение самостоятельной Чехословакии — был хороший, кто был против — плохой“, который до сих пор употреблялся при оценке движений, партий и отдельных лиц периода 1914—1918 гг., сменился единственно возможным марксистским критерием, — „что помогало развитию борьбы пролетариата за его конечную цель (свержение господства буржуазии, установление своей диктатуры и построение коммунизма) и что препятствовало и оттягивало достижение этой цели“»¹⁵⁹.

К. Пихлику удалось правильно подметить основную суть дискуссии, показать ее главный вклад в марксистское освещение проблемы образования Чехословакии.

Среди чехословацких историков ряд споров вызвал также вопрос об оценке Словацкой Советской Республики 1919 г. Мы уже отмечали, что эта проблема была объектом грубейших фальсификаций буржуазной историографии. Работа М. Госпоровского «Очерки по истории словацкого рабочего движения» (1951) и В. Краля «Интервенционистская война чехословацкой буржуазии против Венгерской Советской Республики в 1919 г.» (1954) во многом способствовали восстановлению правды об этой славной странице исторического прошлого народа Чехословакии. Особенно богатый и ценный материал по этому вопросу был собран в монографии М. Виетора «Словацкая Советская Республика» (1955). Сложность этой проблемы заключалась в том, что возникновение Словацкой Советской Республики было результатом не только внутреннего развития Словакии, но и контрнаступления венгерской Красной армии. Высоко оценивая сам факт революционной борьбы венгерского и словацкого пролетариата, М. Госпоровский ставил под сомнение тактическую целесообразность создания Словацкой Советской Республики¹⁶⁰. Он ссылаясь на слова К. Готвальда о том, что Чехословакия является для чехов и словаков единственной естественной и возможной базой их государственной жизни, в силу чего и произошло в 1918 г. объединение чехов и словаков в единое государство¹⁶¹. Аналогичным образом рассматривал этот вопрос и В. Краль¹⁶².

Многие чехословацкие историки не согласились с этими выводами. В Тезисах очерков по истории КПЧ содержалась следующая формулировка: «Революционизированию рабочего класса как в Словакии так и в чешских землях в большой степени способствовало создание Словацкой Советской Республики, которая была первой попыткой создания государства рабочих и крестьян на территории ЧСР. Ее борьба останется составной частью революционных традиций чехословацких трудящихся»¹⁶³.

Для обсуждения этого вопроса в октябре 1958 г. в Институте истории КП Словакии было проведено совещание, в котором приняли участие многие ведущие чехословацкие историки. В качестве контртезисов на нем были выдвинуты соответствующие разделы уже упоминавшейся книги М. Дзвоника. В ней, в частности, говорилось: «При создании Словацкой советской республики стоял вопрос не о том, чтобы перерешить национальный вопрос словацкого народа, а о том, чтобы попытаться довести до конца освобождение словацкого, а затем и чешского народов и с помощью установления диктатуры пролетариата наряду с национальным освобождением осуществить и освобождение социальное»¹⁶⁴.

¹⁵⁹ Там же, стр. 248—249.

¹⁶⁰ М. Gosiorovský. Príspevok k dejinám slovenského robotníckeho hnutia, стр. 95.

¹⁶¹ K. Gottwald. Spisy, XI, стр. 143—144.

¹⁶² V. Král. Intervenční válka..., стр. 221.

¹⁶³ «Přehled dejin KSC. Tézy». Bratislava, 1957, стр. 70.

¹⁶⁴ M. Dzvoník. Указ. соч., стр. 166.

Эту точку зрения одобрили все выступающие. В итоге согласился с ней сам М. Госноровский. Участники дискуссии отмечали, что хотя огромное влияние на образование Словацкой Советской Республики оказала Советская Венгрия, ее создание стало неотъемлемой частью процесса кристаллизации революционного рабочего движения в Чехословакии. В ходе обсуждения подчеркивалось, что к вопросу о государственном единстве чехов и словаков следует подходить исторически, исходя прежде всего из интересов борьбы за победу пролетариата. «Мы считаем, — говорилось в резолюции совещания, — что чехословацкая исторпрография, анализируя обстановку в 1918—1920 гг., допустила ошибку, недостаточно оценивая тот факт, что Чехословацкая республика уже в период своего возникновения была империалистическим государством, поскольку к власти в ней пришла буржуазия»¹⁶⁵. Таким образом, обсуждение, выходя за рамки вопросов непосредственно связанных со Словацкой Советской Республикой, имело принципиальное значение и для оценки периода 1918—1920 гг. в целом.

Разделяя основные выводы совещания, нам хотелось бы лишь отметить одну формулировку его резолюции, нуждающуюся, на наш взгляд, в уточнении. В этой формулировке говорится, что создание Словацкой Советской Республики «привело к серьезному усилению революционности рабочего класса Чехословакии...»¹⁶⁶. Это совершенно бесспорно в отношении Словакии. Что касается чешских земель, то там развитие происходило более сложным путем. И. Веселый в ходе обсуждения говорил: «По моему мнению, фактически доказано, что короткое существование Словацкой Советской Республики не вызвало откликов в чешских землях»¹⁶⁷. Действительно, факты показывают, что спровоцированный правящими кругами Чехословакии конфликт с Советской Венгрией в силу ряда причин, и прежде всего в силу предательской и демагогической позиции оппортунистического руководства социал-демократии, сопровождался даже временным ослаблением революционного движения в чешских землях. Это отнюдь не умаляет значения создания Словацкой республики, явившегося выдающейся вехой в истории Чехословакии, а свидетельствует лишь о сложности и противоречивости процессов, развертывавшихся в то время в стране.

Другим вопросом, ставшим объектом целого ряда обсуждений чехословацких историков, была периодизация. В то время как часть историков считала, что переломным моментом в развитии новейшей истории страны было начало всеобщего кризиса капитализма и Октябрьская революция, другая этот рубеж связывала с образованием чехословацкой буржуазной республики. Если в двух изданиях тезисов «Обзора истории КПЧ»¹⁶⁸, а затем и в самом учебнике истории КПЧ¹⁶⁹ рассмотрение истории буржуазной республики начинается с конца 1917 г., то в материалах для сети партийного просвещения на 1958/59 г., изданных Отделом агитации и пропаганды ЦК КПЧ¹⁷⁰, а также в подготовленном чехословацкими историками макете «Истории Чехословакии» эта грань отнесена к октябрю 1918 г.

Наиболее целесообразной представляется нам периодизация, начинающая рассмотрение истории буржуазной Чехословакии с момента возникновения революционного кризиса в Австро-Венгрии¹⁷¹.

¹⁶⁵ «Přspěvky k dějinám KSČ, 1959, № 7, стр. 201.

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же, стр. 200.

¹⁶⁸ «Přehled dějin KSČ, Těze», I vyd. 1957, II vyd. 1958.

¹⁶⁹ «Dějiny KSČ». Praha, 1960 (Русск. пер.: «История КПЧ». М., 1962).

¹⁷⁰ «Materiály pro RSS», 1958/59. Praha, 1958.

¹⁷¹ Следует отметить, что автор данной работы первоначально разделял другую точку зрения. Рассматривая Великую Октябрьскую социалистическую революцию как важнейшую предпосылку образования Чехословацкой республики, он вместе

Новая серия работ, полностью или частично посвященных рассматриваемой нами проблеме, появилась в 1961 г. в связи с 40-летием Коммунистической партии Чехословакии. Важнейшее место среди них бесспорно занимает учебник «История КПЧ», являющийся своего рода синтезом всей предшествующей работы чехословацкой марксистской историографии, посвященной вопросам развития чехословацкого революционного движения. Интересующая нас проблематика рассматривается здесь в главе III «Подъем рабочего и национально-освободительного движения под влиянием Великой Октябрьской революции. Возникновение Чехословакии. Борьба за создание КПЧ (1917—1921)». Глава по существу охватывает два периода — период, предшествующий образованию Чехословакии, и период становления чехословацкого буржуазного государства и послевоенного революционного подъема. Поскольку завершение процесса образования КПЧ произошло уже во время отлива революционного подъема, рассмотрение первого послевоенного периода заканчивается не декабрьской забастовкой 1920 г., а Объединительным съездом КПЧ в октябре 1921 г.

Подъем чехословацкого рабочего и национально-освободительного движения рассматривается в главе на широком международном фоне, в неразрывной связи с возникновением и развитием общего кризиса капитализма. События, приведшие к образованию Чехословакии, характеризуются как буржуазно-демократическая, национальная революция, гегемонию в которой в результате предательства оппортунистического руководства социал-демократии удалось захватить буржуазии. Авторы учебника справедливо подчеркивают, что несмотря на это «образование ЧСР было большим историческим шагом вперед в развитии чешского и словацкого народов»¹⁷².

Эта совершенно правильная оценка сопровождалась простой констатацией того, что Чехословакия является единственной естественной и возможной базой государственного существования чехов и словаков. Применительно к обстановке конца 1918 г. этот тезис, на наш взгляд, заслуживает более развернутого анализа.

В учебнике отмечается, что поскольку Чехословакия образовалась как буржуазное государство, это не только помешало социальному освобождению чешского и словацкого народов, но и делало непрочной достигнутую ими национальную независимость. «Буржуазная Чехословакия, — говорится в книге, — не могла длительное время сохранять свою независимость среди империалистических хищников. Как показало дальнейшее историческое развитие, она рано или поздно должна была быть поглощена в их свалке. Только социалистической Чехословакии в семье социалистических народов и государств может быть обеспечена прочная свобода, государственная и национальная независимость»¹⁷³. Этот вывод, впервые столь прямо сформулированный в «Истории КПЧ», имеет огромное значение для правильного понимания многих событий и процессов того времени.

Развернутая характеристика этих событий 1918—1920 гг. содержится в исследовательских статьях З. Карника¹⁷⁴ и Ф. Горки¹⁷⁵, научно-по-

с тем считал, что лишь после создания ЧСР произошло коренное изменение условий исторического развития чешского и словацкого народов и объективных задач, стоящих перед рабочим классом страны. Однако в ходе дальнейшего изучения материалов выяснилось, что правильное освещение событий 1918—1920 гг. и последующих лет невозможно в отрыве от основных проблем периода, непосредственно предшествовавшего образованию Чехословакии.

¹⁷² «Dějiny KSC», стр. 129.

¹⁷³ Там же, стр. 130.

¹⁷⁴ Z. Kárník. Počátky marxistické levice. ČsČH, 1959, № 4.

¹⁷⁵ F. Horák. Historický význam vzniku KSC jako masové dělnické strany. «Čtyřicet let zápasů KSC». Praha, 1961.

пулярных работах И. Веселого¹⁷⁶ и особенно К. Гаяна и З. Карника¹⁷⁷.

Среди многочисленных работ, опубликованных в Чехословакии к 40-летию КПЧ, книга К. Гаяна и З. Карника выделялась тем, что ее авторы поставили перед собой задачу охарактеризовать формирование КПЧ в целом. В основном им это удалось. Интересен приводимый в работе анализ революционного движения в стране накануне образования Чехословакии, характеристика деятельности «марксистской левой» и отдельных течений внутри нее, более детальное по сравнению с предыдущими работами описание эволюции немецких левых социал-демократов и анархо-коммунистов. Подчеркивая огромное значение борьбы революционного авангарда пролетариата за создание массовой партии, успехи «марксистской левой» в области агитации и пропаганды, авторы справедливо отмечают, что основная слабость руководства «марксистской левой» состояла в преклонении перед стихийностью, в недооценке организующей роли партии.

Начало отлива революционной волны и переход буржуазии в контр-наступление летом 1920 г. в работе связывается с отсутствием необходимого руководства рабочим классом¹⁷⁸. На наш взгляд нельзя объяснить такие явления, как недостаточная идейная зрелость рабочего класса, слабая поддержка рабочих крестьянством, колебания мелкобуржуазных масс, укрепление буржуазного государственного аппарата в конкретных условиях лета и осени 1920 г., только лишь ошибками и недостатками «марксистской левой», как это по существу делают авторы. Нельзя не видеть при этом целый ряд объективных причин, приведших к такому положению. Видимо, и на этой в целом удачной работе сказалось то, что авторы ее не имели возможности опереться на монографическую разработку ряда проблем общегражданской истории страны рассматриваемого периода и поэтому не всегда могли в достаточной степени учесть объективные условия, в которых развивалось чехословацкое революционное движение.

Значительный интерес представляет небольшая монография В. Кашика «Попытки создания единой реформистской партии в 1917—1918 гг. и их провал»¹⁷⁹. Это одна из первых работ, в которой учтены результаты дискуссии об образовании буржуазной Чехословакии, проходившей в 1957—1959 гг. Автор прослеживает в ней эволюцию социал-демократической и национально-социалистической партий в течение 1917—1918 гг., показывая пагубное влияние буржуазного национализма на развитие чешского рабочего движения. Автор впервые дает развернутую характеристику отдельных течений внутри чешско-славянской социал-демократии в период, предшествующий октябрю 1918 г. Работа создает базу для более глубокого понимания целого ряда проблем развития революционного движения в Чехословакии в последующий период. Написанная преимущественно на основании материалов прессы, она показывает, какое широкое поле для исследования дает этот зачастую недооцениваемый в исторической литературе источник.

К 40-летию КПЧ в Чехословакии вышло значительное число работ, в которых вопросы возникновения КПЧ рассматриваются на региональном материале.

К числу наиболее удачных из них принадлежит работа З. Карника «Образование КПЧ в северо-восточной Чехии»¹⁸⁰. Ее автору удалось свя-

¹⁷⁶ J. Veselý. Jak se zrodila naše strana. Praha, 1961.

¹⁷⁷ K. Gajan, Z. Kárník. Boj za utvorenie KSČ. Bratislava, 1961.

¹⁷⁸ Там же, стр. 113.

¹⁷⁹ V. Kašík. Snahy o jednotnou reformistickou stranu v letech 1917—1918 a jejich porážka. Praha, 1961.

¹⁸⁰ Z. Kárník. Založení KSČ v severovýchodních Čechách. Praha, 1961.

зать специфику развития рабочего движения в этом районе с общими процессами возникновения Коммунистической партии Чехословакии.

В последние годы появился ряд исследований, рассматривающих в монографическом плане отдельные стороны политического развития Австро-Венгрии накануне ее распада. Одна из важнейших сторон непосредственного влияния Октябрьской революции на развитие революционных процессов в монархии — ее влияние на разложение австрийской армии — детально анализируется в статьях К. Пихлика¹⁸¹.

Знакомство с работами чехословацких историков-марксистов, опубликованными в последние годы, показывает, что характерной чертой их является переход от исследования историко-партийных проблем в узком смысле этого слова к работам по истории революционного рабочего движения в целом (речь идет о работах, посвященных периоду 1917—1921 гг.). Многие важнейшие аспекты этого вопроса довольно подробно исследованы в значительной степени и на местном материале¹⁸².

Что касается других вопросов исторического развития страны в первые годы существования буржуазной республики, то они, вплоть до конца 50-х годов, как правило, освещались лишь попутно в работах, посвященных историко-партийной проблематике. Количество работ, посвященных исследованию крестьянского движения, национального вопроса, деятельности буржуазных партий, становлению буржуазного государства до сих пор пока что не велико.

Взять хотя бы вопрос о становлении буржуазного государства. Единственной работой на эту тему долгое время оставалась брошюра Б. Раттингера «Очерки конституционного развития домюнхенской республики»¹⁸³. В своей работе автор широко опирался на материалы стенографических отчетов и документы Национального собрания, которые до сих пор почти совсем не используются в исторической литературе. Однако по своему характеру и объему это скорее очерк, чем глубокое историческое исследование. В нем рассматривается развитие буржуазного законодательства в 1918—1920 гг. и борьба, которая разворачивалась по этому поводу в Национальном собрании Чехословакии. Лишь в последние годы появились новые работы на эту тему. Наряду с отдельными статьями, опубликованными в журналах «Правник», «Часопис Матице Моравской» и «Историе а военстви» вышла монография М. Виетора, посвященная деятельности буржуазного суда в первые годы существования Чехословакии¹⁸⁴.

Вопросы образования чехословацкой буржуазной армии рассматриваются в работе М. Фейлека¹⁸⁵. «Национальные комитеты в чешских землях в 1918 году» — так озаглавлена небольшая монография В. Пешы¹⁸⁶. Чтобы разобраться в этом вопросе, автору пришлось исследовать огромный материал, разбросанный в районных и местных архивах. Он приводит развернутые данные о численности и составе национальных комитетов, подробно анализирует их деятельность. Однако приво-

¹⁸¹ K. Pichlík. K otázce návratilců z ruského zajetí. «Historie a vojenství», 1962, № 1; он же. «Lednová generální stávka v r. 1918 a rakousko-uherská armáda». «Historie a vojenství», 1962, № 6.

¹⁸² О том, что среди чехословацких историков интерес к этой проблеме не затухает, свидетельствует, например, появление в 1963 г. обстоятельной монографии З. Карника, посвященной анализу деятельности рабочих советов в чешских землях в 1917—1921 гг. (Z. Kárník. Za československou republiku rád. Národní výbory a dělnické rady v českých zemích, 1917—1920. Praha, 1963).

¹⁸³ B. Rattinger. Nástin ústavního vývoje předmnichovské republiky. Praha, 1954.

¹⁸⁴ M. Vietor. Počátky buržoázného súdnictva v ČSR. Bratislava, 1958.

¹⁸⁵ M. Fejlek. Dají ti pušku... Praha, 1961; он же. 28 říjen a vznik předmnichovské československé armády. «Historie a vojenství», 1958, № 3.

¹⁸⁶ V. Peša. Národní výbory v českých zemích r. 1918. Praha, 1962.

димый им материал вряд ли дает основание столь безоговорочно характеризовать эти комитеты как «по существу революционные народные органы»¹⁸⁷. Скорее следовало бы говорить о потенциальных возможностях превращения национальных комитетов 1918 г. в революционные народные органы, которые в силу практически полного их подчинения буржуазному руководству не были в то время использованы.

Эти работы историков и юристов помогли осветить ряд интересных сторон становления буржуазного государства, но в целом эта проблема еще ожидает своего исследования.

Изучение вопроса о крестьянском движении затрудняется крайней неполнотой и разбросанностью источников. В 1954 г. вышла монография З. Кучеры и З. Кучеровой «За государство аграриев»¹⁸⁸. Авторы в предисловии отмечали, что они ставили своей целью разоблачение антинародной сущности деятельности аграрной партии, особенно в период 1918—1920 гг. Однако ограниченность фактического материала, декларативность и методологическая слабость работы не способствовали продвижению вперед исследования этой сложной проблемы. Возникновению буржуазной аграрной реформы была посвящена большая статья М. Михла¹⁸⁹. Автор опирался в основном на прессу и буржуазную литературу, но и это позволило собрать ему значительное количество интересного материала. Однако он не всегда дает достаточно глубокий критический анализ этого материала, что особенно проявилось в недооценке буржуазного характера аграрной реформы. Отдельным аспектам крестьянского движения посвящены также небольшие статьи Я. Цезара, Б. Черного, В. Пешы, и М. Отагала¹⁹⁰. Что касается развернутых исследований Я. Менцловой¹⁹¹, а также коллективной монографии В. Плевзы, Л. Вебра и С. Цамбела¹⁹², то они охватывают более поздний период, начинающийся образованием КПС в 1921 г. Таким образом вопросы развития крестьянского движения в 1918—1920 гг. в марксистской литературе освещены пока что недостаточно.

Немногом лучше освещено и положение в буржуазном лагере. Имеющиеся работы посвящены главным образом разоблачению идейных предшественников словацкого сепаратизма и судето-немецкого фашизма. Деятельность словацкой людовой партии в 1918—1920 гг., попутно затрагиваемая в работах И. Станека¹⁹³, А. Сирацкого¹⁹⁴ и в сборнике под ред. Я. Кубата¹⁹⁵, специально рассматривается в книге Я. Крамера «Словацкое автономистское движение в 1918—1929 гг.»¹⁹⁶.

О чехословацко-немецких отношениях в 1918—1921 гг. пишет в своей монографии К. Гаян¹⁹⁷. Он уделяет большое внимание не только вопросу официальных отношений между обеими странами, но и анализирует интернациональные связи между чехословацким и немецким пролетариатом

¹⁸⁷ Там же, стр. 53.

¹⁸⁸ Z. Kučera, Z. Kučerová. O agrárnický stát. Praha, 1954.

¹⁸⁹ J. Michl. Revoluční ovzduší první československé pozemkové reformy a její ohlas u čl. politických stran. «Historie a muzejnictví», 1956, № 1—3.

¹⁹⁰ J. Cézár, B. Černý. O ideologii čl. agrarismu. CsCH, 1959, № 2; V. Peša. K bojům venkovského lidu na Moravě a ve Slezsku. «CMM», 1956, № 3—4; M. Otáhal. K boji o pozemkovou reformu. CsCH, 1960, № 5; J. Cézár. Řešení rolnické otázky u čl. sociální demokracii v letech 1919 až 1920. CsCH, 1957, № 1; он же. Ohlas Říjnové socialistické revoluce na českém venkově. CsCH, 1957, № 5.

¹⁹¹ J. Menclová. Léta zrodu dělnicko-rolnického svazku v Československu. Praha, 1961.

¹⁹² V. Plevza, L. Vébr, S. Cambel. KSČ a rolnická otázka. Bratislava, 1961.

¹⁹³ J. Staněk. Zrada a pád. Praha, 1958.

¹⁹⁴ A. Širácký. Klérofašistická ideológia ľudáctva.. Bratislava, 1955.

¹⁹⁵ «O ľudáckém fašismu». Zborník, red. J. Kubát. Praha, 1956.

¹⁹⁶ J. Kramer. Slovenské autonomistické hnutie v rokoch 1918—1929. Bratislava, 1962.

¹⁹⁷ K. Gajan. Německý imperialismus a československo-německé vztahy v letech 1918—1921. Praha, 1962.

в этот период. Серьезное исследование представляет собой монография Я. Цезара и Б. Черного «От судето-немецкого сепаратизма к планам реванша»¹⁹⁸, в которой впервые в марксистской литературе дается развернутый анализ деятельности немецких буржуазных националистов в Чехословакии в 1918—1919 гг. Авторы правильно, хотя и в весьма сжатой форме характеризуют свое отношение к самому факту включения в состав Чехословакии районов с немецким населением. «Бесспорно, — пишут они, — что без обеспечения территориальной целостности чешских земель новое государство было бы с политической, экономической и военной точек зрения беспомощным перед лицом немецкого империализма»¹⁹⁹. Подчеркивая, что источником чешско-немецких конфликтов были не национальные различия, а конкурентная борьба различных группировок буржуазии, авторы показывают, что чешская буржуазия не по доброй воле, а в силу объективных причин вынуждена была проводить по отношению к немецкому населению менее жесткую политику, чем политика правящих кругов Австро-Венгрии по отношению к чехам. Однако, по мнению авторов, последовательное решение национального вопроса было невозможным, пока в Германии и Чехословакии сохранялись буржуазные порядки. Несмотря на свою краткость, выводы Я. Цезара и Б. Черного представляют, на наш взгляд, серьезный шаг вперед в разработке национальной проблематики, связанной с образованием чехословацкой буржуазной республики.

Деятельность чешских буржуазных партий до последнего времени оставалась практически вне поля зрения марксистской историографии. Первые шаги в этой области сделаны в макете II и III томов «Обзора чехословацкой истории», подготовленном коллективом ведущих чехословацких историков²⁰⁰.

Оценивая процесс возникновения буржуазной Чехословакии, авторы этого коллективного труда пишут: «Октябрьская революция настолько изменила реальное соотношение классовых сил во всем мире, что перед малыми народами Центральной Европы, которые в течение многих лет вели национально-освободительную борьбу, открылась реальная возможность добиться национальной и государственной независимости...»²⁰¹. Характеризуя образование буржуазной Чехословакии как большой прогресс в истории чешского и словацкого народов, авторы вместе с тем отмечают, что буржуазно-демократическое решение национального вопроса не позволило исчерпать революционные возможности данной эпохи и отсрочило окончательное, пролетарское решение коренных вопросов общественного развития.

«Обзор чехословацкой истории» привлекает прежде всего широтой охвата проблематики. В соответствующих разделах II и III томов, посвященных проблеме образования и становления буржуазной республики, рассматривается международная обстановка этого периода, дается характеристика расстановки классовых сил, политики буржуазии, развития революционного движения и т. д. Некоторые разделы, посвященные, в частности, социально-экономическим вопросам, выходят за рамки обзорного труда и носят черты самостоятельной монографической разработки. Конечно, не все оценки этого труда бесспорны, изредка встречаются и отдельные фактические неточности. Однако главное значение этой работы

¹⁹⁸ J. Cézár, B. Černý. Od sudetoněmeckého separatismu k plánům odvety. Liberec 1961. Часть этой монографии в переработанном виде вошла в двухтомный труд этих же авторов, посвященный политике немецких буржуазных партий в Чехословакии в 1918—1938 гг. (J. Cézár, B. Černý. Politika německých buržoazních stran v Československu v letech 1918—1938, d. I—II. Praha, 1962).

¹⁹⁹ J. Cézár, B. Černý. Od sudetoněmeckého separatismu..., стр. 194.

²⁰⁰ «Přehled československých dějin», d. II; sv. 2; d. III. Praha, 1960.

²⁰¹ Там же, т. II, ч. 2, стр. 1282.

заключается, по нашему мнению, в том, что в ней была дана развернутая картина развития страны, охватывающая все без исключения важнейшие факторы, определявшие историческое развитие Чехословакии рассматриваемого периода. В этом смысле подготовка соответствующих разделов «Истории Чехословакии» явилась не только подведением итога работы, уже проделанной историками-марксистами, но и своего рода отправной точкой для разработки проблем, которые в литературе еще не получили достаточного освещения.

Марксистская концепция экономического развития буржуазной Чехословакии впервые в послевоенный период была в самой общей форме изложена в книге О. Ржиги «Экономическое и социально-политическое развитие Чехословакии»²⁰², а позднее в несколько более развернутой форме в учебном пособии А. Доброго²⁰³.

В настоящее время наиболее ясной представляется история развития финансов страны. Уже в буржуазной литературе по этому вопросу приводилось значительное количество фактического материала, который получил марксистское освещение в коллективной работе М. Убирши, Я. Кадлеца и М. Матаса²⁰⁴.

В последние годы определенное внимание уделялось также истории развития монополистического капитала в Чехословакии. Наиболее фундаментальная работа в этой области — книга Р. Вагнера «Господство капиталистических монополий в Чехословакии»²⁰⁵. В ней убедительно показано усиление монополий в экономике буржуазной Чехословакии. К сожалению, проблематике 1918—1920 гг., когда происходил наиболее бурный рост монополистического капитала, в книге уделено сравнительно небольшое внимание. Роль иностранного капитала в Чехословакии рассматривается в монографической статье А. Тайховой «К вопросу об изучении внешних связей финансового капитала в Чехословакии»²⁰⁶. Известная недооценка сложности международных связей финансового капитала и недостаточный охват источников привели, на наш взгляд, к преувеличению влияния иностранного капитала в Чехословакии, на что справедливо указывал в своей рецензии В. Крал²⁰⁷.

Слабо освещены и вопросы развития промышленности в первые годы существования Чехословацкой республики.

Интересный материал содержат монографии И. Крамера²⁰⁸ и П. Рапоша²⁰⁹, рассматривающие историю развития промышленности буржуазной Словакии, а также ряд работ по истории отдельных предприятий и отраслей. Однако они не могут восполнить отсутствие работ по истории промышленного развития страны в целом. Для рассматриваемого периода мы не располагаем даже сколько-нибудь приемлемым индексом развития промышленного производства в Чехословакии. Правда, в 1959 г. А. Добрый в журнале «Политика экономики» опубликовал статью, в которой ему на основе сравнительного анализа удалось внести определенные коррективы в индексы Лиги наций, ООН и ряда буржуазных эконо-

²⁰² O. Říha. Hospodářský a sociálně politický vývoj Československa, 1790—1945. Praha, 1949.

²⁰³ A. Dobrý. Materiály ke studiu dějin československého hospodářství v letech 1918—1945. Praha, 1955.

²⁰⁴ M. Ubiria, V. Kadlec, M. Matas. Penežní a úvěrová soustava Československa za kapitalismu. Praha, 1958.

²⁰⁵ R. Wagner. Panství kapitalistických monopolů v Československu. Praha, 1958.

²⁰⁶ A. Teichová. Příspěvek k poznání zahraničních spojů finančního kapitálu v Československu. «Sb. vysoké školy pedagogické v Praze. Historie-filosofie», I, 1957.

²⁰⁷ CsCH, 1959, № 1, 3; 1958, № 4.

²⁰⁸ J. Kramer. K dejinám priemyslu na Slovensku za prvej CSR. Bratislava, 1955.

²⁰⁹ P. Rapoš. Priemysl Slovenska za kapitalismu. Praha, 1957.

помпстов²¹⁰. Однако и его данные для периода 1918—1920 гг. носят лишь весьма приближенный характер.

По существу, неизученной остается проблема динамики развития реального уровня различных слоев населения страны в рассматриваемый период. Открытым оставляет этот вопрос и более поздняя монография А. Хибы «Положение рабочего класса в капиталистической Чехословакии»²¹¹. Дело в том, что исследование этой проблемы крайне затрудняется наличием в Чехословакии в то время черного рынка, инфляционной конъюнктуры, неустойчивости цен.

Сравнительно невелика марксистская литература и по истории развития сельского хозяйства. В 1950 г. появилась работа И. Пеликана о классовой дифференциации в деревне²¹², в которой на основе анализа данных статистики автор впервые попытался определить классовую структуру деревни в буржуазной Чехословакии. Правда, автору в сравнительно небольшой работе удалось скорее наметить лишь пути приступа к этой проблеме. Дальнейший шаг в этом направлении был сделан Ф. Сточесом в монографии «Положение мелкотоварных производителей в сельском хозяйстве капиталистической Чехословакии»²¹³. Среди историко-экономических исследований она выделяется глубиной критического анализа буржуазной статистики, но и в ней содержится сравнительно мало данных по интересующему нас периоду.

Своего рода итогом марксистских исследований по истории экономического развития буржуазной республики является коллективный обобщающий труд «Обзор экономического развития Чехословакии в 1918—1945 гг.»²¹⁴. По некоторым проблемам членами авторского коллектива проведено и самостоятельное исследование. В отличие от других работ по истории экономики в основу «Обзора» положен проблемно-хронологический принцип, что для историка представляет особую ценность. Специальные главы посвящены развитию промышленности, сельского хозяйства, финансов и материального положения трудящихся в период 1918—1923 гг. Отдельные главы неравноценны. В то время как глава по промышленности представляет собой довольно беглый обзор имеющихся в научном обороте данных, глава, посвященная материальному положению трудящихся, содержит целый ряд новых моментов. В целом можно сказать, что появление «Обзора экономического развития Чехословакии в 1918—1945 гг.» означает значительный шаг в разработке экономических вопросов периода становления буржуазной республики.

Суммируя итоги разработки проблем, связанных с образованием и становлением чехословацкой буржуазной республики, следует подчеркнуть, что чехословацкими историками-марксистами проделана в этой области большая работа. Наряду с созданием развернутой марксистской концепции развития страны в этот период широким фронтом велось исследование развития революционного рабочего движения как в общегосударственном масштабе, так и в масштабе целого ряда районов и областей, а также процесс формирования Коммунистической партии Чехословакии.

Менее изучены вопросы экономического развития страны, становления буржуазного государства, политики буржуазных партий и их влияния на промежуточные слои населения (крестьянство, городская мелкая

²¹⁰ «Politická ekonomie», 1959, № 9.

²¹¹ A. Chyba. Postavení dělnické třídy v kapitalistickém Československu. Praha, 1960.

²¹² J. Pelikán. Třídní rozklad vesnice. Praha, 1960.

²¹³ F. Stočes. Postavení zemědělské malovýroby za kapitalistické CSR. Praha, 1958.

²¹⁴ «Přehled hospodářského vývoje Československa v letech 1918—1945». Praha, 1960.

буржуазия), а отчасти и вопросы международного положения Чехословакии, т. е. те проблемы, которые в совокупности составляли объективные условия развития революционного рабочего движения в стране. Немалая работа предстоит также для того, чтобы более глубоко и всесторонне осветить предпосылки возникновения Чехословацкого государства в 1918 г.

Нам кажется, что для успеха дальнейшей работы в этой области большое значение имеет изучение образования и становления Чехословакии не только в рамках национальной истории, но и в более широких рамках всемирного процесса освобождения трудящихся от гнета капитализма. Это поможет еще лучше понять многие сложные и порой весьма противоречивые исторические явления, которыми изобилует рассматриваемый период.

Е. Д. Воробьева

ДЕЛЕГАЦИЯ
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
В СССР

*(ноябрь 1925 — январь 1926 г.)**

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала к себе глубочайший интерес и симпатии миллионов трудящихся. Поддержка Советской России стала одной из главных интернациональных задач пролетарских масс всего мира.

Широкое движение в защиту Страны Советов, развернутое трудящимися капиталистических стран в период иностранной интервенции и гражданской войны, оказало огромную помощь русскому пролетариату. Оно явилось в тот период важным фактором, способствовавшим победе над внутренними и внешними врагами Советской России.

В дальнейшем, в годы мирного строительства СССР, международный пролетариат с неослабевающим вниманием следил за происками империалистов, борясь против всяких попыток начать новую антисоветскую войну.

В борьбе в защиту созидательного труда советского народа важную роль играла передовая молодежь капиталистических стран. Проявляя свою любовь к Стране Советов и стремясь установить постоянные дружеские связи с советской молодежью, она вместе с трудящимися всех стран решительно осуждала антисоветские замыслы и провокации. Ее активное движение за юридическое признание СССР правительствами капиталистических государств в 20-е годы и борьба против планов империалистов сорвать социалистическое строительство яркой страницей вошла в историю международной пролетарской солидарности.

Значительную работу в организации этого движения проводил Коммунистический Интернационал Молодежи. Исполком КИМа в ряде воз-

* Автор не ставил своей целью осветить в данной статье все вопросы, касающиеся молодежного движения в Чехословакии в рассматриваемый период. Поездка делегации рабочей молодежи в СССР дается здесь как фрагмент из истории дружественных связей чехословацких и советских трудящихся в 20-е годы, которой будет посвящено специальное исследование.

Автор выражает глубокую благодарность участникам делегации товарищам Антонину Черному и Эмилию Гршелу, которые своими воспоминаниями оказали большую помощь в подготовке данной статьи.

званий к молодым рабочим всего мира, разъясняя причины обострения международной обстановки и усиления антисоветских провокаций, призывал организовать в защиту СССР единый фронт всей трудящейся молодежи.

В этом отношении важно отметить значение конференции коммунистических союзов молодежи стран Европы, созванной исполкомом КИМа в Берлине в июле 1925 г. для обсуждения конкретных задач в связи с военными событиями в Марокко и Китае и угрозой новой империалистической агрессии против СССР, а также для решения ряда важных вопросов международного юношеского движения¹. На конференции присутствовали представители КСМ Австрии, Англии, Германии, Голландии, Италии, Польши, Советского Союза, Франции, Чехословакии, Швейцарии, Балканской и Скандинавской федераций.

Основным документом конференции была резолюция «Задачи КИМа в связи с опасностью новой всемирной войны и подготовкой империалистами нападения на СССР». Она поставила перед коммунистическими союзами молодежи ответственную задачу — немедленно и всеми средствами развернуть среди рабочей и крестьянской молодежи самую широкую кампанию по разоблачению военных замыслов и агрессивных действий империалистов и вовлечению широких масс молодежи в борьбу против военной опасности (организация митингов, демонстраций, забастовок, создание комитетов действия и т. д.). В осуществлении этой задачи особая роль отводилась посылке делегаций рабочей молодежи в СССР². В резолюции указывалось, что «коммунистическая молодежь будет до конца и без колебаний бороться против войны» и всеми средствами поддерживать Республику Советов в случае нападения на нее империалистов³, говорилось также, что в антиимпериалистической кампании особенно необходима тактика единого фронта.

Высоко оценивая значение этой конференции, исполком КИМа в обращении ко всем своим секциям, принятом 1 августа 1925 г., подчеркивал, что она явилась значительным этапом в истории КИМа и создала прочную базу для дальнейшей революционной борьбы рабочей молодежи всего мира⁴.

Чтобы успешнее осуществить решения конференции, исполком КИМа 11 августа 1925 г. обратился к исполкому социалистического Интернационала Молодежи с открытым письмом⁵, призвав его установить совместный боевой фронт борьбы с опасностью новой империалистической войны против СССР, в защиту экономических и политических требований трудящейся молодежи. Как одно из первых совместных действий предлагалось провести кампанию по организации поездок делегаций рабочей молодежи в Советский Союз⁶. «В Ваших изданиях, — говорилось в письме, — Вы много пишете о „гонениях и преследованиях“, которым подвергается рабочая молодежь в России и в Грузии со стороны „большевистской диктатуры“. Мы предлагаем Вам очень простой план, посредством которого каждый молодой рабочий, идущий за Вами, может про-

¹ См.: «Конференция Коммунистических союзов молодежи Европы 21—22 июля 1925 г. Резолюции, постановления, поздравления». М., 1926.

² Там же, стр. 17.

³ Там же, стр. 19.

⁴ «Комсомольская правда», 4.VIII 1925.

⁵ «Три письма. Переписка Коммунистического Интернационала Молодежи с „социалистическим“ Интернационалом Молодежи». М., 1926, стр. 47—58.

⁶ Незадолго до этого письма было опубликовано обращение ЦК РЛКСМ совместно с Московским и Ленинградским комитетами РЛКСМ к молодым рабочим ряда стран Европы, в котором им от имени полутора миллионов советских комсомольцев предлагалось прислать в СССР свои делегации для ознакомления с жизнью советской молодежи («Комсомольская правда», 14.VIII 1925).

верить Ваши сообщения... Мы предлагаем Вам начать кампанию за посылку делегаций рабочей молодежи в СССР».

Исполком СИМа не ответил на это письмо, показав тем самым свое отрицательное отношение к предложенным ИК КИМа мероприятиям, и запретил своим союзам участвовать в них ⁷.

ЦК коммунистических союзов молодежи стран Европы, получившие приглашения РЛКСМ, приступили к проведению кампаний по организации делегаций без участия руководства социалистических союзов.

В конце августа 1925 г., в дни подготовки к Международному Юношескому Дню, который отмечался в соответствии с решением июльской конференции КСМ как международный день единства пролетарской молодежи, ЦК РЛКСМ в обращении «Ко всем комсомольцам, ко всей рабоче-крестьянской молодежи» вновь призвал зарубежную молодежь прислать в СССР свои делегации. «Мы обращаемся к молодым рабочим Европы, — говорилось в обращении, — прежде всего Германии, Франции, Бельгии, Чехословакии: шлите к нам своих делегатов, изучайте наш труд и борьбу, крепите связь с трудящейся молодежью СССР» ⁸.

Советская молодежь с энтузиазмом присоединилась к обращению ЦК, МК и ЛК РЛКСМ. В конце августа—сентябре 1925 г. на многих предприятиях проводились специальные собрания, где принимались резолюции о приглашении делегаций иностранной молодежи в СССР.

28 августа собрание молодых рабочих Московско-Курской железной дороги, разделяя мнение всех других молодежных коллективов, обратилось в исполком КИМа с просьбой помочь осуществлению этой идеи. «Мы, молодежь, — говорилось в их письме, — твердо верим, что все козни против СССР разобьются о твердую единства мирового пролетариата, за это говорят поездки в СССР делегаций иностранных рабочих ⁹. Мы выражаем свое желание видеть у нас иностранные делегации рабочей молодежи и просим ИК КИМа содействовать их приезду. Пусть они ознакомятся с положением молодежи, политическими и экономическими правами, которыми она пользуется в СССР» ¹⁰.

Раньше всех откликнулись на приглашение РЛКСМ молодые рабочие Австрии. Уже в начале сентября они прислали в СССР свою первую делегацию (9 человек), представлявшую юношеские рабочие организации страны.

КСМ других стран, к которым обратился комсомол Советского Союза, также немедленно приступили к организации делегаций и успешно провели эти кампании ¹¹.

⁷ Однако призыв к организации делегаций в СССР нашел самый живой отклик в рядах рабочей молодежи, в том числе и членов социалистических союзов. Это заставило ИК СИМа дать свой ответ на письмо. Отклонив фактически все предложения Исполкома КИМа, он выразил согласие участвовать в посылке делегаций лишь в том случае, если они будут составляться в полном согласии с ЦК социалистических союзов. ИК СИМа был готов послать в СССР особую делегацию, состоящую из лидеров «социалистического» Интернационала Молодежи, которая якобы лучше, чем делегации простых рабочих, разберется в действительном положении в СССР. В ответе на это письмо ИК КИМа подтвердил свою готовность организовать совместную делегацию, вновь подчеркнув, что делегатами должны быть молодые рабочие, выбираемые на предприятиях. На это второе письмо ИК СИМа не дал никакого ответа. Тексты обоих писем ИК КИМа им не были опубликованы. При этом в печати он пытался показать, что в неучастии его в посылке делегации молодежи в СССР виноват КИМ («Три письма...», стр. 83—91).

⁸ «Комсомольская правда», 28.VIII 1925.

⁹ К этому времени Советский Союз уже посетили рабочие делегации Англии, Франции, Бельгии, Швеции, Германии (прим. ред.).

¹⁰ «Комсомольская правда», 18, 28.VIII 1925.

¹¹ В конце октября — первой половине ноября 1925 г. в СССР прибыли следующие молодежные делегации: бельгийская (5 человек), германская (17 человек), французская (9 человек), чехословацкая (6 человек).

С большим воодушевлением ответил на обращение РЛКСМ чехословацкий комсомол¹². Проводя большую работу по объединению всей трудящейся молодежи, он рассматривал посылку делегации в СССР как важный шаг в создании единого фронта коммунистической, социалистической и беспартийной молодежи Чехословакии в борьбе за экономические и политические требования. Распространение правды об СССР, о жизни советской молодежи должно было служить убедительной агитацией за единство действий всей трудящейся молодежи Чехословакии.

Агитация комсомола за посылку делегации особенно развернулась в Международный Юношеский День — 6 сентября. И хотя полиция пыталась парализовать деятельность комсомола (обыски в секретариате ЦК и местных комитетах с конфискацией агитационно-пропагандистского материала, подготовленного к этому дню, аресты организаторов митингов и т. д.), празднование МЮДа в Чехословакии прошло успешно. В Праге, Таборе, Брно, Моравской Остраве, Усти, Либерце, Турчанском Мартине, Тренчине и других городах республики состоялось в этот день свыше двухсот собраний и митингов. Более 20 тысяч молодых рабочих — комсомольцев, членов социалистических союзов и беспартийных, выступивших в этот день с лозунгами против дороговизны и обнищания рабочих, против преследования коммунистического движения, за единый фронт всех эксплуатируемых, против опасности империалистической войны и новой антисоветской интервенции, поддержали призыв комсомола единым фронтом бороться за правду об СССР и послать делегацию рабочей молодежи в Страну Советов¹³.

После проведения МЮДа чехословацкий комсомол приступил непосредственно к организации делегации.

11 сентября в «Еднотна фронта» — приложении к газете «Коммунистичка младеж» — было опубликовано письмо ЦК, МК и ЛК РЛКСМ к чехословацкой молодежи. «В буржуазной и социал-демократической печати вашей страны, — говорилось в нем, — пишут много неправды и несправедливой клеветы о положении молодежи в СССР. Вас, молодых пролетариев, должна интересовать действительная правда об условиях жизни и труда нашей молодежи. Поэтому мы просим прислать к нам делегацию молодых рабочих от самых различных промышленных центров вашей страны...»¹⁴. В письме говорилось, что приглашаются не только члены комсомола, но и представители других союзов и беспартийная молодежь.

После того как ИК СИМа не ответил на открытое письмо исполкома КИМа, чехословацкий комсомол сделал попытку в рамках своей страны добиться единства действий всех организаций молодежи республики. С этой целью Бюро Центрального агитационного комитета коммунистической молодежи обратилось с открытым письмом к руководству чешских социалистических союзов в Праге и немецкого социал-демократического союза в Теплице-Шанове с призывом осуществлять единство действий в борьбе за экономические и политические требования чехословацкой рабочей молодежи, в частности, предлагалось провести конференцию молодых текстильщиков Средней и Восточной Чехии. Однако еще до этой конференции предлагалось организовать сообща делегацию рабочей молодежи в СССР с целью подробного ознакомления с жизнью советской молодежи. Для начала этой кампании необходимо было организовать общий комитет, который должен созывать всюду общие собрания молодых рабочих для выборов делегатов. Организацию первого совместного засе-

¹² В сентябре 1922 г. РСМЧ за антимилиитаристские выступления был распущен. С этого времени он продолжал свою деятельность как молодежная секция при КПЧ, а ЦК РСМЧ — как бюро молодежных организаций при ЦК КПЧ.

¹³ См.: «Komunistická mládež», 11.IX 1925; 18.IX 1925; 25.IX 1925.

¹⁴ «Jednotná fronta». Zvl. příl. «Komunistické mládeže» č. 27. ze dne 11 září 1925.

дания руководства всех союзов предлагалось поручить Общегосударственному Рабочему Комитету¹⁵, как первому органу единого фронта.

Центральные комитеты социалистических союзов отрицательно отвечали на предложения комсомола. Руководство немецкого социал-демократического союза молодежи отвергло его с тем обоснованием, что считает единый фронт и посылку делегации в СССР «только маневром коммунистов». ЦК чешского социал-демократического союза пытался показать в своем письме, что он не возражает против совместных действий, но отклоняет предложение из-за того, что не признает ОРК органом борьбы за единый фронт. ЦК чехословацкого социалистического союза молодежи не нашел для своего отказа ничего более убедительного, чем «...финансовые затруднения»¹⁶. Таким образом, ни одно из руководств этих союзов не согласилось принять участие в организации делегации. Более того, они стали вести агитацию против поездки в СССР и всеми способами пытались сорвать ее. В связи с этим комсомол Чехословакии развернул широкую разъяснительную кампанию среди рабочей молодежи республики, разоблачая действительную политику руководства социалистических союзов.

Ведя работу по вовлечению самых широких масс рабочей и крестьянской молодежи в борьбу за социальные и политические требования, чехословацкий комсомол предпринял организацию конференций рабочей молодежи республики для совместного обсуждения жизненно важных вопросов. Осенью 1925 г. готовились конференции шахтерской молодежи в Моравской Остраве, молодых текстильщиков Средней и Восточной Чехии в Праге, а также в Либереце, стекольщиков в Усти, сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян в Вельких Топольчанах (Словакия) и в Ужгороде¹⁷. Участники конференций должны были выбираться на собраниях молодых рабочих по предприятиям, а также в деревнях. На этих конференциях решено было провести и выборы делегатов в СССР.

Первая конференция рабочей молодежи состоялась 18 октября 1925 г. в Моравской Остраве. После отказа руководства организаций социалистических союзов от совместных действий с КСМЧ комсомольцы этого крупнейшего промышленного центра республики провели кампанию по выборам делегатов на конференцию «снизу», организуя собрания молодых рабочих по всему Остравско-Карвинскому угольному бассейну. Беспартийная молодежь, а также члены социалистических союзов сами приходили на собрания и несмотря на запрет «вождей» участвовали в выборах представителей своих предприятий на общую конференцию. В результате этих собраний на конференцию было послано 23 делегата (16 членов КСМЧ, 3 — чехословацкого социал-демократического союза, 1 — немецкого социалистического союза, 3 — беспартийных). В президиуме были представители всех союзов¹⁸.

Основным вопросом повестки дня конференции было обсуждение социально-экономического положения молодежи в Чехословакии и СССР и посылка делегации молодых рабочих в Советский Союз. Конференция, прошедшая при большой активности всех участников, продемонстрировала, что не только коммунистическая молодежь, но и молодежь, принадлежащая к другим союзам, признает необходимым создание единого фронта. Выступавшие отмечали, что тяжелое экономическое и политическое положение трудящейся молодежи Чехословакии объясняется

¹⁵ Одновременно Бюро обратилось к Общегосударственному рабочему комитету (ОРК) с просьбой взять на себя практическую подготовку к поездке делегации (ОРК был избран на I съезде заводских комитетов и советов в октябре 1924 г. как орган борьбы за объединение всех профсоюзов Чехословакии, за создание единого рабочего фронта. Возглавлял его коммунист И. Кольский).

¹⁶ «Rudé právo», 21.XI 1925.

¹⁷ «Komunistická mládež», 16.X 1925.

¹⁸ «Jednotná fronta». Zvl. příl. «Komunistické mládeže» č. 32 ze dne 23 října 1925.

прежде всего ее раздробленностью и отсутствием единства действий. «Отразить капиталистическое наступление, — говорилось в резолюции, — может только боеспособный единый фронт пролетариата... Мы с радостью констатируем, что у нас, в самой промышленной области Чехословакии, собирается рабочая молодежь без различия политических взглядов для практического решения проблемы создания организационного единства... Мы заявляем, что не перестанем бороться за единство до тех пор, пока оно не будет осуществлено»¹⁹.

Посылка делегации рабочей молодежи в СССР была признана единогласно «важной насущной проблемой». Избранные на конференции кандидаты в делегаты (2 человека) поклялись по возвращении вести неустанную борьбу за осуществление единства всех рабочих. В отчете о ходе конференции, опубликованном в газете «Комунистичка младеж», отмечалось, что особенно активно высказывались члены социалистических союзов, «от выступлений которых веяло стремлением к созданию единого, боеспособного фронта молодежи, пусть даже через голову социал-демократических вождей»²⁰.

Подобного рода конференцию провела в Либереце 23 октября рабочая молодежь Фридлянского округа. На ней присутствовало 40 делегатов, избранных на собраниях молодых рабочих промышленных предприятий округа²¹. Главной темой конференции была борьба северочешских текстильщиков за экономические и политические права и посылка делегации рабочей молодежи в СССР. Участники конференции решительно заявили о необходимости вести борьбу под лозунгом «равная плата за равный труд». В резолюции было отмечено, что подобные конференции рабочей молодежи независимо от ее политических взглядов имеют большое значение в сближении и укреплении единства всех рабочих и должны проводиться чаще.

Подробно обсудив вопрос о поездке молодых рабочих в СССР, конференция рекомендовала в состав делегации своего представителя — молодого рабочего-текстильщика.

25 октября впервые в истории революционного движения пражской молодежи состоялась конференция представителей молодых рабочих пражских предприятий. В ней участвовало 17 делегатов (9 комсомольцев, 3 члена социал-демократического союза, 5 беспартийных).

Резолюция конференции ярко свидетельствовала о стремлении пражской молодежи к объединению своих сил независимо от политических взглядов. По докладу о значении поездки делегации в СССР было принято решение, в котором говорилось следующее: «Мы делегаты и представители рабочей молодежи предприятий Праги и окрестностей от имени 2057 молодых рабочих и работниц с радостью принимаем инициативу коммунистической молодежи и выдвигаем из своей среды двух товарищей, которым ... поручаем внимательно изучить жизнь, взгляды, труд, обязанности и права русской молодежи...»²².

Кроме конференций, в ряде мест Чехословакии для выборов делегатов в СССР созывались собрания рабочей молодежи нескольких предприятий одновременно. Так, на собрании молодых рабочих текстильных предприятий Варнсдорфского района, находившихся в тот период в состоянии забастовки за повышение зарплат, в качестве делегата в СССР был избран член немецкого социалистического союза. На этом собрании, несмотря на ухищрения социал-демократических вожakov не допустить

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Всего на этих предприятиях насчитывалось 5000 рабочих. «Komunistická mládež», 30.X 1925; «Rudé právo», 21.XI 1925.

²² «Komunistická mládež», 30.X 1925.

«своих» рабочих, участвовали в большом количестве члены социалистических союзов и беспартийная молодежь²³. Молодые рабочие устечких предприятий выбрали делегатом в СССР комсомольца. Выборы проходили и в деревнях: сельская молодежь Верховицы направила в делегацию своего представителя — батрака, и т. д.²⁴

Таким образом, конференции и собрания по выборам делегатов в СССР, организованные комсомолом, привлекли внимание тысяч молодых чехословацких рабочих.

Свидетельствуя об интересе и глубокой симпатии трудящейся молодежи к первому в мире рабоче-крестьянскому государству, кампания по выборам делегатов вместе с тем явилась успехом чехословацкого комсомола в борьбе за объединение трудящейся молодежи.

Делегация рабочей молодежи, как и первая рабочая делегация²⁵, отправлялась на средства самих рабочих. Сбор денег начался одновременно с выборами делегатов²⁶. К марту 1926 г. в фонд делегации было собрано 6375, 1 кр.²⁷

К концу октября выдвижение кандидатов в делегаты на местах было закончено. Сформированная из них делегация первоначально состояла из 12 человек. Чехословацкие власти приняли все меры к тому, чтобы сорвать ее поездку. Они запугивали делегатов, чинили им всевозможные препятствия. В частности, было запрещено выдавать им паспорта. В результате часть делегатов, главным образом члены социалистических союзов, вынуждена была отказаться от поездки. К тому же польское консульство в Праге не обеспечило делегатам визы для проезда через Польшу. В конце концов их получили только три делегата²⁸.

В связи со всеми этими трудностями состав делегации пришлось сократить до 6 человек. В ней осталось 3 комсомольца и 3 члена социал-демократического союза молодежи²⁹.

Много усилий приложили руководители социалистических партий и союзов молодежи, а также фабриканты к тому, чтобы удержать делегатов от поездки. Как вспоминает участник делегации Антонин Черный, представители ЦК социал-демократической партии М. Пик, Кильбергер и Веселый приходили уговорить его не ездить с делегацией в Советский Союз. Объясняя его согласие ехать в СССР только как желание воспользоваться возможностью «посмотреть белый свет», они предложили ему бесплатную поездку за границу на один год для ознакомления с деятельностью социалистического Интернационала Молодежи, а по

²³ «Komunistická mládež», 13.XI 1925.

²⁴ «Rudé právo», 21.XI 1925.

²⁵ Первая чехословацкая рабочая делегация (22 человека) находилась в СССР со 2 октября по 12 ноября 1925 г.

²⁶ Собранные среди молодых рабочих деньги стали поступать в ОРК уже в октябре 1925 г. («Rudé právo», 21.XI 1925). Сборы на покрытие расходов делегации продолжались в течение всей отчетной кампании делегатов.

²⁷ «Pravda mládeže», 19.III 1926. В расходы делегатов входили затраты, связанные только с проездом до советской границы. Содержание делегации во время ее пребывания в СССР Советское государство брало на себя.

²⁸ См.: «Jak žije mládež v Sovětském Rusku. Dojmy a poznatky delegace pracujících mládeže Československa z cesty do Svazu Socialistických Sovětských Republik». Praha, 1926, стр. 12; «Komunistická mládež», 20.XI 1925; «Правда», 18.XI 1925.

²⁹ Антонин Черный — председатель делегации — член социал-демократического союза молодежи, повар из Праги. Властимил Гаген — секретарь делегации — комсомолец, член бюро Центрального агитационного комитета молодежи КПЧ, сапожник с предприятия Бати в Праге. Эдуард Краус — комсомолец, член районного агитационного комитета коммунистической молодежи, шахтер из Моравской Остравы. Антонин Рубал — комсомолец, стекольщик из Трнова, близ Теплице. Ладислав Зрза — член социал-демократического союза молодежи, металлист с Витковицкого металлургического завода, член комитета социал-демократического союза молодежи в Моравской Остраве. Карел Мартинец — член немецкого социал-демократического союза молодежи, портной из Иржетины.

возвращении обещали устроить на работу в редакцию газеты «Право льду»³⁰.

Еще более яркой иллюстрацией к борьбе против поездки делегации в СССР служит пример с делегатом Ладиславом Зрзой. В газете «Глидка младеже» — органе социал-демократического союза молодежи в Моравской Остраве — немало писалось в эти дни против посылки делегации. Вся кампания, связанная с подготовкой ее, характеризовалась как «обман, совершаемый коммунистами». Чтобы дискредитировать Л. Зрзу в глазах читателей, местный комитет союза опубликовал в газете заявление о том, что Л. Зрза якобы не является членом социал-демократического союза. Однако подобными вымыслами трудно было ввести кого-либо в заблуждение. Л. Зрза был хорошо известен в Остраве как один из активистов социал-демократической молодежи. Местная организация союза в Климковицах, где Л. Зрза был принят в члены, документально подтвердила его принадлежность к союзу с 1923 г.³¹

Матейка — директор Витковицких заводов, между прочим, выполнявших в это время много заказов советских предприятий, — в свою очередь отказал в отпуске Л. Зрзе только потому, что он ехал не во Францию или в Африку, «куда бы он отпустил любого рабочего даже на два года», а в «большевистскую Россию»³². При этом он пригрозил, что если Л. Зрза все-таки поедет, то его трудовая книжка «будет передана в политическое управление»³³. И он сдержал свое слово: Л. Зрза был уволен с работы еще до отъезда в СССР.

Однако скомпрометировать членов делегации и сорвать их поездку не удалось. Трудящаяся молодежь сумела отстоять свое решение. Об этом свидетельствует, например, митинг в Остраве, состоявшийся 14 ноября. 2000 молодых рабочих собрались в день отъезда делегации, чтобы выразить свое негодование по поводу препятствий, чинимых делегатам чехословацкими властями, фабрикантами, руководством социалистических союзов, а также польским консульством в Праге. Митинг закончился демонстрацией, к которой присоединились сотни других рабочих. Демонстранты провозглашали лозунги: «Да здравствует Советская Россия! Да здравствует правительство рабочих и крестьян! Да здравствует Красная Армия! Долой буржуазию!». Сообщая об этом ярком эпизоде, свидетелевавшем о боевом духе чехословацкой молодежи, газета «Комунистичка младеж» писала: «Этим рабочая молодежь страстно проявила свои искренние симпатии к Советской России, которые невозможно сломить никаким террором, никакой клеветой»³⁴.

Перед отъездом Л. Зрза и Э. Краус — делегаты остравской молодежи — обратились к молодежи Чехословакии с письмами, в которых писали, что их поездка — нелегкая миссия, но что они поедут, несмотря на все препятствия³⁵. 27 ноября газета «Комунистичка младеж» опубликовала также письмо делегата К. Мартинца, в котором было изложено, что он считает необходимым узнать в СССР. Письма делегатов свидетельствовали о сознании большой ответственности перед всей молодежью за порученное им задание.

На одном из своих совещаний делегаты избрали председателя (А. Черного) и секретаря (В. Гакена) и обсудили программу пребывания в СССР.

³⁰ Архив Института славяноведения АН СССР, ф. Чехословакия, папка 15. Воспоминания А. Черного о поездке в СССР в составе делегации рабочей молодежи в 1925 г.

³¹ «Komunistická mládež», 27.XI 1925.

³² «Jak žije mládež v Sovětském Rusku...», стр. 14.

³³ «Komunistická mládež», 27.XI 1925.

³⁴ Там же.

³⁵ «Komunistická mládež», 20.XI 1925.

Главное внимание в программе уделялось изучению положения молодых рабочих. Каждый делегат, учитывая наказы рабочих, избравших его, внес свои предложения, дополнившие программу. К. Мартинец предложил, например, кроме крупных заводов и фабрик, посетить также мелкие предприятия, мастерские, ознакомиться там с положением молодых рабочих. Л. Зрза высказал пожелание подробнее узнать условия иностранных концессий в СССР, ознакомиться с балансами некоторых заводов. А. Черный подчеркнул необходимость глубокого изучения социального вопроса, оплаты труда рабочих, мастеров и руководителей предприятий, а также культурного строительства в СССР. Делегат Рубал предложил включить в программу делегации посещение дивизии им. Буденного, над которой уже с 1924 г. чехословацкий комсомол шефствовал вместе с комсомольскими организациями других стран.

В решении, принятом делегатами, подчеркивалось, что их посылает вся молодежь Чехословакии, поэтому они несут перед ней большую ответственность.

Нелегким оказался проезд делегатов до советской границы. Так же как и участники первой рабочей делегации, они, едва вступив на территорию Польши, попали в руки польской жандармерии. Из их чемоданов были извлечены книги, блокноты и другие личные вещи. Только в результате решительного протеста имущество делегатов не было конфисковано. После долгого и унижительного допроса А. Черный, Э. Краус и Л. Зрза, имевшие визы для проезда через Польшу, получили возможность продолжать свой путь. В. Гакеп, А. Рубал и К. Мартинец были задержаны.

Пронизов властей вызвал глубокое возмущение прогрессивной общественности Польши. Коммунистическая фракция польского сейма в связи с незаконными действиями жандармерии по отношению к чехословацким рабочим подала интерпелляцию правительству, потребовав принять срочные меры против виновников и извиниться перед делегатами за нанесенные им оскорбления³⁶.

Только на советской территории делегаты почувствовали себя свободно.

Советская молодежь принимала чехословацких делегатов как своих близких друзей, высоко ценила их желание подробнее ознакомиться с достижениями в строительстве социалистического государства.

Рассказывая о своих первых впечатлениях, А. Черный, Л. Краус, Л. Зрза отмечали, что они были поражены радушным приемом советских людей. Уже в Белоруссии они получили телеграммы от молодежи Смоленска и Новгорода с приглашением посетить их.

Непосредственное знакомство делегатов с жизнью и трудом советской молодежи началось в Минске, где они провели два дня, посещая промышленные предприятия и учреждения. Находясь среди советских рабочих, знакомясь с их жизнью, они прежде всего почувствовали новую атмосферу взаимоотношений между людьми, их бережное отношение к своим завоеваниям, преданность своему государству. «Рабочие здесь трудятся с охотой»³⁷, писали делегаты в письме на родину. Вместе с тем они ощущали экономические и технические трудности советского народа в строительстве новой жизни³⁸. Но они с удовлетворением замечали также, что свои трудности и недостатки советские люди не скрывают. Это было для них важным фактом, так как некоторые делегаты ехали в СССР, по их собственному признанию, с известным недоверием и предубеждением к тому, «что им покажут». А. Черный, например, перед отъездом старательно выписал в свою записную книжку все основные сведения о поло-

³⁶ «Rudé právo», 5.VIII 1925.

³⁷ «Komunistická mládež», 4.XII 1925.

³⁸ Там же.

жении в СССР, публиковавшиеся в буржуазной и социалистической печати Чехословакии³⁹. И находясь в СССР, как он вспоминает, постоянно сравнивал эти выписки с тем, что видел собственными глазами. Слушая объяснения руководителей предприятий, партийных и комсомольских работников, делегаты старались поговорить «с глазу на глаз» с самими рабочими, чтобы узнать, так ли все обстоит на самом деле. В связи с этим А. Черный вспоминает, что он всегда ходил с блокнотом и карандашом в руках и постоянно кого-нибудь «исповедовал»⁴⁰.

Делегаты подробно интересовались организацией советских предприятий, ролью заводских комитетов, члены которых, как они отмечали, «не только руководят работой на заводе, но и сами работают у станка, являясь одновременно советчиками, учителями рабочих. Это не так, как у нас в Чехословакии»⁴¹.

Много времени посвятили делегаты изучению положения рабочих-учеников на производстве и пришли к выводу, что они «не являются здесь дешевой рабочей силой». Подросток-рабочий на советских предприятиях работает 6 часов, имеет возможность учиться бесплатно в вечерней школе и повышать квалификацию. В распоряжение молодежи предоставлены заводские клубы, где она может проводить свое свободное время. В то же время у них, в Чехословакии, ученик-рабочий работает по 10 часов, причем, как правило, первые два года заработную плату получает очень маленькую или не получает вообще⁴².

Особенно поражала делегатов забота Советского государства о социальном обеспечении. Например, больной рабочий на советских предприятиях не только не лишается заработной платы на время болезни, но может получить бесплатное лечение в санаториях, под которые здесь отданы дворцы аристократии и буржуазии, о чем рабочим в Чехословакии «никогда и не снилось»⁴³.

Делегатов радовал интерес советской молодежи к положению в Чехословакии. Нередко на предприятиях им приходилось часами рассказывать о том, в каких политических и экономических условиях живут и работают молодые рабочие их страны.

Волнующее впечатление оставило у делегатов собрание в Минском Доме культуры, прошедшее под лозунгом «Интернациональная солидарность молодежи всего мира». Минский комсомол обратился через делегацию к молодежи Чехословакии с призывом крепить единый фронт для достижения полной победы над буржуазией. «Мы следим за вашей борьбой, ваши победы — наши победы» — эти мысли пронизывали выступления молодых минчан.

С подъемом говорили сами делегаты. «Я — ленинец, — заявил Л. Зрза, — и, оставаясь в социал-демократической организации, я буду бороться за объединение всей рабочей молодежи под знаменем Ленина, которое вы так высоко подняли»⁴⁴.

Очень интересной для делегатов была встреча с Председателем Совета Народных Комиссаров БССР тов. И. А. Адамовичем, познакомившим их с достижениями и перспективами дальнейшего развития республики. Делегаты посетили Центральный Совет Профсоюзов, ЦК ЛКСМ Белоруссии и подробно ознакомились с их работой.

На основании своих первых впечатлений делегаты писали в письме в Чехословакию, что Советская власть, какой они ее увидели здесь, «яв-

³⁹ Архив Института славяноведения АН СССР, ф. Чехословакия, папка 15. Воспоминания А. Черного...

⁴⁰ Там же.

⁴¹ «Komunistická mládež», 4.XII 1925.

⁴² «Rudé právo», 6.XII 1925.

⁴³ «Komunistická mládež», 4.XII 1925.

⁴⁴ «Чырвоная змена» [Менск], 19.X 1925.

ляется действительно властью рабочих и крестьян в самом широком смысле слова»⁴⁵.

Вечером 18 ноября в Минск приехали задержанные в Польше В. Гаген, А. Рубал и К. Мартинец⁴⁶. 20 ноября вся делегация вместе с встречавшим ее в Минске представителем КСМЧ в ИК КИМа Эмилем Грнелом⁴⁷ прибыла в Москву. В это время в СССР уже находились делегации рабочей молодежи Бельгии, Германии и Франции.

В целях более подробного изучения страны было решено разделить делегатов на две группы — франко-бельгийскую, отправившуюся из Москвы на Урал, и чехословацко-немецкую, отправившуюся на Кавказ⁴⁸.

Чехословацкая делегация встретилась с немецкой в Ростове-на-Дону, где она находилась уже несколько дней. Отсюда они вместе направились в Баку, столицу Азербайджанской ССР. Здесь, как и в Белоруссии, делегаты посещали заводы, мастерские, нефтяные промыслы, учебные заведения, изучали труд и быт азербайджанской молодежи, подробно знакомились с работой комсомольских организаций на предприятиях и центральных комсомольских органов. Их приглашали на заседания ЦК комсомола республики, на комсомольские и молодежные собрания.

В Грузии делегаты встретились с Председателем СНК тов. Шалвой Элаваой, рассказавшим им об истории установления Советской власти в Грузии и о позорной роли руководителей грузинских меньшевиков, поднивших антисоветский мятеж в 1924 г.

Затем делегаты посетили Тбилисский университет, промышленные предприятия, рабочие клубы и т. д. Большое впечатление оставила у делегатов поездка в грузинское селение Ассурет (близ Тбилиси), где они вочию увидели крепкую связь советского рабочего класса и крестьянства.

Очень важным для делегатов было посещение Исполкома Профинтерна в Москве, куда чехословацко-немецкая делегация прибыла 7 декабря проездом с Кавказа в Ленинград. Здесь состоялась встреча делегатов с Генеральным секретарем тов. С. А. Лозовским, прочитавшим доклад о значении единого фронта для молодых рабочих Запада. После доклада делегаты долго беседовали с тов. Лозовским, задав ему целый ряд вопросов, касающихся деятельности советских профсоюзов, а также международного положения и рабочего движения.

8 декабря в Ленинграде чехословацко-немецкая делегация встретилась с франко-бельгийской. Посещение Ленинграда принесло всем делегатам большое удовлетворение. С громадным интересом знакомились они с Волховской ГЭС. Им была прочитана специальная лекция о значении первой советской электростанции для возрождающейся промышленности.

10 декабря делегаты посетили завод «Красный путиловец». Побывав в завкоме, а также подробно ознакомившись с работой комсомольской организации завода, они провели много часов в цехах, непосредственно наблюдая производственный процесс.

Делегаты побывали и у краснофлотцев — слушателей Ленинградского военно-морского училища. Комиссар училища подробно рассказал им о росте и укреплении Военно-Морского Флота и роли комсомола в воспи-

⁴⁵ «Komunistická mládež», 4.XII 1925.

⁴⁶ Польские власти не выдали им виз. Однако с помощью советского консульства делегатам все же удалось добраться до советской границы. («Чырвоная зымена», 22.XI 1925).

⁴⁷ Эмиль Грнел сопровождал делегацию во время всей ее поездки по стране.

⁴⁸ В поездке по Советскому Союзу международную делегацию рабочей молодежи сопровождали кинооператоры Пролеткино, создавшие впоследствии документальный кинофильм «Международная делегация молодежи в СССР» («Смена» [Ленинград], 13.XII 1925).

тании краснофлотцев. На память делегаты сфотографировались вместе с курсантами и командным составом.

После посещения завода «Красный треугольник» они ознакомились и с одним из частных предприятий — шоколадной фабрикой Крафта, где узнали, на каких условиях работает это предприятие, каково положение рабочих и пр.

Большой интерес проявили делегаты к деятельности Ленинградского губернского суда. Председатель суда ознакомил их с советскими законами, принципами работы судов, рассказал о выездных сессиях в деревнях, на заводах и т. д. Всеобщее удивление делегатов вызвал тот факт, что 26 тыс. ленинградских рабочих ежегодно принимают участие в работе судов в качестве народных заседателей. Им была также предоставлена возможность присутствовать на одном из судебных заседаний ⁴⁹.

Тепло и сердечно расставалась ленинградская молодежь со своими гостями. Ленинградский губком комсомола опубликовал специальное обращение к делегатам, выразив в нем просьбу рассказать молодежи Запада правду о Советском Союзе ⁵⁰.

Возвратившись в Москву, международная делегация в полном составе посетила дер. Ярополец — одну из передовых деревень Подмосковья. В ней было три кооператива: потребительский, сельскохозяйственный и кредитный, своя электростанция, мастерские, булочная, колбасный завод и пр. Крестьяне получали трехлетний государственный кредит и имели возможность приобрести необходимый сельскохозяйственный инвентарь.

Делегаты были приняты в Народном Комиссариате Труда и в ВСНХ, где с ними были проведены беседы об экономическом положении СССР, о напе, о распределении прибыли, получаемой от промышленности, о перспективах электрификации деревни и т. д.

В связи с завершением пребывания делегаций в СССР ⁵¹ состоялась их встреча с членами Центрального Комитета Ленинского Комсомола, на которой представители каждой делегации высказали свои впечатления о поездке по стране. Поблагодарив ЦК РЛКСМ за помощь и содействие в знакомстве с жизнью советской молодежи, делегаты обещали выполнить возложенную на них задачу — правдиво и честно рассказать молодым рабочим Запада о том, что они видели в СССР, добиваться создания единого фронта всей рабочей молодежи в борьбе против подготовки войны, в защиту Советского государства ⁵².

Каждая делегация в отдельности обсудила итоги поездки по стране и выработала свою декларацию. Затем делегации приняли общее «Воззвание к международной молодежи», в котором писали: «... Мы убедились в том, что утверждение буржуазии и отчасти социал-демократических вождей, направленное против Советской России, оказалось ложным. Самое широкое участие рабочих масс в государственном строительстве... в экономической работе по развитию промышленности пролетарского государства... доказывает, что в России осуществляется не диктатура над пролетариатом, а диктатура пролетариата».

Сравнивая положение молодежи в капиталистических странах и в СССР, делегации сделали вывод, что стоящий у власти пролетариат делает все возможное для улучшения положения молодежи, в чем активную роль играют сами организации молодежи, т. е. комсомол. «Международный пролетариат, — говорилось в воззвании, — может гордиться

⁴⁹ «Смена», 13.XII 1925.

⁵⁰ «Молодой ленинец», 13.XII 1925.

⁵¹ Германская, французская и бельгийская делегации выехали на родину 18 декабря. Чехословацкая делегация оставалась в СССР до 2 января 1926 г.

⁵² «Комсомольская правда», 23.XII 1925.

большой работой, которую выполняет Российский Коммунистический Союз Молодежи»⁵³.

«Рабочая молодежь! — обратились делегации к молодежи капиталистических стран. — Вы являетесь величайшим источником прибылей капиталистов. Вы с детских лет гнете спины за непосильным трудом за позорно низкую плату... Вам мы скажем, как работает русская рабочая молодежь. Подростки-рабочие в Советской России с 14—16 лет работают по 4 часа, 16—18 лет — 6 часов и ежегодно пользуются четырехнедельным оплачиваемым отпуском. Фабричные школы ученичества (фабзавучи) являются рассадниками квалифицированных и политически подготовленных рабочих и систематически воспитывают молодежь для сознательного участия в работе...»⁵⁴. Воззвание призывало рабочую молодежь к созданию единого фронта борьбы за социализм во всем мире, в поддержку СССР.

Делегация чехословацкой рабочей молодежи после отъезда французской, бельгийской и немецкой делегаций еще в течение двух недель оставалась в Советском Союзе. 18 декабря она выехала в Нижний Новгород. Этой поездке делегаты придавали особое значение — они ехали к нижегородским комсомольцам, которые находились в дружеской связи с рядом организаций КСМЧ. Делегаты провели здесь четыре дня. Они осмотрели пивоваренный завод, швейную фабрику, завод мукомольных машин и др. Здесь они встретили много своих земляков-чехов, работавших на советских предприятиях. Им показали также школы-коммун, детские дома, дома матери и ребенка и т. п.⁵⁵ Делегаты посетили заводы в Канавине, Сормове, Балахне, два дня провели на предприятиях г. Гусь Хрустальный.

С 25 декабря по 2 января чехословацкие делегаты находились в Москве, посвятив все эти дни встречам с московской молодежью и знакомству со столицей Советского Союза.

Делегаты свободно ходили всюду и смотрели все, что хотели. В Чехословакии же противники их поездки говорили, что им будут показывать «потемкинские деревни». Наблюдая успехи Советского государства в строительстве социализма, они убеждались в том, насколько трудные задачи ему приходится решать в условиях еще не ликвидированной полностью послевоенной хозяйственной разрухи. Некоторые промышленные предприятия находились еще в процессе восстановления. Советские люди испытывали немало лишений. Но настроение рабочих и крестьян, их революционный энтузиазм и захватывающие планы дальнейшего строительства не оставляли у делегатов сомнения в том, что они быстро справятся с трудностями.

Как вспоминает А. Черный, пребывание в СССР дало ему возможность «не только ознакомиться с действительным положением, и получить ответы на многие вопросы». Результатом этой поездки было его «принципиально новое отношение к социалистическому государству». «Эта поездка, — говорит тов. Черный, — помогла мне прийти к пониманию классовой основы диктатуры пролетариата. В наших выступлениях после поездки мы рассказывали не только о том, как живет молодежь в Советской России, но и почему она так может жить»⁵⁶.

Делегаты покидали Страну Советов с большим чувством удовлетворения, сознавая огромную важность своей поездки и всей проделанной работы, для которой они не жалели ни времени, ни сил.

Делегация вернулась в Прагу 5 января 1926 г. и сразу же приступила к выполнению своей следующей задачи: ознакомлению молодых рабочих

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ «Молодая рать» (Н. Новгород), 20.XII 1925.

⁵⁶ Архив Института славяноведения АН СССР, ф. Чехословакия, папка 15. Воспоминания А. Черного...

Чехословакии с результатами своей поездки. Вся ее работа проводилась одновременно с работой первой рабочей делегации. Поэтому часто участники обеих делегаций выступали на рабочих собраниях вместе.

Организацию собраний с выступлениями членов молодежной делегации осуществляло Центральное Бюро молодежи при ЦК КПЧ, а также ОРК, при котором был создан специальный комитет, проводивший организацию рабочих собраний по всей республике. Выпускались специальные листовки, объявления, призывавшие молодежь на собрания, и др.

15 января в газете «Правда молодежи»⁵⁷ было опубликовано «Обращение чехословацкой делегации рабочей молодежи», в котором излагались результаты и основные выводы делегатов о поездке в СССР. 11 января 1926 г. на митинге, организованном ОРК в Бубнах (район Праги), состоялась первая встреча делегатов с чехословацкой молодежью. А. Черный и Л. Зрза рассказали о том, какой они увидели страну строящегося социализма. Л. Зрза подробно рассказал присутствовавшим об экономическом и политическом положении СССР. Аплодисментами встретили слушатели его слова: «ничто на свете не может сокрушить это пролетарское государство»⁵⁸.

После первого выступления в Праге делегаты предприняли поездки в различные города республики. Уже в январе 1926 г. А. Черный, В. Гакец, Э. Гршел⁵⁹ выступили на собраниях рабочей молодежи в Горжовице, Гоштице, Бероуне, Лоденице, Илове, Радотине.

С успехом прошло собрание молодежи в зале Рабочего дома в Немецком Броде, на котором выступил с докладом об СССР делегат Черный. «Мы ехали в Россию с большим любопытством, а я с большим недоверием, — сказал он в своем выступлении — ... Мы убедились в лживости буржуазной и, к сожалению, социалистической печати. Я говорю порусски и лично, без свидетелей, беседовал с рабочими, крестьянами. В России нет избытка, есть, наоборот, недостаток. Но рабочему там обеспечено право на существование, а это главное. ... Россия идет семимильными шагами к достижению довоенного уровня производства. ...»

А. Черный рассказал присутствовавшим о роли профсоюзов в СССР, фабрично-заводском обучении, особенно подчеркнул значительный рост культурного уровня советской молодежи. «С шестнадцатилетним парнем, — сказал он, — уже можно дискутировать по международным вопросам». Докладчик подробно осветил все социальные и экономические достижения советских трудящихся. В заключение делегат Черный заявил: «Мы ехали в Россию, нас ругали. Теперь мы вернулись, идем на собрания и рассказываем рабочим только о том, что мы увидели и узнали, и нас снова ругают. Нас исключают из организаций и называют плохими людьми. Я не коммунист, я — социал-демократ. Но то, что я увидел в России, убедило меня в правильности большевистских принципов. Наступило самое подходящее время, чтобы мы, рабочие, сказали свое слово. Несколько капиталистов во главе с Крамаржем выступают против признания СССР. Это наносит нам огромный вред. Создадим же единый фронт и постараемся избавиться от эксплуататоров и стать хозяевами в собственном доме!»⁶⁰.

В начале 1926 г. собрания с выступлениями делегатов проходили во многих областях Чехословакии. К концу марта в одной только Градецкой области их было 17 на тему: «Как живет советская молодежь». Докладчиком на них был А. Черный. В это же время в Брненской области состоялось 12 собраний с выступлением делегата Л. Зрзы⁶¹. Среди немец-

⁵⁷ Так стала называться с 1 января 1926 г. газета «Комунистичка младеж».

⁵⁸ «Rudé právo», 13.I 1926.

⁵⁹ Э. Гршел, прибывший из Москвы в Прагу вместе с делегацией, также выступал на собраниях.

⁶⁰ «Rudé právo», 21.II 1926.

⁶¹ «Pravda mladeže», 5.IV 1926.

ких рабочих много выступал делегат К. Мартинец. В Таборской области к началу апреля было организовано 15 собраний с докладами А. Черного. Большой успех имели собрания в деревнях. Как сообщала газета «Правда младеже», были случаи, когда под влиянием рассказов делегатов о жизни советских трудящихся, крестьяне выходили из аграрной партии⁶².

Чтобы отвлечь внимание молодежи от докладов делегатов, руководители социалистических союзов принимали все меры, вплоть до того, что сами приходили на собрания и пытались дезориентировать слушателей. Например, на собрание молодежи в Милевске (присутствовало 700 человек) явился секретарь местной социал-демократической организации Випек. Взяв слово после А. Черного, он заявил, что якобы «делегаты находились в России под гипнозом»... «были подкуплены»... «действуют по указанию Москвы...» Все остальные его выкрики сводились к тому, что будто бы России, как таковой, уже не существует, что там царит террор..., кто не большевик, того расстреливают и т. д. Присутствовавшие с негодованием реагировали на эту ложь. Собрание приняло бурный характер. Полицейский комиссар хотел, воспользовавшись удобным моментом, распустить собрание до того, как А. Черный даст ответ на это клеветническое выступление.

Однако рабочие потребовали дать слово делегату. Ответное выступление А. Черного было заслушано до конца и одобрено горячими аплодисментами⁶³.

Нередко социал-демократические вожаки пытались просто не допустить докладчиков к аудитории, а если им это не удавалось сделать, организовывали их избивание, как было, например, с делегатом А. Черным в дер. Велька Чермна (близ Бороградка)⁶⁴. Часто собрания под различными предлогами запрещались. В Либерце, например, два собрания молодежи были запрещены под тем предлогом, что в день, на который они были назначены, «президент республики Масарик празднует свой день рождения»⁶⁵.

Когда подобные меры не привели к желаемым результатам, выступления делегатов с лекциями об СССР были объявлены «преступлением против республики». Делегаты А. Черный и Л. Зрза, особенно много выступавшие с лекциями, были приговорены к пятидневному тюремному заключению. В полицейском протоколе уточнялось, что А. Черный осуждается «за оскорбление легионеров, так как рассказывал об их деятельности в России», а Зрза за то, что «побуждал молодежь к борьбе против существующего режима...»⁶⁶. Оба делегата были исключены из социал-демократического союза молодежи.

Самый молодой участник делегации К. Мартинец вскоре был также исключен из немецкого социал-демократического союза⁶⁷ за «предательство», которое он якобы совершает, выступая с «ложными докладами» о своей поездке в СССР. Газета «Социалистичка младеж» писала, что он вернулся из Советского Союза «коммунистом».

Своими успехами в распространении правды об СССР делегаты с радостью делились с советскими друзьями, которые всегда с большим интересом встречали каждое их сообщение. Так, например, еще в начале 1926 г. редакцией газеты «Чырвоная зьмена» было получено письмо А. Черного, сообщавшего белорусской молодежи о том, как делегаты

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Архив Института славяноведения АН СССР, ф. Чехословакия, папка 15. Воспоминания А. Черного...

⁶⁵ «Коммунистический Интернационал молодежи», 1926, № 8, стр. 28.

⁶⁶ «Státní Ústřední Archiv». Praha, LSTL, 369/26.

⁶⁷ Б. Гл а н. Молодежь Запада в СССР. О делегации иностранной рабочей молодежи в СССР. М., 1926, стр. 26.

ведут свою работу. А. Черный писал, что сам он выступил уже на 19 собраниях с докладами о своей поездке⁶⁸.

В течение всей отчетной кампании делегаты сделали около 300 публичных докладов⁶⁹.

Большой интерес к ним проявляла беспартийная молодежь и члены социалистических союзов. Особой популярностью пользовались выступления А. Черного, Л. Зрза и К. Мартинца. Исключение их из социал-демократических союзов вызвало сопротивление рядовых членов, активно выступивших против решения руководства. Благодаря требованию местной организации, в которую входил Л. Зрза, он был вновь восстановлен в союзе⁷⁰. Этот факт был очень важен, так как Л. Зрза, пользовавшийся большим доверием среди молодежи, оставаясь в союзе, своей пропагандистской деятельностью продолжал оказывать большое влияние на социал-демократическую молодежь.

Результаты своей поездки делегаты изложили в брошюре-отчете «Как живет молодежь в Советской России. Впечатления и заметки делегации рабочей молодежи Чехословакии о поездке в Союз Советских Социалистических Республик»⁷¹.

Поездка в СССР определила дальнейший путь делегатов. Все участники ее — члены социал-демократических союзов — через некоторое время вступили в комсомол и продолжали бороться за сближение Чехословакии с Советским Союзом, за развитие дружественных связей чехословацкой и советской молодежи. Часть делегатов впоследствии стали известными деятелями Коммунистической партии Чехословакии. Делегат Властимил Гакек, уже в те годы являвшийся одним из руководителей Коммунистического Союза Молодежи, стал выдающимся деятелем КПЧ⁷². Антонин Черный, вступив в 1926 г. в комсомол, был избран секретарем Пльзенского областного комитета КСМЧ. За свои коммунистические убеждения и симпатии к Стране Советов он в соответствии с «Законом об охране республики» в течение 1926—1937 гг. тринадцать раз подвергался аресту и тюремному заключению⁷³. Вступив в 1928 г. в коммунистическую партию, А. Черный становится ее активным деятелем⁷⁴. Л. Зрза, ставший после поездки в СССР комсомольцем, а затем членом КПЧ, отдал много энергии воспитанию молодого поколения коммунистов. В годы фашистской оккупации Л. Зрза был одним из активных деятелей подполья⁷⁵.

Остальные делегаты — Рубал⁷⁶, Краус, Мартинец — также честно выполняли свой долг, активно участвуя в распространении правды об СССР.

Поездка делегации имела большое значение в укреплении связи рабочей молодежи Чехословакии с советской молодежью. Как вспоминает Эмиль Гршел⁷⁷, после возвращения на родину делегаты, несмотря на препятствия, всеми возможными средствами пропагандировали дружбу

⁶⁸ «Чырвоная змена», 3.III 1926.

⁶⁹ «Pravda mladeže», 7.VIII 1926.

⁷⁰ Б. Г л а н. Указ. соч., стр. 113.

⁷¹ «Jak žije mladež v Sovětském Rusku. Dojmy a poznatky delegace pracující mladeže Československa z cesty do Svazu Socialistických Sovětských Republik». Praha, 1926.

⁷² В. Гакек был казнен фашистами в годы оккупации Чехословакии.

⁷³ Архив Института славяноведения АН СССР, ф. Чехословакия, папка 15. Воспоминания А. Черного...

⁷⁴ А. Черный и в настоящее время продолжает работу в руководящих органах КПЧ, являясь секретарем Пражского горкома КПЧ.

⁷⁵ Коммунист Л. Зрза трагически погиб в 1943 г. при исполнении боевого задания ЦК КПЧ.

⁷⁶ А. Рубал в настоящее время живет и работает в Германской Демократической Республике, куда он переехал после ее образования. (Архив Института славяноведения АН СССР, ф. Чехословакия, папка 15. Воспоминания А. Черного...).

⁷⁷ Э. Гршел — один из основателей Чехословацкого комсомола, известный деятель КПЧ; в настоящее время он является послом Чехословацкой Социалистической Республики в Дании.

чехословацкой молодежи с молодежью СССР. Выступления делегатов явились «краеугольными камнями дальнейшего великого движения за дружбу и союз наших стран в труде и бою. Поэтому эта одна из первых делегаций, хотя и не многочисленная по составу, имела большое политическое значение, она выполнила задачи, которые на нее были возложены инициатором посылки делегации — нашим комсомолом»⁷⁸.

Рассказы делегатов способствовали борьбе с клеветой на СССР, подробно знакомили рабочих с жизнью советского народа.

Рядовые члены социалистических союзов, выражая несогласие с антисоветским курсом политики чехословацкого правительства, требовали от своего руководства открыто выступить за нормализацию отношений с СССР. Состоявшаяся в начале 1926 г. в Праге конференция молодежи — членов чехословацкого социалистического союза, специально обсудившая вопрос об отношении Чехословакии к СССР, приняла резолюцию, в которой говорилось, что социалистическая молодежь Чехословакии глубоко возмущена политикой правительства, умышленно затягивающего юридическое признание СССР. Она призывала социалистические партии вмешаться и добиться немедленного решения вопроса о признании СССР⁷⁹. Конференция вынесла также решение послать в СССР «для беспристрастного ознакомления» с жизнью русской рабочей молодежи специальную делегацию, в которую вошли бы только рабочие — члены социалистических союзов молодежи.

Посылка делегации в СССР значительно оживила массовую работу чехословацкого комсомола среди молодежи. Участие в собраниях молодых рабочих независимо от их политической принадлежности, совместные выборы делегатов способствовали сближению социалистической и беспартийной молодежи с комсомолом.

Примером этому могут служить результаты деятельности делегатов в Либерецком округе. Здесь они с большим успехом выступили на 23 собраниях, явившихся началом кампании за созыв совместных конференций всей рабочей молодежи для обсуждения жизненно важных для молодых рабочих вопросов. Окружая и шесть предшествовавших ей районных конференций дали возможность комсомолу Либерецкого округа установить широкий контакт с беспартийной и состоящей в других союзах молодежью.

Авторитет комсомола среди рабочей молодежи Чехословакии, его политическое влияние в этот период заметно усилились.

На V съезде КСМЧ, проходившем 3—5 апреля 1926 г. в Праге, отмечалось, что посылка делегации рабочей молодежи в СССР и последовавший затем ряд конференций, на которых по инициативе комсомола формируется единый фронт рабочей молодежи, свидетельствуют об успехах комсомола в завоевании масс, что было в тот период одной из важных задач⁸⁰.

Съезд предложил созвать в дальнейшем общегосударственный съезд рабочей и сельской молодежи Чехословакии и создать общий комитет действия молодежи. Было принято также решение «использовать оппозицию в рядах социалистической молодежи и подготовить вторую, более массовую делегацию рабоче-крестьянской молодежи в СССР». Одновременно съезд призвал поддержать пожелание молодых рабочих пригласить в Чехословакию делегацию советской молодежи.

Кампании за посылку делегаций рабочей молодежи в СССР, проведенные коммунистическими союзами молодежи Австрии, Бельгии, Гер-

⁷⁸ Архив Института славяноведения АН СССР, ф. Чехословакия, папка 5. Воспоминания Э. Гршела о делегации рабочей молодежи в СССР.

⁷⁹ «Mladé proudy», 11.I 1926.

⁸⁰ Archiv ústavu dějin KSC, IX/2—I/639.

мании, Франции и Чехословакии, оценивались в документах КИМа как одна из важнейших работ братских КСМ Запада. В них отмечалось большое значение посылок делегаций в усилении политического влияния КИМа, в установлении непосредственной живой связи молодежи СССР с трудящейся молодежью капиталистических стран и широком распространении правды о Советском государстве. «Отчеты наших юношеских делегаций, — говорилось в докладе о деятельности делегации РЛКСМ в ИК КИМа на VII съезде ВЛКСМ, — собрали такую массу молодых рабочих, которую до сих пор не удавалось привлекать на наши собрания. Мы подняли те пласты рабочей молодежи, которые стояли в стороне от нашего влияния»⁸¹.

Вместе с тем приезд делегаций рабочей молодежи в СССР оказывал огромное воздействие на советскую молодежь. Рассказы делегатов с трудностями и лишениях молодых рабочих за рубежом укрепляли в ней чувство гордости за свое социалистическое отечество и сознание величайшего значения существования СССР для развития мирового революционного движения. Показать свои завоевания, передать молодым рабочим капиталистических стран свой опыт революционной борьбы было ее искренним желанием.

Встречаясь с делегатами, советская молодежь получала много новых сведений о жизни своих зарубежных друзей. В дни пребывания делегаций в Советском Союзе центральная и местная комсомольская печать публиковала множество статей, заметок, выступлений делегатов, освещающих положение и условия труда молодых рабочих капиталистических стран, деятельность КСМ, взаимоотношения их с другими союзами молодежи и т. д., которые использовались в работе комсомольских организаций СССР как важный агитационно-пропагандистский материал и способствовали активизации работы комсомольских организаций по интернациональному воспитанию советской молодежи. В молодежных клубах в городах и селах СССР устраивались «уголки КИМа», в которых демонстрировались материалы о деятельности зарубежных КСМ и др.

Пленум ИК КИМа в марте 1926 г., учитывая положительную роль всех делегаций рабочей молодежи в борьбе за единый фронт, за завоевание широких масс молодежи коммунистическими союзами Запада, вынес решение начать по всей Европе широкую кампанию за посылку новых делегаций в СССР. В соответствии с постановлением VII съезда ВЛКСМ в апреле 1926 г. было опубликовано второе обращение ЦК ВЛКСМ к рабочей молодежи всех стран с предложением послать в СССР свои делегации⁸². В мае такое обращение было послано чехословацкой молодежи, принявшей его с большим энтузиазмом. Чехословацкий комсомол сразу же развернул движение за посылку второй молодежной делегации в СССР. Под давлением рядовых членов руководство чехословацкого социалистического союза было вынуждено на этот раз принять непосредственное участие в организации поездки. 25 августа было опубликовано общее обращение чехословацкого коммунистического и социалистического союзов молодежи к трудящейся молодежи Чехословакии с призывом организовать вторую делегацию в СССР⁸³. При ОРК была создана комиссия, в задачи которой входило руководство всей работой по организации второй рабоче-крестьянской молодежной делегации в СССР⁸⁴.

⁸¹ «VII Всероссийский съезд ВЛКСМ. Стенографический отчет». М., 1926, стр. 283.

⁸² В ответ на него осенью 1926 г. по приглашению ВЛКСМ СССР посетили делегации рабочей молодежи Англии, Германии, Голландии, Норвегии, Франции, Швеции, Дании.

⁸³ «Rudé právo», 26.VIII 1926.

⁸⁴ «Pravda mladeže», 1926, № 31—32 (Специальный выпуск к XII МЮДу).

Движение за посылку второй делегации приняло в 1926 г. еще более широкие размеры, чем в период подготовки первой. Было проведено 30 конференций трудящейся молодежи, выдвинувших своих представителей в делегацию⁸⁵.

Уже в середине октября был определен состав делегации. В нее вошли 17 молодых рабочих: 5 членов чехословацкого социалистического союза молодежи, 6 членов социал-демократических союзов, среди которых были чехи, словаки, немцы, поляки, 3 — беспартийных, 3 — комсомольца⁸⁶.

Однако после поездки первой рабочей делегации и делегации рабочей молодежи Министерство внутренних дел Чехословакии «для сохранения общественного порядка» приняло постановления, сделавшие в конце концов невозможными легальные поездки делегаций чехословацких трудящихся в СССР. На основе секретного постановления Президиума Министерства внутренних дел о делегациях КПЧ в СССР и порядке выдачи паспортов⁸⁷ от 7 марта 1926 г. Президиум земского политического управления в Праге разослал специальный циркуляр всем окружным политическим управлениям, в котором требовал, чтобы о каждом случае, связанном с выдачей паспорта для поездки в СССР, ему посылалось предварительное донесение. В постановлении Президиума Министерства внутренних дел от 30 августа 1926 г. предписывалось отклонять просьбы о выдаче паспортов для поездки в СССР во всех случаях, когда речь будет идти «о поездке 1) рабочих делегаций в Россию, 2) лиц, подозреваемых в том, что они едут в Россию с поручением политического характера или по заданию профсоюзов, 3) лиц, подозреваемых в том, что они едут в Россию для прохождения там каких-либо агитационных курсов»⁸⁸. В связи с этим в циркуляре президента земского политического управления указывалось на необходимость внимательного изучения коммунистической прессы⁸⁹. В том же постановлении объяснялась и причина издания его: «Члены делегаций, которые едут в Россию, будучи равнодушными к коммунизму или даже критически настроенными, возвращаются домой убежденными коммунистами»⁹⁰. Поэтому поездки делегаций рассматривались как «особенно опасный способ коммунистической агитации»⁹¹.

Несмотря на решительные требования молодежи, постановления, которыми запрещались поездки в СССР, не были отменены. Коммунисты-депутаты парламента обратились с протестом в Министерство внутренних дел, но и это не изменило положения, так как Министерство «не признало поездку в СССР необходимой»⁹².

Желание чехословацкой молодежи послать новую делегацию в СССР осуществилось в 1927 г., когда она в составе многочисленной делегации трудящихся послала на празднование десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции своих представителей. Приехав в СССР в числе молодежных делегаций 20 стран мира, чехословацкая делегация (8 человек) приняла самое деятельное участие в работе Конгресса друзей СССР, а также Конференции юных друзей СССР, состоявшейся в Москве 14 ноября 1927 г. Делегатка Б. Рихталикова была избрана

⁸⁵ «Коммунистический Интернационал Молодежи за четыре года». М.—Л., 1928, стр. 177.

⁸⁶ «Rudé právo», 20.X 1926.

⁸⁷ Archiv Ústavu dějin KSČ, 1926/109.

⁸⁸ J. Sedláček. J. Vavra. Pro zemi milovanou. Z bojů o Československo-sovětské přátelství. Praha, 1960, стр. 23—24.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Archiv Ministerstva vnitra, 8/1/27/18. 1926.

⁹² «Pravda mladeže», 23.X 1926.

председателем всей международной делегации молодежи, прибывшей на празднование X-летия Октября.

Молодые рабочие Чехословакии и в последующие годы постоянно участвовали в поездках делегаций в Советский Союз. Их правдивые рассказы о жизни и успехах советского народа оказывали революционизирующее воздействие на чехословацкий пролетариат.

Постоянно пропагандируя среди трудящихся успехи строительства социалистического государства, мирную политику советского народа, делегаты разоблачали истинных виновников напряженности международных отношений, агрессивные планы империалистической, в том числе чехословацкой, буржуазии и оказывали тем самым неоценимую помощь советскому народу в борьбе за дело социализма.

В. И. Карнов

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПОЛЬШЕ в 1929—1931 гг.

ПОЛОЖЕНИЕ ПОЛЬСКОГО РАБОЧЕГО КЛАССА И ЕГО ОРГАНИЗАЦИЯ

Экономический кризис 1929—1933 гг. принял в Польше громадные размеры. Он был здесь более глубоким и продолжительным, чем в развитых капиталистических странах¹. Кризис исключительно тяжело отразился на положении польского рабочего класса и всех трудящихся. За годы кризиса резко упала реальная заработная плата. Если принять ее в 1928 г. за 100, то в последующие годы она составляла: в 1929 г. — 105, в 1930 г. — 92, в 1931 г. — 81². Следует учесть при этом, что в 1928 г. заработная плата польских рабочих была самой низкой в Европе³.

Во время кризиса достигла кульминационной точки и безработица. По официальным данным, число занятых промышленных рабочих (на предприятиях с числом более 20 человек) сократилось в декабре 1931 г. по сравнению с октябрем 1928 г. с 961 тыс. до 670 тыс.⁴

Не менее высокой степени достигла так называемая частичная, скрытая безработица, которая во время кризиса еще более возросла. Это можно проследить даже на преумноженных данных официальной статистики по ценовой промышленности:

Число работающих менее шести дней в неделю по отношению ко всем занятым (в %) ⁵:

Отрасль промышленности	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Металлообрабатывающая	10,5	23,6	28,7
Химическая	4,2	8,2	15,8
Текстильная	38,5	45,7	40,9
Пищевая	3,4	6,4	18,1
Строительная	3,4	4,2	4,7

¹ Об экономическом кризисе 1929—1933 гг. в Польше см.: L. Grosfeld. Polska w latach kryzysu gospodarczego 1929—1933. Warszawa, 1952; R. Gradowski. Polska 1918—1939. Niektóre zagadnienia kapitalizmu monopolistycznego. Warszawa, 1959.

² «Przegląd Gospodarczy», 1933, № 20, стр. 726—728.

³ «Красный интернационал профсоюзов», 1928, № 11, стр. 448.

⁴ «Красный интернационал профсоюзов», 1932, № 4, стр. 22.

⁵ «Mały Rocznik Statystyczny», 1936, стр. 177.

В «Новом шпеглэнде» — теоретическом органе Коммунистической партии Польши — говорилось, что летом 1931 г. безработица охватила половину промышленного пролетариата, с учетом же сельскохозяйственных рабочих, ремесленного пролетариата, домработниц и других — свыше 1,5 млн. человек. Из этой громадной армии безработных в августе 1931 г. получала пособия только 71 тыс. рабочих, т. е. небольшая ее часть и лишь $\frac{1}{4}$ тех, кто имел на это право⁶.

Но буржуазии и этого было мало, она стремилась к дальнейшему сокращению расходов на безработных. В газете «Правда» — органе крупной буржуазии — это мотивировалось тем, что положение безработных будто значительно лучше, чем положение работающих, что пособия по безработице деморализуют рабочих и способствуют образованию касты профессиональных безработных⁷.

Восьмичасовой рабочий день существовал лишь на немногих предприятиях. Анкета Института общественного хозяйства, составленная в 1929 г., отметила, что свыше восьми часов работало: в химической промышленности — 65,7% рабочих, в металлургической — 58,1%, в строительной — 85,7%⁸.

Доход всего рабочего класса Польши в начале 1932 г. составлял приблизительно 50—55% от уровня конца 1928 г. и около 60% по сравнению с концом 1930 г.⁹

Не менее тяжелой для польского рабочего класса была и сложившаяся в эти годы политическая ситуация. После переворота Пилсудского в мае 1926 г. в Польше установился режим санации, являвшийся разновидностью фашизма. Фактически это была диктатура Пилсудского, который управлял с помощью военной клики, опиравшейся на буржуазно-помещичьи круги. Фашизация охватила все области общественно-политической жизни страны.

Главным средством борьбы буржуазии с революционным движением на заводах и фабриках были террор, фашизация профсоюзов и фабричных комитетов, организация фашистских дружин, борьба со стачечным движением с помощью арбитража, массовый роспуск левых профсоюзов¹⁰.

По данным официальной статистики, количество арестованных и привлеченных к судебной ответственности за коммунистическую пропаганду увеличилось с 8 766 человек в 1928 г. до 16 тыс. с лишним в 1931 г.¹¹

В 1931 г. особенно усилились репрессии против политических заключенных. На основе новых тюремных правил от сентября этого года в камеры не пропускались книги, газеты и письма. Политзаключенных размещали вместе с уголовниками и подвергали всяческой дискриминации и издевательствам.

Санация стремилась создать свою собственную диверсионную организацию среди рабочих в лице ББС¹².

Безеэсовский террор был направлен против коммунистов и, в меньшей степени, против пепеэсовцев.

⁶ «Nowy Przegląd», 1931, № 9—10, стр. 11. Право на пособие имели лица, работавшие в течение последнего года 20 недель. Пособия выдавались 17 недель и были нищенскими. Сельхозработчие и рабочие мелких предприятий вообще не регистрировались и никаких пособий не получали.

⁷ «Prawda», 12.IV 1931.

⁸ R. G r a d o w s k i. Указ. соч., стр. 56.

⁹ «Красный интернационал профсоюзов», 1932, № 14, стр. 23—24.

¹⁰ Только в первой половине 1930 г. их было распушено 15. («Nowy Przegląd», 1930, № 4, стр. 41).

¹¹ Ю. Братковский (Юрий Сохацкий). Польский фашизм — форпост интервенции. М.—Л., 1932, стр. 32.

¹² Это название является сокращением от «Беспартийного блока сотрудничества с правительством» — ББ — фашистской организации, созданной Пилсудским в 1928 г., с добавлением слова — социалистический — С.

В 1931 г. пилсудчина берет решительный курс на создание собственных массовых фашистских профсоюзов. Так была создана фашистская организация «Союз профсоюзов» («Звёнзек звёнзкув заводовых»), руководимая Морачевским. Перед ней стояла задача впрямь весь рабочий класс в колесницу фашистской диктатуры. По данным статистического ежегодника, «Союз профсоюзов» насчитывал в 1932 г. 169 тыс. членов¹³.

Рост числа членов этого объединения еще не означал, что рядовые участники разделяли позицию фашистского руководства. Многие рабочие вступили в «Союз профсоюзов» под нажимом. Санация принуждала рабочих, прежде всего военных предприятий, а также железнодорожников, металлостов вступать в него. Благоклонно настроены по отношению к профсоюзам этого объединения были и предприниматели. Руководство «Союза профсоюзов» поддерживало правительство, саботировало стачечную борьбу, всячески стремясь не допустить рабочих к открытым выступлениям.

Среди польского пролетариата действовала также профашистская Национальная рабочая партия — «левица» (НРП-«левица»), отколовшаяся от Национальной рабочей партии¹⁴. Под влиянием НРП-«левицы» находились польские профсоюзы «Праца», насчитывавшие в 1932 г. около 36 тыс. членов, а под влиянием НРП — «Польское профсоюзное объединение» («Зъедночене заводов польске»), насчитывавшее 157 тыс. членов¹⁵. Стронництво народовз (эндеция) имело под своим влиянием профсоюзное объединение «Праца польска», которое в численном отношении было самым слабым. НРП была связана с христианскими демократами (ХД) — клерикальной партией, имевшей влияние среди мелкой буржуазии и в остальных слоях рабочего класса. Под влиянием этой партии находились так называемые христианские профсоюзы, организованные в «Христианское профсоюзное объединение». В 1932 г. в них состояло 59 тыс. членов¹⁶. Одной из самых сильных партий, действовавших среди рабочего класса, была Польская социалистическая партия. В 1926 г., в период майского переворота, она активно поддерживала Пилсудского.

В 1927—1928 гг. лидеры ППС противопоставляли «демократизм» Пилсудского отдельным реакционным министрам его кабинета, хотя растущая радикализация масс и все более частые конфликты санационного правительства с сеймом принудили уже в конце 1926 г. руководство ППС формально провозгласить свой переход в оппозицию к правительству. В 1930 г. ППС вошла в состав «Центролева»¹⁷, который в том же году был разгромлен санацией.

Выход из ситуации, создавшейся в Польше, ППС видела в «мирной ликвидации» санационной системы правления. В «Роботнике» — центральном органе ППС — говорилось: «Мы стремимся ликвидировать „си-

¹³ «Mały Rocznik Statystyczny», стр. 196.

¹⁴ Национальная рабочая партия (НРП) возникла в 1920 г. как филиал партии зидексов среди рабочих. НРП выступала против борьбы рабочих с капиталистическим гнетом, пропагандируя общность интересов рабочих и капиталистов. В 1926 г. после майского переворота Пилсудского в НРП произошел раскол вследствие различной оценки событий членами партии. Образовавшаяся НРП-«левица» примирилась с фашизмом. Оставшаяся часть партии под прежним названием (НРП) перешла в оппозицию к санации.

¹⁵ «Mały Rocznik Statystyczny», стр. 196.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Буржуазные оппозиционные группировки, так называемый сеймовый «Центр» (ХД, НРП, «Пяст»), а также соглашательские оппозиционные партии (ППС, «Вызволене», «Стронництво хлоске» или так называемая «Левица») создали с целью объединения своих сил против санации блок под названием «Центролев». Этот блок стоял на платформе защиты капиталистической системы, по высказывался против диктаторских форм правления.

стему“ ... но нашей целью является мирная ликвидация, поэтому мы беремся за оружие легальной парламентской борьбы...»¹⁸.

Это была реформистская программа, хотя, как видно из высказываний на Высшем совете ППС, против такого понимания своих задач еще в октябре 1929 г. выступила левая группа непезовских деятелей, требовавших позже отметить в партийных документах необходимость «общественной революции»¹⁹ и заявлявшая, что «не парламентский путь делает возможным свержение диктатуры»²⁰ и что «уже самое подходящее время, чтобы партия отбросила реформистские действия»²¹.

Руководство ППС считало КПП таким же врагом, как и санацию, отбрасывало даже малейшую возможность сотрудничества с коммунистами, обвиняя их в раскольнической деятельности среди рабочего класса и в стремлении установить новую диктатуру²². Вместе с тем оно считало возможным и необходимым сотрудничество с такими партиями, как НРП, ХД, «Пяст» и «Вызволене», «Стронництво хлопске», с которыми ППС входила в парламентский блок — «Центролев». Собственно в «Центролеве» ППС видела реализацию политики «единого фронта» трудящихся масс города и деревни²³.

Всю свою политическую и профсоюзную деятельность ППС подчиняла легальной борьбе в парламенте, стремясь направить в это русло и классовую борьбу пролетариата. Отсюда происходило то, что ППС не имела точно определенной тактической платформы массовой и особенно стачечной борьбы. Хотя члены этой партии и находившиеся под ее влиянием профсоюзы и участвовали в стачках, но каждую стачку руководители ППС и профсоюзов пытались удержать в рамках легальной борьбы с капиталом, стремились смягчить конфликт, найти выход в переговорах и взаимных соглашениях.

Правые лидеры ППС саботировали борьбу безработных. Они видели в безработице «стихийное бедствие», а не спутника капиталистического уклада²⁴.

Под влиянием ППС находились профсоюзы, входившие в так называемый «Союз профсоюзных объединений» («Звёнзек стоважышень заводовых»), руководящим органом которого была Центральная комиссия. КПП участвовала в работе этих профсоюзов, создавая в них профсоюзную левицу. В 1932 г. на «Звёнзек стоважышень заводовых» приходилось 215 тыс. зарегистрированных членов. Он был самым многочисленным среди объединений рабочих профсоюзов.

Данные о буржуазных партиях и ППС говорят о том, что они имели серьезное влияние среди рабочего класса. В такой сложной политической ситуации приходилось действовать Коммунистической партии Польши.

КПП, являясь нелегальной партией, была в то время немногочисленной. Но по мере того, как росла ее роль организатора политических и экономических боев трудящихся, увеличивалась и ее численность.

Если в период V съезда в сентябре 1930 г. КПП насчитывала 7 тыс. членов, то через год, в октябре 1931 г., вместе с КПЗУ и КПЗБ (Коммунистической партией Западной Украины и Коммунистической партией Западной Белоруссии) она объединяла уже 12 тыс. человек. Кроме того, Коммунистический союз польской молодежи спланировал в своих рядах

¹⁸ «Robotnik», 15.IX 1929.

¹⁹ «Robotnik», 9.V 1931.

²⁰ «Robotnik», 8.V 1931.

²¹ «Robotnik», 21.V 1931.

²² «Łodzianin», 1.III 1930; Zygmunt Zaremba. PPS w Polsce niepodległej 1918—1932. Warszawa, 1934, стр. 141; Archiwum Łódzkie wojewódzkie. Zespół-Odezwy i ulotki, t. 93 010.

²³ «Robotnik», 11.VII 1930.

²⁴ «Robotnik», 31.XII 1931.

9400 человек. Вместе с находившимися в тюрьмах 6 тыс. членов партии и Коммунистического союза польской молодежи это была армия, насчитывавшая около 27 тыс. революционеров²⁵.

Выборы в сейм в марте 1928 г. свидетельствуют о значительном влиянии КПП среди трудящихся. Коммунистическая партия получила в блоке с польскими, украинскими и белорусскими прогрессивными организациями около 1 млн. голосов. Это был семи-восьмикратный рост голосов по сравнению с выборами 1922 г.²⁶

«Коммунисты одержали победу на выборах», — писал левый пепеэсовский публицист и историк Адам Прухник²⁷. Эта победа была одержана несмотря на применение сапационным правительством невиданных до тех пор в Польше методов насилия, террора, обмана и предвыборных махинаций.

Выборы в сейм в марте 1928 г. показали, что «крупные фабрики, металлургические заводы и шахты коренной Польши, с одной стороны, халуши белорусского и украинского крестьянства, с другой, — вот главные наши крепости сегодня, — говорилось в „Новом пшегленде“. Польский рабочий стоит во главе освободительного движения всех угнетенных и эксплуатируемых — вот что показывают выборы. В революционную армию стали уже первые отряды польских крестьян»²⁸.

Успехи КПП во время выборов объяснялись тем, что в предшествующие годы ей удалось расширить свое влияние среди польского пролетариата и крестьянства, а также стать одной из руководящих сил в национально-освободительном движении в Западной Украине и Западной Белоруссии.

КПП была единственной революционной партией польского рабочего класса. В отличие от ППС, которая считала, что образование рабоче-крестьянского правительства может быть осуществлено единственно посредством завоевания на свою сторону большинства в сейме, КПП неизменно связывала создание такого правительства с социальной революцией. ППС представляла рабоче-крестьянское правительство как буржуазную демократию, КПП видела в нем диктатуру пролетариата. Первая все усилила направляла на легальную деятельность в парламенте, КПП, напротив, всю свою работу подчиняла задаче свержения капитализма и осуществления социалистической революции путем массовой классовой борьбы. Наивысшей формой этой борьбы должно было стать вооруженное восстание. В то время как пепеэсовцы занимались посредничеством, переговорами, конференциями, коммунисты организовывали стачки, демонстрации, походы и т. д.

Разумеется, в каждом конкретном случае это разделение не всегда выглядело так просто. Тем не менее есть основание утверждать, что именно в этих вопросах и проходила генеральная линия программных, политических и тактических различий между двумя партиями.

Но вместе с тем в тактике КПП того времени можно обнаружить и ряд ошибок, которые безусловно затруднили связь КПП с массами.

Так, например, в решениях V пленума (январь 1929 г.) и в решении Политбюро ЦК КПП от 8 апреля 1929 г. говорилось, что свержение фашистской диктатуры в Польше может быть осуществлено только путем пролетарской революции²⁹. В этих решениях исключалась возможность образования демократических правительств, предшествующих революции.

²⁵ «Materiały do historii polskiego ruchu robotniczego 1917—1939», cz. II. Warszawa, 1959, стр. 269.

²⁶ Там же.

²⁷ A. Próchnik. Pierwsze piętnastolecie Polski Niepodległej. Warszawa, 1957, стр. 285.

²⁸ «Nowy Przegląd», 1928, № 25, стр. 118.

²⁹ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. II. Warszawa, 1955, стр. 502.

Такая установка серьезно затрудняла возможность создания широкого антифашистского фронта.

В эти годы КПП квалифицировала социал-демократические партии ППС, «Бунд», как социал-фашистские, считая их составной частью фашистской системы в Польше и видя в них главного врага, что было совершенно неправильно. Таким образом, возможные союзники КПП по борьбе против фашизма в Польше зачислялись в стан врагов. «Не вместе с ППС против фашизма, но против фашизма и против ППС»³⁰ — такой должна быть тактика коммунистов, говорилось в решении V пленума ЦК КПП.

Отказ от единого фронта сверху, который мог бы облегчить задачу организации широкого антифашистского фронта, во многом зависел также от того, что КПП не учитывала процесса образования новой левицы в ППС.

В. И. Ленин, отмечая, что при капитализме нет «чистого» пролетариата, писал о необходимости «для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков». И далее: «Все дело в том, чтобы уметь применять эту тактику в целях повышения, а не понижения общего уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и победе»³¹.

Есть все основания говорить, что в исследуемый нами период КПП не учитывала этих положений В. И. Ленина.

Вследствие этого ею был допущен ряд ошибок в руководстве профсоюзным движением, хотя впоследствии и исправленных. Так, например, выдвижение лозунга о создании независимых профсоюзов как общего лозунга³², равно как и отказ от лозунга «Вступайте в профсоюзы Центральной комиссии!», выдвинутого во исполнение постановлений V съезда КПП «Об экономической борьбе и задачах партии в профсоюзном движении», ограничило возможности работы КПП среди тех членов профсоюзов, которые еще питали доверие к лидерам соглашательских партий. Сама КПП как нелегальная партия не могла создать широких легальных профсоюзов. Поэтому она должна была укрепиться в массовых организациях соглашательских партий, иметь там резервы и создавать там свою опору.

В 1931 г. все революционные профсоюзные организации в Польше (красные профсоюзы, группы профсоюзной левицы и отделения реформистских профсоюзов, завоеванные профсоюзной левицей), насчитывали лишь около 50 тыс. членов³³.

КПП проводила экономические стачки под лозунгами: против рационализации, против снижения заработной платы и за ее повышение, за семичасовой рабочий день, против массовых сокращений революционных рабочих, за оказание помощи всем безработным³⁴.

Она уделяла большое внимание организации и руководству стачечным движением масс, где профсоюзная левица играла первую роль, как звено, соединяющее партию с массами. В решениях V пленума ЦК КПП говорилось: «...С первой минуты создавать точки опоры для револю-

³⁰ «V Plenum KC KPP. Uchwała. Sytuacja i zadania partii». AZHP przy KC PZPR, стр. 39. Вместе с КПП в антифашистский фронт входила ППС-левица, которая образовалась в июле 1926 г. в результате раскола ППС. В феврале 1931 г. она была запрещена Министерством внутренних дел.

³¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 31, стр. 55—56.

³² «V Plenum KC KPP. Uchwała. Sytuacja i zadania partii». AZHP przy KC PZPR, стр. 75.

³³ J. Bratkowski. Polska faszystowska na drodze ku kryzysowi rewolucyjnemu. М., 1933, стр. 218.

³⁴ «KPP. Uchwały i rezolucje», т. III. Warszawa, 1956, стр. 59.

ционного руководства в организациях, созданных массами, посредством овладения фабричными делегациями, создания комитетов действия и фабричных стачечных комитетов, созыва конференций делегатов и стачечных комитетов и овладения их руководством»³⁵.

КПП старалась увязывать политическую и экономическую стачку.

Но следует отметить, что КПП не всегда умела пользоваться лозунгом всеобщей стачки. Секретарь ЦК Ю. Ленский, оценивая стачечную практику партии, говорил в 1932 г., что КПП слишком часто употребляла этот лозунг³⁶. Кроме того, почти с каждой стачкой связывался лозунг вооруженного восстания.

Установка КПП в стачечном движении масс на единый фронт только «снизу» выражалась в том, что, акцентируя, с одной стороны, внимание на создание единого фронта пролетариата для борьбы с буржуазией, КПП, с другой стороны, исключала все иные партии из руководства стачками, стремясь тем самым к независимому руководству³⁷.

Таким образом, в этот период Коммунистическая партия Польши допустила ряд ошибок в тактике единого фронта, что в свою очередь повлекло за собой ошибки в профсоюзном движении и в тактике стачечных боев. Это повредило революционному движению в Польше. Но, несмотря на ошибки, КПП, оставаясь единственной до конца революционной партией рабочего класса и работая в чрезвычайно трудных нелегальных условиях, не утратила связи с массами, быстро реагировала на их нужды, вела массы к социалистической революции.

СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД КРИЗИСА (1929—1930 гг.)

Прежде чем рассматривать развитие стачечного движения, остановимся на размещении рабочего класса по отраслям производства и промышленным районам, с тем чтобы последующие данные о стачечном движении выглядели более конкретно.

Большое место в польской промышленности занимала добыча каменного угля. В этой отрасли, по среднемесячным данным, в IV квартале 1928 г. было занято 119 047 рабочих, при этом большая часть из них сосредоточивалась в Верхнесилезском бассейне, остальная часть — в Домбровском и Краковском бассейнах³⁸. По данным на 1928 г., в черной металлургии было занято 49 088 рабочих, из них 32 150 приходилось только на одну силезскую черную металлургию³⁹, 22 тыс. — на черную металлургию Келецкого воеводства (по более поздним данным)⁴⁰. В Лодзинском районе сосредоточивалось 124,9 тыс. рабочих текстильной промышленности⁴¹, что составляло свыше 70% всех польских текстильщиков⁴². В металлообрабатывающей промышленности было занято около 100 тыс. рабочих, при этом более 20 тыс. их приходилось на Варшаву. Крупные отряды металлистов находились также в Келецком, Познанском и Силезском воеводствах⁴³.

³⁵ «V Plenum KC KPP. Uchwała. Sytuacja i zadania partii». AZHP przy KC PZPR, стр. 69.

³⁶ «Коммунистический интернационал», 1932, № 22, стр. 24.

³⁷ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. II, стр. 532; «W sprawie związków zawodowych i walk ekonomicznych». AZHP przy KC PZPR. VI Plenum KC KPP, стр. 43.

³⁸ «Statystyka Pracy». Roczn. VIII, z. 2, 1929, стр. 182.

³⁹ «Robotniczy Przegląd Gospodarczy», 1931, № 3; 1933, № 1, 2.

⁴⁰ K. Wrzós. Oko w oko z kryzysem. Warszawa, 1935, стр. 81.

⁴¹ A. Wierzbicki. Ogólny pogląd na rozwój przemysłu polskiego. Warszawa, 1935, стр. 13.

⁴² L. Kieżczyński. Powszechny strajk włóknarzy Łodzi i okręgu w 1933 r. 1958, стр. 7.

⁴³ «Statystyka Pracy». Roczn. VIII, z. 2, стр. 134.

Многочисленный отряд составляли рабочие, занятые в пищевой промышленности (в декабре 1929 г. — 81 362 чел.), при этом около половины их приходилось на долю Варшавского и Познанского воеводств.

Таким образом, самые многочисленные отряды польского рабочего класса концентрировались в Верхней Силезии, в Домбровском и Краковском бассейнах, в Лодзинском текстильном районе, в Варшаве и частично в Познанском воеводстве. Однако в связи со спадом в первые годы кризиса стачечной волны эти отряды не были полностью втянуты в стачечную борьбу. Из следующих данных видно, как происходил в эти годы спад волны стачечных боев ⁴⁴:

Год	Число стачек	Число бастующих, тыс.
1928	769	354
1929	494	217
1930	312	48
1931	357	107

Спад стачечных боев в Польше в первые годы кризиса в значительной степени объясняется тем, что пролетариат и его революционная партия не были в состоянии сразу же ответить на новую волну атак капитала и преодолеть политику лидеров реформистских профсоюзов, провозглашавших безнадежность стачек в период кризиса, в условиях существования огромной армии безработных. Да и в самой КПП, особенно в Лодзинской организации, раздавались подобные голоса ⁴⁵. Нужно было некоторое время, чтобы в сознании масс наступил перелом, чтобы массы поняли необходимость активной стачечной борьбы в условиях кризиса.

Стачечная активность рабочих в эти годы оставалась значительной только в мелкой промышленности, так как на рабочих, занятых в ней, в первую очередь обрушились все связанные с кризисом бедствия. Так, число бастующих по отношению ко всем занятым на производстве рабочим по отраслям в процентах составляло в 1930 г.: в производстве одежды — 19,3, в строительстве — 15,7, в деревообделочной промышленности — 11,5 ⁴⁶.

В то же время следует отметить, что в первые годы кризиса довольно низкой была стачечная активность рабочих крупной промышленности, где она составляла (в %) ⁴⁷:

Отрасли промышленности	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.
Горнодобывающая	31,3	12,7	8,1	21,6
Металлургическая	11,4	2,0	6,3	12,2
Текстильная	95,1	7,2	5,2	22,8
Металлообрабатывающая и электротехническая	—	13,2	0,5	8,5

Чрезвычайно высокая стачечная активность текстильщиков в 1928 г. объясняется всеобщей стачкой рабочих этой отрасли. Исключение составляет 1931 г., когда резко обозначился рост стачечной активности у рабочих основных отраслей промышленности, что свидетельствовало об охвате стачечной волной основных отрядов пролетариата.

Большинство стачек (в 1930 г. 76%) возникало в результате конфликтов из-за заработной платы ⁴⁸.

⁴⁴ «Mały Rocznik Statystyczny», 1934, стр. 145.

⁴⁵ AZHP przy KC PZPR, Zespół-Odezwy KC KPP, t. 158. 1929, стр. VIII.

⁴⁶ «Statystyka Pracy». Roczn. IX, z. 3, 1930, стр. 233—235; «Мировое хозяйство и мировая политика», 1933, № 9, стр. 58, 60.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ «Мировое хозяйство и мировая политика», 1933, № 9, стр. 41.

Произошел также ряд забастовок в защиту членов рабочих делегаций или уволенных с работы. Так, например, в 1929 г. на заводе по изготовлению железнодорожных тормозов «Неринг, Ясиньский и К⁰» в Варшаве возник конфликт из-за сокращения четырех рабочих, среди которых один был делегатом ⁴⁹.

Заметную роль в стачечной борьбе этих лет начинают играть стачки солидарности.

Вопреки мнениям о том, что во время кризиса стачка обречена на неуспех, число стачек, выигранных полностью или частично, было очень значительно. В 1929 г., например, из 484 стачек окончились победой 352 ⁵⁰.

Возросла активность неорганизованных рабочих. В одном из решений V съезда КПП (сентябрь 1930 г.) по этому поводу было сказано следующее: «Наиболее характерной чертой экономической борьбы настоящего периода является возрастающая активность неорганизованных рабочих, работниц и молодежи. Высокий уровень активности неорганизованных рабочих является выражением тех структурных изменений, которые происходят в среде рабочего класса в результате капиталистической рационализации. Неквалифицированные рабочие составляют сегодня основную рабочую массу. В период нарастания революционной волны активность неорганизованных рабочих свидетельствует самым ярким образом об обострении классовых антагонизмов» ⁵¹.

Рост стачечного движения обусловил активизацию полицейского аппарата. Обострился и сам характер вмешательства полиции: она применяла газы, использовала огнестрельное оружие (бои в Пабяницах, Саноке, Олькуше) ⁵².

Польский пролетариат начинает применять новую, более острую форму классовой борьбы — «оккупационную» стачку, которая впоследствии получила название «польской» ⁵³. Распространение «оккупационной стачки» в годы кризиса было связано с возросшими трудностями стачечной борьбы. Пролетариат искал прежде всего таких форм борьбы, которые сделали бы невозможным использование предпринимателями штрейк-брехеров.

«Во время оккупационных стачек, — говорилось в правительственной „Статистике труда“, — бастующие препятствуют пуску в ход занятого или предприятия, часто даже противятся выполнению всяких действий, нередко необходимых для спасения созданных продуктов от порчи, производя этим способом усиленное давление на работодателя в направлении удовлетворения выставленных требований бастующих» ⁵⁴.

Значительная часть «оккупационных» стачек в первые годы кризиса была стихийной. Рабочий защищал свой станок, свое рабочее место. В 1929 г., например, только половиной «оккупационных» стачек руководили делегации, избранные бастующими.

Первая «оккупационная» стачка в металлообрабатывающей промышленности Варшавы возникла в декабре 1930 г. на варшавском «Паровозе» в связи с сокращением рабочих. Рабочие, собравшиеся на митинг, решили начать стачку, избрав одновременно делегацию. На следующий день

⁴⁹ «Robotnik», 14.X 1929.

⁵⁰ «Mały Rocznik Statystyczny», 1934, стр. 145.

⁵¹ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. III, стр. 164.

⁵² «Большевик», 1930, № 3, стр. 94—97.

⁵³ A. Lampe. O nową Polskę. Warszawa, 1954, стр. 57—58. Эта форма стачки не была исключительно польским явлением. Вначале она называлась «итальянской» стачкой, так как первые такого рода стачки имели место в Италии в 1920 г.

⁵⁴ T. Nulkowski. Proletariat Polski w ogniu walk strajkowych. М., 1936, стр. 61.

сокращение было отменено, завод получил дополнительные заказы от правительства на шесть паровозов. Стачка окончилась полной победой рабочих⁵⁵.

Так как завод «Паровоз» выполнял правительственные заказы, эта стачка являлась не только борьбой с администрацией и предпринимателями, но и представляла собою непосредственную форму выступления против правительства. Значение ее заключалось и в том, что она произошла в период усилившегося террора санации.

КПП сразу же после появления «оккупационных» стачек стремилась руководить ими, придавая этой форме борьбы большое значение. Известно, что коммунисты уже в 1929 г. руководили такой стачкой на текстильной фабрике «Круше и Эндер».

Коммунисты руководили также «оккупационной» стачкой в Томашове Мазовецком на предприятии акционерного общества «Пиш», вспыхнувшей в январе 1930 г. В ходе стачки коммунисты направили все свои усилия против пепеэсовско-энпееэровского руководства и добились его замены. Рабочими был выбран новый революционный комитет. Однако такая политика изолировала новое руководство от упомянутых партий и профсоюзных организаций, начавших отходить от борьбы. А вскоре деятели из ППС и НРП выступили против стачки, что в значительной мере способствовало ее поражению.

Из «оккупационных стачек» 1930 г. крупной была стихийная стачка в заверчанской «ТАЗ». Рабочие, не имея политического руководства, оказались неспособными на наступательные действия и единственно смогли лишь занять здание.

В 1930 г. КПП и профсоюзная левиза участвовали в руководстве или руководили половиной всех стачек. Однако в большинстве экономических стачек в основных отраслях промышленности КПП не стояла во главе их. Так, в угольной и металлообрабатывающей промышленности из общего числа стачек КПП осуществляла руководство лишь 10%, в текстильной промышленности — около 12% стачек.

На мелкую же промышленность в 1930 г. приходилось свыше 77% стачек, руководимых КПП и профсоюзной левизой⁵⁶.

Коммунисты организовали в 1929 г. стачки на таких крупных варшавских промышленных предприятиях, как «Паровоз», «Урсус», текстильная фабрика «Воля»⁵⁷.

Стачка на фабрике «Воля», на которой работало 1500 человек, началась в последних числах января 1929 г. Поводом к ней послужило ухудшение условий труда. В ответ на стачку дирекция объявила локаут. Рабочие предъявили дирекции требование никого не удалять за стачку и признать пепеэсовский профсоюз текстильной промышленности⁵⁸, который руководил ею, хотя организовали стачку коммунисты. Вмешательство инспектора по труду не дало никаких результатов, так как дирекция не хотела идти на переговоры с рабочими⁵⁹. Учредив на фабрике комиссию экспертов, правительство санации в лице Ведомства по посредничеству в труде одновременно оказало помощь предпринимателям, направив безработных для работы на фабрику «Воля»⁶⁰. Комиссия экспертов в начале июня наконец пришла к заключению, что условия работы ухудшились по сравнению с прежними⁶¹. Стачка окончилась победой рабочих. Характерна та борьба, которая велась между различными пар-

⁵⁵ «Przegląd Społeczny», 7.XII 1930.

⁵⁶ «Большевик», 1931, № 9, стр. 24.

⁵⁷ «Materiały do historii polskiego ruchu robotniczego (1917—1939), cz. II. Warszawa, 1959, стр. 237.

⁵⁸ «Robotnik», 27.III 1929.

⁵⁹ «Robotnik», 12.II 1929.

⁶⁰ «Robotnik», 25.V 1929.

⁶¹ «Robotnik», 7.VI 1929.

тиями, действовавшими среди рабочих этой фабрики, за руководство стачкой.

КПП организовала в 1929 г. стачки горняков в шахтах Домбровского бассейна «Моджеюв», «Нивка», «Ренард», «Юлиуш», «Казимеж», «Флёра», «Миловиле», «Якуб»⁶².

Самой крупной стачкой 1929 г. была стачка горняков шахт Домбровского, Верхнесилезского и Краковского бассейнов⁶³. Пепеэсовским лидерам Центрального профсоюза горняков удалось свести это выступление рабочих до однодневной стачки протеста, несмотря на то, что профсоюзная левиза призывала горняков к боевой стачке.

В 1930 г. крупным выступлением рабочих была однодневная стачка протеста в Варшаве, происходившая 16 сентября и охватившая 10 тыс. человек⁶⁴.

Характерной чертой ряда стачек первых лет кризиса было их особое упорство и массовость. К ним следует отнести четырнадцатинедельную стачку пекарей и пятимесячную стачку ткачей в Варшаве, семинедельную стачку во Львове, стачку рабочих 22 текстильных фабрик в Бельске, а также стачку солидарности на фабрике Гальперина в Лодзи⁶⁵.

На основании анализа ряда стачек, происшедших в 1929 и 1930 гг., нетрудно проследить две линии в стачечном движении: соглашательскую линию ППС и боевую линию КПП.

КПП проводила первомайские кампании под лозунгами борьбы с фашизмом и соглашательской политикой социал-демократических партий, борьбы за предотвращение войны против СССР, за диктатуру пролетариата, в защиту 8-часового рабочего дня, за повышение заработной платы рабочим и т. д.⁶⁶

В 1929 г. 1 Мая под знаменами КПП демонстрировало около 100 тыс. рабочих и крестьян⁶⁷. Однако всеобщей стачки, кроме Варшавы и Домбровского бассейна, несмотря на усилия со стороны партии, организовать в первомайские дни не удалось. В Лодзи не работали средние и мелкие фабрики и некоторые крупные («Леонард»), на большинстве крупных фабрик стачка была только частичной. В Познани, где не существовало традиции майской стачки, бастовали только на фабрике в Мосине. В Верхней Силезии в стачечном движении участвовало около 20% рабочих⁶⁸.

В 1930 г. растет количество выступлений безработных. КПП уделяла большое внимание этим выступлениям, стремясь объединить их со стачечным движением⁶⁹. Следует особо подчеркнуть факт такого совместного выступления в Санокке в марте 1930 г., когда безработные во время разгона их демонстрации полицией апеллировали к рабочим вагоностроительного завода, проводившим политическую стачку. Между полицией и объединенным фронтом рабочих и безработных произошло столкновение. Полиция вынуждена была призвать на помощь специальные войска⁷⁰.

Появление огромной армии безработных, в среде которых фабрикант всегда мог найти дешевую рабочую силу для замены бастующих, затрудняло стачечную борьбу.

Рассматривая стачечную борьбу польского пролетариата в этот период, следует помнить, что она была тесно связана с ходом кризиса, с его

⁶² Там же.

⁶³ «Trybuna Radziecka», 21.XI 1929.

⁶⁴ «Trybuna Radziecka», 22.IX 1930.

⁶⁵ J. Leński. Sytuacja polityczna, działalność partii i zadania, стр. 34; AZHP przy KC PZPR. V zjazd KPP.

⁶⁶ «Nowy Przegląd», 1929, № 3 (28), стр. 149.

⁶⁷ «KPP. Uchwały i rezolucje», т. II, стр. 517.

⁶⁸ «Nowy Przegląd», 1929, № 3, (28), стр. 151—152.

⁶⁹ «Nowy Przegląd», 1930, № 1 (31), стр. 105—106.

⁷⁰ «Nowy Przegląd», 1930, № 2 (32), стр. 68.

размахом, с охватом им отдельных отраслей промышленности. Нельзя пройти и мимо того факта, что в силу особых экономических условий в Польше число бастующих в два первых года кризиса по сравнению с другими странами оставалось относительно значительным.

Стачки приобрели более упорный и боевой характер, возросла их продолжительность. Активное участие в стачках начинают принимать неквалифицированные рабочие, женщины, молодежь. Растет число стачек солидарности. Получает распространение «оккупационная» стачка.

Все это дает основание считать, что, несмотря на спад в стачечном движении в первые годы кризиса, начинает постепенно меняться сам характер стачечной борьбы.

1931 ГОД — ГОД ПЕРЕЛОМА В РАЗВИТИИ СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ

Май 1931 г. был переломным моментом в стачечном движении в Польше. Из данных официальной статистики, учитывающих лишь более значительные стачки в промышленности (они составляли около 50% общего числа стачек и охватывали около 85% всего числа стачечников), следует, что если с 1 сентября 1930 г. по 30 апреля 1931 г. было 69 стачек, то с 1 мая по 31 декабря 1931 г. — уже 94, если в первом случае число стачечников достигло 66 тыс., то во втором — 136 тыс., число потерянных рабочих дней составляло соответственно 386 тыс. и 1355 тыс.⁷¹

Значительное увеличение числа бастующих объясняется тем, что в это время возросло наступление капитала на рабочий класс. Если в предшествующий период снижение заработной платы проводилось преимущественно в мелкой и средней промышленности и в основном на отдельных предприятиях, то начиная с весны 1931 г. капиталисты перешли к более широкому наступлению, заявив о расторжении коллективных договоров в горной промышленности Домбровского и Краковского бассейнов, в некоторых отраслях текстильной промышленности (в Лодзинском округе и Варшаве, в Бельске и Белостоке), химической промышленности в Варшаве и т. д. К концу года приняли массовый характер увольнения. Усилился полицейский надзор.

Стачечная волна передвигается в этот период из мелкой промышленности в крупную. Так, в 1931 г. резко возрастает стачечная активность рабочих основных отраслей промышленности и достигает (в %): у торняков — 21,6; текстильщиков — 22,8; металлистов — 8,5; рабочих химической промышленности — 33,6; металлургов — 12,1⁷².

Большинство стачек по-прежнему приходится на центральные воеводства, что объясняется прежде всего сравнительной развитостью последних в промышленном отношении. Кроме того, в центральных воеводствах КПП и профсоюзная левиза имели наиболее сильные организации, и их роль в организации стачек была здесь особенно значительной. Относительно сильные позиции КПП имела в Домбровском бассейне, Силезии и восточных воеводствах, что также положительно сказалось на развитии стачечного движения в этих районах.

Видный деятель КПП Ю. Братковский писал, что «со времени знаменитой Лодзинской стачки 1928 г. КПП в первый раз в 1931 г. удалось стать во главе мощных стачечных боев»⁷³.

Во второй половине 1931 г. уменьшилось число стихийных стачек и стачек, руководимых реформистскими и реакционными профсоюзами.

⁷¹ «Коммунистический интернационал», 1932, № 14, стр. 34.

⁷² «Мировое хозяйство и мировая политика», 1933, № 9, стр. 58, 60.

⁷³ J. Bratkowski. Polska faszystowska na drodze ku kryzysowi rewolucyjnemu. M., 1933, стр. 109.

Снижение роли реформистских профсоюзов было следствием отрицательного отношения ППС к стачечной борьбе. Потерпев ряд серьезных поражений и опасаясь изоляции от масс, которые опровергли «теории» социалистов о невозможности успешных стачек в период кризиса, социалисты в конце 1931 г. переходят к новой тактике. Теперь они прокламируют стачки, усиливают борьбу за руководство ими, хотя последовательной борьбы за осуществление требований рабочих не ведут. Но сам факт участия ППС в стачках не мог не способствовать росту стачечной борьбы польского пролетариата, среди которого социалисты все еще пользовались большим влиянием.

Как и в предшествующие годы, поводом большинства стачек оставались конфликты из-за заработной платы. Эти стачки составляли в 1931 г. 85% ⁷⁴.

В 1931 г. на 11% по сравнению с 1930 г. возросло число групповых стачек (совместных выступлений рабочих ряда предприятий, чаще одной отрасли промышленности).

В течение этого года возросла продолжительность стачек. Если в первом полугодии стачки в среднем длились четыре-пять дней, то в конце года — 14 дней ⁷⁵.

Одновременно с этим стачки становятся все более массовыми. Например, в первой стачке трикотажников и чулочников (начало 1931 г.) участвовала только незначительная часть рабочих, во второй же (вторая половина 1931 г.) — большинство рабочих, а третья стачка (конец 1931 г.) переросла во всеобщую ⁷⁶.

Характеризуя стачки варшавских трамвайщиков, Г. Геприковский, один из деятелей КПП, писал: «Если первая июньская стачка 1931 г. была до известной степени изолирована, то вторая — ноябрьская — имела под собой гораздо более широкую массовую базу и грозила превратиться во всеобщую стачку варшавского пролетариата» ⁷⁷. Неудивительно, что возрастает число стачек, выигранных рабочими, что свидетельствует об упорной борьбе рабочих и их организованности. Так, из 125 стачек 1931 г. 74 закончились полной победой рабочих, а 22 — частичной ⁷⁸.

Во второй половине 1931 г. особенно отчетливо в борьбе польского пролетариата проявились «черты быстрого перерастания оборонительных стачек в стачки наступательные с ярко выраженной политической окраской» ⁷⁹.

Обращает на себя внимание и увеличение числа «оккупационных» стачек. В 1929 г. они составляли всего 1,6% от общего числа стачек, в 1930 г. — 2,9%, а в 1931 г. — уже 6,4% (23 стачки) ⁸⁰.

«Оккупационные» стачки распространились в 1931 г. на основные отрасли промышленности. В металлообрабатывающей их было 5, в химической — 4, на табачных фабриках — 3, в коммунальном хозяйстве — 3, в текстильной промышленности — 2. Первое место по числу «оккупационных» стачек продолжала занимать Варшава (семь стачек). Большинство этих стачек носило экономический характер.

В первой половине 1931 г. имели место «оккупационные» стачки на текстильной фабрике «ТАЗ» (январь), на стекольном заводе «Гортензия» (январь), на фабрике резиновых изделий ППГ в Грудзендзе (январь —

⁷⁴ L. Grosfeld. Polska w latach kryzysu gospodarczego 1929—1933. Warszawa, 1952, стр. 220.

⁷⁵ «Коммунистический интернационал», 1932, № 22, стр. 22.

⁷⁶ T. Nulkowski. Proletariat Polski w ogniu walk strajkowych. М., 1936, стр. 57—58.

⁷⁷ «Красный интернационал профсоюзов», 1932, № 7, стр. 22.

⁷⁸ «Коммунистический интернационал», 1932, № 22, стр. 20.

⁷⁹ «Красный интернационал профсоюзов», 1931, № 15, стр. 3.

⁸⁰ «Mały Rocznik Statystyczny», 1934, стр. 145.

февраль). Из 8175 занятых рабочих на этих предприятиях бастовало 5434 человека⁸¹.

Из четырех самых крупных «оккупационных» стачек, упомянутых в официальной статистике⁸², три окончились победой рабочих.

Правильную оценку стачки петровских стекольщиков завода «Гортензия» (как и других крупных «оккупационных» стачек первой половины 1931 г.) можно найти в решениях III пленума ЦК КПП от июля 1931 г. В них подчеркивалось, что, «пользуясь этой формой борьбы, следует одновременно увязывать ее с выступлениями на улицах, стремиться к организации самой широкой кампании солидарности среди всех работающих и безработных рабочих данной местности, к расширению стачечного фронта на другие предприятия»⁸³. При проведении «оккупационных» стачек, говорилось в решениях, руководство коммунистов должно быть как внутри «оккупированной» фабрики, так и вне ее. Задачей его является обеспечение материальной помощи бастующим, организация демонстраций солидарности других фабрик, безработных и членов семей бастующих, отгеснение полиции от оккупированной рабочими фабрики.

«Оккупационные» стачки, руководимые коммунистами, в отличие от предшествовавших лет в большинстве случаев кончались полной или частичной победой рабочих благодаря вовлечению в борьбу огромного числа рабочих данного предприятия и лояльному отношению к ним пепезовцев, которые, опасаясь изоляции от масс, не вели пропаганды против стачек, а иногда даже начинали их поддерживать. Так обстояло дело во время январско-февральской стачки в Грудзендзе и во время осенней стачки на Шлессеровской мануфактуре в Озоркове. На этом предприятии даже удалось в некоторой мере осуществить совместные действия. Они были очень слабыми, но в конечном счете послужили на пользу делу. Наступило своего рода разделение задач — коммунисты главным образом руководили непосредственно стачечной борьбой, а социалисты преимущественно вели переговоры с администрацией.

Из 23 «оккупационных» стачек 1931 г. политическое руководство осуществлялось в 10 стачках. Из них семью стачками руководили коммунисты, одной — пепезовцы, одной — коммунисты и социалисты, одной — бебезовцы. Из этих данных следует, что большинство «оккупационных» стачек все еще оставалось стихийным.

Коммунисты руководили «оккупационной» стачкой зимой 1931 г. на текстильной фабрике «ТАЗ». Борьба была упорной. Она проходила успешно потому, что коммунисты сумели вовлечь в нее значительное число безработных и мобилизовать их вокруг лозунга прекращения увольнений рабочих с фабрики. В этой стачке принимало участие 2 тыс. рабочих⁸⁴. Не пассивная «оккупация» предприятия, а боевая стачка вынудила капиталиста отменить сокращение. Победа рабочих не была полной. Предприниматель согласился на предложение рабочих занять каждого 1½ дня в неделю и не проводить сокращения. Необходимо подчеркнуть, что борьба эта могла быть более успешной, если бы руководство стачки попыталось установить контакт с пепезовским профсоюзом, рядовые члены которого поддерживали бы стачку.

Буржуазия со страхом смотрела на новую форму борьбы пролетариата — «оккупационную» стачку. Так, в статье об «оккупационной» стачке на крупном стекольном заводе «Гортензия», опубликованной в органе крупной буржуазии «Правде», говорилось, что эта «кампания» носила все черты пробного выступления, «что кто-то хотел узнать, как будет

⁸¹ Nowicki. Strajki połączone z okupacją zakładów w 1931—1932 i pierwszej połowie 1933. «Statystyka Pracy, 1934».

⁸² Там же.

⁸³ «KPP. Uchwały i rezolucje», t. III, стр. 327.

⁸⁴ A. Lampe. O nową Polskę, стр. 61.

принята в Польше эта форма борьбы... что вообще в случае оккупационных стачек (а все они в статье приписываются коммунистам. — В. К.) речь не идет о реализации рабочих требований — речь идет об оккупации завода, речь идет об уверенности в том, что рабочие спокойно могут отжаться на насилие... речь идет о тренировке»⁸⁵.

Целая серия стачек произошла на протяжении первой половины 1931 г. на заводе резиновых изделий «ППГ» в Грудзендзе. Самым большим влиянием среди рабочих этого завода пользовался пепеэсовский Профсоюз рабочих химической промышленности. Наряду с ним на «ППГ» действовали и другие профсоюзы, в том числе и такой, деятельность которого направлялась коммунистами. Влияние его было довольно значительным. Он руководил январско-февральской «оккупационной» стачкой⁸⁶.

Летом 1931 г. коммунистам удалось довести до победы «оккупационную» стачку на вагоностроительном заводе в Саноке, чему способствовало исключительное единство рабочих и безработных.

В мае того же года произошла стачка горняков Домбровского и Краковского бассейнов. В ответ на объявленное снижение заработной платы на 15% шахтеры «Ренарда» по предложению профсоюзной левицы постановили 16 мая немедленно начать забастовку. Деятели ППС опасались, что коммунистам удастся расширить стачку. В связи с этим они обратились к испытанному инструменту — «однодневной стачке протеста» в день 18 мая⁸⁷. На фабрично-заводских собраниях 18 мая на семи шахтах революционным профорганизациям удалось провести резолюции о забастовке до победы и избрать стачечные комитеты. В этот день 20 тыс. шахтеров обоих бассейнов бросили работу⁸⁸. В течение последующих двух дней в стачку были вовлечены безработные и их комитеты. Пикеты из безработных не допускали штрейкбрехеров на работу и склоняли шахтеров, не участвовавших еще в стачке, присоединиться к ней.

Особого напряжения в эти дни достигли события в Явожно, где полиция жестоко расправилась с демонстрацией рабочих и членов их семей. Было убито шесть и тяжело ранено 15 шахтеров⁸⁹. Бастующие горняки, направлявшиеся на похороны убитых в Явожно, были также разогнаны полицией.

Правительство поняло значение событий в Явожно. Уже 20 мая снижение заработной платы в Явожно было отменено, рабочим даже было заплачено за время стачки и была дана гарантия, что никто из стачечников не будет уволен. Но это была только уловка. Санационные власти после некоторого успокоения рабочих ответили массовыми репрессиями, арестовав Центральный стачечный комитет, Центральный комитет безработных, левых членов профсоюза. В последние дни стачки дальнейшие репрессии ослабили контакт стачечного руководства с массами. К тому же пепеэсовские лидеры после Явожно изменили тактику. Они заявили, что стачку, происходившую 18 мая, не рассматривают как однодневную стачку протеста. «Она была прервана, — заявил лидер пепеэсовского профсоюза горняков Станчик, — исключительно из-за переговоров (!). Поскольку переговоры не дадут каких-либо результатов, забастовка будет начата вновь»⁹⁰.

Пепеэсовцы обратились к властям с просьбой об арбитраже, распространяя среди шахтеров слух, будто правительство обещало, что отменит снижение заработной платы рабочим. Станчик хотел такими действиями создать в массах выжидательное настроение, что ему в известной степени

⁸⁵ «Prawda», 14.V 1933.

⁸⁶ AZHP przy KC PZPR. V Zjazd KPP, стр. 137.

⁸⁷ T. Nulkowski. Указ. соч., стр. 29.

⁸⁸ L. Grosfeld. Polska w latach kryzysu gospodarczego 1929—1933, стр. 203.

⁸⁹ «Красный интернационал профсоюзов», 1931, № 15, стр. 7.

⁹⁰ Там же.

и удалось. На девятый день стачки шахты начали вступать в строй. Ошибкой окружного комитета было то, что он не учел изменившейся ситуации и не выступил с лозунгом окончания стачки.

Вечером 25 февраля администрация объявила об отмене снижения заработной платы и о продлении прежнего коллективного договора.

Важное значение в ходе этой стачки имели политические требования, выдвинутые горняками в связи с занятием шахт полицией. Рабочие требовали немедленного удаления директора, полиции и шпиков. Все это подняло стачку горняков на более высокую ступень и принудило предпринимателей и правительство отступить.

В этой стачке ярко проходят две линии — линия КПП, которая была направлена на мобилизацию рабочих на стачку вплоть до победы, и реформистская линия профсоюзных лидеров, которые в это время вели переговоры с предпринимателями и обратились с просьбой к фашистскому правительству об арбитраже.

Одной из крупнейших стачек первой половины 1931 г. была стачка варшавских трамвайщиков 9—11 июня 1931 г., которой руководил революционный профсоюз.

На первом этапе эта стачка была направлена против рационализаторских мероприятий инженера Квятковского.

Лидеры соглашательских и фашистских профсоюзов в первый день стачки заявили о своем присоединении к ней в надежде, что им удастся таким образом закончить стачку быстрее. Они были уже в этом уверены, когда дирекция под напором бастующих удовлетворила часть требований рабочих: удалила инженера Квятковского, приняла снова на работу уволенного служащего Фурманьского, заверила всех в приеме на работу и в том, что всем будет заплачено за время стачки. Однако трамвайщики на этом не успокоились. Они дополнили свои требования рядом других (повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, принятие на работу безработных и т. д.)⁹¹. Поэтому воззвание профсоюзов, в котором прославлялась эта победа и содержался призыв к окончанию стачки, повисло в воздухе. Рабочие признавали руководство только своих стачечных комитетов.

10 числа на митинг, устроенный на Воле⁹², явилось 5 тыс. трамвайщиков. На митинге выступило 30 ораторов, был избран стачечный комитет из 30 человек.

Никогда еще до этого лидеры реакционных и реформистских профсоюзов не чувствовали себя более изолированными, чем 10 июня в Варшаве. «Никогда еще руководящая роль нелегальной коммунистической партии не была столь очевидной, как в этой забастовке. Наконец, и в одной забастовке за последние годы не сказался так ярко переход пролетариата от обороны к наступлению»⁹³.

Видя, что расхождения и столкновения между революционными силами и лидерами соглашательских и реакционных профсоюзов не привели к подрыву стачки изнутри, санационные власти усилили террор.

«11 утром, — писали в корреспонденции простые рабочие, — депо и мастерские были окружены дружинами, полицией и охранкой. С первым вагоном выехал пепеэсовский деятель Поднесиньский. Масса нами не была подготовлена. Лишь около 9 часов прибыли трамвайные рабочие, намереваясь попасть на наш митинг. Утром было арестовано 20 членов стачечного комитета, к концу дня число арестованных возросло до тридцати. Аресты, сильные кордоны полиции (конная полиция) и штрейк-брехерство дезориентировали массы»⁹⁴.

⁹¹ «Коммунистический интернационал», 1932, № 22, стр. 26.

⁹² Воля — предместье Варшавы.

⁹³ «Красный интернационал профсоюзов», 1931, № 15, стр. 9.

⁹⁴ T. Nulkowski. Указ. соч., стр. 34—35.

Стачка была сломлена, но тем не менее имела крупное значение, потому что происходила в столице и показала, как рабочие освобождаются от враждебных влияний, как они предпочитают действовать, независимо от решений реформистских и реакционных лидеров. Стачка показала также рост влияния коммунистов в Варшаве.

Все эти данные говорят о том, что после спада стачечного движения в Польше в 1929—1930 гг. с весны 1931 г. в нем наступает новое оживление стачечной борьбы. Именно в 1931 г. КПП и профсоюзной левнице в первый раз после событий 1928 г. удается стать во главе стачечных боев. В 1931 г. наблюдался большой численный рост бастующих, стачечная волна из мелкой промышленности передвинулась в крупную, охватив, таким образом, основные отряды польского пролетариата. Происходит дальнейшее наращивание боевого характера и упорства стачечных боев. Стачки становятся более массовыми. «Оккупационная» стачка становится одной из основных форм борьбы польского рабочего класса.

И. И. Лещиловская

О СОЦИАЛЬНЫХ ОСНОВАХ ИЛЛИРИЗМА

Вопрос о социальной базе иллиризма является важнейшим для понимания характера и особенностей национальной борьбы в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. Однако он до сих пор не получил научного решения, несмотря на то, что иллиризму в целом, а также его отдельным сторонам посвящена большая литература.

В буржуазной историографии иллирийскому движению приписывался общенародный характер, а его возникновение связывалось, как правило, с появлением охваченного «национальной идеей» молодого поколения.

Интересующая нас проблема затрагивалась в работах современных югославских историков и литературоведов¹. Но она рассматривалась лишь попутно, без обстоятельного анализа источниковедческого материала. Югославские историки единодушно связывают иллиризм с возникновением капиталистического способа производства и появлением буржуазных общественных сил, но при этом одни отводят главное место в иллиризме торговцам, другие — интеллигенции. Несколько подробнее вопрос о социальных основах иллирийского движения рассматривается в работах В. Богданова, в особенности в монографии «История политических партий в Хорватии»². Считая главными носителями и сторонниками «иллирийской партии» представителей нового буржуазного класса, В. Богданов отмечает участие в ней торговцев, буржуазной интеллигенции, низшего католического национального духовенства, офицеров югославского происхождения из Военной Границы, подмастерьев, ремесленной рабочей молодежи, рабочих-печатников, наконец, некоторой части дворянства³. Однако выводы В. Богданова не во всех своих частях достаточно аргументированы, а поэтому не всегда убедительны. В работе нет и объяснения предпосылок и мотивов включения той или иной социальной группы в национальную борьбу.

В советской исторической литературе проблема классовой базы иллирийского движения специально не рассматривалась. Но отдельные замечания и верные наблюдения по этому вопросу содержатся в соответствующем разделе сборника «Революции 1848—1849 гг.» (авторы В. Н. Кондратьева и В. И. Фрейдзон) и в учебнике «История южных и за-

¹ A. Barac. Hrvatska književnost od Preporoda do stvaranja Jugoslavije, knj. 1. Zagreb, 1954; J. Šidak. Ilirski pokret. Enciklopedija Jugoslavije, 4. Zagreb, 1960.

² V. Bogdanov. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848—49. Zagreb, 1949; он же. Historija političkih stranaka u Hrvatskoj. Zagreb, 1958.

³ Там же, стр. 97—124.

падных славян»⁴. Кратко социальные основы иллиризма освещены в «Истории Югославии»⁵.

Общественно-политическое и культурное иллирийское движение, охватившее в 30—40-х годах XIX в. Хорватию и Славонию и получившее некоторый отклик в соседних югославянских землях, было вызвано развитием капитализма в недрах разлагающегося феодального строя и формированием на этой основе хорватской нации. Оно получило свое название по ведущей идее — литературно-языкового объединения южных славян в «Великой Иллирии».

Иллирийское движение не имело строгих организационных форм, официально принятой программы (ее роль выполняли отдельные сочинения руководящих деятелей национальной борьбы). Не было среди его участников и даже внутри руководства единства взглядов и стремлений. Культурные и особенно политические тенденции иллиризма были довольно расплывчаты. Все это в немалой степени определялось социальным составом его участников, характером классовой базы этого движения.

В свою очередь в силу указанного характера иллирийского движения при решении вопроса о его социальной базе не следует брать за критерий безоговорочное и полное принятие тем или иным деятелем или социальной группой программных требований, выдвигавшихся руководством иллиризма. Для установления принадлежности отдельного лица или группы лиц к иллирийскому лагерю достаточно, на наш взгляд, выявить практические формы их участия в национальном движении независимо от того, была ли то подписка на национальные издания, сбор народных песен, или политические действия.

В настоящей статье делается попытка марксистского освещения социальной базы иллиризма до 1848 г.⁶ С развитием революции в Австрийской империи в расстановке классовых сил и национальном движении Хорватии и Славонии произошли серьезные изменения. Поэтому проблема национальной борьбы в Хорватии и Славонии в 1848—1849 гг. может и должна иметь право на самостоятельное исследование.

Иллирийское движение по социальному составу было неоднородным. В нем участвовали различные слои и группы хорватского общества. Известным показателем этого может служить, в частности, социальный состав собравшихся на торжественном вечере, устроенном иллирийским активом в 1847 г. по случаю открытия Народного дома. Здесь присутствовали аристократы, великие жупаны, главы и служащие различных учреждений, дворяне, генералы, полковники, представители высшего и низшего духовенства, а также мелкие чиновники, учителя, литераторы, горожане, торговцы, ремесленники и т. д.⁷ Эти данные, отражая социальную пестроту участников иллирийского движения, вместе с тем подтверждают видную роль в иллиризме хорватского дворянства. В этом убеждают и другие материалы. Один из ведущих деятелей национальной борьбы Б. Шулек в 1844 г. прямо указывал, что «иллирийские патриоты большей частью дворяне»⁸. По сообщению журнала «Даница иллирска», в 1841 г. на шестом полугодовом собрании членов Народной читальни в Загребе присутствовали многочисленные представители «из сословий духовных лиц, аристократов, дворян, ученых мужей и знатных горожан»⁹. В состав Центрального

⁴ «Революции 1848—1849 гг.», т. I. М., 1952; «История южных и западных славян». М., 1957.

⁵ «История Югославии», т. I. М., 1963.

⁶ Понятие «иллирийское движение» условно будет рассматриваться в статье применительно лишь к этому периоду.

⁷ «Danica horvatska, slavonska i dalmatinska», 1847, br. 7, стр. 28. (В 1836—1843 гг. этот журнал назывался «Danica ilirska»).

⁸ B. Sulek. Sta nameravaju Iliri? Biograd, 1844, стр. 112.

⁹ «Danica...», 1841, br. 6, стр. 21.

комитета Хорвато-славонского хозяйственного общества, образованного по инициативе иллиров, в 1847 г. входили шесть помещиков, пять духовных лиц, три горожанина, два представителя интеллигенции и один генерал¹⁰.

Хорватские помещики были участниками общественно-культурных мероприятий. Они посещали балы, музыкальные вечера, любительские театральные представления, устраивавшиеся с целью утверждения хорватского языка в обществе, пропаганды национальной культуры и распространения национальных идей. Например, на любительском театральном представлении в небольшом городке Крапине в октябре 1841 г. присутствовало более 500 человек, в том числе почти все видные загорские помещики¹¹. На представлении, организованном крапинскими иллирами в 1843 г., было почти все загорское дворянство, а также многие местные и крапинские аристократы¹². Горожане, дворяне и аристократы были представлены на балах, которые были даны на масленицу в 1843 г. Обществом стрелков и Загребе и прошли в духе иллиризма¹³.

О поддержке дворянством идей национальной борьбы свидетельствуют и другие данные. Представители его подписывались на газету и журнал, выпускавшиеся Л. Гаем, оказывая тем самым материальную поддержку этим изданиям¹⁴. Это был немаловажный факт, особенно в начальный период иллиризма, когда газета Гая выходила тиражом всего в 200 экземпляров¹⁵. Дворяне принимали непосредственное участие в иллирийских театральных представлениях, содействовали их организации¹⁶. Они давали денежные средства для основания национальных учреждений и обществ¹⁷, вносили значительные суммы в фонд «Матица иллирска» (для издания и распространения книг на хорватском языке)¹⁸, проводили на жупанийских скупщинах решения, содействующие развитию национального культурно-просветительного дела¹⁹, устраивали чествования Л. Гая²⁰ и т. д.

Наконец, хорватское дворянство было главной силой национальных политических выступлений. Центрами политической борьбы были жупанийские скупщины и сабор, где безраздельно господствовали дворяне. Во второй половине 40-х годов XIX в. в большинстве жупанийских скупщин численный перевес имели сторонники национального движения²¹. Наиболее сильными их позиции были в Вараждинской и Крижевацкой жупаниях. В Вараждинской жупании национальным идеям сочувствовал исполняющий обязанности великого жупана М. Лентулай²². Сторонниками их выступали здесь и первые вице-жупаны, фактически возглавлявшие жупанийское управление: М. Швагель (первый вице-жупан до 1846 г.)²³, С. Шимунчин (первый вице-жупан после 1846 г.)²⁴. С 1845 г. великим судьей в Вараждинской жупании был Иван Кукулевич-Сакцинский²⁵,

¹⁰ «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848». (Б. м.)

¹¹ «Danica...», 1841, br. 40, стр. 162.

¹² «Danica...», 1843, br. 36, стр. 144.

¹³ «Danica...», 1843, br. 9, стр. 36.

¹⁴ J. Horvati i J. Ravlić. Pisma Ljudevitu Gaju. Zagreb, 1956, стр. 27, 484.

¹⁵ J. Horvat. Kultura hrvata kroz 1000 godina. Zagreb, 1939, стр. 424.

¹⁶ J. Horvat i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 397 «Danica...», 1838, br. 14, стр. 56.

¹⁷ «Novine horvatsko-slavonsko-dalmatinske», 15.V 1847, стр. 154; 26.V 1847, стр. 166; 29.V 1847, стр. 170.

¹⁸ T. Smičiklas. Matica hrvatska od godine 1842 do godine 1892. Zagreb, 1892, стр. 49.

¹⁹ «Danica...», 1838, br. 21, стр. 81.

²⁰ «Путевые письма И. И. Срезневского из славянских земель. 1839—1842». СПб., 1895, стр. 240—241.

²¹ 29. Srpanj 1845. Vojni Sisak, 1870, стр. 35, 42.

²² Там же, стр. 30—31.

²³ «Novine...», 21.X 1846, стр. 352.

²⁴ Там же.

²⁵ T. Smičiklas. Život i djela Ivana Kukuljevića-Sakcinskoga. Rad JAZU, knj. 110, стр. 139.

наиболее авторитетная и деятельная фигура в иллирийском движении в этот период. В Крижевацкой жупании иллиризму содействовали первый вице-жупан И. Зидарич²⁶ и судьи Людевит Вукотинович и Немчич-Гостовинский²⁷. На жупанийской службе здесь был также Ф. Жигрович, деятельный участник национальной борьбы²⁸, и др. В 40-х годах решения скупщины Вараждинской и Крижевацкой жупаний, направленные на защиту автономии Хорватии и Славонии, целиком отвечали политической линии иллиризма²⁹.

Видная роль хорватского дворянства в иллиризме определялась не столько численностью участвующих в том или ином национальном мероприятии помещиков, сколько их политическим весом, влиянием, опытом общественной деятельности, наконец, активностью.

Различные слои хорватского дворянства в национальном движении были неодинаково деятельны. Иллиризм имел наибольшее распространение в Хорватии, где преобладало мелкое и среднее дворянство. В Славонии — области преимущественно крупных помещичьих хозяйств — он заметного успеха не имел. В жизни жупаний решающую роль играли средние помещики³⁰. Из среды средних и мелких землевладельцев выделялись на жупанийских скупщинах в аппарат местного управления сторонники национального движения. Наконец, из небогатой помещичьей среды вышли два ведущих деятеля иллирийского движения — Кукулевич-Сакцинский и Вукотинович. Все это дает возможность заключить, что среднее и мелкопоместное дворянство было главной движущей силой иллиризма и одним из его руководителей.

Предпосылки общественно-национального выступления части дворян следует искать в тех серьезных изменениях, которые произошли в экономическом и политическом положении хорватского господствующего класса.

В первой половине XIX в. крепостное хозяйство в Хорватии и Славонии переживало кризис. Кризисные явления стали особенно заметными к середине столетия. Они находили свое проявление в серьезных экономических трудностях, с которыми столкнулись хорватские помещики в своей хозяйственной деятельности, с одной стороны, и нараставшей крестьянской борьбе — с другой.

В рассматриваемый период помещичьи хозяйства в Хорватии и Славонии в целом носили товарный характер. Они были тесно связаны с внешним и внутренним рынком. Их товарность особенно поднялась в период наполеоновских войн³¹. Но с окончанием военного времени, особенно со второй четверти XIX в., обстановка резко изменилась. Понижение спроса на хлеб в Европе, резкое усиление конкуренции русского и венгерского зерна затруднило сбыт продукции хорватских помещичьих хозяйств, которые на австрийском и внешнем рынке выступали в первую очередь как поставщики товарного зерна³². Неразвитый внутренний хорватский рынок, открытый к тому же для венгерского хлеба, не мог поглотить растущей товарной продукции местных помещичьих хозяйств. Втянутые в ры-

²⁶ «Danica...», 1840, br. 13, стр. 51.

²⁷ «Znameniti zasluženi hrvati». Zagreb, 1925, стр. 198, 285.

²⁸ 29. Srpanj 1845, стр. 8; «Znameniti... hrvati», стр. 297.

²⁹ 29. Srpanj 1845, s. 30, 31, 35, 39; «Novine...», 21.X 1846, стр. 352; 24.X 1846, стр. 356; 26.X 1846, стр. 430; 22.V 1846, стр. 162; 2.VI 1846, стр. 174; 9.VI 1846, стр. 181.

³⁰ F. Šišić. Ban Josip Jelačić. «Savremenik», 1909, br. 7, стр. 371.

³¹ Подробнее об этом см.: И. И. Лециловская. К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и развитии капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве Хорватии и Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в. УЗИС, т. XVIII. М., 1959, стр. 133—138.

³² И. И. Лециловская. Из истории торговли Хорватии—Славонии в конце XVIII—первой половине XIX в. УЗИС, т. XXIV. М., 1962, стр. 228—229.

ночные отношения хорватские помещики были вынуждены решать проблемы капиталистической конкуренции, проблемы торгового производства.

Положение хорватских землевладельцев осложнялось еще и рядом других обстоятельств. Часть помещиков, особенно из южных районов Хорватии, столкнулась с рыночными трудностями значительно раньше, а именно после 1809 г., когда в результате передачи Австрией Франции засавских областей Хорватии и Военной Границы был нарушен важнейший торговый путь в Хорватии и Славонии и фактически закрылась возможность заморской торговли³³. В результате же банкротства в 1808 г. Вннерштадт-бапка, а затем — в 1811 г. — государственного банкротства, в итоге двух девальваций, проведенных в Австрийской империи, помещики лишились и тех денежных накоплений, которые удалось им сделать в период благоприятной торговой конъюнктуры, особенно в первую половину наполеоновских войн. В 1813—1819 гг. в Хорватии и Славонии был неурожай, голод, что привело к резкому повышению задолженности землевладельцев³⁴. Все это обострило процесс разложения феодального хозяйства и сделало его для земельных собственников особенно ощутимым.

Наиболее дальновидные землевладельцы, осознававшие невозможность дальнейшего ведения хозяйства в новых экономических условиях на старой технической основе и старыми методами, пытались найти выход из положения в отраслевой перестройке барских хозяйств в соответствии с требованиями рынка, в возделывании более рентабельных в рыночном отношении, чем зерно, технических культур и общей интенсификации сельского хозяйства³⁵. Но организация торгового хозяйства в свою очередь была связана с решением целого ряда экономических проблем.

Прежде всего для технико-экономической перестройки барских владений требовались капиталы, которых не было у помещиков, особенно мелких и средних. Ликвидация всякого рода порожденных феодализмом и искусственно возведенных Габсбургами преград, и не в последнюю очередь давящей таможенной системы, затруднявших накопление капитала в Хорватии и Славонии, была необходимым условием для выхода местных помещиков из тяжелого финансового положения.

Для ведения торгового хозяйства землевладельцам нужен был широкий и обеспеченный рынок для продажи сельскохозяйственных продуктов и сырья. Внешний и австрийский рынки в существующих условиях не были устойчивыми для хорватской сельскохозяйственной продукции. Не говоря уже о том, что крупные рынки сбыта хлеба находились от Хорватии и Славонии далеко, экспортные возможности этих земель искусственно ограничивались также установленными австрийским правительством высокими вывозными пошлинами и прямыми запретами. Центральная власть с помощью таможенной системы и экспортных запретов направляла вывоз сельскохозяйственного сырья и продуктов из Хорватии и Славонии в наследственные земли Габсбургов. Это давало возможность австрийскому рынку диктовать низкие цены³⁶.

Однако и австрийский рынок не был постоянным и широким рынком сбыта. Высокие таможенные тарифы затрудняли и сужали вывоз и в наследственные земли³⁷. Они отменялись только в годы войн и стихийных бедствий³⁸. Центральное правительство своей торговой политикой регули-

³³ Там же, стр. 225.

³⁴ И. Ткалац. Успомене из младости у Хрватској, књ. I. Београд, 1925, стр. 46—47.

³⁵ «List mesečni horvatsko-slavonskoga Gospodarskoga Društva», 1842. Priobćenje članovom horvatsko-slavonskoga Gospodarskoga Društva od upravljajućega odbora, br. 1, стр. 13.

³⁶ И. И. Лещиловская. Из истории торговли..., стр. 240—241.

³⁷ Там же, стр. 241—242.

³⁸ П. Ж. Пах. Первоначальное накопление капитала в Венгрии. Budapestini, 1952, стр. 63.

ровало вывоз хорватских сельскохозяйственных продуктов в наследственные земли в зависимости от интересов австрийских аграриев и буржуа.

Что же касается внутреннего рынка, узость которого хорватские помещики непосредственно ощутили в условиях кризиса барского хозяйства, развитие его упиралось в трудности промышленного строительства.

Решение проблемы рынка для хорватских помещиков невозможно было без ликвидации экономической и таможенной дискриминации, практиковавшейся австрийским правительством в отношении хорватских земель, с одной стороны, и упразднения феодальных ограничений, связанных с собственностью на землю, — с другой.

Наконец, организация товарного хозяйства в соответствии с потребностями капиталистического развития вынуждала к изменению экономической основы барских поместий, замене экономически несостоятельной барщины свободным наемным трудом. Новая техника, рациональнейшие формы земледелия, требовавшие тщательной обработки земли, были несовместимы с малопроизводительным подневольным трудом.

Но главную роль в определении позиции помещичьего класса относительно крепостного строя сыграло усиливавшееся крестьянское движение, притом не только и не столько в самих хорватских областях, как во всей империи. Именно крестьянская борьба показала дворянству невозможность сохранения старого строя и неизбежность его преобразования³⁹.

Указанные экономические проблемы наиболее остро встали перед средними и мелкими помещиками. Втянутые в товарное производство, но не располагавшие такой возможностью хозяйственного маневрирования, как земельная аристократия, они особенно сильно ощутили трудности перехода к новой хозяйственной системе: недостаток денежных капиталов, свободной рабочей силы и широкого рыночного спроса. Средне- и мелкопоместные дворяне, толкаемые объективной экономической обстановкой к перестройке своих владений на буржуазный лад, видевшие на примере некоторых крупных помещичьих хозяйств преимущества аграрно-капиталистического развития, но не имевшие необходимых материальных условий для реорганизации производства, оказались перед неизбежным разорением. Они остро почувствовали на себе теневые стороны перехода от феодализма к капитализму, которые усугублялись зависимым положением хорватских областей.

Так под воздействием экономических трудностей и нараставшего крестьянского движения во всей Австрийской империи эта часть дворянско-помещичьего класса скорее всего поняла необходимость ликвидации национально-политических преград для обеспечения широких возможностей накопления капитала и согласилась в конечном итоге, хотя и с огромным трудом, с неизбежностью освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Неблагоприятно для хорватского дворянства складывалась и политическая обстановка. Хотя к началу XIX в. автономия Хорватии и Славонии во многом Габсбургами была ущемлена, тем не менее за хорватскими землями формально еще признавалось право на автономное развитие, а некоторые из политических привилегий местного дворянства сохранили и фактическое значение. С конца XVIII в., желая достигнуть полного экономического и политического господства над хорватскими землями, венгерское дворянство стало упорно добиваться введения венгерского языка вместо латинского в официальный обиход Хорватии и Славонии, ликвидации остатков автономии этих земель и их территориального расчленения.

³⁹ Подробнее об этом см.: И. И. Лещиловская. Отмена крепостного права в Хорватии и Славонии в 1848 г. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». М., 1961.

Националистические действия руководства венгерского буржуазного движения заключали для хорватского дворянства угрозу отстранения от политической деятельности, потери служб. Б. Шулек в 1844 г. прямо заявлял, что в случае введения в Хорватии и Славонии венгерского языка в качестве официального хорваты потеряют свои служебные места ⁴⁰.

Вместе с тем в условиях постепенного обеднения большей части господствующего класса, возрастающего значения службы как дополнительного и даже, случалось, важнейшего источника дохода; разорявшиеся хорватские дворяне оказались сильно заинтересованными не только в сохранении за собой старых служебных мест, но и в расширении сферы доступных им и их сыновьям должностей как в гражданской администрации, так и в армии и, следовательно, в ослаблении политико-административной зависимости хорватских земель. Националистические действия венгерского дворянства наиболее сильно задевали интересы хорватских средних и мелких помещиков.

Некоторые дворяне опасались также, что с заменой латинского языка венгерским все законодательные акты и документация, фиксирующие их права на земли и кметов, потеряют силу.

Насильственная мадьяризация, оттеснившая на второй план националистическое давление со стороны австрийского господствующего класса, вызвала резкое недовольство среднего и мелкого хорватского дворянства политикой венгерских помещиков и подтолкнула его на борьбу за сохранение и обеспечение своего экономического и политического господства в хорватских землях. Но поскольку эта борьба развернулась в условиях роста капиталистических отношений и формирования хорватской нации, поскольку обуржуазивающиеся помещики в силу малочисленности и слабости буржуазии выполняли функции ведущей силы этого процесса и при этом сами ощущали пагубные последствия недостаточности и замедленности развития капитализма в Хорватии и Славонии, постольку их национальное выступление, хотя и не сразу и с колебаниями, вылилось в более широкое по своему содержанию движение за улучшение условий буржуазного и национального развития хорватских областей вообще.

Немногочисленные сторонники иллиризма были среди крупных помещиков и титулованной аристократии, как правило занимавших высокие должности. Родовитый граф Янко Драшкович являлся одним из идеологов национальной борьбы. Он был председателем загребской читальни ⁴¹. С самого начала иллирийское движение поддерживал граф Юро Оршич, один из самых богатых землевладельцев Хорватии ⁴². Близко к руководству движением стоял граф Альберт Нугент. Он участвовал в переброске «Брапислава» (нелегальной газеты, издававшейся Б. Шулеком в 1844 г. в Белграде) в Загреб, сотрудничал в «Данице» и другими средствами оказывал поддержку национальной борьбе ⁴³. Одним из активных и последовательных деятелей иллиризма был барон Драгойло Кушлан ⁴⁴. Сторонниками национального движения выступали также барон Метел Ожегович, явившийся инициатором создания иллирийской читальни в Вараж-

⁴⁰ B. Šulek. Sta nameravaju iliri?, стр. 81—82.

⁴¹ «Danica...», 1841, br. 6, стр. 21; T. Smičiklas. Matica hrvatska..., стр. 91—92.

⁴² 29. Srpanj 1845, стр. 12—15; И. Ткалац. Успомене..., кн. I, стр. 188; И. В. Козьменко. Дневник Ф. В. Чижова «Путешествие по славянским землям» как источник. «Славянский архив». М., 1958, стр. 152.

⁴³ 29. Srpanj 1845, стр. 11, 18—19; J. Ravlić. Tajno društvo za osnivanje slaven-skog carstva u puku «Karl Ferdinand», br. 51 u Veneciji god. 1844. «Radovi Instituta JAZU u Zadru», sv. III, Zagreb, 1957, стр. 136—138.

⁴⁴ J. Horvati i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 280—282.

дние⁴⁵, молодой граф Гюро Эрдеди⁴⁶, барон Пехарник⁴⁷, великий загребский жупан Никола Зденчай⁴⁸ и др.

О поддержке отдельными аристократами и высокими должностными лицами иллирийского движения свидетельствует их участие в работе читален в Загребе⁴⁹, Вараждине⁵⁰, местечке Нашице⁵¹ и других местах.

Однако среди примкнувших к иллиризму аристократов лишь единицы в той или иной мере разделяли программные требования движения, остальные поддерживали иллиризм, рассчитывая с его помощью ослабить венгерское либеральное движение, в усилении которого они усматривали опасность для своих экономических и политических позиций, и видя в первое время покровительственное отношение Вены к иллиризму. Лояльность этих аристократов относительно хорватского национального движения выражалась лишь постольку, поскольку это не противоречило политике австрийского правительства и допускалось ею. Свидетельством тому является письмо барона Кульмера Гаю от 15 января 1845 г. В нем барон предлагал Гаю держать иллирийское движение в удобных для Вены рамках. В противном случае Кульмер отказывался его поддерживать⁵².

В целом крупные земельные собственники отрицательно отнеслись к иллирийскому движению и составили лагерь его ярых противников — мадяронов.

Крупные помещики, располагавшие экономически мощными и устойчивыми хозяйствами и имевшие большие торговые связи, не ощущали серьезных экономических затруднений в условиях растущего влияния капиталистического рынка. Положение состоятельных землевладельцев Славонии облегчалось еще и тем, что они обладали повышенными конкурентными возможностями. Исключительно благоприятные естественно-климатические условия здешних мест позволяли производить высокий по качеству и относительно дешевый хлеб, не уступающий южновенгерскому.

Кроме того, многие аристократы вообще хозяйством сами не занимались, проживали в городах и получали в любом случае со своих латифундий солидные доходы. В силу всего этого земельную аристократию Хорватии и Славонии мало занимали вопросы экономического развития. У нее не было заинтересованности в поддержке среднего хорватского дворянства, расположенного к некоторым нововведениям в области экономики и политики.

В то же время определенные политические соображения и расчеты толкали местную знать в лагерь с венгерским господствующим классом. Известную роль в этом отношении играли многовековые экономические и политические связи хорватских земель с Венгрией, принадлежность многих аристократов к венгерской национальности, родственные и другие отношения. Немаловажным обстоятельством в данном случае было и то, что целый ряд крупных земельных собственников Хорватии и Славонии имел земли как в хорватских областях, так и в Венгрии. Так, один из самых богатых помещиков Славонии граф Исидор Янкович располагал рядом с поместьями Дарувар, Сирач, Пакрац и Стражеман в Пожегской жупании еще и земельными владениями в Венгрии⁵³. И, наоборот, вен-

⁴⁵ «Danica...», 1838, br. 21, стр. 81; «Novine...», 10.IV. 1847, стр. 114.

⁴⁶ 29. Srpanj 1845, стр. 23, 28; T. Smičiklas. Matica hrvatska..., стр. 116.

⁴⁷ 29. Srpanj 1845, стр. 8.

⁴⁸ Там же, стр. 19; И. Ткалац. Указ. соч., кн. I, стр. 196; J. Horvat i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 504.

⁴⁹ «Danica...», 1841, br. 6, стр. 21.

⁵⁰ J. Horvat i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 280.

⁵¹ «Novine...», 2.IX 1837, стр. 267.

⁵² V. Deželić. Pisma pisana dru Ludevitu Gaju i neki negovi sastavci (1820—1850). Zagreb, 1909, стр. 111—112; V. Bogdanov. Društvene i političke borbe u Hrvatskoj 1848—49. Zagreb, 1949, стр. 66.

⁵³ J. Kempf. O grofskoj porodici Jankovića—Daruvarskih. «Vjesnik kr. državnog arkiva u Zagrebu». God. IV. Zagreb, 1929, стр. 147.

герские магнаты были собственниками поместий в Хорватии и Славонии⁵⁴. Это содействовало сближению интересов крупных хорватских помещиков с интересами венгерских землевладельцев и определяло их стремление к упрочению связей между обеими областями.

Ориентация на Венгрию, укрепление союза с венгерским господствующим классом представлялись местной знати более надежной гарантией сохранения политических привилегий перед лицом централизаторских стремлений со стороны австрийского двора. Она не забыла германизаторского натиска Иосифа II, его попыток экономических реформ и потому опасливо следила за покровительственной политикой Вены в отношении хорватского национального движения.

Поддержка венгерских правящих кругов была в ее представлении условием сохранения ею занимаемых должностей. Она сулила аристократии, имевшей известный экономический и политический вес, надежду на получение новых высоких государственных постов и т. д. Руководители иллиризма отмечали стремление части хорватского дворянства к расширению своих прав как одну из непосредственных причин мадяроизма⁵⁵.

Большую роль в общественно-политической и культурной борьбе в Хорватии и Славонии в первой половине XIX в. сыграла интеллигенция: журналисты, писатели, адвокаты, врачи, аптекари, преподаватели, дворянские домашние учителя; служащие помещичьих имений, низшие купаньские чиновники. Она не была многочисленной, но большая часть ее концентрировалась в крупных городах, и это увеличивало ее общественный вес.

Интеллигенция была зачинателем иллирийского движения. В самом первом загребском кружке, возникшем на рубеже 20—30-х годов XIX в., где обсуждались вопросы национальности, языка, правописания, были Антун Мажураич, работавший тогда частным учителем, Векослав Бабукич, изучавший право в Загребе, Маракович, учитель находившегося в Загребе варшавского слависта Кухарского, Йосип Марич, клирик, Франо Курелац, учившийся в местной гимназии, Иван Деркос, юрист, и Лавослав Жупан, сын собственника типографии и книжной лавки в Загребе⁵⁶.

Представители интеллигенции составляли большую часть руководящих деятелей иллирийского движения. Людевит Гай, сын аптекаря в Крапине, был издателем первой хорватской политической газеты «Новине хорватске» с литературным приложением «Даница Хорватска, Славонска и Далматинска», собственником славянской типографии. Драгутин Раковац, имевший звание адвоката, вышел из семьи управляющего епископским имением. Он являлся первым редактором газеты «Новине...» и членом редакции, активным сотрудником «Даницы...». Раковац был первым секретарем хозяйственного общества. Ему принадлежало авторство программной брошюры иллиризма «Маленький катехизис для взрослых». Словак Богослав Шулек, сын учителя, был редактором газеты и журнала Гай в 40-х годах. Он издавал нелегальную газету «Бранислав», был автором программной брошюры «Каковы намерения иллиров?» Димитрие Деметер, по национальности грек, происходивший из влиятельной и богатой торговой семьи, имел медицинское образование. Деметер был наиболее деятельным лицом в борьбе за хорватский национальный театр. Адвокат Векослав Бабукич, выходец из горожан, был одним из главных сотрудников

⁵⁴ V. Koščak. Madžaronska emigracija 1848. «Historijski zbornik», 1950, br. 1—4, стр. 101.

⁵⁵ D. Rakovac. Mali katekizam za velike ljude. Zagreb, 1842, стр. 6.

⁵⁶ «Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода Возрождения». Варшава, 1894 (Сб. отделения русского языка и словесности императорской Академии наук, т. 64. СПб., 1899. Приложение № 10, стр. 17). Дж. Шурмин упоминает Раковаца, учившегося тогда в Загребе, и профессора Смодека, но не включает Жупана (Д. Šurmin. Hrvatski preporod, I. Zagreb, 1903, стр. 138).

национальных периодических изданий с начала их выхода. Бабукич написал первую грамматику литературного языка хорватов. В 1838—1846 гг. он являлся секретарем загребской читальни, а в 1842 г. вел секретарские дела и «Матицы». Бабукич был первым профессором на кафедре хорватского языка и литературы, учрежденной в загребской академии в 1846 г. Активно сотрудничали в иллирийских периодических изданиях братья Антун и Иван Мажураничи. Они вышли из зажиточной крестьянской среды, оба имели дипломы адвокатов. Яков Ужаревич, по образованию врач, одно время являлся секретарем «Матицы», в 1842—1845 гг. был главным сотрудником газеты «Новине...» и т. д.⁵⁷

Близкими к Гаю лицами были выходец из мелкопоместной дворянской среды мелкий служащий Степан Цар, разночинец Драгутин Галац, являвшийся одно время секретарем Гаю.

Интеллигенция не только осуществляла совместно с либеральными помещиками руководство, но была и одной из движущих сил иллиризма. Адвокаты, врачи, учителя, служащие барских поместий были членами иллирийских читален, в частности в Загребе⁵⁸, в местечке Нашице⁵⁹. Представители интеллигенции числились среди подписчиков на национальные периодические издания, активно участвовали в любительских театральных представлениях, пропагандируя таким путем произведение хорватской литературы и их патриотические идеи, а также содействуя распространению хорватского языка⁶⁰, материально помогали организации национального музея⁶¹, входили в состав акционерного общества, купившего в 1846 г. помещение для Народного дома, где разместились все организованные иллирами в Загребе общества. Адвокаты Янко Бриглевич и Петар Очич вошли в комитет по рассмотрению кассы Народного дома, составленный на скупщине членов акционерного общества в 1846 г.⁶²

Представители интеллигенции участвовали в агитационной кампании, проводившейся сторонниками национальной борьбы перед жупанийскими реставрациями⁶³. Они были среди жертв кровавой стычки между мадяронами и иллирами в 1843 г. и расстрела сторонников национального движения войсками в 1845 г.⁶⁴

Это была буржуазная по своему положению интеллигенция, происхождением связанная с дворянскими, буржуазными и мелкобуржуазными кругами.

Большая роль интеллигенции в иллирийском движении объяснялась переходным характером самой эпохи, которая знаменовалась складыванием буржуазной идеологии, оформлением литературного национального языка, подъемом на этой основе литературы, искусства, развитием науки. Силой общественного развития деятелей умственного труда, близким по условиям своей жизни к буржуазным слоям, предопределялась в этих условиях роль глашатаев нового мировоззрения и культуры, носителей буржуазной идеологии. Это был период оформления самой интеллигенции в массовую социальную прослойку и в связи с этим объективным повышением ее роли в общественной жизни.

⁵⁷ Данные о вышеуказанных деятелях почерпнуты из следующих изданий: «Znameniti... hrvati»; «Enciklopedija Jugoslavije», 1—5. Zagreb, 1955—1962; T. Smičiklas. Matica hrvatska...

⁵⁸ «Danica...», 1841, br. 6, стр. 21; br. 26, стр. 106.

⁵⁹ «Novine...», 2.IX 1837, стр. 267.

⁶⁰ «Danica...», 1841, br. 27, стр. 110; br. 19, стр. 74; 1846, br. 17, стр. 68.

⁶¹ «Novine...», 15.V 1847, стр. 154; 19.V 1847, стр. 158; 26.V 1847, стр. 166; 29.V 1847, стр. 170.

⁶² «Novine...», 26.VIII 1846, стр. 286.

⁶³ J. Horvati J. Ravlić. Указ. соч., стр. 310.

⁶⁴ 29. Sranj 1845, стр. 18—19.

Хорватская интеллигенция повседневно в своей деятельности сталкивалась с многочисленными ограничениями, порожденными феодальной эпохой. С укреплением общественных позиций у нее появилось стремление к реформированию существующего строя в целях улучшения условий и расширения сферы своей деятельности, т. е. к удалению преград, которые мешали подъему сельского хозяйства, промышленности и торговли, к установлению политических свобод и хорватской национальной самостоятельности, одним словом, к обеспечению в Хорватии и Славонии условий для свободного развития буржуазного общества.

Хорватская интеллигенция в первую очередь оказалась под влиянием поднимающегося национального движения в других славянских землях внутри и за пределами Австрийской империи. Многие представители ее, в том числе Гай, Деметер, Курелац, Ужаревич, И. Мажуранич, учились в Австрии и Венгрии, где вращались в кругу славянской молодежи, охваченной идеями национальной борьбы. Другие благодаря постоянному общению с литературой оказались в гуще национальных проблем Австрийской империи. Эти обстоятельства в немалой степени содействовали тому, что именно деятели умственного труда явились в Хорватии и Славонии инициаторами национальной борьбы.

Непосредственным толчком к национальному выступлению хорватской интеллигенции явилась насильственная мадьяризация. Введение в Хорватии и Славонии в качестве официального венгерского языка в тот период, когда его никто здесь не знал, означало для местной интеллигенции ослабление ее общественных позиций, отстранение от служб и лишение материальных средств к существованию.

Отмечая большую роль интеллигенции в иллиризме, следует вместе с тем подчеркнуть, что она, являясь общественной прослойкой, не была и не могла быть самостоятельной политической силой. Верхи ее, вышедшие из дворянства и состоятельной буржуазии, по условиям жизни близкие к ним и тесно связанные с ними в своей деятельности, отражали политические и экономические тенденции капитализирующихся помещиков и зажиточной торгово-промышленной буржуазии. Разночинное крыло интеллигенции, жившее в условиях, близких к тем, в которых находилась мелкая буржуазия, не могло не стремиться к выражению интересов более широких слоев населения.

В торгово-промышленной среде не было единства в отношении общественно-национальных проблем. Часть ее поддержала иллирийское движение. Его сторонниками были богатые купцы и предприниматели братья Н. и А. Враницани. Последний, в частности, финансировал газету «Бранислав»⁶⁵. Активным деятелем иллиризма был торговец Ф. Ловрич. Сотрудник гаевских изданий, член хозяйственного общества, он возглавлял национальную борьбу в Сисаке⁶⁶. Дейтельно поддерживал национальное движение и сисакский торговец М. Чанч. Он финансировал агитационную кампанию, проводившуюся иллирами во время выборов⁶⁷. Сторонником национального движения выступал сам загребский судья И. Штайдахер⁶⁸. Судья Карловаца Д. Клубучарич был председателем местной читальни⁶⁹.

Как уже было сказано выше, «знатные горожане» числились среди членов загребской читальни. Очередной сабор ее членов в 1841 г. избрал торговца А. Поповича и адвоката И. Микучича ревизорами кассы театра

⁶⁵ 29. Srpanj 1845, стр. 18—19; J. Horvat i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 486—488; V. Bogdanov. Društvene i političke borbe..., стр. 16.

⁶⁶ J. Horvat i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 295.

⁶⁷ Там же, стр. 119—121.

⁶⁸ 29. Srpanj 1845, стр. 34.

⁶⁹ «Danica...», 1841, br. 8, стр. 29; 1846, br. 8, стр. 30.

и читальни⁷⁰. Лица, занимавшие высокие посты в городском управлении, были среди членов иллирийской читальни в Вараждине⁷¹. Торговцы участвовали в хозяйственном обществе⁷², а трое из них были в 1847 г. членами его центрального комитета. Встречались представители торгово-промышленного мира и среди лиц, которые добровольными пожертвованиями содействовали организации национального музея⁷³, среди членов акционерного общества по покупке помещения для Народного дома. Торговцы Ивап Маллин и Антун Носсан входили в упомянутый выше комитет по ревизии кассы Народного дома⁷⁴.

Особенно активно поддерживали национальные мероприятия торговцы Сисака и Карловаца. Это были важнейшие торговые центры Хорватии. Здесь сосредоточивались наиболее значительные в хорватских землях славянские торговые капиталы.

В 1839 г. в Сисаке состоялось первое любительское представление драмы Кукулевича-Сакцинского «Юран и София или турки под Сисаком». Все связанные с этим расходы покрыли сисакские торговцы⁷⁵. В следующем году сисачане пригласили новисадскую театральную труппу, дававшую представления на сербском языке и гастролировавшую до того в Карловаце. Все делалось за счет добровольных пожертвований. Как отмечала «Даница...», в Сисаке в этом деле особенно выделялись торговцы⁷⁶.

В 1840 г. торговое карловацкое собрание постановило все свои дела вести на «иллирийском» языке⁷⁷. В 1846 г. на заседании карловацкого городского магистрата совместно с избранной общиной в связи с выборами представителей на празднование 50-летия палатина было вынесено решение, направленное на защиту автономии Триединого королевства⁷⁸. А когда в 1847 г. хорватский сабор по предложению Кукулевича-Сакцинского принял решение о введении хорватского языка в качестве официального в Хорватии и Славонии, обусловив, однако, реализацию этого акта предварительным одобрением императора, г. Карловац выступил за немедленное введение решения сабора в жизнь⁷⁹.

Были проявления сочувствия и содействия иллирийскому движению и в торгово-промышленной среде других городов. Национальный натриотизм окрасил торжества, которые проводились в Загребе в 1842 г., где власти благосклонно относились к иллиризму, в связи с 600-летней годовщиной со дня провозглашения Загреба свободным королевским городом⁸⁰. Прямой поддержкой национальной борьбе провозвучал 30 июля 1845 г. протест загребских горожан, собравшихся в магистрате и на площади св. Марка, в связи с вооруженной расправой, учиненной правительственными войсками над сторонниками хорватского национального движения 29 июля того же года⁸¹.

В 1846 г. в Вараждине избранная община горожан постановила на своем первом заседании пользоваться в своих делах лишь хорватским языком и на нем вести делопроизводство⁸².

Упомянутые выше решения городских органов отражали позицию и

⁷⁰ «Danica...», 1841, br. 26, стр. 106.

⁷¹ J. Horvati i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 280.

⁷² «List mesečni horvatsko-slavonskoga Gospodarskoga Društva», 1842.

⁷³ «Novine...», 1847, 15.V, стр. 154; 19.V, стр. 158.

⁷⁴ Там же, 26.VIII 1846, стр. 286.

⁷⁵ «Danica...», 1839, br. 41, стр. 161—162.

⁷⁶ «Danica...», 1840, br. 44, стр. 174.

⁷⁷ «Novine...», 1840, br. 99, стр. 393 (D. Šurmin. Hrvatski preporod, II, стр. 169).

⁷⁸ «Novine...», 17.X 1846, стр. 347—348.

⁷⁹ V. Bogdanov. Društvene i političke borbe..., стр. 50.

⁸⁰ «Danica...», 1842, br. 38, стр. 150—151; br. 39, стр. 153—155.

⁸¹ 29. Srpanj 1845, стр. 26.

⁸² «Novine...», 2.XII 1846, стр. 402.

настроения целых групп внутри буржуазного класса, относившихся в основном к верхам этой среды.

Приведенные данные позволяют заключить, что в плинризме приняла участие часть торговцев и промышленников. В основном по своей национальной принадлежности это были славяне, по степени имущественной состоятельности — представители зажиточных кругов. Включение состоятельной славянской буржуазии в национальную борьбу произошло не сразу, заметным ее участие стало на рубеже 30—40-х годов, и особенно в 40-х годах XIX в. Наиболее высокую национальную активность проявляла зажиточная славянская буржуазия Хорватии, главным образом ее южных городов, где экономические позиции славянских торговцев и предпринимателей были самыми сильными.

У зажиточной славянской буржуазии было много общего с либеральным крылом дворянско-помещичьего класса. Национальная буржуазия в Хорватии и Славонии была весьма малочисленной как в силу экономической отсталости этих земель, так и большого веса в промышленности и торговле представителей других национальностей, в первую очередь немцев. К тому же, будучи связанной главным образом с торговым капиталом и наиболее ранними формами капиталистического промышленного строительства, она была экономически незрелой. Не говоря уже о мелких торговцах и предпринимателях, даже средние и крупные купцы и промышленники во многом зависели от австрийских и иностранных торговых и промышленных фирм⁸³, и поэтому даже зажиточные буржуазные хорватские круги не могли играть самостоятельной и решающей политической роли. Они имели возможность получить общественный вес лишь в союзе с частью господствующего дворянского класса и нуждались в его поддержке.

В положении буржуазии и помещиков в Хорватии и Славонии была, безусловно, существенная разница. Но в то же время экономическое, социальное и политическое развитие зажиточной торгово-промышленной буржуазии здесь имело некоторые специфические черты, обуславливавшие возможность установления буржуазно-помещичьего блока.

Хорватская торгово-промышленная верхушка была тесно связана с помещиками экономически. Национальная буржуазия (а она была в первую очередь торговой буржуазией), производя коммерческие сделки, обслуживала главным образом втянутых в рыночные отношения помещиков. Ее ростовщические операции на крупные суммы также в основном касались землевладельцев.

Немаловажным обстоятельством, сближавшим указанные слои, было то, что самые богатые торговцы и предприниматели, вкладывавшие средства в капиталистическое промышленное производство или обслуживавшие его в сфере обмена, продолжали одновременно обогащаться за счет использования феодальных институтов и отношений. Обходя благодаря своему богатству положение о сословном владении землей, а после 1844 г. официально пользуясь правом покупать землю⁸⁴, они бок о бок с феодалами-дворянами эксплуатировали крепостных крестьян в своих собственных и арендуемых поместьях. Кроме того, входя в состав магистратов — органов городского управления — представители торгово-промышленной верхушки осуществляли эксплуатацию кметов, принадлежавших свободным королевским городам. Так, имели земли и крепостных крестьян города Загреб, Карловац, Пожега и др.⁸⁵

⁸³ Sm. R. Bičanić. Doba manufakture u Hrvatskoj i Slavoniji (1750—1860). Zagreb, 1951, стр. 119.

⁸⁴ V. Bogdanov. Društvene i političke borbe..., стр. 83.

⁸⁵ «Novine...», 28.XI 1846, стр. 400; Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848; F. Taube. Historische und geographische Beschreibung des Königreiches Slavonien und des Herzogthumes Syrmien, Bd. III. Leipzig, 1778, стр. 28.

Примером такой недифференцированной деятельности может служить предпринимательство Франьо Райцера — крупного хорватского купца и промышленника. В прошлом ремесленник, Ф. Райцер благодаря удачным торговым операциям хлебом в начале XIX в. выбился в число видных и богатых торговцев. Наряду с торговлей Райцер занимался промышленным строительством. Он являлся самым крупным производителем поташа во всей Австрийской империи и был одно время собственником рудника и медеплавильного заведения в Рудах. Много лет Райцер был поставщиком императорского рудника в Идрии и в течение 30 лет держал на откупе сбор, взимавшийся на мосту в Карловаце и являвшийся главной доходной статьей этого города. Одновременно он был собственником нескольких домов в Самоборе, поместья Мирновец и арендатором (совместно с великим жупаном) десятка других помещичьих владений⁸⁶.

Наиболее крупные торговцы и предприниматели, используя свое богатство и связи, покупали дворянские дипломы⁸⁷ или другим путем приобщались к дворянству. В этом отношении весьма сложные фигуры представляли собой упомянутые выше братья Враницани. Они являлись крупнейшими в Хорватии и Славонии торговцами и промышленниками. Фамилия Враницани, получившая в первой половине XIX в. дворянство, была солидным земельным собственником. Она имела более 10 богатых поместий, организованных на феодальный лад⁸⁸.

Состоятельные хорватские буржуа до некоторой степени были связаны с дворянством и политически, участвуя от лица свободных королевских городов в работе хорватского сабора, хотя это участие было далеко не соразмерным с их численностью.

Тесная экономическая, а до некоторой степени политическая и даже социальная связь между зажиточными хорватскими торговцами-предпринимателями и обуржуазивающимися помещиками определяла политическую косность и ограниченность интересов национальной торгово-промышленной верхушки и известную близость ее устремлений с устремлениями либерального крыла дворянско-помещичьего класса.

Зажиточную хорватскую буржуазию, с трудом пробивающую себе дорогу в условиях всевозможных феодальных ограничений и давящей экономической политики австрийского правительства и в то же время враждебную широким слоям народа, с одной стороны, средне- и мелкопоместное дворянство, тяжело переносившее перестройку своих владений на капиталистический лад, с другой, объединял прежде всего страх перед крестьянским движением. Их сближала также заинтересованность, хотя и в разной мере, в том, чтобы облегчить и ускорить накопление капитала, поставить материальные государственные средства на службу своим интересам, т. е. обеспечить благоприятные условия для буржуазного развития.

Близкой была их позиция и по ряду экономических проблем, в частности по вопросу о рынке. Торговцы вывозили из хорватских гражданских земель преимущественно сельскохозяйственные продукты и ввозили промышленные товары. А те из них, которые занимались промышленным предпринимательством, реализовали в основном полуфабрикаты и сырье. И для помещиков, и для торгово-промышленной буржуазии вопрос о рынке сводился к сбыту продовольствия и сырья.

Отсюда сходным было, в частности, отношение названных социальных групп к австрийскому и венгерскому рынкам. Хорватские землевладельцы и состоятельные купцы имели известную заинтересованность в австрийском рынке и, наоборот, не ощущали такой надобности в вен-

⁸⁶ «Zbornik za narodni život i običaje južnih slavena», knj. XVII, sv. 2, стр. 321—322.

⁸⁷ F. Šišić. Ban Josip Jelačić, стр. 371.

⁸⁸ R. Bićanić. Doba manufakture..., стр. 416—417.

герском. Австрийские наследственные земли были важнейшими потребителями хорватского продовольствия и сырья и поставщиками необходимых хорватским помещикам и торговой буржуазии промышленных товаров. При этом в силу относительной слабости сельскохозяйственного производства Хорватии и Славонии местные землевладельцы и торговцы-оптовики не ощущали узости австрийского рынка, как, скажем, венгерские. Через Австрию и Триест в значительной мере осуществлялся хорватский экспорт за границу и импорт иностранных товаров. Даже Риека в первой половине XIX в. была преимущественно собирательной гаванью для триестского порта, который являлся важным международным рынком, где встречались купцы со всего света⁸⁹.

Хорватия-Славония и Венгрия, имевшие схожие естественноклиматические условия, подчиненные в равной мере экономической политике австрийского правительства со всеми вытекающими из нее запретами, ограничениями, поощрениями, имели похожий профиль хозяйственного развития, производили и потребляли близкую по характеру продукцию. Поэтому Венгрия, испытывавшая растущие затруднения в сбыте сельскохозяйственной продукции, не могла принять одноименные хорватские продовольственные товары и, не располагая развитой промышленной базой, обеспечить хорватских помещиков и торговцев такими промышленными изделиями, какие предоставляла австрийская промышленность. Хорватия-Славония и Венгрия претендовали также на одни и те же внешние рынки.

Вследствие этого хорватские помещики и купцы, ведущие внешнюю торговлю, в своем большинстве стремились к обеспечению благоприятных условий для использования, наряду с внешним, и австрийского рынка, но не к разрыву с ним. В 1848 г. в период павысшего подъема национальной борьбы в Хорватии и Славонии это нашло свое выражение в требовании либеральной буржуазно-помещичьей группировки установления свободной, беспопылиной торговли с итало-австрийскими провинциями империи⁹⁰, т. е. ликвидации неблагоприятной для хорватской торговли таможенной границы между австрийскими наследственными землями и хорватскими областями. С другой стороны, хорватским помещикам и торговцам-оптовикам не импонировало стремление венгерской оппозиции к эмансипации от австрийского рынка и установлению защитной таможенной системы на границах венгерского, с включением в него и славянских провинций. Конечно, все это не исключало других тенденций по вопросу о рынке в хорватской буржуазной среде, но главным, определяющим было указанное направление.

Объединяла помещиков и состоятельную славянскую буржуазию также опасность, которую таила в себе националистическая политика венгерских верхов. Защиточная хорватская торгово-промышленная буржуазия пошла, что реализация националистической программы венгерских помещиков отнюдь не расширит, но еще более сузит ее права. И, наоборот, свободное национальное развитие Хорватии и Славонии будет способствовать ее экономическому и политическому росту.

Наконец, требования, выдвинутые идеологами либерального дворянства, предусматривали некоторые изменения буржуазного характера в политической жизни, сулили расширение хорватского рынка. Это не могло не импонировать местной состоятельной буржуазии.

Все вышеуказанные моменты создавали предпосылки для совместных действий либеральных помещиков и состоятельной славянской буржуазии на поприще общественно-национальной борьбы. Однако хотя защиточная славянская буржуазия и приняла участие в иллирийском движении,

⁸⁹ R. Bićanić. Doba manufakture..., стр. 351.

⁹⁰ V. Bogdanov. Društvene i političke borbe..., стр. 157.

оно для нее не было определяющим. Славянские торговцы и промышленники до 1848 г. не выдвинули из своих рядов влиятельных политических деятелей, в лучшем случае это были лидеры местного значения и инициатива в борьбе была не в их руках.

Большая часть торговцев и промышленников в Хорватии и Славонии по разным причинам вовсе осталась в стороне от национальной борьбы. Даже в 1847 г. газета «Новине...» вынуждена была писать: «Мы не можем похвастаться тем, что наши горожане, вообще говоря, являются самыми большими друзьями народности, покровителями образования, опорой родины»⁹¹.

Особенно холодное отношение к иллиризму было в Осиеке. В корреспонденции из Осиека, помещенной в газете Гая за 1846 г., отмечалось, что жители этого города безразлично относятся к национальному языку, что вообще ни одно заведение или общество не смогло продержаться здесь длительное время. В этом городе иллирийский актив был малочислен, он не имел опоры в обществе и никакой активности не проявлял. По мнению корреспондента, в Осиеке насчитывалось наименьшее число подписчиков национальной газеты, во всяком случае, безусловно, меньше, чем в небольшом г. Крижевцы. Здесь плохо расходились книги, написанные на хорватском языке⁹².

Не было национального воодушевления и среди основной массы жителей Вараждина. Здесь господствовала атмосфера бездействия и безразличия к национальной борьбе. Вот как в корреспонденции из Вараждина, помещенной в газете «Новине...» за 1846 г., описывался этот город в связи с выборами жупанийской администрации: «Уже вчера, в воскресенье, стал наш обычно весьма мертвый город живее, как только сюда со всех сторон, но большей частью из Загорья, Загреба и Заладского комитата пахлынули пришельцы, чтобы быть участниками сегодняшнего торжества. Наибольшее внимание вчера привлекло прибытие простых дворян⁹³, которые после полудня совместно со многими патриотами в красных шапках⁹⁴ с крапинской музыкой и национальным знаменем на своих повозках... приехали в город. Начиная со вчерашнего дня, и на наших улицах сразу намного больше слышится наш национальный хорватский язык, что здесь, в Вараждине, на бесчестие всего нашего народа, иначе весьма редкое явление, потому что наши горожане настолько приняли с неких пор нрав, язык и обычаи немцев, что иностранец легко мог бы подумать, что находится не в хорватском городе, но в Аугсбурге или Франкфурте»⁹⁵.

Газета «Новине...» сообщала также, что в 1846 г. в Вараждине общество дилетантов давало театральные представления на немецком языке и предполагало продолжить их и в следующем году. При этом, как отмечалось в корреспонденции, помещение всегда было полно, а вырученные деньги предназначались обществом далеко не для национальных нужд⁹⁶.

Волна национального движения весьма слабо затронула жителей Пожеги и Крижевцев. Да и в самом Загребе торгово-промышленное население в целом держалось пассивно. Даже в 1846 г. «Даница...» сетовала по поводу бала, устроенного местными горожанами, на то, что здесь очень мало слышалась хорватская речь и даже сами входные билеты были написаны не на хорватском языке. «Это действительно достаточная характеристика нашего среднего сословия...», — с горечью заключал журнал⁹⁷.

⁹¹ «Novine...», 12.V 1847, стр. 149.

⁹² Там же, 14.XI 1846, стр. 384. О равнодушии осиечан к национальному вопросу говорит и А. Ткачевич в статье «Краткое описание долгого путешествия» («Danica...», 1847, br. 38, стр. 151; br. 39, стр. 155).

⁹³ Дворяне-однодворцы.

⁹⁴ Часть костюма иллиров.

⁹⁵ «Novine...», 21.X 1846, стр. 352.

⁹⁶ «Novine...», 17.IV 1847, стр. 124.

⁹⁷ «Danica...», 1846, br. 8, стр. 32.

Безразличие основной массы торгово-промышленного сословия к иллирийскому движению было связано с национально-политической пассивностью зажиточных ионациональных торгово-промышленных кругов, мелких торговцев и производителей, а также наемных работников.

У зажиточной буржуазии немецкой и других национальностей были отличные от хорватской буржуазии национальные устремления.

Многие мелкие торговцы и промышленники, проживающие не в свободных королевских городах, а в населенных пунктах, принадлежавших отдельным аристократам, находились в феодальной зависимости от землевладельцев. Поэтому они были заинтересованы в первую очередь в более или менее последовательной ликвидации феодальных порядков и утверждении буржуазных свобод, хотя в то же время пугались революционных действий. Выдвигнутые же руководством иллиризма требования были узкими и ограниченными, лишенными четкого социально-экономического содержания, и поэтому не могли привлечь их к движению.

Кроме того, националистические действия венгерского дворянства непосредственно, вплотную не затрагивали интересов этих элементов в такой мере, чтобы это могло оттеснить для них на второй план тяжесть экономического и политического гнета со стороны национального господствующего класса.

Наконец, участие в национальном движении в условиях Хорватии и Славонии требовало известных материальных затрат, поскольку все национальные заведения содержались за счет добровольных пожертвований и национальные мероприятия проводились за счет тех же средств. Для малосостоятельных слоев населения это был серьезный вопрос, безусловно удерживавший некоторых лиц, охваченных влиянием национальных идей, от практических действий.

Цеховые же мастера вообще боялись каких бы то ни было повсюду, видя в них угрозу своим привилегиям.

Но единичные случаи сочувственного отношения мелких торговцев и промышленников к национальному движению все же имели место⁹⁸.

Что касается учеников, подмастерьев, превращавшихся в наемных рабочих, и рабочих капиталистических предприятий, отсутствие у них интереса к иллирийскому движению объяснялось тем, что для них главной была социальная проблема, которая оттесняла вопросы иного, в том числе и национального, плана и которая не получила и не могла получить решения в программе движения.

Большой успех идеи иллиризма имели среди католического духовенства. Еще в 1839 г. редакция «Даницы...» отмечала, что среди ее подписчиков имелось довольно большое число представителей «почтенного, патристически настроенного духовенства»⁹⁹.

С самого начала в иллирийском движении принял участие Павло Штоос. Вице-архидьякон и жупник, он был одним из активнейших деятелей национальной борьбы¹⁰⁰. Активно сотрудничали в иллирийских периодических изданиях капеллан, затем профессор дяковской семинарии М. Топалович¹⁰¹, капеллан, позднее жупник Ю. Тординец¹⁰² и др. Близкими к Гаю лицами были семинарист, затем капеллан М. Броз, капеллан С. Финк¹⁰³. Организатором иллирийской читальни в г. Копривнице была группа патриотов во главе с местным жупником, почетным каноником А. Жувичем¹⁰⁴. Во главе организованного в Сисаке филиала хозяйствен-

⁹⁸ «Danica...», 1841, br. 27, стр. 110; J. Horvat i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 287.

⁹⁹ «Danica...», 1839, br. 18, стр. 71.

¹⁰⁰ S. Ortner. Život i djela Pavla Stoosa. Zagreb, 1907.

¹⁰¹ «Znameniti... hrvati», стр. 265.

¹⁰² «Znameniti... hrvati», стр. 266.

¹⁰³ J. Horvat i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 71, 156—157.

¹⁰⁴ «Novine...», 23.XII 1846, стр. 428.

ного общества стоял вице-архидьякон Ф. Каллабар, уступивший для организации опытного хозяйства и участок земли ¹⁰⁵.

Много капелланов, жупников и других представителей духовенства было среди лиц, сделавших добровольные пожертвования для организации национального музея ¹⁰⁶. Они составляли почти 30% членов хозяйственного общества ¹⁰⁷. По свидетельству проиллирийски настроенного священника А. Вебера Ткалчевича, в 1846 г. в районе Цветлина (Хорватия) не было дома жупника, где бы «со стены не приветствовала милосердная звезда с молодым месяцем» ¹⁰⁸. Во всей Славонии иллирийское движение наибольший отклик получило в Дьякове и его округе. Причину этого А. Вебер Ткалчевич видел в том, что Дьяково было местом пребывания епископа и многочисленного духовенства ¹⁰⁹.

К национальному движению примкнули отдельные представители высшего клира. Некоторое содействие иллирийскому движению оказывал дьяковский епископ Й. Кукович ¹¹⁰. Ему покровительствовал в известной степени сам загребский епископ Ю. Хаулик. Он возглавлял Хорвато-славонское хозяйственное общество и, исполняя обязанности бана, содействовал организации национального театра ¹¹¹. Одним из основателей хозяйственного общества являлся загребский каноник М. Вукович ¹¹². Он возглавлял также комитет по ревизии кассы Народного дома ¹¹³. Но представители высшего духовенства оказывали содействие национальному движению пока и поскольку оно не касалось политической сферы и не нарушало интересов правящей династии.

В основном национальная активность хорватского католического духовенства была связана с национальной и церковной политикой венгерского господствующего класса ¹¹⁴. Венгерские дворянские круги, желая полностью подчинить себе хорватские земли и расчистить путь для их колонизации, требовали отмены издавна действовавшего в них закона о запрещении протестантам иметь здесь недвижимую собственность и нести государственную службу. Этот закон одновременно обеспечивал господство в Хорватии и Славонии католического духовенства.

Венгерские помещики упорно добивались также введения венгерского языка в церковную жизнь и обязательного его знания всем духовенством. Это должно было стать условием возведения в сан священника ¹¹⁵. Выполнение подобных требований венгерских дворян привело бы к сужению материальной базы хорватского католического духовенства и падению его идеологического влияния.

Националистическая политика венгерских помещиков пробудила в среде местного католического духовенства стремление упрочить свои позиции в Хорватии и Славонии и создать самостоятельную хорватскую церковь.

Включение католического духовенства в общественно-национальную борьбу объяснялось и другими, дополнительными мотивами. Поскольку оно было неоднородным по своему положению, эти мотивы не были оди-

¹⁰⁵ Там же, 30.XII 1846, стр. 435.

¹⁰⁶ Там же, 15.V 1847, стр. 154; 19.V, стр. 158; 26.V, стр. 166; 29.V, стр. 170; 5.VII 1846, стр. 237.

¹⁰⁷ «List mesečni...», 1842.

¹⁰⁸ Эмблема иллиров. «Danica...», 1847, br. 39, стр. 156.

¹⁰⁹ Там же, стр. 155.

¹¹⁰ «Novine...», 21.X 1846, стр. 351; 3.X, стр. 331; «Danica...», 1847, br. 39, стр. 155; T. Smičiklas. Matica hrvatska..., стр. 10, 49.

¹¹¹ «Kolendar za puk. Za prestupnu godinu 1848», «Danica...», 1841, br. 6, стр. 22; 1842, br. 17, стр. 67.

¹¹² «List mesečni...», стр. 1842.

¹¹³ «Novine...», 26.VIII 1846, стр. 286.

¹¹⁴ См. дебаты на Пожунских сеймах 1830, 1832—1836 гг. (Đ. Surmin. Hrvatski preporod, I, стр. 83, 105—106).

¹¹⁵ П. А. Кулаковский. Иллиризм. Варшава, 1894, стр. 32—33.

наковы. Темп представителями низшего духовенства, из которых одни жили в нужде, другие испытывали, подобно мелким помещикам, экономические трудности в условиях развивающегося капитализма, третьи по характеру своей деятельности и условиям жизни приближались к интеллигенции, двигало стремление к буржуазным реформам в области общественной жизни и церкви. Некоторых представителей высшего клира, отнюдь не склонных к социальным и политическим нововведениям, как и некоторых светских аристократов, толкали к поддержке иллиризма политические соображения и расчеты на дальнейшее усиление влияния церкви на политическую и культурную жизнь области.

Православное духовенство, имевшееся главным образом в Славонии, несмотря на призывы со стороны руководителей иллиризма к объединению действий католиков и православных, активного участия в иллирийском движении не приняло. Объяснение этому нужно искать в следующих обстоятельствах. Прежде всего, низшее православное духовенство по положению весьма отличалось от католического. Оно было ограничено в правах и бедно. Его волновали вопросы улучшения материального положения, равноправия с католическим духовенством, вопросы, которые не находили открытой, официальной поддержки со стороны руководителей движения, не желавших рисковать своим союзом с католическим клиром. Определенную роль играли и национальные мотивы. Православное духовенство по национальной принадлежности было сербским. Формирование сербской нации сопровождалось подъемом сербского национального движения в Венгрии, идеологи которого были враждебно настроены к иллиризму. Сказалась, наконец, и религиозная рознь.

Православное духовенство в Хорватии и Славонии ориентировалось не на Загреб, а на Сремски Карловцы.

Национальная борьба захватила учащуюся молодежь, особенно католических семинарий. «Даница...» писала в 1846 г.: «Мы со всем правом можем гордиться духовной молодежью здешней (т. е. загребской. — *И. Л.*) семинарии. Эти молодые патриоты не только без всякого насилия основательно учат национальный язык, неустанно в нем упражняются (академическая молодежь могла бы последовать их примеру) и написанные на национальном языке книги прилежно читают, но паряду с этим стремятся пером и делом продвинуть вперед национальную литературу»¹¹⁶. Загребские семинаристы организовали во второй половине 30-х годов общество «Коло молодых патриотов» с иллирийской тенденцией¹¹⁷. Национальные идеи имели успех и среди учащихся дьяковской семинарии, где в 1847 г. регулярно по средам и субботам устраивались вечера, на которых собравшиеся обсуждали национальные дела¹¹⁸. Сочувствие национальной борьбе проявляли и другие учащиеся¹¹⁹. Иллиризм поддерживала также хорватская молодежь, учившаяся за пределами Хорватии и Славонии¹²⁰.

В загребской академии обстановка была менее благоприятной для вовлечения студентов в национальное движение, чем в семинариях, где среди наставников молодежи были сторонники иллиризма¹²¹. В 1844 г. среди профессоров академии было всего два хорвата¹²².

¹¹⁶ «Danica...», 1846, br. 29, стр. 118. Об участии загребских семинаристов в национальном движении см. также: «Danica...», 1841, br. 18, стр. 69; 1842, br. 17, стр. 67; J. Horvati i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 71—77, 122, 162—163, 449—450.

¹¹⁷ J. Horvati i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 71.

¹¹⁸ «Novine...», 1.V 1847, стр. 138—139; 29.V, стр. 171. О патриотической деятельности дьяковских семинаристов см. также: J. Horvati i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 360.

¹¹⁹ 29. Srpanj 1845, стр. 10.

¹²⁰ J. Horvati i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 380.

¹²¹ «Danica...», 1846, br. 29, стр. 118; «Novine...», 29.V 1847, стр. 171; J. Horvati i J. Ravlić. Указ. соч., стр. 225, 429.

¹²² V. Bogdanov. Društvene i političke borbe..., стр. 49.

В иллирийском движении приняли участие офицеры-славяне, служившие в Хорватии, Славонии и за их пределами, а также отдельные генералы¹²³.

Говоря о позиции учащейся молодежи и офицеров, нельзя не учитывать их тесную связь по происхождению, жизненным условиям, занятиям с другими социальными слоями. В этом отношении учащаяся молодежь, не будучи однородной, имела много общего в одной своей части — с дворянско-помещичьей средой, в другой — с буржуазией, в третьей — с духовенством или интеллигенцией. Близко к дворянско-помещичьим кругам стояло офицерство. В Хорватии была традиция в дворянских семьях, по которой первый сын отправлялся «служить королю». До 40 лет пребывал в армии Я. Драшкович, служил в гвардии Кукулевич-Сакцинский, был офицером М. Богович и др. Все они, выйдя в отставку, вернулись в лоно своего класса. Поэтому неудивительно, что учащаяся молодежь и офицеры, живя интересами названных выше классов и социальных групп, активно выступавших в иллиризме, живо откликнулись на него.

Что касается широких слоев населения — крестьян, в источниках нет каких-либо следов участия их в национальном движении. Надо полагать, что крестьянство целиком осталось в стороне от иллиризма. Причины этого крылись в непримиримости классовых интересов крестьян и помещиков, в узости и ограниченности программных требований иллирийского руководства, в нежелании его привлечь к активной борьбе эксплуатируемые массы населения и опереться на них.

Однако несмотря на то, что крестьянство в иллиризме не приняло участия, именно оно, бережно хранившее в условиях многовекового национального угнетения национальную самобытность и язык, было той социальной силой, которая обусловила возможность культурного хорватского Возрождения. Наиболее видные деятели иллиризма, создавая литературный язык, искали и находили в народных песнях, пословицах и поговорках лексический материал, сюжеты для своих литературных произведений. В крестьянском музицировании и попевках представители хорватского Возрождения черпали мелодии для патриотических песен-даворий, материал для молодого национального музыкального искусства.

Дворяне-однодворцы, обладавшие сословными дворянскими привилегиями, кроме права на владение заселенными землями, а в экономическом и культурном отношении мало отличавшиеся от крестьян, цепко держались за свои привилегии и потому выступали против каких бы то ни было изменений в политической и хозяйственной жизни хорватских земель. Часть дворян-однодворцев, особенно из привилегированной общины Турополе, стала опорой мадяронской группировки¹²⁴. Предки «простых дворян», как называли их современники, в большинстве своем получили привилегии от хорвато-венгерских королей и потому именно в Венгрии теперь видели гарантии их сохранения. Определенную роль в данном случае играло и то обстоятельство, что дворяне-однодворцы в значительной своей части находились в зависимости от крупных земельных собственников, которые, используя свое положение, привлекали последних в лагерь противников иллирийского движения.

Однако было бы неправильно говорить, что дворяне-однодворцы совершенно не приняли участия в хорватском национальном движении. На выборах жупанийских должностных лиц, например, часть их выступала

¹²³ «Novine...», 2.IX 1837; стр. 267; «Danica...», 1841, br. 6, стр. 21; 1839, br. 41, стр. 161—162.

¹²⁴ Деятели иллиризма объясняли мадяронство туропольцев именно боязнью за сохранность своих политических прав и привилегий (B. Šulek. Sta nameravaju iliri?, стр. 112).

в числе сторонников-кортешей Народной партии¹²⁵. Но их участие в политической борьбе на стороне иллиров было sporadическим и зачастую несознательным, если учесть невежество дворян-однодворцев, зависимость многих из них от помещиков, распространенность во время выборов так называемого кортешования. Оно заключалось в угощении видными феодалами дворян-однодворцев с целью привлечения их на свою сторону. Сторонники иллирийского движения, как и его противники, использовали подобный метод «агитации» для проведения в жупанийское управление своих кандидатов и втягивали таким путем дворян-однодворцев в сферу общественной борьбы.

Итак, иллирийское движение с точки зрения классового состава его участников было движением социально узким. Его основные силы составляли средне- и мелкопоместное дворянство, национальная интеллигенция, зажиточная славянская буржуазия, низшее католическое духовенство, учащаяся молодежь, национальные офицеры. К иллиризму примкнули отдельные представители светской и духовной аристократии, преследовавшие, как правило, при этом свои особые цели. Временами национальному движению оказывала поддержку часть дворян-однодворцев. Широкие народные массы не поддерживали иллиризм, что определило его общую слабость.

Организирующую роль в иллирийском движении играли либерально настроенные помещики и представители интеллигенции, проводившие политическую линию капитализирующегося дворянства и зажиточной буржуазии.

Социальный состав участников иллирийского движения дает возможность заключить, что оно не было «чистым» буржуазным выступлением. В целом это было движение обуржуазивающихся сил в период перехода от феодализма к капитализму.

¹²⁵ «Novine...», 21.X 1846, стр. 352; 8.VIII 1846, стр. 229; 22.VII, 1846, стр. 245; 29. Srpanj 1845, стр. 18—19.

В. Н. Кондратьева

ИЗ ИСТОРИИ ПОПЫТКИ ОРГАНИЗАЦИИ ВОССТАНИЯ В ГЕРЦЕГОВИНЕ В 1872 ГОДУ

(по русским архивным материалам)

В югославской историографии значительное внимание уделяется начавшейся в 40-х годах XIX в. пропаганде идеи освобождения и объединения южных славян. Этому посвящены работы Д. Страняковича, С. Иовановича, В. Чубриловича, В. Чоровича, М. Екмечича, В. Войводича и др.¹

Автор данной статьи поставил перед собой задачу привлечь к изучению некоторых эпизодов освободительной борьбы южных славян свидетельства русских дипломатических работников того времени, бывших непосредственными наблюдателями этой борьбы.

Известно, какого размаха достигла пропаганда идеи освобождения и объединения южных славян при князе Михаиле. Во всех югославянских областях имелись доверенные люди сербского правительства, которые систематически вели пропаганду в пользу освобождения южных славян от турецкого ига и затем объединения их с Сербией. В Герцеговине такими людьми были архимандрит Серафим Перович, его брат учитель Йово Перович, перомонах Леонтий Радулович и др.

Со смертью князя Михаила, возглавлявшего эту пропагандистскую деятельность, положение круто изменилось. Регентское правительство Блазнавца и Ристича было занято главным образом заботами о сохранении своей власти и умело отводило предложения об активизации деятельности сербского правительства на поприще освобождения и объединения южных славян, откладывая осуществление этой идеи на неопределенное время. Сербские регенты боялись потрясений, которые неизбежно вызвало бы освободительное движение, и в то же время не хотели, чтобы политические деятели этого движения группировались вокруг князя Николая, также желавшего стать во главе борьбы.

¹ Д. Страняковић. Србија — Пијемонт јужних словена. 1842—1853. Београд, 1932; он же. Политичка пропаганда Србије у југословенским покрајинама 1844—1858 године. Београд, 1936; С. Јовановић. Друга влада Милоша и Михаила. Београд, 1933; В. Чубриловић и В. Чоровић. Србија од 1858 до 1903. Београд; М. Екмечић. Покшаји организовања устанка у Босни 1860—1862 године. «Годишњак Историјског друштва Босне и Херцеговине», IX, 1957, Сарајево; В. Войводић. Рад Србије на политичкој пропаганди у Босни и Херцеговини (1868—1873). Београд, [Б. г.].

Русский генеральный консул в Белграде Шишкин писал 15 января 1869 г. директору Азиатского департамента МИД России Стремоухову, что вся деятельность гг. Блазнавца и Ристича «вместо того, чтобы следовать политической системе князя Михаила, она привела Сербию к совершенному бессилию на поприще внешней политики и к умножению партий и усилению вражды между ними на поприще внутренней политики»².

Сам Ристич признавал, что для Сербии в конце 60-х годов сложилась более удачная внешнеполитическая обстановка, чем ранее. «С политическим переустройством Австрии в 1866 году, — говорил Ристич 27 июля 1859 г. управляющему русским консульством в Белграде Трояновскому, — настала более счастливая пора для Сербии, которая имеет теперь своих соседом не могущественное деспотическое государство, постоянно угрожавшее ее самостоятельности, а раздвоенную монархию, занятую внутренними преобразованиями и ходом борьбы разных политических партий...». Однако, признавая выгодность внешнеполитического положения Сербии в тот момент, Ристич тут же добавил, что регентское правительство не намерено использовать данную ситуацию для сближения с народами, подвластными Австрийской монархии, в частности с венграми: «Тем не менее мы не вступали и не намерены вступать с венгерским правительством в какие-либо сношения относительно образа действий, коему мы должны следовать»³.

Регенты желали одного — сохранения существующего положения. Поэтому вместо активизации борьбы они взяли на себя роль примирителей партий и посылали своих эмиссаров к нетерпеливым с пальмовой ветвью. Так, в марте 1869 г. с миссией умиротворения в Нови Сад отправился архимандрит Никифор Дучич («с целью примирить образовавшиеся там между сербами партии и достичь их содействия политическому управлению здешнего правительства», — как писал Шишкин Стремоухову 24 марта 1869 года)⁴. Дучич не скрывал, что его поездка была предпринята по поручению наместников. Однако ему не удалось прийти к соглашению с новисадской Омладиной.

Отовсюду к регентам шли запросы и требования усиления борьбы. Шишкин писал Стремоухову 16—18 декабря 1869 г.: «Сербский агент в Букаресте, Цукич, донес Ристичу, что он имел свидание с греческим посланником при австрийском дворе, князем Ипсиланти, бывшим в Румынии для посещения своих имений, и что при этом князь настаивал на необходимости воспользоваться настоящею размолвкой египетского вице-короля с Портою для начатия общих действий против турок и расспрашивал весьма подробно о ходе военных приготовлений в Сербии»⁵.

Общественное мнение южных славян считало необходимым использовать момент франко-прусской войны для начала борьбы за освобождение, оно требовало начать борьбу против Турции, «пользуясь настоящим европейским замешательством»⁶ — сообщал 5 августа 1870 г. Шишкин Стремоухову.

С самого начала франко-прусской войны сербские газеты проводили мысль о необходимости «теснейшего сближения народностей на Балканском полуострове и о соглашении с Грецией и Румынией относительно разрешения восточного вопроса, дабы это разрешение последовало в их пользу, за исключением всякого иностранного чуждого вмешательства

² Архив внешней политики России, Главный Архив (далее — АВПР, ГА), V А₂, 1869 г., д. 255, л. 5.

³ АВПР, ГА, V А₂, 1869 г., д. 255, лл. 130—131.

⁴ Там же, л. 43.

⁵ АВПР, ГА, V А₂, 1869 г., д. 255, л. 232.

⁶ Там же, 1870 г., д. 257, л. 67.

ства»⁷, — читаем в донесении Шишкина Стремоухову от 16 ноября 1870 г. Толки о том, что хорошо бы воспользоваться франко-прусской войной как благоприятным моментом для начала восстания, имели хождение в Герцеговине⁸.

Ристич ссылался на плохую организацию сербского войска, «обрекающую его на бездействие», тогда как общественное мнение считало момент «самым удобным для начатия борьбы за полную независимость Сербии и освобождение единоплеменных братьев»⁹.

Деятели освободительной борьбы в странах, жаждущих свергнуть турецкое иго, надеялись на Сербию и еще не понимали двойной игры сербских регентов.

Летом 1870 г. в Белград приходили главари из Старой Сербии и Дибры «с предложением своих услуг и для получения наставлений от Регентства...»¹⁰. Но регенты не обратили на делегатов никакого внимания.

С Болгарским комитетом в Бухаресте регенты, как сообщал Шишкин 16 ноября 1870 г. Стремоухову, испортили отношения¹¹. Своими отношениями с Грецией они также не могли похвастаться. Они обвиняли Грецию в том, что она не принимает «никаких мер к приведению в готовность своих военных сил, и не скрывали своих подозрений, что эллинское правительство выдаст Сербию, если ему будут предложены какие-либо территориальные уступки со стороны Турции»¹². Эти разговоры доходили до греческого консула в Белграде, который извещал о них Афины. Греческий генеральный консул в Белграде, высказывавший ранее сомнения в готовности регентов «исполнить принятые князем Михаилом обязательства»¹³, сомневался теперь даже в прочности отношений, сложившихся между Сербией и Грецией на основе договора 1867 г.

Шишкин писал, что регентское правительство «не умело удержать за собою сочувствие и доверие, которое питали к нему хорваты и австрийские сербы. С одной стороны, ложный либерализм Регентства, с другой, явное недоброжелательство к своим братьям, живущим по ту сторону Савы и Дуная, восстановили против него всех сербов и с некоторого времени не одни только новисадские радикальные газеты наполняются самыми яростными нападками на сербских правителей, которых выставляют обманщиками и изменниками общему делу». Что касается хорватов, добавляет Шишкин, то они «отказываются от всякого дальнейшего соглашения с Сербией, уверяя, что тотчас после смерти князя Михаила вся переписка епископа Штроссмайера с покойным князем была в подлиннике выдана графу Андраши»¹⁴. Хорваты прямо обвиняли регентов в передаче Андраши этой переписки и заявляли, что считают этот акт бесчестным. В заключение Шишкин пишет о регентах, что из-за своего тщеславия, «руководимые желанием возвысить себя в ущерб всем прежним политическим деятелям своего отечества, гг. Блазнавац и Ристич старались только о разрушении всего созданного до их вступления в управление...»¹⁵.

Сербские регенты постоянно ссорились с черногорским князем. 19 апреля (1 мая) 1871 г. русский консул в Мостаре Иларионов писал Игнатьеву, что сербские регенты направляют в Баняны учителем Стояна Войновича, которому «поручено быть тайным агентом сербского намест-

⁷ Там же, д. 131.

⁸ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1871 г., д. 2332, л. 59.

⁹ АВПР, ГА, V A₂, 1870 г., д. 257, л. 67.

¹⁰ Там же, л. 132.

¹¹ Там же, л. 133.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ АВПР, ГА, V A₂, 1870 г., д. 257, л. 135.

¹⁵ Там же, л. 136.

ничества в Банях и стараться вселять в тамошних жителях надежду на Сербию, ослабляя уверенность их в помощь Черногории»¹⁶. Ни о каком действительном сближении между двумя княжествами — Сербией и Черногорией, которые должны были стать основным ядром в освободительной борьбе, в то время не могло быть и речи.

Князь Николай старательно поддерживал свой авторитет в Боснии и Герцеговине, зато «сербское регентство, по-видимому, только теоретически, в газетных статьях, показывает вид, что заботится о сближении со своими единоплеменниками по ту сторону Дрины»¹⁷. Архимандрит Дучич признавался, что сношения Сербии с деятелями освобождения Боснии и Герцеговины «не выходят из пределов простой журнальной корреспонденции и что ответом на постоянные запросы патриотов о необходимости пригласительной организации было соблюдение со стороны княжеского правительства молчания, посевающего недоверие к нему и уничтожающего последние надежды на поддержку Сербии»¹⁸.

К лету 1871 г. относится приезд в Белград черногорского священника и воеводы Перо Матановича и его беседы с полковником Блазнавцом. В Белград Перо Матанович приехал после долгого путешествия по России, Болгарии, Валахии и славянским землям Австрии. В беседах с Блазнавцом Матанович старался доказать, писал Шишкин Игпатьеву 13 июля 1871 г., «необходимость всеобщего восстания для освобождения христианских подданных Турции, найденную им во всех краях готовность начать действие и, наконец, особенно благоприятствующее к тому в настоящее время мгновение...»¹⁹. Перо Матанович «особенно старался выставить содействие, которое восставшие могут ожидать от Омладины, совершенно готовой по первому знаку подняться, и, наконец, потребовал категорического ответа, желает ли Сербия принять участие в общем движении и в таком случае какого материального пособия могут ожидать от нее восставшие христиане»²⁰.

Блазнавац потом говорил, что Перо Матанович «оставил его почти с угрозой насильственно вовлечь в движение Сербию, помимо ее правительства, которое отказом своим окончательно компрометируется в глазах своих единоверцев и единоплеменников»²¹.

После этого Перо Матанович обратился к герцеговинским и боснийским эмигрантам, живущим в Сербии, с призывом «бежать из Княжества и приступить к составлению чет, но все усилия, им сделанные, нашли благоприятный отзыв только со стороны архимандрита Пелагича, несколько месяцев тому назад бежавшего из Малой Азии, куда он был сослан турецким правительством»²².

«Сверх того, обещал ему также свое содействие для образования отрядов волонтеров известный... поручик нашей службы Влайкович, считающий себя главою здешней Омладины и недавно объезжавший, как говорят, по поручению Милетича, славянские области Австрии и бывший также в Валахии, где он вступил в личные сношения с проживающими там приверженцами молодой Болгарской партии»²³.

Ристич говорил Шишкину, что он получил из Боснии и Герцеговины несколько писем с запросом о том, нужно ли готовиться к скорому восстанию; он ссылаясь при этом на воззвание с печатью «Белградского комитета для организации освобождения христиан в Турции» и заметил,

¹⁶ АВПР, ГА, VA₂, 1871 г., д. 625, л. 57.

¹⁷ АВПР, ГА, V A₂, 1870, д. 257, л. 132.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, 1871, д. 258, л. 90.

²⁰ АВПР, ГА, V A₂, 1871, д. 258, л. 90.

²¹ Там же, л. 91.

²² Там же.

²³ Там же, лл. 91—94.

что «хотя он во всех этих пропсах и подозревает Влайковича, по для улики его потребовал присылки этих воззваний и поспешил возвестить своих боснийских и герцеговинских корреспондентов, что подстрекательства эти делаются помимо Сербии и ее правительства...»²⁴. Шишкин в конце донесения высказывал предположение, что «угрозы, высказанные Матановичем регентам и так часто повторяемые Милетичем в „Заставе“, останутся одними только фразами, и восстание, ими задуманное и долженствовавшее... возгореться в будущем августе месяце, будет ими же самими отложено вследствие отказа сербского правительства ему содействовать»²⁵.

После посещения Белграда Матанович уехал в Нови Сад, «где еще больше сблизился с сербскою Омладиной и ее вождем Милетичем, потом пропутешествовал по Далмации и посетил тайно некоторые части Боснии и, наконец, добрался до Рагузы, где и жил несколько времени»²⁶, — писал 3 мая 1872 г. Иларионов Стремоухову.

К весне 1872 г. относится посещение П. Матановичем Загреба. 24 апреля 1872 г. русский консул в Фиуме Березин сообщал в Азиатский департамент, что в Загребе происходило совещание «между четырнадцатью представителями чешской и хорватской пародных партий... Предметом совещаний были два вопроса: об установлении единства действий между чешской и хорватской партией в венгерском сейме и о совместном домогательстве возвращения Кошута»²⁷. По первому вопросу решено было избрать депутацию хорватов из трех человек для посылки в Прагу с целью «установления соглашения». Второе предложение вызвало оживленные прения, но большинством голосов было постановлено «отправить в Турин трех членов для приглашения Кошута»²⁸.

В это время в Загребе находился Перо Матанович. Здесь Матанович часто посещал Мразовича, у которого происходило особое совещание по вопросу о том, «насколько хорватская национальная партия готова поддержать славянскую революцию»²⁹. Эти факты подтверждает и Иларионов в письме из Рагузы к Стремоухову, ссылаясь на донесения австрийской полиции. Перо Матанович, пишет Иларионов, сошелся в Загребе «с народной хорватской партией и условился с нею в образе действия»³⁰.

Матанович заявил в Загребе, писал 24 апреля 1872 г. Березин Стремоухову, что Черногория и Сербия воспользуются благоприятным случаем, чтобы начать восстание. Хорватские представители отвечали, что «хотя национальная партия при настоящем положении дел и не может принять вооруженного участия в революции, но тем не менее она употребит все зависящие от нее меры для удержания внешней политики Австрии в нейтральном положении. Ввиду этого предлагается 1) войти в тесные сношения с сербами и чехами, 2) задержать соглашение между хорватами и мадьярским правительством и, наконец, 3) косвенно способствовать революции посредством добровольных пожертвований деньгами и военными припасами и вербовкой молодежи»³¹.

Весной 1872 г., как сообщал 8 марта 1872 г. Шишкин Стремоухову, приезжал в Белград генерал Стратимирович с секретной миссией к регентам «по поручению оппозиционной партии в венгерском сейме... Цель этих переговоров состояла в том, чтоб получить от регентов согласие на проезд в Белград Кошута, появление которого вблизи от Венгрии, где

²⁴ Там же, л. 92.

²⁵ Там же, л. 93.

²⁶ АВПР, ГА, I—9, 1871—82 г., д. 14, л. 9.

²⁷ АВПР, ГА, V A₂, 1872 г., д. 1033, лл. 10—11.

²⁸ Там же, л. 10.

²⁹ Там же, л. 11.

³⁰ АВПР, ГА, I—9, 1871—1872 г., д. 14, л. 9.

³¹ АВПР, ГА, V A₂, 1872 г., д. 1033, лл. 11—12.

он имеет огромное число приверженцев, могло бы содействовать низвержению стоящей ныне во главе правительства партии деакистов и составленного ею министерства. По уверению Стратимировича, партия, признающая своими вождями — в народе — Кошута, а в сейме — Гичи и Тишу, была бы гораздо уступчивее нынешней и могла бы легче вступить в соглашение со славянскими народностями Австрии и признать как равноправность их с мадьярами, так и историческое право княжества сербского. Чтоб подтвердить это предположение, Стратимирович показывал регентам письмо, адресованное ему издателем пражской газеты «Politik», убедительно просившим его от имени чешской народной партии склонить регентов к оказанию Кошуту временного приюта в Белграде...»

И далее: «Регенты... решительно отказались от исполнения просьбы его, в том убеждении, что вмешательство их во внутренние затруднения Австро-Венгрии не принесло бы никакой существенной пользы для Сербии»³².

Мы уже останавливались на приезде в Белград представителя новисадской Омладины Ефрема Марковича для переговоров с регентами об организации восстания в 1872 г.³³ Шишкин писал об этом Игнатьеву 16 декабря 1872 г. Ефрем Маркович, изложив Блазнавцу план действий, просил помощи в этом деле. Блазнавец установил, что задуманное Омладиною предприятие «крайне шатко» и стал «убеждать Ефрема Марковича в несостоятельности представленного ему плана и», в частности, «невозможности привести его в исполнение при тех средствах, которые имеются у них в виду»³⁴. Блазнавец развил перед Ефремом Марковичем иной план действий, «более разумный». Ефрем Маркович обещал Блазнавцу оказать влияние на своих товарищей («уговорить своих единомышленников отложить свои действия и подчинить дальнейшую деятельность Омладины направлению княжеского правительства») ³⁵.

С этим заверением Ефрем Маркович уехал в Нови Сад. «На днях, как сообщил мне первый регент, — писал Шишкин Стремоухову 21 января 1872 г., — Ефрем Маркович, возвратившись в Белград, явился к нему, г. Блазнавцу, для сообщения последствий данного им обещания. Если верить его словам, Омладина отказывается до времени произвести общее движение между своими единоверцами и готова была бы подчинить свою деятельность вполне княжескому правительству, если бы некоторые влиятельные ее члены могли иметь ручательство в либерализме Регентства и в том, что они не должны будут удалиться совершенно с политического поприща»³⁶.

Однако деятели освобождения не оставляли мысли о скором восстании южных славян и не свертывали своей работы, несмотря на бездеятельность сербских регентов³⁷.

³² АВВР, ГА, V A₂, 1872, д. 259, лл. 194—196.

³³ См.: В. Н. Копдратьева. Новые материалы по истории объединенной сербской Омладины. «Ученые записки Института славяноведения», т. XX, М., 1960.

³⁴ АВВР, ГА, V A₂, 1872 г., д. 260, л. 113.

³⁵ Там же, л. 6.

³⁶ Там же.

³⁷ В начале 70-х годов большую работу среди южных славян проводят представители социалистического движения.

В конце мая 1871 г. в Белграде появилась первая социалистическая сербская газета «Раденик» («Работник»), «не только не довольствовавшаяся оправдывать все неистовства коммуны, но старающаяся распространить в сербском народе социальное-демократические теории Международной ассоциации рабочих», — писал Шишкин Стремоухову 14 июля 1871 г. (АВВР, ГА, V A₂, 1871 г., д. 258, л. 94). «Редактор-издатель этой газеты Джуро Лютич и десятка два молодых людей, служащих ему сотрудниками, не скрывают принадлежности своей к числу членов международной ассоциации и, отрицая все старинные законы и обычаи, служащие основой общественного и государственного устройства, стремятся к введению в Сербии того порядка вещей, который оказался столь же опасным, сколько не-

В.противовес политике регентского правительства, новисадская Омладина во главе с Милетичем вела работу по подготовке южных славян к активизации освободительной борьбы, к вооруженному восстанию народа против турецкого ига. В то время возник даже план поднять восстание порабощенных Турцией славян без участия Сербии³⁸. Весной 1872 г. «Омладина собрала отовсюду горячих юношей, вошла в сношение с некоторыми ускоками и послала их в Герцеговину и на границу Черногории»³⁹.

В начале 1872 г. герцеговинский ускок Иова Скобле пожелал немедленно вернуться из Черногории в Герцеговину. Он ходатайствовал об этом через русского консула в Рагузе А. С. Ионина. По этому поводу Игнатьев прислал Ионину письмо, в котором писал, что по представлению консула он ходатайствовал перед турецким министерством иностранных дел «в пользу Иовы Скоблы, прося свободного допущения его на родину и безопасного там пребывания... Сервер-паша пригласил боснийского генерал-губернатора принять инициативу возвращения сего славянина на родину...»⁴⁰.

В числе лиц, которые должны были активно содействовать развязыванию восстания в Герцеговине, был Петр Узелац. В 1863 г. он вместе с другим торговцем, Гутешей, был заключен в тюрьму в Военной Границе по обвинению в доставке оружия в Боснию⁴¹. Во время восстания в Боке Которской Узелац был там и «по требованию турецкого консула в Рагузе был выслан австрийскими властями из Бока-ди-Каттаро»⁴². После этого Узелац жил на Корфе, а в 1872 г. оказался в Фiume. Здесь пригласили его стать членом Читальницы. Узелац пытался объяснить свое пребывание в Фiume «разными доводами, более или менее неосновательными...»⁴³. Березин подозревал, что Узелац имел какую-то цель, «кото-

стоятельным в Париже» (там же, л. 94). И далее: «Безумные разглагольствования «Раденика» побудили французского агента обратить на оные внимание здешнего правительства, от которого он не скрыл, что получил от своего начальства приказание не только зорко следить за происками членов международной ассоциации рабочих, но даже возбуждать бдительность местных властей ввиду распространения столь опасного учения» (там же).

О предостережениях французского консула рассказал Шишкину второй регент, отметивший при этом, что он успокоил консула «относительно распространения учений международной ассоциации в Сербии, где пролетариат еще не существует и где народ слишком тверд в своей вере и привязан к существующему общественному строю, чтобы поддаться на приманку ложных теорий коммунистов и социалистов, и что ввиду этого княжеское правительство не считает нужным принимать какие-либо административные меры для прекращения газеты, осужденной заранее на естественную смерть» (там же, лл. 94—95). На это Шишкин заметил Ристичу, что, действительно, «сербский народ, состоя почти исключительно из земледельцев, мелких собственников, крайне консервативен и недоступен учению социалистов и коммунистов. Но в среде сербского общества, в особенности в городском населении, есть свой пролетариат, состоящий из мелких чиновников и значительного числа обанкротившихся мелких торговцев, между которыми учение, распространяемое международной ассоциацией рабочих, найдет ревностных последователей. И в прежнее время в рядах этого сербского пролетариата вербовались все заговорщики и государственные преступники. Чего же можно будет ожидать от них, когда они ознакомятся с теориями «Раденика» и захотят приводить эти теории в действие?» (там же, л. 95). «Возразив мне на это, что хотя он не может отрицать существование своего рода пролетариата в Сербии, мною указанного, регент присовокупил, что он считает его слишком малочисленным, чтобы быть опасным для государственного порядка» (там же). Шишкин, в заключение этого допесения высказывает мысль, что Ристич боится принять строгие меры против деятельности «Раденика», чтобы не утратить «свою мнимую популярность» (там же).

³⁸ См. об этом в кн.: М. Екмечић. *Ustanak u Bosni 1875—1878*. Sarajevo, 1960.

³⁹ АВВР, ГА, V A₂, 1872 г., д. 739, л. 81.

⁴⁰ Там же, д. 738, л. 96.

⁴¹ Там же, 1863 г., д. 1017, л. 85.

⁴² Там же, 1872 г., д. 1032, л. 2.

⁴³ АВВР, ГА, V A₂, 1872, д. 1032, л. 1.

рую и старается прикрыть то тем, то другим обстоятельством. Так, он объявил полиции, что приехал сюда повидаться со своими родными»⁴⁴; тогда как все родные Узелца жили в Военной Границе, в Лечском регimente. «... Вот уже почти два месяца, как он живет здесь, совершая от времени до времени свои поездки в Триест»⁴⁵.

Блазнавац и Ристич рассказывали также Шишкину, что «на днях являлся к ним прибывший из Герцеговины учитель Филипович, получивший воспитание в Белграде, и от имени наиболее известных тамошних (герцеговинских. — В. К.) воевод объявил им, что все приготовлено для начатия восстания в Герцеговине и что главари, считая долгом сообщить об этом княжескому правительству, просят его оказать им содействие по мере признаваемой возможности»⁴⁶.

Блазнавац и Ристич поручили Филиповичу «передать поглаварям, посланным его, чтобы они не рассчитывали ни на какое содействие и поддержку со стороны Сербии...»⁴⁷. Далее Шишкин пишет: «Хотя оба регента не скрывали от меня надежды, что столь решительный с их стороны отказ произведет отрезвляющее действие на герцеговинских поглаварей, избравших для начатия действия, по уверению Филиповича, Ильин день (20 июля), однако как тот, так и другой не утаили от меня своего убеждения, что эта новая попытка произвести восстание есть дело Омладини и в тайне поощряется князем черногорским»⁴⁸.

* * *

Донесения русских дипломатов дают некоторое представление о том, как шла подготовка к восстанию в Герцеговине.

Герцеговина была одной из самых легко воспламеняющихся провинций Турецкой империи. Народ здесь всегда готов был взяться за оружие. Крестьянство ее подвергалось систематическому ограблению. По Герцеговине в 60-х годах XIX в. в год взималось одной только десятины на 3 048,485 пиастров, а всего налогов на сумму 6 559 174 пиастра⁴⁹.

Здесь, как и в других местах Турецкой империи, положение хатт-пумаюна не выполнялось. Безопасность личности и имущества по-прежнему отсутствовала. 15-я статья о равенстве всех подданных султана перед законом, безотносительно к религиозной принадлежности, оставалась на бумаге.

В государственных учреждениях славянских областей Турецкой империи голос христиан не имел никакого значения. В меджлисах все решали местные феодалы-потурченцы. Они бесконтрольно управляли на местах. Из личных выгод они старались поддерживать «хорошие отношения с турецким правительством...»⁵⁰, — писал управляющий консульством в Мостаре Якобсон в Азиатский департамент 10 сентября 1871 г.

Торговцы, пресмыкающиеся перед турецкими властями и равнодушные к судьбам народа, не пользовались в стране влиянием. Противостояли им молодые торговцы и интеллигенция, главным образом члены Омладини, почитатели идеи освобождения страны от турецкого ига. Народ ждал от этих людей помощи и надеялся на поворот к лучшему в своей судьбе.

Турецкое правительство бдительно следило за разрыванием борьбы подвластных Турецкой империи народов и принимало меры к тому, чтобы подавить любое освободительное движение в самом зародыше. Естественно, что турецкие власти знали о пропаганде освободительной борьбы,

⁴⁴ АВПР, ГА, V А₂, 1872, д. 1032, л. 1.

⁴⁵ Там же, л. 2.

⁴⁶ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1872 г., д. 1389, л. 47.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1872 г., д. 1389, л. 47.

⁴⁹ АВПР, ГА, V А₂, 1872 г., д. 627, л. 88.

⁵⁰ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1871 г., д. 2057, лл. 44—45.

которая велась в подвластных Турции славянских областях. В Герцеговине турецкое правительство усилило слежку и, желая предвосхитить восстание, приступило к репрессиям по отношению к передовым людям Герцеговины.

14 февраля 1870 г. русский консул в Сараеве Кудрявцев сообщил Игнатьеву, что внезапно в Герцеговине были одновременно арестованы два брата Перовичи; один, Серафим Перович был архимандритом Житомышлического монастыря, другой, Иван Перович, — учителем мужской школы в Мостаре. Обыск и осмотр бумаг Перовичей повлек за собой арест Гавро Вучковича в Сараеве, бывшего представителя боснийских православных при Константинопольском патриархе.

Причина этих арестов турецкими властями хранилась в глубокой тайне. Этому событию предшествовало посещение Перовичами России, поездка в Россию члена Славянского комитета сербского митрополита Михаила. Серафим Перович поддерживал постоянную связь с сербскими либеральными кругами, во главе с митрополитом Михаилом, а также с Милетичем. Этого было достаточно, чтобы держать братьев Перовичей в подозрении, что они являются русско-сербскими агентами.

Иларионов писал Игнатьеву 16 февраля 1870 г.: «Особенным же подозрением пользовался архимандрит Серафим, и Савфет-паша вскоре после своего приезда в Мостар говорил совершенно конфиденциально митрополиту, чтобы он имел особенный надзор за архимандритом Житомышлической обители, на том основании, что о. Серафим рекомендован турецкому правительству как человек весьма опасный и вредный»⁵¹. Архимандрита Серафима арестовал «чиновник политического отделения вилайета, известный негодяй, доктор Кечет и полковник полиции вилайета с несколькими запятыми, и при этом не было сочтено даже нужным соблюсти необходимые правила, употребляемые при обыске монастырей и аресте их начальников»⁵². Подробно осматривались при аресте архимандрита Серафима кельи монастыря, школа при монастыре, тщательно была обыскана церковь и осмотрены все богослужебные книги⁵³.

Пронесся слух, что австрийское правительство обратилось к Порте «с настоятельным требованием, дабы открыты были находящиеся в Боснии и Герцеговине лица, состоящие в сношениях с Россией и Сербией»⁵⁴. Внезапный осмотр бумаг Серафима Перовича и должен был открыть цели, преследуемые Россией и Сербией в Герцеговине.

Архимандрита Серафима привезли в Мостар. «Привезенный из монастыря под конвоем архимандрит Серафим не был передан по принятому в Турции обычаю митрополиту, но помещен под строгий караул в отдельную комнату в здании присутственных мест; брат же его заключен там же, но отдельно от него... На другой день Савфет-паша разбирал с митрополитом и Кечетом захваченные бумаги, и хотя и говорят, что будто бы найдено несколько компрометирующих писем из России и Сербии, а также некоторых герцеговинцев, но, видя желание вали обвинить во что бы то ни стало архимандрита Серафима и его брата, я полагаю, что письма даже самого пустого содержания будут признаны им за вполне достаточные для достижения желаемой им цели»⁵⁵, писал Иларионов Игнатьеву.

Бумаги Перовичей были запечатаны и отправлены в Сараево. Туда же решено было перевести и самих арестованных. «Арест обоих Перовичей, а особенно архимандрита Серафима, произвел самое тяжелое впечатление на православных мостарцев и, конечно, произведет не мень-

⁵¹ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1870 г., д. 2056, л. 7.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, д. 2332, л. 36.

⁵⁵ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1870 г., д. 2056, л. 8.

шее на остальных единоверцев наших, когда разнесется весть о нем по всей Герцеговине, где о. Серафим пользуется довольно большим влиянием»⁵⁶, — писал в том же донесении Иларионов.

Перед отъездом Савфет-паши из Мостара в Сараево Иларионов спросил пашу о причине ареста Перовичей, Савфет-паша ответил ему, что «в бумагах арестованных найдено достаточно их компрометирующего»⁵⁷. Кроме того, «найден несколько довольно свободных песен и статей в сербском народном духе у учителя монастырской школы Стояна Кулена, которому присоветовали перебежать в Австрию и потом пробраться в Черную Гору»⁵⁸, сообщал Иларионов Игнатьеву 23 февраля 1870 г.

Успел также бежать в Черногорию Алекса Якшич, находившийся «в тайных сношениях с братьями Перовичами и особенно с архимандритом Серафимом». Каймакам Невесинья получил приказ об аресте Якшича, но тому удалось бежать из невесинской тюрьмы. Иларионов писал 15 июля 1874 г. Игнатьеву, что Алекса Якшич «действовал на пользу родины своей и подобно некоторым другим герцеговинским патриотам хлопотал об избавлении Герцеговины от турецкого господства и о подчинении ее сербскому княжеству»⁵⁹.

Популярность братьев Перовичей сильно возросла после их ареста. «...Зная влияние архимандрита в Герцеговине и теперешнее и без того довольно значительное здесь брожение умов, не могу поручиться за сохранение спокойствия»⁶⁰, — писал Иларионов в донесении от 23 февраля 1870 г.

Гнусную роль в «деле» Перовичей сыграл боснийский митрополит Дионисий. Он вообще преследовал передовых людей вилайета, следил за ними и предавал турецким властям. Он травил Петрановича, Вуковича, Митровича, архимандритов Пелагича и Серафима Перовича, Леонтия Радуловича и Гавро Вучковича. Дионисий, как верный агент турецкого правительства, везде и во всем видел «происки панславизма» и «русско-сербской пропаганды». Он был одним из главных членов комиссии по делу Пелагича, теперь он стал одним из главных членов по делу Серафима Перовича.

Вслед за Перовичами был арестован мостарский купец Ковачевич — «содержатель питейного дома», в Сараево в это же время был произведен обыск у Гавро Вучковича и последовал его арест. Австрийский консул в Мостаре говорил Иларионову, что Савфет-паша придает очень большое значение этим арестам.

Иларионов писал, что цель всего этого дела заключалась «в желании придавить пробуждавшийся народный дух» герцеговинцев, показать, что «панслависты» ведут здесь работу «над разрушением турецкой империи»⁶¹. Генерал-губернатор Боснийского вилайета, желая утвердиться на своем посту, мечтал открыть заговор, направленный к свержению власти турок на Балканах. Савфет-паша в своих донесениях в Порту старался преувеличить сведения о «волнении умов» в Герцеговине, дабы оправдать свои требования об увеличении контингентов турецких войск.

Дело Перовичей было на руку Савфет-паше, он заявлял, что раньше шести месяцев оно не кончится, надеясь, по-видимому, обнаружить еще «агентов панславизма» и раздуть все дело до громадных размеров. Савфет-паша надеялся, что в награду за рвение недовольная им Порты оста-

⁵⁶ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1870 г., д. 2056, л. 9.

⁵⁷ Там же, л. 10.

⁵⁸ Там же, л. 17.

⁵⁹ Там же, 1874 г., д. 2406, л. 38.

⁶⁰ Там же, 1870 г., д. 2056, л. 17.

⁶¹ Там же.

бит за ним боснийское генерал-губернаторство. Как уже говорилось выше, ходили слухи, что австрийское правительство потребовало этих арестов.

Почему Австрия была заинтересована в обнаружении заговора по подготовке восстания в Герцеговине? Прежде всего ей не давала покоя деятельность славянских комитетов. Затем, во время восстания в Боке Которской в 1869 г., с которым австрийское правительство не могло справиться, турецкое правительство, выставившее свои войска на границе для локализации бокезского восстания, воспользовалось затруднительным положением Австрии и заняло своими войсками Суторину. Венскому правительству хотелось получить обратно Суторину, важный стратегический пункт в Далмации. Поэтому оно было не прочь, чтобы у Порты в Герцеговине создалась ситуация, аналогичная той, какая сложилась у них самих в Боке Которской в 1869 г. Если в Герцеговине возникнут волнения, то Австрия должна будет, в свою очередь, выставить на границе войска и снова легко овладеет Суториной⁶². Влияние австрийского правительства и даже прямой нажим в этом деле на Турцию русский консул Кудрявцев считал подтвержденным и тем обстоятельством, что австрийский генеральный консул в Сараеве Заретич «потребовал от одного босняка... сведений о четырех наших единоверцах, имена коих заключались на листе, присланном ему из Вены или из Константинополя»⁶³.

Арест братьев Перовичей и Гавро Вучковича вызвал тревогу и смуты среди населения Боснии и Герцеговины. Савфет-паша вернулся в Сараево, привезя с собой арестованного архимандрита. Кудрявцев спросил Савфет-пашу о причине ареста человека, пользовавшегося таким большим уважением в стране. Савфет-паша ответил: «Произведенные аресты суть не более как мера предосторожности, последовавшая не вследствие собственной инициативы, а предложенная высшим правительством»⁶⁴.

На другой день после приезда Савфет-паши в Сараево был начат в присутствии митрополита разбор привезенных туда бумаг Серафима Перовича. Для разбора этих бумаг была создана комиссия в составе Сунула-Эфпенди⁶⁵, бывшего председателя уголовного суда, митрополита Дионисия, редактора газеты «Сараевский цветник» Шакир Эфенди и еще трех чиновников. При обыске, у архимандрита было взято «несколько окружных посланий к своим соотечественникам, которые призывались быть готовыми к свержению с себя ига пятивековой тирании и гнета Османлиев»⁶⁶.

Кудрявцев посетил Савфет-пашу, который принял его в комнате, где комиссия работала и читала бумаги Перовича. «При входе моем к Савфет-паше, — сообщает Кудрявцев, — чтение прекратилось. Я воспользовался окружавшей меня обстановкой, — зеленый стол среди комнаты, наполненной бумагами с четырьмя чтецами, — чтобы узнать о положении дела арестованных». Савфет-паша сказал Кудрявцеву: «В настоящую минуту мы рассматриваем эти бумаги, а по окончании все это дело будет передано гласности и напечатано в местной официальной газете „Босна“»⁶⁷.

В своих донесениях Кудрявцев подробно освещает предательскую роль митрополита Дионисия: «Погубив молодого архимандрита Пелагича, ибо нет сомнения, что он мог спасти его от ссылки, он только может

⁶² АВПР, ГА, V A₂, 1870 г., д. 813, л. 6.

⁶³ Там же, д. 814, л. 38.

⁶⁴ Там же, л. 5.

⁶⁵ По другим документам — Сун-алла-эфпенди.

⁶⁶ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1870 г., д. 2332, л. 89.

⁶⁷ Там же.

ухудшить и запутать положение герцеговинского архимандрита»⁶⁸, Дионисий, как член комиссии, знал все, но молчал. «В виде слуха лишь сообщил он мне, что, как говорят, в одном письме своем (к кому неизвестно) о. Серафим выразился так: «Дай Бог нам встретить радостно светлый праздник Воскресенья Христова и окрасить красные яйца турецкой кровью»⁶⁹.

«Недавно при посещении мною генерал-губернатора он (Дионисий) заговорил об арестованном архимандрите и, в доказательство его виновности, вынул из своего портфеля письмо, которое дал мне прочесть. Это было воззвание к народу, в котором Серафим Перович призывает его к вооруженному восстанию, как к единственному средству свергнуть с себя ненавистное иго»⁷⁰. Это воззвание вместе с письмом сербского митрополита Михаила к Серафиму Перовичу послужило для турецкого правительства основанием для обвинения Серафима Перовича в государственной измене. Правда, воззвание не успели размножить и распространить, «приготовления не перешли в дело»⁷¹, как писал Кудрявцев, надевшийся, что приговор не будет слишком суров.

26 марта 1870 г. Кудрявцев сообщил Игнатьеву, что разбор бумаг архимандрита Перовича продолжается в комиссии, которая все пополняется новыми чиновниками вилайета, что Савфет-паша в течение часа допрашивал архимандрита в присутствии только одного переводчика. Далее в донесении говорится о содержании бумаг Серафима Перовича:

«1. Найдено письмо Мостарского Иеромонаха Леонтия Радуловича, в котором пишущий поздравляет о. Серафима с новым годом, в течение коего желает ему сделаться сербо-герцеговинским митрополитом, выражает убеждение, что, подобно бокезцам, герцеговинцы должны взяться за оружие, „за сабли, чтобы покончить со своими врагами-турками“.

2. Ответ о. Серафима о. Леонтию, написанный и запечатанный в день арестования архимандрита. Пишущий разделяет мнение мостарского иеромонаха и взывал о согласии и любви, подтверждает необходимость прибегнуть к оружию для избавления от турецкого ярма.

3. Воззвание архимандрита к народу, в котором он призывает христиан к любви и согласию, напоминает им славное прошлое и убеждает их быть готовыми к свержению с себя ига османлиев.

4. Печатное воззвание архимандрита к русскому обществу во время пребывания его в России, в котором упоминается о своеволии мусульман и о страданиях православного народа.

5. Письмо Сербского митрополита, в котором Преосвященный Михаил дает наставление придерживаться России и ее правительства и следовать политике Сербии, которая видит, что одна Россия ее защитница и помощница»⁷².

Серафим Перович признал все бумаги своими. После того как в его бумагах было найдено письмо мостарского иеромонаха Леонтия Радуловича, последнего 18 апреля 1870 г. арестовали и под конвоем отправили в Сараево. Леонтий Радулович был обвинен в связях с Серафимом Перовичем и, кроме того, в участии в последнем герцеговинском восстании. Кроме Леонтия Радуловича, сюда же был привезен протопререй г. Тузлы и учитель тамошней школы Петкович, ранее учительствовавший в школе при Житомирском монастыре.

«С первого до последнего заседания комиссии бумаги архимандрита запечатывались и распечатывались собственноручно митрополи-

⁶⁸ Там же, л. 90.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ АВПР, ГА, V А₂, 1870 г., д. 814, л. 25.

⁷¹ Там же, л. 26.

⁷² АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1870 г., д. 2332, лл. 91—92.

том»⁷³, — писал Кудрявцев Игнатьеву 19 апреля 1870 г. По этим документам Серафима Перовича старались обвинить в «возбуждении народа к восстанию».

7 апреля 1870 г. Кудрявцев сообщает Игнатьеву, что следствие по делу Серафима Перовича закончено и он предан главному вилайетскому суду под председательством Муфетеш-Хюкиам, членами которого состоят митрополит Дионисий и францисканский аббат фра Гырга Мартич, и что «архимандрит содержится под самой строгой стражей...»⁷⁴.

Савфет-паша твердо решил избавиться от Серафима Перовича и поэтому, даже еще не зная содержания захваченных бумаг, поручил митрополиту назначить другого игумена Житомысличского монастыря. Однако вследствие решительного сопротивления православной общины это распоряжение не было приведено в исполнение.

После ареста Перовичей в Мостаре все время царило возбуждение. Община подозревала митрополита Прокопия в сообществе с вали. Недовольство мостарцев было так велико, что по улицам Мостара все время разъезжали военные патрули, писал Иларионов Игнатьеву 18 апреля 1870 г., указывая также на большую популярность среди населения Герцеговины архимандрита Серафима, которому «никак нельзя было отказывать в чувствах патриотизма и в стремлениях способствовать к улучшению участи своих единоверцев»⁷⁵. Однако Иларионов «никак не мог предположить, чтобы оно было так велико на мостарцев и особенно на здешнюю общину...»⁷⁶. Православная община Мостара вторично послала прошение Савфет-паше, защищая в нем братьев Перовичей и прося вали вернуть их в Герцеговину, но он им не ответил.

Савфет-паша продолжал отыскивать «агентов», которые «работают» в Герцеговине «над свержением турецкого правительства»⁷⁷. Особенного внимания вали удостоился Требиньский уезд Герцеговины, так как Перовичи были требиньскими уроженцами и к тому же требинцы отличались храбростью и активно участвовали в восстаниях против турецкого ига.

После ареста Леонтия Радуловича последовал еще ряд арестов. «На прошедшей неделе были арестованы и отправлены в Сараево два православных христианина Попова-поля Иосиф Ковачевич и Лазарь Клишич и католик Иван Буквич, принадлежащие к числу тех четырех герцеговинцев, которые жили долгое время в Рагузе и писали оттуда жалобы султану на притеснения и несправедливости во времена Осман-пашы»⁷⁸, — писал Иларионов Игнатьеву 16 мая 1870 г. В Шумле были арестованы и посажены в Требиньскую тюрьму двое православных⁷⁹.

«Вечером в прошедшую среду, — пишет 23 мая 1870 г. Иларионов Игнатьеву, — были привезены в Мостар, под конвоем, два православных священника города Бихача, из Крайны в Боснии». На другой день эти священники были отправлены через Фочу и Таслидже в Сеницу и далее в ссылку. Это были отец и сын Кораны, которых обвиняли в «возмущении народа». Сослали их без суда из-за накаленной атмосферы вследствие дела Перовича. «Говорят, что оба священника замешаны в настоящих неудовольствиях христиан Крайны и в возбуждении их к переселению из Боснии, но ходят также слухи, что будто бы ссылка их находится в связи с делом арестованного уже прежде бихачского уроженца Гавра Вучковича»⁸⁰.

⁷³ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1870 г., д. 2332, л. 97.

⁷⁴ АВПР, ГА, V A₂, 1870, д. 814, л. 24.

⁷⁵ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1870 г., д. 2056, л. 30.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же, л. 34.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, л. 36.

Тем временем Серафим Перович, Иово Перович, Гавро Вучкович и другие уже четвертый месяц томились в тюрьме. Следствие было закончено, и дело находилось в Константинополе для вынесения окончательного приговора. «Все это в связи со слухами о многочисленных арестах и обысках в Герцеговине и о новых долженствующих вскоре начаться преследованиях навело страх на здешний народ. Никто не считает себя безопасным, всякий жжет свои письма, даже самые невинные, всюду мерещатся шпионы. Уверяют, что множество турецких эмиссаров, для отклонения подозрений переодетых православными торговцами, рыскают по всему вилайету и даже по княжеству Сербии, разведывая и донося обо всем в Сараево»⁸¹, — писал Игнатьеву 7 июня 1870 г. Якобсон, временно заменявший Кудрявцева.

В донесении от 19 ноября 1870 г. Кудрявцев сообщает Стремоухову: «Вся интеллигенция боснийского православного народа разогнана, повсюду террор и отчаяние, герцеговинские Перовичи, Сараевский Гавро Вучкович страдают в заточении от преувеличения своих ошибок, представленных митрополитом Дионисием, служившим им переводчиком; вражда посеяна между всеми, и все это дело рук Архипастыря...»⁸².

В ночь с 8 на 9 февраля 1871 г. Перовичи, Радулович и Гавро Вучкович из Сараевской тюрьмы тайно были отправлены по румелийской дороге⁸³. Это известие произвело гнетущее впечатление на мостарцев. «Архимандрит Серафим и другие, — доносил Иларионов Игнатьеву 20 февраля 1871 г., — разделяющие участь его, пользовались таким сочувствием и уважением христиан Герцеговины, что даже равнодушная вообще к делам народа православная община Мостара, совершенно погруженная в свои личные интересы, выказала в течение года, со дня ареста сосланных... большое единодушие и готовность помочь несчастным, ходатайствуя за них у генерал-губернатора вилайета, позабыв при этом постоянно присущий ей страх и свое низкопоклонство перед турецкою властью»⁸⁴. Община готова была дать выкуп за них Савфет-паше⁸⁵.

В начале мая 1871 г. пришло известие о бегстве В. Пелагича из Малой Азии, причем побег был осуществлен самым фантастическим образом. «Кроме архимандрита Пелагича, бежали еще два священника из Крайны, Кораны, отец и сын... Народ здешний предполагает, что и последние ссыльные Перовичи, Радулович и Гавро Вучкович сумеют воспользоваться примером своих соотечественников, возвращенных свободе милостью Божью, содействием доброжелателей и природною ловкостью»⁸⁶.

Здесь необходимо кратко остановиться на аресте Стояпа Ковачевича, известного герцеговинского ускока. Одним из ускоков, с которыми связалась Омладина в целях поднятия восстания в Боснии и Герцеговине, был, по-видимому, Стоян Ковачевич. Уроженец Гацко, он после герцеговинского восстания, десять лет назад, бежал в Грахово и принял черногорское подданство. Во время восстания в Боке Которской в 1869 г. он сражался в отрядах бокезпев и пользовался среди них большим уважением, и за проявленную доблесть «сербы из Воеводины, в Австрию, прислали ему даже в подарок хорошую саблю за его храбрость»⁸⁷, — писал Иларионов Игнатьеву 1 мая 1872 г.

⁸¹ АВПР, ГА, V А₂, 1870, д. 814, лл. 62—63.

⁸² Там же, д. 814, л. 124.

⁸³ Там же, 1871 г., д. 816, л. 16.

⁸⁴ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1871 г., д. 2057, л. 10.

⁸⁵ Там же, л. 10—11.

⁸⁶ Там же, д. 2333, л. 41.

⁸⁷ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1872 г., д. 2136, л. 57.

В апреле 1872 г., в чистый четверг на страстной неделе, Стоян Ковачевич направился в монастырь Косиерово в Банянах. По дороге туда он был остановлен пограничной турецкой стражей и арестован. Арест Стояна Ковачевича вызвал всеобщее возмущение. «Вследствие той любви и уважения, которым пользуется Ковачевич в Черногории, Герцеговине и Боке, дальнейшее содержание его под арестом не может иметь хороших последствий и далеко... не в выгодах турецкого правительства»⁸⁸. Из Банян Стояна Ковачевича привезли под стражей и заключили в тюрьму в Мостаре.

От имени Граховского воеводы 23 апреля 1872 г. прибыл в Мостар к мутессарифу Николай Пейович с требованием немедленного освобождения Стояна Ковачевича, под угрозой вторжения в пределы Турецкой империи черногорской армии. Пейович передал мутессарифу Нефи-эффенди письмо от граховского воеводы Даковича, содержащее требование немедленной выдачи Стояна Ковачевича. 26 апреля Пейович уехал в Грахово. Перед своим отъездом он просил нового русского вице-консула в Мостаре Славолубова ходатайствовать перед турецкими властями о снятии тяжелых оков с Ковачевича. Просьба была удовлетворена. С Ковачевича сняли кандалы и даже позволили ему выходить на прогулку в тюремный двор⁸⁹. Славолубов в своем донесении Игнатьеву от 29 апреля 1872 г. выражал опасение, что черногорцы могут захватить несколько турок для обмена на Ковачевича и может возникнуть серьезный конфликт⁹⁰. «Его черногорцы и герцеговинцы считают героем»⁹¹, — писал он. Славолубов обратился за разъяснениями по делу Стояна Ковачевича к мутессарифу. 25 апреля 1872 г. он лично виделся с мутессарифом, который «ограничился объяснением, что турецким правительством давно уже дано предписание об арестовании Ковачевича...»⁹². Русский вице-консул понимал, что арест Стояна Ковачевича стоит в одном ряду с делом Перовичей. «Вообще турки поставили себе задачей преследовать личности, которые более выдаются своими доблестными свойствами над поработленную массу»⁹³. Далее он пишет, что мостарцы хотят подать коллективное заявление о возвращении Серафима Перовича в Герцеговину.

29 апреля 1872 г. прибыл в Мостар адъютант черногорского князя Станко Радонич с письмом князя к сараевскому вали; в письме содержалось требование об освобождении Стояна Ковачевича. Станко Радонич посетил Славолубова, который писал об этом Игнатьеву 6 (18) мая 1872 г.: «Г. Радонич не скрывал от меня опасения черногорского князя, что в случае упорства турецкого правительства его светлости трудно будет удерживать черногорцев от враждебных действий к Турции, в особенности же Граховский батальон, поклявшийся отомстить за Ковачевича...»⁹⁴. 17 (29) мая 1872 г. Славолубов сообщает, что сараевский вали Асим-паша уклонился от переговоров с Радоничем, отослав его к только что назначенному новому герцеговинскому губернатору Рашид-паше. Радонич решил вернуться в Мостар и ждать там приезда нового паши. За три дня до возвращения Радонича из Сараева Славолубова посетил губернатор Герцеговины Нефи-эффенди. «В разговоре, коснувшись дела Ковачевича, Нефи-эффенди объявил, что на нем тяготеет множество обвинений и, между прочим, нижеследующее: будто бы несколько

⁸⁸ Там же, л. 60.

⁸⁹ АВПР, ГА, V А₂, 1872 г., л. 627, л. 13.

⁹⁰ Там же, л. 17.

⁹¹ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1872 г., д. 2058, л. 16.

⁹² Там же, л. 22.

⁹³ Там же.

⁹⁴ АВПР, ГА, V А₂, 1872 г., д. 627, л. 30.

лет тому назад Ковачевич пробрался в Столац с целью отомстить одному из тамошних бегов»⁹⁵ и якобы тогда он убил нескольких бегов.

Ожидавший приезда нового губернатора Герцеговины Станко Радонич выразил желание посетить Житомирский монастырь по случаю праздника Святой Троицы⁹⁶. Оттуда он вернулся с Дречем. Дреч и Лепова были вызваны Омладиной из Московского университета для участия в подготовке восстания в Герцеговине.

5 июня 1872 г. Славолубов писал Стремоухову, что в Мостар прибыли Дреч и Липова, «что же касается до Георгия Филипповича, то, по объяснению его товарищей, он проехал в Сараево — место своей родины...

... Г. Дреч, выразив мне сожаление о том, что поспешил оставить Московский университет, изъявил даже готовность отправиться в Константинополь для продолжения там медицинского образования, рассчитывая по получении надлежащего диплома снова вернуться в Мостар в качестве врача».

И далее: «... Г. Лепов был у меня всего два раза и оба раза в сопровождении г. Дреча, который на предлагаемые мною вопросы г. Лепову поспешил ответить за него. Это подало мне повод думать с самого начала, что г. Дреч, как более скрытный и сдержанный, опасался того, чтобы г. Лепов, в отсутствие его, в чем-либо мне не проговорился ... Молодые люди при представлении объявили мутессарифу, что г. Дреч намерен отправиться в Константинополь для продолжения изучения медицины, господин же Лепов предполагает остаться здесь впредь до приискания себе определенного занятия. Мутессариф, одоблив намерения г. Дреча, обещал снабдить его рекомендательными письмами в Константинополь». «Немалое мое удивление было, — продолжает Славолубов в том же донесении, — когда г. Дреч, на другой день отъезда г. Радонича в Сараево, а именно — 18 мая, мне объявил, что г. Лепов отправился в Острожский монастырь на праздник св. Троицы, присовокупив при этом, что г. Лепов, вероятно, проедет оттуда в Цетинье»⁹⁷.

1 июня г. Радонич сказал Славолубову, что Дреч рано утром уехал в Станьо «оттуда будто бы прислан был нарочный с тем, чтобы г. Дреч отправился туда немедленно для свидания с известным ему лицом, приехавшим из Цетинья»⁹⁸.

Радонич при этом сказал Славолубову, что об отъезде Дреча из Мостара известно только ему, Радоничу, и еще двум мостарцам и что Дреч будет отсутствовать не более двух дней, «... Г. Радонич присовокупил, что в день его отъезда из Цетинья прибыли туда из Сербии два молодых студента, равномерно получившие образование в России, о фамилиях коих г. Радонич не успел осведомиться по причине поспешности сборов своих в дорогу»⁹⁹.

Из Житомирска, как уже сказано, Радонич вернулся вместе с Дречем. Славолубов заинтересовался у Радонича результатами поездки Дреча в Станьо. «Г. Радонич с видом беспечности, — писал Славолубов Игнатьеву 12 июня 1872 г., — отвечал мне, что эта поездка окончилась пустяками и рассказал мне при этом сочиненную им заранее басню, а именно, что г. Дреч вызван был не в Станьо, а в Меткович и что ему там сообщено было лицом, неизвестным даже г. Радоничу, что будто бы ходатайство г. Дреча о высылке для него черногорского паспорта не может быть удовлетворено»¹⁰⁰. Радонич при этом просил Славолубова при свидании с Дречем «не расспрашивать его об отсутствии из Мостара.

⁹⁵ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1872 г., д. 2058, л. 31.

⁹⁶ Там же, л. 30.

⁹⁷ АВПР, ГА, V А₂, 1872 г., д. 627, лл. 39—41.

⁹⁸ Там же, л. 42.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же, д. 627, л. 49.

При посещении меня г. Дречем на другой день я не мог не спросить его о внезапном исчезновении из Мостара, так как курьер вверенного мне вице-консульства, возвращавшийся из Метковича с почтою, встретил г. Дреча, приближавшегося к Габелле и объяснившего курьеру, что он едет до Габеллы по своему делу и что оттуда проедет в Житомир¹⁰¹.

В том же донесении Славолубов пишет о слухе, появившемся в Мостаре по поводу того, что «в Герцеговине готовится восстание, в котором примут будто бы участие сербы, черногорцы, боснийцы, болгары, молдо-валахи и австрийская Воеводина. ... Заручившись ... заявлениями стольких народностей, герцеговинцы почувствовали себя довольно сильными к свержению мусульманского ига...»¹⁰². В Мостаре говорили, что эти сведения распространяются Дречем, который «в свою очередь узнал о том в Новом Саде от Милетича и Марковича»¹⁰³.

Славолубов пригласил к себе в гости Радоница и Дреча. В разговоре о судьбах славянства оба «единодушно высказались, что ныне самая благоприятная минута к восстанию за освобождение славян в Турции... Г. Дреч присовокупил при этом, что ... Россия... со своей стороны не преминет вступить в борьбу за свободу славян и что, по слухам, распространяемым в петербургских кружках, существует даже будто бы на сей предмет союз между Россией и Францией». Славолубов далее писал: «В духе славянского восстания проповедуется в газетах „Народный лист“ и „Черногорец“. В одном из последних номеров „Черногорца“ говорится, что „у општем народном устанку само е спасене наше“»¹⁰⁴.

Когда Радониц уехал, Славолубов посоветовал Дречу и Лепове пойти учителями в мостарскую школу, тем более, что архимандрит Михаил рекомендовал их мостарской общине¹⁰⁵. Дреч и Лепова последовали этому совету. «Направление преподавания, — пишет Славолубов, — вверено г-ну Дречу, которым составлена ныне программа обучения»¹⁰⁶. Однако «... местная власть приглашала к себе директоров мостарских училищ за сведениями о том, кто учителя, какие предметы преподаются и на какие средства содержатся училища»¹⁰⁷. Между тем не прекращались попытки добиться освобождения политических заключенных — братьев Перовичей, Радуловича и сидевшего в тюрьме Стояна Ковачича, в том числе и их освобождения путем побега. 20 августа 1872 г. Славолубов сообщил Игнатьеву: «18 августа, полчаса спустя после захода солнечного, бежал из тюрьмы, именуемой Куле, 16 арестантов, в том числе и Стоян Ковачевич»¹⁰⁸. Погоня была безуспешной.

К октябрю 1873 г. относятся хлопоты православной общины Мостара «об облегчении участи сосланных в Фезан архимандрита Серафима Перовича, брата его Иована Перовича и иеромонаха Леонтия Радуловича»¹⁰⁹. По этому вопросу обращались они к Славолубову за содействием. «По получении же письма Серафима Перовича в мае месяце сего года православным негоциантом в Рагузе Божо Босковичем, содержание которого стало известно общине Мостара, она стала просить Славолубова хлопотать „об избавлении от горькой участи жертв, павших вследствие интриг митрополита герцеговинского Прокопия и бывшего боснийского митрополита Дионисия...“»¹¹⁰.

¹⁰¹ Там же, лл. 49—50.

¹⁰² АВПР, ГА, V A₂, 1872 г., д. 627, л. 50.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, л. 52.

¹⁰⁵ АВПР, ГА, V A₂, 1872 г., д. 627, л. 98.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же, л. 77.

¹⁰⁸ Там же, л. 89.

¹⁰⁹ Там же, 1873 г., д. 629, л. 100.

¹¹⁰ АВПР, ГА, V A₂, 1873 г., д. 629, л. 100.

Славолюбов писал Игнатьеву 25 октября 1873 г., что возвращение в Герцеговину Перовичей «было бы поражением для их зложелателей митрополита Прокопия. Без сомнения, он употребит все усилия, чтобы воспрепятствовать, коль скоро это дойдет до его сведения, предположению о возвращении их в Герцеговину. А между тем возвращение это было бы поразительным эффектом для герцеговинцев. Они восприняли бы духом...»¹¹¹. Славолюбов далее просит Игнатьева ходатайствовать перед Портой, чтобы она перевела заключенных в Фезане хотя бы в другое место, не с таким тяжелым климатом.

К донесению приложен перевод письма архимандрита Серафима к Божо Босковичу в Рагузу от 30 декабря 1872 г., в котором он писал: «Мы еще находимся при жизни, но чрезвычайно тяжелой... Неужели судьба предназначила нам здесь, внутри Аравии, без всякой помощи умереть с голоду?... Пусть переведут нас из этого пекла в другое место...»¹¹². Кудрявцев просил вали ходатайствовать о перемене места ссылки хотя бы на Афонскую гору. Ознакомившись с делом Перовичей, Рашид-паша «пришел в ужас», заявив, что «архимандрит и его товарищи стояли, по словам обвинительного акта, во главе панславистического движения, имевшего целью отторжение от Турецкой империи Боснийского вилайета и присоединения его к Сербии... Рашид-паша говорил мне, — пишет далее Кудрявцев, — что ему невозможно ничего сделать ввиду таких тяжких преступлений, не компрометируя себя, тем более, что он имеет уже преемника, который сможет противопоставить ходатайству Рашид-паши противоположные данные»¹¹³.

Кудрявцев предложил Рашид-паше, чтобы подал прошение кто-нибудь из родственников архимандрита, и Рашид-паша перешил его в Порту. Кудрявцев отыскал жену покойного брата Перовича и прошение ее отдал Рашид-паше.

«Вдова взывала к милосердию Порты и ходатайствовала за архимандрита, брата его Иово и священника Леонтия Радуловича»¹¹⁴.

Рашид-паша отправил прошение в Порту. При этом он собственноручно написал, что «ввиду важности преступлений сосланных в Фезан, он не может ходатайствовать за их совершенное помилование, но что, препровождая прошение о них, считает долгом сказать, что по дошедшим до него известиям дело это было преувеличено, что спокойствие в Боснии и Герцеговине полное, что революционных признаков им нигде не замечено и что, как он слышал, архимандрит, состоя в высоком инокеском чине, пользовался уважением христиан, которые с глубочайшей признательностью отнеслись бы к милости правительства, если бы оно изменило место ссылки и перевело преступников в другую область»¹¹⁵.

В 1874 и 1875 гг. хлопоты за Перовичей все еще продолжались. Игнатьев в Константинополе вел переговоры с Портою «об облегчении участи сосланных в Фезан архимандрита Серафима Перовича, брата его Ивана Перовича и иеромонаха Леонтия»¹¹⁶.

* * *

Важнейшим документом, относящимся к описываемым событиям, является прокламация 1872 г.¹¹⁷ Появление ее было составным звеном в подготовке восстания в Герцеговине.

¹¹¹ Там же, л. 100—101.

¹¹² Там же, л. 102.

¹¹³ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1872 г., д. 2334, л. 115.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ АВПР, ГА, Посольство в Константинополе, 1874 г., д. 2060, л. 27.

¹¹⁷ См.: В. Н. Кондратьева. Новые материалы по истории объединения сербской Омладины. «Ученые записки Института славяноведения», т. XX, 1960.

16 августа 1872 г. Славолубов писал Игнатьеву из Москвы: «Несколько времени тому назад доставлено жителям Мостара несколько экземпляров печатной прокламации Луки Вукаловича». И далее: «Прокламация эта должна была произвести потрясающее действие на передовых людей Мостара; без того уже наэлектризованных стремлениями к свержению турецкого ига»¹¹⁸. 25 августа 1872 г. Ионин писал Стремоухову, что «прокламация Луки Вукаловича... есть подделка известного... Петра Узелца...»¹¹⁹, в донесении от 10 октября 1871 г. сообщал, что горячие головы из Омладины «печатают прокламации, публикуют в газетах (ими же фабрикованные) письма, например от Луки Вукаловича, постоянно загадочным образом ездят из одной страны в другую... Я могу указать на некоторых, как-то: Узелац, Угринич и др.»¹²⁰. 17 ноября 1873 г. Славолубов сообщал Стремоухову, что «похождения... Петра Узелца более или менее здесь известны, так как он находился в сношениях с покойным Лукою Вукаловичем». И далее: «... Прошлогодняя прокламация, подписанная Лукою Вукаловичем... была напечатана Петром Узелцом в Новом Саде и разослана им в нескольких экземплярах Омладине в Боснии и Герцеговине»¹²¹.

Действительно ли мог Петр Узелац написать эту прокламацию? По видимому, ему это было не по плечу. Он мог быть эмиссаром Омладины и в данном случае привез в Мостар экземпляры прокламации, но составить документ такой силы, как прокламация 1872 г., он, конечно, не мог. Нужно было быть революционным деятелем такого масштаба, как Милетич или даже как Светозар Маркович, чтобы написать воззвание, свидетельствующее о глубоком понимании социальных процессов того времени, международной обстановки и тех задач, какие стояли тогда перед южными славянами.

Составитель прокламации писал, что Россия поможет южным славянам, «но ожидать этого можно лишь тогда, когда славянские племена сами заявят о своих правах и сами восстанут»¹²².

Далее в прокламации дается оценка восстанию в Боке Которской в 1869 г. и подчеркивается, что здесь не было никакого постороннего влияния и вмешательства в борьбу, в которой народ «защищал свои святыя права и готов был скорее умереть, чем отступить... Австрия показала свою слобость, не в силах будучи подавить восстание она принуждена была согласиться на требования народа... австро-венгерские войска были истощены горстью кривошиян»¹²³.

Автор прокламации заявляет, что несколько не верит султанским реформам, объявляемым для поработенных Турцией народов: «Скорее луна начнет светить днем, чем Турция подвинется на шаг вперед»¹²⁴.

«... Все так идет и будет идти до тех пор, пока народ, придя в себя, сам не даст себе реформы, подобно тому, как это сделали наши братья в Сербии, когда им надоело иметь дело с султанскою челядью»¹²⁵. Прокламация рисует картину положения народа в Боснии и Герцеговине, произвола турецких чиновников — «всякий делает, что хочет, всякий располагает по произволу жизнью, имуществом и свободой бедного серба».

¹¹⁸ АВПР, ГА, V A₂, 1872 г., д. 627, л. 64.

¹¹⁹ Там же, л. 191.

¹²⁰ Там же, 1871 г., д. 737, л. 125.

¹²¹ АВПР, ГА, V A₂, 1873, д. 629, лл. 110—111.

¹²² Там же, 1872, д. 627, л. 65.

¹²³ Там же, л. 66.

¹²⁴ АВПР, ГА, V A₂, 1872, д. 627, л. 67.

¹²⁵ Там же, л. 69.

«Прогресс и просвещение подавляются в самом зачатии»¹²⁶. О новой школьной реформе говорится, что «она клонится к порабощению и уничтожению всего сербского».

«Остаюсь при полном убеждении, — говорит автор прокламации, — что тогда только мы достигнем реформы и подвинем наши дела вперед, когда вооруженною рукою очистим землю от нечестивых и отвоюем себе свободу»¹²⁷.

В прокламации говорится: «Братский русский народ... единственные наши друзья, желающие нам всякого блага; других доброжелателей у нас нет». Россия поможет, если южные славяне сами будут бороться за свое счастье. «Взгляните на дело с какой хотите стороны, наша свобода записит от нас самих; узел же находится всецело в руках Сербии и героической Черногории; от них зависит завтра быть нам свободными»¹²⁸.

«Мы не домогаемся чужой территории и чужого народа, а домогаемся возвратить себе наше отечество и нашу свободу. Кто же может стать нам поперек дороги? Россия — наша доброжелательница; она настолько нам поможет, насколько никто извне не вмешается в наш чисто сербский вопрос. ... Нам нужно быть готовыми, в особенности же нам нужно стать на хорошую ногу с братьями в Боснии, т. е. турками (потурченцами. — В. К.) и католиками». Нужно «доказать мусульманам-боснийцам и герцеговинцам, что религия не должна составлять никакой розни, что все они родные братья, говорящие одним языком. ... Дело идет о соединении Боснии и Герцеговины с Сербией и Черногорией; каждый останется владельцем своего имущества, религия каждого будет неприкосновенна; лишь те изменники отечества будут считаться, которые станут противодействовать родине, народности и свободе; таковые не только лишатся своего имущества, но и изгнаны будут из отечества...».

«Одесса 1 мая 1872 г. Подписал: Лука Вукалович»¹²⁹.

Таково в общих чертах содержание прокламации, которая летом 1872 г. распространялась в Герцеговине и копию с которой нам удалось обнаружить. Красной нитью проходит в ней мысль о необходимости собственного движения у южных славян, поработанных Турцией, которое должно вылиться в вооруженную борьбу всех южных славян. Чтобы подбодрить народ и вселить веру в успех восстания, автор прокламации приводит примеры борьбы сербов под руководством Георгия и Милоша и пример Боки Которской, горсть храбрецов которой устрасила австрийцев. Автор прокламации считает необходимым для победы восстания единство всех сил народа в борьбе, безотносительно к религиозной принадлежности. Зрелость этого документа для своего времени, реальная оценка обстановки говорят за то, что эту прокламацию, возможно, писал или сам Светозар Маркович, или Милетич.

В своей сопроводительной записке к прокламации Славолубов писал, что Герцеговина может быть увлечена «потоком восстания». Но он не видит предпосылок к тому, чтобы в самой Герцеговине началось это восстание, поскольку в ней не наблюдается «сплочения масс». «Все идет как-то вразнобой. То, что замышляется, например, в Мостаре, не знают вовсе в других городах». И далее: «Все, что здесь известно о положении дел в Герцеговине и на границе, основано бывает на слухах, часто преувеличенных. Внутри Герцеговины кметы до того подавлены, что становятся равнодушными к своему положению, зная, что малейшее проявление какой-либо самостоятельности горько отзовется на их и без того безотрадном быте»¹³⁰. Иначе, по мнению Славолубова, обстоит дело в по-

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ АВІР, ГА, V A₂, 1872, д. 627, лл. 71—72.

¹²⁸ Там же, л. 72—73.

¹²⁹ Там же, л. 73.

¹³⁰ ГА, V A₂, 1872, д. 627, л. 75.

границных районах Герцеговины. Здесь, «сталкиваясь с черногорцами и отчасти с сербами и сопоставляя положение дел в Герцеговине, где турецкие чиновники тянут с них последнюю копейку, с положением пограничных жителей Сербии и Черногории, пользующихся гражданскими правами, они (герцеговинцы. — В. К.) становятся смелее и отважнее»¹³¹.

Влияние прокламации, по-видимому, сказалось на ряде документов и высказываний деятелей освобождения в 1872, 1873 и 1874 гг.

Так, в начале апреля 1873 г. редактор газеты «Будущность» Владимир Иванович приходил к князю Церетелеву (управляющему русским консульством в Белграде, возглавлявшему его на время отсутствия Шишкина), и прочел ему передовую статью своей газеты, в которой было сказано, что «со стороны сербов было бы нелепо ожидать материальных жертв со стороны России, которая уже тем, что в решительную минуту может помешать иностранному вмешательству, сделает громадную услугу Сербии»¹³². Этот мотив прокламации 1872 г. повторялся во многих заявлениях деятелей освобождения как в Сербии, так и в Боснии и Герцеговине.

В последней, по-видимому, царил возбуждение. «...Наэлектризованные, с одной стороны, прокламацией Луки Вукаловича и арестованием Ковачевича, с другой же — злодейством с Куичем...»¹³³, они чутко прислушивались к событиям в Колашине, зорко следят за движением хорватов, а также за настроением умов в Черногории и Сербии... Словом, они проникнуты мыслью страсти мусульманское иго»¹³⁴, — писал Славолубов Игнатьеву 1 января 1873 г. В ответ турецкие власти увеличивали численность турецкого войска в Герцеговине и сажали христиан в тюрьмы по любому поводу¹³⁵.

27 февраля 1873 г. Славолубов пишет Игнатьеву: «На днях пронесся по Мостару глухой слух об опасности ареста, грозящего трем учителям православной школы. Говорили, что митрополит Прокопий оклеветал этих трех учителей — Дреча, Лепову и Пичету, выставляя первых двух русскими шпионами, а третьего — сербским... Тактика его, как в прежнем, так и в предстоящем случае, клонится к тому, чтобы отделаться от лиц, стоящих выше его по образованию, и спокойнее властвовать над малообразованным народом»¹³⁶. В лице трех учителей представился весьма удобный случай для Прокопия: два из них учились в России, третий — в Сербии, следовательно «они прониклись революционными идеями» и с ними можно расправиться.

Герцеговинцы придавали большое значение событиям в Градишке и Банья Луке в 1873 г., могущим послужить исходной точкой нового восстания, более мощного, чем все предыдущие. Об этом свидетельствует следующий факт: 3 октября 1873 г. Славолубов писал Игнатьеву, что к нему явился «один из передовых людей Мостара за сведениями о том, как политика России относится к событиям, совершающимся ныне в Градишке и Баньялуке и не следует ли христианам Боснии и Герцеговины поднять знамя восстания?.. Собеседник объявил мне, что в случае, если Россия не примет даже участия в поддержании восстания, а только удержит от движения Австрию, Босния и Герцеговина в состоянии будут страсти мусульманское иго, ибо, по его словам, при невмешательстве Австрии Сербия выдвинула бы в Боснии 60-тысячный корпус, Черногория же устремилась бы в то же время на Герцеговину»¹³⁷.

¹³¹ АВПР, ГА, V А₂, 1872, д. 627, лл. 75—76.

¹³² Там же, 1873, д. 261, л. 83.

¹³³ Ремесленник Трипко Куич был зверски убит турецким солдатом.

¹³⁴ АВПР, ГА, V А₂, 1873 г., д. 629, л. 5.

¹³⁵ Там же, л. 8.

¹³⁶ Там же, л. 24.

¹³⁷ АВПР, ГА, V А₂, 1873 г., д. 629, л. 86.

События в Градишке и Банья Луке были составными элементами общего движения южных славян за освобождение и послужили новым толчком в их борьбе. Собеседник Славолубова сказал последнему, что «взоры их устремлены на Россию...»¹³⁸.

* * *

Попытка организации восстания в Герцеговине в 1872 г. окончилась неудачей. Однако материалы Архива внешней политики России позволяют судить о том, что подготовка восстания велась самым серьезным образом.

Горячий материал для восстания был в изобилии, требовалась лишь серьезная организация.

Сербское регентское правительство не пожелало возглавить восстание, устранилось и тем самым заранее обрекло его на провал. Однако несомненно и то, что эта попытка оставила глубокий след в сознании поработанных герцеговинцев. Жертвы расправы турецких властей не были забыты народом, как не были забыты и уроки борьбы, послужившей ступенью к развязыванию нового мощного национально-освободительного движения 1875—1877 гг.

¹³⁸ АВПР, ГА, V А₂, 1873 г., д. 629, л. 104.

А. И. Озолин

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ БЮРГЕРСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ГУСИТСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ¹

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Для характеристики программных требований бюргерской оппозиции в области социально-экономических отношений исследователи располагают лишь отдельными источниками документального и юридического типа. Наибольшее значение при изучении изменений в сфере экономики в годы гуситских войн представляют городские книги Праги, в которых зафиксированы имущественные сделки и решения Пражской общины, связанные с конфискацией имущества эмигрантов, продажей и дарением его гуситам. Эти материалы опубликованы И. Тейге в «Чешском архиве»². Некоторые данные об этом применительно к Праге были изданы в свое время К. Хефлером³. Однако до сих пор отсутствует какая-либо общечешская сводная публикация источников, которая содержала бы сведения об имущественных сделках по всем или хотя бы по большинству королевских городов, тем более по сельским местностям. Недостаток источников, вероятно, и не дает возможности подготовить такую публикацию.

Большое место как источнику принадлежит различным редакциям и вариантам четырех пражских статей, вошедших в многочисленные гуситские манифесты⁴. Тексты пражских компактатов и материалы переговоров вокруг них позволяют сопоставить постановку вопроса о церковных владениях самими гуситами, прежде всего умеренными, в начале и конце движения.

¹ Автор сознательно оставляет в стороне требования гуситов в области политических преобразований, их отношение к государству, к светской власти духовенства, имея в виду необходимость специальной статьи по этим вопросам.

² Zprávy o státech a přech venkovských z archivu města Prahy. Ed. J. Teige. «Archiv Český čili staré písemné památky české a moravské, sebrané z archivů domácích i cizích», d. 26, Praha, 1909; d. 28, Praha, 1912 (далее АС).

³ K. Höfler. Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen. «Fontes rerum Austriacarum. Scriptores», Bd. 1, 1856; Bd. 2, 1865; Bd. 3, 1866. Wien (далее — FRA).

⁴ Тексты многих манифестов опубликованы Ф. М. Бартошем (F. M. Bartoš. Manifesty města Prahy z doby husitské. «Sborník příspěvků k dějinám hlavního města Prahy», d. 7. Praha, 1932 (далее — SPDMP).

Вопрос о праве «мертвой руки», теснейшим образом связанный с борьбой за свободную собственность, нашел отражение в нескольких трактатах, о которых будет подробно сказано ниже. Они были изданы в отрывках К. Хефлером⁵, затем К. Эрбеном⁶, И. Лозертом⁷. Некоторые данные по этому вопросу, а также о городских торгах, ярмарках, милевом праве и прочем содержатся в ценнейшем издании грамот привилегий, полученных чешскими городами в предгуситское, гуситское и послегуситское время⁸. Небезынтересной является публикация грамот дарений и привилегий, которые дал в те годы своим союзникам Сигизмунд, так как нередко это шло за счет церковных владений⁹.

Подавляющее большинство материалов по интересующему нас вопросу относится к источникам нарративного типа. Они весьма многообразны. Это прежде всего отдельные трактаты и проповеди предшественников Яна Гуса — Яна Милича, Матея из Янова, Фомы Штитного. Среди них важнейшее место занимает труд Матея из Янова «Правила Ветхого и Нового Завета»¹⁰, представляющий толкование так называемого «Явления св. Иоанна», или Апокалипсиса. Главным источником для характеристики идеологии бюргерской оппозиции в Чехии периода до вооруженного восстания народа являются произведения великого чешского реформатора Яна Гуса. Это известное трехтомное издание Эрбена¹¹ (чешские произведения), шеститомная публикация Флайшганса¹², письма Гуса, опубликованные Ф. Палацким и В. Новотным¹³, переведенные на русский язык¹⁴. Некоторые из важнейших произведений и выступлений Гуса вышли в последние годы в научных изданиях с исправлениями в тексте, учетом вновь обнаруженных рукописей и большим научным аппаратом. Чехословацкая Академия наук приступила к изданию академического многотомного собрания сочинений Гуса. Эти новые публикации трудов Гуса должны и уже сейчас могут сыграть большую положительную роль в исследовании его учения, в частности для характеристики эволюции его мировоззрения.

Заметное место среди гуситских источников занимают также сочинения Якоубека из Стржибра, Яна Пришибрама, произведения молодого Яна Рокницаны и других видных представителей умеренной гуситской оппозиции. В работе над ними большую помощь могут оказать ценные труды известного чехословацкого знатока источников о гусизме Ф. М. Бартоша¹⁵.

Большое значение имеют сохранившиеся хроники, написанные гуситами, среди которых наибольший интерес представляет «Гуситская хроника» Вавржинца из Бржезовой¹⁶, недавно появившаяся в русском переводе в советском издании. Интересные сведения мы находим также и

⁵ K. Höfler. *Geschichtsschreiber...* FRA, Bd. 1.

⁶ «Mistra Jana Husi sebrané spisy české, d. 3. Vyd. K. J. Erben. Praha, 1867 (далее — «Spisy...» Vyd. K. Erben).

⁷ J. Lozert. *Beiträge zur Geschichte der Husitischen Bewegung*. «Archiv für österreichische Geschichte», Bd. 57. Wien, 1879.

⁸ Codex juris municipalis regni Bohemiae—Sbírka pramenů prava městského království českého. I—IV (1232—1452). «Privilegia nekrálovských měst českých». Vyd. A. Haas. Praha, 1954 и др. тома.

⁹ «Zbytky register králův římských a českých z let 1361—1481». Vyd. A. Sedláček. Praha, 1916 (далее — «Zbytky register...»).

¹⁰ «M. Matěje z Janova Regulae Veteris et Novi Testamenti». Praha, 1908—1926.

¹¹ «Spisy...», d. 1—3. Vyd. K. J. Erben. Praha, 1867.

¹² «Mistra Jana Husi sebrané spisy. Spisy latinské, d. I—VI. Vyd. V. Flajšhans. Praha, 1903—1908 (далее — «Spisy...» Vyd. V. Flajšhans...).

¹³ «M. Jana Husi Korespondence a dokumenty». Vyd. V. Novotný. Praha, 1920.

¹⁴ «Послания магистра Иоанна Гуса». СПб., 1903.

¹⁵ F. M. Bartoš. *Literární činnost M. Jana Rokicany, M. Jana Příbrama, M. Petra Payna*. Praha, 1928; он же. *Literární činnost M. J. Husi*. Praha, 1948.

¹⁶ Vavřinec z Březové. *Husitská kronika*. Praha, 1954.

в других хрониках, например в «Хронике Таборитов» Микулаша из Пельгржице¹⁷, «Хронике старого Пражского коллегията» и иных трудах, изданных К. Хефлером¹⁸.

Ценные данные встречаются нередко в «Старых чешских летописях»¹⁹. Для характеристики позиции умеренных гуситов на Базельском соборе и тактики деятелей римско-католической курии важные сведения содержит «Дневник Петра Жатецкого»²⁰.

При изучении программных требований гуситского бюргерства и дворянства нельзя сбрасывать со счета такие источники, как сатиры и песни. Гуситские песни были тщательно изучены и проанализированы еще З. Неядлы, который дал им развернутую характеристику в капитальном труде «История гуситской песни»²¹. Много материала о социально-экономических и иных требованиях умеренных гуситов содержат сатиры Будишинской рукописи²². Нарративные гуситские источники в основной массе написаны идеологами бюргерской оппозиции (таборитские почти все погибли) и направлены не только против феодально-католического лагеря, но и против таборитов, причем нередко эта антитаборитская направленность даже преобладает. Следовательно, они требуют к себе весьма критического отношения.

В гораздо большей степени это относится к источникам, вышедшим из-под пера деятелей феодально-католического лагеря, где антинародная позиция авторов, идеологов господствующего класса феодалов, тенденциозность, нередко и открытая клевета на гуситов нашли наиболее полное выражение. Вместе с тем хроники и трактаты врагов гуситов, различные активные материалы содержат немало необходимых конкретных сведений, вынужденных признаний о народном характере гуситского движения, о социальных и экономических целях гуситов. Из источников документального и юридического типа мы отметим решения римско-католической церкви и местных национальных церквей²³ различных европейских государств (прежде всего Германии и Польши), папские буллы и инструкции. Значительна по объему переписка Сигизмунда с немецкими князьями, имперскими городами и чешскими магнатами²⁴. Материалы для нашей темы имеются также в решениях немецких рейхстагов²⁵, процессуальных актах частных лиц²⁶, протоколах и иных документах инквизиции.

Феодально-католический лагерь развернул широкую деятельность, имевшую целью оклеветать учение и практику гуситов, доказать несостоятельность их требований. Для этого издавались различные богословские трактаты, писались хроники, многочисленные антигуситские жалобы, сатиры и песни, рассчитанные на широкие слои населения. О ходе гуситских войн внутри Чехии писал Бартошек из Драгениц²⁷. Для рассматриваемого нами вопроса представляют также интерес «Трактат о великом

¹⁷ Joannis de Lukavec et Nicolai de Pelhrzimov Chronicon Taboritarum». FRA, Abt. I, Bd. 6, T. 2, Ed. K. Höfler. Wien, 1865.

¹⁸ K. Höfler. Geschichtsschreiber... FRA, Bd. I—III. 1856—1866, Bd. 1—3.

¹⁹ «Staré letopisy české». Ed. F. Šimek. Praha, 1937 и другие издания.

²⁰ «Deník Petra Zateckého». Přel. F. Heřmanský. Praha, 1953 (далее — «Deník»).

²¹ Z. Nejedlý. Dějiny husitského zpěvu. «Sebr. sp. Z. Nejedlého», sv. 43, 44. Praha, 1955; sv. 45. Praha, 1956.

²² «Husitské skladby Budyšínského rukopisu». Ed. J. Danhelka. Praha, 1952.

²³ «Corpus documentorum inquisitionis haereticae pravitatis Neerlandicae», v. 1—3. Ed. P. Frederica. Gent, 1889.

²⁴ «Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka 1418—1462», d. I (1418—1437). Praha, 1929; «Documenta Mag. Joannis Hus». Ed. F. Palacký. Pragae, 1869 (далее — «Documenta»).

²⁵ «Deutsche Reichstagsakten», Bd. 8. Gotha, 1883.

²⁶ «Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitenkrieges in den Jahren 1419—1436», Bd. 1—2. Ed. F. Palacký. Prag, 1873.

²⁷ Bartossii de Drahonicz Chronicon ab anno 1419 usque 1443. «Monumenta Historica Boemiae», v. I. Ed. G. Dobner. Praha, 1764.

расколе» Людольфа Захавьского²⁸, «Трактат о происхождении гуситов» и «Диалог» о гуситах Ондřej из Брода, бывшего магистра Пражского университета и первоначально сторонника Гуса.

При изучении гуситской идеологии нельзя обойтись и без материалов церковных соборов. Обсуждение выступлений Гуса и обвинений против него на Констанцском соборе²⁹, позднее публичная защита гуситами четырех пражских статей и ответные речи представителей Базельского собора³⁰, прения вокруг четырех пражских статей — все это исключительно важный и ценный материал по предлагаемой теме.

* * *

В буржуазной историографии гуситское движение рассматривалось как движение прежде всего религиозное, затем национальное³¹. Иногда большое место отводилось также требованиям гуситов, связанным с идеей морального совершенствования людей. Для подавляющего большинства специалистов гуситологов как в Чехословакии, так и вне ее именно эти стороны гусизма и составляли главную его суть. Следствием такого идеалистического подхода было пренебрежение к социально-экономической истории предгуситской Чехии и замалчивание антифеодального содержания гусизма.

Лишь отдельные буржуазные историки отмечали наличие острых социальных противоречий в Чехии XIV—XV вв., полагая, что социальные мотивы занимали в гуситском движении значительное место. Это Б. Мендль, Р. Урбанек в Чехословакии, Г. Гаупт, Ф. Бецольт в Германии, Н. В. Ястребов и С. Венгеров в России.

Внимание некоторых историков привлекали определенные стороны экономического и правового развития страны, например дискуссия об отмене права «мертвой руки», развернувшаяся с конца XIV в., о чем писали Ф. Палацкий, И. Лозерт и др.

В исследованиях, посвященных деятельности предшественников Яна Гуса, социально-экономическая сторона их учения явно недооценивалась. Конечно, даже буржуазные историки не могли обойти молчаньем идею секуляризации церковных владений, занимавшую такое большое место в сочинениях Гуса, в его общей концепции. Однако она не рассматривалась в связи с его классовой позицией, отношением к феодальной системе в целом.

На буржуазной историографии вопроса отрицательно отразилось признание и непонимание его учения об общественно-экономических формациях. Это особенно проявилось в тех трудах, где освещался вопрос о секуляризации богатств церкви в годы гуситского революционного движения. Много внимания уделил этому В. В. Томек в своей многотомной «Истории города Праги»³² и в других исследованиях. Такие историки, как А. Фринд³³, интересовались прежде всего тем, какие потери понесла в итоге чешского реформационного движения католическая церковь.

²⁸ Der Tractatus de longo schismate des abtes Ludolf von Sagan. «Beiträge zur Geschichte der Hуситischen Bewegung», Ed. J. Lozert. Wien, 1880; Ondřej z Brodu. Tractatus de origine Hussitarum. FRA, Abt. I, Bd. 6, T. 2.

²⁹ «Fontes rerum Bohemicarum», VIII. Vyd. V. Novotný. Praha, 1932.

³⁰ «Deník...».

³¹ Вопросы историографии гуситского движения рассматриваются в следующих работах: I. A. Kraus. Husitství v literaturě, zejména německé. «Rozpravy české Akad.», d. I, tř. 3, č. 45. Praha, 1917; F. Kavka. Husitská revoluční tradice. Praha, 1953; J. Masek. Tabor v husitském revolučním hnutí, d. I. Praha, 1952; R. Kalivoda. Husitská ideologie. Praha, 1961.

³² V. V. Tomek. Dějepis města Prahy, d. 1—12. Praha, 1899.

³³ A. Frind. Die Kirchengeschichte Böhmens im Allgemeinen und in ihrer besonderen Beziehung auf die jetzige Leitmeritzer Diocese, Bd. 3. Prag, 1872.

Фринд подробнейшим образом перечислил все владения, которые были отняты у каждого монастыря или духовного ордена или уничтожены в ходе войны. Анализа, какого-либо общего вывода из этих обширных материалов автор не делал. Проблему изменения самого характера и распределения собственности он не ставил.

Специально об изменениях в собственности церкви в области Пражского диоцеза написал К. Боровый³⁴. Однако он ограничился также лишь подробным перечнем тех богатств, которые потеряла католическая церковь в указанной области. Идея секуляризации богатств духовенства, связанная с планами коренного преобразования церкви, касающаяся важнейшего вопроса — распределения собственности среди различных слоев чешского населения, этими авторами осуждалась и отвергалась категорически как явление противозаконное и ненормальное.

Существенных отличий от этой позиции мы не найдем и у А. Нейманна. К тому времени, когда он издал книгу «Церковные владения в гуситское время»³⁵, построенную преимущественно на материале Моравии, капиталистический мир вступил в свою высшую и последнюю стадию — империализм. На весь мир прозвучала Великая Октябрьская социалистическая революция в России, давшая мощный толчок революционному движению в различных странах, в том числе и в Чехословакии. По всей стране прокатилась волна забастовок, назрела необходимость и созданы были предпосылки для образования коммунистической партии. В такой тревожной для буржуазии и ее идеологов обстановке и выступил А. Нейманн. Он был вынужден признать, что секуляризация недвижимой собственности католической церкви была осуществлена в годы пародного гуситского восстания. Однако такой итог вовсе не казался ему положительным. Нейманн старался подчеркнуть, что широким слоям народа, массе крестьянства Чехии конфискация владений церкви ничего хорошего не дала. Все положительные итоги гуситских войн для крестьянства им замазывались. Из опыта секуляризации в гуситское время читатель, по замыслу и концепции автора, должен был сделать вывод, что для чехословацких крестьян и рабочих, его современников, захват «чужой» собственности ничего не даст. Подсказывалась мысль о том, что не нужно следовать революционному опыту русского пролетариата и крестьянства, решительно отвергались революционные методы действий гуситов, особенно радикальных.

В марксистской исторической литературе изучаемый нами вопрос рассматривался в свете положений Ф. Энгельса о борьбе за дешевую церковь. На нем остановился М. Маховец³⁶, охарактеризовавший деятельность предшественников Яна Гуса и особенно подробно остановившийся на учении его самого. Об учении Гуса упоминает Р. Каливода в главе монографии «Гуситская идеология»³⁷, хотя не эти вопросы стоят в центре внимания автора. И. Мацек сообщил кратко об экономических целях бюргерской оппозиции для сравнения с социально-экономическими требованиями плебейско-крестьянского лагеря таборитов³⁸.

В послевоенной советской и польской литературе экономические требования бюргерской оппозиции также не подвергались специальному исследованию. А. С. Сазонова остановилась на идее секуляризации в трудах Я. Гуса в процессе анализа его социально-политических взглядов³⁹.

³⁴ K. Borový. Dějiny diecése Pražské. Praha, 1874.

³⁵ A. Neumann. Církevní jmění za doby husitské se zřetelem k Moravě. Olomouc, 1920.

³⁶ M. Machovec. Husovo učení a význam v tradici českého národa. Praha, 1953.

³⁷ R. Kalivoda. Husitská ideologie. Praha, 1961.

³⁸ J. Macek. Tábor v husitském revolučním hnutí, d. I. Praha, 1952.

³⁹ А. С. Сазонова. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса. «Ученые записки Института славяноведения», т. 16, 1958.

Назрела необходимость проследить процесс зарождения и развития гуситской бюргерской оппозиции в предгуситской и гуситской Чехии, в частности изучить экономические требования ее. Эту задачу и ставит перед собою автор.

* * *

К середине XIV в. в чешских землях успешно продолжали развиваться товарно-денежные отношения. Все большую роль в экономике страны стало играть ремесло, наиболее развитое в городских центрах, быстро росла внутренняя и внешняя торговля. Однако в условиях подъема экономики страны все сильнее проявлялись и коренные пороки феодализма как системы общественных отношений. Из городов Чехии 35 относились к числу королевских, аналогичных городам-коммунам Франции и имперским в Германии. Они подчинялись непосредственно королю и пользовались большой внутренней самостоятельностью. Но даже они неоднократно подвергались чрезвычайным обложениям со стороны короны, платили значительную берну, были ограничены в распоряжении своей собственностью. Лишь с середины XIV в. они начинают освобождаться от права «мертвой руки», принадлежавшего королю. Богатые горожане королевских городов хотели добиться равных прав с дворянством на приобретение земельных владений, что было связано тогда с рядом препятствий. Королевские города, как правило наиболее экономически развитые и многолюдные, являлись в то же время центрами сосредоточения немецкого патрициата, купеческой верхушки, нередко связанной с дворянством родственными узами.

Основная масса населения этих городов — чешские бюргерство и плебс — была кровно заинтересована в ликвидации немецкого засилья, в превращении городов в подлинно чешские центры экономики, культуры. Эта специфическая задача королевских городов, конечно, не отнеслась на задний план главного — тенденции ко всемерному ограничению и снятию феодальных пут прежде всего в отношении собственности. Противоречия социальные переплетались здесь с национальными.

Большинство чешских городов относилось к категории панских или подданных, зависимых городов, находившихся в личной собственности светских или церковных феодалов. Феодал, владелец города или местечка, вмешивался непосредственно во все важнейшие стороны городской жизни. Он определял, какие виды ремесла следует поощрять и развивать, нужны ли здесь цехи, утверждал или отвергал цеховые статуты, определял нормы правового положения ремесленников и купцов. Ему же принадлежало право разрешать или запрещать ярмарки. Торговля была опутана многочисленными поборами в пользу хозяина. Панские города и местечки свободно отчуждались — обменивались, продавались, передавались по наследству.

На все панские города распространялось феодальное право «мертвой руки». Еще в конце XIV в. оно встречается даже в королевских городах. Таким образом, в панских городах собственность владельцев далеко не была гарантирована от самоуправства и насилий того или иного пана, хозяина города.

Более мощные из этих городов стремились не только добиться независимости от пана, т. е. привилегий королевского города, но и упрочить и расширить свои владельческие права — собственности на дом, на занятие тем или иным видом ремесла, регулярный созыв ярмарок с целью обеспечения лучших условий сбыта своей продукции и т. д. Горожан, прежде всего имущих, крепко задевало наличие многочисленных внутренних таможен, феодальная анархия, неустойчивость денежной единицы.

Все слои городского населения были крайне заинтересованы в том, чтобы прекратить непрерывный в то время рост церковной собственности,

отнять или, по крайней мере, ограничить право церкви в этой области: право «мертвой руки», которое способствовало непрерывному росту богатств церкви; право на повинности с населения, взимавшиеся в ее пользу, особенно такие тяжелые, как десятина. Тяжелым бременем на население ложилась платность всех религиозных обрядов, неумное и безграничное стяжательство всех слоев духовенства. Крайнее недовольство массы горожан вызывала ростовщическая деятельность чешской церкви, спекуляция священников хлебом, зерном, скотом в голодные или засухливые годы.

Бюргерство городов хотело дешевой церкви. Это выливалось на практике в борьбу за секуляризацию ее богатств, удешевление или даже полную отмену платности церковных обрядов, борьбу за отмену повинностей и платежей в пользу церкви, прежде всего десятины, прекращение выплаты ренты за дома в городах, сокращение числа высшего духовенства. Движение за дешевую церковь должно было значительно расширить, упрочить бюргерские права на собственность, предоставить им гораздо больший, чем прежде, простор для экономической деятельности.

Чешский город в предгуситское время являл собою картину глубоких социальных противоречий и напряженной борьбы различных в имущественном и правовом отношении слоев населения, вопреки тем идиллическим описаниям, которые отличают подавляющее большинство работ буржуазных историков по данному вопросу.

Перед королевскими городами объективно стояла уже задача упрочения позиций бюргерства. В борьбе с патрициатом, чужеземным в своей основе, бюргерство блокировалось с городским плебсом. Социальные и национальные противоречия здесь причудливо переплетались, придавая особую напряженность и сложность внутренним противоречиям. В ходе гуситских войн классовая борьба в городе поднимется на еще более высокую ступень.

Панские города решают в эти годы в первую очередь задачу отвоевания своей политической самостоятельности у феодалов, и некоторым из них удастся эту задачу решить успешно.

В довольно трудном положении оказалась тогда масса чешского дворянства. В условиях быстрого роста крупной церковной и светской земельной собственности, собирания огромных комплексов владений в одних руках низшее дворянство разорялось и продавало свои небольшие владения⁴⁰. Земаны, панови, владыки не имели в чешских землях такого дополнительного источника доходов, как например, развитая бюрократия или постоянное войско во Франции. Они не занимались производительной деятельностью. Грабеж на больших дорогах с ростом городов, с появлением у них огнестрельного оружия и вооруженных сил был резко ограничен.

Часть дворянства уходила на военную службу в соседние страны, например, в Польшу. Многие поступали на службу к магнатам, прелатам и крупным королевским городам. Но все это не было достаточно удобным и благоприятным выходом для массы низших феодалов. Пожалуй, не в меньшей мере, чем бюргерству и плебсу городов, дворянству были ненавистны прелаты и монахи, богатства которых росли со сказочной быстротой. Идея секуляризации богатств церкви, отмена десятины и платности церковных обрядов — все это носилось, что называется, в воздухе как лучший выход из создавшегося положения. Напомним, что это было явление общеевропейское. Такого же рода обстановка и тенденции были, например, в то время у польского дворянства.

⁴⁰ Многочисленные факты такого рода приведены в третьем томе «Чешского Архива» и других источниках.

Вот почему критика симонии духовенства встретила в дворянской среде горячую поддержку. Идея создания дешевой церкви толкала дворянство на сближение с бюргерством. Не случайно все предшественники Гуса, хотя и не в равной степени, были сторонниками создания дешевой церкви.

Разумеется, важнейшие составные элементы блока бюргерской оппозиции — бюргерство и дворянство — преследовали свои цели. Если для бюргерства идея дешевой церкви органически была связана с борьбой за собственность, свободную от наиболее тяжелых феодальных пут, то для дворянства речь шла лишь о захвате владений церкви. И историческая роль этих двух составных элементов была существенно различной. По своим потенциальным возможностям бюргерство являлось носителем прогрессивных тенденций, способствовавших общему поступательному движению страны. Возможности дворянства в этом отношении были более ограничены.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ЯНА ГУСА. ЗАРОЖДЕНИЕ БЮРГЕРСКОЙ ОППОЗИЦИИ В ЧЕХИИ

С первыми более четко выраженными признаками бюргерской оппозиции мы встречаемся еще в годы правления Карла IV (1346—1378). Зарождение ее объясняется экономическим подъемом страны, ростом городов, повышением удельного веса бюргерства и массы дворянства в политической жизни, формированием национального самосознания бюргерства и других слоев населения.

Новые крупные привилегии, полученные духовенством, бурный рост его владений и политической власти способствовали тому, что только возникавшая и потому еще весьма слабая бюргерская оппозиция феодализму приняла там форму антицерковного движения. Такой характер движения объясняется и тем, что паразитизм господствующего феодального класса с наибольшей полнотой проявлялся именно в церкви. Небезынтересно в этой связи напомнить, что наиболее дальновидные руководители чешской церкви уже сами ставили вопрос о необходимости осуществления внутренних реформ и решительного исправления нравов духовенства. Архиепископ Арношт из Пардубиц еще в 1361 г. с целью приостановления глубокого упадка авторитета католической церкви в Чехии, морального разложения, охватившего большую часть духовенства, был вынужден установить специальные статуты, которые принял синод⁴¹. Эти «статуты Арношта» угрожали потерей должности и прав всем тем священникам, которые плохо исполняли свои обязанности. Однако они не принесли ожидаемых изменений. Авторитет духовенства по-прежнему катастрофически падал.

В 80-х годах XIV в. архиепископ Иоанн из Енштейна в письме крупному чешскому магнату Индржиху Рожмберку сообщал, что многие священники не заботятся об интересах церкви. Он вновь организовал визитацию монастырей и говорил, что хочет решительно исправить нравы и быт духовенства⁴². Параллельно этому шел бурный процесс развития народной ереси, о чем с глубокой тревогой сообщалось на синодах⁴³. Его не могли приостановить ни жестокие преследования инквизиции, ни решения чешских епископов и короля.

⁴¹ Prager Synodalbeschlüsse (1353—1413). «Abhandlungen der königlichen böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften», F. 5, Bd. 12. Ed. C. Höfler. Prag, 1863, стр. 6—8 (далее — Prager Synodalbeschlüsse...).

⁴² FRA, Abt. I, Bd. 2, T. 1, стр. 16.

⁴³ Prager Synodalbeschlüsse...

По приглашению Карла IV в Прагу приехал и начал с 1363 г. свои выступления известный австрийский проповедник Конрад Вальдгаузер. С проповедями на немецком языке он выступал также и в некоторых пограничных городах Чехии. Подвергнув критике скаредность, высокомерие, распутство населения, он все более решительно начал выступать против монахов, осуждая их погоню за богатством. Во многих монастырях, писал и говорил он, монахи заняты ненужными, мирскими делами, а не проповедью христианского учения. Зачастую они не умеют даже произносить проповеди, потому что сами не учатся⁴⁴. «Во время моего пребывания в Праге, писал он в «Апологии», монахи в своих владениях занимались симонией вопреки справедливости и установлениям божьим»⁴⁵. С полным основанием он заключал поэтому, что верующие не должны дарить монахам владений, так как они и без того «имеют больше, чем должны иметь». Он даже призвал верующих, чтобы они «возбранили своим сыновьям и друзьям, чтобы не вступали в развратные монашеские ордена, где гнездятся симония, ложь, бесстыдство, непослушание, ненабожность, обжорство и лицемерие»⁴⁶. Современный хронист писал о нем: «Он также бесстрашно проповедовал против ростовщиков и иных, кто мошенническим способом использовал состояние, и особенно против монашеских особ обоего пола, которые были приняты в монашеские ордена с помощью симонийского подлога». Поэтому против него выступали монахи, особенно нищенствующих орденов⁴⁷.

В стремлении к обогащению, личной наживе Вальдгаузер обвинял и «белое» духовенство. «...Нынешние пастыри этого мира (т. е. земного. — А. О.) больше любят имущества и поместья их (верующих. — А. О.), нежели спасение, стоят за десятину..., но не заботятся о спасении их душ»⁴⁸. Современники сообщали, что Конрад выступал также против ростовщичества и формальной внешней веры.

Проповеди Конрада Вальдгаузера не содержали ничего революционного. У проповедника не было какой-либо четкой, стройной системы взглядов. Субъективно он не вышел еще за рамки католического учения. Однако резкая критика симонии, морального разложения монашества могла способствовать росту антицерковных настроений среди некоторой части населения.

Одновременно с Конрадом из Вальдгаузера в Праге начал публично проповедовать на чешском языке Ян Милич из Кромержижа⁴⁹. Его выступления давно привлекали внимание ученых, и еще Ф. Палацкий характеризовал Милича как видного предшественника Яна Гуса. Будучи сам родом из незнатной семьи, Милич учился в Падуе, затем вернулся на родину и, поселившись в Праге, стал вскоре членом королевской канцелярии (1358—1362), прелатом. Однако в 1362 г. он отказался от прежней должности, от всех доходов и привилегий и стал только проповедником. Так же как и К. Вальдгаузер, Милич выступал против роскоши, против упадка нравов населения, осуждал разврат, ростовщичество, всякую торговлю.

Особенным нападкам с его стороны подверглось прежде всего духовенство, главным образом монашество нищенствующих орденов, дававшее особый обет нестяжательства. Его проповеди вскоре привлекли внимание

⁴⁴ FRA, Abt. I, Bd. 2, T. 1, стр. 18—34.

⁴⁵ Там же, стр. 26.

⁴⁶ M. Machovec. Указ. соч., стр. 32.

⁴⁷ «Duchem i mečem». Praha, 1958, стр. 249.

⁴⁸ M. Machovec. Указ. соч., стр. 33.

⁴⁹ Život Miliče z Kroměříže; Matej z Janova, Zpráva o Miličovi z Kroměříže. «Fontes rerum Bohemicarum», I, Praha, 1873. Уцелевшие произведения Милича и о Миличе напечатаны Ф. Меншиком. Zlomek o výsledku Miličově; List Miličův papeži Urbanovi V; Proroctví o Antikristovi. «Věstník královské České společnosti nauk». Praha, 1891 (далее — «Věstník...»).

многих пражан и стали пользоваться большой популярностью. В то же время они вызвали ненависть монахов. Уже в темнице в Риме Милич написал письмо папе Урбану V, в котором подверг критике моральный упадок верующих, особенно духовенства, решительно осуждал симонию и даже ставил вопрос о закрытии монастырей.

В специальном трактате Милич приводит целый ряд свидетельств, которые, по его мнению, говорят о наступлении царства Антихриста⁵⁰. В числе признаков он называл опять симонию и светский образ жизни духовенства, жажду получить побольше бенефициев и занять наиболее выгодные должности⁵¹. Как и в публичных проповедях, он выдвигал в противовес всему этому злу идею апостольской бедности. Милич заявил, что духовенство не должно иметь собственности.

Сохранившиеся источники позволяют в общих чертах сформулировать и ответ на вопрос о том, каким путем думал Милич исправить нравы общества и уничтожить страшное зло симонии. Как в письме к Урбану V, так и в пророчестве об Антихристе он неоднократно говорит о необходимости созыва собора, который и добьется решающих изменений в деятельности духовенства и церкви⁵². Сам факт первой поездки Милича в Рим был связан с его надеждами на папу. Вместе с тем Милич начал личным примером, своим аскетическим образом жизни, борьбу против того зла, которое заполонило тогда церковь. Его отказ от личных владений, от всего мирского, суровая строгая жизнь, помощь бедным — яркое свидетельство того, что он не ограничился только словами. Очень убедительно его призыв к борьбе с развратом, упадком нравов людей прозвучал в борьбе с проституцией в Праге. Как известно, Милич добился там закрытия публичного дома.

Попытка проявления Миличем активности была весьма ограниченной, и довольно скоро стало очевидным, что не таким путем и не такими средствами следует и можно решать вопрос о преобразовании церкви. Все же бесспорно, что даже такая попытка была шагом вперед от прежней пассивности Конрада Вальдгаузера.

Принципы бюргерской оппозиции нашли большее развитие в трудах Матея из Янова (родился между 1350—55, умер в 1393 г.). Еще в юные годы он уехал из Праги учиться в Париж (1373), где и прожил до 1381 г. Вернувшись в Прагу, Матей из Янова написал целый ряд трудов⁵³. В историю чешской мысли, реформационного движения он вошел как автор большого произведения «Правила Ветхого и Нового Завета».

⁵⁰ «*Fontes rerum Bohemicarum*», I, стр. 433; «*Věstník...*», стр. 330. Чешский текст см.: «*Duchem i mečem*», 1958, стр. 251—258.

⁵¹ «*Věstník...*», стр. 331.

⁵² «*Věstník...*», стр. 321, 323, 324, 332, 335. П. А. Нейман ошибался, когда утверждал, что Милич надеялся на реформу церкви с помощью светской власти. (Р. А. Нейман. Указ. соч., стр. 18).

⁵³ Краткая источниковедческая характеристика их дана Кибалем (V. Kubal. М. Matěj z Janova. Jeho život, spisy a učen. Praha, 1905). В буржуазной литературе высокую оценку ему дал еще Ф. Палацкий. Однако значение его сочинений явно переоценивалось. В. Кибаль в специальном исследовании о Матее из Янова высказал мнение, что в старой литературе Матея из Янова известен, во-первых, своей идеей прихода Антихриста и, во-вторых, требованием причащения под двумя видами. Немецкий протестантский историк церкви Неандер подчеркнул библицизм Матея. Последующие историки исходили в своих трудах из исследований Палацкого и Неандера.

Матеем из Янова посвящен большой раздел в монографии историка-марксиста М. Маховца, справедливо указавшего на главный порок буржуазной историографии, которая занималась Матеем из Янова: Кибаль и В. Новотный, наиболее видные из чешских исследователей его учения, считали его мистиком и фантастом. Они не видели социальных корней его идей, не обратили должного внимания на критику феодального общества, содержащуюся в «Правилах Ветхого и Нового Завета». Отметим, в свою очередь, что эта сторона творчества Матея тщательно разработана в указанной выше монографии М. Маховца.

В нем Матей из Янова дал прежде всего «великолепную критику современного ему состояния церкви и общества вообще»⁵⁴. Очень большое внимание автором было уделено критике церковной симонии, в которой он видел страшное зло. Крупнейшие пороки современной ему церкви сложились в процессе ее постепенного обогащения. «Все то, о чем здесь идет речь, выросло и практиковалось в полной силе только тогда, *когда римская курия сосредоточила у себя все владения и все церковные должности*»⁵⁵. Стремление духовенства к обогащению стало важнейшим стимулом его деятельности. Священники заботятся в первую очередь «не о душе (верующих. — А. О.), но скорее о десятине и платежах, богатстве и привилегиях»⁵⁶.

Церковные обряды стали также объектом наживы для духовенства. «Больше всего хвалят перед людьми мессы, богослужения за умерших, отпущения, останки святых, жертвы (т. е. дарения. — А. О.) и подобное этому, потому что это приносит им прибыль и дает деньги в храм божий»⁵⁷. Матей из Янова решительно выступал против лицемерия священников, которых интересует не подлинно христианская жизнь верующих, а доходы с них. Этой цели служат и культ святых и всякого рода чудеса, все новые и новые установления церкви⁵⁸. Именно поэтому Матей, будучи сам человеком глубоко верующим, требовал ликвидации такого культа.

Симония распространилась на всю церковь. «В настоящее время папа, или епископ римский, сделал из иных епископов своих наемников, которые регулярно платят ему ежегодно; епископы же назначили священника, который заботился об этом. И таким образом во многих случаях создали из людей своих плательщиков. Такой порядок устанавливает священник..., вымогая у верующих многочисленные платежи... и за причащение, и за погребение»⁵⁹.

Как это мы увидим позднее и у Гуса, Матей из Янова, в отличие от своих предшественников — К. Вальдгаузера и Я. Милича, уже понял, что дело не в отдельных личностях, а в самой системе, что резкий упадок церкви, морального уровня духовенства и его авторитета — это не только чешское, а общеевропейское явление. Он уже видел довольно четко существенные различия в самом духовенстве. Главный огонь его критики направлен против духовенства высшего, наиболее виповного во всех серьезных недостатках церкви.

В самом духовенстве наибольшую ответственность должны нести монахи, утверждал Матей в духе своего учителя и предшественника Яна из Милича. Особенно энергично он разоблачал утверждения монахов о том, что они живут по-христиански, по-апостольски. Матей из Янова отвечал им: «... Вы имеете все общее, но только для себя и между собою, дома, внутри ордена, не более того... Такое положение не соответствует учению Христа. Это все вообще не подобает церкви ранних христиан и апостолов, которые имели все общее не в одном доме, в одной общине или у родственников».

Монахи не имеют права на личную собственность, заключал он. «... Тогда по примеру святых апостолов имейте все общее со всеми хри-

⁵⁴ М. Масховес. Указ. соч., стр. 73.

⁵⁵ Там же, стр. 74 (курсив мой — А. О.).

⁵⁶ Там же, стр. 80—81.

⁵⁷ Там же, стр. 78.

⁵⁸ Лицемерные священники «славят святых на небе, потому что их именем получают от христианского люда много больше даров, имеют тучные пребнды, доходы за мессы, дарения, праздники и со сборов», которые проводятся во имя этих святых (там же, стр. 85). Как это напоминает высказывания Яна Гуса в более поздние годы!

⁵⁹ Там же, стр. 74.

стианами так, чтобы их владения принадлежали в равной мере всем христианам, особенно страдающим и бедным, чтобы получили их в собственности и пользование»⁶⁰.

Критика монашества, в первую очередь так называемых нищенствующих орденов, сопровождалась и радикальными выводами. Еще резче, чем Милич, Матей из Янова призывал распустить монашеские ордена, монахов распределить по общинам. «Всех этих людей, которые скрываются в монастырях, требуется вывести вон повсюду, во всех частях света», т. е. не только в чешских землях. Монахи должны работать так же, как и остальные люди⁶¹.

Само собой разумеется, что такое решительное предложение должно было повлечь за собой далеко идущие последствия. Роспуск монашества, закрытие монастырей могли явиться началом гораздо более радикальных шагов по преобразованию церкви, что и случилось в годы гуситских войн в Чехии.

Все эти высказывания находились в самой тесной и естественной связи с общей системой взглядов предшественника Гуса, с его разоблачением духовенства, с его явным стремлением сорвать с него покров, ореол непогрешимости, святости. Основой для выводов автора «Правил» явилась Библия, которая и в данном случае толковалась так, как это было выгодно широким слоям чешского населения. Главный его тезис — жизнь современного духовенства не отвечает установлениям христианских апостолов. Следовательно, противопоставление раннехристианской церкви современной ему католической — вот исходный пункт для отрицания всех издавна сложившихся норм и правил католицизма.

Оценивая классовые позиции, которые представлял и защищал Матей из Янова, мы полагаем возможным утверждать, что он выражал интересы наиболее радикальной части зарождавшейся бюргерской оппозиции. Это было время, когда плебейско-крестьянская ересь в Чехии еще не оформилась до конца, так же как и бюргерское направление антифеодальной оппозиции. Между ними тогда было еще много общих целей и задач. Специфика и даже глубокое различие интересов этих двух направлений складывавшейся антифеодальной оппозиции, различие в их тактике были им самим еще не ясны.

Вот почему мы найдем не только у Матея, но еще и у Милича нотки глубокого сочувствия бедному люду, даже попытки, хотя и единичные, примитивные по своему характеру, улучшить жизнь городской бедноты. Вспомним борьбу Милича с проституцией в Праге, поддержку, которую он оказывал бедным студентам, подаяния городской бедноте. Однако и у Матея из Янова мы не встретим (судя по материалам, приведенным Кибалем и Маховцем) требования отнять богатства у светских феодалов, ликвидировать их политическую власть. Все же нельзя не отметить глубокого сочувствия Матея из Янова чешской бедноте, его критики чрезмерной эксплуатации низов народа со стороны власть и собственность имущих.

Если Милич призывал к борьбе с народной ересью, то у Матея из Янова мы встречаем требование прекратить преследование еретиков. Думается, что это одно из интересных ранних свидетельств того, что началось сближение ереси народной и ереси бюргерской направленности, что значительно заметнее проявится во времена выступления Гуса.

Во второй половине XIV в. с целым рядом произведений выступил выходец из низшего дворянства Томаш из Штитного (ок. 1331—1401 гг.).

⁶⁰ М. Machovec. Указ. соч., стр. 92—94.

⁶¹ «Всех таковых людей требуется собрать и выгнать их против [их] воли; ...необходимо разделить их между простыми верующими... чтобы начали работать по-настоящему во главе христиан» (там же, стр. 93, 94).

Хотя современные исследователи и отмечают неоригинальность его взглядов и идей⁶², все же в его важнейших трудах мы находим конкретный материал о предгуситской Чехии, который дает возможность пополнить наши представления о классовых интересах бюргерской оппозиции, в данном случае его дворянской части. Его мировоззрение сложилось под значительным влиянием взглядов и деятельности Милича, о чем он сам заявлял открыто.

Для Штитного бесспорно, что частная собственность должна сохраняться и впредь. «... Смертный грех желать иметь то, что принадлежит другому»⁶³, писал он в трактате об обязанностях господ и слуг, имея в виду, конечно, последних. Однако в данном случае подразумевались лишь владения светских людей. В духе Милича и Матея из Янова он отвергал право церкви на собственность. В его сочинениях неоднократно упоминается о том, что во времена раннего христианства у апостолов, у первых христиан все было общим достоянием и не было у верующих никакой личной собственности. Он осуждал продажность, нравственный упадок монашества. Если прежде из монастырей вела верующих прямая дорога на небеса, то теперь многие из монахов не минуют пекла, писал он в том же произведении. Теперешние права монахов, читаем мы далее, противоречат уставам бенедиктинцев и францисканцев, содержащих особый обет бедности, нестяжательства. Так же как и Матей из Янова, Штитный отвергал право римских пап разрешать монахам иметь личную собственность — деньги, чинши, скот или иное владение. Ни папа, ни другие прелаты не могут отменять монашеские обеты⁶⁴.

По мнению Штитного, совершенно естественным является наличие всякого рода повинностей с подданных в пользу панов, поскольку сам бог разделил людей на три сословия. Подданные обязаны, например, платить своим панам чинш, который является божьим установлением. Он замечал лишь, что паны слишком жестоко угнетают своих подданных⁶⁵.

Не менее важными являются высказывания Томаша Штитного по вопросам, связанным со специфически дворянскими интересами, чего мы почти не встретим в трудах Гуса и его предшественников. Мы имеем в виду его высказывания о таможенных платежах и берне. Совершенно недвусмысленно Штитный заявил, что таможенные платежи, всякого рода сборы за провоз товаров по владениям и дорогам панов нельзя собирать с паноншей и владык, т. е. с низшего дворянства. Такие сборы должны распространяться только на купцов. Таким образом, автор трактата ярко выразил типично дворянское пожелание, объективный смысл которого заключался в требовании освободить дворянство от всяких податей и платежей и переложить их на плечи горожан и крестьянства.

Эта мысль Штитного станет более очевидной, если мы напомним, что он выступил решительно и против взимания с дворянства берны, общегосударственного налога, шедшего в казну страны. По мнению Штитного, берна была первоначально введена для общего блага. Теперь она взимается беспорядочно, очень часто и в ущерб панам и владыкам, особенно последним. Он жаловался на то, что сборщики налога взимают большую сумму, чем полагалось, и ведут две книги записей сборов — одну для короля и другую — для себя. От этого страдают король, земаны и беднота. Взимание берны в таком виде — это явное ущемление интересов и прав владык, заключал автор трактата⁶⁶.

⁶² Tomáš ze Štitného. Knížky o hře šachové a jiné. Praha, 1956, стр. 28.

⁶³ Там же, стр. 115.

⁶⁴ Там же, стр. 144—146.

⁶⁵ Там же, стр. 163—170.

⁶⁶ Там же, стр. 174.

Даже из тех коротких замечаний, которые мы сделали выше по поводу взглядов Томаша Штитного, очевидно, что у него не было и мысли о коренном преобразовании социально-экономических отношений тогдашнего общества. Для него бесспорно, что и впредь должны быть сохранены основы феодального строя. Речь шла лишь о некоторых исправлениях *в рамках* старого феодального порядка в интересах массы дворянства. Крайне ограниченный характер дворянской оппозиции бросается в глаза. И все же при всей своей ограниченности дворянская оппозиция способствовала в то время усилению оппозиции церковному феодализму вообще, обострению борьбы за дешевую церковь и объективно играла одно время некоторую положительную роль.

ЯН ГУС В БОРЬБЕ ЗА ДЕШЕВУЮ ЦЕРКОВЬ

Постановка всех этих проблем в выступлениях Гуса и других крупнейших представителей бюргерской оппозиции была поэтому вполне закономерна. Она была вызвана внутренними потребностями страны. Иное дело, что эти вопросы стали наболевшими в то время и для других стран Европы и что в связи с этим в таком же направлении выступали тогда идеологи бюргерской оппозиции, например, в Англии.

В тот период, когда господствовала еще христианская идеология, все эти наболевшие вопросы выступали обычно в религиозной оболочке. Главным объектом нападения являлась феодальная церковь, авангард всей системы феодализма. В центре внимания антифеодальной оппозиции, естественно, стал вопрос о собственности духовенства. Как мы уже показали выше, идея секуляризации собственности церкви возникла в Чехии еще до выступлений Гуса. Однако только в его учении она нашла законченное выражение.

Некоторые чешские буржуазные историки (И. Седлак) и современные чехословацкие исследователи творчества Гуса⁶⁷ отметили, что важнейшие положения его учения сложились далеко не сразу и прошли трудный и длительный путь формирования. Так было и в отношении социально-экономических требований бюргерской оппозиции в целом. Проследить хотя бы в самых общих чертах эволюцию взглядов Гуса, становление его мировоззрения помогают старые публикации его произведений и издания, вышедшие в современной Чехословакии. К раннему периоду творчества Гуса относятся некоторые его Постиллы, синодальные проповеди и некоторые речи в университете, произносившиеся по поводу присвоения ученых степеней⁶⁸.

Уже в эти годы, т. е. в самом начале XV в., Гус подверг духовенство критике за стремление к роскоши в одежде, за обжорство, светский образ жизни, в частности за участие в музыкальных играх⁶⁹. В речи, произнесенной в университете в память Карла IV осенью 1404 г., духовенство обвинялось в моральном разложении, в ней говорилось о многобрачии священников⁷⁰, хотя, как известно, брак для священников и монахов в католической церкви был запрещен. Гус жаловался на общую порчу нравов духовенства, магистров и докторов⁷¹ (имелись в виду доктора теологии. — А. О.).

⁶⁷ См. вступительную статью М. Канака к кн. «Mistr Jan Hus. Ceska kázání svatební». Praha, 1952.

⁶⁸ «Magistri Joannis Hus. Sermones de tempore qui Collecta dicuntur». Pragae, 1959; Synodální kázání. «Spisy...» Ed. V. Flajšhans, d. I. Praha, 1903; (далее — Synodální kázání...); «Johannes Hus magister universitatis Carolinae positiones, recommendationes, sermones». Praha, 1958 (далее — «J. Husi... positiones...»).

⁶⁹ Synodální kázání..., стр. 185.

⁷⁰ «J. Hus... positiones», стр. 14.

⁷¹ Synodální kázání..., стр. 157.

Однако уже тогда главным объектом критики становится святокупство, т. е. симония священников. Он отмечал, что «многие духовные обременены ересью симонии»⁷². В указанной проповеди от 19 октября 1405 г. Гус поучал испорченное духовенство, напоминая ему, что праведная жизнь священника «не заключается в постоянном присвоении земельных владений, как это думают скаредные духовные»⁷³.

Крайне неодобрительно он относился и к тому, что объектом купли-продажи стали тогда церковные обряды и должности. «Фарары (приходские священники. — А. О.) и монастырские монахи стали торговцами», — читаем мы в одной из проповедей⁷⁴. Священники служат, например, 30 заупокойных масс, превратив веру людей в чистилище и выгодную для себя доходную статью⁷⁵.

Особому осуждению подверглась церковная практика культа останков так называемых святых. По поручению архиепископа Яну Гусу пришлось лично расследовать факт организации в Вильснаке ловким духовенством «чуда», с помощью чего оно привлекло тысячи паломников, которые оставляли там значительные суммы денег. Какая же справедливость, восклицал Гус, обогатить мертвых и ограбить живых⁷⁶.

К симонии Гус относил с полным основанием стремление священников получить с верующих побольше всякого рода даров⁷⁷. Сюда же отнесена и торговля индульгенциями, против чего он особенно резко и решительно выступал в последующие годы своей жизни. В проповедях специально оговорено поведение монахов, которые у пап и светских панов выпрашивают должности и доходы⁷⁸.

В проповеди, произнесенной в октябре 1407 г., Гус напомнил слушателям статута архиепископа Арношта из Пардубиц, который предписал за симонией отнимать у духовенства оброки или снимать с должности⁷⁹. Он не понимал еще, что симония — это явление органически присущее феодальной церкви, и полагал вполне возможным успешное преодоление этой болезни духовенства.

Уже в этих ранних выступлениях Гуса высказана мысль о том, что обогащение церкви — грех, что по мере обогащения церкви рос интерес духовенства к светским, мирским делам⁸⁰.

И в эти ранние годы своей деятельности Гус подверг духовенство критике за то, что оно обирает, чрезмерно эксплуатирует народ. Так, перечисляя семь грехов, в которых повинно духовенство, он назвал в числе их и угнетение подданных⁸¹.

Характерно, что уже в те годы в проповедях реформатора поставлен один из животрепещущих вопросов того времени — о взимании одумрти — посмертного побора, о чем позднее им был написан небольшой специальный трактат. Осенью 1407 г. Гус отмечал в одной из проповедей, что верующих «сбдирают вымоганием одумрти, по-иному нападуду, грабят законных наследников и выпускают несправедливые законы и попирают закон Бога»⁸². Ссылаясь на слова католических «святых» (Григория и др.), Гус заключал, что духовенство этой повинностью и иными способами угнетает людей «более жестоко, чем светские паны»⁸³. Хотя

⁷² Там же, стр. 191.

⁷³ Там же, стр. 144.

⁷⁴ Там же, стр. 155.

⁷⁵ Там же, стр. 160.

⁷⁶ «Spisy...», Vyd. Erben. d. I, стр. 79.

⁷⁷ Synodální kázání, стр. 177.

⁷⁸ Там же, стр. 154.

⁷⁹ Там же, стр. 169.

⁸⁰ Там же, стр. 151.

⁸¹ Там же, стр. 168—169.

⁸² Там же, стр. 174.

⁸³ Там же, стр. 176.

эти ранние высказывания о посмертном поборе и не дают еще основания для исчерпывающих и четких выводов, но все же очевидно, что это право духовенства ставилось под сомнение.

В ранних синодальных проповедях Гуса содержится также одно из крайне редких его высказываний по поводу барщины. Церковные феодалы — папы, архиепископы, аббаты и другие грабят верующих, принуждают их к несению барщины⁸⁴, говорил он. И из этого краткого замечания о барщине видно отрицательное отношение к ней со стороны Гуса.

Краткие данные о ранних высказываниях Яна Гуса, касающихся церкви в целом, жизни и нравов духовенства, говорят о том, что уже тогда вопросы, связанные с преобразованием церкви и жизни священников, занимали весьма большое место в его мировоззрении. Налицо критическое отношение с его стороны к моральному облику духовенства, тревога по поводу той роли, которую тогда играла церковь в обществе, особенно по отношению к судьбам широких слоев народа. Наибольшую заботу у Гуса и тогда вызывала симония, которая быстро проникала во все поры церковной жизни и во все слои духовенства. Уже тогда зарождалась мысль, что именно в симонии и содержится главное зло, подтачивающее католическую церковь изнутри, способствующее упадку нравов и, следовательно, авторитета духовенства.

Однако на раннем этапе деятельности Гуса эти вопросы далеко не приняли той остроты, которая характерна для его поздних выступлений. Сама по себе констатация факта широкого распространения симонии среди духовенства не была новым явлением. Даже церковные синоды вынуждены были зафиксировать это обстоятельство, а архиепископ Арношт из Пардубиц, хотя и безуспешно, пытался приостановить этот процесс. По-видимому, Гус тогда еще верил в полную возможность исправления этого большого греха духовенства мирными путями — постоянными напоминаниями в проповедях о том, как жили Христос и его апостолы, т. е. методами убеждения, и, во-вторых, с помощью известного насилия, по со стороны самих церковных властей. Не случайно он напоминал духовенству о статутах Арношта.

Умеренность позиции Гуса в рассматриваемом вопросе в первые годы его деятельности нашла свое выражение и в том, что он в равной степени относил пороки священников к их различным группам, *почти не выделяя высшего духовенства*. Верхушка духовенства — прелаты — пока еще не выдвигалась им на первый план как главный виновник всего того дурного, что проникло в католическую церковь. Напомним, что в те годы Гус еще не порвал окончательно с архиепископом и другими чешскими прелатами и даже был у них на хорошем счету.

Высшее духовенство еще не противопоставлялось так решительно светским панам, князьям и королям, как это мы увидим у Гуса позже. У магистра еще не созрела идея о том, что светская власть — король и светские паны — это и есть та сила, при решающей роли которой можно преобразовать церковь и изгнать из нее все пороки. Пока еще не были поставлены многие вопросы, которые в последующие годы займут значительное место. Например, в начале XV в. Гус не ставил еще четко вопроса о том, что рост богатств церкви наносит прямой ущерб светским феодалам, что расширение светских прав духовенства способствует ослаблению политического влияния короля и наносит ущерб государству в целом. Идея секуляризации церковных богатств не сложилась еще окончательно как важнейшее звено на пути к улучшению церкви. Не было еще четко сформулированного тезиса о том, что современная Гусу католическая церковь, в частности чешская, коренным образом отли-

⁸⁴ Synodální kázání..., стр. 151.

чается от раннехристианской. И в постановке вопроса о симонии, как мы уже видели, совсем нет такой остроты, которая характерна для позднего Гуса. Неясны еще пути и методы преобразования церкви и общества. Все эти вопросы вновь и вновь будут подниматься в последующие годы им и его сторонниками, пока наконец не примут характера довольно строено представленных требований бюргерской оппозиции.

Вопреки утверждениям буржуазной историографии, центр тяжести учения Гуса заключался не в собственно религиозных идеях. Его труды и деятельность показывают, что идея нравственного совершенствования людей, жизни «по-божьи», в соответствии с заповедями Христа, была у него органически связана с планами существенных преобразований в области экономических и социальных отношений. Не отвергая в целом католического учения о церкви, Гус ставил вопрос о необходимости ее коренного переустройства. Именно в более поздний период его жизни (примерно с 1408—1409 гг.) становится особенно ясным, что главной своей задачей он считал борьбу за возвращение современной ему католической церкви к нормам и обычаям церкви раннехристианской, или апостольской (по его выражению), в том виде, как он ее себе представлял.

Основной порок тогдашней церкви Гус видел в симонии — в стремлении духовенства к наживе, в наличии огромных богатств в его руках — земель, домов, зависимых людей. Земные, т. е. мирские, светские богатства в руках священников — это, по его мнению, тяжелое бремя, мешающее духовенству выполнять свои основные функции носителя и проводника идей христианства. Особенно основательно эти вопросы рассматривались им в трактатах «О симонии»⁸⁵, «О церкви»⁸⁶, в полемических сочинениях 1412—1413 гг.⁸⁷, в трактатах, написанных в защиту Уиклифа (1412 г.)⁸⁸, «Постилле»⁸⁹, «Толковании десяти заповедей»⁹⁰.

Симония захватила большую часть духовенства, с горечью отмечал он⁹¹. «Шестая ересь, — писал Гус в трактате „О шести ересьях“, — есть симония, которая очень заразила священников и иных людей»⁹². Эта продажность духовенства и стремление мирского населения к богатству: во что бы то ни стало вырастают из скупости, скарედности человека, являющейся смертным грехом⁹³. Наряду с критикой симонийства решительно осуждался моральный упадок духовенства⁹⁴.

Нередко особой критике за симонию подвергалось монашество. Об одном из чешских монастырей сообщалось, что ему принадлежали поля, рыбники, платежи с населения, так что в нем «на каждого (монаха) пришлось бы 20 или 30 коп. [грошей] доходов»⁹⁵ в год. И в «Постилле» монашество вновь обвинялось в том, что оно забыло заповеди Христа о бедности и стремится овладеть мирскими богатствами⁹⁶. Резкая критика симонии монашества, особенно нищенствующих орденов, объяснялась тем, что именно монастыри были наиболее крупными церковными собственниками. С другой стороны, паразитизм монахов был еще более очевиден, чем у остального духовенства, и находился в наиболее кричащем противоречии с монастырскими уставами и обетами. Не случайно

⁸⁵ O svatokupectví. «Spisy...», d. I. Vyd. K. Erben.

⁸⁶ «Spisy...», d. I. Vyd. V. Flaišhans.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же, т. II.

⁸⁹ Postilla. «Spisy...», d. 2. Vyd. K. Erben.

⁹⁰ Там же, d. 1.

⁹¹ Там же, d. 2, стр. 362.

⁹² Betlemské texty. Ed. B. Ryba. Praha, 1951, стр. 67, 91.

⁹³ «Spisy...», d. 2. Vyd. K. Erben, стр. 191.

⁹⁴ «M. Jana Husi korespondence a dokumenty». Vyd. V. Novotný. Praha, 1920, стр. 124.

⁹⁵ «Spisy...», d. 1. Vyd. K. Erben, стр. 426.

⁹⁶ Там же, т. 2, стр. 23.

монахи являлись объектом чрезвычайно резких нападений и со стороны народных сект.

Симония — явление не только чешское. Она распространена повсюду в католической церкви от Рима до Чехии, «ибо продают и покупают архиепископства дорожке, чем здесь в Чехии многие поместья, и дают отпущения, чтобы больше средств выжать из простого народа»⁹⁷.

В отличие от раннего периода деятельности Гуса, теперь постоянно подчеркивалось, что главными носителями симонии в церкви являются папы, кардиналы, епископы, аббаты, а не рядовые священники⁹⁸. Римская курия сама является убежищем, центром симонийства, и необходимо прежде всего изгнать симонию оттуда⁹⁹. «Однако как только римский епископ (т. е. папа. — А. О.) получал доходы и светскую власть, последовали борьба, высокомерие, скупость, ересь и раздор с ненавистью, а мир, смирение, бедность, вера... и евангельские проповеди у римских епископов, хотя и не у всех», отошли на задний план, «... апостол Христа ясно указал, что из-за владения имуществом и удовольствий (т. е. из-за мирского, светского образа жизни. — А. О.) возникают войны и беспорядки»¹⁰⁰.

Высшие симонийцы «продают епископства и иные оброки»¹⁰¹. Земных богатств жаждут и живут «для брюха» прежде всего епископы, прелаты, священники¹⁰². «Все нынешние прелаты, — читаем мы в другом труде Гуса, — т. е. возвышенные над людьми, тяготеют только к телесным удовольствиям»¹⁰³. По его мнению, «папа, кардиналы и остальные епископы и прелаты чтобы не держали владений и не правили ими по-светски»,¹⁰⁴ духовенство вообще должно отказаться от богатств, писал он далее в том же трактате¹⁰⁵. Совершенно очевидна гораздо большая, чем прежде, социальная заостренность в постановке вопроса.

Весьма важно также то новое обстоятельство, что борьба с симонией и другими крупными недостатками в католической церкви рассматривалась уже не только как национальная чешская, а как общеевропейская задача. Гус вспоминал в эти годы о столкновениях между церковью и светской властью в Англии и Франции¹⁰⁶. В письме польскому королю Владиславу он с удовлетворением отметил факт его примирения с венгерским государем Сигизмундом и заметил, что ему, Сигизмунду, да и иным князьям, необходимо изгнать из своих государств ересь симонии, так как этот яд разлился потоком по всем светским и духовным людям¹⁰⁷.

Основным богатством в руках церкви были земля и зависимые люди. Ян Гус и его соратники, выступая прежде всего против сосредоточения земельных богатств в руках церкви, в то же время боролись и против других форм и объектов симонии. Они относили к ней и куплю-продажу

⁹⁷ «Spisy...», d. 1, Vyd. K. Erben, стр. 10.

⁹⁸ «Spisy...», d. II. Vyd. V. Flajšhans, стр. 132.

⁹⁹ Там же, стр. 162, 165, 171.

¹⁰⁰ Там же, стр. 175.

¹⁰¹ «Spisy...», d. 1. Vyd. K. Erben, стр. 344, 396.

¹⁰² Там же, стр. 236.

¹⁰³ Там же, т. 2, стр. 167. Очень остра критика прелатов в трактате Гуса, написанном против его противников в Рокицанском монастыре: «Все симонийские прелаты, папа, кардиналы, епископы являются еретиками», — писал он там. («Spisy...», d. II. Vyd. V. Flajšhans, стр. 340). Почти 200 страниц этого большого произведения посвящены вопросу о том, имеют ли право прелаты и иные лица духовного звания на светскую собственность. Гус утверждал вновь и вновь, что «папа не должен по апостольскому праву приобретать себе в личную собственность светские владения» и пользоваться ими на тех же условиях, что и светские владельцы (там же, стр. 357).

¹⁰⁴ Там же, стр. 358.

¹⁰⁵ Там же, стр. 364, 365.

¹⁰⁶ Там же, т. 2, стр. 102.

¹⁰⁷ «Sto listu M. J. Husi». Ed. B. Ryba. Praha, 1949, стр. 75.

церковных должностей — явление чрезвычайно распространенное в чешских землях. Повсюду в католической церкви к этому времени была установлена своеобразная такса за получение той или иной должности в церкви. В Чехии, например, епископ Иоанн Литомышльский «дважды вел торговые переговоры, чтобы купить себе Пражскую архиепископию», — писал Гус. Скорее обрушится Пражский мост, заключал он пошному поводу, чем епископ вступит в должность, не заплатив Риму¹⁰⁸.

Гус выступил и против платности церковных обрядов и с горечью писал о том, что все они стали также предметом торговли со стороны духовенства. Все те, «которые за исповедь, за крещение, за святой елей, за служение мессы, за погребение, за освящение храма, алтаря, чаши, за подтверждение оброка, за проповеди [берут дары], — все таковые находятся в грехе»¹⁰⁹.

Чрезвычайно резкой и решительной критике подверглась широко распространенная в церкви торговля индульгенциями — грамотами на отпущение грехов. Папа Иоанн XXIII издал буллу о крестовом походе против неаполитанского короля Ладислава, имея в виду корыстные интересы прелатов, и обещал участникам этой войны прощение грехов. Так как на эту войну нужны были значительные деньги, он послал повсюду, в том числе и в Чехию, продавцов индульгенций. 17 июня 1412 г. в Пражском университете состоялся в связи с этим диспут. Гус решительно поддерживал всех тех, кто выступал против продажи индульгенций населению чешских земель¹¹⁰, и в Праге она была фактически сорвана. Он подверг сомнению утверждение теологов о том, что эти грамоты обладают какими-то особыми чудодейственными, таинственными свойствами, и заявил, что наличие их вовсе не освобождает человека от грехов. Вместе с тем в этой торговле индульгенциями он видел ярчайшее проявление симонии церкви. Отпущение грехов должно даваться только верующим людям и бесплатно, как это было прежде (т. е. в раннехристианской церкви. — А. О.)¹¹¹.

В одном из Констанцских писем Гуса, в специальном трактате, написанном против указанной буллы Иоанна XXIII, продажа индульгенций прямо именуется грабежом бедных¹¹². Здесь открыто утверждалось, что «римскому или какому-либо иному епископу или духовному не подобает и не на пользу воевать за светское господство или за мирское богатство»¹¹³. Гус напомнил учение церкви о двух мечях и справедливо заключил: как же это папа не боится толкать на смерть многих людей¹¹⁴. Ведь Христос этого не делал и даже запретил своим ученикам воевать! И в этом труде неоднократно замечания о том, что папе вообще не принадлежит право полного отпущения грехов¹¹⁵, что им располагает *только сам Христос*. Это было уже открытое выступление против одной из важнейших прерогатив, присвоенных католическим духовенством, покушение на его исключительную претензию играть роль посредника между Богом и людьми.

В органической связи с требованием внести существенные изменения в распределение собственности стоял вопрос о различных платежах и

¹⁰⁸ «Spisy...», d. I. Vyd. K. Erben, стр. 414.

¹⁰⁹ Там же, стр. 400. «Епископ не должен освящать костелы, капеллы, алтари, студентов за деньги» (там же, стр. 418). Приходский священник, вынуждающий людей платить за крещение, исповедь, мессу и другие обряды, — еретик (там же, стр. 435).

¹¹⁰ Там же, стр. 234, 346, 399.

¹¹¹ Там же, т. 2, стр. 153.

¹¹² «Spisy...», d. II. Vyd. V. Flajšhans, стр. 202—243, 236—237.

¹¹³ Там же, стр. 208.

¹¹⁴ Там же, стр. 209.

¹¹⁵ Там же, стр. 223, 228, 231. В других произведениях Гус писал о духовенстве в целом, что священники *не могут* отпускать грехи верующим («Spisy...», d. 2. Vyd. K. Erben, стр. 152, 158, 161, 163, 302).

повинностях в пользу духовенства. Отмена их также имела в виду создание дешевой церкви. Весьма характерно и интересно, что так же, как и Милич и Матей из Янова, Гус относил к симонии ростовщичество, взимание десятины и чинша с крестьян¹¹⁶. Десятина являлась в то время наиболее обременительным платежом и собиралась духовенством со всех верующих. Главная тяжесть ее ложилась на плечи крестьянства, но в отмене ее были заинтересованы и основная масса городского населения и многие дворяне. Гус прямо указывал, что те священники и судьи, которые вымогают с населения оброки и десятины, не являются истинными христианами¹¹⁷. Он предупреждал, что беда будет жестоким панам, «особенно священникам, которые хватают за горло и душат бедных, которые не могут давать им десятины» или заплатить за церковные обряды. Насилия и принуждения творят в отношении простых верующих «священники и монахи и светские», которые «берут за горло людей» за неуплату десятины или за иные долги, а также «без всякой вины»¹¹⁸.

Как и Уиклиф, Гус рассматривал десятину в качестве добровольного приношения верующих священникам. Если епископ небрежен в исполнении своих обязанностей, «тогда не давать ему десятины»¹¹⁹. В таком же духе он высказался позднее и на Констанцском соборе. Гус признавал право самого населения, верующих решать вопрос о том, следует ли им платить священнику. Это и дало основание таборитам не только отказаться от выплаты десятины церкви, но и поставить под сомнение право духовных и светских феодалов вообще требовать с народа какие-либо платежи и повинности. Хотел или не хотел этого сам Ян Гус, но его выступление против десятины объективно было направлено против феодальной привилегии на повинности с подданных, и именно так толковали его широкие слои населения. Так от Гуса идет прямая дорога к некоторым важнейшим требованиям таборитов.

В небольшом произведении «О семи смертных грехах» в числе смертных грехов названо ростовщичество¹²⁰, приравливавшееся к краже и рассматривавшееся как одно из самых сильных проявлений симонии. Указывалось, что оно наиболее сильно распространено среди купцов. Купцы привозят некоторые товары из дальних стран, из Италии, и дерут за них с населения втридорога. Так хорошее дело — торговля — превращается в явление вредное для населения. Очевидно, что в данном случае речь шла о крупных купцах, имевших большие капиталы и связанных даже с международной торговлей. Ростовщик приравнивался Гусом к проституткам, разбойникам и всем другим грешникам¹²¹.

Против прелатов и патрициата городов была направлена также критика спекуляции. Лихва, как называли чехи ростовщичество, выступает в двойной форме — скрытой и открытой. Скрытой формой ростовщичества является спекуляция продуктами первой необходимости, зерном, скотом, что задевало не только городскую бедноту и бюргерство, но и крестьянство. Гус заявлял, что все это «очень грабит общину»¹²². Любопытно, что он прямо выступал здесь в защиту рядовых ремесленников и крестьян. Он подчеркивал, что последние вынуждены продавать продукт своего труда торговцам, которые основательно наживаются на этом¹²³.

¹¹⁶ «Spisy...», d. II, Vyd. V. Flajšhans, т. 3, стр. 185.

¹¹⁷ Там же, т. 1, стр. 338. И в других произведениях мы встречаем осуждение практики взимания чрезмерных оброков с населения, о чем прежде всего заботились священники (там же, т. 2, стр. 286).

¹¹⁸ Там же, т. 2, стр. 392.

¹¹⁹ Там же, т. 3, стр. 443; см. также т. 2, стр. 203, 286, 309; «Spisy...», d. II. Vyd. V. Flajšhans, стр. 296, 309, 310.

¹²⁰ Там же, т. 3, стр. 185.

¹²¹ Там же, т. 2, стр. 260, 261.

¹²² Там же, т. 1, стр. 218.

¹²³ Там же, стр. 219.

Не раз упоминалась им спекулятивная торговля зерном в тяжелое для народа время неурожая, голодовок, бывших постоянным явлением в предгуситской Чехии. Приводились примеры, когда кредиторы отбирали у должников зерно и иные пожитки¹²⁴, о чем свидетельствуют и многие данные королевских городов страны, начиная с ее столицы — Праги¹²⁵.

Приведенные нами высказывания Гуса о ростовщичестве многое проясняют в его классовой позиции. В рассматриваемое время центрами ростовщичества являлись монастыри; в широких размерах им занималось и так называемое белое духовенство и патрициат. Объективно, да и субъективно, позиция реформатора в этом вопросе являлась защитой интересов широких кругов городского населения и крестьянства. Ростовщические операции и спекуляции задевали как плебс городов, так и бюргерство, хотя, разумеется, не в равной степени. В данном случае интересы массы горожан и крестьянства совпадали, что давало почву для их совместных выступлений против феодального порядка вообще. Выступление против ростовщичества является в то же время одним из редких дошедших до нас высказываний Гуса, направленных не только против прелатов, но и против патрициата городов.

Обвиняя в продажности прежде всего и главным образом духовенство, Гус в то же время писал и говорил о симонии светского населения. Повинны в симонии магистры и юристы-правоведы¹²⁶. В ней грешны также короли, князья «и иные повышенные», наряду с прелатами, которые должны нести за это ответственность перед богом¹²⁷. Характерно, что и в отношении светских слоев общества речь идет, как правило, о богатых горожанах или о дворянстве. Однако бросается в глаза то обстоятельство, что светские слои общества упоминаются при рассмотрении вопроса о симонии лишь попутно и что, конечно, не в них видел мыслитель главный источник и рассадник зла.

* * *

В своих более поздних произведениях Ян Гус много внимания уделил вопросу о том, откуда пошла, с чего началась симония в церкви и у мирского населения.

Он писал, что наличие ее отмечено как в Ветхом, так и в Новом завете, и напоминал о Симоне-волхве. Во времена победы христианской религии ересь симонии, которую он считал самым страшным из смертных грехов¹²⁸, «первым распространил папа»¹²⁹, в чем его и других прелатов всемерно поддерживает Антихрист. Как и некоторые его чешские предшественники, Гус утверждал, что ранняя христианская церковь не имела собственности. Начало церковным богатствам было положено, как он полагал, столетия назад, «когда император Константин впервые обогатил

¹²⁴ Там же, стр. 217.

¹²⁵ F. Graus. Chudina městská v době předhusitské. Praha, 1949. В трудах Гуса рассматривалось пять различных видов ростовщичества. Первый из них — это когда кто-либо заберет за долги зерно или иную собственность у должников. Следовательно, Гус и в данном вопросе стоял на стороне широких народных масс и осуждал безграничную их эксплуатацию и угнетение.

¹²⁶ «Spisy...», d. 2. Vyd. K. Erben, стр. 362, 424, 452, 453.

¹²⁷ Там же, т. 1, стр. 457.

¹²⁸ Придавая особое значение борьбе против симонии и других ересей, Гус, написав латинский текст трактата о шести ересь, позднее (в конце 1413 г.) составил новый чешский его вариант, который был записан на стенах Вифлеемской часовни; «чтобы люди остерегались их». Текст его на чешском языке был опубликован в трехтомнике Эрбена, но он менее точен и не снабжен научным аппаратом; в отличие от использованного нами издания Рыбы.

¹²⁹ «Spisy...», d. 2. Vyd. K. Erben, стр. 175.

римского епископа, дав ему владения»¹³⁰. Легенда о Константиновом даре встречается на страницах трудов реформатора неоднократно. В последующие столетия после императора Константина католическая церковь все более увеличивала свои богатства, прибегая к самым нечистоплотным приемам. Для Гуса было совершенно бесспорно, что зло симонии должно быть ликвидировано, что нельзя служить одновременно двум богам — Господу и деньгам¹³¹. Продажности духовенства противопоставлялась идея апостольской бедности. Приводились многочисленные ссылки на выступления апостолов, на жизнь самого Христа для доказательства того, что *церковь не имеет права на светские богатства и раньше не обладала ими*. Ранняя христианская церковь рассматривалась как некий идеал, к которому и должна быть возвращена церковь, современная Гусу.

Каковы же пути и средства для ликвидации симоний?

В трудах зрелого Гуса на этот вопрос дается уже глубоко продуманный ответ. Симония могла быть ликвидирована, если бы бог дал нам такого папу, читаем мы в одном из его произведений, который уничтожил бы, в соответствии с Писанием, продажность духовенства. «Но где же он находится? Было бы действительно великое чудо, если бы ныне появился такой папа!»¹³². Таким образом, Гус уже приходит к выводу, что не в этом направлении следует искать выход из тупика, в котором оказалась католическая церковь.

Самое надежное, — полагал Гус, — это «если бы светские князья и папы, наученные богом, не допустили» этой торговли или назначения недостойных прелатов¹³³. В трактате «О симонии» Гус не раз обращался к королям, князьям, панам с призывом изгнать симонийцев из церкви: «... Король или иные князья [должны] против них выступить и изгнать вон из своей страны»¹³⁴.

Выступая в 1412 г. в защиту статей Уиклифа, Гус особенно подробно остановился на роли королевской власти и всего дворянства в решении задачи ликвидации симонии. Он пришел к бесспорному для него выводу, что если начало богатствам церкви положено светской властью, то ей же принадлежит и право *отнять у церкви ее богатства*, хотя он и оговорился, что не имеет в виду право князей отнимать эти церковные владения *когда и как они захотят*¹³⁵. В защиту самой идеи секуляризации давалась следующая мотивировка: во-первых, богатства мешают духовенству выполнять свои прямые функции¹³⁶, во-вторых, что представляет особый интерес, из-за обогащения церкви беднеют дворяне¹³⁷ и, в-третьих, обогащение церкви может повредить интересам государства. Государи Чехии и Германии, жаловавшие церкви многие владения и привилегии, вовсе не имели в виду ослабления своей страны: «Король чешский или император, одаривая свою церковь (т. е. церковь своей страны. — А. О.), не имели в виду и не могли одаривать ее для ослабления и вреда своего королевства, поскольку вся власть есть от Бога, ко-

¹³⁰ «Spisy...», т. 1, стр. 415; т. 2, стр. 81. Во времена гуситов подложность легенды о так называемом Константиновом даре еще не была установлена.

¹³¹ Там же, т. 2, стр. 436.

¹³² Там же, т. 1, стр. 465.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же, стр. 467. Эта же мысль проходит и в «Толковании десяти заповедей» (там же, стр. 464). И в другом месте: «О, верные короля, князья и паны и рыцари! Пробудитесь от непробудного сна, которым вас усыпили священники, и изгоните из ваших владений ересь симонии» (там же, стр. 470).

¹³⁵ «Spisy...», d. II. Vyd. V. Flajšhans, стр. 289, 293.

¹³⁶ Там же, стр. 297, 304.

¹³⁷ Там же, стр. 301. Вот здесь-то и проявилось вновь подлинное классовое лицо Гуса как идеолога бюргерской оппозиции. В действительности ведь обогащение церкви, как и светских феодалов, шло из одного источника; они обогащались за счет ограбления и эксплуатации крестьянства.

торый не может дать на это „своего согласия“¹³⁸. Тезис об особых правах короны в вопросе о секуляризации вновь и вновь выдвигался Гусом. Нам думается, что он находился в самой органической связи с идеей крепкой королевской власти и централизованного чешского государства, характерной для него вообще и весьма прогрессивной по тому времени.

В 38-м тезисе в защиту учения Уиклифа подчеркивалось, что право королей на секуляризацию владений церкви является обычным *ленным правом*¹³⁹. Король *может и должен* отнять у плохого ленника, в том числе и у священника, дурно исполняющего свои обязанности, его лен. Если не признавать за королем права на секуляризацию богатств церкви, то это значит не признать его политического главенства в стране вообще. Та же мысль вновь звучит в 41 пункте статей Гуса¹⁴⁰. После бога король является наивысшей властью в Чехии¹⁴¹. Для большей убедительности приводятся многочисленные ссылки на Писание, на отцов церкви — св. Григория, Исихора и др.¹⁴² Мы не раз встречаем в произведениях мыслителя рассказ о том, как сам Христос в знак признания первенства светской власти над церковной приносил дань цезарю¹⁴³. В Ветхом Завете есть данные о том, писал Гус, что короли отнимали светские владения у церкви. Он заключал, что и во времена Нового Завета (т. е. в период феодализма) короли могут действовать таким же образом¹⁴⁴.

Все рассмотренные выше высказывания Гуса о праве короля на секуляризацию светской собственности церкви построены на конкретном чешском материале и имели в виду именно чешскую действительность. В письме из Констанца Гус просил своего соратника и единомышленника пана Яна из Хлюма: «Обратите, пожалуйста, на это (т. е. вопрос о секуляризации богатств церкви. — А. О.) внимание короля (имелся в виду король Чехии Вацлав IV. — А. О.): если этот артикул считать еретическим, тогда и сам король будет осужден в ереси, потому что он сам отнял несколько земельных имений у епископов...»¹⁴⁵. Но, ссылаясь на эти факты, Гус не забывал и общеевропейской обстановки, что свидетельствует о широте его политических взглядов. В этом же письме он приводит в качестве аргумента в защиту своего важнейшего тезиса опыт действий французской короны в отношении ордена тамплиеров. С большим удовлетворением он писал о том, что «многие короли часто отнимали... светские владения» у виновного духовенства, например французские государи у ордена тамплиеров¹⁴⁶.

Как известно, в последние годы жизни и деятельности Яна Гуса были установлены более прочные связи его единомышленников и самого магистра с представителями антифеодальной оппозиции в Англии. Ян Гус и другие деятели оппозиции получили несколько писем от английских лоллардов и в свою очередь писали им. К этому времени в Прагу приехал и остался там на многие годы Петр Пейн (Энглиш) — один из видных представителей английского уиклифизма периода после восстания У. Тайлера. Чешские гуситы получили возможность более основательно познакомиться с ходом реформационного движения в английских землях. В письмах и проповедях Гуса мы встречаем несколько интересных ссылок на английский опыт в вопросах преобразования церкви вообще и особенно в вопросе о секуляризации. С огромным удовлетворением в них

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же, стр. 302.

¹⁴⁰ Там же, стр. 304.

¹⁴¹ Там же, стр. 297.

¹⁴² Там же, стр. 293.

¹⁴³ Там же, стр. 291, 292.

¹⁴⁴ Там же, стр. 289.

¹⁴⁵ «Послания магистра Иоанна Гуса». СПб., 1903, стр. 143.

¹⁴⁶ Там же, стр. 300.

сообщалось, что король Англии отнял все владения у архиепископа и иных английских прелатов ¹⁴⁷. Естественно, что гуситское движение в Чехии складывалось и развивалось не изолированно от остальной Европы.

Несмотря на то, что в годы изгнания из Праги Гус значительно приблизился к широким слоям чешского народа, живя среди крестьян и проповедуя им, еще более убедился в народной силе и взгляды его стали более радикальными, он все же и в это время главные надежды в области преобразования церкви возлагал на светских феодалов и королевскую власть. В его письме от 4—5 марта 1415 г. мы читаем: «О, если бы Бог вдохновил короля так, чтобы он вместе с князьями встал за правду!» ¹⁴⁸. В одном из писем чешским друзьям, написанном тогда же, он советует им обратиться за помощью к королю ¹⁴⁹. Незадолго до своей смерти Гус благодарит короля Вацлава и всех светских феодалов за поддержку, которую они оказывали ему, и выражает надежду на их вмешательство в решение задачи перестройки церкви. «Думаю, что в чешском королевстве наступит великое гонение на тех, кто верно служит Богу, если последний не протянет своей руки [помощи] при посредничестве светских панов, которые в законе Божиим [ныне] просвещены больше [лучше], нежели духовные лица» ¹⁵⁰.

Иллюзии умеренных гуситов времени выступлений Гуса относительно королевской власти были не случайны. До отлучения Гуса от церкви король Вацлав IV действительно поддерживал реформационные планы преобразователя, касающиеся секуляризации богатств церкви и отнятия у нее светской власти, так как это совпадало с его личными интересами и интересами всех светских феодалов. Он воспрепятствовал одно время осуществлению папского интердикта против Гуса. Однако такая тактика короля вызывалась не его личными симпатиями и антипатиями, а классовыми интересами светских феодалов. Королевская власть, крупные светские феодалы поддерживали антицерковную оппозицию бюргерства городов и пизшего дворянства до тех пор, пока она не стала перерастать границы легального движения и пока не было значительных активных действий со стороны народа. Как только на историческую сцену выступили более активно крестьянские массы и плебс, стало все более очевидным выделение радикального крыла антифеодальной оппозиции и под угрозу были поставлены основы феодализма. Тогда настал конец фрондированию феодальной светской верхушки вместе с королем. Тактика уступок в отношении бюргерской оппозиции была заменена компромиссом с церковью, а позднее даже союзом с ней против гуситского лагеря в целом. Многие крупные светские феодалы уже тогда определили свою классовую позицию и отошли от Гуса и его соратников. Когда на повестке дня стал вопрос о самом существовании феодализма как системы общественных отношений, чешские паны должны были неизбежно блокироваться с верхушкой духовенства, с церковными феодалами. Однако окончательно такая расстановка классовых сил сложится несколько позднее, в годы гуситского вооруженного восстания. Во времена деятельности Гуса она еще далеко не определилась.

Было бы, однако, совершенно неправильно ограничиться лишь указанием на то, что Гус вместе со своими ближайшими единомышленниками рассчитывал на королевскую власть, на светских феодалов. В решении вопроса о симонии он предполагал также значительное расширение прав самой общины, что было новым явлением в развитии бюргерской оппозиции. Община, под которой он понимал, по-видимому, всех верующих

¹⁴⁷ Documenta Mag. Ioannis Hus..., стр. 172.

¹⁴⁸ Там же, стр. 70.

¹⁴⁹ Там же, стр. 154—155.

¹⁵⁰ Там же, стр. 184—185.

(т. е. не только светских феодалов, но и все слои горожан, крестьянство), обязана была, по его мнению, принять непосредственное и активное участие в борьбе с симонией. Она имеет право активно препятствовать распространению симонии, например, не давать любителям ее должностей («...чтобы община таковым, которые являются явными святокупцами и дурно живут, не дала доходных статей, чтобы ими торговали»¹⁵¹). В другом труде Гус прямо говорил об участии всех верующих в решении вопроса о симонии: «...Святокушцы как первые и паивысшие еретики должны быть всеми верными (т. е. подлинными христианами. — А. О.) отвергнуты, и если бы не отступили (от симонии. — А. О.), после предупреждения должны быть наказаны светской властью»¹⁵². Напомним еще раз о том, что каждый верующий, согласно взглядам реформатора, имел право *сам решать* вопрос, следует ли платить десятину священнику, если он живет «не по-божьи». Следовательно, и здесь налицо несомненное стремление повысить удельный вес всех тех элементов феодального общества, которые не входили в класс феодалов. В планах политических преобразований мы встретимся с той же самой тенденцией к значительному расширению прав общины. Практически это выражало интересы прежде всего бюргерства королевских городов.

Для определения того, какое место занимали социально-экономические вопросы в учении Гуса и других видных деятелей умеренного гуситства, большой интерес представляют материалы Констанцского собора и высказывания «отцов» церкви, оценка учения и деятельности Яна Гуса его современниками из феодально-католического лагеря, лагеря врагов гусизма. В доносах на Гуса из самой Чехии, в статьях, принятых против него в 1414 г. Парижским университетом, в обвинительных материалах, подготовленных по поручению Констанцского собора, в выступлениях высшего духовенства на соборе совершенно неприкрыто высказывалось опасение, что учение Гуса наносит сокрушительный удар материальным интересам церкви. В артикулах против реформатора, составленных Михалом де Каусис еще в 1412 г., содержалось обвинение в том, что Гус призывает светских людей отнять у дурного духовенства его собственность¹⁵³. Хотя обвиняемый и отвергал этот пункт, но фактически он стоял именно на такой позиции. Этот же противник Гуса сообщал, что тот рассказывает в проповедях народу о секуляризации богатств церкви, проводимой королем Англии. В статьях, представленных папе Иоанну XXIII, тот же доносчик обвинял Гуса в том, что он вообще отвергает право церкви на светские владения¹⁵⁴. Указывая на реальность тяжелых последствий, которые могут быть вызваны распространением идей Гуса, Каусис ссылаясь на пример Чехии и г. Праги, где у многих церквей уже отняты светские владения. Против монахов и прелатов Чехии очень настроена и светская знать, поскольку Гус учит и проповедует, что прелаты не должны иметь светских владений и миряне должны отнять их у духовенства. Отвечая на седьмую статью доноса М. Каусиса от 1410 г., Гус заявил, что, по его мнению, десятину можно отнимать у священников, которые ведут постыдный образ жизни, с тем, чтобы заставить их исправиться¹⁵⁵.

24 сентября 1414 г. против учения Гуса высказались и профессора Парижского университета вместе со своим канцлером Иоанном из Гер-

¹⁵¹ «Spisy...», d. I. Vyd. V. Flajšhans, стр. 465.

¹⁵² Там же, стр. 396.

¹⁵³ «...Dixit, quod seculares debent auferre clericis bona temporalia, et quod hoc esset meritorium» («Documenta...», стр. 170).

¹⁵⁴ «...quod ecclesia non debeat habere temporales possessiones, et quod domini temporales impune possunt ea ecclesiis et clericis auferre» («Documenta...», стр. 195). Та же мысль на стр. 198.

¹⁵⁵ «Documenta...», стр. 187.

сона. Излагая содержание «ересей» Гуса, они писали в 15-м пункте своего решения, что тот требует отнимать десятину и иные светские владения у священников, которые ведут постыдный образ жизни¹⁵⁶. Гуса обвинили в том, что он учил подданных не почитать таких прелатов (статья 13)¹⁵⁷. Правоверные католические теологи Парижского университета считали этот пункт (статья 15) страшной ересью, подрывающей привилегии и права церкви¹⁵⁸. Они категорически отвергали положение Уиклифа — Гуса о том, что десятина — это только добровольная милостыня верующих священникам, а не постоянный, обязательный платеж в пользу духовенства, и пытались доказать, что эта «скандальная ересь» противоречит Писанию.

Опасения высшего духовенства по поводу учения Гуса о секуляризации богатств церкви подтверждались и тем, что на Констанцском соборе, выступая справедливо против искажения целого ряда положений своего учения, он сам повторил прежние высказывания о церковной собственности, заявив, что церковь получила их лишь от императора Константина и, стало быть, не имеет на них прав. Специальный пункт обвинения против магистра был сформулирован по поводу о десятине. С обвинением выступили английский архиепископ Роберт Галлам, магистр Пражского университета Штепан Палеч и епископ Камбре.

Против ереси Гуса с особым посланием обратился к собору канцлер Парижского университета Иоанн из Герсона. Он рекомендовал осудить произведения Гуса, указав на огромную опасность, которая таилась в них для господствующего феодального класса, на угрозу народных волнений в связи с дальнейшим распространением идей Уиклифа—Гуса. «Ясно, что ввиду смелости, упорства и многочисленности последователей этого архиеретика Джона Уиклифа в Англии, Чехии и Шотландии, нужно против них бороться не столько замысловатыми мудрствованиями, которых они недостойны, сколько судебными приговорами, ибо они своей столько раз осужденной ересью бесстыдно выступают против всякой власти, и церковной и светской, попирают основы права не только церковного и государственного, но также божеского и естественного; наконец, они подстрекают грубых и необразованных людей и крестьян ко всяким безобразиям, бунтам. Их скорее и легче можно исправить карами, чем словами»¹⁵⁹.

Таким образом, деятели собора и высшее католическое духовенство видели в учении и деятельности Гуса, его единомышленников и последователей угрозу *всему феодальному строю* и прежде всего, разумеется, смертельную опасность для господства римско-католической церкви. Вот почему они так единодушно вынесли Гусу смертный приговор.

* * *

Борьба за дешевую церковь органически сочеталась с проблемой свободной собственности, которая становилась все более насущной в тогдашней Европе, в том числе и в чешских землях. Широкое распространение денежной ренты, имевшее место в очень значительных размерах и в Чехии XIV в., усиливало стремление крестьянства сбросить со своих плеч феодальное иго. Зажиточное и среднее крестьянство желало добиться ликвидации по крайней мере наиболее тяжелых повинностей и платежей,

¹⁵⁶ «...quod quando sacerdotes nolunt bene vivere, sed vivunt manifeste male, ... si non emendarent vitam suam, possunt eis retinere decimas ea ratione, ut emendant vitam suam» там же, стр. 170—171).

¹⁵⁷ Там же, стр. 187.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Цит. по кн.: J. Масек. Tabor v husitském revolučním hnutí, d. I. Praha, 1952, стр. 220.

получить большую свободу в распоряжении своей собственностью. Аналогичную тенденцию можно проследить и у городского бюргерства, которому также мешали различные ограничения в распоряжении собственностью, хотя бюргеры в этом отношении были в гораздо лучшем положении, чем крестьянство.

Ярким свидетельством того, что и в Чехии по-новому встал вопрос о собственности, явилась оживленная дискуссия о праве «мертвой руки», развернувшаяся в 80-х годах XIV в.¹⁶⁰ Несколько раз на этом вопросе останавливался и Ян Гус. Против взимания одумрти, как называли в Чехии право «мертвой руки», была в известной мере направлена его синодальная проповедь от октября 1407 г.¹⁶¹ Он назвал в числе семи грехов духовенства угнетение подданных, «вымогательство», к которому отнес и право «мертвой руки». В проповеди это право феодалов называлось незаконным, попирающим сущность божьих заповедей.

О праве «мертвой руки» Ян Гус писал и в одном из своих трактатов. Останавливаясь на вопросе, справедливо ли взимать с крестьянина посмертный побор, он заключал, что «в святом писании мы не находим, чтобы оно предписывало взимать посмертный побор таким образом, как его взимают; поэтому мы не смеем судить, когда его должны брать и когда не должны»¹⁶². Внешне это утверждение выглядит так, будто бы Гус в принципе не отрицал этого феодального права. По существу же, несмотря на указанную оговорку, трактат направлен против посмертного побора вообще. Евангелие, читаем мы далее в трактате, высказывается против тех, «которые ложным путем берут у людей их имущество, и особенно против тех, которые устанавливают для себя право держать своих людей»¹⁶³.

Наследство должно переходить детям умерших. Если они малолетние, то за их имуществом должны следить ближайшие родственники. Наиболее сильным и интересным, с нашей точки зрения, аргументом против выморочного права феодалов являлось положение о том, что это имущество крестьян является плодом труда умершего: «...ибо это имущество есть его усилие, и он является господином этого имущества, и ты, пан, был или есть единственно только защитник и судья, а за это берешь плату и службу»¹⁶⁴.

Если в предшествующей дискуссии шла речь главным образом о духовенстве, пользующемся правом «мертвой руки», то в трактате Гуса, и это весьма любопытно, все время говорится как о церковных, так и о светских феодалах. В приведенной выше цитате речь шла явно о светских феодалах. Критикуя в начале трактата крупные недостатки во взимании одумрти, Гус писал, что они представляют обычное явление между владыками, т. е. светскими феодалами¹⁶⁵. Он критиковал помещиков за то, что они ограничивали крестьянское право собственности: «...что не даете свободу своим людям, чтобы могли свое продать или завещать при жизни друзьям и раздать бедным».

В сравнении с предшествующими выступлениями поставлен новый вопрос о том, что отмена права «мертвой руки» будет выгодна самим помещикам: «...чтобы люди могли хорошо платить пану (т. е. уплачивать денежный чинш и пр. — *А. О.*), он (помещик. — *А. О.*) должен панствовать, преследуя зло, мстить ему (т. е. злему. — *А. О.*), защищать

¹⁶⁰ Краткие замечания о литературе вопроса даны в статье: М. Boháček. Právní ideologie předhusitského zastánce selské svobody. «Historický sborník», VIII. Praha, 1961.

¹⁶¹ «Spisy...», d. I. Vyd. V. Flajšhans, стр. 160, 193.

¹⁶² «Spisy...», d. 3. Vyd. K. Erben, стр. 191—197.

¹⁶³ Там же, стр. 193.

¹⁶⁴ Там же, стр. 192.

¹⁶⁵ Там же, стр. 196.

добро, знать божьи заповеди, давая каждому то, что ему принадлежит, и использовать имущество, владения согласно божьих заповедей»¹⁶⁶.

Заканчивая характеристику трактата Гуса об одумрти, мы отметим, что в косвенном виде это было уже значительное выступление против феодальных правовых норм. Особенно это заметно именно в трудах Гуса, поскольку он рассматривает этот вопрос применительно к феодальному классу в целом. Но здесь вместе с тем отразилась непоследовательность, типичная для бюргерской оппозиции. Ян Гус и в данном вопросе апеллирует прежде всего к светским феодалам. Посягнуть решительно и бесповоротно на все феодальные привилегии он не думал и не мог.

В данном трактате очень ярко проявляется идея свободной (свободной хотя бы в рамках феодального общества, т. е. относительно свободной) собственности. Объективно это выступление Гуса представляло один из ранних этапов борьбы за свободную собственность и было глубоко прогрессивным.

Таким образом, в предгуситское время зарождались некоторые из важнейших идей, которые достигнут своего полного развития и четкого, глубоко осмысленного выражения много позднее.

Подводя итог высказываниям Гуса по поводу создания дешевой церкви и по иным вопросам, связанным с экономическими интересами бюргерской оппозиции, следует отметить следующее. В отличие от своих предшественников, Гус поставил эти вопросы гораздо шире и глубже. Наряду с задачей установления дешевой церкви, выдвинуты были и другие проблемы, связанные с упрочением прав бюргерства на всякого рода собственность. Осуждалась спекуляция, которой практически занимались тогда патриции и монастыри. Было сформулировано пожелание о необходимости ликвидации посмертного побора. Как и предшествующий пункт, оно несколько выходило за рамки проблемы преобразования церкви.

Главное, однако, заключалось не только в том, какие новые вопросы выдвинули Гус и его соратники, а в более глубокой и систематизированной формулировке центральной задачи — идее создания дешевой церкви.

В духе Матей из Янова задача секуляризации церковных владений была поставлена как совершенно конкретное, практическое требование сегодняшнего дня. Борьба против уплаты десятины заняла очень значительное место в трудах Гуса. Много внимания уделялось необходимости ограничения роскоши прелатов, улучшению их нравов, быта. Лозунг удешевления и упрощения церковных обрядов сложился по сути дела также еще до гуситских войн. Именно в это время оформился и получил свое развернутое выражение тезис о смертных грехах и необходимости их искоренения, что давало мощное идеологическое оружие плебейско-крестьянскому лагерю гуситов.

По сравнению с предшественниками Гуса экономические задачи были поставлены в органическую связь с проблемами социального преобразования общества. Не останавливаясь на этом вопросе специально, укажем лишь, что именно в учении Гуса бюргерство заявило о своих больших притязаниях на роль полноправного третьего сословия в политической жизни страны.

Ко времени гуситских войн программные требования бюргерской оппозиции полностью оформились. Это целиком относится также и к их требованиям экономического характера.

По-новому встал вопрос и о том, кто же осуществит реформу церкви. Постепенно была преодолена надежда на папу, собор, характерная, например, для Милича. Не отказавшись еще в полной мере от возможно-

¹⁶⁶ «Spisy...», d. 3, Vyd. K. Erben, стр. 192. Ян Гус оказался в данном случае дальновиднее многих буржуазных ученых нового времени, указав на экономические корни интересов помещиков.

стей использования церковного собора, о чем говорит добровольная поездка Гуса в Констанц (а позднее и участие гуситов в заседаниях Базельского собора), идеологи бюргерской оппозиции возлагали и теперь главные надежды на светскую власть — короля, панов. Со всей очевидностью именно эта мысль звучит в трудах Яна Гуса, Якоубека. Это был заметный шаг вперед, однако далеко не достаточный.

Сходство с предшественниками Гуса проявилось на данном этапе развития бюргерской оппозиции в том, что и те и другие рассчитывали на решающую помощь самого господствующего класса в деле преобразования общества, в частности церкви. В этом и был бюргерский, а не зрелый буржуазный подход к главным проблемам современности.

БЮРГЕРСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ГОДЫ ГУСИТСКИХ ВОЙН

Период господства идеологии хилизма (1419—1421 гг.)

Народное восстание 30 июля 1419 г. в Праге положило начало новому и важнейшему этапу в истории гусизма. Начиная с этого события и до 1437 г. вся страна была охвачена пламенем гуситского революционного движения. Чешские земли, главным образом собственно Чехия, раскололись на два лагеря — гуситский и феодально-католический, антигуситский, которые более полутора десятка лет вели между собою ожесточенную вооруженную борьбу.

Феодально-католический лагерь объединял крупных светских феодалов, прелатов чешской церкви, патрициат городов, некоторых магистров Пражского университета, часть среднего и низшего дворянства. Отдельные паны, временные «попутчики» гуситов, убедившись в революционности целей и методов действий таборитов, поспешили перейти в феодальный лагерь, где и было их настоящее место. Феодально-католический лагерь чешской реакции выступал в теснейшей связи с римско-католической курией и крупными светскими феодалами западноевропейских стран. Следовательно, против чешских гуситов единым фронтом выступила как внутренняя, так и европейская феодальная реакция.

Более определенным стал в эти годы по своему составу и гуситский лагерь. Постепенно от него отошли паны, некоторые представители среднего и низшего дворянства. К гуситам принадлежало тогда подавляющее большинство населения страны. Лица «нейтральных», не примкнувших к гуситам или к феодально-католическим силам, было, по-видимому, немного. В составе гуситов были все слои крестьянства, городские ремесленники-мастера, подмастерья, ученики, различные группы наемных работников в городах, угольщики, мелкие и средние торговцы, значительная часть низшего духовенства, многие магистры университета, большая часть среднего и низшего дворянства. Эти разные по социальному составу слои населения выступали, разумеется, с различными целями и методами борьбы. Массу дворянства, например, привлекали прежде всего церковные богатства, путем секуляризации которых она и рассчитывала поправить свои пошатнувшиеся дела. Однако классовые интересы дворянства отталкивали его от широких слоев чешского народа, от плебса, от крестьянства, которое стремилось в свою очередь вернуть себе земли, отнятые у него светскими и церковными феодалами. Если в предшествующий период в основном лишь наметились два главных направления среди гуситов, то теперь они сложились окончательно. Таким образом, в ходе вооруженного восстания завершилось размежевание различных социальных сил. Новое на этом этапе заключалось также в том, что именно теперь окончательно оформились,

уточнились цели и задачи как гуситских, так и феодально-католического лагерей, их программные требования.

Наряду с плебейско-крестьянским лагерем, которому принадлежала роль наиболее последовательной и радикальной силы, большое место занимал в гуситском движении лагерь бюргерской оппозиции. К нему следует отнести прежде всего собственно бюргерство, т. е. средние имущие слои городского населения, в состав которого входила большая часть купечества, основная масса цеховых мастеров, кроме наименее обеспеченных материально, подмастерья из более привилегированных цехов. В годы гуситских войн в блоке с бюргерством выступает в большей части среднее и низшее дворянство. Их объединяло стремление к секуляризации богатств церкви и желание отнять светскую власть у духовенства. Ф. Энгельс рассматривал такой союз массы дворянства с бюргерством как явление типичное для ряда стран Европы. «Как в Южной Франции, так и в Англии и Чехии мы видим уже, что большая часть низшего дворянства присоединяется к борьбе городов против попов и примыкает к ересям — явление, которое объясняется зависимостью низшего дворянства от городов, а также общностью интересов тех и других в их оппозиции к князьям и прелатам»¹⁶⁷. К умеренным гуситам примыкала часть непривлеклированного духовенства, многие магистры Пражского университета.

Уже в первый, хилиастический период гуситского революционного движения (1419 — осень 1421 г.) оформилась программа бюргерской оппозиции. Важнейшие ее положения были изложены в требованиях к Сигизмунду в 1419 г., когда он попытался мирным путем получить корону чешского государя, затем в четырех пражских статьях, в гуситских манифестах. Они нашли свое яркое отражение в гуситских сатирах Будишинской рукописи, в современных гуситских хрониках. Даже враги гуситов писали тогда о них в целом ряде трактатов, хроник, сатир и писем. Вопреки утверждениям буржуазных историков, важнейшее место среди требований бюргерской оппозиции занимал вопрос о феодальной собственности.

Несколько пожеланий в этой области было высказано в 1419 г. при переговорах гуситов с Сигизмундом¹⁶⁸. Гуситы требовали, «чтобы священники не владели светским правом, имуществом, доходами и людьми, но чтобы имели от светских людей необходимое в соответствии с заповедями божьими». Это требование выражало идею секуляризации богатств церкви и было главным в планах бюргерской оппозиции вообще. Изложенное в данном случае сжато, в общей форме, без развернутой аргументации, ссылок на Писание и отцов церкви, оно все же выражало достаточно полно главный смысл идеи дешевой церкви. Если и не ставился прямо вопрос о методах осуществления требования умеренных гуситов, то все же они обращались с ним к наследнику чешского трона, очевидно, полагая, что ему-то и надлежит обеспечить осуществление плана преобразования церкви.

Выполнению планов создания новой, дешевой церкви должно было способствовать и осуществление другого требования чехов к Сигизмунду. Они отвергли справедливость давно уже присвоенного папами и римской курией в целом права назначать в чешские земли своих ставленников на службу (по-видимому, речь шла о назначении на высшие посты в чешской церкви) и давать им доходные статьи и должности — бенефиции и пребенды¹⁶⁹.

Несколько статей касались светских прав и элементов. Впредь король не должен был назначать, за некоторыми исключениями, светских лиц

¹⁶⁷ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 36.

¹⁶⁸ АС, d. 3, стр. 206—208.

¹⁶⁹ Там же, стр. 207.

или лиц духовного звания из числа чужеземцев на государственные должности и давать им государственные доходы. В данном случае требования экономические переплелись с требованиями, направленными в защиту национальной независимости Чехии.

Некоторые статьи касались непосредственно короля как главы государства и крупного феодала. Недовольные излишествами двора, слишком щедрым расходованием государственной казны, сословия пожелали, чтобы деньги из нее тратились лишь на государственные нужды и только по решению сейма. Поскольку рассматриваемое требование к Сигизмунду составлялось еще при очень значительном участии светских магнатов, можно полагать, что оно было выдвинуто не только бюргерской оппозицией, но и чешскими панями, которые хотели осуществить более жесткий контроль над казной и над политической деятельностью короля ¹⁷⁰.

Вновь мы встречаемся и с вопросом о праве «мертвой руки». Сословия потребовали, чтобы король не брал выморочного взноса, кроме тех случаев, когда тот или иной человек умер без завещания и не имел родственников. Как известно, Сигизмунд не пошел тогда на уступки и попытался силой оружия, путем крестовых походов задушить гуситское революционное движение. Требования, выдвинутые в то время умеренными гуситами и другими представителями сословий Чехии, не были осуществлены, мы встречаем их вновь и вновь в важнейших программных документах бюргерской оппозиции.

В 1420 г. получил свое оформление важнейший, хотя и не единственный, программный документ бюргерской гуситской оппозиции — четыре пражские статьи. В буржуазной исторической литературе содержанию этого источника было уделено большое внимание. Немецкий историк И. Лозерт в книге «Гус и Уиклиф», рассматривая деятельность Яна Гуса, доказывал полную зависимость учения последнего от его английского предшественника. Он заключал, что почти все важнейшие положения своего учения Гус заимствовал у Уиклифа и что гусизм — это уиклифизм, перенесенный на чешскую почву ¹⁷¹.

На той же идеалистической базе теории «филиации идей» построена вся концепция единомышленники Лозерта М. Углирж, написавшей диссертацию, посвященную генезису четырех пражских статей. Она распространила вывод Лозерта о неоригинальности идей гусизма и на годы гуситских войн. Рассматривая последовательно одну за другой четыре пражские статьи, Углирж находила им аналогию в трудах английского реформатора и ставила их в зависимость от его учения. Говоря о третьей статье, она также утверждала, что «происхождение этой статьи следует искать без сомнения только в трудах Уиклифа» ¹⁷². С этим положением никак нельзя согласиться. Как отметил уже В. Новотный в специальной рецензии на книгу Углирж ¹⁷³ и в своих исследованиях, вопрос о свет-

¹⁷⁰ В варианте требований, включенных Виндеком в его книгу, отдельным пунктом стоял вопрос о решительном ограничении ростовщичества и отмене платности за церковные таинства. Виндек дал его без комментария. E. Windeckes. *Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds*. Ed. W. Altman. Berlin, 1893, стр. 122—123 (далее — *Denkwürdigkeiten...*).

¹⁷¹ J. Loserth. *Hus und Wiclif. Zur genesis der Husitischen Lehre*. Praga—Leipzig, 1884, стр. 1, 13, 18, 20. Эта точка зрения проводилась им в различных статьях.

¹⁷² M. Uhlirz. *Die Genesis der vier Präger Artikel*. «Sitzungsberichte der Kais. Akad. der Wissens. in Wien», phil.-hist. Klasse, Bd. 175, Abt. 3. Wien, 1914, стр. 93—94. Довольно резкой критике концепцию Лозерта и его единомышленников подверг английский ученый Р. Р. Беттс. Он признал большое значение чешских отечественных истоков гусизма (см. R. R. Betts. *English and Cech influences on the Husite Movement*. «Transactions of the Royal Historical Society», fourth series, vol. XXI. London, 1939).

¹⁷³ V. Novotný. *Časopis Matice Moravské*. Brno, 1915; он же. *Náboženské hnutí české ve 14. a 15. stol., č. I, do Husa*. «Sbírka přednášek a rozprav», serie VI, sv. 10 (60). Praha, 1915.

ской власти и богатствах духовенства поднимался еще Миличем из Кромержижа и Матеем из Янова, призывавшими священников к апостольской бедности. Неверно утверждение Углирж, что и четвертая пражская статья о наказании за смертные грехи возникла «исключительно из трудов Уиклифа». Целый ряд «смертных» грехов, таких как роскошь, разврат, ростовщичество, симония духовенства и иные, нашел осуждение уже в трудах предшественников Гуса, в деятельности и в учении народных сект.

Историей возникновения четырех пражских статей занимался и Ф. М. Бартош¹⁷⁴. Он считает, что старейшие варианты этого документа относятся к началу апреля 1420 г. Основа этого текста содержится в гуситском манифесте от 20 апреля 1420 г. Микулаш Бискупец высказал в своей хронике мысль о том, что первый вариант четырех пражских статей возник еще раньше, сразу после большого народного собрания на горах в Кржишках 30 сентября 1419 г. Он излагает те требования, которые выдвигались в то время гуситскими проповедниками. На первое место в них был поставлен вопрос о секуляризации богатств церкви (статьи первая и третья в изложении Микулаша из Пельгржимова). Особенность этого варианта — в его более радикальном звучании. Более остро поставлены в нем социально-экономические проблемы. Вопрос о церковной собственности, платежах в ее пользу стоит там на первом плане. В духе учения предшественников Гуса, народных сект и выступлений самого Яна Гуса подчеркивалось, что священники не имеют права владеть землями, домами, чиншами. В изложении Микулаша Бискупца наше внимание привлекает прямое указание на земельную собственность как основу церковных богатств и главный объект внимания гуситов. Этого уже не будет в официальной редакции четырех пражских статей, где говорится о собственности, владениях духовенства вообще, без раскрытия конкретного содержания этого понятия. Специально оговорено требование отмены чинша и в отдельном пункте — отмены десятины¹⁷⁵.

Из пяти пунктов, названных таборитским епископом, три непосредственно связаны с вопросом о церковной собственности и повинностях с населения в пользу духовенства. Он указал затем, что на горах были приняты четыре статьи гуситских требований, которые позднее были записаны в Праге. Имелись в виду именно четыре пражские статьи. Следует кратко их изложение¹⁷⁶, без тех многочисленных ссылок на «отцов» церкви, которые содержатся в принятых текстах статей. Расположены они в его изложении также по-иному. На первом месте стоит требование свободной проповеди слова божьего, как и в официальном тексте, но на втором месте находится уже пункт о борьбе со смертными грехами (в принятом тексте этот пункт стоит четвертым), о причащении под двумя видами записано третьим пунктом, а не вторым, и, наконец, требование секуляризации богатств церкви и лишения ее светской власти записано не как третья, а как четвертая статья. Ф. М. Бартош указал, что в изложении Микулаша из Пельгржимова признавалась проповедь мирян, что практически означало отказ от признания духовенства в качестве единственного носителя и толкователя идей христианского учения.

Исследователю бросается в глаза заметное различие между изложением содержания проповедей гуситских проповедников на горах и тем текстом четырех пражских статей, который был записан в Праге и при-

¹⁷⁴ F. M. Bartoš. Do čtyř pražských artykulů. «Sborník příspěvků k dějinám hlavního města Prahy», d. V. Praha, 1932.

¹⁷⁵ K. Höfler. «Geschichtschreiber der Husitischen Bewegung in Böhmen». FRA Abt. I, Bd. 6, T. 2. Wien, 1865, стр. 478—479.

¹⁷⁶ Там же, стр. 480.

ният позднее Чаславским сеймом. Вопрос о церковной собственности здесь был дан шире и конкретнее. В официальном тексте статей не была специально оговорена необходимость отмены чинша и десятины. Вариант требований, сообщенный таборитским епископом, звучал более радикально и отразил давление на идеологов бюргерской оппозиции со стороны широких масс крестьянства и городских низов. Вместе с тем мы должны отметить, что четвертая пражская статья о смертных грехах мирян и духовенства, в тексте, принятом всеми гуситами, выглядит гораздо выразительнее.

Ф. М. Бартош отвергает утверждение о том, что четыре пражские статьи возникли в 1417 г., как писал Дворский¹⁷⁷, или в октябре 1419 г., как полагал современник Микулаш из Пельгржимова. Пришедшие из Кржижков гуситы, крестьяне и плебеи не смогли заставить бюргерскую оппозицию, пражских магистров принять их более радикальный вариант статей. 27 мая 1420 г. в обстановке вторжения в страну полчищ крестоносцев гуситы единодушно приняли три статьи, из которых позднее и возникли четыре пражские статьи. Как полагает Бартош, они вышли из-под пера пражских магистров. Уже тогда рассылались их чешские, немецкие, латинские тексты. В начале июля магистры придали им окончательную форму и 6 июля разослали. 1 августа 1420 г. они провели еще одно обсуждение текста четырех пражских статей¹⁷⁸.

Как показывают сохранившиеся гуситские манифесты, уже в то время, т. е. до официального принятия статей сеймом, четыре пражские статьи включались во все тексты воззваний, рассылавшихся в войска крестоносцев в соседние с Чехией страны с целью разъяснения подлинных целей гуситов. Еще в манифесте от 20 апреля 1420 г. умеренные гуситы записали в общей форме третью статью, в которой выдвигалось требование, чтобы священники жили так, как заповедал Христос, его апостолы и установили отцы церкви¹⁷⁹. Хотя здесь и не было сказано прямо о необходимости конфискации церковной собственности, но это подразумевалось, о чем свидетельствуют последующие формулировки четырех пражских статей.

Вскоре после этого феодалы-крестоносцы вторглись в Чехию во главе с Сигизмундом и начали зверскую расправу с мирным чешским населением, сжигая и уничтожая все на своем пути к Праге. На помощь столице пришли таборитские отряды из различных районов страны. Естественно, что в обстановке всеобщего патриотического подъема против внутренней и внешней феодально-католической реакции усилились радикальные элементы. Под влиянием таборитов 1 июля 1420 г. был принят манифест объединенных гуситов, более радикальный по своим формулировкам¹⁸⁰. Манифест был адресован участникам крестового похода, и в нем изложены были также четыре пражские статьи. По-иному, чем прежде, и в гораздо более развернутом виде дана была третья статья — о церковных богатствах. В ней содержалось требование отнять у церкви светские владения. По-видимому, этой статье гуситы уделяли особенно большое внимание, так как аргументация ее весьма обширна. Почти страница печатного текста содержит извлечения из евангелий Матвея, Луки, сочинений Августина и других деятелей христианской церкви, которые должны были своим авторитетом подкрепить законность требований гуситов. 3 июля 1420 г. в Праге были провозглашены четыре пражские статьи, среди которых была и третья статья, редакция которой почти совпадала с редак-

¹⁷⁷ F. Dvorský. Počátky kalicha a artikule pražské již I. 1417. Praha, 1907.

¹⁷⁸ F. M. Bartoš. Указ соч., стр. 550.

¹⁷⁹ AC, d. 3, стр. 210—212.

¹⁸⁰ Тексты манифестов изданы Ф. М. Бартошем в кн.: «Sborník příspěvků k dějinám Hlavního města Prahy», d. 7. Praha, стр. 275—278, прилож. 1 (далее — «Sborník příspěvků...»).

цией данной статьи в манифесте от 1 июля. В третьей статье гуситы писали: «... Многие священники и монахи владеют огромным материальным имуществом на основе светского права, против заповеди Христа... и к великому ущербу панов светского сословия, чтобы у таковых священников это незаконное владение было отнято»¹⁸¹.

Характерно, однако, что ни в одном из пражских манифестов, как тех, которые вышли под значительным влиянием таборитов, так и представляющих интересы только умеренных гуситов, не сказано о том, *кому же перейдут владения церкви*.

Если в четырех пражских статьях не давалось подробной расшифровки вопроса о церковной собственности, то, как это показывает трактат Припирема, таборитские священники в своих проповедях изложили народное толкование этой проблемы.

Умеренные гуситы не давали отчетливого ответа на данный вопрос, по-видимому, сознательно с тем, чтобы не оттолкнуть от себя народ, без активного участия которого им не удалось бы добиться осуществления своих планов. В решениях Пражской общины сказано лишь в общей форме, что имущество врагов божьих должно отойти верным богу, т. е. гуситам. Такая формулировка для дворян и бюргеров была выгодной, так как она скрывала их подлинные намерения. Широкое участие народа в движении им нужно было на первых порах для оказания давления на Сигизмунда и феодально-католический лагерь, от которого они рассчитывали получить существенные уступки. Подлинные интересы и судьбы народа их мало интересовали. Практическое решение вопроса бюргерами и дворянами показывает, что они никогда не думали отдавать церковные земли крестьянству. В нескольких гуситских манифестах было особо оговорено право светских элементов на церковное имущество. Так, в манифесте от 1 июля 1420 г. было прямо сказано, что наличие у церкви богатств приводит «к ущербу светской власти»¹⁸². В манифесте от 3 июля дана еще более отчетливая формулировка: наличие церковной собственности ведет «к великому ущербу панов светского сословия»¹⁸³. Та же мысль выражена совершенно определенно в манифесте от 20 июля 1420 г.¹⁸⁴ и в других документах. Вавржинец из Бржезовой писал позднее, что священники хотят воевать за свое имущество с теми, кто стремится его отнять. Они должны отказаться от своих несправедливых притязаний и отдать эти владения тем, кто действительно имеет на них право, т. е. всему светскому люду.¹⁸⁵ Такую постановку вопроса о правах светских сословий нельзя считать случайной. Она была принята в духе требований умеренных гуситов и имела в виду в конечном счете переход церковных богатств к дворянам, бюргерам и даже гуситским панам. В самом деле, кого можно было тогда отнести к панам «светского сословия», которые упоминаются в манифесте? Очевидно, лишь панов, дворян и бюргеров-гуситов при широком толковании этого термина, так как именно они и являлись тогда членами сословий феодальной Чехии. Крестьянство не входило тогда в их число, и, следовательно, не оно имелось в виду при данной формулировке третьей статьи. Конечно, фактическое положение крестьянства резко изменилось в годы гуситского революционного движения. Его представители — табориты — принимают активное участие в деятельности гуситских сеймов в Праге. Но все же права сословия ему не были предоставлены. В решениях сеймов последовательно перечисляются представители старых светских сословий, но крестьянство нигде

¹⁸¹ АС, d. 3, стр. 215.

¹⁸² «Sborník příspěvků...», стр. 276.

¹⁸³ АС, d. 3, стр. 215.

¹⁸⁴ «Sborník příspěvků...», стр. 284.

¹⁸⁵ Vavřinec z Březové. Píseň o vítězství u Domažlic. Praha, 1951.

не названо. Стало быть, в третьей статье гуситских требований имелось в виду не крестьянство.

В последующих гуситских манифестах вопрос о церковной собственности продолжал занимать большое место. 14 июля 1420 г. гуситские войска разгромили крестоносцев во время попытки решающего штурма Праги. 20 июля были вновь опубликованы четыре пражские статьи, среди которых была и статья о церковных богатствах¹⁸⁶. Третья статья дана была там в развернутом виде.

В первые же месяцы после начавшегося революционного движения чешского народа и особенно в дни первого вторжения крестоносцев возникают гуситские сатирические произведения против Сигизмунда, крестоносцев, римско-католической церкви. Буржуазные историки замалчивали или недооценивали эти произведения, поскольку в них нашли отражение революционная энергия и требования народа, его воля к борьбе за независимость. Многие из этих произведений вышли из-под пера умеренных гуситов, но складывались они в значительной части в период всенародного патриотического подъема против крестоносцев. В этих произведениях дана резкая критика церкви, которая владеет светскими богатствами, а сама погрязла в пороках, пришла в нравственный упадок¹⁸⁷. В «Стихотворной жалобе чешской короны» указывалось, что церковь захватила себе собственность, духовенство приобрело хорошие дома, дорогие одежды, лошадей и другие богатства¹⁸⁸. Если оно хочет действительно жить по заповедям Христа, оно должно отказаться от светских богатств. В заключение авторы призывают бога на помощь гуситам, просят его вмешаться и отнять, наконец, у церкви ее светские владения. В произведении «Спор Праги с Кутной Горой», написанном в 1420 г., также осуждается католическая церковь, продажность духовенства, причем прямо называется Иоанн XXIII, этот «проклятый святокупец»¹⁸⁹. В специальном параграфе этого произведения содержатся обвинения Праге в том, что она отнимает у монахов и священников имущество, и ответ Праги (олицетворяющей лагерь чашников) на данное обвинение Кутной Горы (символизирующей феодально-католический лагерь). Свой ответ Прага начинает с напоминания, как жили апостолы христианской церкви в древности. Если священники нашего времени, писали авторы, хотят быть действительными наследниками христианских апостолов и самого Христа, они должны отказаться от светских богатств. В настоящее время, читаем мы далее, священники владеют имуществом, живут в богатстве, не работают, как это делали прежде апостолы. Священники предались мамоне, чревоугодию, стяжательству. Такие священники не могут быть истинными слугами Христовыми. В духе выступлений Гуса указывалось, что нельзя быть одновременно собственником больших светских богатств и верно служить богу. Тот священник, который стремится здесь, на земле, жить в богатстве, потеряет вечное спасение в загробной жизни. Особенно грешны в этих проступках монахи¹⁹⁰. Духовенство должно давать населению духовную пищу и получать за это от общины, в которой оно работает и живет, пищу и одежду.

В борьбе против засилия церкви положительное значение имела резкая критика, которой дворяне, бюргеры, частью и магистры подвергли католическую церковь за ее продажность и ростовщичество. В наличии у церкви собственности, в симонии, широко охватившей все звенья церкви, гуситы видели страшное зло, породившее многочисленные пороки. Борьба против симонии наиболее полно отразилась в четвертой пражской

¹⁸⁶ «Sborník příspěvků...», прилож. 3, стр. 282—290.

¹⁸⁷ «Husitské skladby Budyšínského rukopisu». Praha, 1952.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Там же, стр. 86.

¹⁹⁰ Там же, стр. 112.

статье. Она подробно излагается, например, в манифесте от 1 июля 1420 г., где выдвинуто требование решительной борьбы со «смертными грехами». Отдельно рассматривались «смертные» грехи светского населения и «смертные» грехи духовенства. К числу «смертных» грехов последнего была отнесена «ересь симонии», как ее называли составители этого документа, т. е. взимание денег за крещение, помазание елеем, кофирмацию, погребение, исповедь, упокойные и иные мессы. К числу «смертных» грехов относили также продажу епископами «лжнвых отпущений», т. е. индульгенций¹⁹¹. В манифесте от 20 июля 1420 г. в четвертой статье повторены «смертные» грехи духовенства, указанные в манифесте от 1 июля, и добавлен ряд других, которые отнесены к «ереси симонии»: получение духовенством бенефициев и иные «бесчисленные» ереси, которые вносят в христианскую церковь несправедливые и нечестные нравы. Здесь же назван конкубинат и вымогание чиншей с населения¹⁹².

Резкая критика продажности духовенства содержится в многочисленных сатирических произведениях современников гуситских войн¹⁹³. В «Рифмованной жалобе Короны Чешской» умеренные гуситы призывали отнять у церкви ее светские богатства, изгнать купцов (т. е. духовенство, торгующее церковными отпущениями, обрядами и пр.) из храма божьего, чтобы они не делали из него лавку, в которой продается за дорогую цену то, что от бога получают даром¹⁹⁴. Многие священники святой закон божий превратили в кривду, а святую правду притесняют. «Проклятое племя» священников, зараженных симонией, погрязло в светских богатствах. Епископом в действительности должен и может быть лишь тот, кто ведет святую жизнь и этим достигает права занять высокий пост в церкви¹⁹⁵.

После ликвидации угрозы со стороны крестоносцев и победы умеренных гуситов внутри Праги, последние 8 февраля 1421 г. выступили с манифестом к герцогу Альбрехту Австрийскому, союзнику Сигизмунда и ярому врагу гуситов, с предложением обсудить четыре пражские статьи. Третья статья была дана почти в такой же редакции, что и в манифесте от 20 июля 1420 г., однако уже без всякой аргументации¹⁹⁶.

Наконец, в июле 1421 г. был созван Чаславский сейм, на котором представители всех гуситских направлений обсудили и в торжественной обстановке приняли и провозгласили четыре пражские статьи¹⁹⁷. Они вошли составной частью в решение сейма против короля Сигизмунда и были записаны в сжатой формулировке, одной фразой. В ней отмечалось, что многие священники и монахи владеют на основании светского права большим имуществом, к великому ущербу светскому сословию и своим обязанностям. Так как это противоречит заповедям божьим, то это имущество должно быть у духовенства отнято. Духовенство должно жить согласно священному писанию.

Вопрос о церковной собственности рассматривался на Пражском синоде гуситского духовенства в июле 1421 г.¹⁹⁸ Во главе пражского духовенства стояли также представители умеренного гусизма, что и нашло свое отражение в соответствующих решениях синода. Деятельностью синода, в связи с отсутствием в то время пражского архиепископа Конрада, принимавшего четыре пражские статьи по тактическим соображениям, руководили четыре выборных представителя духовенства, в числе которых трое

¹⁹¹ «Sborník příspěvků...», стр. 277—278.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ «Husitské skladby...».

¹⁹⁴ Там же, стр. 58.

¹⁹⁵ Там же, стр. 89.

¹⁹⁶ «Sborník příspěvků...», приложение 4.

¹⁹⁷ AC, d. 3, стр. 226—230.

¹⁹⁸ Vavřinec z Březové. Husitská kronika. Praha, 1954, стр. 193—198.

были умеренными гуситами. В решении синода от 7 июля 1421 г. было записано: «Чтобы ни один Христов священник не господствовал по общинному или светскому праву над дворцами, полями, домами, платежами или какими-либо иными доходами и имуществами, но чтобы жил по правилам евангельской бедности и апостольской жизни и удовлетворился бы скромной пищей и одеждой»¹⁹⁹. Специальная статья посвящена была вопросу об аренде: «Далее устанавливаем, чтобы отныне ни один священник не осмеливался нанимать или сдавать в аренду церковные или светские имущества из-за пагубной жадности о наследстве»²⁰⁰. В указанном тексте отчетливо прослеживается та трактовка вопроса о церковной собственности, которая характерна для умеренного направления гусизма. В решении синода отмечалось также, что впредь ни один священник не должен нанимать церковные или светские владения с целью их использования и не должен стремиться к получению наследства²⁰¹. Такого требования в манифестах не было. На синоде не рассматривался вопрос о том, кому должна быть отдана церковная собственность, хотя вообще решения синода изложены хронистом подробно. Однако в материале синода содержится весьма характерная оговорка по поводу собственности духовенства. Указывалось, что «милостыню и имущества церкви, дарованные в собственность и частные или пожизненные дарения, никто из светских панов не имеет права отнимать или себе присваивать»²⁰². Вавржинец из Бржезовой отмечал, что репающая роль на нем принадлежала умеренным гуситам. В их деятельности и отразилось стремление духовенства путем различных ухищрений удержать для себя хотя бы часть прежних владений, что и нашло выражение в рассмотренной оговорке по вопросу о дарениях собственности.

* * *

Программные требования умеренных гуситов могут быть подтверждены и значительно уточнены на основании полемических материалов, главным образом споров с таборитами вокруг важнейших вопросов содержания и тактики гуситского движения. Это относится прежде всего к той характеристике, которую идеологи умеренных гуситов дали таборитскому хилиазму.

В процессе подготовки к диспуту, состоявшемуся в декабре 1420 г. в доме пана Змрзлика в Праге, идеологи чашников изложили важнейшие, с их точки зрения, идеи радикальных таборитов. Это три дошедшие до нас варианта 72 статей²⁰³, написанные Вавржинцем из Бржезовой, Яном Пришибрамом и другими видными магистрами-гуситами. Ф. Шимек полагает, что среди главных авторов этого документа был и Якоубек из Стржибры²⁰⁴.

Непредубежденному читателю сразу бросается в глаза то большое внимание, которое уделено в этом источнике социально-экономическим вопросам. Статья 13 из варианта «А» 72 статей предусматривала, что все те горожане, дворяне или крестьяне, которые не захотят признать гуситские четыре статьи, должны быть истреблены и *их имущество отнято* (очевидно, гуситами). В статье 14 речь шла о праве восставшего народа, т. е. гуситов, нападать на владения их врагов, сторонников феодально-католи-

¹⁹⁹ Там же, стр. 195.

²⁰⁰ Там же, стр. 196.

²⁰¹ Там же.

²⁰² Там же, стр. 195.

²⁰³ Характеристика их дана в работе: J. Masek. Tábořské chiliastické články. «Sborník historický», I. Praha, 1953.

²⁰⁴ Jakoubek ze Stržibry. Výklad na Zjevení sv. Jana. «Sbírka pramenů českého hnutí náboženského ve století XIV. a XV». d. I, č. XVIII. Ed. F. Šimek. Praha, 1932, стр. XVII.

ческого лагеря, опустошать эти имения, сжигать их *или отнимать*. Вавржинец из Бржезовой, автор этого текста 72 статей, не нашел ничего лучшего, как записать в своем заключении, что «это ересь»²⁰⁵.

В варианте «С» мы читаем: «...У врагов божьих всякое владение должно быть отпято, сожжено или испорчено»²⁰⁶. Таборитская практика выдвигалась хилиастами на первый план как образец, по которому собственни и должны строиться отношения собственности по всей стране. «...Как на Градиште или в Таборе нет ничего моего и ничего твоего, по все вместе поровну имеют, также у всех все всегда должно быть совместным, и ни один не должен иметь ничего собственного, ...кто имеет что-либо собственное, тот грешит смертельно»²⁰⁷.

Анонимный автор этого варианта дал заголовок, в котором и определялось его отношение к этим и другим требованиям: «Статьи и заблуждения таборитов» (латинский заголовок) или «Еретические статьи, которыми руководствовались некоторые священники Таборской партии».

Позднее в трактате «Жизнь таборских священников» Я. Пришбрам сообщал о проповедях хилиастов, в которых говорилось, что верные, т. е. гуситы, получают в свое владение прежние общинные угодья народа: «... Их [панов] дедины, рыбники, луга, леса и все их владения должны быть вам свободны, и ни один [пан] не будет... в этом препятствовать»²⁰⁸. Это требование крестьянства казалось Пришбраму особенно еретическим. Такой взгляд умеренных гуситов полностью соответствовал их практике в отношении секуляризированной и конфискованной собственности церкви и патрициата.

В общем такова же оценка, которую давали гуситские магистры крестьянскому требованию прекратить взимание налогов и всякого рода повинностей — чинша, десятины и иных. «В вышеназванном царстве страпствующих людей, которое продлится вплоть до всеобщего воскресения из мертвых, задолго перед этим прекратится всякое обирание бедноты и уничтожатся платежи»²⁰⁹, как считали табориты. В некоторых статьях прямо назывались церковная десятина и чинш в пользу помещиков. В интересах городской бедноты записано было, что «должники, бежавшие на горы или в пять... названных городов, будут уже освобождены от уплаты долгов»²¹⁰.

Магистр Ян Пришбрам, автор варианта «В» анитаборитских статей, писал позднее, что они учили: «Седлаки не будут более платить податей». Трактат Пришбрама «Жизнь таборских священников» полностью подтверждает важнейшие положения анитаборитских статей умеренных гуситов. Он еще более резко подчеркивает социально-экономические требования таборитов и, что чрезвычайно важно, сообщает, что табориты практически пытались осуществить свои идеалы преобразования социально-экономических отношений в обществе. Его вступление к трактату весьма интересно для определения позиции чашников в отношении таборитских плапов ликвидации частной собственности или по крайней мере крупной собственности. Он открыто заявлял, что задача его произведения — предупредить верующих людей от повторения ложных, еретических ошибок таборитов, которые служили этим не богу, а дьяволу²¹¹.

Очевидно, что идеологи бюргерской оппозиции решительно отвергали идею ликвидации частной собственности. В отличие от таборитов, гуситские дворяне и бюргеры не ставили вопроса о ликвидации крупного фео-

²⁰⁵ Vavřinec z Březové. Husitská kronika. Praha, 1954, стр. 144.

²⁰⁶ АС, д. 3, стр. 219.

²⁰⁷ Там же, стр. 220.

²⁰⁸ Jan Příbram. Život kněží taborských. «Ktož jsu boží bojovníci». Ed. J. Macek. Praha, 1951 (далее — Život...).

²⁰⁹ Vavřinec z Březové. Husitská kronika. Praha, 1954, стр. 145.

²¹⁰ АС, д. 3, стр. 220.

²¹¹ Jan Příbram. Život..., стр. 262.

дального землевладения. Дворяне только и мечтали о том, чтобы самим стать крупными или по крайней мере средними собственниками путем захвата владений церкви.

Якоубек не согласен и с таборитским положением о том, что народ приумножит свое имущество в процессе создания «царства божьего» на земле, и прямо называет такое требование и обещание ересью. Он жалуется именно на таборитскую тактику захвата собственности у деятелей феодально-католического лагеря (прямо не называя таборитов), говорит о гибели частных владений от разрушительных внутренних войн.

В этой же связи стояло полное непризнание идеологами чапников идеи судного дня и немедленного создания «царства божьего» на земле²¹², в котором не будет классов, частной собственности, эксплуатации человека человеком (т. е. в их хилиастическом понимании). В ряде трактатов 1420—1421 гг. и в большом двухтомном «Толковании Явления св. Иоанна» Якоубек из Стржибра выступил против учения и революционной практики хилиастов. В целом ряде глав «Толкования» он писал о «ложных пророках», имея в виду как раз хилиастов, и с огромным удовлетворением констатировал, что провалились, не сбылись предсказания таборитских идеологов о том, что настал последний судный день. В противовес таборитам он заявлял, что неизвестно, сколько лет осталось до судного дня, т. е. когда он наступит²¹³. Такое замечание явно выражало тенденцию отказаться от немедленного и радикальнейшего решения острых социально-экономических задач, отодвинуть их на неопределенное время.

Обрушившись на таборитов, Якоубек лишь попутно и очень бегло говорил в указанном трактате о пожеланиях, которые можно отнести к числу программных требований бюргерской оппозиции. Он писал о крайней эксплуатации народа со стороны церковных феодалов²¹⁴, упоминал и о ростовщичестве, спекуляции, пышности в одежде у одних и бедности других²¹⁵, о притеснении бедных сирот опекунами. Мы встретим в трактате и замечания по поводу несправедливости в судах, которые покрывают богатых и осуждают бедных²¹⁶. Однако эта критика весьма ограничена и умеренна по тону. Как по содержанию поднятых вопросов, так и по их трактовке эти высказывания звучат гораздо умереннее не только того, что говорили и делали табориты, но и сказанного Яном Гусом.

Хотя Якоубек, так же как Гус и табориты, постоянно ссылаясь на раннюю христианскую церковь, которая должна являться идеалом для верующих, прославлял жизнь апостолов, Христа, но идея возврата к нормам первоначального христианства вовсе не должна была, по его мнению, сопровождаться коренной ломкой феодальных общественных отношений. Это была точка зрения бюргерской оппозиции вообще.

Как же практически решался бюргерской оппозицией вопрос о создании дешевой церкви в годы гуситских войн? Каким образом поступили чапники в отношении имущества патрициата?

Некоторые конкретные данные имеются по этим вопросам в материалах, касающихся Праги. К середине 1420 г. из Праги эмигрировало до 700 семей магнатов и патрициата. Уже 26 июля 1420 г. Пражская об-

²¹² См. трактаты Якоубека из Стржибра, Яна Пришибрама и другие источники, посвященные прежде всего тактике хилиастов, вопросу о праве гуситов вести вооруженную борьбу с их врагами: «Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmisches Brüder», Bd. 2, Ed. J. Goll. Prag, 1882; Jakoubek ze Střibra, Výklad... (в первом томе несколько страниц содержат изложение хилиастических требований (стр. 525—528). См. также в первом томе стр. 104; во втором томе стр. 221, 245, 284, 311, 312 и др.).

²¹³ Там же, т. 2, стр. 269.

²¹⁴ Там же, стр. 87.

²¹⁵ Там же, стр. 256.

²¹⁶ Там же, стр. 333, 334.

щина конфисковала имущество горожан, бежавших из столицы во время вторжения крестоносцев²¹⁷. Было принято постановление вычеркнуть этих изменников из списка городских владельцев и включить новых собственников, которые купили у общины дома эмигрантов, и «чтобы никакие долги с домов эмигрантов или с иных [их] владений не выплачивались бы»²¹⁸. Отмена выплаты ренты с домов и долгов была, конечно, большим облегчением для городского бюргерства и плебса.

К этому времени в руках пражан находились уже и многие церковные владения, расположенные в Праге или ее окрестностях. Не случайно еще в начале 1420 г. Сигизмунд от своего имени и имени королевы Софии направил специальное обращение к пражанам²¹⁹, в котором призывал их прекратить разрушение монастырей и церквей, уничтожение икон и алтарей. Содержание этого письма говорит о том, что пражские гуситы действительно изгоняли из монастырей аббатов и монахов. Гуситская Прага приступила тогда к продаже конфискованных церковных и патрицианских богатств и кое-что из них подарила наиболее активным участникам гуситского лагеря.

Как указал И. Тейге, важнейшее новое обстоятельство заключалось теперь в том, что пражане захватили в свою собственность земли вне пределов своей прежней округи, на что раньше они не имели права²²⁰.

В специальном решении Пражской общины от 13 марта 1421 г. сохранился подробный перечень секуляризованных и подлежащих продаже владений²²¹. Речь шла о замках, усадьбах, наследственных земельных участках, виноградниках, огородах, хмельниках и иных видах собственности. Все это должно было продаваться «каждому... богатому и бедному, и особенно [тем], которые больше трудились в пролитии крови и божьей борьбе и в защиту общей пользы, тем по наибольшей милости чтобы продавалось». Однако последующая часть решения совсем не раскрывает существа этой оговорки — «по наибольшей милости». Вероятнее всего, что это было сказано лишь для того, чтобы подчеркнуть демократическое, что называется, решение этого наиболее острого вопроса.

Тогда было конфисковано 160 имений, замков, крепостей и деревень в окрестностях столицы, множество виноградников и те земли, которые в Праге еще не были застроены²²². Характерно, что в основе решения общины стоял именно вопрос о продаже, а не о бесплатной раздаче конфискованного имущества наиболее нуждающимся жителям города, прежде всего плебсу. Только последний путь и мог в какой-то мере удовлетворить городскую и сельскую бедноту. Принятое тогда решение давало формально равное право всем гуситам Праги на приобретение церковных и патрицианских владений, но ни городская, ни сельская беднота не имела практически такой возможности. Это хорошо показал И. Мацек. Только 6 домов из 182 конфискованных в Старой Праге стоили меньше 20 коп грошей²²³, тогда как поденщик зарабатывал в то время около одного гроша в день²²⁴. Корова стоила от 0,5 до 1 копы грошей. Очевидно, что такое решение вопроса о собственности полностью устраивало лишь бюргерскую оппозицию и осуществлялось в ее интересах.

Однако чашники не удовлетворились такими результатами. Они стремились во что бы то ни стало упрочить за собой права на приобретенную

²¹⁷ АС, d. 3, стр. 217.

²¹⁸ Там же, т. 28, стр. 671.

²¹⁹ Там же, т. 3, стр. 209.

²²⁰ Там же, т. 26, предисл. И. Тейге, стр. IX.

²²¹ Там же, т. 26, 28.

²²² J. Mašek. Husitské revoluční hnutí, стр. 100.

²²³ Там же.

²²⁴ 1 копа была равна 60 грошам, т. е. минимальная цена почти всех домов из числа конфискованных тогда в Праге равнялась заработку поденщика за 1200 дней.

повую собственность. Для этого нужно было воспрепятствовать возвращению эмигрантов и восстановлению их прежних прав. Вот почему 5 апреля 1421 г. Пражская община постановила запретить возврат эмигрантов, которые объявлялись изменниками делу гуситов: «... Постановлено тогда же в общине, чтобы горожане, бежавшие из города вопреки своим обещаниям и присягам, ... никогда не были бы приняты [назад] и их последники не были бы возвращены к какому-либо имуществу (т. е. чтобы они ничего не получили из собственности эмигрантов. — А. О.), но чтобы рассматривались всегда как бесчестные лжеприсяжники, проклятые всей общиной этого города» ²²⁵.

Это суровое решение было в тех условиях совершенно справедливым и должно было нанести удар сторонникам реакции. Вместе с тем оно несколько упростило владельческие права дворян и бюргеров на приобретенные богатства. Тогда же община постановила, что впредь ни один немец (по рождению) не имеет права на наследственное владение в Праге. Исключение было сделано для тех, кто примкнул к гуситам ²²⁶. И эта часть постановления была направлена против патрициата, так как немцы из других слоев населения Праги обычно сами являлись гуситами.

Приведенные нами данные подтверждаются также сообщениями хронистов. Немецкий хронист и майнцский бюргер, одно время секретарь императора Сигизмунда, Эбергард Виндек сообщал, что чешское дворянство примкнуло к гусизму потому, что рассчитывало захватить церковные богатства и что оно действительно осуществляет эти планы ²²⁷. Писарь г. Турне во Фландрии Жиль Мерсо, принимавший личное участие в первом крестовом походе в гуситскую Чехию, писал в воззвании к согражданам: «Знайте, что в самом городе Праге и во владениях его горожане имеют в своих руках все владения, которые обычно принадлежали священникам... и эти священники... ничего собственного [не имеют]» ²²⁸.

БОРЬБА БЮРГЕРСКОЙ ОППОЗИЦИИ ЗА ДЕШЕВУЮ ЦЕРКОВЬ В ПОСЛЕХИЛИАСТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД (1422—1437)

Некоторые данные о том, в чьих руках оказалась в итоге конфискованная собственность, содержатся в городских записях Праги ²²⁹. За 1421—1423 гг. дан перечень 269 случаев дарений по городу. В 106 случаях названы профессия или должность лиц, получивших дарение, в том числе 65 ремесленников. Однако к какой группе ремесленников — мастерам, подмастерьям, ученикам — принадлежало лицо, получившее дарение, установить, к сожалению, нельзя. Бесспорно лишь то, что новые владельцы не принадлежали к патрициату. В 41 случае дарение было записано консулам, секретарям городского магистрата, судебным чиновникам общины. Поскольку в составе городского самоуправления тогда было немало ремесленников, мы можем предполагать, что общее число ремесленников, получивших дарения, было больше 65.

Однако даже эти данные позволяют сделать вывод, что основная масса дарений попала не ремесленным низам, а в руки более зажиточных горожан, богатых бюргеров. Например, огород монастыря картезианцев был отдан в 1421 г. писарю городского магистрата Микулашу Некулову. Огород Мельницкого пробства вместе с лугом был дарован Вацлаву, служив-

²²⁵ АС, d. 28, стр. 671.

²²⁶ Там же.

²²⁷ E. Windekes. Denkwürdigkeiten..., стр. 128.

²²⁸ «Sborník příspěvků...», d. 7, прилож. 5.

²²⁹ «Consignatio curiarum, vinearum et hotorum demtorum profugis et aliis datorum a communitate civitatis Pragensis. 1421—1423». FRA, Bd. 6, T. 2. Wien, 1863, стр. 287—304.

пему в магистрате Старой Праги. Магистру Матею был дарован дом. Младший советник архиепископа Георг получил от общины дом в Праге. Такой порядок распределения конфискованной собственности явно не удовлетворял городскую бедноту, о чем прямо сообщается в источниках. Когда осенью 1421 г. к власти в Праге пришли на время таборитские элементы во главе с Яном Желивским, они изменили прежнюю практику раздачи конфискованного имущества только бюргерству и дворянству. Имущество стали раздавать тогда мелким ремесленникам и городской бедноте. Так, сапожникам Виктору и Эразму был передан виноградник с двором. Ремесленник Якуб получил сад, отнятый у магистрата Кбея. Садовнику Мартину и сапожнику Бартошеку дали также по саду. Мы не знаем более подробно, что представляли собой ремесленники, которым тогда было дано имущество. Однако более демократический характер распределения собственности в период, когда у власти были сторонники Яна Желивского, подтверждается и другими косвенными данными.

Рассматриваемый вопрос принадлежал к числу наиболее спорных между умеренными гуситами и таборитами вообще и, в частности, в Праге. Борьба вокруг него способствовала обострению глубоких противоречий, уже назревавших между различными гуситскими группировками, и вылилась в волнения в феврале—марте 1422 г. Умеренные гуситы, стоявшие тогда у власти, повели наступление на городскую бедноту и стали отнимать у нее имущества, полученные ею в период власти радикальных гуситов.

Очевидец событий писал, что 9 марта 1422 г. консулы пригласили вождя пражских радикальных гуситов Яна Желивского в ратушу с целью умерщвления его²³⁰. Еще не подозревая заговора, Ян Желивский говорил консулам, что если они хотят сохранить единство Пражской общины и сплотить ее, то нужно соблюдать следующее: не отнимать домов, виноградников и иную собственность у тех людей, которым эту собственность дала Великая Община Праги; не отстранять от руководства и от движения опытных воинов, например Яна Гвезду, и т. д. Заговорщики подло, вероломно заманив Яна Желивского и 12 ближайших его единомышленников в ратушу, убили их.

Попытаемся хотя бы приблизительно на материалах г. Праги ответить на вопрос о том, произошли ли глубокие принципиальные изменения в характере собственности, в методах ведения хозяйства в деревнях, усадьбах, попавших в руки бюргерства. Земля, основной вид секуляризованной и конфискованной собственности, продолжала по-прежнему оставаться объектом купли, продажи, дарений, завещаний и иных сделок²³¹. Нередко объектом дарения являлось целое село вместе с населением. В дарственной грамоте пражан от 12 июля 1422 г. читаем: «Мы, пуркмистр, консулы и вся община Большого и Нового городов Пражских (т. е. Старой и Новой Праги. — А. О.)..., отмечая верную и старательную службу, которую Микеш Тканичка, наш верный дорогой горожанин, совершил в том посольстве к великому князю литовскому во славу божью и для пользы общины... ему, Микешу вышеназванному, его жене, наследникам и будущим его (поколениям. — А. О.) даруем село по названию Добровиц с усадьбой, дединами, людьми, платами, потоками (реками. — А. О.), с мельницами, с лугами, ловами, с платежами и со всем правом и службами, которые к этому селу от стародавна относятся»²³². Следовательно, дарственная грамота подтверждала наличие в дарованном селе не только всех видов прежних владений, но и всех старых прав по отношению к за-

²³⁰ «Staří letopisové česstj», v Praze, 1829, стр. 481.

²³¹ См. записки о купле-продаже земли горожанами: АС, d. 26, стр. 3, 12, 135, 145, 234, 425; т. 28, стр. 24.

²³² Там же, т. 26, стр. 152.

висимому населению. Судя по данной грамоте и некоторым иным аналогичного типа, для бюргерства было само собой разумеющимся, что отношения подданства, зависимости крестьянства должны сохраняться и впредь. Объектом дарения являлось целое село со всем его населением, так как это делалось нередко и в догуситское время. Община просила: «И на это наше дарение просим всех будущих королей и князей милостивого подтверждения». Следовательно, имелось в виду сохранение старых правовых норм в отношении оформления сделок с собственностью. Апелляция к королю говорит о том, что бюргерство рассматривало королевскую власть как категорию вечную, неизменную.

Прежние права собственности на земельные владения, кроме церковных и патрицианских, пражские бюргеры признают бесспорными и неоднократно подтверждают их. Они ничего принципиально не меняли в положении крестьян в своих новых владениях. В купчих документах бюргерства неоднократно упоминаются крестьяне-чиншевики²³³, причем обычной является старая формула, что купля земли производится «со всем полным панством и подданством».

О том, что бюргерская оппозиция не отменила наиболее тяжелых повинностей крестьянства, свидетельствуют официальные данные. В октябре 1424 г. было заключено между гуситами ждичское соглашение, где несколько статей посвящено вопросу о взимании урока-чинша²³⁴. Подтверждалось, что чинш и впредь должен взиматься в прежние сроки, ставшие уже обычаем. Если кто-либо из крестьян не сможет вследствие бедности внести очередную плату или не захочет ее дать, то владелец не должен принуждать его силой и может у таковых людей «только взять скот» (!). Если табориты вынуждены были еще в середине первого периода гуситских войн восстановить взимание чинша, так как им не на что было создавать и содержать народное войско, то у имущих слоев, входивших в состав бюргерской оппозиции, дело шло о неприкрытой эксплуатации крестьянства. Широко практикуется продажа земли вместе с зависимыми людьми. В 1424 г. пан Мейнгардт из Градца продал Стефану Крейчи двор «с людьми платными, ... с полями паханными и непаханными, ... с пастбищами, ... с лугами, ... со всем полным панством»²³⁵. В 1428 г. эти лица заключают новую сделку на земельное владение, и в грамоте сохраняется прежняя формулировка: владение продается со всем полным панством и подданством²³⁶. Тогда же пражские городские власти выносят решение по спорному вопросу о правах владения на зависимого человека (в документе не названо имя) и определяют, что этот человек должен принадлежать супругам Микулашу и Екатерине в настоящее время «и во все будущие времена»²³⁷. Тогда же власти г. Праги записали за службу в собственность Стану, его жене Анне и наследникам право собирать различные повинности в Черчовицах, бывшем владении церкви, а также «людей урочных», кметов, с правом обменивать их²³⁸. В январе 1429 г. умеренные гуситы записали панам Ярошу и Гинеку за службу крепость Мокротрысы «с дединами, с лесами, с рыбаками, ... с людьми урочными»²³⁹, отметив, чтобы паны «уроки с людей взимали справедливо». Само право новых владельцев на взимание чинша с крестьян и не бралось под сомнение — настолько оно казалось очевидным.

Характерно упоминание в более поздних документах конца гуситских войн даже барщины. 19 июля 1429 г. имеется запись о споре между Сазе-

²³³ См. упоминания о чинше там же, т. 26, стр. 31, 123, 125, 132, 153, 156, 176, 199, 201, 202, 393, 406, 409, 410, 423, 554; т. 28, стр. 18, 36, 37, 43, 63 и др.

²³⁴ Там же, т. 3, стр. 250.

²³⁵ AC, d. 26, стр. 252.

²³⁶ Там же, стр. 253.

²³⁷ Там же, стр. 130.

²³⁸ Там же, стр. 132.

²³⁹ Там же, т. 1, стр. 225, 226.

мом из Мыдлы, владельцем земли, и крестьянами с. Крживиц по поводу насилий и притеснений, которые он чинил. Судьи были вынуждены установить, что Сазем обязан вернуть крестьянам отнятый у них скот и *не должен принуждать их к более тяжелым барщинам, нежели те, которые несли раньше*²⁴⁰. 18 августа 1432 г. панеш Амхови из Весели купил у Хотоповского монастыря права на взимание ежегодной платы с крестьян, зависимых от монастыря, и *права на барщину*²⁴¹. В решениях городских властей Праги от 7 января 1433 г. по поводу права Янека, его жены Катруши и родственницы Анны на получение плат и повинностей с зависимых людей было записано, что они уступили это право Микулашеку, сыну Микулаша, *«но барщины на тех должны Янек, Анна и Катруша иметь»*²⁴². Указывалось, что седлаки должны нести барщину в том размере, как это было прежде, в догуситское время. В городской книге Праги от 5 ноября 1434 г. говорилось в отношении собственности Вацлава из Милетина, что «он и его будущие (потомки. — А. О.) не должны их (двух зависимых крестьян. — А. О.) принуждать ни к каким барщинам» и не должны брать посмертного побора²⁴³. Следовательно, крепостнические отношения в деревне сохранились и при новых владельцах земельной собственности — бюргерах-гуситах. Гуситское бюргерство не собиралось помочь крестьянам вернуть захваченные феодалами прежние общинные угодья, но даже присвоило их себе и сделало объектом купли-продажи, дарений и обмена. Еще в 1423 г. горожанин Крумлова покупает у женского монастыря в г. Чешском Крумлове луга с наследственным правом на них²⁴⁴. Мы уже упоминали о продаже в 1424 г. паном Менгардтом из Градца лугов, пастбищ и иных владений бюргеру Стефану Крейчи. Ондржей из Каменицы 26 февраля 1430 г. передает по завещанию двор в Каменице с лесами, рыбниками, полями²⁴⁵. 2 февраля 1431 г. было вынесено решение по тяжбе из-за владения в с. Кржещице у Прохониц (чаще его называют Кржеслице) между Штепаном и его женой, с одной стороны, и Якубом и его женой, с другой²⁴⁶. Постановили передать одной стороне крепость с двором, большой рыбник со всеми пастбищами, пастухов Ржехака и Якуба. Другая сторона также получила различные общинные угодья: пахотные земли, луг, рыбничек с лужком и с лесом, еще рыбник с малым рыбничком.

31 декабря 1432 г. Иоганн Храст получает в с. Ходковички в наследственное владение чинш и луга²⁴⁷. В пражских городских книгах 25 октября 1433 г. было записано, что горожанка Старой Праги Дорота, жена панеша Маркварта из Иенишовиц, имеет вено на сумму 100 коп грошей в с. Доброшовицах на пахотном дворе, на рыбниках, лесах и на всем, что принадлежит к ним²⁴⁸. 26 июля 1432 г. там же было зарегистрировано завещание Микеша Тканички из Нового города, в котором он записал своей жене двор пахотный в Добровици с лугами и полной платой на урочных людях²⁴⁹. 5 марта 1434 г. в той же городской книге Праги записано, что Бартошек из Серафимова дома заложил за долги свои луга и два лужка²⁵⁰.

²⁴⁰ АС, т. 26, стр. 576.

²⁴¹ Там же, стр. 633.

²⁴² Там же, стр. 403.

²⁴³ Там же, стр. 410.

²⁴⁴ Там же, т. 7, стр. 624.

²⁴⁵ Там же, т. 26, стр. 393.

²⁴⁶ Там же, стр. 571.

²⁴⁷ Там же, стр. 393.

²⁴⁸ Там же, стр. 150.

²⁴⁹ Там же, стр. 153.

²⁵⁰ Там же, стр. 103. Много владений церкви было добыто умеренными гуситами в окрестностях городов Жатца, Лоуни, Мельника, Колина и др. В Литомержице горожане захватили близ города имения пробства Кржесиц и Тржебутиц. Горожане Мельника захватили из церковных владений селения Млажиц, Уезд, Бочек, Врутиц, Забор, Блаты (V. V. Tomek. Dějepis města Prahy, d. 4, стр. 170—

15 ноября 1435 г. горожанин Праги Ян, сын Микулаша Иевицера, продал за 630 коп грошей пражанину Яну от Серебряной звезды дворы кметов в Клецанках и рыбаков с платой-чиншем, с рыбниками, горами, долами и прочим, «со всей своей волей»²⁵¹.

* * *

Каковы же общие итоги тех перемен, которые произошли в собственности бюргерской оппозиции?²⁵² Как мы уже показали выше, хотя и на фрагментарном материале, относящемся только к г. Праге, здесь в результате перехода земельных владений церкви, патрициата, частью и королевской собственности в руки дворянства и бюргерства Праги не произошло каких-либо глубоких радикальных изменений в отношениях между старыми держателями земли и новыми ее владельцами. Следовательно, можно полагать, что здесь не было тех процессов, которые имели место, например, в Англии в XVI в. в итоге секуляризации церковных земель, т. е. феодальная собственность не преобразовалась, хотя бы частично, в буржуазную. Об этом говорит и характер земельной собственности и земельных отношений во второй половине XV в. и в последующий период.

Было бы, однако, совершенно неверно не видеть тех крупных изменений, которые мог повлечь за собою при прочих благоприятных условиях переход части патрицианских и церковных владений в руки бюргерства. Изменения в отношениях собственности привели, во-первых, к значительному обогащению бюргерства и, следовательно, к возрастанию его экономических возможностей. Можно полагать, что это обстоятельство помогло дальнейшему росту ремесла и расширению торговли. Ближайшие десятилетия после гуситских войн отмечены как раз восстановлением и дальнейшим ростом ремесленного производства. В Праге, например, возникло много новых цеховых организаций²⁵³, значительно оживилась и расширилась внешняя торговля страны.

Во-вторых, положительное значение для развития экономики имело то обстоятельство, что в итоге гуситских войн бюргерство получило значительно большую, чем прежде, свободу в распоряжении своей собственностью, чего оно добивалось еще в догуситский период. И это должно было положительно сказаться на развитии товаро-денежных отношений в чешских землях.

В-третьих, изменения в отношениях собственности оказали, безусловно, существенное влияние на значительное повышение удельного веса третьего сословия в политической жизни страны. Главная и теперь весьма заметная роль в городах принадлежала именно бюргерству королевских городов. Закрепление за королевскими городами прав постоянного члена государственных сеймов, значительная демократизация городской жизни вообще создавали в свою очередь благоприятные возможности для экономического развития городов. К сожалению, в дальнейшем развитие страны в направлении «второго издания» крепостничества не дало возможности полного развития всех благоприятных предпосылок.

171). Весьма широко пользовался церковными имуществами король Сигизмунд, который закладывал, дарил их с целью привлечения на свою сторону массы чешского дворянства, да и панов (АС, d. 26, док. № 1, 2, 7, 10, 15, 16, 24, 32, 33, 46, 47, 53, 69, 79—82, 94, 103—104, 107, 110, 144, 151, 174—175, 178, 189—190, 195, 197, 200, 206, 226, 243, 250, 252, 258—260, 273; см. также АС, d. 1, стр. 494—546; т. 3, стр. 515, 520; т. 4, стр. 37—38, 382).

²⁵¹ АС, стр. 406.

²⁵² Наши выводы в этом вопросе носят предварительный характер. По другим королевским городам мы не располагаем такими источниками, которые содержали бы ответ на интересующий нас вопрос.

²⁵³ Z. Winter. Dějiny řemesel a obchodu v Čechách v XIV a v XV století. Praha, 1906, стр. 463, 574—576.

В-четвертых, переход части земельных владений феодалов в руки бюргерства сыграл, по-видимому, некоторую положительную роль и в отношении ограничения и временного пресечения развития тенденции реставрации и усиления барщины, перехода к формам и методам, характерным для «второго издания» крепостничества. Хотя и в этом главная роль принадлежала несомненно самоотверженной борьбе крестьянства и плебса против барщины и новых повинностей, но некоторая объективно положительная роль связана была и с деятельностью бюргерства.

Бросается в глаза в рассмотренных нами городских записях Праги почти полное отсутствие данных о десятине в пользу церкви. Крестьянство даже при таком весьма умеренном решении вопроса о земле и повинностях выиграло уже потому, что на довольно длительное время прекратилась выплата десятины духовенству.

Подводя итог требованиям бюргерской оппозиции на первом этапе гуситских войн в области отношений собственности, мы приходим к заключению, что в эти годы не произошло каких-либо глубоких принципиальных изменений в их содержании по сравнению с тем, что было сформулировано в учении Гуса относительно создания дешевой церкви. Объективно, как и прежде до народного восстания, критика римско-католической церкви была направлена в защиту идеи дешевой церкви, на что в свое время указывал Ф. Энгельс. «Ересь городов, — а она собственно является официальной ересью средневековья, — была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она и нападала... средневековые бюргеры требовали прежде всего дешевой церкви»²⁵⁴. К представителям бюргерской ереси Энгельс относил в тогдашней Чехии Яна Гуса и каликстинцев, т. е. умеренных гуситов.

Вопреки утверждениям буржуазных историков, преобразование католической церкви вовсе не было вопросом только религиозным. В создании дешевой церкви бюргерство и гуситское дворянство видели главный смысл реформы церкви. Оппозиция феодализму проявлялась тогда в Чехии главным образом в резкой критике церковного феодализма. Последовательная защита идеи апостольской бедности духовенства, с их точки зрения, практически означала, что церковные богатства должны перейти в руки бюргерства и дворянства. В реформированной церкви должна была быть ликвидирована симония, т. е. купля-продажа церковных должностей, платность церковных обрядов. Должна была быть и на время была действительно уничтожена десятина, выплачивавшаяся населением в пользу церкви.

В 1419—1421 гг. отдельные стороны борьбы за дешевую церковь получили более конкретное выражение.

Главное содержалось в активной борьбе за реализацию идеи дешевой церкви и практическое осуществление секуляризации владений духовенства. В этом заключался бесспорно значительный шаг вперед в развитии бюргерской оппозиции.

Специфической чертой чешской реформации являлась конфискация богатств патрициата в королевских городах страны. В Англии времен Уиклифа и восстания Уота Тайлера бюргерская оппозиция не ставила перед собой такой задачи. Наличие ее в Чехии было связано с национально-освободительной борьбой чешского народа, давшей благоприятный повод для изгнания немецкого патрициата из чешских городов. Патрициат оказался там в массе своей в лагере феодально-католической реакции, выступал как противник учения и практики гуситов. Следствием этого и явилась конфискация его владений. В ликвидации засилья немецкого патрициата нашла свое осуществление и высшая форма классовой борьбы,

²⁵⁴ Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии, стр. 35.

характерная для средневекового города. В борьбе против патрициата выступили совместно бюргеры и плебс городов.

Другой, опять-таки специфической чертой явилось частичное осуществление конфискации владений короны. Это не было требованием бюргерской оппозиции, которая и думать не могла прежде о приобретении королевских владений. Такое положение вытекало из сложной политической ситуации в стране.

После смерти короля Вацлава его брат Сигизмунд, вставший во главе антигуситского феодально-католического лагеря, был объявлен врагом гуситской Чехии. Гуситские паны и шляхта, да и католическое дворянство, воспользовавшись обстановкой внутренней войны, захватили часть коронных владений и позднее заставили короля признать эти конфискации.

* * *

Посмотрим, как же выполнялись социально-экономические требования бюргерской оппозиции в последующие годы гуситского движения после поражения хилиастического крыла таборитов. Несмотря на то, что дворянству и бюргерству удалось захватить многие владения церкви, короны и патрициата, они в некоторых вопросах отступили от своих прежних позиций. В обстановке мощного подъема народного революционного движения характернейшей чертой позиции умеренных гуситов становится постепенное поправление их взглядов и ограничение их требований. Как мы уже видели выше, они отказались от прежнего пожелания отменить чинш с крестьянства. Более того, они сами взимали его во всех своих владениях как старых, так и новых. Будучи сами владельцами довольно значительных земельных угодий и держателями многих зависимых крестьян, бюргеры, и тем более дворяне, жившие прежде всего за счет доходов от труда крестьян, не могли отказаться от такой значительной статьи дохода. Они пошли на эту уступку лишь временно в годы решающей роли радикальных таборитов, вынужденные к этому революционным подъемом народа.

Теперь вновь встал и вопрос о наиболее обременительном платеже в пользу духовенства — о церковной десятине. Она была ненавистна как бюргерству городов, так и дворянству. Хотя дворянство расплачивалось при этом деньгами, полученными от зависимых крестьян, но все же оно предпочитало положить их в собственный карман, а не отдавать духовенству. В ходе войны десятина, как правило, была ликвидирована в областях гуситского господства, т. е. практически в большей части страны. После военных столкновений между таборитами и умеренными гуситами в октябре 1424 г. было заключено Ждичское соглашение, в котором специально оговаривалось, чтобы священники впредь «десятины больше с людей не собирали»²⁵⁵. Однако умеренные гуситы и в этом вопросе оказались, по-видимому, недостаточно последовательными. В том же решении сохранилась оговорка, что панам и иным господам предоставляется право самим решать вопрос о том, как быть с десятиной.

В течение всего последующего периода гуситских войн в Праге продолжалась напряженная борьба по вопросам собственности. В связи с дальнейшим обострением внутренних противоречий в гуситском лагере, в 1424 г. в столице были подтверждены прежние решения о конфискации имущества эмигрантов. В постановлении от 23 сентября 1424 г. сообщалось, что община «присоединила», т. е. взяла себе, эти имущества для ликвидации долгов и всякого рода убытков. О распределении этой собственности было сказано, что совокупность этого имущества или прав общины «может быть продана, отчуждена, распределена и дана в дар

²⁵⁵ АС, д. 3, стр. 250.

достойным людям, сообразно с образом суждения бургомистра, консулов и скабинов»²⁵⁶.

В том же 1424 г. в Праге была создана комиссия из шести человек — двух консулов и четырех членов общины, ведавшая реализацией конфискованных владений и избиравшаяся сроком на один год. Однако распределение этой собственности вызывало нередко решительный протест со стороны массы городского населения — ремесленников и плебса. Это недовольство вылилось в 1428—1429 гг. в бурные волнения в столице стравы в сложной обстановке продолжавшейся напряженной борьбы чешского народа с внутренней и внешней феодально-католической реакцией. В эти годы внутри Праги развернулась ожесточенная борьба между таборитской и умеренной частью гуситов, отражавшая изменения, происшедшие в чешских землях в целом. Весной 1427 г. пражане раскрыли реакционный заговор крайне умеренных гуситов, готовых уже пойти на сделку с Сигизмундом и католической церковью. Разгневанные горожане, главным образом беднота, изгнали из города магистра-заговорщика Яна Пршибрама Кржиштана из Прахатиц «с иными магистрами и священниками»²⁵⁷. В июле 1427 г. в чешские земли вновь вторглись войска крестоносцев, которые, однако, не выдержали столкновения с гуситскими войсками и позорно бежали²⁵⁸.

Вскоре после этих событий, в 1428—1429 гг., вспыхнули волнения в Праге. Между умеренными и более радикальными гуситами шел спор о признании Сигизмунда чешским королем, о дальнейших войнах, о распределении конфискованного богатства церкви и эмигрантов. Здесь мы рассмотрим лишь, как развертывалась борьба вокруг третьего спорного вопроса — вопроса о распределении захваченной собственности.

В событиях приняли непосредственное участие таборитские общины и общины сирот, т. е. в той или иной мере все группировки гуситов и все гуситские союзы. Следовательно, пражские события не были только местным явлением. Внутри Праги обе стороны вооружились и приготовились к борьбе. Те и другие пригласили к себе на помощь войска различных таборитских общин. Однако на этот раз дело не дошло до вооруженных столкновений. Начались переговоры о перемирии, которое и было заключено 1 сентября 1428 г. О том, что в этих событиях очень большое место занимал вопрос о конфискованной собственности, говорят следующие факты. По условиям перемирия все захваченное имущество церкви, короны и иное должно было быть разделено поровну между Старой и Новой Прагой. В 9-м пункте условий перемирия указывалось, что те имущества, которые городские власти уже продали прежде, — наследственные земли, виноградники, хмельники, огороды, дворы и дома — должны остаться в руках новых владельцев²⁵⁹. Ни одна из спорящих сторон не должна была впредь притеснять другую. Запрещалось чеканить монету в окрестностях Праги в местечках и замках и приносить ее в Прагу, т. е. пражские бюргеры закрепляли свою монополию в данном вопросе и принимали меры против конкуренции со стороны других чешских городов²⁶⁰.

В Старых чешских летописях подчеркивалось, что подоплекой событий в Праге 1428 г. являлась продолжавшаяся борьба из-за собственности: «Старопражане опять примирились с новопражанами, так как перед тем были в разладе между собою и неприязни из-за церковного имущества, захватывая его себе»²⁶¹. Об этом же говорит и другая современная хро-

²⁵⁶ V. V. Tomek. Dějepis města Prahy, d. 8, стр. 236, 243.

²⁵⁷ «Staré letopisy české». Ed. Šimák. Praha, 1937, стр. 53.

²⁵⁸ «Die Chroniken der deutschen Städte von 14 bis ins 16 Jahrhundert», Bd. 2, стр. 16 (далее — «Die Chroniken der deutschen Städte...»).

²⁵⁹ AC, d. 1, стр. 221—222.

²⁶⁰ Там же, стр. 222.

²⁶¹ «Starý letopisový čestj». Ed. F. Palacký, стр. 75.

ника²⁶². Заключив указанное соглашение, общины запретили поднимать в Праге волнения, причем имелись в виду и попытки феодально-католического лагеря и его агентуры. Однако соглашение не устраняло внутренних раздоров, вытекающих из различия социальных интересов разных общественных групп жителей Праги. В 1429 г. борьба разгорелась с новой силой. Поводом для столкновения послужил вопрос о торгах, которые бюргерство Старой Праги, где жили более зажиточные слои, хотело полностью забрать в свои руки. На помощь новопражанам пришел отряд сирот. Перед угрозой вооруженного столкновения общины объявили перемирие и избрали судей. 30 января они решили, чтобы между Старой и Новой Прагой внутри города были уничтожены всякие укрепления, окопы, сняты цепи, которыми уже были перегорожены улицы от неожиданного нападения конницы. В то же время провозглашалась полная свобода ремесленников и купцов на пражских рынках²⁶³ (т. е. свобода ведения торговли).

Несколько позднее решением бургомистра и консулов от 28 августа 1430 г. были отменены как незаконные все незарегистрированные платы и доходные статьи горожан. В тексте этого решения также отмечалась недавняя внутренняя борьба и столкновения в Праге и указывалось на ее подлинные причины: так как между жителями Праги были многие ссоры из-за грамот на платы или на уроки (чинши) с домов, огородов, виноградников, мясных лавок и лавок иных, мельниц, кузниц²⁶⁴.

К большому нашему сожалению, мы не знаем источников, которые позволили бы проследить, как конкретно решался вопрос о собственности в других, хотя бы королевских, городах страны в последние годы гуситского движения.

Дальнейшее поправление бюргерской оппозиции нашло к этому времени выражение и в новых редакциях третьей пражской статьи, в трактатах лидеров умеренных гуситов, особенно представителей его правового крыла. В 1430 г. в специальном трактате, посвященном изложению сущности христианского исповедания веры, Ян Пршибрам выступил по существу уже в защиту сохранения собственности в руках духовенства в форме «временной» собственности, приобретенной церковью²⁶⁵. Более того, он объявлял, что десятины и приношения духовенству принадлежат священникам по праву, т. е. выступил в защиту взимания десятины с верующих²⁶⁶. Характерно, что в таком же духе была сформулирована третья пражская статья в манифесте от мая 1430 г., выпущенном в Праге (она дана там как вторая статья). В ней указывалось, что так как священники являются преемниками апостолов и учениками Христа, то пусть учатся жить при наличии собственности, полученной добровольно (!), отказавшись от постоянной собственности и светской власти²⁶⁷.

²⁶² «...civitates Pragensis antiqua et nova sunt reconciliatae in loco supra fossatum ante sancti Ambrosii ecclesiam, nam antea amaricabantur propter sacerdotes, divitias et cetera huiusmodi» («Chronicon Treboniense 1419—1439». FRA, Abt. I, Bd. 2, T. 1. Ed. K. Höfler. Wien, 1856, стр. 57). Умеренные гуситы продолжали настойчиво бороться за полную секуляризацию владений церкви. В конце апреля 1427 г. в Праге было заключено соглашение между спорящими сторонами, в десятом пункте которого было записано, что некоторые жители держат владения духовенства в аренде по старым правилам. Это является грубейшим нарушением учения Гуса, писавшего о том, что у священников их владения могут быть отняты. Следовательно, не нужно сохранять прежние формы аренды, а следует владеть церковными имениями на правах полной собственности (AC, d. 3, стр. 263).

²⁶³ AC, d. 1, стр. 224—225.

²⁶⁴ Там же, т. 3, стр. 384.

²⁶⁵ J. Cochlaevui. Liber magistri Joannis De Przibram Bohemi, de professione fidei catholicae, et errorum Reuocatione. «Historiae Hussitarum...» Moguntia, 1549, стр. 526, 528.

²⁶⁶ Там же, стр. 529.

²⁶⁷ «Sborník přispěvků...», d. 7, прилож. 7.

После неудачи реакционного заговора в Праге в 1427 г., тяжелых поражений крестоносцев в том же году и их позорного бегства от гуситских войск в битве при Домажлице 14 августа 1431 г.²⁶⁸ папская курия, император Сигизмунд, немецкие князья и другие силы феодально-католической реакции были вынуждены изменить свою тактику и решили добиться полного раскола гуситов путем мирных переговоров. Этому способствовала также растущая популярность гуситских идей и практика в феодальной Европе, особенно в соседних с Чехией странах. Представители Сигизмунда и церкви дали согласие на публичное обсуждение четырех пражских статей гуситов на Базельском соборе, который и начал свою деятельность в 1433 г. 16 января 1433 г. на соборе были зачитаны статьи хебских решений по поводу обсуждения гуситских статей и принят был следующий порядок: первоначально должны были быть заслушаны все выступления в защиту четырех пражских статей (т. е. выступления четырех гуситов, так как каждый из них выступал в защиту одной из статей). Затем с ответами по каждой статье должны были выступить представители католической церкви, заранее назначенные для этого. Петр Пейн, примыкавший в то время к общине сирот, защищал третью статью, направленную против светских богатств и светской власти духовенства.

С целью быстрее раскола гуситов кардинал Юлиан Чезарини выдвинул против них 28 статей, но гуситы отказались их обсуждать. После 50 дней прений собор избрал десять послов, выехавших в апреле 1433 г. в Прагу для дальнейших переговоров с чехами по неразрешенным вопросам. Действительная цель этого посольства заключалась в том, чтобы завершить раскол гуситского лагеря, продолжив секретные переговоры с умеренными гуситами, начатые еще в Базеле. 12 июня начал свою деятельность Пражский сейм. 25 июня базельские послы встретились на тайном совещании у руководителя умеренных гуситов Яна Рокицаны с представителями гуситского дворянства и бюргерства, которые уже выступили на сейме против таборитов и сирот. Затем состоялись и другие тайные встречи. В то же время продолжался процесс сближения дворянско-бюргерского лагеря с феодально-католическим лагерем внутри самой Чехии. В дальнейшем, во время новых переговоров в августе—сентябре 1433 г., между умеренными гуситами и представителями Базельского собора было достигнуто соглашение, известное под названием пражских компактатов. В ноябре 1433 г. на Святомартинском сейме в Праге был принят первоначальный текст компактатов, которые позднее были окончательно санкционированы Базельским собором²⁶⁹.

Каково содержание пражских компактатов? Они представляли собою условия объединения умеренных гуситов с церковью. Табориты отказались подписать компактаты и признать их в дальнейшем вследствие крайней умеренности их содержания. Эта умеренность стала еще большей в сравнении даже с прежним дворянско-бюргерским толкованием четырех пражских статей. Наше внимание привлекает третья пражская статья о собственности и светской власти духовенства (она рассматривалась на соборе четвертой по порядку). Гуситское посольство при защите ее на соборе заявило, что духовенство не должно «господствовать светским образом над частным имуществом», т. е. не должно иметь собственности. Уже в первой редакции компактатов высшее католическое духовенство стремилось всеми силами оправдать и сохранить и впредь свое право на частные владения. В результате дискуссии была принята оговорка, что духовенство может иметь собственность, полученную по наследству, и иную собственность, добытую справедливо путем дарения, покупки или

²⁶⁸ «Die Chroniken der deutschen Städte...». Bd. 5. Leipzig, 1866, стр. 96—97; Bd. 1, стр. 384; «Starý letopisové česstj». Ed. F. Palacký, стр. 83.

²⁶⁹ AC, d. 3, стр. 398—412.

полученную ремесленным трудом духовенства. В то же время отмечалось, что церковь может иметь и держать движимое и недвижимое имущество, дома, села, местечки, замки, города и господствовать над ними светским правом²⁷⁰.

В заключительной части пункта 8 соглашений было записано, что «духовные люди могут справедливо владеть церковным имуществом, собственниками которого являются по установлению святых отцов, и это церковное имущество не может быть иными несправедливо удержано и присвоено»²⁷¹. В другом варианте текста компактатов вопросу о церковных владениях уделено было еще большее внимание. В статье 7 отмечалось, что прелаты могут продавать, закладывать имущество по существующим порядкам и обычаям²⁷². В пункте 8 содержался ответ послов на вопрос, могут ли духовные лица иметь такую власть принуждения, как светские владельцы. Член посольства Ян Паломар отмечал, что светское господство, власть были у Христа и должны быть у прелатов и иных духовных лиц²⁷³. Следовательно, и умеренные гуситы признали в конце концов, что духовенство имеет право владеть церковной собственностью, т. е. отступили от своих прежних взглядов в данном вопросе, однако только тогда, когда уже захватили в свои руки значительную часть богатств чешской церкви и получили гарантию на их удержание в своем владении. Совершенно понятно поэтому, что Базельский собор выразил в особом письме сословиям чешского королевства свое удовлетворение результатами святомартинского соглашения²⁷⁴. В июле 1435 г. компактаты были подписаны послами собора и чешского королевства²⁷⁵ и 21 сентября того же года признаны чешскими сословиями²⁷⁶.

В процессе переговоров в Базеле — Праге по поводу компактатов и затем во время совещаний с представителями императора Сигизмунда об условиях его принятия на чешский трон чешское дворянство умеренного гуситского направления больше всего стремилось добиться выгодного для себя решения вопроса о церковной собственности и собственности эмигрантов (в основном патрицьев), короны, которую они конфисковали и захватили в свое владение в годы гуситского движения. В этом отношении весьма интересно письмо магистра Прокопа Пльзенского (бывшего сторонника правого крыла умеренных гуситов) от декабря 1435 г. Он настойчиво советовал чехам ускорить соглашение с Базельским собором, несмотря на существующие разногласия по вопросу о захваченной собственности²⁷⁷. Таким образом, и со стороны уже видно было, что вопрос о собственности, способах удержать ее являлся важнейшим вопросом для гуситского рыцарства и бюргерства.

Пражские компактаты далеко не исчерпали тех уступок, которых добилось бюргерство и гуситское дворянство. Цена, за которую они продали национальные чешские интересы, интересы чешского крестьянства и городского плебса, была значительно выше. Это станет очевидным при рассмотрении итогов переговоров между умеренными гуситами и Сигизмундом об условиях его принятия на трон и примирения умеренных гуситов с властью Люксембургов. В марте 1434 г. чешские сословия предъявили ему свои условия, на которых готовы были признать его королем чешских земель. Были составлены в отдельности требования дворянства и требования горожан, т. е. фактически в то время бюргерства. В объединенном

²⁷⁰ Там же, стр. 402.

²⁷¹ Там же, стр. 403.

²⁷² Там же, стр. 410.

²⁷³ Там же, стр. 411.

²⁷⁴ Там же, стр. 417.

²⁷⁵ Там же, стр. 422—423.

²⁷⁶ Там же, стр. 434—436.

²⁷⁷ Там же, стр. 439—440.

требовании всего дворянства было записано, что все пожалования короля, которые он роздал в период гуситских войн, должны потерять всякую силу, т. е. должны быть отменены все дарения деятелям феодально-католического лагеря. Законными должны считаться впредь только те пожалования, которые будут даны после официального признания Сигизмунда в качестве короля страны (статья 6).

Вместе с тем дворянство настаивало на том, чтобы король признал права дворян на замки и крепости, захваченные ими во время войн, и рассматривал бы их в дальнейшем как ленные владения, а дворян — как служащих короны. Фактически это было требование признать законными те крупнейшие изменения в отношениях собственности, которые произошли за истекшие бурные годы. К этой же статье по существу своему примыкало особое пожелание дворянства, чтобы король не вынуждал его восстанавливать разрушенных монастырей, церквей, замков и крепостей²⁷⁸. В статье 7 ставился вопрос о том, чтобы все торговые сделки и соглашения о наследстве, заключенные за истекшие 15 лет, сохранили свою силу.

Из этого краткого перечня дворянских требований очевидно, что в центре их внимания стоял, конечно, вопрос о собственности. Дворянство стремилось закрепить за собою юридически то, что успело захватить за время революционного движения в стране. В заключительной статье дворяне настаивали на отмене посмертного побора в их владениях, имея в виду, конечно, не крестьянство, а свои интересы, возможность пополнения своих доходов, если крестьяне не будут подчинены праву «мертвой руки».

Не менее корыстный, узкоэгоистический характер носили и требования бюргерства, представленные Сигизмунду от имени всех горожан. Там также не было и речи о городском плебсе, наиболее бедных ремесленниках. Бюргерство думало только о себе и только для себя добивалось юридического оформления целого ряда крупных уступок. И в данном случае мы рассмотрим лишь те статьи, которые касались вопросов собственности и повинностей. В числе первых статей этого документа было пожелание не обязывать города принимать обратно в число горожан тех, кто был изгнан из города или ушел сам в годы военной борьбы, кроме лиц, которых сама община пожелает нужным принять обратно. Главное в этой статье заключалось вовсе не в самом факте возвращения эмигрантов в свои города, а в том, *чтобы не пришлось возвращать им конфискованное имущество*. Поэтому в конце рассматриваемой статьи добавлялось, что этим лицам *не должна возвращаться их собственность*, за исключением тех случаев, когда городская община сама согласилась бы на эту уступку²⁷⁹.

Эта статья занимала центральное место среди городских требований, так как по существу в ней заключалось требование *закрепить за бюргерством захваченное имущество патрициата и церкви*. Органически примыкала к ней статья о том, чтобы король не принуждал города восстанавливать разрушенные монастыри²⁸⁰, аналогичная дворянскому требованию того же рода. Так же как и дворяне, горожане требовали, чтобы были аннулированы все грамоты, выданные Сигизмундом на какие-либо владения после смерти Вацлава IV²⁸¹.

Бюргерство последовательно стремилось осуществить и другие свои пожелания, выдвигавшиеся еще перед революционным восстанием народа. Вновь встал один из наболевших вопросов, имевших большое значение для королевских городов: горожане требовали, чтобы священники и

²⁷⁸ АС, d. 3, стр. 420.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Там же.

²⁸¹ Там же, стр. 421.

впредь не взимали в пользу церкви ренты с домов в городах или вообще где-либо²⁸². Напомним, что сбор этой платы нередко приводил горожан к отказу от прав на собственный дом и к продаже его за долги, следовательно, и к лишению полноправности горожанина. За время войны горожане фактически отменили уже платежи в пользу церкви. Специфически городским требованием было, чтобы впредь на города не налагались чрезвычайные денежные поборы²⁸³.

Рассматривая требования дворянства и горожан, предъявленные Сигизмунду, мы не можем ограничиться лишь указанием на их классово ограниченный, корыстный характер, что является бесспорным и важнейшим. Нельзя не отметить, что объективно они носили положительный характер и имели большое значение не только для указанных привилегированных социальных слоев чешского населения.

Статьи, направленные против реставрации собственности католической церкви, сохранили свое положительное значение, хотя и выглядели совсем не так, как это представляли себе действительные представители народа, идеологи таборитского лагеря. Закрепление церковной собственности в руках светских элементов было в общем прогрессивным, особенно когда речь шла о ее передаче в руки городского населения.

Закрепление захваченной собственности в руках городского бюргерства хотя и не привело к улучшению материального положения всей трудовой массы горожан, все же подорвало материальную основу господства патрициата, как известно, немецкого в основном своем составе. Следовательно, выполнение этого требования могло способствовать упрочению решающей роли национальных чешских элементов в городах страны.

В процессе окончательной обработки и принятия компактатов дворяне и бюргеры постепенно закрепляли за собою различные права и привилегии. 6 июля 1435 г. Сигизмунд подписал грамоту всем чешским сословиям на церковные свободы. В тот же день эта грамота с существенными отличиями была подписана отдельно для горожан Праги. Несмотря на свое название, документ содержал и статьи, касающиеся вопроса о собственности. В статье 5 отмечалось, что владения госпиталя для бедных и больных должны управляться служащими Праги²⁸⁴. В следующей статье предписывалось вернуть владения Пражской коллегии с тем, чтобы магистры имели обеспеченное существование. Большое значение имела статья 9, в которой король выразил свое согласие с требованием пражан, чтобы церковь не взимала в Праге арендной платы с домов.

20 июля 1436 г., уже после утверждения компактатов, Сигизмунд выдал грамоту привилегий и свобод всем чешским сословиям²⁸⁵. В первой же статье было записано, что «все явные смертные грехи в стране» не будут иметь свободу распространения. Напомним, что в четвертой пражской статье в числе «смертных грехов», которые должны быть устранены, назывались такие, как симония духовенства, ростовщичество, платность церковных обрядов вообще, взимание десятины в пользу церкви и пр. В данной грамоте, как и в пражских компактатах, прежняя четвертая статья потеряла свой острый антифеодальный смысл. О церковной симонии, всевозможных поборах — десятине и иных — теперь даже не упоминалось, т. е. молчаливо признавалось право церкви на восстановление церковных поборов, продажу церковных должностей и пр.

Сигизмунд обещал выполнить некоторые требования дворян и горожан. Так в статье 5 было записано, что король не будет вынуждать сословия восстанавливать разрушенные церкви, монастыри, замки и крепости. Он обязался обеспечить чеканку только хорошей монеты (ст. 18), при-

²⁸² Там же, стр. 420.

²⁸³ Там же, стр. 421.

²⁸⁴ Там же, стр. 433.

²⁸⁵ Там же, стр. 446—449.

знал, что все соглашения о наследстве и о торгах, заключенные в годы войны между дворянами и иными людьми, останутся в силе и впредь (ст. 13). Важное значение имело для городов то обстоятельство, что были прощены ростовщические проценты, набежавшие за годы войны (ст. 25). Королевским городам он «простил» всю задолженность короне, образовавшуюся за годы гуситских войн (ст. 24).

Небезынтересно, однако, что Сигизмунд отказал в требовании отменить право «мертвой руки» в королевских владениях (ст. 22). Мы встретим его широкое применение и после гуситских войн как в городе, так и в деревне.

Некоторые требования горожан и дворянства получили свое разрешение в особых грамотах. Так, например, 22 июля 1436 г. Сигизмунд подписал в Йиглаве грамоту чешским городам на то, что он не будет принуждать принимать в города лиц, эмигрировавших или изгнанных в годы войны²⁸⁶. Король согласился предоставить это право, как и право решать вопрос о возвращении или невозвращении конфискованной собственности этим лицам, самим гражданам. Это было важнейшая уступка, которая содержала самое главное требование горожан. Она давала бюргерству желанную письменную гарантию короля на сохранение за ними всех тех богатств, которые горожане захватили в годы гуситского революционного движения.

Некоторым городам удалось получить грамоты, которые юридически оформили их право собственности на различные владения, захваченные в ходе войны, главным образом на церковные богатства. 21 сентября 1436 г. Сигизмунд был вынужден закрепить за г. Жатцем некоторые монастырские владения: «Ц. С. (Цезарь Сигизмунд. — А. О.) оставил Жатецкой общине имущество монашеское Вроутек, Станоквице, Подборжаны, Либошовице до тех пор, пока не будет приказано по-иному»²⁸⁷. Такого же рода привилегию получил и г. Коуржим: «Ц. С. Подтверждает коуржимским имуществом, которые они имеют от монастырей и духовных, а именно Скалиц, Зданице, Радлице, Божнице, Залешаны, в Льгоде 7 урочников (т. е. крестьян, обязанных платить чинш-урок. — А. О.), верхнюю Хватлину, в Барховицах 2 человека, в Хотыши одного человека»²⁸⁸.

Грамотами короля Сигизмунда были закреплены различные церковные имущества и за отдельными горожанами Праги. 28 ноября 1436 г. Вацлаву Вскокову, горожанину Новой Праги, была записана деревня Вржезиневес, принадлежавшая ранее крестоносцам, за 200 коп грошей²⁸⁹. 10 декабря 1436 г. жителю Новой Праги Павлу был записан двор Ольшана за 150 коп грошей²⁹⁰, который принадлежал прежде монастырю св. Амвросия. Цепя записанного имущества, равная продажной цене нескольких домов в Праге, говорит о том, что эти владения попали в руки зажиточных горожан.

Сигизмунд стремился привлечь на свою сторону не только дворян, но и горожан, путем раздачи им церковной собственности. Уже 19 декабря 1420 г. он пожаловал горожанам Пльзена имущество еретических²⁹¹, т. е. гуситских, священников, которые бежали из города в связи с преследованиями со стороны католиков. 21 июня 1421 г. он дал горожанам Буйевице право на имущество горожан, бежавших из города²⁹². В то время

²⁸⁶ АС, d. 3, стр. 449. 8 мая 1437 г. он подтвердил отдельной грамотой все привилегии г. Юлова (АС, d. 6, стр. 440).

²⁸⁷ «Zbytky register...», стр. 211.

²⁸⁸ Там же, стр. 210.

²⁸⁹ Там же, стр. 194.

²⁹⁰ Там же, стр. 195.

²⁹¹ Там же, стр. 156.

²⁹² Там же, стр. 164.

эмигрантами были гуситы, так как данный город являлся одним из оплотов католицизма.

Наиболее щедрые привилегии давались естественно сторонникам Сигизмунда. Целый ряд прав и владений получили горожане Пльзня, Хеба (Эгера). 17 ноября 1425 г. пльзенской общине были пожалованы села гуситов (по-видимому, дворян) Лосина и Хваленицы²⁹³. 2 апреля 1434 г. Житавская община получила в управление монастырь Ойвенский, брошенный монахами²⁹⁴. 19 ноября 1433 г. король дал им же право получить 1000 рейнских флоринов с церковного имущества и обещал прислать еще одну тысячу²⁹⁵. Следовательно, церковные владения в Чехии были действительно в подавляющей массе захвачены дворянством и горожанами, а местами, возможно, и крестьянством.

Следует еще раз подчеркнуть, что такой положительный итог был достигнут не только благодаря деятельности дворянства и бюргерства, а главным образом героической борьбой крестьянства и плебса городов, лагеря таборитов.

Следует оговориться, что в Моравии, где католический лагерь удержал свои важнейшие позиции, гуситам не удалось добиться таких больших результатов в отношении церковной собственности. Еще 4 марта 1434 г. сейм в Брно постановил, что, если кто-либо и когда-либо, будь то пан или земап, или иной житель земли Моравской, вступил в чужие замки или владения имуществом или людьми каким-либо способом, «тот должен без промедления уступить это тому или тем, кому это принадлежит по справедливости, будь то духовные или светские» лица²⁹⁶. Затем добавлялось, что ни один пан, рыцарь, панош или кто-либо иной в Моравии не имеет права присваивать себе чужое имущество, замки и подданных людей и принуждать их нести повинности.

* * *

Краткая характеристика программных документов гуситской бюргерской оппозиции приводит к выводу, что важнейшее место среди них принадлежит требованиям экономического порядка. Следовательно, факты не соответствуют выводам многих буржуазных историков, считавших, что это движение по своему содержанию являлось в первую очередь религиозным.

С самого начала зарождения бюргерской оппозиции она выступала под знаком оппозиции католической церкви. Эта антицерковная направленность сохраняется затем на всем протяжении гуситских войн. Первоначально религиозная форма движения была особенно сильна. С наибольшей силой это сказывалось в идеях, да и в выступлениях предшественников Гуса. В учении Яна Гуса проявилось со всей очевидностью, что оппозиция феодализму в Чехии того времени — это главным образом оппозиция феодализму церковному. Однако уже тогда начинала постепенно преодолеваться эта ограниченность, являвшаяся специфической чертой эпохи феодализма. Наряду с критикой церкви все заметнее и сильнее сказывалась оппозиция и феодализму светскому. Наиболее полно это выразится в практических делах бюргерской оппозиции в годы гуситских войн.

Эволюция стремлений и идеалов гуситского бюргерства и дворянства сказалась и в том, что если у предшественников Гуса центр тяжести лежал на отрицании порядков, норм феодальной католической церкви, то теперь все большее место занимают позитивные планы. Уже у предшест-

²⁹³ Там же, стр. 174.

²⁹⁴ Там же, стр. 179.

²⁹⁵ Там же, стр. 146.

²⁹⁶ АС, d. 10, Praha, 1890, стр. 252.

венников Гуса и в народной ереси зародилась центральная идея умеренных гуситов — идея создания дешевой церкви.

Еще Ян Миллч, и особенно Матей из Янова, требовали лишить церковь богатств. Тогда же стал вопрос и об отмене важнейших церковных повинностей — десятины и др. Все большей остроты достигало народное требование ликвидации урока-чинша в пользу церковных владельцев, права «мертвой руки». Если народные секты фактически ликвидировали у себя пышные церковные обряды и сделали их бесплатными, то идеологи бюргерской оппозиции обосновали это теоретически.

Со времени выступления зрелого Гуса и затем в годы гуситских войн был поставлен целый ряд новых совершенно конкретных вопросов, нередко связанных с оппозицией светскому феодализму. Этому благоприятствовало и наличие национальных противоречий. Практически стал вопрос о владениях патрициата в королевских городах, и они были в большей части конфискованы. В ходе борьбы с полчищами крестоносцев-чужеземцев и с внутренней феодальной реакцией гуситами была захвачена даже часть королевских владений. Однако эти две черты выражали национальную специфику чешского движения и не были присущи антифеодальным выступлениям бюргерской оппозиции в ту пору в Европе в целом.

Выдвинуты были и такие задачи, как борьба с ростовщичеством, спекуляцией. В планах и действиях бюргерской оппозиции все сильнее проявлялось давление широких народных масс снизу, зарождение и формирование плебейско-крестьянской оппозиции. Именно в годы вооруженной борьбы за реализацию требований гуситов возникает попытка практического решения важнейшей задачи — создание свободной собственности, насколько это было возможно при сохранении основ феодального строя.

Как в учении идеологов бюргерской оппозиции, так и в ее практической деятельности с полной очевидностью выступают не только ее крупные положительные, но и слабые, отрицательные стороны. Еще в период зарождения и оформления умеренного направления в гусизме стало очевидным, что даже лучшие его представители и даже сам Гус, были не в состоянии преодолеть своей классовой ограниченности. Бюргерская оппозиция ставила вопрос о церковной собственности, а не о крупной феодальной собственности в целом. Как до народного вооруженного восстания, так тем более в ходе войн с феодальным лагерем проявлялся корыстный характер требований бюргерской оппозиции, ее планов создания дешевой церкви. Богатства церкви, да и патрициата, как мы уже отметили выше, гуситские дворяне и бюргеры захватили в свои руки. Они и не ставили своей задачей коренное улучшение положения крестьянства и плебса. Последние нужны были им как союзники и сила в военных и политических столкновениях с феодалами и патрициатом.

Ограниченность чашников проявилась также в том, что борьба за дешевую церковь, за свободную собственность мыслилась и осуществлялась ими в условиях сохранения феодального общества. Бюргерство еще могло более или менее успешно существовать и развиваться в рамках феодальных отношений при условии осуществления тех преобразований, которые оно выдвигало.

При всех этих слабых сторонах большая заслуга бюргерской оппозиции заключалась в том, что она сформулировала важнейшие программные требования, которые в трактовке радикальных гуситов — таборитов далеко выходили за пределы ее классовых интересов. Идея дешевой церкви являлась общегуситской и не была ограничена рамками умеренного гуситства. Именно она, конечно в ее различном толковании бюргерским и плебейско-крестьянским направлениями в гусизме, стала знаменем гуситского движения в целом. В период своего возникновения и формирования бюргерская оппозиция объективно помогала понять на-

роду его основные интересы и увидеть главного врага — феодальную церковь как авангард феодализма. В период до 1419 г. и в ходе гуситских войн идеалом умеренных, да и радикальных гуситов, являлась раннехристианская церковь. Для идеологов умеренных гуситов характерен библицизм. В борьбе с церковным феодализмом они видели образец для себя, искали истину в Библии, священном Писании. Преодолеть религиозную форму движения бюргерская оппозиция в Чехии того времени так и не смогла, так же как и таборитское направление гусизма.

Существенные изменения произошли в тактике гуситов (мы употребляем этот термин конечно условно). От надежд на внутренние силы самой церкви и идеи созыва церковного собора у Милича до вывода о том, что само духовенство уже не сможет осуществить реформацию церкви. Затем новый шаг вперед — признание светских феодалов в качестве главной преобразующей силы. И в этом опять-таки большая ограниченность. Ян Гус писал и говорил о необходимости повысить роль самой общины, простых верующих города и деревни, высказывал глубокие симпатии народу. Бюргерская оппозиция в годы войн вступила даже в союз с таборитами и осуществила вместе с ними целый ряд важнейших операций в борьбе с феодально-католическим лагерем.

Однако и этот союз оказался непрочным. Он закончился предательством интересов плебса и крестьянства со стороны гуситского дворянства и бюргерства. До мысли о решающей роли самого народа — крестьянства и плебса, наряду с бюргерством, идеологи бюргерской оппозиции так и не поднялись. Внешне бросается в глаза эта противоречивость — признание на словах большой роли народа и отказ от прочного союза с крестьянами и плебеями на деле. В этом проявилось еще не полное разделение двух форм оппозиции феодализму — бюргерской и плебейско-крестьянской. В ходе гуситских войн классовые позиции различных направлений гусизма, как и лагеря их врагов, уточняются, определяются окончательно их пути. Так было и с вопросом о возможности выступать с оружием в руках, воевать против феодалов. В то время незрелость бюргерства вылилась в конце концов в отказ от метода насилия в борьбе с феодально-католической реакцией, в отличие от тактики таборитов.

Известную положительную роль бюргерская оппозиция сыграла в деле непосредственного осуществления планов создания дешевой церкви — в секуляризации ее богатств, в подрыве ее политического и идеологического влияния.

Н. И. Кравцов

СЛАВЯНСКАЯ НАРОДНАЯ БАЛЛАДА

1

Современная фольклористика проявляет значительный интерес к славянской народной балладе. В последние годы этому жанру посвящено немало работ. В программу V Международного съезда славистов включено несколько докладов на эту тему; даже в программе симпозиума по структурному изучению знаковых систем, прошедшего в Москве в конце 1962 г., стоял доклад «К анализу структуры литовской народной баллады»; опубликовано несколько ценных сборников текстов народных баллад¹.

Уже самый факт появления стольких работ и сборников привлекает внимание к этому жанру. Необходимость его изучения особенно вызывается идейно-художественной ценностью того типа песен, какие обычно называются балладами, неясностью характера этого жанра, его возникновения и путей развития, расхождением ученых в понимании этих вопросов.

Необходимость постановки вопроса о славянских народных балладах вызывается также и тем, что в учебной литературе о них обычно мало говорится. Так, в известных книгах «Русский фольклор» (М., 1938) Ю. М. Соколова, «Русское народное творчество» (М., 1956) под редакцией П. Г. Богатырева, «Русское народное творчество» (М., 1959) В. И. Чпчерова баллада не выделена особо и о ней почти не упоминается. В библиографическом справочнике «Русский фольклор» (1961), составленном М. Я. Мельц, в разделе «Былины и баллады» (стр. 86—95) не указано ни одного сборника баллад, а в разделе с таким же названием на стр. 169—177 приведена только одна статья, да и та посвящена отдельной песне. Все это говорит о том, что многие из фольклористов по сути дела не рассматривают балладу как особый жанр русского устного народного творчества.

В связи с этим закономерно возникает вопрос и о самом термине «баллада» в приложении к произведениям славянского народного творчества и о сущности обозначаемого этим термином жанра.

Прежде всего следует отметить, что ученые XIX в. употребляли этот термин, но точного ограничения круга песен, относимых к этому жанру,

¹ «Народні балади Закарпаття». Запис та впорядкування текстів, вступна стаття і примітки П. В. Лінтура. Ужгород, 1959; «Slovenské ľudové balady. Výber zost. a študiu napísal J. Horák». Bratislava, 1958; «Polska epika ludowa». Oprac. S. Czernik. Wrocław—Kraków, 1958.

тогда не было. П. В. Киреевский и П. И. Якушкин лишь сопоставляли некоторые народные типы песен с литературными балладами. А. И. Соболевский в предисловии к первому тому «Великорусских народных песен» (1895) предпочитал термин «низшие эпические песни». М. Н. Сперанский, братья Б. М. и Ю. М. Соколовы и другие ученые конца XIX—начала XX в. также не пользовались термином «баллада» и вопрос об этом жанре еще не ставили. И хотя в XX в. фольклористы зарубежных славянских стран, а затем и советские ввели в употребление термин «баллада», однако точного определения он не имеет до сих пор.

В обоснованности и целесообразности применения его к славянскому фольклору заставляет сомневаться целый ряд соображений.

В области литературоведения многие термины стали международными. Это можно сказать о терминах роман, новелла, поэма, ода, трагедия, комедия и т. д. Перенесенные из одного языка в другой, из одной литературы в другую, они, естественно, могут что-то утрачивать в своем значении и в то же время приобретать новые смысловые оттенки. Но основное их содержание при этом сохраняется.

Иначе обстоит дело с терминами, относящимися к жанрам народного творчества. Представим себе, что из русской фольклористики в фольклористику западноевропейских стран, например французскую или английскую, были бы перенесены русские термины «былина» и «частушка», а из украинской — «дума» и «коломыйка», что они стали применяться к жанрам французского или английского народного творчества. Сразу станет очевидным, что не всякий термин, прилагаемый к устно-поэтическому творчеству одного народа, можно приложить к устно-поэтическому творчеству другого.

Вопрос о законности такого перенесения возникает и тогда, когда мы встречаемся с распространенным уже в славянской фольклористике употреблением термина «баллада». Сомнения в использовании его для обозначения произведений славянского народного творчества возникают потому, что устно-поэтические жанры народного творчества более национально своеобразны, нежели литературные, что литературная и народная баллада не одно и то же, что жанр баллады претерпел значительные изменения в ходе историко-литературного и фольклорного развития. Особо следует напомнить, что в народной среде славянских стран термин «баллада» не употребляется.

Словацкий ученый А. Мелихерчик в антологии «Словацкий фольклор» отмечает, что словаки чаще всего называют песни балладного типа «грустными или печальными песнями»². П. В. Линтур сообщает, что украинцы называют балладу «довга пісня», а в Закарпатье — «довга співанка»³. А. М. Астахова указывает, что русские певцы на Севере различают былины и балладные песни: «Баллады почти всюду на Севере называют стихами, поют их на напевы, близкие к стихам, и отличают их как жанр от собственно былин»⁴.

Однако тот факт, что термин «баллада» в его англо-шотландском понимании вошел в употребление в славянской фольклористике, заставляет ставить вопрос не о его исключении из науки, что теперь было бы уже невозможно и бессмысленно, а об уточнении понимания того явления, какое обозначается этим термином.

Решение проблемы славянской народной баллады предполагает ответы на вопросы: каковы особенности народной баллады в отличие от других фольклорных жанров? Какой путь развития прошла народная баллада и какие жанровые ее разновидности возникли в результате этого?

² А. Melicherčík. Slovenský folklor. Bratislava, 1959.

³ «Народні балади Закарпаття», стр. 5.

⁴ А. М. Астахова. Былины Севера, т. I. М.—Л., 1938, стр. 54.

В задачу нашей статьи входит только постановка, а не решение этих вопросов, так как цель ее состоит в том, чтобы дать толчок к изучению славянской народной баллады.

2

В большинстве работ, рассматривающих характерные особенности жанра баллады, последние обычно даются априори, называются без подлежащего разъяснения. Так, в частности, обстоит дело с понятием лиро-эпического характера баллады. Эту особенность настойчиво отмечают и известные словацкие фольклористы Иржи Горак, А. Мелихерчик, и украинский исследователь П. В. Линтур, и болгарский ученый П. Динеков. Андрей Мелихерчик пишет: «Можно сказать, что народная баллада есть в сущности стихотворный рассказ, сюжет которого развивается в лирическом плане»; или: «Под народной балладой мы понимаем в широком значении слова песню лиро-эпического характера, первоначально исполнявшуюся хором»⁵. П. В. Линтур считает, что «народная баллада органически соединяет в себе эпический элемент с лирическим»⁶. Петр Динеков подчеркивает: «Современная баллада представляет собою лиро-эпический вид иногда с сильными лирическими тенденциями»⁷.

Для решения вопроса о лиро-эпическом характере баллады необходимо уяснить, что именно исследователи понимают под лиризмом (или лиричностью). Многие авторы не определяют своего понимания этого качества, но из того, как они определяют другие особенности баллады и с какими чертами баллады связывают лиризм, становится ясным и их понимание последнего.

Приведем некоторые высказывания.

«Идейно-образное содержание баллад, — пишет Петр Динеков, — очень сильно воздействует на слушателей, потому что песенный рассказ сочетается с лирико-эмоциональным подходом к событиям и героям. В отличие от типично эпических произведений баллады пронизаны сильным лиризмом, постоянно подчеркивают эмоциональные моменты в развитии действия. В жанровом отношении баллада представляет собою переход между лирикой и эпосом»⁸. А. М. Кинько в книге «Украинское народное поэтическое творчество» говорит: «Все же балладные песни были и остаются прежде всего творчеством лиро-эпическим. Все основные черты их реализма вытекают из эмоционального рассказа об острых конфликтах, в которых народные герои преодолевают смерть своим мужеством, вольнолюбием и оптимистической верой в справедливость своих поступков и действий»⁹.

Уже из этого ясно, что исследователями, считающими балладу лиро-эпическим жанром, понятие лиричности попросту искажается. В большинстве случаев под лиризмом понимают эмоциональность. Но ведь эти понятия не идентичны. Эмоциональность может возникать и при полном самоустранении личности автора. Эмоциональность существует и в эпосе, и в драме, есть по сути дела во всех родах, видах и жанрах фольклора и литературы, так как без нее нет настоящего искусства. Понятие же лиричности имеет вполне определенное содержание: она есть не что иное, как прямое выражение авторского отношения к действительности, авторского настроения. Поэтому, собственно, нельзя привести примера лиро-эпической баллады, так как в песнях балладного типа нет прямого вы-

⁵ А. Melicherčík. Указ. соч., стр. 577.

⁶ Народні балади Закарпаття, стр. 4.

⁷ П. Динеков. Български фолклор. София, 1959, стр. 409.

⁸ Там же, стр. 414.

⁹ «Українська народна поетична творчість», т. I. Київ, 1958, стр. 600.

ражения авторских мыслей и чувств, авторского отношения к действительности.

На самом деле, в характерных балладных песнях, например тех, которые всеми без исключения исследователями относятся к этому жанру, нет образа автора, нет прямой передачи певцом своих мыслей и чувств. В пример можно привести известные сербские песни «Сестра-отравительница» и «Смерть Омера и Меримы», украинскую «Оженила мати неволею сипа». В них мы находим объективированное изображение событий, их герои — лица, не смешиваемые с автором или певцом, в них повествование идет от третьего лица, как в эпическом произведении.

А. Мелихерчик пытается уточнить, в чем же состоит лиричность баллады. Раскрывая содержание понятия «эпиро-эпический», он говорит: «Это означает только то, что в народной балладе мы встречаем, с одной стороны, сюжетное изображение жизни, а с другой — изображение жизни в определенном переживании, которое эта жизнь вызвала. В этом отношении народная баллада сближается, с одной стороны, с историческими, рекрутскими и военными песнями, а с другой — с народной лирикой. Отличается она, однако, от них своеобразием поэтического изображения, прежде всего специфическим развитием его эпической основы»¹⁰. Мелихерчик также добавляет, что сюжетная основа в балладе получает стихотворную форму с лирической окраской. Эти высказывания весьма неопределенны, они не уточняют понятия лиричности, а вводят ряд новых понятий, в свою очередь требующих уточнения (сюжетная основа, лирическая окраска). Вопрос, таким образом, не решается.

С лирикой могли бы роднить балладу другие признаки, например композиция и сюжет. Иржи Горак считает, что балладе свойственна композиция типа композиции лирической песни. Но это свое высказывание он не конкретизирует¹¹. С народной лирикой балладу мог бы роднить и характер сюжетов — семейно-бытовой, как полагает большинство исследователей. Но один характер сюжетов не может быть жанрообразующим фактором, так как многие жанры имеют довольно широкий сюжетный диапазон.

Для решения вопроса об отношении баллады к народной лирике следует учесть и особенности композиции баллады и строение сюжета.

Сложности в понимании и определении баллады возникают во многих случаях потому, что в раздел баллад в сборниках и антологиях часто включаются произведения, заведомо не балладного типа. Так, столь опытный в вопросах народной баллады ученый, как Иржи Горак, помещает среди словацких баллад следующую песню:

Полетела голубонька
К парню на оконце,
Стала летать на конюшне
Меж вороних копей.
Его кони испугались,
Голубоньку затоптали.
Не была то голубонька,
А была то милепочка.

Vyletela holubenka
šuhajovi do okénka,
vletela mu do maštale
medzi jeho kone vrané.
Koničky sa naľakali,
holubunku zašlapali.
Nebola to holubenka,
lež to bola frajerenka.

Признать эту песню балладой никак нельзя. Это обычная лирическая песня с характерной для нее символикой (голубонька — милая), с явным отсутствием сюжета, т. е. раскрытия характеров героев в действии; в самых кратких формах баллады действие не схематизируется в такой степени, как в этой песне. Если признать эту песню балладой, тогда при-

¹⁰ А. Melicherčík. Указ. соч., стр. 577.

¹¹ «Slovenské ľudové balady», str. 5.

дется отнести к балладам собственно все народные лирические песни, особенно семейно-бытовые. Но различия между балладами и лирическими песнями существуют. Чтобы определить их, необходимо рассмотреть характер и строение сюжета в балладе, так как она жанр эпический, а не лиро-эпический.

Дело в том, что не только характер сюжета определяет жанр баллады, но и способ его разработки. Так, несомненно, в этом имеет значение композиция песни, связанная со степенью развития сюжета. Произведения, в которых есть только известная ситуация и нет собственно сюжета, не могут быть причислены к балладам. А в сборниках баллад мы встречаем песни в несколько строк. Ведь мы не можем отнести к балладам частушку о несчастной любви или о том, как родители (мать или отец) не позволяют девушке любить милого. Тут та же ситуация, что и в популярных сюжетах баллад, но именно ситуация, а не сюжет.

3

Многие песни первого тома сборника Караджича по сюжетным мотивам казалось бы близки к балладам, хотя бы потому, что в них есть изображение отношения девушки к родным. Но часто это не баллады, а обычные лирические песни, основанные на сравнении отношения девушки к отцу, матери, сестре и милому, которого она любит более других. Это простое сопоставление не может служить основой баллады. Оно в лирическом (именно в лирическом) плане раскрывает образ девушки. Такого типа, например, песня № 291 («Милый берет и цветы и Мару»), в которой рассказывается о том, как Мара собирала в поле цветы, хотела их дать отцу, потом матери, затем брату, наконец, сестре — и все ей отвечали: «Не моя Мара, не мои цветы», только милый ответил: «Моя Мара и цветы мои»; такого типа песня № 292 («Девушка испытывает родных»), в которой девушку отказываются спасти мать, отец, брат; только милый говорит: «Иди ко мне, душечка, будешь моею». Не являются балладами и песни, в которых есть простое сравнение брата и любимого, сестры и любимого (№ 299, 300). Не могут быть отнесены к балладам и песни, в которых лишь выражена любовь брата к сестре или сестры к брату (№ 304 — 308). Это обычно песни хороводные, лирические; в отличие от других они строфичны, что мало свойственно южнославянским песням. Строфичность возникла в них в силу исполнения в хороводе (поочередность).

Некоторые песни, имеющие типичные балладные ситуации, не являются балладами потому, что они представляют собою лишь отрывки, осколки баллад, полный текст которых забылся. В них, в силу того что они не полны, нет законченного сюжета. Эти отрывки представляют собою или начала песен, или концы, где излагается развязка событий.

Композиция баллады, как и всякого сюжетного жанра, определяется тем, как строится сюжет, как разворачивается действие в произведении.

Сюжет баллады характеризуется единством действия, единством конфликта. В нем нет других линий действия, кроме основной. В центре его — одно событие. Классическими примерами народных баллад служат сербские песни «Хасанагиница» (Караджич, т. I, № 76) и «Мать-изменица» (№ 80). Конфликт между женой и мужем в первой и между матерью и сыновьями во второй развивается последовательно, не нарушаясь никакими привходящими эпизодами или деталями. Уже это создает динамичность сюжета. Но в балладе не только есть единая линия действия; в ней действие развивается лишь по главным сюжетообразующим моментам. Это в свою очередь приводит к сюжетной напряженности. Если к этому прибавить свойственную балладе остроту столкновений героев, а также трагический характер развязки, движение к которой часто идет путем фатального сцепления обстоятельств, то возникнет тот драматизм,

который отличает сюжеты баллад от сюжетов других повествовательных стихотворных жанров фольклора. Драматизм служит источником ступенной эмоциональности повествования. Драматизм, возникающий в силу фатального, рокового для героя сцепления обстоятельств, известной их предопределенности, придает сюжету баллады своеобразную окраску, тем более, что центром сюжета обычно является необычайное происшествие.

Действие в балладе движется и нарастает быстро, так как повествование сжато и кратко, оно не имеет никаких вводных эпизодов; баллада почти всегда начинается прямо с действия, за исключением случаев влияния на отдельные баллады эпических героических песен, что более всего заметно в южнославянском фольклоре, где такие песни в силу особых исторических обстоятельств получили большое развитие и наложили свою печать на все жанры, даже лирические. Но и в случае явного влияния эпических героических песен на балладу она остается балладой, произведением с характерной композицией. Примером может быть песня «Проданная жена Богдана» в первом томе сборника Караджича (№ 725). В ней типичный балладный сюжет перенесен на героя юнацких песен Лютицу Богдана. За долги Богдан продает свою жену турку, но тот оказывается ее братом. Некоторые типические места героических песен вошли в эту балладу, но она не стала от этого юнацкой песней. С этой последней балладой роднит и развитая диалогичность, которая усиливает ее драматизм. Но только диалогическая песня без повествовательных моментов не будет балладой. Такая форма свойственна некоторым хороводным песням. При диалогичности в балладе отсутствует рассказчик, несмотря на то, что это повествовательный жанр. Лицо певца или чаще певицы, так как баллады главным образом женские песни, проглядывает редко, только в случае особой реакции на события, например в морали, как особом очень редком элементе песни, дающем обобщение или оценку событий. Мораль обычно имеет форму изречения, афоризма, пословицы и, как правило, заключает события, являясь выводом из них.

В форме баллад западных и южных славян есть некоторые различия. Они, например, состоят в том, что западнославянская баллада строфична, а южнославянская не строфична. Первая может иметь рефрены, вторая их не имеет. Это различие объясняется, очевидно, литературным влиянием на западнославянскую балладу. В том же случае, когда строфичность появляется в южнославянской балладе, это результат связи баллады с хороводом, с исполнением песни по частям отдельными группами хора. Таковы в первом томе сборника Караджича песни № 290—294, 296.

Строгая строфичность не является следствием распространения в балладах композиционного приема троекратного повторения сходных ситуаций или контрастности. Есть песни, в которых каждая строфа заключает в себе и новую ситуацию, движущую вперед действие, как в указанных номерах песен, но есть песни, в которых строфичность отсутствует, хотя ситуации повторяются. Таково большинство баллад.

Однако несмотря на большую роль сюжета в балладе и на то, что характеры ее героев раскрываются прежде всего в поступках, баллада отличается также и тем, что психологически более глубоко изображает человека, нежели некоторые другие стихотворные повествовательные жанры. Однако баллада почти никогда не дает прямых определений душевных состояний героев или черт их характеров. Она обычно передает их косвенными средствами: или в поступках или в своеобразных приемах психологического изображения, возможно родившихся именно в этом жанре.

Показательна заключительная ситуация в балладе «Гайя и его дядя» (Караджич, т. I, стр. 640). Царь погубил всех своих родных, чтобы сохранить власть. Он убил одного племянника и велит своей сестре прислать к себе и другого. Мать, зная, что отправляет сына на верную смерть, велит сыну передать царю ее просьбу, чтобы тот после казни юноши поло-

жил его голову в мешок и привязал мешок к седлу коня: конь сам придет домой и принесет голову ее сына. Юноша (Гайя) передал царю просьбу матерп. Жестокосердного царя тронули материнская любовь, ум и красота юноши, он отпустил племянника домой. Гайя вернулся к матери, подъезжает к ней на коне, а мать, в душевной тревоге ожидавшая трагической развязки, «коня видит, а Гайя не видит».

Типичным образом баллады может служить песня «Мать-изменница» из сборника Караджича (т. I, № 80). Она имеет эпический зачин как след влияния юнацких песен:

Письмо пишет Асанагиница,
Пишет в Клис она, во город белый,
Посылает в ровную Цетину,
Прямо в руки Баракович Ибру.

Она просит взять ее в жены, потому что и при жизни своего мужа любила лишь Ибро.

А в письме ей Ибро отвечает:
«Не глупи ты, Асапагиница!
У тебя ведь есть твои два сына!»

Асанагиница пишет второе письмо и просит Ибро погубить ее сыновей, когда они пойдут к реке за водой. Мать притворилась больной и стала просить сыновей принести ей воды:

От воды мне лучше, может, станет.

Мать не ведела им брать с собою хороших коней и оружие, чтоб не отняли их разбойники. Но сестра раскрыла братьям планы матери и вывела им коней и дала оружие. Братья убили Ибра:

Из реки воды они набрали,
Черны очи Ибру вынимали,
Положили их в ведро с водою.
Когда в белый двор вернулись братья,
Дали матери ведро с водою:
«Вот вода, ты, мать папа родная!
Вот вода, чтоб не было болезни!»
Мать взяла ведро и пить хотела.
Но когда там очи увидала,
Сыновьям тогда она сказала:
«Сыновья мои, ужаль змея вас!
Это очи Баракович Ибра?»
Отвечает Усеин ей младший:
«Замолчи, изменница ты мать нам!
А греха бы не было от бога,
От людей великого нам сраму,
Если б и тебя мы погубили,
Выпули тебе бы черны очи!»

Данная выше характеристика особенностей сюжетного строения баллады прекрасно подтверждается этим примером. Здесь единый конфликт раскрывается в последовательной цепи эпизодов, из которых ни один не может быть исключен без того, чтобы не разрушилась эта цепь. В то же время эти эпизоды — наиболее характерны для отношений и целей героев песни. То, что тут сталкиваются между собою близкие люди, что в их от-

пошениях проявляется коварство одного из лиц, что поведение матери представляет собою необычайное явление, так как противоречит психологии матери, что действие быстро идет к развязке, — все это создает типичный для балладного сюжета драматизм.

Во многих отношениях баллада по композиции и характеру сюжета близка былине и юнацкой песне. Но отличается от них тем, что ее сюжет обычно не имеет героического характера, что в основе ее сюжета лежит не социально-исторический, а семейный конфликт, что в ней почти не бывает характерных для героических песен типических мест и элементов композиции (зачин, развернутые описания места действия, обстановки, седлания коня, портрета героя и т. д.). Композиция былины и юнацкой песни сложнее, нежели композиция баллады, которая не терпит замедления действия, свойственного этим жанрам.

4

Баллада — сюжетный жанр. Но и многие другие жанры славянского народного творчества сюжетны. Более того, некоторые, «балладные» сюжеты встречаются и в других жанрах. Отсюда следует: чтобы отграничить балладу от других жанров, недостаточно указать на ее сюжетность, чем иногда и довольствуются исследователи, а необходимо также определить, какие сюжеты типичны для баллады, и установить особенности их строения.

Соответственно характеру сюжетов песни этого жанра обычно делят на четыре группы: мифические, исторические, социальные и семейно-бытовые. В сборниках баллад такое деление определяет и расположение текстов (например, в сборниках И. Горака и П. В. Линтура). Часто такое деление нарушается составителями, но это лишь свидетельствует о стремлении втиснуть в принятую классификацию тексты, явно неподходящие этому. И. Горак во вступительной статье к сборнику «Словацкие баллады» выделяет баллады древнейшего времени, феодального времени, времени турецкого нашествия и баллады семейные, т. е. в основном сохраняет деление песен на указанные выше четыре группы, присоединяя к ним песни военные и разбойничьи.

Во многих сборниках баллад выделяется группа песен, которая носит название древнейших, мифических или анимистических. Болгарский ученый М. Арнаудов отличает эти песни от песен-новелл, имеющих более бытовой характер, прежде всего на том основании, что в балладах важную роль играют фантастика и суеверие, соединение чудесного и реального, что в сюжетах баллад большое место занимают невероятные стечения обстоятельств, что в балладах часто действуют вилы и самодивы, змеи и лами (фантастические животные с собачьей головой и змеиным хвостом), а человек изображается в отношениях к ним. М. Арнаудов относит к балладам песни «Марийка и самодива», «Драганка и самодива», «Женитьба Стояна на самодиве», «Змей и Стана»¹².

Для той группы песен, какие называют мифическими, свойственны сюжеты, в основе которых лежат мотивы превращения человека в растение или животное, сбывшегося заклятия и колдовства, сбывшихся вещей снов, предчувствий и примет, необходимости жертвы. Все это вносит в баллады элементы чудесного, которое возникает и оттого, что в песнях действуют, кроме фантастических существ, солнце, месяц и звезды. Одушевление природы, наделение ее явлений человеческими качествами (анимизм, антропоморфизм) — характерные черты этих баллад. Здесь имеют место предметы, обладающие чудесными свойствами и волшебной силой. Так, в песне № 14 сборника «Русская баллада» сестра готовит зелье,

¹² «Български народни песни». III, Нувели и балади. София, 1942, стр. 59—146.

чтобы отравить брата; когда капля этого зелья падает на гриву коня, грива загорается. Такого рода баллады в некоторых отношениях близки сказкам.

Несмотря на то, что анимистические представления, одушевление природы, фантастика и чудесное занимают в этих песнях важное место и играют важную роль, не они служат основой песен и их сюжетов. Это как раз и свидетельствует о том, что перед нами не мифические песни, а баллады. Правда, в этот раздел песен следует внести разграничения, так как не все песни, называемые мифическими, относятся к балладам, а поэтому необходимо найти разделяющие их признаки.

Так называемые мифические песни включают в себя произведения двух видов: а) собственно мифические песни, действующими лицами которых являются божества славян или олицетворенные в образах вил и дивов, полевых, лесных или водяных духов силы природы, а также очеловеченные солнце, месяц и звезды; б) песни, где эти божества и духи действуют наряду с людьми, которые, собственно, и являются основными персонажами песен, а сюжеты строятся на исторически характерных семейных отношениях людей.

Первая из этих групп песен к балладам не относится; к ним можно отнести только вторую группу. Основанием для этого служит следующее: а) песни первой группы, т. е. собственно мифические, посвящены не изображению человеческих отношений, а объяснению явлений природы, баллады же изображают именно человеческие отношения и судьбы; б) мифологические мотивы свойственны не всем балладам, а лишь некоторой их части и потому не являются характерным признаком этого жанра.

Какие же сюжеты наиболее характерны для мифических песен?

В тех мифических песнях, которые большинством ученых относятся к балладам, наиболее распространены следующие сюжеты: свекровь или мать заклала невестку или дочь, и та превратилась в дерево или серну (Горак, № 1 и 2), девушку отравили на свадьбе (№ 4), сестра отравила брата (№ 6), братья нашли свою сестру и т. п.

Уже это краткое перечисление сюжетов баллад с мифическими или анимистическими мотивами говорит о том, что эти баллады имеют свои особенности. Основу их составляют семейно-личные отношения людей. Мотивы чудесного, анимистические представления переплетены в них с отношениями матери и детей, свекрови и невестки, братьев и сестер, мужа и жены. Чисто анимистические мотивы или мотивы, связанные и повериями, служат лишь объяснением действий героев песен или вливаются в сюжетную развязку.

В песнях этой группы весьма распространен сюжет с мотивами сбывшегося заклания, превращения человека в растение, говорящего дерева. Такова песня о свекрови и невестке или матери и дочери. Ее мы находим в «Великорусских песнях» А. Соболевского (т. I, № 80—81; т. II, № 164—166), в «Смоленском этнографическом сборнике» В. Добровольского (т. IV, стр. 586—587), в «Народных песнях Галицкой и Угорской Руси» Я. Головацкого (т. II, стр. 700—715). К ним относится и песня «Оженила мамка сына» в «Народных балладах Закарпатья» П. В. Линтура. Свекровь, отправив сына в далекий путь, посылает сноху в поле брать лен. Сноха не добрала лен и легла спать. Пришла свекровь и, увидев спящую сноху, заклала ее. Молодая женщина превратилась в «тополи». А когда вернулся домой сын, мать послала его срубить дерево. Стал он рубить дерево — из него кровь пошла, ударил топором еще раз — оно заговорило, стало просить не рубить его и рассказало, как свекровь заклала сноху.

Эта песенная сюжетная основа варьируется и изменяется, в нее входят мотивы и реалии позднейших эпох. Но сюжетная основа позволяет увидеть, что это не новая песня, а весьма древняя. Подтверждением этому служат не только мотивы анимистического характера, но и противоречия

и неувязки, какие встречаются в новых вариантах. Показательным примером может быть польская песня на тот же сюжет о девушке, превращенной в дерево. В этой песне совершенно неожиданно, без всякой мотивировки появляются турки:

Проезжали турки,
Добрые молодцы,
Проезжали как-то
Яворовым лесом.

Wędrowali turcy,
przekraśni młodzieńcy,
wędrowali czasem
jaworowym lasem¹³.

Это не значит, что данная баллада создана во время турецких набегов на польские земли. Здесь в старый текст песни впаялись новые детали. Показательно в этом отношении определение турок как добрых молодцев; оно явно бессмысленно, так как не соответствует ни общей народной оценке турок как захватчиков и насильников, ни их действиям в данной песне, где они рубят дерево. Бессмысленна и цель их действия: срубить дерево «на новые гусельки», так как турки никогда не играли на гуслях; это чисто славянский музыкальный инструмент.

Но основа песни — мотив превращения девушки в дерево и мотив говорящего дерева как следы древнего анимизма — осталась.

Один рубнул его —
Полилась кровь из него,
Другой рубнул его —
Отрубил кусок от него,
Третий рубнул его —
Дерево промолвило:
«Не рубите вы меня,
Я ведь девушка».

Jeden ciął do niego,
lała się krew z niego,
drugi ciął do niego,
odciął trochę z niego,
treci ciął do niego,
drzewo przemówiło:
«Nie rąbajcie we mnie,
bo ja jest dzieweczka»¹⁴.

Существует словацкий вариант этой песни, сюжетно более полный и более выдержанный. В нем действуют не турки, а музыканты (hudci); девушка рассказывает о том, как ее заклала мать и превратила в дерево; она просит музыкантов пойти к ее матери и заиграть под ее окошком; в песне показано и поведение матери: услышав игру музыкантов под своим окошком, она прогоняет их, чтобы они не напоминали ей о совершенном преступлении. В песне должны действовать именно музыканты; это подтверждается тем, что они находят дерево, годное на скрипку, что они должны играть под окном матери. Значит, появление турок в этой песне произошло позже создания и бытования основного варианта.

Большинство песен с мифическими мотивами архаично. Характерный древний сюжет балладного типа дает сербская песня о замуровывании в стену женщины, что согласно поверью должно сделать строение крепким. Это песня о построении Скадра на Бояне¹⁵. Вариант этого сюжета есть в болгарской песне «Манол майстор и вградена невеста»¹⁶.

Распространенным балладным сюжетом является сюжет «братья находят сестру» — сюжет о кровосмешении. Он представлен песнями многих славянских народов, например русской песней «Разбойники и сестра»¹⁷, украинской — «Була в Даня красна жена»¹⁸, польской — «Брат находит сестру»¹⁹. В этой песне отразились черты первобытнообщинного

¹³ «Polska epika ludowa», стр. 245.

¹⁴ Там же, стр. 246.

¹⁵ «Сербский эпос». М, 1933, стр. 247.

¹⁶ «Български народни песни», стр. 102—108.

¹⁷ «Русская баллада», стр. 35—36.

¹⁸ «Народні балади Закарпаття», стр. 20—21.

¹⁹ «Polska epika ludowa», стр. 171—177.

уклада. Ушли девять братьев в разбойники, а сестра вышла замуж и жила с мужем в лесу. Напали на их дом разбойники, убили ее мужа, а с ней «ночку спали». Не спал с ней только младший брат. Когда утром братья узнали, что ночевали со своей сестрой, то все девять бросились в реку. Все утонули, кроме младшего брата²⁰.

Иногда в песнях есть лишь остатки мифических и анимистических мотивов. Так, И. Горак балладу о девушке, выданной замуж далеко от дома, считает старой, относит ее к свадебным песням времени родового строя. В словах женщины «птичкой хотела б полететь к матушке» он видит отголосок старого мотива превращения человека в растения, птиц и животных.

Но есть песни и такие, в каких трудно определить черты старого. Такова песня об отравлении брата сестрой в «Народных балладах Закарпаття» П. В. Линтура, где она представлена двумя вариантами: «Пастух пасет овец» и «Ходит Сербан по бережку» (стр. 22—25). Девушка, чтоб выйти замуж за любимого, отравляет брата, который ей мешал. Но любимый (Стефан, Сербан) говорит ей:

«Как могу тебя я взять:
Ты умеешь колдовать!
Извела брата родного,
Изведешь меня молодого».
Она стала подумала
И о братце заплакала.
Нет ни братика родного,
Нет ни мужа любимого²¹.

Песни с мифическими и анимистическими мотивами относятся к наиболее старым балладам. Утверждать это дают основание архаичность мотивов такого типа, языческий характер песен с такими мотивами: в них нет ничего христианского, а принятие христианства у славян совпадает с временем раннего феодализма; широкое распространение песен с подобными мотивами у всех славянских народов, что могло произойти или в силу общности их культурного наследия или в результате длительных культурных связей. И тот и другой случай свидетельствует о значительной древности песен с такими мотивами. А в песнях славянских народов мы встречаем весьма большую близость, что обеспечивает и устойчивость их текстов. Вот одно из мест польской и словацкой песен о девушке, превращенной в дерево:

Wędrowali czasem
jaworowym lasem,
znaleźli tam drzewo,
drzewo jaworowe,
drzewo jaworowe
na huśliczki nowe²².

Išli hudci horou,
horou javorovou,
našli drevo krásno
na hušličky hlasno²³.

Древность этого типа баллад подтверждается и наличием песен, различных по времени происхождения, что видно из варианта «музыканты-турки», причем турки здесь явно стершееся воспоминание о них, а музыканты (hudci), согласно словарям — устаревшее.

Следует принять во внимание и мнение известного знатока славянских баллад Иржи Горака, который по поводу названных выше песен делает

²⁰ «Народні балади Закарпаття», стр. 21.

²¹ Там же, стр. 25.

²² «Polska epika ludowa», стр. 245.

²³ «Slovenské ľudové balady», стр. 37.

следующие замечания: в этих песнях основные действующие лица — женщины, что свидетельствует о том, что песни сложены женщинами об их тяжелой судьбе, а наличие рефренов и строфики говорит о том, что песни пелись в хороводе; в песне об отравлении брата сестрой Горак видит «архаический реализм»; наконец, он отмечает, что яворовые леса в древности были распространены на всей славянской территории и служили ее отличием.

То обстоятельство, что мифические или анимистические мотивы, свидетельствующие о древности песен, свойственны не всем балладам, а сюжеты, построенные на семейно-личных отношениях людей, свойственны всей этой группе баллад, следует учитывать при решении общего вопроса об особенностях баллады как жанра и вопроса о его истории.

5

В сборниках баллад и в исследованиях о балладах нередко выделяется группа песен на исторические темы или об исторических лицах. Эти песни иногда называются историческими балладами. Такой термин употребляет Б. Н. Путилов во вступительной статье к сборнику «Исторические песни XIII—XVI веков» (М.—Л., 1960, стр. 18 и 30). Как особую разновидность исторические баллады выделяют В. Я. Пропп, А. М. Астахова, Д. М. Балашов, болгарский фольклорист Б. Ангелов. Но существует и другая точка зрения. Так, в новом капитальном издании «Българско народно творчество» в третьем его томе, посвященном историческим песням, ни во вступительной статье, ни в текстах не выделены песни балладного типа на исторические темы. Нет во всем этом издании вообще тома, который был бы специально отведен балладам. Таким образом, в выделении исторических баллад как особой разновидности у ученых не существует единства.

В том случае, если так называемые исторические баллады выделяются, возникает необходимость разграничить их с другими жанрами устно-поэтического творчества, также имеющими исторические темы, например с былинами и историческими песнями. Однако в научной литературе и в сборниках песен нет последовательности и в отграничении исторических баллад от других жанров, для которых свойственна историческая тематика. Попытки разграничить историческую балладу со смежными жанрами по большей части неудовлетворительны. Н. П. Андреев считал историческую балладу переходным жанром, промежуточным, почему, говорил он, и трудно дать ее точное определение. Он определял ее как жанр, в котором нет характерных признаков былин, исторической песни и духовного стиха. А. И. Соболевский, называя ее «низшей эпической песней», сближал с эпосом, не отграничивая четко от него.

Нет должного разграничения юнацких, гайдуцких, исторических песен и баллад и в работах известного болгарского литературоведа Божана Ангелова, например в его двух статьях 1933 г. «Болгарское народное творчество» и «Болгарская баллада с конца XIII до половины XIX века»²⁴.

Давая очень сложную классификацию баллад, Б. Ангелов выделяет «баллады об исторических лицах и исторических отношениях болгарского народа»²⁵. Однако он весьма неопределенно разграничивает их с героическим эпосом и историческими песнями. Отметив, что исторические баллады занимают в болгарском народном творчестве весьма большое место, Ангелов делит их на две группы: песни о жизни народа при татарах и песни о жизни народа при турках. Самые старые исторические баллады из времени татарских нашествий он относит к концу XIII—началу XIV в.²⁶ Они жили долго и потом слились с балладами о турецком вла-

²⁴ Б. Ангелов. Литературни статии. София, 1960.

²⁵ Там же, стр. 38.

²⁶ Там же, стр. 45.

дычестве. Отсюда поздние баллады типа песни «Недялко и черный татарчонок», где эпитет «черный» — след образа арапа, «татарчонок» — след образа татарина, а в песне под именем «черного татарчонка» имеется в виду турок.

В болгарских балладах о времени татарских нашествий основная тема — страдания болгар в плену, как в известных песнях «Две сестры в татарском плену», «Хан Татар и его сестра Тодорка», «Больной Стояп». В этих песнях част мотив встречи родных, надолго разлученных. Обычен в них мотив превращения человека в растение. Он перешел в этот цикл песен из самых древних образцов баллад. Важно, однако, отметить, что в этих балладах значительную роль играют семейно-личные отношения, они стоят в центре сюжетов, на них основаны главные конфликты. Часто в этой группе баллад основные герои — брат и сестра.

Второй (и более богатый) цикл болгарских исторических баллад составляют песни о турецком владычестве. Они стали возникать с конца XIV—начала XV в., когда турки начали захват болгарских земель. Однако нельзя признать последовательным включение Б. Ангеловым в эти баллады песен того типа, какие обычно называют историческими, как «Царь Иван Шишман на Софийском поле», «Гибель царя Ивана Шишмана», «Падение болгарского царства», «Турки сжигают Тырново». Для этих песен характерны не только определенные исторические герои, но и героические мотивы, широкое развитие темы турецкого владычества, постановка проблемы судьбы болгарского народа и болгарского царства. По этим признакам эти песни должны быть причислены к историческим песням, а не к балладам.

Среди болгарских исторических баллад Б. Ангелов называет и другого рода песни: «Царь Мурад и Мара», «Полонянка и Стара планина», «Полонянка и двое ее детей». Эти песни в отличие от первых передают лишь общую атмосферу времени турецкого владычества, строятся на семейно-личных отношениях людей, изображают страдания отдельных героев под турецким игом, давая в этом, естественно, и обобщение. Эта группа песен более близка к балладам. Неосновательность классификации Б. Ангелова становится особенно наглядной, когда он «гайдуцкие баллады» относит к историческим балладам и одновременно к гайдуцким героическим песням, а песни о семейно-личных отношениях, связанные с тяжелым положением народа при турках, включает одновременно и в исторические баллады и в гайдуцкие песни²⁷.

Непоследовательность в классификации баллад наблюдается и в советской фольклористике. Примером может служить отнесение В. Я. Проппом и Б. Н. Путиловым к былинам таких песен, как «Мать продает своего сына», «Вдова, ее дочь и сыновья-корабельщики», «Братья-разбойники и сестра», «Вдова и разбойники»²⁸. Правда, эти песни стоят в разделе «Былины новеллистического содержания. Баллады», но вопрос-то и состоит в том, на каком основании они включены в книгу «Былины», ведь из этого включения можно сделать вывод, что эти песни есть разповидность былин. Сами составители сборника замечают, что баллады и былины надо различать: «Баллады могут быть выделены по отсутствию в них ряда признаков героического эпоса. Так, содержание баллад не связано с историей, с событиями государственной жизни, с героическими подвигами и т. д. Герои баллад — не богатыри. В них нет таких развернутых сюжетов, как в былинах. Можно указать и на качества, которые присущи балладе. Сфера ее — преимущественно семейная, частная жизнь людей»²⁹. На основе этого определения названные выше песни не могут быть отнесены к былинам.

²⁷ Там же, стр. 46—49, 64—67.

²⁸ «Былины в двух томах», т. II, М, 1958, стр. 328—336.

²⁹ Там же, т. I, стр. XVII.

В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов включили в сборник «Былины» песни о татарском иге «Авдотья Рязаночка», «Девушка спасается от татар», «Мать встречает дочь в татарском плену», «Брат спасает сестру из татарского плена», «Девушка бежит из татарского плена»³⁰. Составители именуют эти песни балладами и так определяют отличия баллад от былин: «Если, например, в былинах о татарском нашествии речь идет о судьбе целого государства, борьба показывается в огромных масштабах, то в балладах повествуется о судьбе семьи, девушки и т. д., захваченных татарами»³¹; «Как обычно для баллад, явления общенародной жизни, захватывавшие огромные массы людей, преломляются в этих песнях через повествование о судьбе отдельных семей, лиц. Разорение целых областей, городов, сел, увод в плен тысяч людей были страшным бедствием для русского народа во времена татарского ига. В балладах эти трагические события показываются обычно в масштабах одной семьи»³².

Определенного отграничения этих баллад от той группы произведений, какие обычно называют историческими песнями, составители не дают, но одно из их замечаний, очевидно, служит такого рода отграничением: «Не будучи связаны с какими-либо конкретными фактами и историческими лицами-прототипами, эти баллады являются художественным отражением трагической и героической борьбы русского народа против иноземных насильников»³³.

Странно то, что перечисленные выше песни, помещенные в сборнике «Былины», Б. Н. Путилов включает и в сборник «Исторические песни XIII—XVI веков» (М.—Л., 1960, стр. 47—76). Из всего этого ясно, что фольклористы могут отнести эти песни и к былинам, и к историческим песням, и к балладам.

Песни о времени татарского и турецкого нашествий есть у всех славянских народов. Они, естественно, различаются у каждого из них, но в них и немало общего или сходного. Песни этой тематики нельзя относить к тому или иному жанру без учета характера разработки сюжета. Эти песни действительно могут быть и героическими, и историческими, и балладными. Так, в сборнике «Русская баллада» песни «Малолеток и три татарина» (№ 45) и «Поединок казака и турка» (№ 46) не являются балладами, потому что их основа — бой, поединок, их действующие лица — противники (молодец и татары, казак и турок) а не родственники (мать и сын, брат и сестра). Следует помнить, что в славянском героическом эпосе есть не только жанр былины или юнацкой песни, но и жанр дум и гайдуцких песен. О таком жанре обычно не говорят применительно к русскому эпосу. А между тем произведения такого жанра в нем есть, хотя и не столь многочисленные, как в южнославянском эпосе. Вот к такому особому жанру героических песен и принадлежат названные выше.

Так называемые исторические песни не представляют собою единого жанра. Это многожанровая группа песен. Достаточно посмотреть сборник «Исторические песни XIII—XVI веков», чтобы увидеть, что в него включены произведения, различные по характеру сюжетов, по степени развернутости действия, по объему, по героям, по стилю и стиху. Поэтому употребляемое Б. Н. Путиловым выражение «историческая песня как жанр» просто неточно. Тем не менее эта группа песен имеет свои особенности.

Исторические песни обычно неточно отграничиваются от былин.

Если определять исторические песни как такие, в которых в отличие от былин нет героических мотивов, то это неверно, потому что некоторые из них имеют подобные мотивы и даже сюжеты.

³⁰ Там же, т. II, стр. 264—280.

³¹ Там же, т. I, стр. XVII.

³² Там же, т. II, стр. 168.

³³ Там же.

Если определять исторические песни как песни о конкретных исторических событиях и лицах, то возникает вопрос: на каком основании к ним относят «Авдотью Рязаночку» и «Татарский полон»?

На наш взгляд к историческим песням относятся произведения двух типов: а) песни о конкретных исторических событиях и лицах, например песня «Взятие Казани», песни об Иване Грозном, Скопине-Шуйском, Ермаке; б) песни, в которых изображаются типичные для той или иной эпохи исторические явления, как песни «Авдотья Рязаночка» и «Татарский полон».

Песни же, в которых исторические мотивы или исторические лица служат лишь мотивировкой действия или побочными деталями, являются балладами. В «Народных балладах Закарпатья» П. В. Линтура есть две группы песен. Одни из них явно исторические. Это песни о турецком плене: «Дунай, Дунай» (о Штефане воеводе), «Когда мать умирала», «Летит ворон из-за Дуная» и «Собирала мать сына». Из них только песня «Когда мать умирала» представляет собою полный текст песни о продаже братом сестры туркам. Когда турки приходят за нею, она убивает себя. От таких отличаются песни, подобные песне «Сестра брата отравила». В ней тоже, как и в предыдущей, обрисованы отношения брата и сестры, но основа судьбы героев различна: в первой — турецкое иго, во второй — любовь. Поэтому едва ли можно их отнести в один раздел, к одному жанру.

Песни о турецких набегах есть и у словаков и у поляков. В XVI—XVII вв. турки подходили к границам словацких и польских земель. Это послужило основой особого раздела песен, которые И. Горак называет песнями о турецком времени. Но в этих песнях нет ни отражения исторических событий, ни изображения борьбы с турками. Горак относит их к балладам, так как в основе их лежат семейные и личные отношения людей: в песне № 27 сборника «Словацкие народные баллады» девушка теряет милого, который по ее желанию пошел бить турок, а в песне № 28 рассказана судьба сестры и брата в турецком плену и судьба горюющей по ним матери.

Иначе, чем Горак, поступает Станислав Черник в сборнике «Польская народная эпика». Он песни с историческими мотивами, но семейно-личными сюжетами относит к историческим. Основанием для этого он считает то, что в польских песнях обстоятельнее передана историческая обстановка, а кроме того, мотивировкой событий служат татарские и турецкие насилия. В этой книге к историческим песням отнесены «Грабили татары в Яздовецком замке», «Татарский плен», «Убили его татары», «О детях, вернувшихся из турецкого плена», «Турченок», «В таборе зарубленный», «Девушка, захваченная турками»³⁴.

Таким образом, в научной литературе не существует единства в выделении группы исторических баллад; не существует единства и в их разграничении с другими жанрами, для которых характерны исторические темы или исторические герои (былины, исторические песни). Для уточнения определения следует подчеркнуть, что для этих песен широко свойственны сюжеты, основанные на семейно-личных отношениях, на отношениях матери и дочери, свекрови и невестки, брата и сестры.

Эта сюжетная особенность такого рода песен станет еще более ясной, если рассмотреть песни болгарские и сербско-хорватские. Южные славяне несколько столетий находились под турецким гнетом и в их творчестве песни, называемые историческими балладами, занимают большое место. Характерно, что в них весьма тесно переплетены чисто исторические мотивы с семейно-личными. В третьем томе серии «Българско народно творчество» широко представлены песни о турецком плене и о турецких насилиях. В них темы плена и насилий неразрывно соединены с мотивами

³⁴ «Polska epika ludowa», стр. 63—80.

личных отношений, как, например, в песнях «Мать бросает свое дитя», «Стоянчо находит свою мать», «Сыновья освобождают мать-пленницу», «Брат и сестра супруги» и др. Это постоянное присутствие семейно-личных отношений весьма показательно. Оно свойственно и сербским песням.

Но среди болгарских и сербских песен есть и такие, где темы насилий или плена не связаны с семейно-личными отношениями героев, например песня «Царь Мурад и Мара» («Българско народно творчество», т. 3, стр. 151—153) или «Варадинка Мара» («Српске народне пјесме», т. I. Београд, 1953, стр. 619—621). В первой царь уговаривает болгарскую девушку потурчиться и стать его женой, но она отвечает ему, что не нужны ей его царство и везирство:

Царство мое — отчизна,
Везирство мое — наследство.

Во второй песне Мара хитростью спасается от турка, который по приказу паши хотел похитить ее.

Это песни чисто исторического содержания.

Однако не только тема определяет жанровое своеобразие песни. Тема дополняется рядом других особенностей произведения, которые образуют вместе взятые жанровую его специфику. Каждый жанр по-своему разрабатывает исторические темы. Ведь существуют и частушки на исторические темы: о Великой отечественной войне, о битве на Волге, о Гитлере. В них есть конкретные события истории или определенные лица. Есть частушки, в которых эти исторические события переплетаются с семейно-личными отношениями людей. Но все это не баллады. Следует видеть и жанровую неоднородность исторических песен, и жанровое разнообразие баллад.

6

В славянском народном творчестве имеет место и группа особых балладных песен, которые составителями сборников и авторами работ о балладах относятся к периоду средневекового феодализма и называются социальными балладами. У южных славян, кроме словенцев, такого рода баллады почти неизвестны, так как история болгар и сербов отличалась тем, что в течение многих веков социальные противоречия между крестьянами и помещиками совпадали с противоречиями национальными (крестьянин-славянин и помещик-турок) и противоречиями религиозными (христиане — мусульмане). У словенцев и отчасти хорватов очень остры были противоречия между славянами-крестьянами и немцами и венграми — помещиками.

Более популярны социальные мотивы в балладах западных (чехов, словаков и поляков), а также восточных славян (русских и украинцев, причем у украинцев баллады такого типа распространены шире).

Особенностью этих баллад является то, что в них семейно-личные отношения переплетаются с социальными и часто конфликты того и другого плана совмещаются.

В сборнике «Русская баллада» социальные мотивы лежат в основе песен «Любовь молодца и королевны», «Холоп и дочь барыни» (точнее: боярыни), «Девушка гибнет от любви воеводского сына», «Король и девушка», «Молодец и королевна», «Князь Волхонский и Ванюша-ключник». В большей части их король или князь расправляются с молодым, «полюбовничком» их дочери или жены:

Добрый молодец во петельке качается,
Королевна скорой смертью кончается³⁵.

³⁵ «Русская баллада», стр. 15.

Но в песнях есть и другие развязки. В песне «Холоп и дочь боярыни» герой грозит увести коня, увести дочь и убить боярыню.

В украинском фольклоре такого типа песни связаны с противоречиями украинского крестьянства и польской шляхты. В устно-поэтическом творчестве украинского народа есть песни, где социальные конфликты совмещаются с личными: князь (помещик) убивает из ревности слугу (этот сюжет напоминает песни о Ваньке-ключнике); пан добивается любви крепостной девушки и мстит ей, когда она отвергает его. На Украине весьма распространена песня о Бондаривне, которую обнял и поцеловал пан Каневский в хороводе и которая гордо ответила ему:

Ой не годен пан Каневский мене целовать,
Только годен пан Каневский мене разувать³⁶.

Даже под страхом смерти она говорит, что лучше ей «в сырой земле гнить», нежели с ним «поневоле на этом свете жить». Бондаривна платится за это жизнью, а ее убийца пытается деньгами задобрить ее отца.

На близком к этому конфликте основана и песня о девушке, служившей у пана. Она отвергла любовь пана, а чтоб спастись от его преследований, рассказала обо всем его жене. Но та погубила девушку:

В леву руку брала саблю,
Выводила на улицу,
Спjala ей головоньку³⁷.

В песню вплетены мотивы превращений: там, где погибла девушка, выросли деревья. Это соединение мотивов разных типов показательное: для баллады свойственна традиционность старых мотивов. Такое совмещение мотивов разного времени позволяет подойти к хронологическому прикреплению баллад.

Смешение мотивов и деталей разных исторических периодов имеет место и в польских и в словацких балладах, где очень ярко проявляются особенности социальных отношений феодализма. Социальные сюжеты существуют и в чистом виде. Они наиболее характерны для польских баллад, в которых есть две группы песен с социальными мотивами: в одних действие происходит в дворянской среде, в других налицо конфликт пана и крестьянина.

Баллада «Пани пана убила» — одна из самых популярных в польском фольклоре. В сборнике О. Кольберга «Песни польского народа» (1857) она опубликована в 29 вариантах. На их основе, как и на основе других вариантов, польские фольклористы пробовали реконструировать текст баллады. Они высказали немало ценных догадок, подтвердили устойчивость начальных ее стихов:

Дошла до нас новость:	Stała nam się nowina,
Пани пана убила.	pani pana zabiła.

Польский ученый Быстронь обратил внимание на то, что это начало совпадает с началом церковного песнопения о рождении Христа, которое известно из рукописного сборника XV в.:

Дошла до нас повесть —	Stała się nam nowina,
Нигде такого не было:	nigdy taka nie była:
Мария сына родила.	Maria syna powiła ³⁸ .

³⁶ «Українська народна поетична творчість», т. I. Київ, 1958, стр. 589.

³⁷ Там же, стр. 590.

³⁸ «Polska epika ludowa», стр. LVIII—LIX.

Но если в балладе «Пани пана убила» конфликт происходит в рамках одной панской семьи (жена убивает нелюбимого мужа, чтоб выйти замуж за другого), то в ряде других баллад налицо подлинно социальный конфликт. Таковы песни о Ясе и Касе. Ясь служил у пана и выслужил девушку. Но ему пришлось уйти на войну. Вернувшись, он нашел ее мертвой.

В песне «Краковянка, король и палач» король хочет взять в жены красавицу-краковянку, а когда она отказывается, велит палачу срубить ей голову. В вариантах этой песни есть важные детали. В одном из них девушка называет себя «бедной сиротой» и советует королю взять себе «ровню», «королеву».

В «Словацких балладах» Горака есть целый ряд песен с социальными мотивами: песни об отношениях короля, герцога, воеводы, пана и простой девушки. Об этих песнях, как, впрочем, и о песнях польских и украинских, можно сказать, что их основой обычно служат сюжеты, построенные на семейно-личных отношениях людей. Социальные отношения тут взяты не только в связи с несчастной судьбой девушки-крестьянки, но и в связи с отношениями к девушке ее матери или брата. Показательный пример дает песня о найденной сестре в сборнике Горака (№ 21). В ней действующими лицами являются «паны». Одному из них девушка-шипкарка оказывается сестрой. Любопытно, что эта песня имеет варианты, в которых действующими лицами выступают разбойники или турки. Это говорит о том, что в данном случае паны, разбойники и турки — второстепенные персонажи, так как они взаимозаменяются в песенных вариантах. Но не замечается в них сюжетная основа: то, что они оказываются братьями девушки.

Характерной особенностью песен с социальными мотивами является также то, что в них нередко имеют место традиционные старые мотивы и образы, мотивы чудесного, мотивы колдовства. В песне № 2 в «Словацких народных балладах» рассказывается о том, как мать заклала дочь за то, что та не хотела идти за пана лесничего, потому что лесничие «нод каждой елочкой... девушек обнимают».

Еще более показательна в этом отношении песня «Пас Янко коров». В ней панна наказывает пастуха и его сестру за то, что корова

Затоптала павлина,
Павлина самого меньшего,
С перьями самыми дорогими³⁹.

Панна велит бросить брата в темницу, а сестру берет шить к себе в светлицу. На восьмой год сестра увидела сон, что умирает ее брат. Добыла она ключи, пошла в темницу, окликнула брата: жив ли он?

«Живой я, живой,
Наполовину гнилой,
Мои белые руки
Оплели науки.
Мои белые ноги
По колена в навозе,
Из моих черных очей
Крысы выглядывают,
Из моих черных волос
Мыши гнезда свили»⁴⁰.

³⁹ «Slovenské ľudové balady», стр. 89.

⁴⁰ Там же, стр. 90.

А жив брат только потому, что мышь несла зернышко да уронила, выросла из него яблонька, а на ней три яблочка, давали они ему силы.

В этой последней песне есть явные следы сказки. Но тем не менее важно то, что такого типа мотивы вводятся в балладу и не противоречат ее характеру, потому что таинственное, чудесное, ужасное — свойственно балладе как жанру.

7

При рассмотрении славянских баллад обращает на себя внимание тот факт, что и в песнях с мифологическими мотивами, и в песнях исторического характера, и в песнях с социальными конфликтами важную роль выполняют семейно-личные отношения. Они свойственны всем этим трем группам баллад и на этом основании могут быть признаны одной из главных отличительных особенностей баллады как жанра.

Кроме того, для славянских народных баллад показательное наличие песен, которые строятся только на семейно-личных конфликтах и не имеют мифических, исторических или социальных мотивов; эти песни как бы замкнуты в кругу семьи. Таких песен значительно больше, нежели песен названных выше трех групп.

Эти соображения позволяют считать, что именно такого рода песни и представляют собою те произведения, которые содержат в себе круг основных сюжетов жанра.

Типичным образцом таких песен может служить песня № 289 первого тома сборника Караджича (Београд, 1953). Пастух нашел в поле золотое ожерелье из дукатов. Спрятав его за пазуху, он отправился домой. Решив пошутить, он просит мать вынуть у него из-за пазухи «лютую змею». Мать не хочет этого сделать — не хочет потерять руку. Отказывается и сестра. И только жена вынула ожерелье, хотя и думала, что это змея. Певец, а скорее всего певица, так как эта группа песен относится к женским песням, делает характерное замечание:

Истина је што кажују људи,
да је љуба вјернија од мајке.

В песне № 297 муж дороже для жены, нежели дети и мать.

В сербских песнях широко развита тема любви, ревности и измены. Она послужила основой классических песен «Хасанагиница» и «Омер и Мейрима». Сильная и верная любовь преодолевает клевету, препятствия, а если злые люди губят любящих, то на их могиле как символ верной любви вырастают деревья, вершины которых переплетаются ветками.

Семейные конфликты в этой группе песен приобретают исключительную остроту. Виновницей бед обычно оказывается злая свекровь. Она губит невестку, а иногда и своего сына.

Наблюдения фольклористов и этнографов позволяют считать, что изображаемые в таких песнях конфликты возникли как конфликты первобытнообщинного строя, когда важную роль играл еще матриархат, каждый член брачной пары был еще крепко связан со своей родовой общиной и парный брак только складывался.

Распространенность сюжетов о брате и сестре также свидетельствует об их большой древности. Эти сюжеты можно разделить на группы: в одних сестра и брат помогают друг другу, а будучи разлученными — умирают; в других брат и сестра вступают в острый конфликт и нередко губят друг друга. И. Горак правильно замечает, что первого типа сюжеты относятся к тому времени, когда между братом и сестрой осознавалась глубокая родственная связь, когда брат был заступником сестры и защищал ее. Вторая группа сюжетов, как можно предположить, сложилась во времена, когда между мужем и женой уже возникли крепкие связи, отрывавшие их от отцовской и материнской семьи.

Большинство исследователей славянских народных баллад признает, что этому жанру свойствен круг особых сюжетов, связанных с семейно-личными отношениями. Станислав Черник в книге «Польская народная эпика» называет типично балладные сюжеты: мать губит дочь или невестку, режет сына; жена убивает мужа; муж наказывает жену; сестра отравляет брата; девушка топит дитя. В балладах отразились народные воззрения на семью в определенный момент ее развития.

Иржи Горак выделяет четыре группы сюжетов, характерных для баллад славянских народов: а) отношения между возлюбленными, б) отношения между супругами, в) отношения между родителями и детьми, г) отношения между братьями и сестрами⁴¹.

Наиболее характерны сюжеты групп «в» и «г».

Такого рода сюжеты свойственны и балладам других народов, но там они соединены с мотивами, не типичными для славянских баллад. Так, например, в англо-шотландских балладах значительное развитие получили героические мотивы. В славянском же народном творчестве они являются отличительной чертой других, особых жанров — былин, дум юнацких и гайдуцких песен. В песнях же балладного типа основные сюжеты (семейно-личные отношения) не соединяются обычно с героическими мотивами. В этом состоит одно из важных отличий славянских баллад от западноевропейских и от других повествовательных стихотворных жанров славянского фольклора.

Между сюжетами и образами героев баллады существует соответствие. П. В. Линтур говорит о балладе: «Ее действующие лица — это простые люди: злая свекровь, несчастная невестка, старый муж и молодая жена, влюбленная девушка и влюбленный парень, который мстит за измену (зраду). Это не былинные богатыри и не казаки из украинских дум, которые совершают героические подвиги, и не сказочные герои, которые владеют сверхъестественной силой»⁴².

В балладах довольно ясно выражена точка зрения на поведение и поступки людей. Для нее характерно резкое деление действующих лиц на положительные и отрицательные. Это свойственно всему фольклору, но в балладе, например, по сравнению с лирической песней, это выражено более четко. Идея добра и зла, однако, тут не носит отвлеченного характера. Она воплощается в конкретных поступках людей и их оценке. Положительны все те герои, которые помогают влюбленным соединиться и жить счастливо, кто оказывает помощь в беде, кто действует прямо и честно. Отрицательны — кто мешает счастью влюбленных, боится смелого шага и не помогает человеку в трудном положении, кто действует обманом, коварно и зло. Меркой обычно служит целостность семьи и мир в ней. Это семейная мораль.

Большинство ученых сходится во мнении, что важным и устойчивым признаком баллады является особый аспект освещения событий и людей: даже общественные конфликты преломляются в ней в свете семейно-личных отношений и судеб. У баллады не государственный и не национальный, а моральный критерий оценки героев, причем это мораль семьи. Все эти особенности баллады реализуются в законченном сюжете, чего нет в лирической песне, строящейся лишь на отдельных сюжетных ситуациях. Кроме того, в лирической песне в центре стоит обычно образ женщины, чувства и переживания которой выражаются; это может быть и образ самой певицы и объективированный образ «лирической героини»; поэтому в лирической песне возможна речь и от первого лица, чего не бывает в балладе, так как баллада — рассказ о событиях и судьбах людей.

⁴¹ J. Horák. Les ballades populaires slaves. «Revue des études slaves», t. 39, fasc. 1—4, Paris, 1961, p. 33.

⁴² «Народні балади Закарпаття», стр. 4.

Указанные выше особенности славянских баллад имеют значение для определения времени зарождения этого жанра и для установления его истории и развития. Несомненно, что одного характера сюжетов для решения этих вопросов недостаточно, поэтому следует учесть и самые основные особенности художественной (композиционной и образной) специфики жанра.

Существование отмеченных выше разновидностей баллад (песен с мифическими, анимистическими, историческими, социальными и семейно-личными мотивами), естественно, ставит вопрос о том, какая же из этих разновидностей является первоначальной, т. е. вопрос о времени и путях возникновения баллады. Решить его нелегко. Показательно, что во взглядах на него ученые расходятся и что, несмотря на наличие многих работ о балладах, он не решен.

Существует два основных мнения по этому вопросу. Одни ученые считают, что баллада — жанр древнего, дофеодалного происхождения; другие относят ее возникновение ко времени раннего феодализма. Можно указать и третье мнение, которое состоит в утверждении, что баллада в различных своих разновидностях возникала не одновременно. Однако это мнение не нашло ясной и четкой формулировки и доказательного обоснования.

Иржи Горак относит возникновение баллады ко временам весьма отдаленным⁴³. Андрей Мелихерчик пишет: «Начало народной баллады относится к весьма давнему прошлому наших предков»⁴⁴. В своем сборнике закарпатских народных баллад П. В. Линтур на вопрос о возникновении баллады отвечает так: «...Балладные песни зародились и стали развиваться в период раннего феодализма и крепостничества, а некоторые, очевидно, еще раньше. Это подтверждается анализом содержания и формы народных баллад»⁴⁵, т. е. он допускает возникновение баллад и в дофеодалное время.

Основные доводы в пользу мнения о дофеодалном возникновении баллад следующие. Во-первых, сюжеты многих баллад не имеют в себе черт феодалного времени, а, наоборот, содержат черты более старого общественого уклада. Во-вторых, в балладах разного типа и разных сюжетов довольно устойчивы мотивы мифические и анимистические, т. е. дофеодалные. В-третьих, во всех группах баллад господствуют сюжеты, основанные на семейно-личных отношениях, в них обычно изображается семья дофеодалного времени со следами матриархата и рода, да и конфликты происходят особого характера, мало понятные в условиях совершенно сложившейся семьи; скорее всего тут имеет место процесс формирования семьи, обостряющий такие конфликты. В-четвертых, славянские народные баллады имеют ряд схожих сюжетов древнего типа, что говорит о том, что эти сюжеты возникли очень давно, так как они или были изначально славянскими или распространились от одного народа к другим — в любом из этих случаев их происхождение относится к глубокой древности. Таковы песни о вырастающих на могилах говорящих деревьях, о сестре-отравительнице, о кровосмешении.

Характерным примером весьма старой баллады является песня о злой свекрови (№ 419) в первом томе сборника Караджича. Свекровь с вечера всегда проливает воду, а среди ночи посылает сноху на реку за водой. Когда сноха приходит к реке, то там встречает «змея огненного». С трудом сноха добывает воды, а когда приносит свекрови, та говорит ей, что не будет пить воду:

Вода эта отравлена,
Через змея перенесена.

⁴³ «Revue des études slaves», стр. 31.

⁴⁴ «Slovenský folklór», стр. 578.

⁴⁵ «Народні балади Закарпаття», стр. 5.

Песня, очевидно, представляет собою незаконченный текст, так как, судя по другим подобным мотивам, свекровь или должна вступить в связь со змеем, или змей должен похитить сноху, или свекровь должна заклясть сноху и превратить ее в дерево. Так или иначе, сюжет этой песни несомненно очень старый и явно дофеодальный.

Некоторая часть ученых полагает, что баллада — характерный жанр феодального времени и что в ней ярко запечатлелись черты семейного уклада этой поры. Сторонники этого взгляда выдвигают определенную аргументацию в его защиту. Они полагают, что нельзя согласиться с наличием в сборниках раздела баллад, относящихся к дофеодальной эпохе. Однако, кроме этих песен, существует еще широкий круг русских баллад, довольно разнородных, и это уже дает возможность предположить, что они возникли не в одно время.

Одним из аргументов в пользу мнения, что баллада возникла в феодальную пору, служит известная немотивированность поступков и действий героев баллад как злых, так и добрых. В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов в книге «Былины» истолковывают это как «художественное отражение условий феодального быта с бесправием одних и «немотивированным», бесконтрольным самоуправством других».

С этим объяснением нельзя согласиться хотя бы потому, что так «немотивированно», оказывается, ведут себя и злые и добрые персонажи. Тогда о каком же «самоуправстве» может быть речь? Нельзя согласиться и с тем, будто поведение героев «немотивировано». Оно мотивировано или их взглядами на семью, или их верой в злые силы природы, или низкими побуждениями, в свою очередь имеющими свои причины. Наконец, баллады неодинаковы, и делать такого рода обобщения неправомерно.

В. Я. Пропп и Б. Н. Путилов относят происхождение баллады ко времени феодализма. Они пишут: «...Баллады в своей совокупности раскрывают некоторые трагические стороны феодального быта, показывают, какие большие жизненные драмы совершались в жизни людей под влиянием гнетущих норм феодально-церковной морали и феодального быта»⁴⁶.

Если говорить точно, то надо прежде всего отметить, что церковная мораль почти никак не отразилась в балладах, это их особенность, и делать ее характерной чертой баллад просто нет оснований. Кроме того, следует иметь в виду и то, что баллады есть разного типа. А высказывание составителей сборника «Былины» не охватывает всех групп баллад. Наконец, нельзя забывать того, что во всех группах баллад, как мы показали выше, основой служат семейно-личные отношения, а семья стала складываться в дофеодальный период.

Как один из способов доказательства позднего происхождения баллад используется их отношение к былинам. Некоторые из ученых, например, А. М. Астахова, считают, что в истории русской баллады имело место воздействие на нее былины, имел место процесс приближения баллад к эпосу (былинная обработка баллад). Но возникает вопрос: почему приближение баллад к былинам произошло не в древности, когда существовали «старые» баллады и когда былины были более активным жанром и могли влиять на другие жанры, а в период разложения былины, «довольно поздно»?

Если принять мнение, что эпос старше баллад, то процесс должен был бы происходить противоположный: должны были приближаться не баллады к былинам, а наоборот.

Мнение А. М. Астаховой, очевидно, правильно по отношению к специфическим условиям Севера, но распространять отмечаемый ею процесс

⁴⁶ «Былины в двух томах», т. II, стр. 169.

на устно-поэтическое творчество всех славян нельзя. Кроме того, более раннее разложение эпических героических песен по сравнению с балладами еще не говорит о большей древности эпоса. Дело тут не в большей древности былины, а в том, что исторические и бытовые условия, поддерживавшие жизнь эпических героических песен, изменились ранее, нежели условия, поддерживавшие жизнь баллад.

Сущность вопроса о происхождении баллад и определении их своеобразия как жанра состоит в том, что решить его нельзя, не учитывая многообразия баллад, их неоднородность. Недостатки в определении баллады как и в классификации баллад объясняются обычно непоследовательностью в рассмотрении этих вопросов, отсутствием цельной концепции.

Решение этих вопросов требует найти принцип, который бы мог служить основой определения жанра и классификации баллад. Таким может быть только исторический принцип.

Суть дела состоит в том, что многообразие сюжетов, форм и типов (разновидностей) баллад сложилось не сразу, а является результатом длительного развития жанра, которое состояло в обогащении его в связи с ходом жизни народа. Баллада существовала не изолированно от других жанров, а в непрестанном взаимодействии с ними, что также служило основой возникновения ее разновидностей. Господствовавшая в науке теория смены жанров ошибочна. Конечно, существует и существовало постепенное развитие жанров, но своему происхождению они не одновременны. Тем не менее большая часть периодов развития народного творчества характеризуется тем, что в течение их одновременно жили многие жанры и влияли один на другой.

Историческая жизнь жанров не равномерна и не одинакова по времени. Одни жанры живут недолго, другие весьма устойчивы. Так, очень устойчива пословица. Если сравнить в этом отношении балладу и другие стихотворные повествовательные жанры, то придется признать, что она жила дольше, потому что связана с более устойчивыми формами жизни — семейно-личными отношениями. Былина жила долго и тем не менее она менее долговечна, так как те исторические условия, которые ее вызвали к жизни и поддерживали (борьба за независимость родины), разрешились благоприятным исходом еще при Иване Грозном. Создается впечатление, что баллада вытесняет былинку. На самом же деле былина отживает свой век в силу изменения жизненных условий, а баллада держится устойчиво, так как еще сохраняются в жизни острые семейно-личные конфликты.

Исторический подход к балладам позволяет снять противоречия, существующие в их классификации, увидеть последовательное развитие различных типов баллад, рассмотреть связь песен с тем или иным историческим периодом в тематике, сюжетах, образах героев, стиле. Правильно замечает о классификации П. В. Линтур: «Кажется, что самым верным делением будет то, в основу которого положен исторический принцип»⁴⁷.

Рассмотренные выше группы баллад есть исторически последовательно сложившиеся разновидности. Возникнув, они сосуществовали не только с другими жанрами, но и с ранее сложившимися разновидностями самих баллад. Во всех этих разновидностях есть общее: семейно-личные сюжеты и семейно-личный аспект освещения событий. Это свойственно балладам всех времен и всех народов, а поэтому может быть основным, устойчивым признаком баллады как жанра.

Кроме изменения и переработки старых баллад происходил процесс создания новых; в последних еще более ярко отразилось своеобразие времени их возникновения. Славянские баллады прошли значительный путь

⁴⁷ «Народні балади Закарпаття», стр. 4.

развития и отразили в себе многие периоды истории славянских народов в их семейно-бытовой стороне.

Все сказанное выше объясняет, почему баллада разнообразна по своим видам, в некоторых чертах близка другим жанрам, устойчива в основных своих особенностях.

Наиболее древним историческим слоем баллад следует считать те из них, в которых сюжеты, построенные на семейных отношениях, соединяются с мотивами поверий, превращений, вещей птиц, говорящих деревьев, вырастающих на могиле. Необходимо принять во внимание, что по заключению этнографов мотивы поверий весьма древни в фольклоре; сюжеты с такими мотивами общи для творчества многих народов; такие мотивы обычно входят в песни, в которых нет социальных конфликтов, что, очевидно, обусловлено доклассовым их происхождением; они весьма устойчивы, свойственны старым и новым балладам и связаны с обрядом и хороводом. А. Мелихерчик в предисловии к книге «Словацкий фольклор» отмечает, что связь баллад с календарными обрядами, особенно с весенним циклом, весьма ясно можно рассмотреть и что это свойственно балладам всех европейских народов; в творчестве южнославянских народов балладные песни являются хороводными во многих своих образцах, причем это обычно женский хоровод, что примечательно, так как и героини баллад обычно являются женщины.

Такого рода положение характерно для болгарских, сербских и хорватских баллад. Примерами могут быть баллады первого тома сборника Караджича и очень интересного сборника «Хорватские пародные песни и пляски»⁴⁸.

Исторический подход к балладам объяснит и национальное их своеобразие, обусловленное обстоятельствами исторической жизни народов. Славянские баллады отличаются от баллад, например, романских и германских, так как известная историческая общность жизни славянских народов наложила печать на их устно-поэтическое творчество. Славянские баллады отличаются от баллад, например, англо-шотландских тем, что в них менее выражены героические мотивы, так как у славян они были характерной особенностью других жанров, подобных которым в англо-шотландском фольклоре не существовало; менее выражены социальные противоречия, что объясняется тем, что в истории славянских народов важное место занимала борьба с иноземными нашествиями, а у южнославянских народов в течение длительного периода даже не было своих феодалов, а были феодалы турки, немцы или венгры⁴⁹, менее проявились мотивы средневековой мистики, религиозные мотивы, а поэтому таинственное и загадочное; менее характерна строфическая устойчивость и рифма, которые в западноевропейской балладе были следствием влияния литературной провансальской и французской баллады; свойственно отражение именно славянских исторических и бытовых черт; характерны свои особые герои, например Яношик у словаков, а не англо-шотландский Робин Гуд.

Но отличаются между собою и баллады различных славянских народов, что следует учитывать, когда рассматриваются славянские баллады в целом. Так, например, южнославянские баллады (болгарские, сербские, хорватские) по сравнению с балладами западных славян характеризуются более разработанными сюжетами, большим разнообразием сюжетов, связанных с турецким владычеством и борьбой против него (прямой темой это служит в других жанрах), проявлением эпичности в зачинах, разви-

⁴⁸ «Hrvatske narodne pjesme i plesovi». Zagreb, 1951.

⁴⁹ И. Горак отмечает в предисловии к сборнику «Словацкие баллады», что они отличаются от немецких баллад тем, что в последних «дворянские элементы весьма сильно выражены» (стр. 32).

тии действия, устойчивых формулах, выразительных средствах, большей связью с обрядом и хороводом, отсутствием сюжетов с конфликтом крестьянин — феодал, так как у южных славян такие конфликты совпадали с национальными и религиозными противоречиями.

Таким образом, исторический подход к балладам действительно дает возможность понять многие вопросы.

В данной статье мы пытались лишь наметить те направления, по которым следовало бы идти в поисках решения рассмотренных выше вопросов. Само же решение — дело будущего. Оно может быть только результатом обстоятельного изучения славянской народной баллады. Заниматься этим фольклористов и было целью статьи.

Л. А. Козырева

ТАДЕУШ МИКУЛЬСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПОЛЬСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Научное наследие видного польского ученого Тадеуша Миккульского (1909—1958) все чаще привлекает внимание польских и зарубежных ученых. Это объясняется в первую очередь значительностью вклада, сделанного им в изучение польского Просвещения.

«Эпоха Просвещения, — писал Миккульский, — представляет собой совершенно новое общественное и литературное явление в истории польской литературы и является живым и плодотворным этапом, начальным этапом в развитии польской современной мысли»¹. «Это эпоха начинающих проявлять себя новых общественных культурных и политических сил»², эпоха становления подлинной самобытности польской культуры. В этот период литература становится важной общественной силой и ставит задачи большого политического значения. Литературная жизнь в Польше чрезвычайно оживляется — выходят первые журналы («Monitor», «Zabawy przyjemne i użyteczne»), закрепляется связь литературы с журналистикой. «Монитор» пропагандирует идеи Просвещения, становится школой реализма, почвой, на которой возрастает сатира А. Нарушевича, И. Красницкого, К. Венгерского и др. Польская общественность знакомится с произведениями французских энциклопедистов, Вольтера, Монтескье, Руссо, Лесажа. Значительное место в литературной и общественной жизни получает драматургия. В 1765 г. открывается первый национальный польский театр. В драматургии просветителей очевидно влияние Мольера, Расина, Буало, в значительных масштабах увеличивается распространение книг, чему способствует введение в обиход всевозможных подписных изданий, реклам, проспектов, каталогов, календарей и т. д. Формируясь под сильным влиянием французского Просвещения, эта эпоха одновременно продолжала гуманистические традиции польского Возрождения. «Просвещение связано с Возрождением многими культурными связями. Эти связи, живые и действенные, обнимают все области общественной жизни»³, — писал Миккульский. Поэтому польские просветители ощущали себя связанными не с непосредственно предшествующей «Сасской» эпохой, а с деятелями Возрождения, М. Реєм, Я. Кохановским, Ф. Моджевским. Одной из важных особенностей Про-

¹ T. Mikulski. W kręgu Oświeconych. Warszawa, 1960, стр. 21.

² T. Mikulski. Ze studiów nad Oświeceniem, Warszawa, 1956, стр. 16.

³ Там же, стр. 159.

свещения была борьба просветителей за польский язык на народной основе, очищенный от «кухонной» латыни и галлицизмов, против которых выступал еще Лукаш Гурицкий, подчеркивая близость польского языка к другим славянским. Писатели Просвещения брали за образец язык Кохановского и других представителей Возрождения (см. «Рассуждение о польском языке» Ф. Богомольца).

Несмотря на блестящую эрудицию и широкие познания в области польской культуры, на протяжении почти всей своей жизни Микульский отдавал предпочтение разработке проблем Просвещения. Его ширококультурные исследования никогда не были оторваны от современной проблематики. Как и многие современные польские исследователи, эту задачу он решал с марксистских позиций.

В первые годы своей научной работы Т. Микульский занимался польской литературой XVI—XVII вв. Его магистерская и докторская диссертации были посвящены старопольской литературе, он написал так же две монографии об историке и поэте Генрике Хелховском и поэте-воине второй половины XVI в. Адаме Чахровском. Кроме того, Микульскому принадлежат статьи об авторах XVII в. в «Польском биографическом словаре».

Впервые Т. Микульский обратился к Просвещению, выступив с рецензией на второй том четырехтомного литературно-библиографического труда Г. Корбута (1862—1934) и с очерком о деятельности Бышевской. Большинство его работ, написанных перед войной, было посвящено Красицкому. В предвоенные годы он занимался также польско-французскими культурными связями; находясь в 1937—1939 гг. в Париже, Микульский собирал материалы о жизни и деятельности организатора варшавской типографии парижанина Пьера Дюфура (Поля Лакруа), затем установил генезис загадочной повести «Поляк в Париже», реферат на эту тему был прочитан им на заседании подпольного Литературного общества им. Мицкевича в 1942 г. Уже тогда историко-литературные исследования он соединял с занятиями историей польского книгопечатания (перед самой войной вместе с К. Будзыком он готовил «Историю польской книги»). В 1938—1944 гг. им были созданы значительные работы о Богомольце, Князьнице, Красицком. Впоследствии они были включены в сборник «W kręgu Oświeconych», изданный уже после смерти автора З. Микульской, Ю. В. Гомулицким и М. Климовичем.

Во время войны Микульский продолжал свои исследования и читал лекции в подпольном Варшавском университете по истории польской литературы, текстологии и библиографии. После войны он ведет преподавательскую и организационную работу во Вроцлавском университете. В это время он интересуется педагогикой и собирает материалы о деятельности Вл. Неринга. Микульский активно занимается силезской колонистикой, участвуя во многих научных изданиях: с 1947 по 1952 г. он редактирует вместе с А. Ковальской «Zeszyty Wrocławskie», с 1950 по 1954 г. — «Ramiętnik Literacki», руководит также отделом литературы Просвещения Института литературных исследований.

Очень много сделал Микульский для изучения истории культуры Вроцлава. В 1950 г. он издал «Вроцлавские встречи» («Spotkania Wrocławskie») — серию очерков о представителях польской культуры XVIII—XX вв., деятельность которых была связана с Вроцлавом. За эту книгу Микульский был удостоен Литературной награды города. Он намеревался издать вторую серию «Вроцлавских встреч» и сборник «Из прошлого Вроцлава», («Z dawnego Wrocławia»), содержащий архивные материалы по истории культуры.

Так как почти все его рукописи погибли во время войны, ему пришлось реконструировать многие свои работы. Восстанавливая их и завершая замыслы, осуществлению которых помешала война, Микульский рассмат-

ривает общие проблемы идеологического содержания Просвещения в таких статьях, как «Борьба за польский язык в эпоху Просвещения» («Walka o język polski w czasach Oświecenia»), «Состояние и задачи исследования периода Просвещения» («Stan badań i potrzeby nauki o literaturze Oświecenia»), «Исследования Просвещения в 1945—1955 гг.» («Studia nad Oświeceniem w latach 1945—55»). В планы Микульского входило также издание монографий о Красицком, Князьнице и Богомольце, он намеревался создать литературный портрет своего любимого поэта Карпиньского на фоне всей эпохи и «ничего не выпустить из ее очарования, прелести и красок»⁴. Микульский готовил также к изданию «Vademecum Polonisty» — сборник источников по истории литературы и текстологии. К сожалению, эти замыслы остались невыполненными. Основные труды Микульского, написанные после войны, вошли в сборник «Из исследований о Просвещении» (Ze studiów nad Oświeceniem)⁵.

Уже в ранних работах Микульского выяснилось направление его исследований, его методологический подход к литературному наследию прошлого. Т. Микульский прослеживает борьбу литературных направлений, развитие прогрессивных тенденций Просвещения и строит его внутреннюю периодизацию, исходя из изменений в общественной жизни Польши.

В течение длительного времени, начиная с периода романтизма, была распространена точка зрения на Просвещение как замкнутый процесс, происходивший главным образом в литературе, процесс, не обусловленный предшествующим культурно-историческим развитием и оторванный от последующего. Очень большое значение придавалось влияниям французского Просвещения. Т. Микульский, не отрицая известной роли этих влияний, обнаружил вместе с тем в Просвещении прогрессивные традиции польского Ренессанса, что утверждало оригинальный, самобытный характер культуры второй половины XVIII в. Эти связи Микульский прослеживает в статьях «Борьба за польский язык в период Просвещения» («Walka o język polski w czasach Oświecenia») и «Читал я поляка Моджевского» («Czytywałem Polaka Modrzewskiego»). Микульский видел также связи Просвещения и романтизма. Он справедливо утверждал, что Просвещение не было оторвано от романтизма, а являлось его прямым предшественником (заметим попутно, что такой же точки зрения придерживались И. Хшановский и В. Кубацкий, продолжавший далее эту линию и доводивший ее до истоков польского романтизма)⁶.

Справедливо считая, что литературные явления социально обусловлены, Микульский в своих исследованиях стремился дать картину общественной и культурной жизни эпохи. Литературный факт никогда не существовал для него изолированно, «он начинает выступать для нас только тогда, когда, не довольствуясь лишь одной его констатацией, мы улавливаем его общественные связи, иногда трудно находимые, и определяем окружение исторической действительности, которое решает характер и значение данного литературного явления»⁷.

Микульский придавал большое значение не только литературным фактам, объяснение многих проблем он искал и находил во всей культурной жизни эпохи. В совершенстве представляя быт и культуру того времени, черпая факты из многочисленных документов эпохи, Микульский анализировал произведения просветителей в тесной связи с обществен-

⁴ T. Mikulski. W kręgu Oświeconych, стр. 12.

⁵ В последние годы Т. Микульский принимал активное участие в подготовке «Словаря современных польских писателей» («Słownik współczesnych pisarzy polskich». Warszawa, PAN, 1963).

⁶ I. Chrzanowski. Historia literatury niepodległej Polski. Warszawa, 1930; W. Kubacki. Pierwiosnki polskiego romantyzmu. Kraków, 1949.

⁷ T. Mikulski. W kręgu Oświeconych, стр. 16.

ной жизнью. Привлекая большое количество фактов, на первый взгляд даже незначительных, он никогда не оставлял их без внимания. В трудах Микульского они являются основой, на которой вырастают его теоретические выводы о литературной борьбе, идеологических течениях изучаемого периода, об авторстве, датировке отдельных произведений. Но, ведя исследование таким образом, Микульский всегда связывал его с аналогичными явлениями в других видах искусств. Талантливый ученый сочетал анализ литературы как общественного явления, связанного с различными видами искусств, с тонким филологическим анализом и привлечением данных, имеющих вспомогательное значение. Довольно полное представление о научной деятельности Т. Микульского может дать сборник «W kręgu Oświeconych».

Он состоит из статей о Красицком, Князьнине, Богомольце и рецензий на работы о польском Просвещении. Микульского интересовало и окружение просветителей, и резонанс, вызванный их творчеством, и деятельность второстепенных литераторов того времени. Исследования об отдельных представителях культуры Просвещения или об отдельных их произведениях становятся у него одновременно и характеристикой эпохи. Решая проблемы авторства, датировки и многие другие, Микульский в то же время анализирует идейное содержание произведений, ни одна его работа, решающая текстологические задачи, не лишена этого анализа⁸. Так, две статьи, «Монахомахия» («Monachomachia») и «Отец Гауденты в Петербурге» («Ojciec Gaudenty w Peterburku»), посвящены поэме Красицкого «Монахомахия». Микульский оценивает поэму как острую сатиру на монастыри, на схоластов, отмечая мастерство Красицкого как в индивидуальных карикатурах, так и в массовых сатирических портретах. Исследователь особо останавливается на идейной близости Красицкого и Александра Орловского, в творчестве которого прозвучала та же тема обличения духовенства. Этой статьей Микульский подтверждает, что, действительно, «„быстрый карандаш“ Орловского вписал новую страницу в богатую полемическую литературу, которую составляют сатиры Красицкого и комедии Заблоцкого»⁹. Его интересуют и послания поэта «Автор „Подстолия“ пану Роткевичу» («Autor „Podstolego“ do Imć pana Rotkiewicza») и «Автор „Подстолия“ пану Луциньскому, королевскому подчашему» («Autor „Podstolego“ do Imć. Pana Lucinskiego, Podczaszego J. K.»). В первом из них Красицкий говорит о роли поэта в общественной жизни, во втором ставит актуальную тогда проблему о значении отечественной продукции и роли импорта в польской торговле. Именно на этом акцентирует свое внимание Микульский. Анализ посланий он соединяет с исследованиями литературной жизни того времени. Внимание Микульского привлекают также и отклики современников, их личные воспоминания о поэте («Гость Хейльсберга»).

Проводя текстологический анализ «Оды усам» Князьнина, Микульский сумел показать эволюцию взглядов писателя, совершенствование его творческого метода. Т. Микульский подчеркивает, что Князьнин, чрезвычайно требовательный к себе, по многу раз переделывал свои произведения: ода известна в пяти редакциях. Микульский показывает, как постепенно основное содержание оды сводится к противопоставлению двух эпох, «сасской» и станиславовской, как на протяжении работы над одой Князьнин вводит исторический материал. Параллельно с углубле-

⁸ В статье Ю. В. Гомулицкого, открывающей этот сборник, дается общая характеристика деятельности польского ученого и отмечаются особенности его творческого метода. Ю. В. Гомулицкий характеризует его и как исследователя, чрезвычайно внимательно относившегося к фактической стороне изучаемого материала, всегда безупречно аргументированного, и как блестящего стилиста. Он с искренней теплотой отзывался о Микульском как об обаятельном и скромном человеке, отдававшем все силы любимой работе, всегда очень требовательного к себе и другим.

⁹ T. Mikulski. W kręgu Oświeconych, стр. 62.

нием идейного содержания ода теряет литературную условность, Князьнин стремится перейти от школьной поэтики к народной, придать образам большую конкретность, превращает оду в ряд маленьких жанровых сценок.

Микульский всегда умел соотнести литературный факт с общим историко-культурным фоном. Анализируя явления культуры, осторожно обращаясь с фактами, он создавал литературные портреты, не прибегая к произвольным интерполяциям. Микульский был настоящим мастером художественной миниатюры; к изучаемой эпохе он подходил не только как историк и литературовед, но и как художник. Примером может служить статья, посвященная первому переводчику Красицкого, Е. Г. Фюллеборну. Кроме Красицкого, Фюллеборн переводил Кохановского, Карпиньского и других польских писателей и поэтов, но эта его деятельность не привлекла внимания немецких литературоведов. Анализ художественных особенностей его переводов, характеристика творчества вырастает у Микульского в литературный портрет деятеля культуры Вроцлава. Следует отметить, что Микульский дал литературный портрет вроцлавского деятеля культуры, в то время как очень часто интересы ученых концентрируются только на Варшаве, которую считают чуть ли не единственным центром Просвещения. Микульский положительно оценивает стремление восстановить в правах и других культурные центры второй половины XVIII в.¹⁰

Литературным портретом является также очерк о Бышевской, сделанный по материалам ее путевого дневника. Заметки о ее встречах с учеными Вильны, о посещении театра Богуславского, записи бесед с попутчиками дали возможность автору создать картины быта того времени, показать противоречия в отношениях между классами, отрицательное отношение передовой интеллигенции к религии. Одна из статей о Красицком также представляет художественный очерк о юности поэта, то же самое можно сказать и о статье, посвященной Князьнину.

Факты из культурной жизни эпохи Просвещения Микульский черпает из эпистолярного наследства, архивов, воспоминаний современников. Ни одна из предыдущих эпох не оставила столько текстов, которые следует собрать, объяснить, решить проблему их авторства. Микульский умело использовал редкие словари, гербовники, типографские каталоги, гравюры, тарифы (см. «Курдеш над курдешами» и др.). Проследившая в «Курдеше» историю семьи Г. Лышкевича, президента Старой Варшавы, Микульский привлекает варшавские тарифы того времени, административные архивы, воспоминания Ю. Выбицкого¹¹, С. Баронча¹² и др. Большое значение он придавал также газетам, газетные объявления помогли ему установить дату написания «Коляды» Князьнина, причем эта задача была довольно трудной, так как сам Князьнин ошибочно привел другую дату. Подтверждением тому, что Богомолец действительно является автором «Курдеша», также послужили газетные объявления.

Не меньшее значение в исследованиях Микульского имеет обращение к типографским особенностям и художественному оформлению книги¹³.

¹⁰ См.: «Oświecenie. Przegląd publikacji z 1955 r.» T. Mikulski. W kręgu Oświeconych.

¹¹ J. Wybicki. Życie moje. Kraków, 1929.

¹² S. Barącz. Żywoty sławnych Ormian. Lwów, 1856.

¹³ Микульский принадлежал к числу тех ученых, которые придавали огромное значение культуре книги и документов. Польский эссеист и критик В. Кизеветтер, блестящие знания которого в области истории польского книгопечатания очень высоко ценил Микульский, считал подобную черту характерной для всего польского искусствознания. Эту особенность научной деятельности Микульского, так же как и Кизеветтера, К. Виткевича, многолетнего председателя польского общества библиофилов, Ст. Дыбовского нельзя рассматривать как библиофильство и эстетство. Книга раскрыла им многие литературные загадки, помогла постичь культурную атмосферу эпохи.

Еще до войны, работая в отделе старых книг Национальной библиотеки, он научился уважению к документу и подлинно научному библиографическому анализу, тогда он выработал один из основных своих тезисов: «... Наука о книге — это наука вспомогательная для историка литературы, особенно необходимая при исследовании литературных явлений»¹⁴. Блестящее знание книгопечатания, особенностей художественного оформления книги, огромная библиографическая эрудиция помогли Микульскому в его исследованиях литературы Просвещения.

В одном из лучших его исследований «Курдеш над курдешами», отличающемся оригинальностью решения многих проблем и блестящей литературной техникой, подобный анализ является решающим моментом в установлении даты написания произведения. Привлечением данных этого рода широко пользовался учитель Микульского К. Пекарский, крупнейший польский библиофил и исследователь старопольской литературы. Микульский впервые применил этот метод на материале литературы XVIII в. Застольная песня «Курдеш над курдешами» была настолько популярной, что О. Кольберг поместил ее в своем собрании в качестве народной¹⁵. Микульского заинтересовало произведение, потерявшее имя автора, и он проследил историю песни, показав, как, появившись в мещанской среде, она стала любимой песней шляхтичей, а потом распространилась по всей Польше. Микульский интересуется занятиями адресата застольной Г. Лышкевича, его знакомством с Ф. Богомольцем. Обращаясь к художественному оформлению книги, он определяет, что «Курдеш» был напечатан в придворной типографии. Следующий этап анализа — сопоставление двух изданий, обнаруженных в Кракове и Гданьске. Микульский выясняет различия между тремя рисунками: в одном случае рисунок оказался перевернутым, в другом был вообще заменен, в третьем были сильно искажены линии. Типографские и лингвистические особенности краковского варианта говорят о том, что он был издан несколько раньше, но гданьский представляет собой основной, неискаженный текст. Микульский дает краткий экскурс в историю польского книгопечатания, привлекает каталоги придворной типографии и сообщения варшавских газет. Сравнение с другими изданиями приводит Микульского к выводу, что «Курдеш» был напечатан в октябре 1778 г. Подобным образом ученый произвел анализ фромборских и оссолинских рукописей («Монахомахия», «Сказки» Красицкого и «Мать дочери. О чести», «На краеугольный камень» Князьнина). В статье о фромборских рукописях ученый особо подчеркивает значение найденных автографов, так как это дает возможность восстановить первоначальный текст, очищенный от редакторских и цензорских искажений.

Микульский исследовал не только литературные произведения, он обращался и к живописи. Художественный очерк о Красицком он начинает с описания семейного портрета Красицких, что помогает ему ввести читателя в среду, в которой жил и воспитывался поэт. Этот портрет был сделан в 1775 г. М. Тереньским, художником из-под Перемышля. Микульский отмечает несовершенство манеры, условность композиции и в то же самое время более живую фигуру юного Красицкого, выделяющуюся среди остальных застывших фигур. Если здесь обращение к живописи служит дополнением, облегчающим задачу автора, то характеристика иллюстраций к «Монахомахии» играет самостоятельную роль. Микульский останавливается на истории создания рисунков А. Харчевской, племянницы поэта. Он говорит о них также в статье о фромборских рукописях и в рецензии на книгу Батовского «Художницы эпохи Станислава Августа».

¹⁴ T. Mikulski. W kręgu Oświeconych, стр. 6.

¹⁵ O. Kolberg. Mazowsze. Obraz etnograficzny. Kraków, 1885—188..., t. 2, стр. 758.

Отдельную статью Микульский посвящает А. Орловскому (1777—1832), прославленному польскому художнику, упоминающемуся в «Руслане и Людмиле» и в «Папе Тадеуше». Микульский характеризует эволюцию его творчества, отмечая роль восстания в формировании его взглядов. В петербургский период жизни Орловский обращается к теме «сарматизма», которая становится ведущей темой его сатиры. Исследователь сравнивает отзывы современников, врача-мемуариста Ст. Моравского и художника Смоковского, и решительно опровергает точку зрения на карикатуры Орловского как на беззлобные юмористические рисунки. Актуальность карикатур Микульский видит в идейной близости художника с Красицким. Сатирическая направленность его творчества настолько близка Орловскому, что в рисунках появляется тема «Монахомахии». Критика «сарматизма» соприкасается с темой обличения духовенства, персонажи Красицкого становятся персонажами Орловского. Микульский первым установил, что рисунок «Отец Гауденты» и «Монах с бокалом в руке» являются иллюстрациями к «Монахомахии», он отмечает совпадение внешнего облика монаха в поэме и рисунке. Таким образом, Микульский показал прямую зависимость двух рисунков Орловского от сатирического творчества Красицкого.

Микульский широко пользовался также и филологическим анализом, считая, что «если историк литературы не овладел филологией, то он плохой специалист»¹⁶. Например, определение более архаических форм дало возможность установить основной текст «Курдеша»; исследуя эту песню, Микульский останавливается на происхождении и истории слова *kurdesz* (курдеш — любимая поговорка Г. Лышкевича, это слово пришло в польский язык из турецкого). Истории и семантике слова *czerkieski* посвящена небольшая заметка «Glosa do mowy czerkieskiej Mickiewicza».

В истории польской культуры Тадеуш Микульский оставил заметный след не только как блестящий, разносторонне эрудированный исследователь, но и как ученый нового типа, стремившийся к комплексному изучению явлений литературы, искусства и общественной жизни.

¹⁶ Т. Mikulski. Szkic autobiografii naukowej. «Pamiętnik Literacki», 1959, № 3—4, стр. 3—7.

Л. Н. Титова
«ФИДЛОВАЧКА»

В 1962 г. исполнилось сто лет со дня смерти одного из крупнейших деятелей чешского будительского движения, прямого предшественника Сметаны, создателя чешского национального гимна, композитора Франтишка Шкroupa. Эта дата, отмечавшаяся как в Чехословакии, так и в Советском Союзе¹, заставила вспомнить о «Фидловачке» — пьесе, написанной соратником и другом Шкroupa Й. К. Тылом и сыгравшей особую роль в истории чешской драматургии, чешского театра и музыки.

Афиша, возвещавшая о премьере «Фидловачки», гласила:

Сословный театр города Праги

В воскресенье 21 декабря 1834 г.

В честь пана Капельмейстера Франтишка Шкroupa
впервые

ФИДЛОВАЧКА

или

Не бранись и не сердись

Четыре картины из жизни пражской, написанные Тылом.

Музыка Фр. Шкroupa.

Танцы поставлены балетмейстером Раабом.

«Театр был переполнен, — писал в журнале «Ческа вчела» драматург Й. К. Хмеленский, участвовавший в спектакле. — Увертюра так понравилась, что дважды прерывалась аплодисментами. В конце представления писателя и композитора вызывали несколько раз. Каждый патриот покидал театр с глубоким удовлетворением»².

Так прошел этот спектакль, которому суждено было сыграть особую роль в истории чешской культуры. Никто не думал тогда, что песня слепого скрипача Мареша «Где родина моя?», блестяще исполненная К. Стракатым, проживет более ста лет и станет национальным гимном.

¹ См. например, «Музыкальная жизнь», 1962, № 2, стр. 20.

² J. V. Šmejkal. Píseň písni národa českého. Praha, 1935, стр. 51.

Не думал об этом и автор текста, Й. К. Тыл, приступая к работе над своей фразкой³.

В мае 1834 г. в журнале «Ческа кветы» появилась заметка, в которой Тыл среди произведений намечаемых для включения в подготавливаемую «Библиотеку чешских пьес», назвал и «Фидловачку»⁴. Однако еще в ноябре 1834 г. фразка не была готова. Друг Тыла, Вацлав Филипек, хорошо осведомленный о всех его делах, в письме от 5 ноября сообщает М. Туму, что скоро состоится бенефис Шкroupa, к которому Тыл готовит «Фидловачку». Референт журнала «Ческа вчела» Хмеленский также пишет 11 ноября 1834 г.: «Кроме того, у нас еще нет давно ожидаемой «Фидловачки», пьесы г. Тыла с музыкой г. Шкroupa. Референт слышал некоторые отрывки с музыкой, и если на них будет похожа вся пьеса, чего я желаю от всего сердца, «Фидловачка» готовит патриотам два приятных часа. Это будет наша первая народная фразка с пением, и если она, как мы надеемся, удастся, то по всем венским фразкам отзвонят колокола»⁵.

В начале декабря в этом журнале Тыл опубликовал несколько сцен из «Фидловачки» (картину первую и из второй картины 1-е и 4-е явления) со следующим примечанием: «Я представляю небольшие отрывки этой пьесы, которая в декабре будет идти в пражском театре. С удовольствием обращаю внимание нашего населения на эту первую попытку местной фразки; пьесу эту я называю *картинами*, а потому и прошу их осудить. Обстоятельства нашего театра заставляют меня немного отклониться от первоначального плана. Первый вариант «Фидловачки», надеемся, будет напечатан»⁶. Говоря об «обстоятельствах театра», Тыл имел в виду большие изменения, происходившие в это время в Сословном театре, в частности увольнение многих актеров, участвовавших в чешских спектаклях.

Пьеса ожидалась с большим интересом. К этому времени Тыл становится любимцем пражского общества. Он — автор многочисленных переводов, драмы «Выгонь Дуб», редактор популярного журнала «Инды а ныни» и автор большинства его статей, рецензий и повестей: «Билинский владыка» («Пркош Билинский»), «Авантюристы», «Жених без невесты» («Старый Томаш»).

Тыл не был первым, кто обратился к тематике праздника «фидловачки». Незадолго до этого о своем замысле написать пражскую фразку на сюжет весеннего праздника сапожников — «фидловачки», сообщил В. Клипцера. Его замысел вызвал радостное ожидание в чешском обществе (сообщения Хмеленского в журнале «Ческа вчела» и А. Мюллера в «Богемии»).

История этого праздника восходит ко времени правления Йозефа II. Пражский сапожный цех, говорит легенда, связанная с традициями «йозефинизма», когда-то дарил ежегодно Йозефу II, который сам обучался сапожному ремеслу, пару башмаков. В ответ Йозеф посылал им посеребренное дерево с миниатюрными серебряными сапожными инструментами на веточках. Дар этот ставился в мастерской и служил предметом почитания. Однажды, поругавшись с мастерами, подмастерья объявили забастовку и, взяв с собой деревце, ушли на Нусельский луг, под Прагу. Вскоре деньги кончились, все серебряные инструменты были проданы, осталась лишь «фидловачка», т. е. ложило — маленький инструмент для разглаживания кожи. Подмастерьям пришлось сдаться. Обрати они возвращались через всю Прагу и несли березку, повесив на нее настоя-

³ Frazka — особый тип комедии, сначала преимущественно из мелкобуржуазного быта. В чешском театре была очень распространена в первой половине XIX в. (см.: «Příruční slovník naučný», 1. Praha, 1962, стр. 773).

⁴ «Květy», 1834, стр. 159.

⁵ «Česká včela», 1834, стр. 159.

⁶ «Květy české», 1834, стр. 303.

щие сапожные инструменты, а на самый верх — серебряную фидловачку.

С тех пор праздничное шествие повторялось каждый год. «Во главе процессии шел главный подмастерье во всем белом, в левой руке он нес букет весенних цветов, а в правой держал посох. За ним шли музыканты, исполнявшие на трубах и свирелях народные песни, затем три подмастерья с белыми лентами через плечо и красными бантами на сюртуке. Затем «святой муж» с двумя слугами, также в белом. Он был главой праздника и его задачей было забавлять участников веселыми прибаутками...»⁷. Это был праздник всего города. Его изображения мы находим на полотнах Йозефа Манеса, Квида Манеса, А. Й. Гарейса и Й. Б. Минаржика, увековечившего «фидловачку» 1884 г. Самое раннее изображение праздника в Нуслях относится еще к 1824 г.

Заинтересованность Тыла «фидловачкой» закономерна. Она вызвана тем большим вниманием, которое он уделял общественной жизни Праги. Уже во втором номере своего журнала «Инды а ныни» он писал о развлечениях пражан во время масленицы, а позже о празднике портных («štrožok» или «strožok»): «Я ... почитатель повсюду известной фидловачки. О ней я особо как-нибудь расскажу!»⁸. В нескольких номерах журнала Тыл рисует ряд мелких сцен этого праздника, причем просит считать это «за подготовку к большому произведению»⁹. Этот нестрый ряд сценок, предназначенных для чтения, явился результатом работы Тыла над репортажными заметками.

И вот этот весенний веселый праздник пражан ожил на сцене Сословного театра в форме фрашки. Как известно, фрашка была любимым видом чешской драматической литературы с начала периода национального возрождения. В 20—30-х годах XIX в. она расцветает в творчестве Штепанка и особенно Клицеры. Патристически настроенных писателей этого времени, будителей чешского народа фрашка привлекала тем, что в ней выступали люди и оживала среда, которую можно считать прямым отражением современной жизни. Среди героев фрашек мы встречаем ремесленников, подмастерьев, слуг, учащихся. Они изображаются в своей обычной среде: фрашка выводит на сцену трактиры, мельницы, пивоварни. Хлесткий, резкий комизм — характерная черта фрашки — способствовал проникновению ее в широкие слои народа. Театральные представления, состоящие в большей части из фрашек, помогали создавать чешское национальное общество, собирать людей, говорящих по-чешки. А этой задаче будители, как известно, придавали большое значение.

Тыл с большим уважением относился к авторам фрашек — Штепанку и Клицере — своему учителю, с которым его связывала многолетняя дружба. В журнале «Инды а ныни» он печатает ряд произведений этих авторов. В 1833 г. Тыл пишет: «В воскресенье хохотали мы, за животы держась. Шла «Алина или Прага в другой части света», переведенная г. Штепанком. Мне не остается ничего сказать, кроме как — если бы таких переводных фрашек больше или, лучше, *одну свою* имели! Думаю, что им обрадовалось бы больше народу, чем лишь твой Т. Г. (Тыл — Горник)»¹⁰ и дальше: «Драматические произведения, которые мы называем «местными или локальными фрашками», я никогда не переводил бы с другого языка, если бы я их не мог так переделать, чтобы оказать что-то новое, оригинальное, из местной жизни или из прав и обычаев»¹¹. «Вероятно, фрашка в немалой степени может способствовать народному образованию и возвеличению языка»¹².

⁷ J. V. Šmejkal. Указ. соч., стр. 15.

⁸ «Jindy a nyní». 1833, стр. 123.

⁹ Там же, стр. 193.

¹⁰ Там же, стр. 48.

¹¹ «Květy», 1834, стр. 23.

¹² «Květy», 1835, стр. 419.

Не может быть сомнения в том, что он черпал свои темы из фразок, но фразка в своем старом виде не могла удовлетворить Тыла, который стремился к познанию общественной и национальной действительности с точки зрения новых потребностей чешского общества. Недаром позже с явным сожалением он писал, что «Фидловачка» стала «несчастливым произведением, но несчастным только для тех, которые отмеривают „Фидловачку“ мерой других фразок, но не для композитора и писателя, который, с радостью вспоминая о полном театре, наперекор суровой критике чувствует в себе силу попытаться создать другую народную картину»¹³.

Несмотря на симпатии к произведениям своих учителей, Тыла все же вдохновляли не фразки Штепанека, Клицеры, а новые идеи 30-х годов.

Революционный взрыв в Париже и польское восстание 1830 г. оказали сильное влияние на чешскую общественно-политическую жизнь. Молодое поколение 30-х годов по-новому ставит вопрос о потребностях чешского народа, по-новому определяет свое участие в деле его возрождения.

Огромное значение приобретают театр, песни, музыка, поэзия. Они призваны привлечь широкие массы к общественно-политической жизни. Именно эти устремления ведут молодое поколение к демократизации театра, к актуализации поэзии в виде «декламованек» и праздничных народных песен. Таким образом, «Эти идеи не достаются лишь на долю литературы. И другие области искусства хотят выполнить свои обязанности»¹⁴.

Национально-патриотические идеи проникают в музыку. Музыка 30-х годов находится в тесной связи с новой общественной жизнью молодого поколения. «Музыкальность этого поколения не является случайной чертой, это один из его существенных признаков»¹⁵, — пишет Зд. Неedly, подчеркивая, что Тыл, Рубеш, Маха, Эрбен, Гавличек, Немцова, т. е. основные представители культурной жизни Чехии того времени, имели музыкальное образование и были хорошими музыкантами.

Растет потребность в новых песнях, которые могли бы стать достоянием народа. Ведь песня способна проникнуть в самые широкие массы, туда, куда не всегда доходят книги, и поэтому патриоты придавали большое значение ее эмоциональному воздействию. Песни в эти годы звучат повсюду — из уст народного певца на улице, они являются обязательным номером программы концертов. Лишь в такой обстановке могла так быстро распространиться песня Мареша из «Фидловачки». Идея родины, глубоко прочувствованная каждым чехом, дополнялась здесь эмоциональной выразительностью.

Будители призывают поэтов и композиторов «сложить песню, которую пастух, идя за стадом, с удовольствием запоет. Верьте, что ею вы больше сделаете, чем кучей рифмованных и нерифмованных строк»¹⁶. Ясно, что здесь говорится не о пении вообще, а о создании и распространении определенных песен, тех, которые понесут с собой целенаправленную мысль, укажут путь народу, будут иметь действительно народное содержание.

Но музыка и песенное творчество не были единственными областями, куда начинают проникать в 30-е годы идеи нового поколения.

Все большее значение начинает приобретать театр, причем особой популярностью пользуются комедии, фразки. Самыми любимыми авторами становятся Клицера, Штепанек, любимыми актерами — комики Грабингер и Кашка.

¹³ Там же, стр. 228.

¹⁴ Zd. Nejedlý. Bedřich Smetana, IV. Praha, 1951, стр. 55.

¹⁵ Там же, стр. 110.

¹⁶ «Květy české», 1834, стр. 246.

Тыл приходит в Прагу в годы, характерные расцветом музыкальной культуры. Сохранившиеся в памяти пражан приезды Моцарта, первые успехи чешской оперы, встречи с Фр. Шкroupом, интерес, проявляемый литературой к музыкальному творчеству, первые издания чешских и моравских сборников народных песен, знакомство с выдающимися произведениями на пражской немецкой сцене — все это оказывало глубокое влияние на молодого писателя. Мы знаем, какое большое место занимают в редактированных им журналах статьи о музыке, особенно опере. Тыл переводит либретто опер. В «Водовозе» Керубини он исполняет роль жандарма. По его настоянию Шкroup пишет оперу «Либушин брак». Вместе со Шкroupом и Хмеленским Тыл редактирует приложение к «Венку» — ежемесячному сборнику, в котором печатались песни и вокальные ансамбли преимущественно чешских композиторов, а также помещались статьи, посвященные истории Чехии, биографии певцов, музыкально-теоретические работы¹⁷. Наконец, он создает «картины из пражской жизни» — «Фидловачку», пьесу с песнями и танцами, и становится основоположником нового типа драматургии в чешском театре.

Содержание пьесы несложно. Это история любви Еника Кроутила и Лидунки — племянницы и воспитанницы богатой торговки маслом Мастилковой, которая хочет выдать Лиду за «барона» Дудека. К концу пьесы Мастилкова мирится с отцом Еника Кроутилом, «барона» разоблачают и влюбленных обручают.

В каждой своей пьесе, статье, повести Тыл как истинный патриот и будитель чешского народа проводит одну важную идею. В «Фидловачке» она выражена устами Еника: «Одно простое чешское сердце весит больше, чем десять других, зараженных духом извращенного мира»¹⁸.

Тылу удалось построить фразку на реалистической основе, с полнокровными фигурами, которые являются выразительными представителями самых разнообразных общественных слоев Праги 30-х годов и представителями различных человеческих характеров.

Позже, в 1835 г., Тыл подчеркивал: «Героев, пригодных для чешских фразек, можно найти лишь в самых низких слоях, поэтому их нельзя заставить говорить иначе, чем в жизни; отсюда видно, что автор не из книг, а из народа должен черпать материал для фразки»¹⁹.

Большинство характеров пьесы создано в обычном плане фразки: это упрощенные характеры, сведенные к чисто комическим, — балагур Козелка, влюбленный холостяк Онджей, жеманная, обидчивая и обманутая старая дева Маркита, отвечающая театральная звезда Цибульчини²⁰, «певалье» Дудек, эстет Гвездолеский. Это характерные, переходящие из одной фразки в другую, фигуры.

Тыл считает их людьми аморальными: это глупцы, позеры и даже плуты. Положительные фигуры пьесы — люди, верные народу, морально здоровые, прямые, решительные, благоразумные, оптимисты, люди «ясной мысли». Наиболее полно и серьезно воплощают моральные идеалы молодого поколения Еник и Лидунка. В них сочетается физическая красота с нравственным благородством, способностью на настоящее чувство, вер-

¹⁷ Все музыкальные произведения, вошедшие в это приложение, переизданы в наше время («Věnces». Sborník obrozenských písní. Vyd. J. Plavec. Praha, 1960).

¹⁸ Spisy J. K. Tyla, kn. V, sv. XVII. Praha, 1957, стр. 51.

¹⁹ «Květy», 1835, стр. 419.

²⁰ Имя это является сатирическим осмеянием существовавшего в Чехии и Австрии обычая певцов изменять свои фамилии на итальянский лад. Возможно, что в данном случае это было намеком и на фамилию Кавальери (Кавалир) — венской примадонны, игравшей неблаговидную роль в интригах против Моцарта. Сатирическое обыгрывание имен, широко использованное в «Фидловачке», характерно для многих славянских литератур. В русской литературе им пользовались, например, Грибоедов и Фонвизин.

ность. Лидунка — это прообраз верных девушек из позднейших драм Тыла — Либены («Честмир»), Милины («Слепой странник»), Доротки («Воляничка из Страколиц»). Тема верной любви, воплощенная в программной песне Лидунки «Веет ветерок», зазвучала тридцать лет спустя в знаменитом дуэте из «Проданной невесты».

Если для изображения большинства характеров Тыл использует осмеяние, иронию, то в образах Еника и Лиды он как бы выходит за рамки фразки. Этих влюбленных, встречающих на своем пути препятствия, характеризует целая гамма чувств, — любовь, доверие, смелость, решительность, ревность. Их поведение всегда мотивировано логикой обстоятельств, событиями.

Полной реальностью, и вместе с тем высокой трагедийности, Тыл добился в той сцене, где слепой Мареш поет песню «Где родина моя?». Эта торжественная сцена трогала слушателей до слез. Благодаря такому широкому охвату от острокомических ситуаций до трагедийности «Фидловачку» трудно сопоставить с другим произведением.

Для понимания этой сцены и песни, являющейся ее ядром, характерно, что песня здесь, в отличие от остальных, встречающихся в пьесе, логически входит в сюжет. Выразительный смысл имеет и вся сцена, которая мотивирует песню. Для воззрений будителей характерно, что патристический призыв ко всему чешскому народу исходит из уст слепого музыканта.

Другие персонажи подвергнуты резкому авторскому осмеянию. Для характеристики отступников, изменивших своему народу, — Мاستилковой, Губинке, Гвездолеского, Цибульчини, — применяется острый сарказм, срывающий с них маску. В торговке маслом Мастилковой Тыл создал образ женщины старой Праги, чешки лишь по происхождению, слепо преданной господствующей моде, пренебрегающей родным языком и стремящейся ослепить окружающих своим якобы высоким образованием и светской воспитанностью. Общество, которым она себя окружила, состоит из прихлебателей, которые ходят к богатой торговке напиться и наесться. Это состарившаяся невица Цибульчини, самовлюбленный литератор Гвездолеский и комическая пара разбогатевших торговцев — колбасник Губинка и вдова Клипкачкова.

Особый тип представляют немцы Андреус Яммервиль и Маргарита, служащие у Мастилковой, которая наняла их, чтобы придать больше блеска своей торговле. Эти персонажи также высмеиваются автором, хотя и не с такой резкостью, как общество Мастилковой. Посредником между этими сторонами является сват Козелка — городской прообраз свата Кекала.

Остальные действующие лица пьесы — дровосеки, ученики, прислуга — составляют живую картину, на фоне которой происходит развитие конфликта.

Влияние фразки чувствуется не только в образах, но и в действии, событиях, ситуациях, в которые поставлены все фигуры. Здесь можно найти мотивы, встречающиеся в том или ином виде почти во всех фразках, — влюбленные не узнают при встрече друг друга, пьяный принимает мужчину за женщину, должника разоблачают во время праздника и т. д. Все эти специально подстроенные случайности являются существенным элементом сюжета. Основной конфликт пьесы — ссора двух соседей, от которой зависит счастье влюбленных, — продолжается почти без изменения с начала до конца пьесы, где легко и быстро разрешается. Середнину пьесы заполняет масса самостоятельных сценок, иногда иллюстрирующих основной конфликт, а зачастую и не имеющих к нему никакого отношения.

С композиционной свободой фразки связаны и песенные вставки — сольные и хоровые. Большинство песен имеет исключительно бурлескно-комический характер, например песня Онджея «Послушайте, ребята».

Тыл в полной мере пользуется любимым средством фразки — языковым комизмом. Эта сторона «Фидловачки» заслуживает особого внимания. Прежде всего, Тыл весьма разнообразно использовал двуязычность тогдашней Праги. Языковый комизм этого типа проходит через всю пьесу и выливается в самостоятельную сцену в выступлении Ирки, Гонзы и Онджея (II, 4). Много элементов вульгарного языка, выполняющего комическую функцию, разбросано по всему произведению. Автор использовал и особенно любимый фразкой способ — игру с языком. Выразителем этой тенденции является Козелка, систематически рифмующий свои остроумные, часто ядовитые реплики. Причем эта игра с языком очень многосторонняя — например, немецкие глаголы с чешским спряжением (*basetl — já ti zabazetluju*). Иногда целые части пьесы являются по сути дела бессюжетными и доведены до значительного объема только лишь благодаря языковым средствам.

Немецкий язык в устах немцев и чехов — это отражение реальной ситуации, одно из средств для достижения правдивости в изображении среды.

Всем этим «Фидловачка» не отличается существенным образом от обычной фразки. В то же время она является подлинно новаторским произведением. Это прежде всего новаторство идейное, обусловленное патристическим замыслом. Отсюда и жанровое новаторство. Как драматург, так и композитор сочетали в этом произведении высокий пафос с острой сатирой.

Особо следует подчеркнуть одно из основных преимуществ пьесы — точность и верность, с которой отражена в «Фидловачке» жизнь современной автору Праги. Тыл связал все действие с любимым, специфически пражским праздником — «фидловачкой», веселым весенним праздником сапожников. Благодаря этому в пьесу проникли местные характеры и картинки пражского быта. Пьеса изобилует веселыми, жизнерадостными сценами, наполненными песнями, танцами, шутками. Перед зрителями встают живые и реальные картины пражской жизни. Вот веселится хор подмастерьев и белошвеек (I, 6). Тут же Кроутил выясняет отношения с Мاستилковой. А из-за сцены звучат голоса уличных торговцев: «Песок, песок!», «А пу, хозяйки, у кого есть зола?». Это действительно настоящая «городская симфония»²¹. Тыл стремился добиться правдивости, реальности каждой сцены «Фидловачки», максимально приблизить ее к жизни. В специальном примечании он настаивал, чтобы «служанки были действительно похожи на служанок. Это относится и к подмастерьям и вообще ко всем действующим лицам», так как от этого зависит «успех „Фидловачки“ как картины пражской жизни»²².

В произведении отражена одна из основных проблем общественной жизни. На эту сторону «Фидловачки» обратила внимание еще тогдашняя чешская критика, характеризовавшая пьесу как сатиру на онемечившееся современное пражское общество.

Стержнем пьесы, безусловно, является национальный вопрос. Измены чепки Мاستилковой, отрекшейся от своего народа, вытекают все противоречия, которые мешают счастью молодых людей, гармонии жизни. Возвращение же ее в национальную среду восстанавливает согласие, знаменует добро и счастье.

В 30-е годы, время создания «Фидловачки», в развитии чешского национального движения наступает новый этап. Буржуазия начинает играть значительную роль в экономической, общественной и культурной жизни страны. Наступил момент, когда стало возможным формирование чешского национального общества. Но чешская буржуазия в ходе своего раз-

²¹ J. Plavec. František Škroup. Praha, 1941, стр. 203.

²² Spisy J. K. Tyla, sv. XVII, стр. 67.

вития должна была неизбежно сталкиваться с немецкой, которая была влиятельнее ее политически и экономически. Такая обстановка порождает тип отступников, людей, отрицавших свою чешскую национальную принадлежность.

Тыл горячо осуждает тех, кто потерял связь с простым народом, кто чуждается его. Основа, из которой национальное общество черпает свою силу и на которую оно может опереться, — это народ. И это Тыл показывает не только своими положительными образами из среды горожан (Кроутил, Козелка, Еник), но и богатым изображением самой народной жизни. Через всю пьесу проходят самые разнообразные представители пражан — лесорубы, подмастерья, служанки, жандармы. Все они воплощают в себе черты чешского национального характера, представляют лучшие его качества.

Идейная основа «Фидловачки» по своему общественному значению выходит за рамки фразки. Прием бурлеска в описовке характеров и событий служит здесь важной идее, но не выражает ее полностью. В этом отношении «Фидловачка» — пример явного противоречия содержания и формы произведения. Форма здесь отстает далеко от мысли. Это можно объяснить не только поспешностью работы Тыла²³, недостатком опыта и молодостью автора²⁴, но и тем, что для создания характеров и событий, которые бы полностью выражали авторскую идею, в жизни еще не было достаточного материала.

* * *

В успехе «Фидловачки» значительная роль, безусловно, принадлежит второму ее создателю — композитору Франтишку Шкroupу. Именно благодаря ему исследователи могли констатировать, что «Фидловачка» у них (Тыла и Шкroupа) «из фразки разрослась в оперу»²⁵. Из статей Хмеленского и Мюллера видно, что в значительной мере фразка имела успех из-за музыки Шкroupа.

Франтишек Шкroup, как и многие чешские музыканты, вышел из канторской среды. С детства игравший на нескольких инструментах, в одиннадцатилетнем возрасте певший в хоре Тынского храма в Праге, учившийся вместе с Тылом у Клицперы в Градце Кралове — шумном будительском центре, неприменный участник любительских спектаклей, в частности «Швейцарской семьи» Й. Вейгеля — первой оперы, поставленной на чешском языке, создатель первой чешской оперы «Дротарь» («Draťák»), сделавшей его прямым предшественником Сметаны, тридцатитрехлетний композитор более всего подходил для выполнения целей, которые ставил своей фразкой Й. Тыл. Один из наиболее значительных будителей того времени, Шкroup пользовался большой популярностью и любовью пражан. В журнале «Ческа вчела» мы читаем: «Шкroup по-прежнему — это единственное имя из наших отечественных композиторов, которое мы читаем на театральных афишах. Десять лет назад, двадцатилетним юношей сочинил он свою первую оперу „Дротарь“, и скажите, кто перед ним или после него написал что-либо подобное? Напрасно обращаюсь я во все стороны, лишь эхо мне отвечает: один Шкroup»²⁶.

Шкroup смог хорошо понять замысел Тыла и способствовал его осуществлению своей музыкой. Музыка его не стала чем-то посторонним, дополнительным, она срослась с текстом и подчеркивала идейную направ-

²³ «Květy», 1835, příloha XIII, стр. 250.

²⁴ F. Strejček. Tylova Fidlovačka. Praha, 1946, стр. 13.

²⁵ «Фидловачка» не была их первой совместной работой. 27 апреля 1834 г. в Сословном театре была поставлена фразка Лемберга в переводе Тыла «Вацлав Утрата и его необычайные приключения на земле и под водой» с песнями и дуэтом Шкroupа (F. Strejček. Jak došlo k Fidlovačce. «Československo divadlo», 30.XI 1934).

²⁶ «Česká včela», 1835, стр. 399.

ленность пьесы. «Яркие сцены „Фидловачки“ насыщены звучанием чешских народных песен, чудесные мелодии которых ШкROUP ввел в увертюру, где, вслед за медленным вступлением, проходит популярный мотив песни „Сеял я просо“, контрастирующий с задорной мелодией песни „Если бы Еничек“»²⁷. Несколько мелодий ШкROUPа были настолько близки к народным песням, что стали действительно народными. Это прежде всего песня Лидунки «Веет ветерок» и Кроутила «Старые пражане».

Несомненно, наибольшим успехом ШкROUPа была песня старого Мареша «Где родина моя?», прозвучавшая патриотическим призывом ко всему чешскому народу.

В последнем действии «Фидловачки» на сцену к веселящимся участникам праздника выходит старый слепой скрипач Мареш и поет притихшей толпе свою песню. Вот как описывает это один из свидетелей премьеры «Фидловачки» д-р Ян Мелихар: «Когда песня началась, в зале наступила гробовая тишина; все затаили дыхание. Певец пел прочувствованно, с волнением. И когда замолк, тишина продолжалась еще несколько секунд. Затем полились бесконечные проявления радости и воодушевления... Тогда никто не думал, какая будет у песни судьба. Но каждый, кто ее слышал, заучивал слова и мотив, и песня скоро распространилась не только среди учащих, но и среди всего народа»²⁸.

ШкROUP придавал этой песне особое значение и настаивал, чтобы эпизодическую роль Мареша исполнял Карел Стракаты — любимый оперный певец. Это был тридцатилетний актер, бросивший, подобно Тылу и ШкROUPу, юридический факультет университета и отдавшийся любимому делу. Я. Н. Штепанек увидел в нем выдающегося певца и актера. Первые Стракаты выступил 22 апреля 1827 г. в «Волшебном стрелке» в роли охотника Кашпара, после чего был ангажирован в Сословный театр, членом коллектива которого был вплоть до 1888 г. По воспоминаниям современников, у него был звучный, приятный и глубокий бас, хорошая техника и большое чувство исполнения. Он участвовал более чем в 3 тыс. оперных представлений. Как участник концертов К. Стракаты ввел народную чешскую песню в салоны и концертные залы. Тыл был хорошо знаком с ним и ценил его патриотизм, любовь к чешскому языку и народу. В 1834 г. К. Стракаты пользовался уже большой популярностью, и то, что ШкROUP именно ему просил дать роль Мареша, говорит о том, что композитор придавал особое значение этой песне.

В критической литературе о Тыле часто встречается мнение, что все значение «Фидловачки» заключается в том, что с ней родилась песня «Где родина моя?». Интересным в этом отношении является замечание друга Тыла и его издателя Турновского: «Эту первую попытку писателя создать местную фразку, сатиру на онемеченное общество пражское, мы отдаем на суд общества в первоначальном виде как исторический памятник возникновению нашего гимна „Где родина моя?“ и народных песен „Веет ветерок“ и „Старые пражане“»²⁹.

Действительно, песня эта является кульминационным пунктом пьесы, сценой, выражающей основную идею и замысел автора. Подобным же образом она стала и вершиной музыки ШкROUPа. «Песня эта представляет собой как бы сгусток тщательно отображенных интонаций, выкристаллизовавшихся в чешской песенности на протяжении столетий и неразрывно связанных с образом родины, раскрытом здесь и в музыке и в тексте»³⁰.

²⁷ И. Бэлза. Очерки развития чешской музыкальной классики. М.—Л., 1951, стр. 150.

²⁸ J. V. Šmejkal. Píseň písní národa českého. Praha, 1935, стр. 52—53.

²⁹ V. Štěpánek. Fidlovačka ve vývoji národního dramatu. «Buditel», 1956, стр. 121—122.

³⁰ И. Бэлза. Указ. соч., стр. 152.

Текст песни прост. Первая строфа рисует красоту чешской земли, «рая земного», следующая говорит о чешском народе, населяющем эту землю, подчеркивает его мужество, «дух в здоровом теле сильный». Но эти несколько строк являются «сокращенным выражением всего, что не только тогда, в 30-е годы, но и позже, и мы не боимся сказать, до сих пор составляло и составляет смысл чешского патриотизма. Поэтому песня не устарела, а является свежей и новой, как и во время своего возникновения»³¹. Песня вылилась из общего настроения, господствовавшего в то время среди патриотической молодежи, настроения, которое вело К. Г. Маху к созданию апофеоза красоты родины в драме «Братья», чешских художников к созданию полотен, воспевающих красоту родной природы, настроения, благодаря которому песня была вскоре с огромным воодушевлением подхвачена не только в Чехии, но и во всем славянском мире³².

Многие исследователи творчества Тыла утверждали, что текст песни не оригинален. Вопрос, которым она начинается, описание природы и заключительное повторение вопроса указывают на образец Тыла — ответ Людмилы из трагедии Туринского «Ангелина» (1871 г.) на вопрос арфиста «Где родина твоя?». Людмила повторяет вопрос и, описывая красоту природы своей родины, заканчивает: «Вот родина моя». Она упоминает и о «душах добрых, милых в своей отчизне». М. Гысек добавляет, что и этот текст Туринского не является оригинальным и написан под влиянием песни Миньоны из «Вильгельма Мейстера» Гете («Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...», пер. Ф. Тютчева).

Фердинанд Стрейчек, посвятивший несколько специальных работ исследованию гимна³³, пишет, что вопрос, которым начинается эта песня, не является простым откликом на моду того времени, главным образом популярной гетевской Миньоны, как об этом свидетельствует, например, «Дочь Славы» Коллара (III, 89; «Знаешь ли ты тот край, родину вечной славы?..»), но имеет более глубокие истоки, иную цель и назначение. Он объясняет, что песня является ответом на немецкую духовную экспансию: вы утверждаете, что мы в Праге чужие? Нет, наша родина — это Прага и вся страна, где говорили и будут говорить по-чешски. Ф. Стрейчек при анализе языка песни подчеркивал, что у Тыла речь шла о родине в значении национальной территории. Еще в журнале «Кветы ческе» он провозгласил понятие «родина» как равное понятие «нация»: «взаимная помощь людей во имя одной высокой цели, взаимная любовь — на этом основывается родина, это является сущностью ее... Это родина наша»³⁴.

У Тыла прежде всего речь шла о том, чтобы подчеркнуть своей песней, что чехи дома, что Прага — их родина.

«Тылу в небольшом количестве слов этой песни удалось выразить то, что каждому видно при взгляде на нашу родную землю и что характери-

³¹ M. Hýsek. J. K. Tyl. Praha, 1926, стр. 34.

³² В честь пятидесятилетия со дня исполнения песни Фр. Бачковский и Р. Ружичка издали историю гимна (F. Bačkovský, R. Růžicka. J. K. Tyla. Kde domov můj? s dějinami hymny té. Praha, 1884). В монографии М. Гысека приведены моравские, словацкие и силезские варианты песни (M. Hýsek. J. K. Tyl. Praha, 1926). В 1934 г., к столетию со дня исполнения песни, Й. Пата издал специальную работу, посвященную исследованию распространения песни по Чехии и славянским странам. Автор приводит 15 вариантов и переводов песни на славянские языки (J. Páta. Kde domov můj? v slovanských překladech a obměnách. Praha, 1934). В 1935 г. вышла книга Й. В. Шмейкала «Песни песней чешского народа», где дается история возникновения песни и приводятся варианты и переводы ее на 52 языки (J. V. Šmejkal. Píseň písní národa českého. Praha, 1935).

³³ F. Střejček. Kde domov můj? Praha, 1934; он же. Jak došlo k Fidlovačce. «Československo divadlo», 30.XI 1934; он же. Jazykové zvláštnosti naší hymny. «Naše řeč», 1934, № 8, стр. 225; он же. Tylova Fidlovačka. Praha, 1946.

³⁴ «Květy české», 1834, стр. 3.

зует ее народ, — пишет проф. Плавец. — В первой строфе несколькими мастерскими штрихами нарисована чешская земля, эти леса на горных склонах и вода в лугах зеленых, как их воспевали наши поэты-гуманисты и особенно романтики во главе с К. Г. Махой и Я. Нерудой. Как слова „tkví se jára květ“ напоминают „Балладу чешскую“ Неруды, воспевающую чешскую землю в мае! А „воды на лугах“ и „леса по скалам“ кажутся нам прямо образами гениального видения Сметаной чешской земли во „Влтаве“, „Чешских песен“ и симфонической поэмы „Из чешских лугов и лесов“»³⁵. Тыл прославляет чешский народ, главным образом крестьянство — ядро нации. Как прямая противоположность грубости и варварству, приписываемым народу врагам, здесь прославляется ясный ум народа, его трудолюбие и усердие, смелость и готовность к борьбе за свободу. Песня явилась как бы лирическим ступеньком основной идее «Фидловачки».

В следующем же году песня была опубликована в «Богемии» и напечатана в первом сборнике «Венка». Мелодичность и патриотический пафос ее способствовали тому, что песня стала обязательным номером репертуара патриотических бесед, праздников. Ее пели в школах, она звучала над могилами чешских патриотов, раздавалась на собраниях молодых писателей, в кружках Махи и Сабини. Ее знали и любили Челаковский, Хохолоушек, Боровский. Большую роль в пропаганде и распространении песни сыграли ее первые исполнители — бас К. Стракаты и баритон Й. Кр. Пишек³⁶, которые постоянно включали ее в свои концертные программы, исполняли во время гастрольных поездок по Западной Европе и Англии, где она пользовалась особой популярностью. Песня эта своей глубокой тенденциозностью и программностью хорошо выражала чувства тогдашнего чешского общества. Зазвучала она и 13 июля 1856 г. в Пльзне, когда патриоты провожали ее автора в последний путь. Друг Тыла, будитель проф. Йозеф Франтишек Сметана написал ее новый текст:

«Где родина твоя?
Окончен твой путь,
Доиграва трагедия жизни,
Любимый певец наш!»³⁷.

Несколько раз возникал вопрос о замене гимна в связи со стремлением чешских патриотов придать ему более героический характер. Директор Национального театра Шубрт предлагал сделать гимном хор из оперы Сметаны «Бранденбургцы в Чехии» «Uhodila naše hodina, otevřely se brány» на новый текст. Но эта попытка оказалась неудачной.

В 70-е годы Сметане было предложено написать музыку нового гимна, но великий композитор заявил: «Настоящий национальный гимн должен пробиться сам из сердца народа, и песнь, которую народ сам сделал своим гимном, останется им до тех пор, пока другая песнь не войдет в его сердце»³⁸.

«Фидловачка» занимает особое место в истории чешского музыкального театра еще и потому, что это была первая чешская пьеса с танцами, поставленным балетмейстером.

Пражский театр в это время не имел своего балета. В Сословном театре не было постоянного места балетмейстера. Слава пражского балета

³⁵ J. Plavec. Fr. Škroup. Praha, 1946, стр. 20—21.

³⁶ В 1844 г. в журнале «Кветы» Тыл посвятил ему специальную статью, где писал: «Мы с удовольствием пишем о нем, потому что он и на чужбине всегда оставался чехом и на самых торжественных концертах пел чешские песни» («Květy», 1844, стр. 382).

³⁷ F. F. Šamberk. J. K. Tyl. Obraz z celého života ve třech odděleních. Praha, 1946.

³⁸ J. Plavec. František Škroup. Praha, Orbis, 1946, стр. 22.

увяла с уходом со сцены пражской итальянской оперы Доменико Квардасони (1806 г.), при котором пользовался мировой известностью хореограф и танцор Луиджи Оливьери. Балет на пражской сцене представляла в это время пантомима. В целом ряде пантомим на сцене Сословного театра отличались два танцора: Вацлав Галитнер и Фридрих Фейгерт. Оба они охотно участвовали в чешских пьесах. В. Галитнер исполнял роль Жандарма в «Фидловачке».

Существенное изменение наступило после того, как директором Сословного театра стал И. А. Штогер (1 апреля 1834 г.). Было установлено место штатного балетмейстера. Им стал пражанин Иоган Рааб, до этого бывший танцмейстером придворной венской оперы. Рааб создает самостоятельный балет в составе 20 человек. И с этим балетом, который по необходимости дополнялся любителями, членами хора и драматической труппы, он начал свою плодотворную деятельность. В результате уже 21 декабря 1834 г. на афише, извещающей о премьере «Фидловачки», можно было прочесть: «Танцы г. балетмейстера Рааба».

Пьеса была насыщена танцами. И текст и музыка давали Раабу возможность включить в пьесу большое количество народных танцев. Хмеленский с удовлетворением отмечает это в своем реферате: «... Четвертую картину украшают, кроме отличных музыкальных номеров, танцы, мастерски поставленные г. Раабом»³⁹.

Интересно отметить, что в премьере «Фидловачки» 21 декабря 1834 г. приняли участие два самых значительных компетентных актера: Ян Кашка (Губинек) и Йозеф Вилем Грабингер (Ондржей), который сначала должен был исполнять роль Гвездолеского, но ее сыграл сам Тыл (в афише под именем «пан Крушны»). Впервые обратила на себя внимание исполнительница роли Лидушки Индржишка Реттигова — дочь известной писательницы. И Тыл и Хмеленский отметили ее удачный дебют⁴⁰. В постановке участвовало много актеров-любителей. Из любителей состоял хор дворян, слуганок, белошвеек, продавцов и т. д. Хореографический ансамбль также был дополнен любителями. Дирижировал сам Ф. Шкroup, который в то время был вторым капельмейстером Сословного театра и одновременно дирижером чешских вечерних представлений.

Вторично спектакль был показан 11 января 1835 г. Это было последнее представление при жизни Тыла. Встречен он был не так восторженно. Свою роль сыграла критика⁴¹ и то, что сам автор считал пьесу слабой и неудачной. Вот что рассказывает о дальнейшей судьбе пьесы народный художник Вацлав Выдра: «С полным основанием заявляю — я не помню, чтобы „Фидловачка“ шла где-нибудь еще помимо Праги. А ведь Тыл был один из немногих авторов, которых у нас играли везде и всюду. Самые незначительные труппы имели в репертуаре три-четыре его пьесы. Что касается «Фидловачки», то у директора не было даже рукописи текста. Пьеса была напечатана более чем через 40 лет после премьеры. Даже ди-

³⁹ «Česká včela», 1834, стр. 408.

⁴⁰ «Květy», 18.VI 1835; «Česká včela», 1834, стр. 408.

⁴¹ Немецкой критикой «Фидловачка» была встречена враждебно. Мюллер, усмотревший себя в образе Гвездолеского, которого играл сам Тыл, обрушился на пьесу. «...Тогдашний референт „Богемии“ считал, что он выведен в пьесе. После этого он написал рецензию, которая поразила спектакль одним ударом», — пишет Филиппек в своей монографии о Тыле (стр. 72). Мюллер упрекал автора за то, что описывались, да и то плохо, лишь темные стороны жизни, и советовал, прежде чем приступить к следующей попытке, изучить жизнь народа и с ее светлых сторон. А с мнением проф. Мюллера в это время считались не только критика, но и пражские зрители.

И И. К. Хмелевский в своей дружеской критике в журнале «Ческа вчела» советует автору «облагородить» материал для того, чтобы пьеса стала поэтическим произведением. Шкroup также обвиняли, что «собственные мелодии он вынул среди простонародных, что при всем богатстве отечественных напевов были слышны чужие мотивы» («Česká včela», 1834, стр. 407).

ректора́м, которые находились в близких отношениях к Прокопу, Крамерпусу, Кромру и Золнеру, у которого Тыл умер, не была известна рукопись «Фидловачки». Со времени премьеры в 1834 г. она находилась в архиве, куда ее положил сам автор и никогда к ней не возвращался, хотя и прожил потом 22 года. А он часто испытывал потребность в новых пьесах, писал иногда новую вещь за несколько дней, чтобы было что играть, а к «Фидловачке» не обращался. Вероятно, из обиды, что ее отвергла тогдашняя критика. Лишь песни ШкROUPа жили, а пьеса исчезла»⁴².

Ходили слухи, что Тыл уничтожил рукопись «крамольной» пьесы. Она была найдена лишь после смерти автора и опубликована в 1877 г., когда ее издатели Микулаш и Кнап включили пьесу в 146-й сборник своего «Театрального любителя». Неизвестно, какой текст служил для них основой. Произведение много потеряло от сокращений, партитура ШкROUPа вообще не принималась во внимание. Были оставлены лишь популярные песни, а были и такие места, где постановщику предоставлялась полная свобода. Например, в конце первой части 3-й картины читаем: «Сюда можно включить песню, если один из исполнителей умеет петь».

Второе издание вышло в 80-е годы, когда Турновский начал выпускать собрание сочинений Тыла у издателя Гынка. Турновский считал текст «Фидловачки», включенной в первый сборник театральных пьес, оригинальным, и никто не обратил внимания на большую разницу текстов изданий Микулаша и Турновского. Текст последнего был богаче, полнее, но и в нем были сокращения, некоторые слова были искажены. При перечислении участников были допущены ошибки. Так, например, Мареш назван не скрипачом, а музыкантом, Бетушка — не поводырем, а внучкой, и, наконец, на афише 1834 г. стояло: «четыре картины из жизни пражской», у Микулаша: «картины из жизни пражской с песнями в 4-х отделениях», а у Турновского: «картины народной жизни пражской с песнями и танцами в 4-х отделениях».

Издание Турновского служило за основу и Фр. Секанине, редактировавшему в 1906 г. драмы Тыла. На это издание опирался и А. Вениг, который поставил «Фидловачку» в 1917 г. на сцене театра в Крае. Виноградах.

Так через 83 года после премьеры была воскрешена «Фидловачка». 9 июня 1917 г. со сцены театра зазвучала песня Тыла и ШкROUPа «Где родина моя?». «Весь театр встал и громко пропел эту песню до конца со старым Марешом, которого играл Тернус»⁴³. «... Песню заставили повторить, и на этот раз пели все — от партера до галерки — с таким подъемом, свидетелем которого я еще никогда не был. Что же удивляться, что дрожали голоса актеров..., что после окончания представления нужно было еще раз поднимать железный занавес?»⁴⁴, — так описывает этот спектакль критик Г. Елинка.

В этом же году с большим успехом «Фидловачка» прошла и в Брно. Пьеса прочно вошла в репертуар театров, а в 1926 г. М. Гысек объявил, что он нашел подлинный текст пьесы в пльзенском музее и издал у Й. Штенсе с подробными комментариями, где сравнивал все прежние издания с оригиналом, содержащим замечания Тыла, исправления ШкROUPа, а также пометки постановщика чешских пьес в Сословном театре Я. Н. Штепанка. По этому тексту, вероятно, готовилась премьера в 1834 г. Рукопись в музей была сдана дочерью Турновского.

25 июня 1932 г., за два года до столетия со дня премьеры, «Фидло-

⁴² V. Vydra. Osudy Tylovy Fídlovačky. «J. K. Tyl. Fídlovačka nebo...». Praha, 1953, стр. 6.

⁴³ Там же, стр. 7—8.

⁴⁴ Там же, стр. 143.

вачка» в постановке Гилара пришла на сцену Национального театра, где с тех пор неоднократно шла с большим успехом.

В 1962 г. «Фидловачка» вновь была поставлена на сцене Национального театра. В связи с этим в газете «Литерарни новины» была опубликована статья Сергея Махонина под полемическим названием «Почему „Фидловачка“?»⁴⁵. Нельзя согласиться с автором, который довольно резко и необоснованно заявляет, что «Фидловачка» уже в свое время не стала ничем иным, как народной фразкой, написанной на среднем уровне, неглубокой пьесой». Весьма сурово отзываясь о постановке Богача, сделавшего из пьесы «сентиментальную идиллию», С. Махонин делает категорический вывод, что эта постановка «Фидловачки» на сцене Национального театра — «отклонение от святой обязанности социалистического театра».

Вряд ли стоит так сурово отзываться о пьесе, явившейся смелой творческой попыткой создать новый жанр чешского музыкально-драматического искусства и оставившей глубокий след в чешском искусстве.

Многочисленные воспоминания о пьесе и песне «Где родина моя?» мы находим в произведениях Светлой, Влчка, Неруды, Чеха, Гейдука, Сташека и многих других. О том, какой любовью пользовалась песня во многих уголках Чехии, писали А. Ирасек в своей хронике «У нас» и К. Райс в романе «Забутые патриоты».

В 1855 г. Йозеф Манес закончил одну из своих лучших работ — литографию «Родина», которая в следующем году получила в Вене премию «Союза художников» и была опубликована в журнале «Светозор» под названием «Где родина моя?».

В 1882 г. Антонин Дворжак написал музыку к драме Шамберка «Й. К. Тыл». Лейтмотивом ее явилась мелодия гимна, созданного Шкroupом.

В честь гимна скульптор В. Ремеш создал барельеф, на котором изобразил обоих творцов песни и первого ее исполнителя — Карла Стратогато.

Проф. Плавец справедливо подчеркивает, что премьера «Фидловачки» — событие в чешской театральной жизни не менее значительное, чем премьера «Швейцарской семьи» или «Дротаря». «В истории чешского театрального искусства „Фидловачка“ является первой сознательной попыткой актуальной пьесы, пьесы из современной и специфически характерной жизни, первой пьесой, которая не побоялась показать на сцене социальное разделение общества, и произведение, которое имело смелость открыто указать на недостатки этой системы»⁴⁶.

Особое место занимает «Фидловачка» и в истории чешской драматургии. Своим правдивым и ярким изображением национальной чешской жизни, значительной идейной основой пьеса отличалась от того, что жило до этого на чешской сцене. Она заложила реалистическую традицию чешской драмы. К «Фидловачке» можно с полным основанием отнести то, что много раз говорилось о поздних драмах Тыла: она отвечала на неотложные и важные вопросы национальной жизни и явилась боевым средством для их решения.

⁴⁵ «Literární noviny», 1962, č. 18.

⁴⁶ J. Plavec. František Škroup. Praha, Melantrich, 1941, стр. 238.

В. А. Дьяков

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ОФИЦЕРСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ КОНЦА 50-х — НАЧАЛА 60-х ГОДОВ XIX ВЕКА И ИХ РОЛЬ В ИСТОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ

Многие яркие страницы истории революционного движения времени падения крепостного права связаны с Петербургом — столицей страны и в то же время ее крупнейшим экономическим и культурным центром. В Петербурге особенно сильным было идейное влияние революционных демократов. Здесь издавался при деятельном участии Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова легальный орган русской революционной демократии — «Современник», здесь наибольшее распространение получили бесцензурная газета «Колокол» и другие выходившие в Лондоне издания А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В Петербурге возникли многие из тех революционных кружков, на базе которых в середине 1861 г. образовалась «Земля и воля»; здесь же действовал впоследствии ее Центральный комитет.

Петербург был крупнейшим центром революционного движения в военной среде. Это объяснялось не только повышенной интенсивностью идейно-политической жизни в столице, но и специфическим составом Петербургского гарнизона. В самом деле, в Петербурге находились: органы центрального военного управления; штаб и части Отдельного гвардейского корпуса; все три имевшиеся в русской армии высшие учебные заведения (Академия генерального штаба, Артиллерийская и Инженерная академии); многие средние военно-учебные заведения (1-й, 2-й Петербургские и Павловский кадетские корпуса, Школа гвардейских юнкеров, Константиновское, Артиллерийское и Инженерное военные училища). Здесь же находились Пажеский корпус, многие выпускники которого шли на военную службу, Офицерская стрелковая школа, располагавшаяся в Царском селе, и так называемые образцовые войска, а также значительное число офицеров, которые прикомандировывались под разными предлогами к расквартированным в столице частям и учреждениям.

В Петербурге жили тысячи выходцев из Царства Польского и западных губерний. Особенно значительной была польская прослойка среди учащейся молодежи: много поляков училось в названных выше военно-учебных заведениях, в университете, Технологическом и Лесном институтах, а также в Медико-хирургической академии, находившейся в те годы в ведении военного министерства и выпускавшей преимущественно военных врачей. В Петербурге выходил, хотя и очень недолго, журнал

«Słowo», созданный при участии видных деятелей польского национально-освободительного движения Эд. Желиговского, З. Сераковского и Ю. Огрызко. Здесь возникло и активно действовало польское студенческое землячество и ряд оппозиционных военно-студенческих кружков, в которых уроженцы Царства Польского и западных губерний играли видную роль. Поэтому не удивительно, что Петербург стал местом, где развивались и крепились контакты между русскими и польскими революционерами, где идея русско-польского революционного союза имела большое число сторонников.

Еще в 1859—1860 гг. русская революционная демократия выработала широкую программу подготовки революции, которая должна была завершиться ликвидацией феодально-крепостнических порядков и свержением самодержавия. Эта программа, в основных своих чертах принятая лондонским и петербургским революционными центрами, первостепенную роль отводила армейским революционным организациям. В конспиративном документе «Цель русского движения», относящемся к 1860 г. и выработанном, несомненно, при участии приезжавших в Лондон армейских революционеров, Огарев писал: «Так как восстание неизбежно, то надо его устроить и направить в разумном порядке, отнюдь не кровопролитно и не разорительно. Такое восстание, идущее строем, можно только образовывать в войсках. Для этого надо составить офицерские общества для разъяснения солдатам цели и необходимости восстания. Образование таких обществ должно быть преимущественно и усиленно вырабатываемо в войсках, стоящих на окраинах государства: на Кавказе с Доном и Черноморьем, на Урале с Приволжьем, в Польше с западными губерниями. Образовавшись, общества должны принять начальство над войсками и вести их таким образом со всех концов па Москву и Петербург, всюду подымая народ на содействие и умножаясь прибылыми охотниками-ратниками...»¹.

Можно спорить о том, правильно ли оценивали революционные демократы 60-х годов действительную роль армейских организаций в подготавливаемом ими свержении царизма. Однако нет никакого сомнения, что они далеко продвинулись вперед по сравнению с декабристами, что они внесли новое в тактику борьбы и организационные формы движения. Как видно из приведенной выше цитаты, шестидесятники рассчитывали не только и даже, пожалуй, не столько на офицерские общества, сколько на сознательное участие в революции солдатских масс и значительного числа добровольцев из народа. Думается, что в эпоху падения крепостного права, когда в отличие от начала XX в. за пределами армии не было сколько-нибудь значительных контингентов трудящихся, прошедших военное обучение и способных влиться в революционные войска, когда офицерский корпус был в значительной мере охвачен антиправительственными настроениями, выдвижение па первый план армии имело под собой гораздо более прочную реальную почву, чем это кажется с первого взгляда.

Призывая к созданию революционных организаций в войсках, издатели «Колокола» предлагали свои услуги для установления контактов между ними и вносили практические предложения относительно их финансовой базы. В документе «Цель русского движения» говорится: «Чтобы, пока идет образование восстания войск, офицерские общества разных местностей могли иметь между собой узел сношения и заявлять свое дело гласно печатным словом, — надо каждому из них войти в постоянные сношения с нами, людьми, поставленными в Лондоне вне преследований казенной полиции. Для успеха образования восстания нужно

¹ М. В. Нечкина. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.). «Литературное наследство», т. 61, М., 1953, стр. 501.

во всех войсковых центрах учредить денежные сборы из посыльных приношений каждого на общее дело, поручая кассы избранным офицерам»².

Идея создания революционных организаций вообще и армейских в частности широко пропагандировалась, начиная с 1860 г., на страницах «Колокола» и других изданий Вольной русской типографии. Так, в относящейся к осени 1860 г. статье «Сербы и черногорцы» Герцен писал: «Другая Россия, вне дворца, вне табели о рангах, растет; она слаба, но и Зимний дворец не так крепок [...]. Другая Россия приветствует вас своими братьями, протягивает вам руку[...]». Да где она, эта другая Россия? — Это трудно сказать — много посторонних нас слушают, но ищите и обрящите. На первый случай мы предлагаем вам наш вольный заграничный орган, чтоб перекликнуться с Россией»³. В статье «На новый год», опубликованной в «Колоколе» от 1 января 1861 г., Огарев обратился с призывом увеличивать «число образованных русских офицеров так, чтоб правительственная бездарность не могла опираться на пытки и рассчитывать на пушки»⁴. Пропаганду тех же идей в иносказательной форме вел «Современник», а с 1861 г. ее развернули появившиеся в России нелегальные издания. «В подметных прокламациях, — писал сенатор А. Ф. Голицын в 1862 г., — высказываются те же самые [...] учения, которые развивал Чернышевский, с тою лишь разницей, что в прокламациях они не прикрыты ученой диалектикой, а являются в безискусственной форме»⁵.

В цитированной выше рукописи «Цель русского движения» на первый план выдвинуты периферийные революционные организации (в том числе и военные), и это создает впечатление, будто революционным силам столицы отводится второстепенная роль. По-видимому, такое впечатление в значительной мере случайно. Во всяком случае другой конспиративный документ Огарева «Заграничные общества», относящийся к лету 1862 г., оставляет совершенно иное впечатление. Здесь Петербург неоднократно называется первым из важнейших революционных центров⁶. Характеризуя его, Огарев пишет: «Наверно в Петербурге есть не один кружок, а несколько, и состав их офицero-студентский, военно-литературный. Столкновений, т. е. сближений с народом (кроме офицеров с солдатами) мало, и они очень мнимы, потому что у литературных людей есть свои коньки: поговорили с извозчиком — значит есть сближение с народом; между тем как его в сущности нет, потому что нет резких общих обем сторонам местных интересов землевладения и общественного устройства»⁷. Перечисляя места сосредоточения войск и оценивая их революционный потенциал, Огарев специально выделяет строчку: «Генеральный штаб и Военная академия — 460 офицеров»⁸. Сравнивая отдельные военные центры, Огарев делает следующий вывод: «Следственно, военные центры регулярного войска составляют по важности: Петербург, Варшава, Житомир, Кавказ, Одесса»⁹. Определяет Огарев и специфические задачи армейских революционеров, действующих в столице. «Петербургский центр, — пишет он, — должен охватить военную академию и, может, даст талантливых людей для других местностей. Если можно достигнуть, чтоб гвардия, выступавшая против периферии, не дралась [и] присоединилась — это desideratum»¹⁰.

² «Литературное наследство», т. 61, стр. 501.

³ «Колокол», 1.XI 1860 г., № 84, стр. 698.

⁴ «Колокол», 1.I 1861 г., № 89, стр. 749.

⁵ «Процесс Н. Г. Чернышевского». Саратов, 1939, стр. 267.

⁶ «Литературное наследство», т. 61, стр. 503, 504, 508, 510.

⁷ Там же, стр. 503.

⁸ Там же.

⁹ Там же, стр. 504.

¹⁰ Там же, стр. 510.

История петербургских офицерских кружков эпохи падения крепостного права затрагивалась многими дореволюционными и советскими историками¹¹. Но имеющаяся литература не дает цельной картины и пока не содержит таких работ, которые бы ставили перед собой подобную задачу¹². Между тем важность решения этой задачи, как для изучения генезиса «Земли и воли», так и для правильной характеристики, оценки исторического значения каждого отдельного офицерского кружка, совершенно очевидна.

Наиболее разработанной является история кружка Сераковского—Домбровского. Она в той или иной мере освещалась в работах, вышедших в царской России, и в трудах польских буржуазных историков¹³. Большой фактический материал, собранный в них, далеко не всегда дает правильное представление о событиях, так как авторы по разным соображениям стараются преувеличить влияние польских конспиративных организаций на офицерские кружки в Петербурге, а связи последних с «Землей и волей» либо не замечают вовсе, либо недооценивают, отрицают близость между землевольческими и офицерскими кружками в программе и в практической деятельности. Под иным углом зрения рассматриваются эти вопросы советскими исследователями и польскими историками-марксистами, неоднократно касавшимися истории петербургской организации как в работах по смежным темам¹⁴, так и в специальных

¹¹ См., например, Л. Кульчицкий. История русского революционного движения, т. I. СПб., 1908; С. С. Татищев. Социально-революционное движение в России. Первое десятилетие 1861—1871 гг. Рукопись. ЦГАОР, Библиотека, инв. № 16100; М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов. М.—Пг., 1923; Н. Макеев. Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника». М., 1950; Н. Н. Новикова. «Великорусс» и его место в демократическом движении периода революционной ситуации 1859—1861 гг. Рукопись диссертации. МГУ, 1951; Р. А. Таубин. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии» в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. «Исторические записки», т. 39 (М. 1952), стр. 59—97; он же. Борьба Н. Г. Чернышевского за армию в период редактирования им «Военного сборника». «Ученые записки Ульяновского педагогического института», т. 8 (1956) и т. 10 (1957).

¹² В специальном монографическом исследовании В. Е. Фильгуса «Революционное движение в России и русская армия в годы первого демократического подъема (1861—1863)», которое автор в 1949 г. защитил в качестве кандидатской диссертации, есть параграф, посвященный офицерским кружкам (стр. 201—211). Он, однако, очень невелик и не содержит систематического и полного перечня кружков. Книга А. В. Федорова «Общественно-политическое движение в русской армии. 40—70-е гг. XIX в.» (М., 1958), как это уже отмечалось в печати, по содержанию, а отчасти и текстуально повторяла работу В. Е. Фильгуса во всем, что касалось революционного движения 60-х годов, в том числе и в отношении офицерских кружков в Петербурге.

¹³ Н. В. Гогель. Иосафат Огрызко и Петербургский революционный ржонд в деле последнего мятежа. Вильно, 1867 (далее — Иосафат Огрызко...); Н. И. Цилов. Сигизмунд Сераковский и его казнь с предшествующими манифестациями в Вильно в 1861—63 годах. Вильно, 1867; J. Białynia-Chołodęcki. Kółko polskie oficerów w Petersburgu w r. 1860—1861 (далее — Kółko oficerów...). В кн.: «Księga pamiątkowa». Lwów, 1904, стр. 9—16; W. Przyborski. Historia dwóch lat, t. IV. Kraków, 1895, стр. 216—230; W. Koszczyc. Zygmunt Sierakowski naczelny wódz Żmudzi w r. 1863. Lwów, 1891.

¹⁴ И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954, стр. 101—135; А. Ф. Смирнов. Сигизмунд Сераковский. М., 1959, стр. 68—87; он же. Революционные связи народов России и Польши. 30—60-е годы XIX века. М., 1962, стр. 144—174 и др. (далее — Революционные связи...); Г. В. Богданов, В. А. Дьяков. Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861—1863 гг. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 489—637 (далее — Алфавит...); J. Kowalski. Rewolucyjna demokracja rosyjska a powstanie styczniowe. Warszawa, 1955, стр. 127—200; W. Kordowicz. Konstanty Kalinowski. Warszawa, 1955, стр. 53—69; K. Dunin-Wasowicz. Zygmunt Padlewski «Z dziejów współpracy rewolucyjnej Polaków i Rosjan w drugiej połowie XIX wieku». Wrocław, 1956, стр. 71.

исследованиях¹⁵. Но тема еще не получила всестороннего и исчерпывающего освещения. В числе весьма важных вопросов, требующих дальнейшей разработки, можно назвать, например: время и обстоятельства возникновения кружка Сераковского—Домбровского; его численность, национальный и социальный состав; основные этапы развития, внутренняя структура и характер деятельности кружка, его отношения с другими польскими и русскими революционными организациями (с так называемым «Тройничким союзом» в Киеве, Комитетом русских офицеров в Польше, конспиративными организациями партии красных и варшавским ЦНК, с землевольческими кружками и ЦК «Земли и воли»).

Таким образом, в настоящее время в литературе нет сколько-нибудь полного описания деятельности армейских революционеров Петербурга в целом (безотносительно к тому, в какую организацию они входили), как нет еще и подробного освещения истории каждой из этих организаций. Между тем без общей картины революционного движения в Петербургском гарнизоне невозможно уяснить место и значение каждого отдельного кружка, а без приблизительного хотя бы выяснения характера и судьбы отдельных кружков невозможно воссоздать общую картину движения. Попытка решить эту двудединую задачу и составляет цель данной работы. Другой ее целью является освещение русско-польских революционных связей в масштабе всего Петербургского гарнизона, а не применительно к одному лишь кружку Сераковского—Домбровского, как это до сих пор фактически делалось. В первой части работы дается краткий очерк истории тех революционных кружков, в которых участвовали военнослужащие Петербургского гарнизона. Далее рассматривается сотрудничество кружков друг с другом, их совместные выступления, вопрос о существовании федеративных связей между ними, а также делается попытка установить, как были связаны эти кружки с «Землей и волей» и польскими конспиративными организациями. В качестве приложения даны материалы для реконструкции численности и персонального состава революционных кружков в Петербургском гарнизоне.

Краткий очерк истории петербургских офицерских кружков целесообразно начать с кружка Сераковского—Домбровского, как наиболее значительного по размерам и самого активного в практической деятельности. Так как история этого кружка изучена сравнительно неплохо, представляется возможным, не останавливаясь на известном, сосредоточить внимание на нескольких принципиальных вопросах, требующих определенных дополнений и уточнений.

В первую очередь это может быть отнесено к вопросу о времени и обстоятельствах возникновения кружка. Ряд имеющихся работ не содержит точных данных о времени возникновения кружка, в других работах это событие датируется, но предлагаемые даты весьма существенно отличаются друг от друга. Один из видных деятелей польской конспиративной организации партии красных Оскар Авейде, черпавший свои сведения из рассказов З. Падлевского, Бр. Шварце и других весьма осведомленных лиц, писал, что революционные офицерские кружки в столице возникли «с появлением в Петербурге Сигизмунда Сераковского и под его влиянием»¹⁶. Член Виленской следственной комиссии Н. В. Готель заявлял на основании прошедших через его руки сведений буквально то же самое; он писал, что офицерские кружки стали образовываться

¹⁵ «Русско-польские революционные связи», т. 1. М., 1963, стр. 197—351 (далее — РПРС, т. 1); В. Р. Лейкина-Свирская, В. С. Шидловская. Польская военная революционная организация в Петербурге (1858—1864 гг.). «Русско-польские революционные связи 60-х годов XIX в. и восстание 1863 г.». М., 1962, стр. 7—48; С. И. Шкроб. Восстание 1863 г. и петербургский революционный центр (И. Огрызко). Рукопись диссертации. Б-ка МГУ, 1944.

¹⁶ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 96.

вскоре после вступления на престол Александра II «с появлением в Санкт-Петербурге Сигизмунда Сераковского и под его влиянием»¹⁷. Ю. Бялыня-Холодецкий, пользовавшийся в качестве источников какими-то мемуарами участников восстания (прямых ссылок на источники в тексте нет) и печатными материалами повстанческого происхождения, датировал возникновение кружка октябрем 1860 г.¹⁸ Не совпадает датировка и в последних исследованиях советских специалистов: А. Ф. Смирнов считает, что организация, которую возглавляли Сераковский и Домбровский, «возникла [...] примерно на рубеже 1856—1857 гг.»¹⁹, тогда как В. Р. Лейкина-Свирская и В. С. Шидловская датируют это событие 1859 г.²⁰

Представляется, что наиболее правильным будет датировать возникновение кружка второй половиной 1857 г. Это подтверждается прежде всего тем, что буквально все источники связывают возникновение кружка с возвращением в Петербург З. Сераковского (июль 1856 г.) и с его зачислением в Военную академию (август 1857 г.). Осенью 1856 г. Сераковский сделал первую неудавшуюся попытку поступить в Академию; с самого своего приезда он готовился к экзаменам вместе с другими абитуриентами, завязывал знакомства в их среде; с апреля 1857 г. он был прикомандирован сначала к штабу Отдельного гвардейского корпуса, а затем к Арзамасскому пехотному полку и снова начал подготовку к вступительным экзаменам²¹. Весьма возможно, что уже в этот период стало постепенно возникать ядро будущего кружка, но окончательно он сложился, по-видимому, лишь во второй половине 1857 г.

Ценные сведения о времени и обстоятельствах возникновения кружка Сераковского имеются в «Записках и заметках» М. А. Домонтовича²², обнаруженных недавно в ЦГВИА²³. «В 1856 г., — вспоминает Домонтович, — я готовился к поступлению в [...] Академию [...]. Сераковского до этого времени не только не знал, но и ничего о нем не слышал. Раз как-то ко мне утром зашел какой-то армейский офицер и назвал себя прапорщиком Сераковским, тоже собиравшимся поступать в Академию и желавшим получить от меня какие-то записки. Оказалось, что его ко мне направил бывший мой товарищ по корпусу Савицкий — тогда уже офицер гвардейского генерального штаба, а впоследствии тоже замешанный в польское восстание и эмигрировавший в Галицию. Сераковский как-то залпом и без передышки передал мне свою биографию, выставил себя мучеником и жертвой деспотизма времен Николая I, говорил о поступлении много времени [...]; прощаясь со мной, с пафосом добавил: «Я украинец с правого берега Днепра, а вы — левого! Крепко, крепко жму вам руку». По словам Домонтовича, поступив в Академию на следующий год, «Сераковский как-то сразу сумел войти в доверие и даже сблизиться с некоторыми из молодых профессоров, искавших популярности [...]. Руководствуясь указаниями и отзывами Сераковского и его приятелей, даже такие, по-видимому, независимые люди, как Обручев, делали несправедливости и, считая фразерство признаком развития и способностей, выдвигали таких будущих проходимцев, как Гейнсы, Но-

¹⁷ Н. В. Гогель. Иосафат Огрызко..., стр. 56.

¹⁸ J. Białunia-Chołodecki. Kółko oficerów..., стр. 9.

¹⁹ А. Ф. Смирнов. Революционные связи..., стр. 157.

²⁰ В. Р. Лейкина-Свирская, В. С. Шидловская. Указ. соч., стр. 20.

²¹ В. А. Дьяков. Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 83.

²² Михаил Алексеевич Домонтович (1830—1902) учился в Военной академии в 1856—1858 гг.; впоследствии генерал-от-инфантерии; подробнее о нем и его «Заметках» см.: «Военно-исторический журнал», 1959, № 1, стр. 120—121. А. Ф. Смирнов ошибочно называет автора «Заметок» Демонтовичем («Революционные связи...», стр. 173, 400).

²³ ЦГВИА, ф. 242, оп. 1, д. 2, лл. 1—10.

вицкие и иные. Этого было, конечно, [достаточно], чтобы увеличивать число приятелей Сераковского, сделавшегося центром и силой в его выпуске».

Из приведенных цитат видно, что Домонтович, не понимающий мотивов, которыми руководствовались Сераковский и его единомышленники, по резко враждебный их политическим взглядам, старается свести все к личным качествам деятелей, их симпатиям и антипатиям. Если сделать соответствующие коррективы, то его воспоминания могут довольно четко и правильно обрисовывать условия, в которых возникал кружок, характер действий Сераковского и круг его ближайших друзей. В числе последних, как явствует из воспоминаний, кроме Я. Савицкого, Н. Н. Обручева, В. К. Гейнса, Н. Д. Новицкого, уже названных выше, были Я. Станевич, К. Левицкий, В. Добровольский. «Ближайшими помощниками Сераковского в Академии, — вспоминает Домонтович, — были Станевич, его товарищ по ссылке в оренбургских степях, Добровольский и Левицкий. Станевич, бывший кадет, по своему образованию, конечно, был несравненно ниже Сераковского, но бесспорно обладал большим умом, революционной выдержкой, житейским тактом и характером. Вечно молчаливый и сосредоточенный, он, так сказать, был скрытой волей готовящейся смуты, тогда как Сераковский — только пиротехником и музыкантом революционных страстей». О других Домонтович пишет с такой же злобой; но наряду с претендующими на остроумие враждебными выпадами, в его «Заметках» содержится ценный фактический материал. В. М. Добровольский, по словам Домонтовича, был неспособным и малограмотным, «но, примкнувши к клике Сераковского, он скоро усвоил себе либеральный жаргон и, с грехом пополам произнося прудоновскую фразу «la propriété c'est le vol», начал слыть «подающим большие надежды» и «требующим внимания и поощрения». К. В. Левицкого Домонтович живописует как типичного представителя «мелкой, забитой и голодной белорусской шляхты», которого «Сераковский и другие [руководители] польской sprawy» держали в тени, «не желая выставлять в первые ряды, оставляли его в резерве на будущее время».

Сведения Домонтовича, являвшегося в данном случае сторонним наблюдателем, подтверждаются сохранившимися мемуарами участников кружка. Я. Станевич в своих воспоминаниях, написанных в 1886 г. и предельно лаконичных в описании подпольной деятельности, упоминает о том, что в 1857 г. он участвовал в кружке, ядром которого были З. Сераковский, Э. Желгowski и В. Спасович²⁴. Н. Д. Новицкий, вспоминая о своем участии в революционных кружках среди слушателей Военной академии, также датирует их возникновение 1857 г. Он пишет: «...Прилив слушателей был в 1857 г. небывало велик, представляя поэтому еще большую, чем обыкновенно, пеструю смесь представителей всех родов оружия, людей, если почти и одинаковых по уровню образования, то различных по воспитанию, а еще больше по материальным средствам и по классам общества, из которых они вышли. Такая пестрота при общности научных интересов, ввиду к тому же одинаковости службы, к которой мы подготовляли себя, не помешала, однако, нашему довольно скорому сближению друг с другом. Правда, мы не составляли одного общего, плотно связанного кружка, чего, впрочем, и не могло быть уже по одному числу лиц нашего курса, доходящего до 80 человек. Но мы не разбивались, однако, и на кружки, крепко в себя замкнутые, а тем более враждебные друг другу...»²⁵. Несколько ниже Новицкий, рассказывая о своих посещениях квартиры З. Сераковского и знакомстве с Н. Г. Чернышевским, указывает, что описываемое им событие произошло месяца через три

²⁴ «Wspomnienia o Zygmuncie Sierakowskim. Wyjątki z pamiętnika Jana Staniewicza». Kowno, 1939, стр. 15.

²⁵ Воспоминания Н. Д. Новицкого о Чернышевском и Добролюбе. «Литературное наследство», т. 67. М., 1959, стр. 95—96.

после его (Новицкого) прибытия в Петербург, т. е. во второй половине 1857 г.²⁶

Приведенные выдержки из источников позволяют довольно обоснованно решить вопрос о датировке возникновения кружка Сераковского. Одновременно они в той или иной степени затрагивают другой весьма существенный вопрос: об отношениях и связях кружка с другими революционными организациями в Петербурге и за его пределами. У Домбровского, например, упомянут Н. Обручев, входивший в кружок оппозиционно настроенных профессоров военных академий; у Станевича назван кружок, подготовивший несколько позже издание польской газеты «Słowo»; свидетельство Новицкого затрагивает проблему взаимоотношения кружка Сераковского с Чернышевским, Добролюбовым и их окружением.

Советские и польские исследователи в работах последних лет немало внимания уделяют внутренней структуре кружка Сераковского—Домбровского и его взаимоотношениям с так называемым «Тройницким союзом», созданным киевскими студентами вскоре после Крымской войны, с польскими конспиративными организациями на территории Российской империи и с польской революционной эмиграцией, с революционной организацией русских офицеров в Польше, с руководящими органами «Земли и воли» и ее петербургскими и периферийными организациями. В том, что написано, есть еще некоторые неясности и противоречия в немаловажных вопросах. Думается, что проистекают они от одностороннего и недостаточно критического подхода к некоторым из имеющихся источников.

Так, отдельные места статьи В. Р. Лейкиной-Свирской и В. С. Шидловской позволяют считать кружок Сераковского—Домбровского чем-то вроде дочерней организации киевского «Тройницкого союза». Это ошибочное, на мой взгляд, представление основывается на показаниях Ф. Варавского, В. Коссовского, В. Миладовского, Н. Васьяковского и М. Черняка²⁷, которые в одних случаях по недостаточной осведомленности, в других — намеренно, для обмана следствия, сильно преувеличивают значение киевских конспиративных организаций и прочность связей с ним столичного офицерского кружка. Причиной, а одновременно и следствием того представления, которое создается этими местами статьи, является свойственное ее авторам явное игнорирование первого этапа истории кружка (1857—1859 гг.), когда во главе его стоял не Домбровский, а Сераковский, когда те, кто впоследствии выдвигал на первый план киевские связи, в большинстве своем не только не входили еще в кружок, но и не находились в Петербурге. Игнорируя первый этап истории кружка, авторы статьи не уделяют достаточного внимания тем источникам, которые содержат доказательства чисто местного, петербургского его происхождения (важнейшие из этих источников цитировались выше).

Другое ошибочное, на мой взгляд, представление, очень распространенное в старой, но иногда проскальзывающее и в новой литературе, заключается в том, что кружок Сераковского—Домбровского ставится в генетическую зависимость от польских конспиративных организаций в Варшаве или от польских эмигрантских организаций, в частности от группы Л. Мерославского и Централизации Демократического общества²⁸. Данное представление основывается, с одной стороны, на несомненно

²⁶ Там же, стр. 99.

²⁷ Об истории и содержании этих показаний см.: В. Р. Лейкина-Свирская, В. С. Шидловская. Указ. соч., стр. 8—18.

²⁸ См., например, в работе А. Ф. Смирнова, где говорится: «По-видимому, союз Сераковского примыкал к Централизации Демократического общества» (Революционные связи..., стр. 159).

предвзятой версии следственных органов царизма²⁹, с другой — на некоторых не совсем объективных мемуарных свидетельствах, в том числе на таком чисто публицистическом произведении, как «Воспоминания» Л. Мерославского³⁰. Следственные органы по вполне понятным политическим соображениям связывают Сераковского и его кружок с Варшавой, а Мерославский из-за своего неумного эгоцентризма пытается выдать их за свою агентуру, хотя тут же рассказывает такие вещи, которые опровергают такую версию. Кружок петербургских офицеров поддерживал связи с конспиративными организациями в Царстве Польском, причем регулярными и тесными они стали, по-видимому, с конца 1860 — начала 1861 г. Через З. Сераковского кружок в 1860 г. установил также связь с Л. Мерославским. Но и в первом и во втором случае речь может идти о сотрудничестве, о той или иной степени влияния, но ни в коей мере не об отношениях подчинения. Не менее тесные контакты кружок имел с революционными организациями Вильно и Киева, не говоря уже о петербургских революционных кружках, влившихся впоследствии в «Землю и волю».

Кроме этого, характер взаимоотношений кружка Сераковского — Домбровского с ЦНК партии «красных» искажается нередко в результате того, что не учитывается эволюция этих отношений, причем то особое положение, которое сложилось в первые месяцы восстания, выдается за норму для предшествующего периода, хотя для этого нет достаточных оснований. Не совсем точно оценивается и само это положение. «Петербургский комитет, — читаем, например, в статье Лейкиной-Свирской и Шидловской, — широко развернул свою деятельность после начала восстания [...]. Организационно, как и другие комитеты, он подчинялся Варшаве, но в своей деятельности он гораздо больше зависел от Виленского комитета, и в конце концов Жонд Народовый вынужден был перевести его в непосредственное подчинение последнего. В феврале 1863 г. Огрызко получил назначение от С. Бобровского быть агентом Центрального Национального комитета (т. е. Жонда) в Петербурге и вошел в состав Комитета»³¹. В действительности дело обстояло далеко не так просто и ясно. Правда, многие варшавские деятели мечтали о полном подчинении им столичной офицерской организации, а некоторые верили в то, что добились этого. Фактически же отношения сотрудничества самостоятельных равноправных организаций, существовавшие до начала восстания, мало изменились и впоследствии³². Назначение И. Огрызко было предварительно согласовано с З. Сераковским, а в Петербургском комитете Огрызко вовсе не играл решающей роли: он был одним из нескольких его членов. Да и сами отношения Огрызко к Жонду едва ли были на деле отношениями подчиненности в полном смысле этого слова³³. Еще более

²⁹ Предвзятость этой версии отчетливо видна, например, у Н. В. Гогеля — см. «Иосафат Огрызко...».

³⁰ «Pamiętnik Mierosławskiego (1861—1863)». Warszawa, стр. 5, 12, 28, 150 и др.

³¹ В. Р. Лейкина-Свирская, В. С. Шидловская. Указ. соч., стр. 43.

³² О. Авейде, например, пишет об этом следующее: «...Падлевский получил поручение в первой половине декабря месяца [1862 г.] отправиться в С.-Петербург с целью (между прочим) войти в сношения с Комитетом Коссовского, подчинить его Центральному комитету [...]. Через неделю Падлевский возвратился в Варшаву и в результате своей поездки узнал, что Комитет Коссовского существует на самом деле, но что не желает быть от нас в зависимости и будет сохранять свою полную самостоятельность до минуты восстания, с этого же времени перейдет в распоряжение революционного правительства» («Показания и записки...», стр. 493).

³³ В этом не оставляют сомнения показания В. Коссовского, И. Огрызко, В. Опозного (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 24—25, 102—103; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 558, лл. 176—181); О. Авейде в одном из своих показаний писал: «Вообще сношения Огрызко с Революционным правительством были весьма скудные, письменного рапорта он никогда не присылал, а отве-

это относится к «Комитету движения» в Вильно. До конца 1862 г. иногда правильнее было бы говорить о «подчинении» «Комитета движения» петербургской офицерской организации во главе с Сераковским. С началом восстания между ними существовало тесное сотрудничество, но «непосредственного подчинения» Петербурга Вильно, конечно, не было, как, впрочем, не было никогда и полного подчинения Вильно Варшаве³⁴.

Большой и интересный вопрос о внутренней структуре организации довольно слабо и весьма противоречиво освещается источниками. Чего-либо хотя бы отдаленно напоминающего программу и устав не сохранилось³⁵. В показаниях Ф. Варавского, В. Коссовского, В. Миладовского М. Черняка говорится о якобы принятой в организации системе «десяток», состоявших из трех «троек» во главе с «десятским»; три «десятка» возглавлял «тридесатский», а во главе «сотни» (по другим данным, во главе всех членов организации в одном городе) стоял «старший». Вероятно, намерения придерживаться такой системы у организаторов кружка были, но осуществить их на практике не удалось. Это подтверждают показания Н. Васильковского, Ст. Рудомино, В. Миладовского и других рядовых участников кружка, каждый из которых знал не двух-трех, как предусматривала система десятков, а гораздо большее число своих соратников. «Литературные вечера» на квартире Я. Домбровского и его товарищей также совершенно противоречат самому смыслу «десятичной» системы. Представляется, что фактически среди генштабистов и близких к ним лиц существовало довольно значительное число связанных друг с другом небольших кружков, руководители и наиболее активные деятели которых составляли организацию, известную нам под названием кружка Сераковского—Домбровского, а по-существу представлявшую собой что-то вроде ядра или центра их федеративного объединения (союза).

Во главе организации в первое время стоял инициатор ее создания и один из наиболее политически зрелых и энергичных ее участников З. Сераковский (до конца 1859 г.). С того момента, как начали проводиться «литературные вечера», появилась выборная должность председательствующего на них, совпадающая с постом руководителя организации³⁶. На протяжении примерно двух лет (до января 1862 г.) этот пост занимал Я. Домбровский, причем заместителем на случай его отсутствия был избран Ф. Варавский³⁷. После отъезда Я. Домбровского в Царство Польское одним из председателей, по свидетельству М. Черняка, являлся Б. Погоржельский³⁸. Во второй половине 1862 г. к руководству пришел Комитет из трех человек: Э. Юндзилла, В. Коссовского и В. Опоцкого. Секретарские обязанности с этого времени, а возможно и до возникновения Комитета, исполнял Я. Станевич³⁹. С февраля 1863 г. по рекомендации З. Сераковского, принятой руководством партии красных в Варшаве, в Комитет вошел И. Огрызко, являвшийся одновременно агентом Жонда Народового в Петербурге⁴⁰. Примерно в августе 1863 г. Огрызко был заменен Ф. Рымовичем; к этому времени Юндзилл уже находился под арестом, а Коссовского и Опоцкого не было в Петербурге⁴¹. Так что Ко-

чал на данные ему поручения посредством Виленского комитета» (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 97).

³⁴ Подробнее см.: А. Ф. Смирнов. Революционные связи..., стр. 233—250.

³⁵ Утверждение А. Ф. Смирнова (см. указ. соч., стр. 158) о том, что «офицерская организация, созданная Сераковским и Калиновским, имела устав», насколько мне известно, не подтверждается источниками.

³⁶ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 287—295.

³⁷ Там же, лл. 188—191.

³⁸ Там же, л. 10.

³⁹ J. Staniewicz. Wspomnienia o Zygmuncie Sierakowskim. Kowno, 1939, стр. 40.

⁴⁰ В. Р. Лейкина-Свирская, В. С. Шидловская. Указ. соч., стр. 43.

⁴¹ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 98—99.

митет, если он продолжал существовать, действовал в ином, неизвестном пока составе. После окончания Академии генерального штаба (декабрь 1859 г.) З. Сераковский, не входя формально в руководство организации, фактически всегда оказывал весьма значительное влияние на ее деятельность.

Относительно численности организации в имеющейся литературе высказаны различные мнения. В списке посетителей «литературных вечеров», опубликованном Ю. Бялыней-Холодецким, фигурирует всего 17 офицеров⁴². А. Ф. Смирнов отмечает в своей книге, что судебно-следственные материалы позволяют назвать фамилии примерно 70 участников кружка, но высказывает убеждение, что «организация насчитывала значительно больше лиц, чем сейчас можно установить по следственно-судебным данным»⁴³. В. Р. Лейкина-Свирская и В. С. Шидловская заявляют по этому поводу следующее: «В настоящее время известно около 100 лиц, так или иначе причастных к деятельности кружка и Петербургского комитета, хотя установить членство многих из них в организации не представляется возможным»⁴⁴. Что касается персонального состава, то фамилии, называвшиеся в различных источниках и исследованиях, до сих пор не сведены в единый список, в котором были бы указаны основания для отнесения к числу участников кружка каждого названного лица. А без такого списка едва ли возможна дальнейшая исследовательская работа в данной области.

Приложение к настоящей работе содержит исходные данные для такого списка. В списке лиц, отнесенных к кружку Сераковского — Домбровского, значится 170 человек. С учетом тех, кто входил в кружок, участвуя одновременно в других организациях, число вероятных его членов за шесть лет существования кружка достигает примерно 200 человек. Поскольку время участия в кружке в подавляющем большинстве случаев составляет примерно два года (срок обучения в военных академиях), то можно предположить, что одновременно в кружок могли входить в среднем 70—80 человек, причем в 1857—1859 гг. их было, по всей вероятности, несколько меньше, а в 1861—1863 гг. несколько больше названной средней цифры.

Примерно одну треть кружка составляли прапорщики и подпоручики, около половины — офицеры в чине поручика, штабс-капитана (штабс-ротмистра), капитана (ротмистра); офицеров в чине майора — полковника было немногим более 2%, примерно столько же — воспитанников средних военно-учебных заведений, около 1% — военно-медицинского персонала и чиновников военного ведомства и около 5% — невоенных — студентов, представителей столичной интеллигенции (см. табл. 1). Эти статистические подсчеты подтверждаются рядом свидетельств современников, в частности воспоминаниями Д. А. Милютин. «После возвращения Сераковского из ссылки, — писал Милютин, — вокруг него организовался тайный кружок, к которому он привлек молодежь: с одной стороны, офицеров, чиновников, юнкеров, с другой — студентов Университета, Медико-хирургической академии и других высших учебных заведений»⁴⁵.

Имеющиеся сведения о вероятных участниках кружка показывают, что примерно половину из них составляли лица, родившиеся в 1836—1840 гг. и имевшие в начале 60-х годов возраст 20—25 лет (см. табл. 2). Свыше 27% участников кружка были в возрасте 25—30 лет, почти 7% — в возрасте старше 30 лет, и лишь около 16% — моложе 20 лет. В сопоставлении с приводившимися выше данными о чинах вероятных

⁴² J. Białynia-Cholodecki. Указ. соч., стр. 10—11.

⁴³ А. Ф. Смирнов. Революционные связи..., стр. 165.

⁴⁴ В. Р. Лейкина-Свирская, В. С. Шидловская. Указ. соч., стр. 21.

⁴⁵ Цит. по кн.: А. Ф. Смирнов. Революционные связи..., стр. 156.

участников кружка это указывает на то, что преобладала в нем не «зеленая» молодежь, а офицеры от 23 до 28 лет с 4—5-летним стажем военной службы.

Анализ сведений, касающихся общего и военного образования вероятных участников кружка (см. табл. 3), показывает, в частности, что явно преобладающее положение в кружке занимали слушатели военных академий и, прежде всего, Академии генерального штаба. Следовательно, термин «кружок генштабистов», применяющийся в некоторых источниках⁴⁶ по отношению к кружку Сераковского — Домбровского, оказывается вполне правильным. Подсчеты показывают также, что почти 80% участников этого кружка были воспитанниками столичных военно-учебных заведений. Это говорит об активности существовавших там самостоятельных революционных организаций и о тесных связях между ними. Из кадетских корпусов, расположенных вне Петербургского гарнизона, более других представлены 1-й Московский, Александровский Брестский, Полоцкий, Новгородский, Полтавский. Думается, что это не случайность, а следствие существования в названных военно-учебных заведениях либо революционных кружков, либо активно действующих оппозиционных групп⁴⁷.

Необоснованность безоговорочного применения к кружку Сераковского — Домбровского названия «польская военная революционная организация в Петербурге»⁴⁸ доказывается не только приводившимися выше соображениями, но и теми сведениями о его национальном составе, которые могут быть извлечены из имеющихся источников. Из-за отсутствия в тогдашних формулярных и послужных списках специальной графы «национальность» при подсчетах пришлось обратиться к данным о месте рождения (табл. 4) и о вероисповедании (табл. 5). Названные категории не могут дать абсолютно точной статистики национального состава. Но картину, близкую к действительности, они, несомненно, дают, и откалываться от ее рассмотрения было бы совершенно неправильно.

По месту рождения вероятные участники кружка Сераковского — Домбровского распределяются следующим образом: уроженцы так называемых «внутренних» губерний и Сибири — 22%; Северо-Западного края (губернии Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская, Витебская, Могилевская) — около 53%; Киевской, Волынской, Подольской и Бессарабской губерний — немногим менее 15%; Царства Польского — около 8%; Прибалтики и Закавказья — около 2%. По вероисповеданию распределение таково: православных около 34%, католиков — 62%, прочих — около 4%.

Следовательно, речь идет не о польской по своему составу, а о многонациональной организации, в которой участвовали русские, поляки, украинцы, белорусы, литовцы, а также представители некоторых других народов. Если к этому добавить, что и программа кружка, насколько об этом можно судить по сохранившимся источникам, не носила узко национального характера, то становится ясным, что именовать его польской военной революционной организацией в Петербурге, не делая при этом никаких оговорок, едва ли правомерно.

⁴⁶ См., например, воспоминания П. Д. Баллода (П. И. Валескалн. Революционный демократ Петр Давыдович Баллод. Материалы к биографии. Рига, 1957, стр. 133).

⁴⁷ М. Ю. Ашенбреннер. Военная организация Народной воли и другие воспоминания (1860—1904 гг.). М., 1924, стр. 6—9; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 39, лл. 1—3; д. 99, л. 35; д. 4526, лл. 1—66; д. 5746, лл. 75—76; В. А. Дьяков. В. Е. Фильгус. Революционные кружки в Новгороде в 1859—1863 гг. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.». М., 1962, стр. 491—504; В. А. Сухомлинов. Воспоминания. М., 1926, стр. 12—13.

⁴⁸ См. заглавие не раз упоминавшейся статьи В. Р. Лейкиной-Свирской и В. С. Шидловской.

Такой вывод, однако, не снимает вопроса об удельном весе «польского элемента» в составе и деятельности кружка Сераковского—Домбровского на различных этапах его истории. Подсчеты показывают (табл. 4 и 5), что католиков и уроженцев тех районов страны, где дворянское сословие было по преимуществу польским, в этом кружке состояло значительно больше, чем в каждой из остальных организаций (за исключением кружка в Константиновском военном училище) и больше, чем в Петербургском гарнизоне в целом. Судя по имеющимся данным (см. приложения), удельный вес поляков в кружке «генштабистов» не был постоянным и менялся в зависимости от остроты политической ситуации в Польше; число поляков и их активность заметно выросли под влиянием манифестационного движения 1861 г., влияние поляков стало преобладающим вскоре после того, как началось восстание 1863 г. Многие из часто используемых в литературе источников относятся именно к этому периоду. Они-то и толкают исследователей на ретроспективные оценки, которые не совсем соответствуют действительности.

Только что затронутый вопрос о периодизации истории кружка Сераковского—Домбровского является одним из важных, но еще не получивших достаточного освещения вопросов. Источники пока не дают материала для его окончательного решения, но некоторые предварительные соображения они позволяют высказать. Думается, что в качестве первоначального рабочего варианта может быть предложена следующая периодизация. Первый этап — вторая половина 1857 — конец 1859 г., период становления кружка, характерный поисками решений в программной и организационной сферах, постепенной внутренней консолидацией и усиливающимся стремлением отмежеваться от либеральных фразеров, неспособных на революционное действие; в области внешних связей отчетливо прослеживается только линия, ведущая к группе Чернышевского—Добролюбова; непосредственным руководителем кружка является его организатор З. Сераковский. Второй этап — с начала 1860 г. до осени 1862 г. — период окончательного оформления программы, тактики и организационной структуры кружка, развертывания подготовки к вооруженному выступлению против царизма; связи кружка растут и крепнут, как в Петербургском гарнизоне, так и за его пределами; возглавляют кружок сначала (1860—1861 гг.) Я. Домбровский, затем выборные председатели Ф. Варавский, В. Погоржельский. Третий этап — осень 1862 г. — январь 1863 г. — период усиленной мобилизации сил и средств для ставшего неизбежным восстания в Польше; удельный вес «польского элемента» в деятельности кружка и в его внешних связях постепенно увеличивается, хотя кружок продолжает сохранять организационную самостоятельность и многонациональность состава; руководит кружком Комитет в составе Э. Юндзилла, В. Опоцкого и В. Коссовского. Четвертый этап — с февраля до конца 1863 г. — период переключения кружка, главным образом, на обслуживание пужд восстания в Польше, Литве, Белоруссии и на Украине; усиливается зависимость от польских конспиративных организаций вплоть до формального подчинения повстанческому правительству при фактическом сохранении значительной доли самостоятельности и прочных связей с «Землей и волей»; у руководства стоит с февраля до середины 1863 г. Комитет, пополненный И. Огрызко в качестве представителя Жонда Народового, а впоследствии — Ф. Рымовичем, назначенным из Варшавы и действовавшим без поддержки остальных членов Комитета (Юндзилл к этому времени был арестован, Коссовский и Опоцкий выехали из Петербурга).

Кружок Сераковского—Домбровского, или кружок «генштабистов», был крупнейшей, но далеко не единственной революционной организацией в Петербургском гарнизоне. Судя по имеющимся данным, наиболее значительным из остальных являлся кружок в Инженерной академии.

Прямое свидетельство об этом кружке содержится в воспоминаниях П. Д. Баллода, которые не только подтверждают его существование, но дают возможность убедиться, что этот кружок, действуя одновременно с кружком «генштабистов», полностью сохранял свою самостоятельность. По свидетельству Баллода, в июне 1862 г. кружок «генштабистов», насчитывающий около 70 человек, выражал готовность содействовать той программе, которую выдвинула «Молодая Россия». «Другой кружок — военных инженеров, — пишет Баллод, — относился не с такой горячностью, хотя некоторые из них выражали желание прибегнуть, в случае необходимости, к самым крайним и решительным мерам, с какой бы опасностью они не были связаны»⁴⁹. Воспоминания Баллода показывают, что между различными офицерскими кружками существовали тесные контакты. Подтверждением этому служит, например, тот факт, что когда конвоировавшие арестованного Баллода преображенцы выразили опасения в связи с возможным провалом кружка военных инженеров, он ответил: «Следов нет, — скажите, чтоб молчали»⁵⁰.

Братья Петр и Николай Хойновские, В. Миладовский, Н. Васьковский и некоторые другие активные участники революционного движения были зачислены в Инженерную академию в июне 1860 г.⁵¹ С этого времени можно уверенно говорить о существовании там кружка оппозиционно настроенных офицеров, зародыш которого, возможно, существовал и несколько раньше. Едва ли есть основания сомневаться в том, что инцидент с инженер-подпоручиками Никоновым и Лебедевым, а также последовавшая за ним «история» в Инженерной академии была, с одной стороны, результатом деятельности кружка, а с другой — существенным толчком для его дальнейшего развития⁵². Никонов и Лебедев не пожелали выносить унаследованное от николаевской эпохи грубое обращение начальства; почти все слушатели Академии не только выразили сочувствие им, но в знак протеста против репрессий к своим товарищам подали рапорты об отчислении и не взяли их назад, несмотря на уговоры и угрозы. Такое крупное коллективное выступление, направленное против существующих порядков и имевшее явно политический оттенок, не могло осуществиться стихийно. Кружок передовых офицеров, возглавивший выступление, сумел создать такое настроение у слушателей Академии, что в «историю» был вовлечен даже такой карьерист и реакционер, как В. В. фон Валь⁵³.

Имеющиеся данные позволяют назвать 60 фамилий вероятных участников кружка военных инженеров (см. приложения). По сравнению с «генштабистами» в среднем они были младше по возрасту и обладали меньшими чинами: около 83 % составляли офицеры в чине прапорщика, подпоручика и поручика, примерно 90 % имели возраст от 20 до 25 лет. Подавляющее большинство вероятных участников кружка являлись воспитанниками столичных военно-учебных заведений — прежде всего Инженерного училища и Константиновского военного училища. Сведения о месте рождения и вероисповедании показывают, что процент православных и уроженцев коренных русских губерний в кружке военных инженеров был заметно больше, чем в кружке Сераковского — Домбровского. В инженерные войска охотно определялись на службу выходцы из обедневших дворянских семей прибалтийских губерний. Поэтому

⁴⁹ П. И. Валескалн. Указ. соч., стр. 133.

⁵⁰ П. И. Валескалн. Указ. соч., стр. 134.

⁵¹ См. ниже биографические справки о названных лицах.

⁵² Об «истории» в Инженерной академии подробнее см.: А. И. Герцен. Сто пятнадцать благородных офицеров. «Колокол», № 92, 15.II 1861 г.; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1. д. 5547, лл. 8—13; РПРС, т. 1, стр. 206—210; см. также ниже, стр. 292—294.

⁵³ См.: «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г.» М., 1962, стр. 507.

в кружке военных инженеров относительно высоким был процент лиц реформатского вероисповедания и лютеран.

Вероятными участниками кружка военных инженеров являлись, по-видимому, не менее 35 офицеров, входивших одновременно, раньше или позже, также и в кружок Сераковского — Домбровского. Среди вероятных членов кружка военных инженеров, наряду с участниками «истории» в Инженерной академии (подробнее об этом событии см. ниже) находятся офицеры, проявившие свои антиправительственные настроения иным способом. Казимир Бобровский, например, «дерзко и враждебно» отзывался о царе, а читая «Великорусс», высказал убеждение, что содержащийся в нем проект революции может быть осуществлен, так как пользуется поддержкой всех образованных людей; инженер-подполковник Киселев был связан с П. Д. Баллодом и арестовывался за размножение нелегальных изданий; М. Кпянский, будучи в Петербурге, распространял землевольческие прокламации, а затем бежал в Августовскую губ. и перешел на сторону восставших; кроме него с «Землей и волей» были тесно связаны Н. А. Михайлов, А. Сахновский; бежал в район восстания и П. Кольбе, ставший крупным повстанческим командиром; команду над повстанцами приняли также Г. Малецкий, З. Минейко, Э. Фашович⁵⁴.

На существование самостоятельного кружка в Артиллерийской академии указывает в своих воспоминаниях М. П. Сажин. По его словам, руководителем кружка был П. Л. Лавров, а входили в него офицеры-артиллеристы Богданов, братья Черновы, Альтфатер, Юдин, полковник Колесов, офицер генерального штаба Гейнс⁵⁵. Сопоставление свидетельств Сажина с другими, в том числе архивными, источниками позволяет сделать вывод, что в основе оно верно, хотя в фамилиях и чинах участников кружка мемуарист допустил некоторые неточности⁵⁶. Связь с П. Л. Лавровым и вероятное участие в возглавляемом им кружке Н. П. Андреева, В. Ф. Лугинина, Е. В. Страндена, А. Н. Энгельгардта подтверждается прямыми указаниями источников. Ряд офицеров может быть отнесен к кружку предположительно по косвенным данным (служба в Артиллерийской академии или связь с несомненными участниками кружка и оппозиционная деятельность).

Из 33 вероятных участников кружка около 39% были прапорщиками и подпоручиками, около 27% — поручиками, около 9% — полковниками, около 18% — офицерами неуставленного чина и 6% — воспитанниками средних военно-учебных заведений; по возрасту распределение было следующим: 20% в 1860 г. было старше 25 лет, 40% — имело 20—25 лет, а остальные 40% — 17—20 лет (см. табл. 1 и 2). Таким образом, в целом возрастной состав кружка не отличался от других кружков; исключение составляли лишь руководитель кружка П. Л. Лавров и вероятный его участник С. А. Усов, которые в начале 60-х годов были полковниками и имели возраст около 40 лет (см. приложение).

Имеющиеся данные о месте воспитания вероятных участников кружка Лаврова недостаточны для окончательных выводов, но они позволяют предполагать, что большинство из них воспитывалось в столичных военно-учебных заведениях (см. табл. 3)⁵⁷. Что касается сведе-

⁵⁴ См. Приложение, а также В. Бикунлич. Интернациональные связи участников восстания 1863 г. «Коммунист» [Вильнюс], 1963, № 3, стр. 28.

⁵⁵ М. П. Сажин. Указ. соч., стр. 25—26.

⁵⁶ Так, фигурирующий у Сажина Богданов, очевидно, тождествен с И. З. Богдановичем, данные о котором имеются в архивных материалах, а полковника Колесова, вероятно, следует отождествлять с прапорщиком В. П. Колесовым (см. краткие справки о названных лицах).

⁵⁷ В числе вероятных участников кружка есть выпускники Артиллерийского и Константиновского военных училищ, 1-го и 2-го Петербургских, Павловского, Брестского, Новгородского и Орловского кадетских корпусов.

ний о месте рождения и вероисповедании, то они следующие: уроженцев коренных русских губерний — 50 %, православных — 75 %; уроженцев Царства Польского и западных губерний — около 42 %, католиков — 25 % (см. табл. 4, 5, 6). Следовательно и этот кружок был многонациональным, но в отличие от кружка Сераковского—Домбровского первое место здесь занимали, по-видимому, не поляки, а русские.

Сведения о деятельности кружка Лаврова разбросаны по крупицам в различных мемуарах и архивных источниках. В упоминавшихся уже воспоминаниях М. П. Сажина рассказывается о собраниях кружка на квартире его руководителя и о происходивших там дискуссиях по философским и социальным проблемам. П. Л. Лаврова Сажин характеризует как «левого либерала», эволюционирующего в направлении революционной демократии, а большинство кружка называет последователями идей Н. Г. Чернышевского (отсюда название «кружок чернышевцев», которым пользуется Сажин)⁵⁸. «По вторникам вечером, — вспоминает Н. В. Шелгунов, — у профессора Артиллерийской академии Лаврова собирался кружок преимущественно артиллеристов...»⁵⁹. Не раз упоминается кружок Лаврова и в воспоминаниях Л. Ф. Пантелеева⁶⁰.

На рубеже пятого и шестого десятилетий XIX в. среди воспитанников Артиллерийского училища и Артиллерийской академии⁶¹ широко распространились антиправительственные настроения, получили хождение различного рода нелегальные издания⁶². Артиллерийские офицеры активно участвовали в пропаганде прогрессивных идей своего времени на страницах подцензурных изданий; особенно интересен в этом отношении «Артиллерийский журнал», редактором которого был С. Усов, а авторами — А. И. Семеvский, А. Н. Энгельгардт, Е. Рыдзевский и др.⁶³ Это указывает на то, что для деятельности кружка Лаврова имелась благоприятная почва и что она приносила свои плоды. К сожалению, знаем мы об этом пока еще очень мало. Из того, что известно, наиболее интересным является активная поддержка, оказывавшаяся кружком Лаврова студенческим выступлениям 1861 г.⁶⁴

Константиновский кадетский корпус, преобразованный на протяжении изучаемого периода в Константиновское училище, — одно из тех военно-учебных заведений Петербурга, где оппозиционные настроения получили весьма широкое распространение. В этом учебном заведении в 1859—1860 гг. находился М. С. Бейдеман, бежавший за границу, сотрудничавший в Вольной русской типографии, а затем арестованный по пути в Россию с подложным манифестом, призывающим к крестьянскому восстанию. Бейдеман был настолько убежденным и зрелым противником крепостничества и самодержавия, настолько уверенным в своей правоте революционером, что трудно вообразить, чтобы у него не было друзей и единомышленников среди соучеников. В их числе находился, между прочим, М. А. Имшенецкий, оставивший училище с целью поездки за границу и арестованный на обратном пути с большим количеством нелегальных изданий. Чтением и переписыванием произведений А. И. Герцена занимались в конце 50-х годов воспитанники

⁵⁸ Из воспоминаний М. П. Сажина. «Голос минувшего», 1915, № 10, стр. 113.

⁵⁹ Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пг., 1923, стр. 129.

⁶⁰ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 341, 546—547 и др.

⁶¹ Они в то время имели единый штат и единую территорию.

⁶² ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1859, д. 266, лл. 1—2; Ф. Ф. Добронравов. Силуэты и размышления (Из автобиографической хроники шестидесятника). СПб., 1901, стр. 91, 131, 198; Н. Н. Новикова. Рукопись указ. кандидатской диссертации, стр. 350—369; ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, св. 251, д. 47, лл. 213—214.

⁶³ См., например: «Артиллерийский журнал», 1862, № 1, стр. 1—37; № 2, стр. 97—119; № 4, стр. 243—246; № 5, стр. 257—276; № 6, стр. 402—419.

⁶⁴ Подробнее об этом см.: В. А. Дьяков. Был ли Лавров революционером 1860-х годов? «Вопросы архивоведения», 1962, № 3, стр. 114—115.

С. Гурьянов, Я. Жиркевич, А. Немирович-Данченко, В. Миршевцев, Мишевский, Левченко и младший из четырех братьев Семевских — Петр. Многие выпускники Константиновского военного училища вскоре после его окончания принимали участие в манифестационном движении, начавшемся в 1861 г. в Царстве Польском и в западных губерниях, являлись членами революционной организации русских офицеров в Польше, собирали деньги на восстание или оказывались в рядах повстанцев 1863 г.⁶⁵ Все это позволяет предполагать, что в данном военнo-учебном заведении существовал антиправительственный кружок. Агентурные данные III отделения подтверждают такое предположение⁶⁶.

Список вероятных участников кружка за 1858—1863 гг. включает фамилии 33 воспитанников и экстернов училища в возрасте от 18 до 24 лет, учившихся раньше в Полоцком, Киевском, Полтавском, Новгородском, Орловском кадетских корпусах, кончавших гимназии или получивших домашнее воспитание. Подавляющее большинство вероятных участников кружка было уроженцами западных губерний (около 54%) и Царства Польского (около 18%); католики составляли в их среде примерно 58%, православные — 33%; были также лица других вероисповеданий (см. табл. 1—6).

Из того, что известно о кружке в Константиновском военном училище, можно сделать вывод о двух его особенностях. Во-первых, он был теснее других связан со студенческим движением и революционными кружками в гражданских учебных заведениях. Это объясняется наличием в училище экстерната, куда поступали не только выпускники тех кадетских корпусов, где не было последних «военных» классов, но и лица, окончившие гимназии и учившиеся в университетах, институтах, лицеях. Не случайно поэтому осенью 1861 г. у юнкера Грохольского состоялось собрание кружка, которое решило содействовать поступлению в экстернат училища исключенных из Петербургского университета студентов⁶⁷. Вторая особенность кружка заключалась в значительном удельном весе польского элемента, примерно таком же, как в кружке Сераковского — Домбровского, где было немало выпускников училища. Это сказалось в феврале—мае 1863 г., когда многие воспитанники училища и вероятные участники кружка, подав в отставку, испросив отпуск или отказавшись от такого рода предосторожностей, в одиночку и группами выезжали в повстанческие отряды⁶⁸.

Можно предполагать, что кружок в Царскосельской офицерской стрелковой школе возник в 1857—1858 гг. при участии Н. Н. Обручева, который был там преподавателем и членом учебного совета; есть основания считать, что в кружке участвовал А. А. Потебня, учившийся в школе с декабря 1858 г. по декабрь 1859 г.⁶⁹ В 1860—1861 гг. в кружке, по всей вероятности, участвовали такие активные революционные деятели последующих лет, как А. Н. Ган, С. Ю. Готский-Данилович, Н. Иваницкий; несомненно, были связаны с кружком офицеры, подписавшие протест 106: Н. А. Арендаренко, В. Ф. Галлер, А. Иванов, К. Костенич, М. В. Кюхельбекер, П. И. Тимушев, М. Хроменский, Д. З. Якубовский. Выявлено 16 вероятных участников кружка; по-видимому, это далеко не исчерпывает его численности. Через школу, срок обучения в которой был годичным, прошло за 1858—1862 г. несколько сот офицеров стрел-

⁶⁵ См. в приложении краткие справки о названных лицах, а также Ф. Емелите, А. Микulich, Б. Боянском, Г. Адамовиче, Е. Бейнаре, В. Майковском и др.

⁶⁶ ЦГАОР, ф. 109и, са, оп. 1, д. 1045, л. 13.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См. в приложении краткие справки о Г. Адамовиче, Е. Бейнаре, братьях Бялковских, А. Володько, Волосевиче, А. Германе, И. Жолнеровиче, Г. Кудеша, Т. Немчевском, К. Петрашевском, В. Яхимовиче.

⁶⁹ «Колокол», от 1.V 1863 г., стр. 1334.

ковых батальонов, отличавшихся наибольшей оппозиционностью. Однако фамилии их установить невозможно, так как ни списков обучающихся офицеров, ни каких-либо иных документов школы не сохранилось.

В связи с ежегодной сменой контингента обучающихся в школе должны были сменяться едва ли не полностью и состав кружка. Преемственность в таких условиях могла осуществляться либо за счет контактов на протяжении двух-трех осенних месяцев, когда почти одновременно проходили приемные экзамены для нового и выпускные для старого набора, либо при помощи кого-то из постоянного состава школы (например, Н. Н. Обручева). Особенностью кружка Офицерской стрелковой школы являлась также теснейшая связь его вероятных членов с армейскими революционными кружками на периферии (прежде всего в 1-й армии) и в столичном гарнизоне (главным образом с кружком «генштабистов»). Это объяснялось тем, что в Царскосельскую школу направлялись офицеры из частей преимущественно в чине поручика, штабс-капитана, в возрасте не моложе 25 лет, близкие по своему положению и интересам к слушателям Академии генерального штаба. Кружок «генштабистов» и царскосельский кружок имели примерно одинаковый национальный и социальный состав (см. табл. 1—6).

Кружок, собиравшийся на квартире братьев Худяковых и возглавлявшийся, по-видимому, А. Олендзским, может служить примером тех маленьких ячеек, из которых состояли такие сравнительно крупные организации, как кружок Сераковского—Домбровского или кружок военных инженеров. Имеющиеся документы⁷⁰ приоткрывают историю кружка братьев Худяковых, хотя и на очень незначительном отрезке времени, но со сравнительно большой степенью детализации. Это дает возможность выяснить ряд важных деталей, являющихся, вне всякого сомнения, типичными для данного звена во всем Петербургском гарнизоне.

III отделение получило первые сведения о кружке 17 февраля 1863 г. через своего агента, который имел возможность слышать неосторожные разговоры служившего в Военном министерстве подпоручика Сергея Худякова. Кружок собирався на квартире, снимавшейся у поляка Ивашкевича четырьмя офицерами: Сергеем Худяковым, его братом Михаилом и офицером Венцлавовичем, учившимися в Инженерной академии, а также слушателем Артиллерийской академии А. Олендзским. Участниками кружка являлись частые посетители этой квартиры слушатели Инженерной академии Э.-В. Г. Витте, В. А. Пушкарев и П. Д. Шкляревич, слушатель Артиллерийской академии А. Ю. Бринкен, артиллерийский офицер Н. Левицкий и несколько инженерных и артиллерийских офицеров, фамилии которых III отделение не смогло установить. В кружке состояли русские, поляки, обрусевший немец (уроженец Прибалтики); всего в него входило 12—13 человек (известны фамилии десяти из них — см. табл. 1—6).

В период с 17 по 20 февраля 1863 г., когда III отделение наблюдало за кружком, он занимался распространением прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь», полученной от неизвестных лиц в большом количестве экземпляров. Одновременно велась подготовка к отправке добровольцев в повстанческие отряды в Литву и Белоруссию. Кружок был тесно связан и с «Землей и волей» и с кружком Сераковского—Домбровского, через который производилась отправка к повстанцам. Вероятный руководитель кружка А. Олендзский, по имеющимся дан-

⁷⁰ ЦГАОР, ф. 95н, оп. 1, д. 78, лл. 24—31 и др.; ф. 109н, 1 эксп., 1863 г., д. 97, ч. 9, лл. 1—13; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 333, лл. 1—136.

ным, являлся одновременно и активным участником кружка «генштабистов»⁷¹ и не менее активным деятелем «Земли и воли»⁷².

Кружок профессоров военных академий, на существование которого указал Н. Г. Чернышевский в «Материалах для биографии Н. А. Добролюбова», пока остается мало изученным как в идейно-политическом, так и в организационном смысле. Наряду с Н. Н. Обручевым, являвшимся до февраля 1863 г. одним из руководящих деятелей «Земли и воли», с А. Ф. Погосским, который также, по-видимому, входил в «Землю и волю» или, по крайней мере, выполнял ее поручения, в кружок профессоров входили такие умеренные либералы, как В. М. Аничков, А. И. Беренс, и даже еще более правые деятели вроде М. И. Драгомирова. Свидетельство Чернышевского относится к 1859 г., и думается, что вскоре после этого кружок перестал существовать из-за неизбежных при таком составе идейных разногласий. Во всяком случае следов деятельности этого кружка в 1861—1863 гг. в имеющихся источниках не обнаруживается. Пять участников профессорского кружка, названных выше, не исчерпывают его состава: Р. А. Таубин, например, называет еще ряд фамилий⁷³. Некоторые из них действительно могут быть включены в список кружка, по едва ли это изменит что-либо в общей картине (см. приложение).

Наряду с уже перечисленными существовало значительное число военных кружков, сведений о которых так мало, что какие-либо подсчеты по каждому из них пока невозможны. В 1-м кадетском корпусе, например, группа воспитанников организовала во время похорон умершего кадета Конзеровского в 1861 г. выступление одного из присутствовавших, имевшее резко антиправительственный характер⁷⁴. Эта группа была, по-видимому, частью известного властям кружка «людей неблагонадежных», который «не имеет постоянного места собрания и беспрестанно перемещается»⁷⁵. Можно предпологать, что в кружке участвовали не только воспитанники, но и такие оппозиционно настроенные офицеры из числа прикомандированных к корпусу, как Э. Хамец и И. Харзеев (см. далее краткие справки о них). Есть достаточно оснований, чтобы высказать предположение о существовании кружка во 2-м кадетском корпусе. В этом военно-учебном заведении несколько лет преподавал Н. Г. Чернышевский; в числе преподавателей и лиц, занимавших иные должности в корпусе, были такие несомненные участники освободительного движения, как П. И. Боков, Г. Р. Городков, Балтазар Калиновский, В. И. Классовский, В. П. Попов, А. Д. Путята, П. Е. Роцин, Алексей Слепцов и др.; большое число воспитанников корпуса оказалось впоследствии среди тех, кого власти зачислили в разряд «политически неблагонадежных» (см. приложение). Выше говорилось о кружке «чернышевцев» в Артиллерийской академии; в нем участвовал кое-кто из воспитанников и персонала Артиллерийского училища. Вероятно, наряду с этим в училище существовал и кружок, состоявший главным образом из юнкеров. Указание на это содержится в одном из документов III отделения: «... В Михайловском артиллерийском училище, где поляки составляли 20% учащихся, существовал польский кружок, в который входили юнкера, поступившие в училище из Виленского (Брестского. — В. Д.) и Киевского кадетских корпусов»⁷⁶.

⁷¹ Это подтверждается тесными связями А. Олендзкого с рядом видных участников кружка Сераковского—Домбровского, в частности с К. Жебровским (ЦГВИА, ф. 9д, оп. 92/37, 1863 г., д. 94, т. 12, лл. 235—238, 454—455).

⁷² Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 318.

⁷³ Р. А. Таубин. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского..., стр. 62—63.

⁷⁴ ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 574б, л. 13.

⁷⁵ Там же, лл. 27—28.

⁷⁶ ЦГАОР, ф. 109я, 1 эксп., 1863 г., д. 97, ч. 2, л. 29.

Кроме чисто военных кружков военнослужащие Петербургского гарнизона принимали участие в ряде смешанных, преимущественно военно-студенческих революционных организаций, причем удельный вес их там был довольно значителен. Одной из такого рода организаций был кружок Ф. С. Судакевича. «В этом кружке, — свидетельствует Л. Ф. Пантелеев, — на его недельных вечерах можно было встретить массу офицеров»⁷⁷. Смешанный военно-студенческий кружок вел революционную пропаганду в Сампсоньевской воскресной школе; один из ее учеников показал, что у студента В. Х. Хохрякова и офицера Я. А. Ушакова он видел «человек шесть военных и статских»⁷⁸. Таким же смешанным был тот кружок с участием П. Д. Баллода (студент), В. П. Аргмакова (офицер), который в 1862 г. организовал издание и распространение прокламации «Офицеры!» и некоторых других⁷⁹. В источниках имеется упоминание о революционном кружке, созданном в 1862—1863 гг. студентом Л. Самариным, в котором участвовал юнкер Беликов (или Белихов)⁸⁰. Есть также свидетельства об участии военнослужащих в смешанных кружках С. Г. Стахевича, о существовании смешанных военно-студенческо-чиновничьих кружков, которые возглавлялись Н. В. Преснухиным и М. И. Семевским, об аналогичном по составу кружке, в котором участвовал А. А. Красовский (см. биографические справки о названных лицах).

Среди смешанных кружков, существование которых не подлежит сомнению, а состав, структура и деятельность еще не изучена в деталях, особо следует выделить уже упоминавшийся кружок с участием известных Н. А. Добролюбову «хороших» офицеров. Определенная часть этого кружка стала ядром, вокруг которого сложилась постепенно значительно более многочисленная и долговечная революционная организация — кружок Сераковского—Домбровского. В кружок «хороших» офицеров, кроме называвшихся выше лиц, входили, по всей вероятности, С. Н. Федоров, В. И. Рычков, В. А. Обручев, возможно также В. М. Озеров, В. Ф. Лутипин и некоторые другие офицеры (см. биографические справки о них).

Значительную группу участников смешанных организаций составляют военнослужащие, о которых в источниках имеется лишь общее указание на принадлежность к «Земле и воле». В воспоминаниях М. Н. Слепцовой, например, содержится подобное указание относительно офицеров Анастасьева, Вуколича, Н. А. Григорьева, Алексея и Дмитрия Слепцовых⁸¹; Л. Ф. Пантелеев называет в своих мемуарах В. Э. Валицкого, В. Г. Михалевского, М. Островского. А. Д. Путяту, а в ряде других источников указываются фамилии Н. В. Гербеля, И. Г. Жукова, Зиновьева, В. А. Обручева, А. Н. Столпакова и др. (см. соответствующие биографические справки). Все это несомненные участники революционных организаций, но пока у нас нет сведений об их деятельности в каком-либо конкретном землевольческом кружке в Петербурге.

Сводные цифры об участниках недостаточно изученных военных кружков и организаций смешанного состава показывают, что из 46 лиц, которые могут быть отнесены к данной группе, около 20% были прапорщиками и подпоручиками, около 35% — поручиками, штабс-капитанами и капитанами, около 6% — подполковниками и полковниками, 27% — офицерами неуставленного чина, а остальные 15% —

⁷⁷ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 318.

⁷⁸ ЦГАОР, ф. 112н, оп. 1, д. 6, лл. 102—103.

⁷⁹ И. Е. Баренбаум. К истории издания первых революционных прокламаций в Петербурге в 1861—1863 гг. «Труды Ленинградского библиотечного института», т. 3, Л., 1958, стр. 165.

⁸⁰ ЦГАОР, ф. 112н, оп. 1, д. 46, лл. 22, 73—74.

⁸¹ М. Н. Слепцова. Указ. соч., стр. 456—461.

воспитанниками военно-учебных заведений, военными медиками и служащими военного ведомства (см. табл. 1). В возрастном отношении рассматриваемая группа выделяется из прочих тем, что включает несколько человек, имеющих возраст около 40 лет; в целом же участники движения в возрасте 25—40 лет составляют в группе примерно 45 %, около 42 % приходится на 20—25-летних, а оставшиеся 5 % — на 18—19-летних (см. табл. 2). Около 80 % данной группы составляют лица, получившие воспитание или учившиеся довольно продолжительное время в столичных военно-учебных заведениях. Судя по имеющимся неполным сведениям, в группе преобладали уроженцы так называемых «внутренних» губерний (90 %); остальные были уроженцами северо-западного и юго-западного краев; по вероисповеданию 85 % составляли православные, 10 % — католики и 5 % — лютеране (см. табл. 4, 5).

Характеристика деятельности участников движения, отнесенных к рассматриваемой группе, представляет значительные трудности, так как сведения о чисто военных кружках очень скудны, а история смешанных землевольческих кружков выходит за рамки настоящей работы. Материалы биографических справок (см. приложение) дают общее представление об этой деятельности и не оставляют сомнения в том, что она была достаточно активной и многообразной.

Последняя из подлежащих рассмотрению групп включает всех тех участников движения, которых по недостатку сведений невозможно пока сколько-нибудь основательно отнести ни к одной из предшествующих категорий. Сюда, например, отнесены многие участники «протеста 106», так как нет данных о том, где они служили в марте 1862 г.; при наличии этих данных большинство из них было бы отнесено, по-видимому, к кружкам «генштабистов», Царскосельской офицерской школы и некоторым другим. К данной категории отнесены также те лица, о которых известно только то, что они были в Петербурге и участвовали в революционном движении. Сюда же вошли, наконец, некоторые участники революционного движения в армии и польского национально-освободительного движения, связанные с деятелями петербургских кружков, но находившиеся в столице неопределенное время или слишком недолго, чтобы можно было определенно говорить о вхождении их в какой-либо из кружков. Круг лиц, отнесенных к данной категории — величина сугубо переменная: она будет уменьшаться по мере накопления сведений об отнесенных к ней деятелях⁸².

Такова характеристика отдельных революционных организаций Петербургского гарнизона в период падения крепостного права. Все они существовали во взаимодействии друг с другом и в какой-то мере представляли собой единое целое. Связи между армейскими революционерами, действовавшими в Петербурге, имели различное происхождение. В какой-то сравнительно небольшой степени они обуславливались личными взаимоотношениями, дружбой, сложившейся во время совместного пребывания в гимназиях, кадетских корпусах, других учебных заведениях, земляческой общностью и другими, если можно так выразиться, «неполитическими» факторами. Так, в укреплении связей между кружками «генштабистов» и военных инженеров сыграли определенную роль дружеские отношения между Ф. Варавским, Н. Васьевским, В. Милатовским, сложившиеся во время учения в Киевском университете, и киевские знакомства З. Сераковского; связи кружка «чернышевцев» в Артиллерийской академии с другими кружками отчасти определялись кругом личных знакомств П. Л. Лаврова и А. Н. Энгельгардта так же, как связи кружка «генштабистов» — кругом знакомств З. Сераковского

⁸² Сводные данные об этой группе приводятся в приложении под рубрикой «прочие участники движения».

и Я. Домбровского; кружок в Царскосельской офицерской стрелковой школе в какой-то мере связывали с кружками в военных академиях совместное ученье в средних военно-учебных заведениях, одновременная служба в тех или иных войсковых частях и т. д. Но это был один из факторов и далеко не самый важный.

Укреплению связей между кружками содействовали постоянные контакты, осуществлявшиеся их участниками с целью знакомства с литературой, критиковавшей существующие порядки, прежде всего с «Современником», изданиями Вольной русской типографии, польскими эмигрантскими изданиями. Более крупные организации, в частности кружок Сераковского—Домбровского, имели что-то вроде собственных библиотек, в которых такого рода литература занимала важное место. Другие кружки старались получить и получали возможность пользоваться этой литературой⁸³, устраивали читки во время лекций⁸⁴, реферировали ее на своих собраниях, делали рукописные и литографские копии. Из кружка в кружок перекочевывали тетрадки с произведениями «потаенной поэзии», игравшей весьма существенную роль в распространении антиправительственных настроений⁸⁵. Не случайно, обнаружив одну из таких тетрадок, начальник Константиновского военного училища был очень обеспокоен и выказал страшное возмущение тем, что воспитанники «могли унизиться приискиванием и переписыванием стихов, наполненных или безнравственностью или преступной злонамеренностью и гнусной клеветой на все священное для нас»⁸⁶.

Прямым продолжением и в то же время дальнейшим развитием контактов, осуществлявшихся при распространении запрещенной литературы, явились связи, которые возникали в ходе подготовки, размножения и доведения до военного читателя прокламаций внутрирусского происхождения. В изданиях и распространении «Великорусса» принимал участие В. А. Обручев и некоторые другие офицеры⁸⁷. Прокламация «К молодому поколению» распространялась в столичных военно-учебных заведениях, в том числе во всех трех военных академиях⁸⁸. «Молодая Россия», как упоминалось выше, также была хорошо известна участникам офицерских революционных кружков и вызывала одобрение у многих из них⁸⁹. Все это стало возможным только в условиях постоянных связей между революционными организациями столицы. Что касается прокламаций, обращенных к военному читателю, то их подготовка, размножение и распространение осуществлялись офицерскими кружками в тесном взаимодействии друг с другом и с другими революционными организациями в Петербурге.

⁸³ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1135, оп. 4, д. 392а, лл. 27—28.

⁸⁴ 2 июля 1862 г. Штаб военно-учебных заведений разослал циркуляр, в котором говорилось: «В некоторых учебных заведениях господа преподаватели дозволили себе на лекциях читать воспитанникам разные запрещенные сочинения» (ЦГВИА, ф. 320л, оп. 2, д. 406, л. 68).

⁸⁵ Е. Г. Бушканец. Нелегальная поэзия революционных кружков конца 50-х—начала 60-х годов XIX века. Казань, 1961, стр. 31, 32 и др.; оп же. Н. А. Добролюбов и нелегальная поэзия периода Крымской войны. Казань, 1961, стр. 3—23.

⁸⁶ ЦГВИА, ф. 320л, оп. 2, д. 329, л. 47. Представление о наиболее «ходовых» среди военнослужащих произведениях «потаенной поэзии» могут дать коллекции В. В. Хромецкого и А. А. Красовского, создававшиеся в значительной мере за счет петербургских связей их владельцев (См.: В. А. Дьяков. Записные книжки А. А. Красовского и В. В. Хромецкого. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1962, стр. 418—422).

⁸⁷ Н. Н. Новикова в упоминавшейся выше рукописи своей кандидатской диссертации (стр. 348) пишет, что из 40 распространителей «Великорусса» «...не менее 10 человек офицеры (главным образом 1-й Армии — в Варшаве — и Петербургского гарнизона».

⁸⁸ ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5730, лл. 18—20.

⁸⁹ П. И. Валескалин. Указ. соч., стр. 133.

Первой увидевшей свет прокламацией, обращенной к военнослужащим, являлась написанная Н. В. Шелгуновым прокламация «К солдатам»⁹⁰. Будучи сокращенным вариантом прокламации того же автора «Русским солдатам от их доброжелателей поклон»⁹¹, прокламация «К солдатам» была отпечатана вручную небольшим тиражом и распространялась в Петербурге в сентябре—октябре 1861 г.⁹². Хотя других сведений об этой прокламации пока нет, можно предполагать, что ее издание и распространение не могло осуществиться без участия столичных офицерских кружков.

Несколько более богаты и весьма показательны имеющиеся сведения о прокламации «Офицеры», помеченной мартом и появившейся в Петербурге в апреле 1862 г. Автором текста, по сведениям III отделения, был поручик л.-гв. Павловского полка В. П. Аргамаков⁹³, который в марте 1862 г. подписал «протест 106», в июне сдавал вступительные экзамены в Академию генерального штаба, а в сентябре 1862 г. подал в отставку⁹⁴. Со второй половины мая началось распространение второго издания прокламации, отпечатанной в «Карманной типографии» П. Д. Баллода и имевшей в конце следующую приписку: «В первый день пасхи воззвание это поразило долгоруко-долгоухое шпионство в самую шишку честолюбия: в дворцовой церкви, перед самым носом государя оно было роздано в большом количестве»⁹⁵. Эта приписка и другие свидетельства показывают, что в распространении прокламации «Офицеры» принимали активное участие многие, прежде всего, военные революционные кружки Петербурга, действовавшие согласованно, во взаимодействии друг с другом⁹⁶.

О происхождении прокламации с таким же почти названием («Офицеры!»), появившейся в Петербурге в октябре 1862 г.⁹⁷, ничего определенного пока неизвестно. То, что она была подготовлена, отпечатана и предназначалась прежде всего для Петербурга, не вызывает сомнений. Это подтверждается между прочим текстом прокламации, которая содержит обращение одновременно к гвардейским и армейским офицерам, а такое обращение в то время было уместно только в Петербургском гарнизоне⁹⁸. Это подтверждается также и тем, что массовое распространение прокламации осуществлялось только в столице⁹⁹.

Пока мы не знаем как осуществлялось взаимодействие между различными революционными кружками в ходе подготовки и распространения прокламации «Офицеры!» На наличие согласованности действий указывает сам текст прокламации, в котором есть, например, такие

⁹⁰ Опубликована в кн.: А. И. Герцен. Собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. XI, стр. 321—323; РПСР, т. I, стр. 213—214.

⁹¹ См. Б. П. Козьмин. Политические процессы шестидесятых годов. М.—Пг., 1923, стр. 183—187.

⁹² Н. В. Шелгунов. Воспоминания. Пг., 1923, стр. 10. Кроме Петербурга, экземпляр прокламации был обнаружен в Казани: неизвестный прохожий вручил его одному из солдат (ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1861, д. 422, л. 11).

⁹³ И. Е. Баренбаум. Указ. соч., стр. 165.

⁹⁴ ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, св. 44, д. 106, лл. 1—7.

⁹⁵ ЦГАОР, ф. 174и, инв. № 8127, л. 39; опубликовано: «Колокол», № 133, 15.V 1862 г.; РПСР, т. I, стр. 221—222.

⁹⁶ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 2, лл. 3—4.

⁹⁷ Опубликована частично: «Колокол», № 148, 28. X 1862 г., полностью: А. И. Герцен. Собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. XV, стр. 530—531; РПСР, т. I, стр. 226—228.

⁹⁸ Гвардия, квартировавшая обычно только в столице, осенью 1862 г. начала перебрасываться в Варшаву; первый эшелон перебрасываемых частей прибыл туда в период с 19 сентября по 6 октября этого года (ЦГВИА, ф. 38, оп. 18/272, св. 699, д. 38, лл. 27—28). Однако ни в прибывших из Петербурга, ни в находившихся в Царстве Польском войсках прокламация «Офицеры!», судя по имеющимся данным, не распространялась; следовательно вся ее история могла быть связана только с Петербургом.

⁹⁹ РПСР, т. I, стр. 228.

места: «Подготовительная работа кончена. Наступает минута действия»; «Мы призываем вас, офицеры гвардии и армии, к сближению, к заговору, к восстанию!» «Достаточно одной батареи, одного полка, чтобы совершить великое дело: все готово, все ждет только инициативы». Выдвижение подобных лозунгов едва ли было возможно без предварительной договоренности между военными кружками, без согласования с руководящими деятелями «Земли и воли» и польских конспиративных организаций. Характерно, что прокламация, содержащая эти лозунги и призывавшая полки соревноваться в том, кто первый поднимет знамя свободы, не имела подписи. Думается, что это объясняется не соображениями конспирации, а уверенностью составителей прокламации в достаточной авторитетности того органа, который они представляют, в осведомленности вероятных читателей относительно названия и компетенции этого органа.

Доказательством того, что прокламация «Офицеры!» не была случайной импровизацией какого-то небольшого круга лиц, не связанных с руководством движения, служит упомянутая заметка А. И. Герцена в «Колоколе», которая свидетельствует о более, чем сочувственном отношении к прокламации со стороны лондонского революционного центра. В заметке говорилось: «Во главе движения русского становятся офицеры [...]. Они хотят стереть *гражданские* победы, домашние победы своих предшественников и представляют готовую организованную силу в то время, как рассыпчатое *статское* резонерство препируется в спорах и поправляет слог». Последние слова Герцена совершенно созвучны с насмешкой над «фрачными» кружками, которая содержится в одном из конспиративных документов Н. П. Огарева, относящихся ко второй половине 1862 г.¹⁰⁰ Приведенная выше фраза относительно «одной батареи и одного полка» почти текстуально совпадает с тем, что А. А. Слепцов и С. С. Рымаренко говорили Л. Ф. Пантелееву, приглашая его вступить в «Землю и волю»¹⁰¹. Близость идейного содержания прокламации к программным документам названной организации дает основание предполагать, что прокламация была одобрена и петербургским революционным центром. Наконец, соответствующее обстановке большое внимание прокламации к польской теме, решаемой в полном созвучии с документами лондонских переговоров между русскими и польскими революционерами, не оставляет сомнения в том, что содержание прокламации, в прямой или опосредствованной форме, согласовывалось и с планами польских конспиративных организаций.

Наиболее ярко согласованность действий военных кружков Петербурга друг с другом и с другими революционными организациями проявилась при распространении прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь»¹⁰². Начало распространения было приурочено к 19 февраля 1863 г. — второй годовщине утверждения крестьянской реформы. Кружки знали об этом заранее и готовились к действиям. Каждый кружок, получив заблаговременно большой запас прокламаций¹⁰³, должен был вести распространение с максимальной энергией и быстротой. 18 февраля несколько экземпляров прокламации оказалось в Артиллерийской академии, 4 экземпляра были получены по почте в Академии генерального штаба, экземпляр был найден в дежурной комнате л.-гв. Гренадерского полка между газетами, еще экземпляр два артиллерийских офицера привезли в письме к одному из воспитанников лицея и т. д. А. Олендзский рассказал своим товарищам, что он отдал

¹⁰⁰ «Литературное наследство», т. 61, стр. 503.

¹⁰¹ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 293.

¹⁰² ЦГАОР, ф. 1741а, инв. № 8127, лл. 49—50; РПРС, т. 2, стр. 77—81.

¹⁰³ С. Худяков применительно к кружку, в котором он участвовал, называет преувеличенную, по-видимому, цифру 5000 экз.

прокламацию взрослому гимназисту, встреченному на улице, что заходил в Пассаж (там собиралась студенческая и военная молодежь) «да поздно, был заперт»¹⁰⁴.

Важнейшую роль в сплочении армейских революционеров и в развитии взаимодействия между военными кружками Петербурга играли отношения к началу 60-х годов антиправительственные выступления более или менее значительных групп военнослужащих. Элемент стихийности, присутствовавший в такого рода выступлениях, не исключал, а усиливал значение того организующего начала, которое вносилось в них революционными кружками. Примером такого сочетания стихийности и организованности может служить уже упоминавшаяся «история» в Инженерной академии.

Осенью 1860 г. слушателю второго курса Инженерной академии подпоручику Никонову было предложено либо извиниться перед преподавателем за «неуместные» по мнению начальства выражения, либо обречь себя на отчисление из Академии. Никонов не считал себя виновным и отказался от извинений, а все обучающиеся в Академии офицеры решили: «в случае представления Никонова к отчислению подать всем рапорты также об отчислении их от Академии»¹⁰⁵. Начальство получило сведения, что «зачинщиком» является подпоручик Лебедев, который был исключен из Академии. В ответ на это 126 офицеров «почти одновременно» подали рапорты об отчислении, причем 115 из них отказались взять рапорты назад, несмотря на увещевания и угрозы начальства. Все не взявшие рапорты были отчислены из Академии, причем старшему курсу не разрешалось туда вернуться ранее 1863 г., младшему — ранее 1862 г.¹⁰⁶ Так самая обычная в николаевские времена несправедливость по отношению к одному из офицеров, превратилась в условиях революционной ситуации в крупное событие, которое в официальных документах называли «историей» в Инженерной академии, а Герцен на страницах «Колокола» назвал «подвигом 115 благородных офицеров».

Судя по сохранившимся формулярным спискам, среди участников «истории» было около 80% прапорщиков и подпоручиков и около 20% поручиков; 88% из тех, на кого имеются данные, являлись воспитанниками средних военно-учебных заведений Петербурга, выпускниками Константиновского и Инженерного военных училищ, 1-го, 2-го и Павловского кадетских корпусов. О национальном составе участников «истории» можно приблизительно судить по следующим данным: уроженцев коренных русских губерний было среди них 57%, уроженцев Северо-Западного края — около 18%, Юго-Западного края около 12% и Царства Польского — около 6%; православных — 61%, католиков — 28%, лютеран — 11%. Что касается сословной принадлежности, то около 89% участников «истории» были детьми потомственных дворян, около 10% — личных дворян, около 1% происходили из разночинцев; примерно 84% участников «истории» недвижимым имуществом не владели¹⁰⁷.

Стихийный протест против акта произвола увлек всех слушателей Академии, включая убежденных сторонников существующих порядков

¹⁰⁴ ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 78, лл. 28—31 и др.

¹⁰⁵ ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5547, л. 8. Аналогичный способ протеста был применен незадолго до этого в Варшаве. Весной 1859 г. около 200 студентов Медико-хирургической академии одновременно подали заявления об уходе, протестуя против внеурочных экзаменов, имевших цель отсеять политически неблагонадежных. Организовал протест студенческий кружок под руководством Яна Кужины; в результате репрессий студенты вынуждены были взять заявления обратно. Зачинщики, в том числе Я. Кужина, были исключены.

¹⁰⁶ Там же, лл. 9—10.

¹⁰⁷ Подсчеты сделаны по картотеке, часть которой воспроизводится в кратких справках об участниках «истории», публикуемых в приложении.

и политически инертных лиц. Конечно не все участники протеста стали революционными деятелями, по многие из них оказались впоследствии среди членов таких революционных организаций, как Комитет русских офицеров в Польше, кружок Сераковского—Домбровского, «Земля и воля», и в рядах повстанцев Польши, Литвы, Белоруссии и Украины. В судьбе этих лиц, в формировании их мировоззрения «история» в Инженерной академии имела, несомненно, большое значение. Судить о том, насколько сильными были оппозиционные настроения среди большинства участников «истории» можно хотя бы по тому, что В. В. фон Валь, оказавшийся в их среде случайно и стремившийся «сделать» карьеру, не нашел иного выхода, как совершенно порвать с товарищами по Академии и перейти из инженерных войск в кавалерию; без этого он не паделся уклониться от какой-либо новой «истории», в которую его могли втянуть бывшие коллеги¹⁰⁸.

Следов прямого участия кружка военных инженеров в событиях, связанных с «историей» в Инженерной академии, обнаружить не удалось, хотя сомневаться в его паличии едва ли возможно. Несколько больше можно сказать о позиции некоторых других революционных организаций. Они проявили большой интерес к «истории», пытались как-то использовать ее и повлиять на ход событий. Особую активность при этом проявил кружок Сераковского—Домбровского.

Ряд членов этого кружка (Н. Васьковский, В. Миладовский, А. Жельский, Ю. Миневский, П. Хойновский и др.) учились в Инженерной академии и участвовали в «истории». Любопытно, что Н. Васьковский, прямо связывая свое вступление в кружок Сераковского—Домбровского с этим событием, показал впоследствии следующее: «Вскоре после подачи рапортов офицерами Инженерной академии и отчисления их от нее, Хойновский взялся познакомить меня с офицерами Домбровским и Варавским, как с дельными людьми. И как я имел хорошую квартиру, то назначил вечер, и у меня собрались Домбровский, Варавский, Миладовский, Хойновский и, кажется, Жельский»¹⁰⁹. «Так как двумя днями перед тем, — писал Васьковский в другом показании, — лекции в Инженерной академии были закрыты и назначена следственная комиссия, то весь наш разговор почти сосредоточился на этом предмете. Прощаясь со мной, они (Домбровский и Варавский. — В. Д.) просили, чтобы я навестил их...»¹¹⁰.

Не менее любопытно и то, что В. Опоцкий, не имевший никакого отношения к Инженерной академии, также был привлечен в кружок Сераковского—Домбровского тем же П. Хойновским и в то же самое время¹¹¹. Судя по показаниям Опоцкого, «история» в Инженерной академии сильно повлияла на деятельность кружка. В изложении показаний Опоцкого есть следующие места: «В 1861 г., летом, офицеры Инженерной академии Хойновский, Миладовский, Васьковский и другие были откомандированы [...]. Опоцкий ближе сошелся с Варавским, Домбровским, Станевичем, Гейденрейхом и даже бывал у них каждый день [...] продолжались у них и вечерние сборища, по реже и малочисленнее [...]. В половине 1862 г. возвратились из частей в Инженерную академию Миладовский, Хойновский и другие, и так как события в Царстве Польском приняли характер более революционный, то это отозвалось и на петербургском кружке»¹¹².

Приведенные источники показывают, что кружок Сераковского—Домбровского был связан с Инженерной академией еще до «истории»,

¹⁰⁸ ЦГАОР, ф. 542п, оп. 1, д. 352, лл. 3, 4, 90.

¹⁰⁹ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 188.

¹¹⁰ Там же, л. 185.

¹¹¹ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 558, л. 176.

¹¹² Там же, лл. 176—177.

а когда она началась, то через П. Хойновского, В. Миладовского и др. воздействовал на офицеров и добивался организационного сплочения оппозиционных элементов. Большой резонанс имела «история» в Инженерной академии и среди участников студенческого движения. Вот одно из подтверждений сказанному. Студент Московского университета Э. Аптушевич, ездивший на рождественские каникулы 1860 г. в Петербург, рассказывал, что там на студенческих сходках много «говорили о Николаевской инженерной академии, о возникших там неудовольствиях академиков, в числе коих есть довольно поляков, и о возможности действовать через них, при вероятном обращении их в полки, на офицеров, не только из поляков, но и на тех русских, кои проникнуты современным духом»¹¹³.

Значение «истории» в Инженерной академии очень высоко оценил А. И. Герцен. В статье «Сто пятнадцать благородных офицеров» он писал: «Россия может радоваться и гордо смотреть на свою молодежь. В одном военно-учебном заведении нашлось сто двадцать шесть офицеров, которые предпочли обрушить на себя всяческие гонения военного начальства, испортить карьеру, чем молчать перед пелеными поступками начальства. Только одиннадцать раскаялись. Не даром мы с такой теплой надеждой смотрели на молодое поколение военных. Честь им и хвала!»¹¹⁴. Источники показывают, что не только сама «история», но и процитированная статья Герцена оказывала революционизирующее влияние на военную молодежь. Не только соответствующие листы «Колокола», но и рукописные списки этой статьи пользовались в ее среде широкой известностью. Список статьи был обнаружен, например, в тетради, отобранной у юнкера Владимирского пехотного полка Г. В. Ильинского и содержащей тексты нескольких десятков запрещенных произведений, главным образом стихотворных¹¹⁵. Ильинский был переведен в полк из находившегося в Москве Александровского сиротского кадетского корпуса¹¹⁶. Можно с уверенностью говорить о том, что статья о ста пятнадцати благородных офицерах была хорошо известна многим товарищам Г. В. Ильинского по корпусу, а также воспитанникам других московских, петербургских и иных кадетских корпусов.

В 1861 г. столичные военные кружки участвовали в ряде публичных выступлений, имевших политический характер и характеризовавшихся более или менее резкой антиправительственной направленностью. Среди такого рода выступлений могут быть названы, например, похороны Т. Г. Шевченко и Н. А. Добролюбова, панихида по жертвам расстрелов в Варшаве¹¹⁷. Сохранившиеся материалы об этих довольно хорошо освещенных в литературе выступлениях не позволяют сколь угодно конкретно выявить роль армейских революционеров в событиях и их тактическую линию. Несколько лучше обстоит дело со сведениями о действиях военных кружков в некоторых других выступлениях, имевших аналогичный характер.

Речь идет, в частности, о поддержке, которая была оказана военными кружками студенческому движению, развернувшемуся осенью 1861 г. Особую активность здесь проявил, как уже отмечалось выше, кружок «чернышевцев» в Артиллерийской академии во главе с П. Л. Лавровым. «Вчера у университетских ворот, — доносил петербургский обер-полицмейстер

¹¹³ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1861 г., д. 80, лл. 15в—15г.

¹¹⁴ «Колокол», № 92, 15.II 1861 г.

¹¹⁵ ЦГВИА, ф. 9л, оп. 52/77, канц. 2-й ст. по сч., 1863 г., д. 88, лл. 5—21.

¹¹⁶ Там же, лл. 58—59.

¹¹⁷ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 173; Е. С. Шаблюновский. Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. М., 1962, стр. 214—219; С. А. Рейсер. Революционные демократы в Петербурге. Л., 1957, стр. 128—130; Т. Г. Снятков. Студенческое движение в русских университетах в начале 60-х годов и восстание 1863 г. «Восстание 1863 г.» М., 1960, стр. 211—212, 214—215 и др.

великому князю Михаилу Николаевичу 28 сентября 1861 г., — при самом начале сборища стоял артиллерийский штаб-офицер, которому комендант приказывал удалиться, но он все время ходил между студентами [...]. По сведениям оказывается, что это полковник Лавров [...] — профессор Артиллерийской академии, человек весьма вредный — он то и делает, что подстрекает молодежь. Не удивительно, что на этих сходках много артиллерийских офицеров»¹¹⁸. В записке «для памяти», составленной в III отделе 4 апреля 1862 г., говорится, что Лавров «присутствовал осенью минувшего года на всех почти наружных студентских сходках, одобрял поступки студентов и не скрывал такового своего сочувствия к произведенным беспорядкам...» «Обнаруживая постоянно образ мыслей самый либеральный, — читаем дальше в записке, — он тем приобрел много поклонников, в особенности между военной молодежью. В Михайловской артиллерийской академии и Михайловском артиллерийском училище он сделался до того популярным, что тамошние офицеры и юнкера, называющие его „красным“, превозносят его до небес»¹¹⁹.

Наряду с Лавровым, среди участников студенческих «беспорядков» были связанные с его кружком офицеры Н. П. Андреев, И. З. Богданович, А. И. Семевский, Е. В. Странден и А. И. Энгельгардт, которые были арестованы и отданы под суд¹²⁰. Присутствие офицеров там, где готовились студенческие выступления, было не случайностью, а выполнением заранее принятого решения кружка артиллеристов¹²¹. Такое решение вполне соответствовало настроениям большинства действовавших в столице армейских революционеров. Это подтверждается не только воспоминаниями Пантелеева, который прямо связывает позицию Лаврова с настроениями военной среды¹²², но и некоторыми другими источниками.

20 октября 1861 г. великому князю Михаилу Николаевичу, который распорядился арестовать участвовавших в студенческих «сборищах» офицеров, поступило письмо, подписанное «Друзья народа и враги врагов его» и содержащее следующие слова: «Правительство уже слишком далеко зашло; но еще не поздно остановить его. А если теперь не остановит его государь, то скоро и очень скоро возьмется за это дело сам народ». Великий князь совершенно справедливо счел письмо это акцией революционных сил и сделал на нем такую помету: «Должно полагать, что это исходит все из тех же источников»¹²³.

Выше уже указывалось, что кружок Константиновского военного училища обсуждал вопрос о помощи репрессированным участникам студенческого движения. Воспитанники 1-го кадетского корпуса, находившиеся рядом с университетом, также сочувствовали студентам, открыто выступавшим против существующих порядков. Один из них вспоминал впоследствии: «Нам было видно: толпа студентов; женщина, державшая речь с бочки; атака жандармов с саблями наголо и атака преображенцев с барабанным боем. Сочувствие воспитанников было на стороне студентов; несколько студентов появлялись даже в стенах корпуса, но цель их появления мне неизвестна: одни говорили, что будто они возбуждают старшие роты к бунту, другие — что это были те, которые спасались от преследования полиции...»¹²⁴

¹¹⁸ ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5746, л. 14.

¹¹⁹ Там же, стр. 34—35.

¹²⁰ ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1-е отд., 1-й ст., 1861 г., д. 63, лл. 1—88.

¹²¹ М. П. Сажинов. Воспоминания, стр. 25—26; Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 341; Н. В. Шелгунов. Воспоминания, стр. 129.

¹²² «... Ведь перед Лавровым, — свидетельствует Пантелеев, — проходили не десятки, а целые сотни революционно настроенного офицерства» (Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 549).

¹²³ ЦГАОР, ф. 109л, 1 экзп., 1861, д. 458, л. 1—2.

¹²⁴ ЦГАЛИ, ф. 1937, оп. 1, д. 25, л. 62 (Н. А. Вельяшев. Воспоминания о бывшем 1-м кадетском корпусе. 1857—1863).

Чрезвычайно любопытны рассказы о том презрении, которым были окружены в Петербурге участники карательных мероприятий против студентов. Один из них содержится в так называемой «тетради Каплинского», написанной одним из вероятных участников кружка в Царскосельской стрелковой школе. «Публика здешняя, — говорится в «тетради» — выражает свое неудовольствие преображенцами разными скандальчиками, которые, разумеется, имеют цель не одного скандала, а цель и цель великую»¹²⁵. Приведенное место не оставляет сомнений в том, что революционные силы Петербурга, в том числе военные кружки, вели работу над созданием общественного мнения в пользу студенческого движения, причем вели ее не только сознательно, но в какой-то мере также планомерно и согласованно.

Любопытным эпизодом политической борьбы явилась попытка превратить в политическую манифестацию похороны декабриста Вл. Штейнгеля в октябре 1862 г. Обычно этот эпизод связывают исключительно с кружком Лаврова¹²⁶. Между тем, документы¹²⁷ показывают, что наряду с Лавровым, на похоронах присутствовали другие оппозиционно настроенные офицеры, причем наибольшую активность проявил полковник Иванов. По свидетельству очевидцев, Иванов, Лавров и другие участники похорон имели «неблаговидное намерение», останавливая процессию на людных перекрестках, привлечь к ней внимание публики и напомнить ей о тех событиях 1825 г., участником которых был Штейнгель. Власти с удовлетворением констатировали, что намерение это «было отстранено благоразумными распоряжениями сына покойного и священниками, которые в этом случае отказом своим служить литию у Троицкого моста сохранили должный порядок»¹²⁸.

Одним из крупнейших совместных выступлений петербургских военных кружков явился, несомненно, протест 106 офицеров различных родов войск против телесных наказаний в армии. Подготовка текста протеста, опубликованного в «Северной пчеле» 29 марта 1862 г., и сбор подписей у офицеров, служивших в различных частях и учреждениях столичного гарнизона, были осуществлены в течение 2—3 дней. Инициативная группа, которая составила текст, провела сбор подписей и вела все переговоры с редакцией, была связана с кружком «генштабистов». Среди подписавших протест много установленных и вероятных участников этого кружка; имеются также «чернышпевцы», вероятные участники царскосельского и других петербургских кружков. Протесту предшествовали и за ним следовали несколько выступлений в печати, имевшие, по всей вероятности, такое же происхождение. Все это позволяет предполагать, что «протест 106» был одной из заранее подготовленных совместных акций петербургских военных кружков, а каждого из поставивших свою подпись под его текстом — считать вероятным участником какого-либо из них¹²⁹.

Изучение имеющихся материалов об участниках «протеста 106», несмотря на свою немногочисленность, показывает, что это выступление тесно связано с предшествующими и последующими проявлениями революционного движения в армии. Среди инициаторов протеста находился Н. С. Козлов, учившийся раньше в Инженерной академии и близко

¹²⁵ ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1862, д. 140, л. 15.

¹²⁶ В. И. Семевский. Общественное движение в России в первой половине XIX в., т. I. Декабристы. СПб., 1905, стр. 320; Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Пг., 1921, стр. 86.

¹²⁷ ЦГВИА, ф. 725л, оп. I, д. 5746, лл. 2—3; ЦГАОР, ф. 109и, са, оп. I, д. 223, л. 8—9.

¹²⁸ ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5746, л. 3.

¹²⁹ Подробнее см.: В. А. Дьяков, А. Ф. Смирнов. Протест 106 офицеров..., стр. 224—230; РПРС, т. 1, стр. 218—220.

знакомый с участниками «истории». Участник протеста Н. А. Жданов был, по-видимому, до этого связан с революционным кружком в Новгородском кадетском корпусе, а К. Максевиц перешел впоследствии на сторону повстанцев. Особенно же знаменательно то, что целая группа участников «протеста 106», в том числе все его инициаторы, оказались вскоре среди тех, кто отслужил в Боровичах демонстративную панихиду «по казненным политическим преступникам»: И. Аригольдту и его товарищам.

Панихиду в Боровичах заказали в июле 1862 г. девять слушателей Академии генерального штаба, находившихся на топографических съемках в окрестностях города: П. Ф. Лихачев, Н. Ф. Рошковский, Ф. Ф. Шредерс, А. П. Чайковский, М. А. Фелькнер, А. П. Величковский, И. Л. Фатеев, А. Я. Снежко-Блоцкий, Н. С. Козлов¹³⁰. Буквально все они участники «протеста 106»; из пяти инициаторов протеста четверо (Фатеев, Лихачев, Козлов, Рошковский) являлись инициаторами панихиды. Главными зачинщиками, впрочем, следствие признало Лихачева и Рошковского; они после трехмесячного заключения были переведены в Оренбургский корпус; остальные получили несколько меньшие наказания¹³¹.

Организованная кружком Сераковского—Домбровского панихида в Боровичах не была единственным откликом армейских революционеров столицы на казнь И. Аригольда и его товарищей. 1 июля в Петербурге были отслужены такие же панихиды в Исакиевском и Казанском соборах, в Андреевской и Знаменской церквях. Из опроса священнослужителей выяснилось, что заказывали панихиды «двое мужчин, причту неизвестных»¹³². 2 июля III отделение получило письмо, которое подписано «членом тайного комитета» и содержит заявление, что перечисленные панихиды «служились по распоряжению главного революционного комитета». Панихиды, — говорится в письме, — «не раз повторяются в Петербурге, а теперь будут служить в Москве и в тех городах, где существуют тайные комитеты или агенты тайного общества»¹³³. Высказанная в письме угроза, судя по имеющимся данным, либо являлась мистификацией, либо не была осуществлена по независящим от его авторов причинам. Думается, все-таки, что письмо, оказавшееся петочным в деталях, правильно отражает главное: панихиды были совместной акцией революционных сил, и прежде всего, разумеется, армейских революционеров столицы.

Наличие значительных по своему размаху и общественному резонансу совместных или согласованных выступлений военных кружков Петербурга, а также приводившиеся выше факты о тесных повседневных связях между отдельными кружками, позволяют высказать предположение о существовании федерации армейских организаций столицы. В источниках нет сколько-нибудь полных и точных данных о времени возникновения и основных этапах развития такой федерации, о ее составе, наличии руководящего органа и его правах, о характере взаимоотношений внутри федерации, о ее внешних связях, как в Петербурге, так и вне его. Однако в источниках явственно прослеживается не только тенденция к объединению кружков, но и сравнительно отчетливые на отдельных этапах признаки реально существовавших и довольно прочных федеративных связей.

В литературе уже выдвигалась гипотеза о существовании единой Петербургской революционной организации, включающей как военные,

¹³⁰ ЦГВИА, ф. 395, оп. 297/857, 1862 г., канц., 2-й ст. по сч., д. 60, лл. 11—12.

¹³¹ ЦГВИА, ф. 725л., оп. 1, д. 5740, л. 61.

¹³² ЦГАОР, ф. 109я, 1 эксп., 1862 г., д. 140, л. 53.

¹³³ Там же, л. 49.

так и гражданские кружки¹³⁴. К сожалению, она не получила сколько-нибудь развернутого обоснования. Для обоснования предположения о федерации военных кружков, наряду с приводившимся выше материалом, могут быть использованы еще некоторые вытекающие из имеющихся источников доводы и соображения.

Первая группа доводов и соображений связана с тем общим планом создания революционных организаций, который в начале 60-х годов был разработан и осуществлялся совместными усилиями лондонского и внутрирусского революционных центров. В этом плане, как уже отмечалось выше, революционному движению в армии отводилась очень важная роль. Предполагалось, что в районах сосредоточения войск будут созданы военно-революционные центры, которые вступят в тесные контакты друг с другом, но сохраняют в достаточной степени свою самостоятельность. Среди этих центров на первое место выдвигались Петербург и Варшава. Состав петербургских кружков определялся планами как «офицеро-студентский» и «военно-литературный»; в качестве основного резерва рассматривались офицеры генерального штаба¹³⁵ и военных академий общей численностью примерно в 460 человек; специфические для петербургских военных кружков задачи заключались в подготовке руководящих командных кадров для будущего восстания и в борьбе за политическое влияние на гвардию.

Фактический материал убеждает нас в том, что изложенный план претворялся в жизнь по всем основным направлениям, включая и создание федераций военных кружков в намеченных районах. Ярким примером такого рода федерации явилась революционная организация русских офицеров в Польше. В Петербурге федерация военных кружков не имела такой обособленности и законченности в структуре. Это имело свои причины, заключающиеся прежде всего в специфике местных условий: тесных связях между учащимися военными и гражданскими учебными заведений, отсутствии той неизбежной разобщенности между офицерами различных войсковых частей, которая возникает при расположении их в небольших удаленных друг от друга гарнизонах, характером и степенью интенсивности идейно-политической борьбы в столичном обществе и т. д.

Состав петербургских кружков вполне соответствовал приводившимся сведениям о том, какими они выглядели в планах революционеров. Выше уже было показано, что в отдельные кружки, преимущественно офицерские по своему составу, входили студенты и литераторы, что офицеры, в свою очередь, участвовали во многих студенческих по преимуществу кружках. Суммарная статистика по Петербургскому гарнизону не оставляет сомнений, что ведущее положение занимали в целом генштабисты и слушатели военных академий (см. табл. 1—6). Из 442 человек, отнесенных к числу вероятных участников кружков, было 138 прапорщиков и подпоручиков (31,2%), 143 поручиков, штабс-капитанов и капитанов (32,4%), 17 майоров, подполковников и полковников (3,85%), 73 офицера неустановленного чина (16,35%), 53 воспитанника средних военно-учебных заведений (12%), 10 военных медиков и чиповников военного ведомства (2,3%) и 8 невоенных (1,9%). По возрасту — лица, родившиеся в 1830 г. и раньше, составляли 7,5%, лица, родившиеся в 1831—1835 гг. — 17,9%, в 1836—1840 гг. — 49,6%, в 1841—1845 гг. —

¹³⁴ Е. С. Шаблювский. Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. Киев, 1962, стр. 133.

¹³⁵ В начале 60-х годов XIX в. в России не существовало еще Генерального штаба как учреждения, а было несколько сот офицеров, занимавших требующие специальной подготовки штабные должности и причисленные к «генеральному штабу» как к роду службы.

25%. Среди тех, на кого имеются данные, около 80% были воспитанниками военно-учебных заведений столицы, в том числе около 40% — учащимися военных академий. По месту рождения 33,2% составляли уроженцы коренных русских губерний, 41,8% — так называемых северо-западных, 13,8% — юго-западных, 8,6% — Царства Польского, 2,6% — прочих территорий. По вероисповеданию распределение было следующим: католиков 49,2%, православных — 45,5%, лютеран — 3,3%, прочих — 2%. Наконец, по сословной принадлежности потомственные дворяне составляли 93,5%, личные — 5,1%, выходцы из духовенства — 0,4%, разночинцы — 1%; при этом 75% тех, на кого имеются сведения, недвижимым имуществом не владели.

Вторая группа доводов основывается на сведениях о первом этапе истории армейских революционных кружков в Петербурге, освещенном «Материалами для биографии Н. А. Добролюбова», воспоминаниями Н. Д. Новицкого и М. А. Домонтовича и другими источниками. На этом этапе возникающие кружки (их было сравнительно немного и они были малочисленны) несомненно имели постоянные контакты друг с другом и находились в тесной связи с Чернышевским, Добролюбовым и их ближайшими единомышленниками. Любопытно, что в своих воспоминаниях Н. Шаганов собирался совместить рассказ об участии Чернышевского в «Военном сборнике» с рассказом о Сераковском. Намерение это осталось, к сожалению, неосуществленным, но оно в какой-то мере указывает на связь явлений. Сама логика развития говорит о том, что федеративные связи общепетербургского масштаба, существовавшие на этапе генезиса кружков, должны были не ослабевать, а напротив — развиваться и укрепляться. Так оно, несомненно, и было, хотя фактов для подтверждения этого пока еще и недостаточно.

Следующая — третья — группа доводов вытекает из того, что нам известно о Н. Н. Обручеве и З. Сераковском, об их месте в революционном движении, их роли в ряде конкретных событий. Многое здесь становится ясным, если мы примем гипотезу о существовании единой федерации армейских кружков в столице и предположим, что Обручев и Сераковский являлись ее руководящими деятелями. В этом случае, например, относящиеся к 1860—1861 гг. контакты Обручева с лондонским революционным центром, его тесное сотрудничество с Огаревым в разработке плана создания революционных организаций в России вообще и в русской армии в частности выходят за рамки личных взаимоотношений. Тогда смысл соответствующих мест в сохранившихся письмах и конспиративных документах становится значительно более понятным. В этом случае становится яснее также известные факты о роли Обручева в создании «Земли и воли», по-иному выглядит замысел создания ее первой «пятерки»: в нее вошли, очевидно, не случайные инициаторы объединения, но представители объединяемых организаций. Наконец, в этом случае приобретает определенный смысл свидетельство одного из источников¹³⁶ о предполагавшемся участии Обручева в лондонских переговорах русских и польских революционеров¹³⁷.

З. Сераковский, находившийся в заграничной командировке в 1860—1861 гг. почти одновременно с Обручевым, несомненно, так же как и последний, участвовал в разработке планов революционной борьбы, выступая в качестве представителя армейских революционеров Петербурга. Сераковский был за границей и во время лондонских переговоров. Воспоминания А. Сераковской свидетельствуют о том, что он жил в это время в Париже и поддерживал контакт с многими деятелями, близкими

¹³⁶ Речь идет о воспоминаниях В. Милевича (см. «Wydawnictwo materiałów do historii powstania 1863—1864», t. IV, стр. 76).

¹³⁷ Подробнее о лондонских переговорах см. РПРС, т. 1, стр. 517—581.

к участникам переговоров¹³⁸. М. Бакунин знал о намерении Сераковского поехать в Лондон и ждал его там¹³⁹. Все это позволяет предполагать, что вместо Обручева, которому не удалось приехать, представителем петербургских военных кружков во время лондонских переговоров являлся Сераковский.

Судя по имеющимся источникам, Сераковский с середины 1860 г. формально не стоял во главе организованного им кружка «генштабистов», хотя оказывал большое, моментами решающее влияние на его деятельность и деятельность других военных кружков в столице. Поскольку предположение о том, что этот «удивительный человек по силе, энергии и самоотверженности»¹⁴⁰ отошел от борьбы и сохранил только чисто моральный авторитет в организации, явно не соответствует действительности, постольку речь может идти, очевидно, только о его руководящей деятельности в масштабах федерации столичных военных кружков¹⁴¹. Это находит подтверждение в тех показаниях участников кружка «генштабистов», в котором Сераковский называется «старшим» по Петербургу, а также в ряде других источников, упоминавших выше. Очень ярким и, как представляется, вполне авторитетным подтверждением такой версии является прямое свидетельство, опубликованное хорошо осведомленными современниками и участниками событий через несколько лет после того, как они произошли. Речь идет о послесловии редакции «Ojczyzna» к воспоминаниям о Сераковском, написанных Б. Залеским. В нем говорится следующее: «Дополняя этот очерк, лица, хорошо знавшие Сераковского, считают нужным указать, что в Петербурге в 1861—1862 гг. он был руководителем военного союза, к которому принадлежали как поляки, так и русские и участвовал в создании союза чисто русского, который действительно был образован»¹⁴². Термин «военный союз» может быть истолкован как название кружка «генштабистов», тогда союз «чисто русский» будет означать федерацию столичных военных кружков. Более вероятным представляется, однако, что под «военным союзом» понималась эта последняя, а под «чисто русским» союзом — «Земля и воля». В обоих толкованиях приведенная цитата прямо подтверждает существование федерации и руководящую роль в ней Сераковского.

Четвертую группу доводов, подтверждающих существование федерации, образуют доводы, связанные с петербургскими переговорами русских и польских революционеров, которые завершились 23 ноября (5 декабря) 1862 г. Судя по имеющимся источникам, в переговорах¹⁴³ участвовали: представители «Земли и воли» Н. И. Утин, А. А. Слещов, Л. Ф. Пантелеев, уполномоченный Центрального национального комитета партии красных З. Падлевский, руководитель революционной организации русских офицеров в Польше А. А. Потебня. Кроме этого в них принял участие В. Коссовский, которого обычно называют представи-

¹³⁸ В. Б. Бякулич. Воспоминания А. Далева (Сераковской) и другие материалы ЦГИА Литовской ССР о З. Сераковском. В сб. «К столетию борьбы за нашу и вашу свободу». М., 1964.

¹³⁹ «Летописи марксизма», 1928, № 5, стр. 62.

¹⁴⁰ Слова А. И. Герцена из вариантов «Былого и дум». Собр. соч., т. XI, стр. 610.

¹⁴¹ В. Р. Лейкипа-Свирская и В. С. Шидловская (см. указ. соч., стр. 44), отмечая решающее влияние Сераковского до момента его отъезда в Литву в марте 1863 г. и заявляя, что он «продолжал стоять во главе петербургской организации» (так они называют кружок «генштабистов»), впадают в противоречие с тем материалом о Комитете в составе Огрызко, Коссовского, Юндзила и Опоцкого, который сами же приводят. Противоречие это снимается само собой, если принять гипотезу о существовании столичной федерации, военных кружков и о руководящей роли в ней Сераковского.

¹⁴² «Ojczyzna», 1865, № 31. Цитируется по кп.: А. Ф. Смирнов. Сигизмунд Сераковский..., стр. 82.

¹⁴³ Подробнее о переговорах см. РПРС, т. 1, стр. 517—581.

телем кружка «генштабистов». Между тем статус Коссовского следует оценивать, по-видимому, несколько иначе. Нет никакого сомнения в том, что к концу 1862 г. в Петербурге действовал не один, а несколько военных кружков, и участие в переговорах на высшем уровне представлятеля пусть самого большого, но все же не единственного кружка выглядело бы по меньшей мере не логичным. Зато, если видеть в Коссовском уполномоченного федерации армейских кружков столицы, либо лицо, представляющее одновременно и федерацию и кружок Сераковского—Домбровского, то его присутствие на переговорах делается вполне уместным.

Представляется, что такое предположение ставит на свои места некоторые известные факты, делает более понятными отдельные свидетельства источников. Падлевскому, например, по словам О. Авейде, «в Петербурге русские офицеры прямо объявили, что могут быть с нами (т. е. с ЦНК партии красных. — В. Д.) в сношениях только при посредничестве Центрального русского комитета, с которым они, как русские, считают необходимым действовать заодно»¹⁴⁴. Поскольку сразу же вслед за этими словами Авейде пишет о «польском военном комитете», под которым подразумевает кружок «генштабистов», то совершенно очевидно, что в приведенной цитате речь идет о федерации столичных военных кружков в целом. Как выясняется из рассказа Авейде, позиция «генштабистов» близка к указанной, но совпадает с ней не полностью: «...они объявили, что до минуты восстания желают сохранить свою полную самостоятельность, и в зависимости от Центрального варшавского комитета быть не желают»¹⁴⁵.

В своих воспоминаниях Пантелеев, проявляя свою недостаточную осведомленность, заявляет, что Падлевский, приехав для переговоров, «устроил в Петербурге отдел польской революционной организации и убедил встать во главе его Огрызко, а для сношений с «Землей и волей» назначил Владислава Коссовского»¹⁴⁶. М. К. Лемке считает это свидетельство неверным и ссылается при этом на «записки» Авейде¹⁴⁷ и на рассказы А. А. Слепцова¹⁴⁸. Противоречит свидетельство Пантелеева и всем тем фактам, относящимся к истории петербургских офицерских кружков, которые приводились выше.

Коссовский в своих показаниях ограничил собственную роль только функциями связного, который помог установить контакт Падлевского с «Землей и волей», с военными кружками, но не участвовал в переговорах¹⁴⁹. Это вызывает сомнение уже потому, что Падлевский, располагавший широкими связями среди военных в Петербурге и имевший рекомендательное письмо от издателей «Колокола», едва ли нуждался в подобных услугах со стороны Коссовского. Противоречит роли простого связного и то положение, которое занимал Коссовский среди армейских революционеров столицы как один из давних участников движения, преподаватель Польской военной школы в Генуе-Кунео, только что возвратившийся из-за границы. З. Сераковский, вероятно, был бы представителем столичной федерации военных кружков на петербургских переговорах, если бы он не находился в это время за границей. Коссовский заменил его, как один из руководящих деятелей федерации, недавно видевшийся с Сераковским, знавший о ходе и результатах переговоров в Лондоне.

¹⁴⁴ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 99.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания, стр. 321.

¹⁴⁷ Следственные показания и записки..., стр. 493.

¹⁴⁸ А. И. Герцен. Собр. соч. под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 88.

¹⁴⁹ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 24—25 и др.

Пятая и последняя группа доводов и соображений базируется на изучении тех представлений, которые сложились в свое время у следственных властей на основании имевшихся в их распоряжении материалов. Представления эти нашли выражение, например, в том, что соответствующие документы Виленской следственной комиссии объединены в «Дело о Петербургской революционной организации»¹⁵⁰. Разумеется, подручные М. Н. Муравьева вложили в это заглавие свое собственное понимание сущности событий, основывающееся на убеждении в том, что все революционное движение в России является пресловутой «польской интригой». Для них «Петербургская революционная организация» так же как и Гродненская, Виленская или Ковенская организации, были организациями польскими, и интересовали их исключительно в этом качестве¹⁵¹. Совершенно ложные исходные позиции предопределили неудачу следствия: оно не смогло раскрыть ничего, кроме «литературных вечеров» и некоторых других внешних проявлений деятельности кружка «генштабистов». Однако, и Варшавская, и в особенности Виленская следственные комиссии правильно подметили наличие внутреннего единства петербургских военных кружков и, сами того не желая, собрали материалы, показывающие, что основа этого единства заключалась вовсе не в «польской справе».

Чрезвычайно показательна в этом отношении та суммарная характеристика, которую Н. В. Гогель дает программе военных и гражданских революционных кружков, существовавших в Петербурге к концу 1862 г. По его словам, эти кружки имели цель: «распространять социалистические учения, разрушать начала общественной нравственности, колебать веру в основах религии и путем революции ниспровергать существующий порядок в государстве. Средствами для сего должны служить: 1) пропаганда между сельским населением с объявлением, что земля составляет собственность всего народа; 2) возбуждение крестьян против землевладельцев, дворянства и вообще против власти; 3) устройство различных школ, артелей, мастерских и иных ассоциаций, дабы посредством их сблизиться с народом и впускать ему зловерные учения социализма»¹⁵². Характеристика Гогеля подтверждается свидетельством совершенно иного источника: Н. Шаганов вспоминал, что в первом варианте «Пролога» Чернышевский описал споры Сераковского «о социализме в военных кружках»¹⁵³. Совершенно очевидно, что организации с такой программой не могли иметь и не имели той узконационалистической польской направленности, которую им пытаются приписать царские следственные инстанции и Н. В. Гогель, как один из их глашатаев.

Таковы доводы и соображения, могущие служить для обоснования предположения относительно существования на рубеже 50-х и 60-х годов XIX в. единой федерации военных кружков в Петербурге. Следует еще раз подчеркнуть, что указанное предположение является лишь рабочей гипотезой, вытекающей из одних, но противоречащей другим источникам, удачно объясняющей многие, но далеко не все известные нам факты. Думается, что необходимо продолжать изучение аргументов «за» и «против» данной гипотезы и поиски новых источников, содействующих окончательному решению вопроса.

¹⁵⁰ ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, дд. 1833—1839.

¹⁵¹ Характерно, например, что многие имеющиеся в названном деле сведения о Н. И. Утине, Л. Ф. Паптелееве, П. В. Пушторском и других деятелях «Земли и воли» следственная комиссия оставила практически без внимания.

¹⁵² Н. В. Гогель. Иосафат Огрызко и петербургский революционный ржонд..., стр. 132—133.

¹⁵³ А. Ф. Смирнов. Революционные связи..., стр. 174.

Из всего, что говорилось выше, очевидно, что роль петербургских военных кружков конца 50-х—начала 60-х годов в развитии русско-польских революционных связей весьма значительна. Полностью поддерживая эту вполне обоснованную оценку, не раз высказывавшуюся исследователями, необходимо сделать несколько замечаний по поводу угла зрения, принятого для освещения соответствующих явлений. В имеющейся литературе зачастую дело сводится главным образом, а то и исключительно, к кружку Сераковского—Домбровского, который изображается как польская революционная организация, постоянно сотрудничавшая с русскими революционными организациями и активно содействовавшая развитию подобного сотрудничества в более широком масштабе. Наиболее характерной в этом отношении является статья Лейкиной-Свирской и Шидловской¹⁵⁴. Несколько противоречива в данном вопросе позиция А. Ф. Смирнова, который указывает на многонациональный состав офицерской организации в Петербурге¹⁵⁵, подчеркивает, что такие выступления, как «история» в Инженерной академии выражали солидарность армейских революционеров — русских и польских¹⁵⁶, но в то же время помещает соответствующий материал в главе с заглавием «Польско-литовские революционные кружки в Петербурге»¹⁵⁷ и в параграфе, посвященном названию «Офицерская организация и русское революционное движение»¹⁵⁸.

Думается, что приводимые в данной работе и опубликованные ранее сведения о составе кружка Сераковского—Домбровского, других столичных кружков из военнослужащих, а также сводные данные об армейских революционерах по Петербургскому гарнизону делают неправомерным прежний подход к явлениям. Военные кружки в Петербурге, как, впрочем, и многие другие революционные организации 60-х годов, строились не по национальному, а по территориальному принципу. Поэтому более правильным будет перенести центр тяжести из плоскости сотрудничества между организациями, из которых одни без достаточных оснований считаются чисто польскими, а другие столь же мало обоснованно называются чисто русскими¹⁵⁹, в плоскость межнационального, в частности, русско-польского, сотрудничества внутри кружков и организаций. При полном и всестороннем учете иных форм сотрудничества такой подход позволит расширить и углубить существующие представления о характере, сфере распространения и прочности русско-польских революционных связей в военной среде.

Говоря о многонациональном составе военных и других революционных организаций 60-х годов, о значительном участии в них поляков, необходимо подчеркнуть важность данного факта для истории русского и польского революционного движения. Именно в 60-х годах практика совместной революционной борьбы русского и польского народов привела к созданию в определенных условиях единых многонациональных организаций по территориальному принципу при одновременном существовании организаций национального характера и при широком признании права двойного членства, которым пользовались, в частности, Э. Сераковский, Я. Домбровский, А. А. Потемня и многие другие армейские революционеры. В условиях многонационального государства, где необхо-

¹⁵⁴ В. Р. Лейкина-Свирская, В. С. Шидловская. Указ. соч., стр. 8, 36, 39, 42, 44 и др.

¹⁵⁵ А. Ф. Смирнов. Революционные связи..., стр. 154, 165, 171.

¹⁵⁶ Там же, стр. 168.

¹⁵⁷ Там же, стр. 144.

¹⁵⁸ А. Ф. Смирнов. Революционные связи..., стр. 167.

¹⁵⁹ Речь идет, в частности, о «Земле и воле»: в нее ведь, как известно, паряду с русскими, входили также поляки, украинцы, белорусы, грузины, армяне и представители других народов Российской империи.

димо было уметь сочетать борьбу за свержение самодержавия и решение других задач общероссийского масштаба с борьбой за осуществление надежд и чаяний отдельных народов Российской империи, указанный подход к делу явился серьезным вкладом в сокровищницу революционного опыта. Не случайно этот опыт был использован последующими поколениями революционеров, как на «разночинском», так и на «социал-демократическом» этапе истории революционного движения.

Федерация революционных кружков, существовавшая, по-видимому, в Петербургском гарнизоне на рубеже 50-х и 60-х годов прошлого века, насчитывала несколько сот участников. Внутреннее единство каждого из кружков, как и степень сплоченности федерации в целом, были весьма далеки от тех требований, которые предъявлялись к революционным организациям в последующие десятилетия. «На наш современный взгляд, — писал В. И. Ленин в 1901 г., — кажется странным говорить с революционной «партии» и ее натиске в начале 60-х годов. Сорокалетний исторический опыт сильно повысил нашу требовательность насчет того, что можно назвать революционным движением и революционным натиском».¹⁶⁰ Но по сравнению с предшествующим периодом, в частности с временами декабристов, армейские революционеры стали более многочисленными и поднялись на более высокую ступень в организационном отношении.

В подавляющем большинстве армейские революционеры, как и в предшествующий период, являлись офицерами. Политические идеалы их претерпели определенные изменения. Но особенно существенными были изменения в стратегии и тактике революционной борьбы. Речь шла теперь не о военном перевороте с помощью слепо идущих за своим командиром солдат, но о «повсюдном» военно-крестьянском восстании. «Шире стал круг борцов, ближе их связь с народом», — эти ленинские слова¹⁶¹ как нельзя лучше раскрывают суть происходивших изменений.

Очень существенные сдвиги наблюдались в социальном составе участников революционного движения. Среди декабристов-военнослужащих преобладали выходцы из знатных и богатых дворянских фамилий. По своей сословной принадлежности участники революционных организаций в Петербургском гарнизоне были также дворянами, но четыре пятых из них происходили из семей, которые не владели крепостными и не имели земельной собственности, т. е. фактически являлись разночинцами. Это было самое начало разночинского этапа в истории революционного движения. Следы предшествующего дворянского этапа были значительными как в идеологии, так и в социальном составе офицерских организаций. Однако и в той и в другой области уже начали сказываться те количественные изменения, которые в 70-е годы приведут к большому качественному скачку.

¹⁶⁰ В. И. Ленин. Соч., т. 5, стр. 26.

¹⁶¹ В. И. Ленин. Соч., т. 18, стр. 15.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СОСТАВА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ГАРНИЗОНЕ ЗА 1856—1865 гг.

Облик каждой революционной организации в значительной мере определяется ее политической программой и той тактикой, которую она применяет в борьбе за достижение поставленных целей. Поэтому естественно, что при изучении истории революционного движения исследователи обращают внимание прежде всего на эту сторону дела. Однако для глубокой и полной оценки исторического значения как отдельной организации, так и определенного этапа движения в целом не менее важным представляются сведения о численности и социальном положении его участников, их национальной принадлежности, возрасте и т. д.

Одно из важнейших препятствий, которое встречают исследователи при изучении истории революционных организаций эпохи падения крепостного права в рамках Петербургского гарнизона, заключается в недостатке конкретных, точных и приведенных в определенную систему сведений об участниках этих организаций. Между тем без этих сведений невозможно составить полного представления о деятельности армейских революционеров столицы, о численности, программно-тактической линии и сети созданных ими организаций. Думается поэтому, что такого рода сведения при существующем состоянии источниковедческой базы могут представлять интерес для исследователей.

Собранные сведения группируются ниже тремя способами. Прежде всего они распределены по персоналии и превращены в краткие справки о каждом из вероятных участников революционных организаций в Петербургском гарнизоне. Каждая из справок включает (при наличии соответствующих сведений) данные о возрасте и месте рождения, вероисповедании, сословной принадлежности и имущественном положении, образовании, а также об участии в революционном движении с выделением на первый план того, что относится к периоду службы в Петербургском гарнизоне; в конце текста о данном лице дается суммарная ссылка на использованные источники; все справки расположены по алфавиту. На основе кратких справок сделаны статистические подсчеты; они образуют вторую составную часть «Материалов для реконструкции» и сведены в шесть таблиц по следующим критериям: чин, возраст, место воспитания и обучения, место рождения, вероисповедание, сословная принадлежность и имущественное положение. Третьей составной частью «Материалов» являются списки лиц, отнесенных при статистических подсчетах к той или иной из революционных организаций. Все три части органически связаны друг с другом и должны рассматриваться как единое целое. Новые сведения из неизвестных мне источников, разумеется, могут внести более или менее существенные коррективы в «Материалы», но их назначение в том именно и состоит, чтобы быть исходным рубежом для дальнейшего накопления фактов.

Как явствует из сказанного, фундаментом «Материалов» являются краткие справки на вероятных участников движения. Источниками для их составления послужила литература вопроса, мемуары и эпистолярное наследство эпохи падения крепостного права, документальные публикации, периодические издания тех лет (легальные и нелегальные), а также многочисленные и разнообразные архивные материалы. Не имея возможности подробно разобрать всю массу использованных источников, остановлюсь коротко на тех из них, которые наиболее важны, и охарактеризую методы своей работы.

Первая задача, которую предстояло решить при подготовке «Материалов», заключалась в возможно более широком и полном выявлении участников революционного движения в Петербургском гарнизоне. С этой целью был просмотрен ряд работ справочного характера на русском и польском языках¹. Среди них следует

¹ Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь, сост. А. А. Шиловым и М. Г. Карнауховой (далее — Бб. словарь...), т. I.

выделить основанную на недошедших до нас мемуарных источниках работу Ю. Бялыни-Холодецкого «Польский кружок офицеров в Петербурге в 1860—1861 гг.» и приложенные к этой работе два списка: а) участников заседаний этого кружка в феврале 1861 г. и б) российских офицеров, перешедших на сторону революции². Были использованы также имеющиеся исследования, в том числе остающиеся пока в рукописи³, опубликованные источники мемуарного и эпистолярного характера на русском и польском языках, появившиеся в печати документальные публикации⁴. Однако важнейшей составной частью источниковедческой базы для данного круга вопросов являлись архивные материалы.

Среди тех архивных источников, которые были использованы для выявления армейских революционеров и оппозиционно настроенных военнослужащих из Петербургского гарнизона, особого упоминания заслуживает список 106 офицеров различных родов войск, выступивших с протестом против телесных наказаний⁵, приказ по военно-учебному ведомству о так называемой «истории» в Инженерной академии⁶, списки носителей «литературных вечеров» на квартире Я. Домбровского и его товарищей, имеющиеся в судебно-следственных материалах⁷. Только названные источники содержат около 300 фамилий, несомненно заслуживающих внимания исследователей. Более или менее значительные группы интересных для данной темы лиц называются в делах о паниках в Боровичах⁸, о побеге в район восстания весной 1863 г. кондукторов Инженерного училища⁹, об офицерах, участвовавших в студенческих волнениях 1861 г.¹⁰, а также в ряде других дел.

вып. I. М., 1927; вып. II. М., 1928; т. II, вып. I. М., 1929; вып. II. М., 1930; вып. III. М., 1931; вып. IV. М., 1932; С. С. Татищев. Социально-революционное движение в России, ч. I, 1861—1871. Рукопись. ЦГАОР, ф. 1741и, инв. № 16100; Z. Kolumna. Pamiętka dla rodzin polskich. Kraków, 1868; J. Białynia-Chołodęcki. Księga pamiątkowa. Lwów, 1904; Polski słownik biograficzny (далее — PSB); St. Zieliński. Bitwy i potyczki 1863—1864. W Rapperswilu, 1913 (далее — Зелинский).

² J. Białynia-Chołodęcki. Указ. соч., стр. 9—15.

³ Особою внимательно изучались, в частности, следующие работы, богатые фактическим материалом о многих деятелях революционного движения в армии: А. Ф. Смирнов. Революционные связи народов России и Польши. М., 1962; Р. А. Таубин. К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в создании «революционной партии» в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в. «Исторические записки», т. 39. М., 1952; стр. 59—97; В. Е. Фильгус. Революционное движение в России и русская армия в годы первого демократического подъема (1861—1863). Рукопись кандидатской диссертации. М., 1949 (далее — Революционное движение...); Н. Н. Новикова. «Великорусс» и его место в демократическом движении периода революционной ситуации 1859—1861 гг. Рукопись кандидатской диссертации. М., 1951; С. А. Рейсер. К вопросу о революционных связях Н. А. Добролюбова. «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IX, № 1, стр. 52—60 (1952 г.); P. Łossowski i Z. Młynarski. Rosjanie, Białorusini i Ukraińcy w powstaniu styczniowym. Wrocław, 1959.

⁴ В том числе Н. Г. Чернышевский. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова. М., 1890; Н. В. Шелгунов. Воспоминания. М.—Пг., 1923; М. П. Сажиб. Воспоминания. М., 1925; М. Н. Слепцова. Штурманы грядущей бури (из воспоминаний). «Звенья», т. 2. М.—Л., 1933, стр. 386—464; J. Staniewicz. Wspomnienia o Zygmuncie Sierakowskim. Kowno, 1939; Struś. Ludzie i wypadki z 1861—1865. Lwów, 1894; отрывки из воспоминаний Ф. Варавского в кн.: W. Przyborski. Historia dwóch lat, t. IV. Kraków, 1895, стр. 216—230 и др.; Г. В. Богданов. В. А. Дьяков. Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861—1863 гг. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов», М., 1960, стр. 489—637 (далее — Алфавит...); В. А. Дьяков. Список руководящих деятелей восстания 1863—1864 гг., составленный В. В. фон Валем. «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года». М., 1962, стр. 506—566 (далее — Список фон Валя...); В. А. Дьяков. Алфавитный список членов офицерской организации, возглавляемой Комитетом русских офицеров в Польше, и лиц, которые могли быть связаны с этой организацией. В сб.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1963, стр. 34—82 (далее — Алфавитный список...).

⁵ Подробнее о нем см.: В. А. Дьяков, А. Ф. Смирнов. Протест 106 офицеров. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1960, стр. 224—237 (далее — Протест 106...).

⁶ ЦГВИА, ф. 725л., оп. 1, д. 5547, лл. 8—13, РПРС, т. 1, стр. 206—210.

⁷ Наиболее полный из них см. ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, лл. 12—16.

⁸ ЦГВИА, ф. 395; оп. 297/857; 2 стол по сч., 1862, д. 60; оп. 299/859; ч. ОА, 1862, д. 473; ф. 725л., оп. 1, д. 5740.

⁹ ЦГВИА, ф. 330л., оп. 1, дд. 2051, 2098, 2105.

¹⁰ ЦГВИА, ф. 9л., оп. 92/37, 1 отд-е, 1 стол, 1861, дд. 63 и 75; ф. 725л., оп. 1, д. 4498.

Военнослужащие, в особенности молодые и имеющие небольшие чины, обычно не задерживались долго на одном месте. В Петербургском гарнизоне, где было очень много военно-учебных заведений, тенденция к перемещениям была несомненно более значительной, чем во многих других гарнизонах. Поэтому естественно предполагать, что ряд вероятных участников столичных революционных кружков, оставшихся в теги за время пребывания в Петербурге, могли проявить свои оппозиционные настроения впоследствии или до приезда в столицу. Это соображение заставило не ограничивать поиски какими-либо территориальными рамками, а выявлять всех участников революционного движения среди военнослужащих в эпоху падения крепостного права с тем, чтобы потом внимательно изучить связи каждого из тех, кто какое-то время находился в Петербурге.

Вторая задача, которую предстояло решить при подготовке «Материалов», заключалась в сборе и приведении в систему биографических данных о выявленных участниках движения. Эта задача решалась не столько при помощи перечислявшихся выше источников, которые, как правило, очень бедны такого рода сведениями, сколько на основе соответствующих послужных списков, кратких записок о службе и других аналогичных по своему назначению документов, штатно-должностных списков, списков офицерского состава по старшинству и т. д.

Наиболее ценными из перечисленных учетных документов военного ведомства являются заводившиеся на офицеров формулярные списки (существовали до 1861 г.) и сменявшие их послужные списки. Послужной список, данные которого по правилам (не всегда, впрочем, соблюдавшимся) должны были подтверждаться подписью того, о ком в нем говорилось, имел следующие основные графы: 1) фамилия, имя, отчество, должность, демографические данные (возраст, сословие, место рождения, вероисповедание); 2) выслуга лет, чины и звания; 3) прохождение службы (переводы из части в часть); 4) участие в походах, награды и отличия; 5) образование общее и военное; 6) отпуска; 7) дисциплинарные взыскания, судимость; 8) состоит ли в наличии, если отсутствует, то где; 9) семейное и имущественное положение, 10) аттестация. Копии послужного списка прилагались к представлениям о производстве офицера в следующий чин, о переводе из части в часть, о предоставлении долгосрочного отпуска или увольнении от службы, об откомандировании в военно-учебные заведения и т. д. Именно с ними преимущественно и приходится иметь дело, так как комплекты подлинных послужных списков, создававшихся в каждой части, как правило, не сохранились. Копии же послужных списков рассыпаны в переписке по личному составу и найти их нелегко. Значительное количество копий послужных списков сохранилось в очень больших и сложных фондах Инспекторского департамента военного министерства (ЦГВИА, ф. 395, оп. 297/857, 300/860, 53/577, 54/578, 55/579, 56/580 и др.), и главного штаба военно-учебных заведений (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 128, 129, 180—193 и др.). Кроме этого, формулярные и послужные списки имеются в фондах некоторых военно-учебных заведений: Артиллерийской академии (ЦГВИА, ф. 310л, оп. 1, д. 715—725), Инженерной (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 297—299), Павловского кадетского корпуса (ЦГВИА, ф. 319л, оп. 1, д. 413, 417, 421, 424, 428), Константиновского военного училища (ЦГВИА, ф. 320л, оп. 1, д. 1586, 1593, 1594, 1597, 1600, 1604, 1605) и т. д. Послужные списки на лиц, привлекавшихся к суду и следствию, хранятся в соответствующих делах Аудиторского департамента (ЦГВИА, ф. 9л) или полевых аудиториатов различных соединений (ЦГВИА, ф. 527л, 529л, 531л, 536л, 539л).

Краткие справки о службе, содержащие все основные формулярные данные на момент их составления, подготовлялись при переводах офицеров и чиновников военного ведомства из части в часть, представлениях к производству в следующий чин, увольнению в отставку, к длительному отпуску и т. п. Наряду с этими форменными краткими справками составлялись по разным надобностям произвольные по форме справки, содержащие более или менее подробные сведения об одном или нескольких военнослужащих. Формулярные данные обязательно излагались просителем в прошениях на имя царя; в той или иной степени они фиксировались в разнообразной и многочисленной переписке по личному составу, распыленной по делам множества фондов главным образом ЦГВИА, но отчасти и других архивов. Чрезвычайно кропотливую и трудоемкую работу по сбору биографических сведений никогда нельзя считать законченной, так как на дополнительные данные можно натолкнуться при просмотре любого из тех случаев, когда их можно было бы считать достаточно обоснованными. Соответственно при составлении статистических таблиц были использованы только те сведения, которые включены в краткие справки. Фамилии, имена и отчества даны в транскрипции, принятой в официальных документах XIX в.

КРАТКИЕ СПРАВКИ О ВЕРОЯТНЫХ УЧАСТНИКАХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ КРУЖКОВ В ПЕТЕРБУРГСКОМ ГАРНИЗОНЕ

1. Абросимов, офицер 4-й резервной артиллерийской бригады; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 230).

2. Аверкиев, офицер Перновского гренадерского полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 230).

3. Аверкиев Иван Иванович, поручик 1-го гренадерского стрелкового батальона; родился в 1840 г., православный, из дворян, недвижимым имуществом не владел; в 1861—1862 гг., будучи прикомандирован к Артиллерийской академии, являлся распорядителем воскресной школы при 3-й Петербургской гимназии, где занимался антиправительственной агитацией и распространением нелегальных изданий, в том числе прокламации «К офицерам»; был связан со многими участниками революционного движения из военных и из студентов; после шестимесячного предварительного заключения переведен в войска Кавказской армии (подробнее см. Бб. словарь..., вып. II, стр. 11; Алфавит..., стр. 504—505, 564—565).

4. Адамович, офицер 14-го стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 230). В связи с отсутствием каких-либо дополнительных данных не представляется возможным соотнести данного офицера с П. И. Адамовичем (см.). Возможно, что речь идет о братьях или даже об одном и том же лице.

5. Адамович Генрих, юнкер 3-й полевой артиллерийской бригады; в 1862—1863 гг. был прикомандирован к Константиновскому военному училищу; подал в отставку одновременно с рядом других воспитанников, часть из которых приняла участие в восстании (Алфавитный список..., стр. 34—35).

6. Адамович Петр Иосифович, поручик 2-го стрелкового батальона; уроженец Виленской губ., из дворян; воспитывался в Брестском кадетском корпусе и Константиновском военном училище; в 1861—1862 гг. учился в Академии генерального штаба, после окончания назначен во 2-ой стрелковый батальон, дислоцировавшийся в Северо-Западном крае: во второй половине 1862 г. Я. Домбровский, по собственному его признанию, просил Л. Звездовского о прикомандировании Адамовича к штабу 1-го армейского корпуса, где Звездовский занимал должность старшего адъютанта; в 1863 г. Адамович был переведен в 6 резервный стрелковый батальон, находившийся в Нижнем Новгороде; здесь познакомился с проезжавшей через Нижний Новгород О. С. Чернышевской; был близок к Н. А. Михайлову — переведенному в Нижний Новгород активному участнику революционной организации, возглавлявшейся Комитетом русских офицеров в Польше, и одному из руководителей так называемого «Казанского заговора». Выйдя в отставку, по-видимому во второй половине 1863 г., Адамович поселился в Москве; был тесно связан с П. Маевским, Б. Шостаковичем и другими революционными деятелями. В показаниях Н. Ишутина от марта 1867 г. Адамович назван в числе офицеров, создавших тайное общество под влиянием польской пропаганды; к обществу принадлежали, по словам Ишутина, брат П. Адамовича, служивший в Москве в офицерских чинах, и офицеры Орлов и Колокольцев. В 1868—1869 гг. П. Адамович привлекался по обвинению в укрывательстве «беглого поляка Поплавского» и «в революционных связях с поляками» (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 403, лл. 1—102; ф. 109и, 1 экзп., 1867, д. 407, лл. 2—3; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1835, л. 18).

7. Азанчевский Иван, прапорщик 21 полевой артиллерийской бригады; в октябре 1862 г. выдержал экзамены в Артиллерийскую академию; нозже (когда именно — установить не удалось) самовольно выехал за границу с документами отставного корнета Евгения Крепыша; при возвращении был задержан в Варшаве; по докладу Варшавской временной следственной комиссии от 10(22) мая 1865 г. наместник в Царстве Польском Ф. Ф. Берг остался убежденным, что поездка Азанчевского имела политическую цель, но за недостатком улик был вынужден принять следующее решение: вменить Азанчевскому в наказание содержание под арестом во время следствия и выслать его в Петербург (ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862, д. 160, л. 32; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1865, д. 119, лл. 1—16; Archiwum Główny Akt Dawnych в Варшаве (далее — AGAD), Управление генерал-полицмейстера, д. 6250, л. 24).

8. Александрович Карл-Людвиг Карлович, поручик 3 сводной артиллерийской бригады, штабс-капитан генерального штаба; родился в 1835 г., католик, из дворян Могилевской губ., имения нет; на военной службе с 1853 г., участник Крымской войны; в 1857—1859 гг. учился в Академии генерального штаба и был в числе друзей З. Сераковского и его единомышленников; в сентябре 1861 г., будучи старшим адъютантом штаба 3-го армейского корпуса в Житомире, участвовал в религиозной процессии в память расстрелянных в Варшаве участников манифестации, за что был переведен в штаб 6-го армейского корпуса с установлением за ним надзора

со стороны непосредственного начальства; в Житомире был тесно связан со своим однокурсником по Академии, активным участником кружка Сераковского В. М. Добровольским (ЦГВИА, ф. 38, оп. 10/259, 1861, д. 153, л. 22; ф. 9л., оп. 86/30, 1862, 4-е отд., 1 ст. д. 41, лл. 1—84; ф. 725 л., оп. 1, д. 127, лл. 746—751; J. Staniewicz. Указ. соч., стр. 33—36).

9. Алхазов Павел Кайхафович, поручик Псковского пехотного полка; в марте 1862 г. был в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 230; ЦГВИА, ф. 14014, оп. 3, д. 227, л. 1710б; д. 229, л. 139).

10. Альфатер, артиллерийский офицер; по свидетельству М. П. Сажина, в начале 60-х годов был участником кружка последователей Н. Г. Чернышевского («чернышевцев») во главе с П. Л. Лавровым (М. П. Сажин. Указ. соч., стр. 25—26). Возможно, что данный офицер и М. Г. Альфатер (см.) — одно и то же лицо.

11. Альфатер Михаил Георгиевич, артиллерийский офицер; родился в 1840 г.; в 1860—1862 гг. учился в Артиллерийской академии; был участником кружка, возглавляемого П. Л. Лавровым; впоследствии — генерал-лейтенант (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 16; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862, д. 160, л. 8 об.).

12. Анастасев, офицер; был связан с Александром Слепцовым и его братьями, входил, по словам М. Н. Слепцовой, в «Землю и волю» (М. Н. Слепцова. Указ. соч., стр. 459).

13. Андреев Николай Петрович, поручик 3-й гвардейской гренадерской артиллерийской бригады; родился в 1837 г., православный, из дворян Петербургской губ., сын чиновника 8-го класса, недвижимого имущества не имел; воспитывался в Новгородском кадетском корпусе; в 1856—1858 гг. учился в Артиллерийской академии, после окончания которой был репетитором математики в Константиновском военном училище; был членом кружка, собиравшегося у П. Л. Лаврова; 2 октября 1861 г. Андреев находился «при скопище студентов Санкт-Петербургского университета», за что был «передан военному суду при ордонансгаузе» (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 17; ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1-е отд., 1-й ст., 1861, д. 63, лл. 1—88; ф. 725л, оп. 1, д. 4498, лл. 1—27; д. 5075, лл. 311—316).

14. Аписимов Павел Тимофеевич, подпоручик л.-гв. Драгунского полка; родился в 1840 г., православный, из дворян Новгородской губ., имением не владел; воспитывался в Константиновском военном училище, после окончания которого в 1860 г. поступил в Инженерную академию; участник того коллективного выступления обучающихся там офицеров против произвола начальства, которое известно под названием «истории в Инженерной академии»; в начале 1861 г. отчислен в часть, откуда отправлен для топографических работ при размежевании земель в Тверской губ.; в 1863 г. возвратился в Академию, а после окончания ее в июле 1864 г. направлен в распоряжение начальника инженерных войск Царства Польского (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 335—337; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

15. Аничков Виктор Михайлович, полковник, профессор Академии генерального штаба; родился в 1831 г., православный, из дворян Оренбургской губ., имением не владел; воспитывался в Оренбургском кадетском корпусе, учился в Академии генерального штаба, участник Крымской войны; в 1858 г. вместе с Н. Г. Чернышевским и Н. Н. Обручевым входил в редакцию «Военного сборника», в 1857—1862 гг. входил в тот кружок оппозиционно настроенных профессоров военных академий, с которыми были связаны Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов (Материалы для биографии Н. А. Добролюбова. М., 1890, стр. 495; Р. А. Таубин. Борьба Н. Г. Чернышевского за армию в период редактирования им «Военного сборника». Уч. зап. Ульяновского госпединститута, т. 10, вып. 4, стр. 94—96, 117 и др.; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 17—24).

16. Аргамаков Василий Павлович, поручик л.-гв. Павловского полка; родился в 1839 г., православный, из дворян Тульской губ., имением не владел; воспитывался во 2-ом Московском кадетском корпусе; после его окончания в 1859—1861 г. служил в 10-м стрелковом батальоне и в Томском пехотном полку; в октябре 1861 г. переведен в л.-гв. Павловский полк, с июня 1862 г. прикомандирован к штабу Гвардейского корпуса для сдачи экзаменов в Академию генерального штаба; в сентябре 1862 г. подал прошение об отставке, заявив о своем намерении жить в Петербурге. В марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578; св. 44, д. 1106, лл. 1—7; оп. 299/859, ч. ОА, 1862, д. 161, лл. 8, 20). Один из агентов III отделения считал, что В. П. Аргамаков был автором текста прокламации «Офицеры», помещенной мартом и появившейся в Петербурге в начале апреля 1862 г., и что он же послал экземпляр этой прокламации в «Колокол» (И. Е. Баренбаум. К истории издания первых революционных прокламаций в Петербурге в 1861—1863 гг. Труды Ленинградского библиотечного института, т. 3, стр. 165). В связи с отсутствием достаточных установочных данных, обнаруженных позднее, в статье «Протест 106 офицеров» (стр. 230) была допущена ошибка: вместо поручика л.-гв. Павловского полка В. П. Аргамакова там был назван прапорщик 5-го стрелкового батальона Аргамаков, который в марте 1862 г., судя по собранным сведениям, едва ли мог быть в Петербурге (Алфавит..., стр. 504, 563).

17. Арендаренко Николай Алексеевич, поручик 5-го стрелкового батальона; находясь в Царскосельской офицерской стрелковой школе с октября 1861 по октябрь 1862 г., подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 230; ЦГВИА, ф. 14014, оп. 3, д. 228, л. 96об; д. 235, л. 207об).

18. Аригольдт Иван Николаевич, подпоручик 4 стрелкового батальона; родился в 1841 г. в Петербурге, из дворян, православный; отец уроженец Курляндской губ. (по-видимому, латыш), мать русская; воспитывался в Павловском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1859 г. подпоручиком в 4-й стрелковый батальон (Алфавит..., стр. 504, 563 и др.; ЦГВИА, ф. 78л, оп. 1, д. 32, л. 7; Z. Kolumna. Указ. соч., ч. I, стр. 8—9).

19. Бабашинский Иван Осипович, студент Медико-хирургической академии; родился в 1838 г., из дворян Могилевской губ., недвижимого имущества не имел; в 1861—1862 гг. был близок к участникам кружка Сераковского — Домбровского и занимался разномыслием передававшихся ими агитационно-пропагандистских материалов (Алфавит..., стр. 506, 567 и др.).

20. Бабич П., офицер Екатеринбургского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 230).

21. Бабынин Ираклий Петрович, экстерн Константиновского военного училища в июне—декабре 1862 г.; родился в 1841 г., православный, из дворян Тульской губ., именем не владел; воспитывался в Орловском кадетском корпусе; во время пребывания в училище поддерживал дружеские отношения и, по-видимому, являлся единомышленником своего товарища по кадетскому корпусу В. С. Куязева, который в апреле 1863 г. был арестован за распространение землевольческих прокламаций (ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 63, д. 2, лл. 1, 35—44; ф. 320л., оп. 2, д. 406, л. 191, 253; Алфавит..., стр. 594).

22. Барановский (Мирза-Туган-Барановский) Александр, экстерн Инженерного училища в 1862—1863 гг.; ранее, в 1861 г. исключен из Петербургского университета за участие в студенческом движении; во время пребывания в Инженерном училище был тесно связан с Эм. Юндзиллом и являлся одним из активных участников кружка Сераковского—Домбровского; в апреле 1863 г. подал в отставку и возглавил повстанческий отряд в Новоградском уезде (Алфавитный список..., стр. 36).

23. Барановский Алексей Петрович, прапорщик 3 саперного батальона; родился в 1841 г., православный, из дворян Херсонской губ., именем не владел; в 1856—1862 гг. учился в Петербурге сначала в Инженерном училище, потом в Инженерной академии; в июле 1862 г. возвратился в батальон, а в ноябре — представлен к увольнению «по неблагонадежности» (Алфавитный список..., стр. 36).

24. Барановский Леопольд, драгунский ротмистр; по данным Бялыни-Холодецкого был участником польского революционного кружка в Петербурге; во время восстания был повстанческим командиром в Минской губернии (J. Białynia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 11; А. И. Милославский. Архивные материалы Муравьевского музея, т. II, Вильно, 1915, стр. 403).

25. Барсуков, офицер Драгунского военного ордена полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 230).

26. Бейдеман Михаил Степанович, поручик Драгунского военного ордена полка; родился в 1839 г., православный, из дворян Бессарабской губ., именем не владел; воспитывался в Кишиневской гимназии, Киевском кадетском корпусе до июня 1859, а затем — в Константиновском военном училище; 16 июня 1860 г. произведен в поручики и получил 28-дневный отпуск в г. Хотин, но не возвратился из отпуска, а бежал за границу; был наборщиком в Вольной русской типографии под псевдонимом Дубровин; в июле 1861 г. Бейдеман был арестован в Улеборге на обратном пути из Лондона, при этом у него был обнаружен подложный манифест от имени великого князя Константина с призывом к крестьянскому восстанию; во время допросов в III отделении Бейдеман заявил, что его цель — уничтожить самодержавие и помещичье право на землю, что ему хотелось отомстить за рабство, за кровь крестьян, за кровь поляков, за презрение к нуждам народа. В сентябре 1861 г. Бейдеман без суда был заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости «до особого распоряжения»; в 1881 г. сошел с ума; умер в 1887 г. (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 31; «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 448; ЦГАОР, ф. 109н, 1861, д. 282, лл. 1—102; ЦГВИА, ф. 395, оп. 53/577, 3 ст., д. 118, лл. 1—6; ф. 320л, оп. 2, д. 391, лл. 19—21, 37; ф. 14014, оп. 1, д. 68). Во время следствия Бейдеман не назвал ни одного имени, но едва ли можно сомневаться, что среди товарищей по Константиновскому военному училищу у него были политические единомышленники.

27. Бейнар Евстафий-Адольф Устинович, экстерн Константиновского военного училища; родился в 1841 г., католик, из дворян Виленской губ.; воспитывался дома, в училище зачислен 1 сентября 1862 г., выбыл из него в феврале 1863 г.; привлекался по Мариенгазенскому делу за попытку вступить в повстанческий отряд, выслан в Оренбургскую губернию под надзор полиции (ЦГВИА, ф. 320л, оп. 1, д. 231, лл. 8—9; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 60, ч. 1, лл. 391—392).

28. Белихов (Беликов?), юнкер; в 1862—1863 гг. состоял в революционном кружке, созданном бывшим студентом Петербургского университета, исключенным за участие в «беспорядках», Львом Самариным (ЦГАОР, ф. 112и, оп. 1, д. 46, лл. 22, 73—74).

29. Бельдов Владимир Алексеевич, полковник; в конце 50-х начале 60-х годов жил в Петербурге, был близок к прогрессивным кругам; по словам А. П. Шапова, «другом его в Питере был Тарас Шевченко» (Е. С. Шаблюковский. Т. Г. Шевченко и русские революционные демократы. М., 1962, стр. 152).

30. Беренс Александр Иванович, капитан, преподаватель Академии генерального штаба; был в числе членов-учредителей Шахматного клуба, входил в кружок профессоров военных академий, связанный с Чернышевским и Добролюбовым (Р. А. Таубин. Указ. соч., стр. 62—63, 86—87).

31. Бимман, инженер-прапорщик; участник «истории» в Инженерной академии, связан с участниками кружка Сераковского—Домбровского прапорщиками Н. Н. Васковским и В. Миладовским (см.).

32. Бинеман, офицер 2-го стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 230).

33. Битнер Михаил Карлович, прапорщик л.-гв. Семеновского полка; родился в 1840 г., православный, из дворян Петербургской губ., имением не владел; воспитывался во 2-м Московском кадетском корпусе, выпущен в 1860 г. с причислением к Инженерной академии; за участие в «истории» отправлен в резервный батальон Невского пехотного полка (январь 1861 г.), в 1862 г. — снова в Академии; был дружен с активным участником кружка Сераковского—Домбровского прапорщиком Н. Н. Васковским (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 242—244; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, л. 190).

34. Бобровский Казимир Иосифович, поручик 6-го саперного батальона; родился в 1837 г., католик, из дворян Киевской губ., имением не владел; воспитывался в Инженерном училище с 1850 по 1855 г., выпущен прапорщиком во 2-й резервный саперный батальон; в 1859 г. уволен по домашним обстоятельствам, в 1860 г. — снова на службе в 6-м саперном батальоне; в августе 1860 г. поступил в Инженерную академию, в ноябре 1861 г. — отчислен до окончания курса (ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 37, д. 936, лл. 1—6). Причиной отчисления, несомненно, связана с агентурным донесением, поступившим в III отделение 9 ноября 1861 г. В нем говорилось о том, что Бобровский, читая «Великорусс» № 3, высказал убеждение о том, что заключенный в нем проект революции может быть осуществлен, так как пользуется поддержкой всех образованных людей, включая и офицеров; об Александре II, судя по донесению, Бобровский отзывался «дерзко и враждебно» (ЦГАОР, ф. 109и, са, оп. 1, д. 131, лл. 1—2). Возвратившись в часть Бобровский оставался на службе до июня 1863 г., а потом подал в отставку.

35. Бобровский Стефан (1841—1863); католик, сын помещика Киевской губ.; в 1856—1859 гг. учился в Петербургском университете и поддерживал связь с З. Сераковским; впоследствии видный деятель «левицы» красных, член Жюнда Народового (G. Marachow. Stefan Bobrowski i tajna drukarnia w Kijowie (1861—1862). «Przegląd historyczny», 1958, t. 49, z. 4, стр. 702—704).

36. Бобянский Бронислав Алачиевич, поручик 7-го стрелкового батальона; из дворян Царства Польского; воспитывался в Полоцком кадетском корпусе; не менее года учился в Копстенковском военном училище, откуда выпущен в 1859; в последствии был одним из активных деятелей революционной организации, возглавляемой Комитетом русских офицеров в Польше (Алфавитный список..., стр. 38).

37. Богданов, артиллерийский офицер; по словам М. П. Сажина, входил в кружок «чернышевцев» (М. П. Сажин. Указ. соч., стр. 25—26). Возможно, что М. П. Сажин искал фамилию И. З. Богдановича (см.).

38. Богданович И. З., прапорщик, учившийся в Артиллерийской академии; участвовал в кружке «чернышевцев»; 2 октября 1861 г. арестован и предан суду за то, что находился «при скопище студентов Санкт-Петербургского университета» (ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1-е отд., 1 ст. д. 63, лл. 1—3 и др.; ф. 725л, оп. 1, д. 4498, лл. 1—27).

39. Богданович Паулин-Ксаверий Антонович, юнкер Артиллерийского училища; родился в 1842 г., католик, из помещиков Ковенской губ.; незадолго до восстания вышел в отставку; командовал повстанческим отрядом, расстрелян в декабре 1863 г. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 785; ф. 1248, д. 613; ф. 439, д. 30, л. 972; J. Białunia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 11).

40. Боровский Владислав, инженер-подпоручик; родился в 1839 г., католик, из дворян Виленской губ., имением не владел. Выпущен из Инженерного училища в 1859 г. с зачислением в Инженерную академию; за участие в «истории» отправлен в саперную бригаду, расположенную в Киеве; в апреле 1863 г. возглавил повстанческий отряд, вышедший из Киева и потерпевший поражение под Боровлянкой 9 мая 1863 г.; попал в руки карателей; после одной неудачной попытки сумел бежать через Петербург во Францию (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 134, лл. 453—456; д. 5547, лл. 8—13; ф. 395, оп. 300/860, 1863, св. 251, д. 47, лл. 207—208; ГПБ С.-Щ., Мате-

риалы по истории восстания 1863—1864 гг. (далее — Материалы по истории...) т. XII, л. 70; Зелинский, стр. 351, 353 и др.).

41. Босак Рычард, инженер-прапорщик; судя по мемуарным свидетельствам, участвовал в польском революционном кружке в Петербурге (J. Białunia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 12).

42. Бринкен Александр Юлиусович, подпоручик, учившийся в Артиллерийской академии; уроженец Радомской губ., воспитывался дома; прибыл в академию в октябре 1862 г. из Москвы; в феврале 1863 г. вместе с братьями Худиковыми, Олендским (см.) и др. офицерами участвовал в распространении прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь» (ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1863, д. 97, ч. 9, лл. 1—7).

43. Будаевский Николай Александрович, поручик Елисаветградского гусарского полка; из дворян Новгородской губ., воспитывался в Новгородском кадетском корпусе; с сентября 1860 г. по май 1862 г. учился в Артиллерийской академии; был связан с участниками кружка Сераковского — Домбровского офицерами А. Рудоминю и С. Ягчевским-Глинкой (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, лл. 65—66, 82 и др.).

44. Булатов или Балаков, офицер; участвовал в Петербургской офицерской организации; во время восстания был в отряде, действовавшем в Августовской губ.; расстрелян в Сувалках (Z. Kolumba. Указ. соч., ч. I, стр. 25).

45. Бунип Виктор Иванович, поручик Астраханского гренадерского полка; родился в 1841 г., православный, из дворян Воронежской губ., окончил 1-й Московский кадетский корпус; в 1860—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний (Протест 106..., стр. 230).

46. Бялковский Виктор Владиславович, воспитанник Константиновского военного училища; родился в 1845 г., католик, из дворян Августовской губ., у отца — имение; воспитывался в Виленской гимназии; в 1863 г. бежал из Петербурга к повстанцам; сослан в Восточную Сибирь (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 613, см. по алфавиту).

47. Бялковский Владислав Владиславович, юнкер Константиновского военного училища; родился в 1842 г.; остальные данные те же, что и у младшего брата Виктора (см.).

48. Бялоцкий, офицер неуставленной части; по показанию В. Миладовского входил в польскую революционную организацию в Петербурге (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, л. 40; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 15).

49. Валицкий Вячеслав Эмерикович, отставной офицер; по свидетельству Л. Ф. Пантелеева, Валицкий в конце 1862 г. после петербургских переговоров между русскими и польскими революционерами был послан из Петербурга в Варшаву для переговоров с Бр. Шварце (Л. Ф. Пантелеев. Воспоминания. М., 1958, стр. 321).

50. Варавский Фердинанд-Федосей Петрович, поручик Ладожского пехотного полка; родился в 1835 г., католик, из дворян Волынской губ., имением не владел; на службе с 1852 г., участник Крымской войны; в 1856—1858 гг. имел перерыв в службе, во время которого был вольнослушателем Киевского университета; в 1860—1861 гг. во время ученья в Академии генерального штаба был активным участником кружка Сераковского — Домбровского; впоследствии член офицерской организации, возглавляемой Комитетом русских офицеров в Польше (Алфавит..., стр. 512—513, 572—573).

51. Васьевский Николай Николаевич, прапорщик, обучавшийся в Инженерной академии; родился в 1835, католик, из дворян Бессарабской губ., имением не владел; учился в Киевском университете, на военной службе с 1859 г., в чине прапорщика с 1860 г.; участник «истории» в Инженерной академии; в 1861—1862 гг. в 5 саперном батальоне, с декабря 1862 г. — снова в Инженерной академии; один из активных участников кружка Сераковского — Домбровского (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, лл. 37, 126, 172 и др.; ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 354—356; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1836, лл. 1—101).

52. Величковский Александр Петрович, прапорщик 8-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1840 г., православный, из дворян Полтавской губ., имением не владел; воспитывался в Полтавском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1859 г.; с апреля 1861 г. в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии; в июле 1862 г. участвовал в панихиде по И. Н. Арнгольту и его товарищам, состоявшейся в Боровичах (Алфавит..., стр. 510—511, 572; ЦГВИА, ф. 9л, оп. 80/21, 1862, св. 653, д. 50, лл. 178—183 и др.; Протест 106..., стр. 231).

53. Венцлавович, офицер, обучавшийся в Инженерной академии; участник кружка, собиравшегося на квартире братьев Сергея и Михаила Худиковых (см.); в феврале 1863 г. распространял в Петербурге прокламацию «Льется польская кровь, льется русская кровь» (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 78, лл. 28—31).

54. Верещагин, поручик 4-го стрелкового батальона; с октября 1861 г. по октябрь 1862 г. находился в Царскосельской офицерской стрелковой школе; переписывался с П. М. Сливичким; в мае 1862 г. при обыске у Верещагина был обнаружен

рукописный список сочинения Бюхнера «Сила и материя» (ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1862, д. 140, лл. 23—24, 34).

55. Вержбицкий, офицер, учившийся в Артиллерийской академии; в 1860—1861 гг. был в Петербурге и участвовал в «литературных вечерах», проводившихся на квартире Я. Домбровского и его товарищей (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, лл. 38, 52, 126).

56. Вериго Александр, прапорщик, учившийся в Артиллерийской академии; судя по донесению агента III отделения, датированному декабрем 1861 г., Вериго «был встречаем на студенческих сходках и был на похоронах Добролюбова»; на квартире его собралось много офицеров и студентов, которые «почти всю ночь напролет не спят и чем-то занимаются» (ЦГАОР, ф. 109и, са, оп. 1, д. 207, лл. 1—2).

57. Вжесневский Альф, сын Фабиана, инженер-подпоручик; родился в 1836 г., католик, из дворян Радомской губ., имением не владел; воспитывался в Инженерном училище, затем учился в Инженерной академии; по словам О. Авейде, входил в кружок Сераковского, но потом отошел от оппозиционной деятельности («Показания и записки о польском восстании 1863 г. Оскара Авейде» М., 1961, стр. 391; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 131, лл. 227—231).

58. Вжесневский Эдвин, сын Фабиана, прапорщик 5-го саперного батальона; родился в 1841 г., католик, из дворян Радомской губ., имением не владел; воспитывался в Инженерном училище, в июне 1860 г. поступил в Инженерную академию; за участие в «истории» отчислен в батальон, с декабря 1862 г. — снова в академию; активный участник кружка Сераковского — Домбровского; участвовал в восстании на территории Виленской губ. (Алфавитный список..., стр. 40).

59. Винницкий Александр Львович, подпоручик Олонецкого пехотного полка; православный; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231; Алфавитный список, стр. 40—41).

60. Витте Эдуард-Вильгельм Генрихович, инженер-подпоручик; родился в 1839 г., лютеранин, из дворян Петербургской губ., имением не владел; воспитывался в Инженерном училище, затем в 1859 г. поступил в Инженерную академию; за участие в «истории» отчислен в 1-й саперный батальон, в 1862 г. возвратился в Академию, в августе 1863 г. уволился в отставку; в феврале 1863 г. участвовал в кружке, собиравшемся на квартире братьев Сергея и Михаила Худяковых (см.), распространял прокламацию «Льется польская кровь, льет русская кровь» (ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 40, д. 1168, лл. 1—5; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1863, д. 97, ч. 9, лл. 1—7).

61. Владычанский Теофил Фадеевич, капитан генерального штаба; родился в 1833 г.; католик, из дворян Гродненской губ., родители имели 171 крепостного; воспитывался в Брестском кадетском корпусе; учился в Академии генерального штаба в 1856—1858 гг.; во время восстания 1863 г. подал в отставку и командовал повстанцами в Литве и в Царстве Польском; погиб в сентябре 1863 г. (Список фон Валя..., стр. 539, 564; Зелинский, стр. 180—182; Z. Kolumpa. Указ. соч., ч. II, приложение, стр. 82—83; J. Białunia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 50; ЦГВИА, ф. 544, оп. 1, д. 606, л. 5; ф. 725 л., оп. 1, д. 125, лл. 356—361).

62. Войно, прапорщик-артиллерист; судя по показаниям В. Рудницкого, приехал из Петербурга и участвовал в восстании на территории Киевской губ. (ГИБ С.-Щ., Материалы по истории..., т. XIII, л. 13).

63. Володзько Андриан Эдуардович, экстерн Константиновского военного училища; сын помещика Минской губ.; в феврале 1863 г. вместе с другими воспитанниками училища выехал из Петербурга, а в апреле вступил в повстанческий отряд на территории Минской губ. (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1714, лл. 114—115).

64. Волосевич, воспитанник Константиновского военного училища, вынужденный подпоручиком во 2-й саперный батальон в июне 1863 г.; православный; по пути к месту службы в июле 1863 г. вместе с подпоручиком Милорадовичем бежал к повстанцам (Алфавитный список..., стр. 42).

65. Вольф, поручик Малороссийского гренадерского полка; в 1862 г. учился в Академии генерального штаба и был дружен с В. Погоржельским (см.) и другими участниками кружка Сераковского — Домбровского (Алфавит..., стр. 510—511, 571—572).

66. Волюнский В., офицер Охотского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231).

67. Вуколич, офицер; был связан с Александром Слепцовым и его братьями, входил, по словам М. Н. Слепцовой, в «Землю и волю» (М. Н. Слепцова. Указ. соч., стр. 459).

68. Вылегжинский Адам (Иван), сын Титуса, прапорщик, учившийся в Инженерной академии; родился в 1839 г., католик, из дворян Подольской губ., имением не владел; воспитывался в Киевском кадетском корпусе и Константиновском военном училище; в июне 1859 г. поступил в Инженерную академию; за участие в «истории» откомандирован в Кременчугский пехотный полк, находившийся в Киевском гарнизоне; в Петербурге входил в кружок Сераковского — Домбровского, в Киеве уча-

ствовал в распространении «Vivat Polonia!», впоследствии — участник восстания 1863 г. (Алфавитный список..., стр. 42).

69. Галензовский Юзеф, капитан, профессор геодезии в Академии генерального штаба; родился в 1832 г., католик, сын помещика Киевской губ.; воспитывался в Артиллерийском училище; учился в Артиллерийской академии в 1855—1856 гг. и в Академии генерального штаба в 1858—1860 гг.; участник кружка Сераковского—Домбровского; в апреле 1863 г., взяв отпуск, выехал из Петербурга в Варшаву, где перешел на нелегальное положение и стал руководить военным отделом Жонда Народового; после восстания — в эмиграции (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 127, лл. 241—245; ф. 544, оп. 1, д. 606, лл. 1—12; ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, л. 113; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, лл. 125—126).

70. Галлер Владимир Федорович, подпоручик 6-го стрелкового батальона; католик; воспитывался в Полоцком кадетском корпусе и Константиновском военном училище; с октября 1861 г. по октябрь 1862 г. находился в Царскосельской офицерской стрелковой школе; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Алфавитный список..., стр. 42).

71. Гап Алексей Николаевич, подпоручик Ревельского пехотного полка; с декабря 1857 по декабрь 1858 г. находился в Царскосельской офицерской стрелковой школе; впоследствии — активный участник революционной организации, возглавляемой Комитетом русских офицеров в Польше (Алфавитный список..., стр. 42).

72. Гасабов Ага-бек, юнкер Константиновского военного училища; родился в 1839 г., вероисповедания греко-армянского, из дворян Тифлисской губ.; воспитывался в Новгородской гимназии, в Константиновском училище находился с сентября 1859 по июнь 1862 г.; «сочувствовал преступным идеям» С. Кудрявого (Алфавит..., стр. 514, 515, 576—577; ЦГВИА, ф. 320 л, оп. 1, д. 321, лл. 15—16).

73. Гауке Юзеф, подполковник; родился в 1834 г., воспитывался в Пажеском корпусе; осенью 1862 г. находился в Петербурге и вошел в кружок Сераковского—Домбровского; во время восстания — крупный повстанческий командир под псевдонимом Босак; впоследствии — в эмиграции во Франции (Список фон Валя..., стр. 532, 555; А. Ф. Смирнов. Сигизмунд Сераковский. М., 1959, стр. 129; Zb. Świek. Przywódcy powstania styczniowego. Sześć sylwetek. Wyd. 2. Warszawa, 1963, стр. 201—242).

74. Гедройц Антоний, подпоручик, учившийся в Артиллерийской академии; родился в 1841 г., католик, из дворян Виленской губ., имением не владел; воспитывался в Брестском кадетском корпусе и Артиллерийском училище; в июне 1862 г. поступил в Артиллерийскую академию; участвовал в кружке Сераковского—Домбровского; в феврале 1863 г. Гедройц взял отпуск и присоединился к повстанцам в Литве (Алфавит..., стр. 516, 578; J. Białunia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 217).

75. Гедройц Эмануэль, подпоручик, учившийся в Артиллерийской академии; по показанию М. Черняка, входил в кружок Сераковского—Домбровского (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, л. 68; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 126б). Возможно, что Эмануэль и Антоний (см.) Гедройцы — одно и то же лицо.

76. Гейденрейх Михаил Карлович, штабс-капитан Екатерипославского драгунского полка; родился в 1830 г., католик, из дворян Киевской губ., имением не владел; во время пребывания в Академии генерального штаба с августа 1859 по декабрь 1861 г. был активным участником кружка Сераковского—Домбровского; с ноября 1862 по февраль 1863 г. находился под арестом по делу Я. Домбровского в Варшавском ординарсаузе, но сумел оправдаться; впоследствии крупный повстанческий военачальник (Список фон Валя..., стр. 527—528, 550—551).

77. Гейнс Владимир Константинович, подпоручик, репетитор Константиновского военного училища; родился в 1839 г., православный, из дворян Эстляндской губ., имением не владел; воспитывался в Брестском кадетском корпусе и Константиновском училище; в 1858—1860 гг. учился в Артиллерийской академии; по словам М. П. Сажица, состоял в кружке «чернышевцев», возглавляемом П. Л. Лавровым; по свидетельству Л. Ф. Паптелеева, входил в «Землю и волю»; в записной книжке Н. П. Огарева фигурировал в качестве петербургского связного Комитета русских офицеров в Польше (Алфавитный список..., стр. 43).

78. Геммер К., прапорщик 2-го гренадерского стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии; в октябре 1862 г. поступил в Академию генерального штаба (Протест 106..., стр. 231; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862, д. 160, л. 410б).

79. Герасимов, офицер резервного саперного батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231).

80. Гербель Николай Васильевич, офицер л.-гв. Уланского полка, родился в 1827 г., из дворян; находясь на службе до конца 1859 г. и выйдя в отставку, поддерживал связи с революционными кругами, в том числе с А. И. Герценом, М. И. Михайловым, Т. Г. Шевченко, Н. В. Шелгуновым и др.; был близок к «Земле и воле», архив и типографские принадлежности которой в 1864 г. хранил (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 77)..

81. Герман Адам Викентьевич, воспитанник Константиновского военного училища; родился в 1840 г., католик, из дворян Минской губ.; в апреле 1863 г. «по собственному желанию» оставил училище и присоединился к повстанцам; сослан на каторжные работы (ЦГВИА, ф. 9л., оп. 92/37, 1863, 1-е отд., 1-й ст., д. 94, т. 16, лл. 835—838; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 214, лл. 1—63; Z. K o l u m n a. Указ. соч., ч. II, стр. 89; З е л и н с к и й, стр. 433).

82. Гиргас Федор Федорович, поручик 4-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1836 г., лютеранин, из дворян Гродненской губ., имением не владел; участник обороны Севастополя; с августа 1860 г. по декабрь 1862 г. — в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Алфавитный список..., стр. 43).

83. Гирдвейн Казимир-Иосафат Михайлович, кондуктор Инженерного училища; родился в 1845 г., католик, из дворян Ковенской губ.; 13 апреля 1863 г. вместе с семью своими товарищами по училищу скрылся из Петербурга, чтобы присоединиться к повстанцам; задержан 20 апреля, осужден к лишению дворянского достоинства и определению рядовым в Оренбургский корпус (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2105, лл. 1—17; ЦГАОР, ф. 109л, 1 экзп., 1863, д. 23, ч. 143, лл. 22—28).

84. Голиневич Николай Николаевич, поручик Сибирского гренадерского полка; родился в 1838 г., православный, из дворян Минской губ., имением не владел; воспитывался в Брестском кадетском корпусе, а с 1857 г. оставлен в нем репетитором по тактике; с августа 1859 г. по декабрь 1861 г. учился в Академии генерального штаба; в это время был активным участником кружка Сераковского—Домбровского (Алфавит..., стр. 516—517, 577; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 56, д. 1869, лл. 1—5).

85. Гольмдорф, офицер 1-й артиллерийской бригады; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231).

86. Городков Гавриил Родионович, врач 2-го Петербургского кадетского корпуса; родился в 1821 г., православный, из духовного звания, недвижимого имущества не имел; окончил Медико-хирургическую академию, в должности с 1845 г.; аккуратно получал и читал «Колокола»; был близок к Н. Г. Чернышевскому, З. Сераковскому и другим революционным деятелям; в мае—июне 1863 г. ездил в Вильно специально для того, чтобы наладить связь с взятым в плен З. Сераковским и оказать ему медицинскую помощь (ЦГАОР, ф. 109л, са, оп. 1, д. 21; ЦГВИА, ф. 315л, оп. 1, д. 231; «Литературное наследство», т. 67, стр. 118; J. S t a n i e w i c z. Указ. соч., стр. 44).

87. Готский-Данилович Станислав Юрьевич, поручик 5-го стрелкового батальона; родился в 1835 г., католик, из дворян Могилевской губ., имением не владел; в 1857 г. окончил Павловский кадетский корпус, с октября 1859 по октябрь 1860 г. учился в Царскосельской офицерской стрелковой школе; в июне 1862 г. участвовал в панихиде по И. Н. Аригольдту и его товарищам в Повонзковском лагере (Алфавитный список..., стр. 44).

88. Грабовский Владислав, корнет л.-гв. Уланского полка; учился в Инженерной академии; за участие в «истории» в начале 1861 г. отчислен в 1-й поштошный парк, в октябре 1861 г. служил в 1-м саперном батальоне; участвовал в восстании 1863 г., после его подавления эмигрировал (Список фон Валя..., стр. 523, 546).

89. Гржимайло Александр Игнатьевич, офицер 4-го резервного батальона Брянского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231).

90. Грибоедов Николай А. (1842—1901), прапорщик 5-й сводной резервной артиллерийской бригады; воспитывался с 1851 г. в Полтавском кадетском корпусе; в июне 1859 г. поступил экстерном в Константиновское военное училище и через год был выпущен из него прапорщиком; по словам А. А. Слепцова, был членом «Земли и воли» и участником возглавляемой Г. Лопатиным попытки освободить Н. Г. Чернышевского (М. Н. С л е п ц о в а. Указ. соч., стр. 440—441; ЦГВИА, ф. 320л., оп. 2, д. 391, лл. 196—198).

91. Григорьев Николай Алексеевич, подпоручик л.-гв. Измайловского полка; родился в 1837 г. (по другим сведениям — в 1840 г.), православный, из дворян Тульской губ., у родителей было имение неустановленного размера; был связан с Н. Н. Серно-Соловьевичем, А. И. Энгельгардтом, А. И. Семевским, С. Рехнским и другими деятелями революционного движения, состоял членом Шахматного клуба, вел революционную пропаганду среди солдат; приговорен к лишению всех прав состояния и ссылке на поселение в отдаленные места Сибири (Алфавит... стр. 514—515, 576; ЦГВИА, ф. 9л., оп. 80/21, 1862, 3 отд., к. 1878, д. 51, лл. 1—295).

92. Грохольский, воспитанник Константиновского военного училища; судя по донесению агента III отделения, осенью 1861 г. у него состоялось собрание, которое постановило оказывать содействие в поступлении экстернами в училище тех студентов Петербургского университета, которые были исключены за участие в студенческом движении (ЦГАОР, ф. 109л, са, оп. 1, д. 1045, л. 13).

93. Гутан, офицер Кременчугского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231).

94. Гutowский Михаил Станиславович, штабс-капитан л.-гв. Волынского полка; в марте 1862 г. был в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231).

95. Давыдов, офицер Модлинского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231). Возможно, что этот Давыдов и поручик Д. Л. Давыдов, ездивший в 1862 г. за границу и посетивший А. И. Герцена, — одно и то же лицо.

96. Дембовский Леонид Матвеевич, поручик Астраханского грендерского полка; родился в 1840 г., католик, из дворян Витебской губ.; воспитывался в 1-м Московском кадетском корпусе; с августа 1860 по декабрь 1862 г. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 312; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862, д. 160, лл. 47—48; ф. 725л., оп. 1, д. 129, лл. 462—465). В мае 1863 г., будучи прикомандирован к штабу 3-й грендерской дивизии, заявил о своем желании участвовать в подавлении восстания (ЦГВИА, ф. 395, оп. 297/857, 1863, Канц., 2-й ст. по сч., д. 42, лл. 101—102).

97. Де-Роберти Александр-Адольф Александрович, прапорщик 1-го саперного батальона; родился в 1839 г., лютеранин, из дворян Харьковской губ., за отцом 21 душа временнообязанных крестьян; окончил Инженерное училище в 1859 г. с зачислением в Инженерную академию; вместе с В. С. Кувызевым (см.) посещал собрания кружка Ф. С. Судакевича (В. Е. Фильгус. Революционное движение..., стр. 138; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862, д. 9, л. 218; ф. 725л., оп. 1, д. 134, лл. 417—420).

98. Дзеконский Юзеф, поручик; по сведениям Бялыни-Холодецкого, примыкал к революционному кружку в Петербурге (J. Białunia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 12).

99. Дзержаповский Станислав Юлианович, подпоручик 5-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1839 г., католик, из дворян Плоцкой губ.; воспитывался в Павловском кадетском корпусе, с осени 1861 г. учился в Артиллерийской академии; был близок со многими участниками кружка Сераковского—Домбровского; 3 апреля 1863 г. вместе с К. Жебровским (см.) скрылся из Петербурга и присоединился к повстанцам в Могилевской губ., став одним из ближайших сподвижников Л. Звездковского (см.); в июне 1863 г. приговорен к 12 годам каторги (Алфавитный список..., стр. 45).

100. Дмоховский Иван Павлович, штабс-капитан Киевского грендерского полка; родился в 1841 г., католик, из дворян Гродненской губ., имуществом не владел; воспитывался во 2-м Петербургском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1858 г.; с августа 1860 по ноябрь 1862 г. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии; 15 апреля 1863 г. подал в отставку и заявил о своем намерении жить в Петербурге (Протест 106..., стр. 231; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 31, д. 598, лл. 1—6).

101. Добровольский Владимир Михайлович (1834—1878); сын генерал-майора, недвижимого имущества не имел; воспитывался в Павловском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1852 г.; с ноября 1857 по декабрь 1859 г. учился в Академии генерального штаба; был активным участником кружка Сераковского—Домбровского и сохранял связь с ним после окончания Академии (Алфавитный список..., стр. 46).

102. Довнар-Запольский Эдмунд Иванович, экстерн Инженерного училища; родился в 1841 г., католик, из дворян Минской губ., недвижимого имущества не имел; окончил Шавельскую гимназию, учился в Петербургском университете, участвовал в студенческом движении; после исключения из университета поступил в качестве экстерна в Инженерное училище; был активным участником кружка Сераковского—Домбровского; в начале апреля 1863 г. подал в отставку и выехал из Петербурга; командовал повстанцами на территории Виленской и Гродненской губ.; попал в руки карателей и был приговорен к 10 годам каторги (ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 108, лл. 38, 40, 52, 56; ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1-е отд., 1-й ст., 1863, д. 94, т. 24, лл. 504—507, 598—599; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 975, лл. 1—202).

103. Довнар-Витковский Болеслав Ромуальдович, кондуктор Инженерного училища; был связан с Э. Юндзиллом и другими участниками кружка Сераковского—Домбровского; 13 апреля 1863 г. бежал из Петербурга вместе со своими товарищами по училищу, имея намерение присоединиться к повстанцам; задержан в Витебской губ., осужден к лишению прав состояния и определению рядовым в Оренбургский корпус (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2105, лл. 1—40; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 335).

104. Довяковский Николай Иванович, подпоручик Архангелоградского пехотного полка; православный; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231; ЦГВИА, ф. 14014, оп. 3, д. 227, л. 261 об).

105. Доманский Фома Антонович, родился в 1824 г., католик, из дворян Минской губ., отставной штабс-капитан; по словам П. А. Черевина, проживая в Петербурге, являлся в 1863 г. «одним из главных руководителей мятежа»; в июле

1863 г. был арестован по требованию М. Н. Муравьева и из Петербурга препровожден в Вильно, где, якобы, «уличенный своими товарищами, должен был учинить признание» (П. А. Черевин. Воспоминания 1863—1865. Кострома, 1920, стр. 44; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378ПО, 1864, д. 952, лл. 1—3; ЦГИА Лит. ССР, ф. 438, оп. 1, д. 1866, см. по алфавиту).

106. Домбровский Ярослав Викторович (1836—1871); из дворян Волынской губ., недвижимым имуществом не владел; в 1860—1861 гг., будучи слушателем Академии генерального штаба, вместе с З. Сераковским возглавлял революционный кружок, состоявший преимущественно из слушателей военных академий (Алфавит..., стр. 518—519, 579—580).

107. Драгомиров Михаил Иванович (1830—1905), полковник, профессор Академии генерального штаба; был в числе членов — учредителей Шахматного клуба; по-видимому, какое-то время был близок к кружку профессоров военных академий, связанных с Чернышевским и Добролюбовым (Р. А. Таубин. Указ. соч., стр. 62—63, 86—87).

108. Дунин Антон-Иосиф Казимирович, экстерн Константиновского военного училища; родился в 1843 г., католик, из дворян Могилевской губ., имением не владел; воспитывался в Полоцком кадетском корпусе; в Константиновском училище находился с июня 1861 г. по июнь 1862 г. и выпущен поручиком в Ольвиопольский уланский полк; в 1863 г., будучи уже в отставке, обвинялся «в возбуждении крестьян к мятежу» (ЦГВИА, ф. 320л, оп. 2, д. 412, лл. 398—403; ЦГИА Лит. ССР, ф. 438, оп. 1, д. 1486, см. по алфавиту).

109. Дурасевич Иван Александрович (Игнатий Пшемиславов сын), кондуктор Инженерного училища; родился в 1844 г., католик, из дворян Ковенской губ.; 13 апреля 1863 г. вместе со своими товарищами по училищу бежал из Петербурга, имея намерение присоединиться к повстанцам; задержан в Витебской губ. и приговорен к переводу на Кавказ рядовым без лишения прав состояния; был связан с Э. Юндзиллом (см.) и другими участниками кружка Сераковского—Домбровского (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2405, лл. 1—40; ф. 9л, оп. 68/9, 1-е отд., 1-й ст., 1863, д. 34, лл. 1—37; ЦГИА Лит. ССР, 1248, оп. 2, д. 1838, лл. 1—42).

110. Еллинский Семен Федорович, поручик л.-гв. саперного батальона; родился в 1836 г., православный, из дворян, отец владел 150 крепостными в Новгородской и Московской губ.; после окончания Инженерного училища в 1856 г. оставлен при Инженерной академии, окончив которую служил в Петербурге; в 1862 г. вместе со штабс-капитаном Н. И. Энгелем и поручиком Ю. С. Посниковым (см.) содействовал революционной пропаганде и пытался оказать помощь арестованному за это студенту А. А. Яковлеву (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 117; Алфавит... стр. 518—519, 580; ЦГВИА, ф. 9л, оп. 74/15, 2-е отд., 2-й ст., 1862, д. 54; ф. 725л, оп. 1, д. 131, лл. 455—458).

111. Емелита Франц Петрович, воспитанник Константиновского военного училища; из дворян Августовской губ., воспитывался в Новгородском кадетском корпусе; в 1858—1859 гг. учился в Константиновском училище; впоследствии подвергался репрессиям в связи с политической «неблагонадежностью» (Алфавит..., стр. 518, 580; ЦГВИА, ф. 320л, оп. 2, д. 368, л. 7).

112. Жданов Николай Александрович, поручик 19-й полевой артиллерийской бригады; воспитывался в Новгородском кадетском корпусе; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106... стр. 231).

113. Жебровский Константин Адамович, подпоручик 6-й артиллерийской бригады; родился в 1838 г., католик, из дворян Августовской губ., имением не владел; воспитывался в Орловском кадетском корпусе (1852—1855) и Константиновском военном училище (1855—1857); служил в 4-й и 6-й полевых артиллерийских бригадах; с июня 1860 по март 1861 г. был прикомандирован к Петербургской крепостной артиллерии для сдачи экзаменов в Артиллерийскую академию, куда в 1861 г. и был зачислен; в 1860—1863 гг. был участником кружка Сераковского—Домбровского; в апреле 1863 г. вместе с С. Держановским (см.) скрылся из Петербурга и перешел на сторону повстанцев; расстрелян в июне 1863 г. (Алфавитный список..., стр. 48).

114. Желтухин Петр Васильевич, подпоручик л.-гв. 1-го стрелкового батальона; воспитывался в Пажеском корпусе, в 1862—1863 гг. учился в Академии генерального штаба; подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106... стр. 231).

115. Жельский Александр Иосифович, инженер-прапорщик; участник «истории» в Инженерной академии; посетитель «литературных вечеров» на квартире Я. Домбровского и его товарищей в 1860—1861 гг. и несомненный участник кружка Сераковского—Домбровского (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, лл. 38, 52, 126; ф. 109и, 1 экзп., 1863, д. 23, ч. 254, л. 190; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 12; д. 1839, л. 197).

116. Жолперович Иосиф Антонович, экстерн Константиновского военного училища; родился в 1839 г., католик, из дворян Минской губ.; воспитывался дома, в сентябре 1862 г. поступил в Константиновское училище; в феврале 1863 г. оставил

ученье, а вскоре оказался среди повстанцев (ЦГВИА, ф. 320л, оп. 1, д. 231, лл. 28—39; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1714, см. по алфавиту).

117. Жуков Илья Григорьевич, отставной штабс-капитан; родился в 1830 г., православный, из дворян Казанской губ., недвижимым имуществом не владел; уволенный в отставку за участие в революционном движении, в 1862—1863 гг. жил в Петербурге и был тесно связан со многими активными революционерами как военными, так и гражданскими (Алфавит..., стр. 529, 582 и др.; В. И. Неупокоев. К вопросу о формировании революционных настроений в русской армии накануне и в годы революционной ситуации (1859—1861 гг.). «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1960, стр. 213—223; Н. М. Чернышевская. Воспоминания шестидесятника И. Г. Жукова. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1962, стр. 541—572; ЦГВИА, ф. 14014, оп. 3, д. 363, л. 33).

118. Забавский Цезарий Францевич, прапорщик л.-гв. Павловского полка; родился в 1840 г., католик, из дворян Волынской губ., имением не владел; воспитывался в Киевском кадетском корпусе (1851—1856) и в Константиновском военном училище (1856—1859); поступил в Инженерную академию; за участие в «истории» в январе 1861 г. отчислен в часть; был связан со многими членами кружка Сераковского—Домбровского (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 134, лл. 537—540; д. 5547, лл. 8—13).

119. Загоровский Мечислав Алексеевич, прапорщик л.-гв. его величества стрелкового батальона; родился в 1839 г., католик, из дворян Минской губ., имением не владел; воспитывался в Брестском кадетском корпусе (1851—1856) и Константиновском военном училище (1856—1859); поступил в Инженерную академию, но за участие в «истории» отчислен в часть; был связан с членами кружка Сераковского—Домбровского (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 134, лл. 679—683; д. 5547, лл. 8—13).

120. Загряжский Егор Семенович, подпоручик гвардии; в записной книжке Н. П. Огарева, как и В. К. Гейс, назван в качестве петербургского связного Комитета русских офицеров в Польше («Литературное наследство», т. 61, стр. 517).

121. Залевский, инженер-прапорщик; воспитывался в Инженерном училище, поступил в Инженерную академию, но вышел в отставку по болезни; фигурирует в числе лиц, привлекавшихся по делу о «литературных вечерах» у Я. Домбровского и его товарищей; генерал М. П. Кауфман в 1864 г. писал о Залевском следующее: «За образ его мыслей ругаться не могу, тем более, что родной его брат, исключенный из училища в 1860 году за дурное поведение, впоследствии, как мне известно, в бытность его студентом Санкт-Петербургского университета был арестован, как замешанный в политических преступлениях» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 243).

122. Замысловский, прапорщик корпуса флотских штурманов; привлекался к суду вместе с другими офицерами за то, что 25, 27 сентября и 2 октября 1861 г. находился «при скопище студентов Санкт-Петербургского университета» (ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1-е отд., 1-й ст., 1861, д. 63, лл. 1—2).

123. Звездовский Людвик (1829—1864); католик, из дворян Виленской губ., у родителей каменный дом в Вильно; воспитывался в Инженерном училище (1845—1850), учился в Инженерной академии (1851—1852) и в Академии генерального штаба (1856—1858); был тесно связан с С. Сераковским, Я. Домбровским и многими участниками возглавляемого ими революционного кружка (Алфавитный список..., стр. 50).

124. Зейн Евгений Иванович, поручик Олонецкого пехотного полка; родился в 1838 г., православный, из дворян Волынской губ., имением не владел; воспитывался в 1-м Московском кадетском корпусе, который окончил в 1856 г.; дважды — в 1858 и в 1861 гг. допускался к экзамену в Академию генерального штаба, причем один раз от экзаменов отказался по домашним обстоятельствам, а второй раз сдал их, был зачислен, но через некоторое время исключен из числа слушателей Академии; в формулярном списке это объясняется болезнью, но в действительности причина была, по-видимому, иная; такое предположение доказывается характеристикой, которую ему дало академическое начальство: «характер злобный, упрямый, самонадеянный», причем «либерализм его, пропитанный духом „Военного сборника“ 1858 г. обнаруживался весьма резко» (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 238, лл. 1—2). Зейн был тесно связан со многими членами кружка Сераковского—Домбровского и другими участниками революционного движения в армии (Алфавит..., стр. 520—521, 584).

125. Зеленой Александр Семенович, поручик л.-гв. Финляндского полка; в марте 1862 г. учился в Академии генерального штаба и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231).

126. Зелинский Адам Люцианович, инженер-прапорщик; родился в 1837 г., католик, уроженец Могилевской губ., у родителей 50 крепостных; воспитывался в Инженерном училище, поступил в Инженерную академию, но в январе 1861 г. за участие в «истории» был отчислен во 2-ю саперную бригаду, квартировавшую в Киеве; во время пребывания в Петербурге был участником кружка Сераковского—Домбровского; в конце марта 1863 г. бежал со службы и принял командование повстанцами Таращанского уезда; расстрелян в мае 1863 г. (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860,

св. 251, д. 47, лл. 202—206; ф. 1759, оп. 4, д. 1632, лл. 62—64; ф. 9л, оп. 92/37, 1863, 1-е отд., 1-й ст., д. 61, лл. 1—2; ф. 725л, оп. 1, д. 133, лл. 243—245; ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 108, л. 126; ф. 109л, 1 экзп., 1863, д. 23, ч. 130, л. 1; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 12 об; «Санкт-Петербургские ведомости» 1863, № 123 (прибавление); «Колокол», л. 167 от 10 июля 1863 г.; Зелинский, стр. 482 и др.).

127. Зелинский Александр-Гаспер-Фаддей, прапорщик л.-гв. Волынского полка; родился в 1840 г., из дворян Могилевской губ.; воспитывался в Ларинской гимназии в Петербурге, в октябре 1858 г. поступил в Константиновское военное училище, в ноябре 1861 г. выпущен оттуда прапорщиком в л.-гв. Драгунский полк; в июне 1862 г. переведен в л.-гв. Волынский полк «за недостаточностью»; 4 марта 1863 г. отлучился из полка (полк в это время был уже переброшен в Варшаву) «в походных сапогах и с оружием» (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, св. 251, д. 47, л. 58; ф. 320л, оп. 1, д. 231, лл. 30—31).

128. Зиновьев, отставной поручик л.-гв. Волынского полка; судя по донесению агента III отделения Волгина, управлял типографией, в которой печаталась «Свобода» и заведывал канцелярией какого-то тайного общества (ЦГАОР, ф. 109л, 1 экзп., 1863, д. 97, ч. II, лл. 91, 96).

129. Золотницкий Иван Петрович, поручик Астраханского гренадерского полка; родился в 1842 г., православный, из дворян Орловской губ., имением не владел; воспитывался в 1-м Московском кадетском корпусе; в 1861—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 466—469; ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862, д. 160, лл. 47—48).

130. Ибянский Вацлав Павлович, кондуктор Инженерного училища; 13 апреля 1863 г. бежал из Петербурга вместе со своими товарищами по училищу, имея намерение перейти на сторону повстанцев (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2105, лл. 1—40; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1838, л. 30).

131. Иваницкий Наполеон-Казимир Людвигович, штабс-капитан Охотского пехотного полка; родился в 1835 г., католик, из дворян Волынской губ.; с октября 1859 по октябрь 1860 г. находился в Царскосельской стрелковой школе; был тесно связан с М. Черняком и многими другими членами кружка Сераковского—Домбровского; впоследствии один из руководителей «Казанского заговора»; расстрелян 6 июня 1864 г. (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 141—142; ЦГАОР, ф. 109л, 1 экзп., 1863, д. 230, ч. 85, лл. 1—541; ф. 39л, оп. 2, д. 76, лл. 60—86 и др.).

132. Иванов Андриан, поручик Якутского пехотного полка; в марте 1862 г., находясь в Царскосельской офицерской стрелковой школе, подписал протест против телесных наказаний в армии; в июне 1862 г. был откомандирован из школы по болезни (ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862, д. 33, л. 191). Не исключена возможность, что подпись «А. Иванов» принадлежала другому офицеру — прапорщику Андрею Ильичу Иванову (Протест 106..., стр. 231).

133. Иванов Владимир Апполонович, поручик 1-го стрелкового батальона; воспитывался в 1-м Петербургском кадетском корпусе; в августе 1861 г. поступил в Академию генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231; ф. 14014, оп. 3, д. 235, л. 64об).

134. Имшенецкий Михаил Андреевич, родился в 1839 г., православный, из дворян Черниговской губ.; воспитывался в Константиновском военном училище с июня 1855 по июнь 1858 г.; осенью 1859 г. вышел в отставку и выехал за границу; в мае 1861 г. был при возвращении задержан на границе, причем имел при себе большое количество изданий Вольной русской типографии (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 148; ЦГВИА, ф. 395, оп. 297/857, 1861, Капц., 2 ст. по сч., д. 36, лл. 56—58; ф. 320л, оп. 2, д. 363, л. 17; ЦГИА УССР (Киев), ф. 442, оп. 811, 1861, д. 161, лл. 1—2).

135. Каверский Эдуард Аверьянович, поручик 1-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1837 г., католик, из дворян Минской губ., имением не владел; воспитывался в Брестском кадетском корпусе, в 1855—1857 гг. учился в Артиллерийском училище, в 1857—1858 гг. был репетитором во 2-м Петербургском кадетском корпусе, с декабря 1860 по декабрь 1862 г. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 367—370; ф. 14014, оп. 3, д. 229, л. 163об). В публикации (Протест 106..., стр. 231) фамилия и отчество Каверского искажены.

136. Калакуцкий, офицер Виленского пехотного полка; в марте 1862 г. был в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231).

137. Калиновский Балтазар Фомич, преподаватель истории и статистики во 2-м Петербургском кадетском корпусе; родился в 1829 г., католик, из дворян Виленской губ., имением не владел; окончил Петербургский университет; был знаком с А. И. Герценом, Н. Г. Чернышевским и многими другими революционными деятелями; входил в кружок Сераковского—Домбровского (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 180, лл. 45—46; ЦГАОР, ф. 109л, 1 экзп., 1862, д. 230, ч. 6).

138. Калиновский Виктор Семенович (183?—1862), сотрудник Императорской публичной библиотеки в Петербурге; был активным участником кружка Сераковского—Домбровского. (Zb. Marciniak. Zygmunt Sierakowski. Warszawa, 1956, стр. 110).

139. Калиновский Иосиф Андреевич, инженер-поручик; родился в 1835 г., католик, из дворян, сын директора Виленского дворянского института (гимназии), недвижимым имуществом не владел; в 1855—1860 гг. находился в Петербурге в качестве слушателя и репетитора в Инженерной академии; был близок со многими членами кружка Сераковского—Домбровского и, по-видимому, входил в него (Алфавитный список..., стр. 51).

140. Калиновский Константин (Викентий) Семенович (1838—1864); в 1856—1860 гг., находясь в Петербурге, входил в кружок Сераковского—Домбровского (А. Ф. Смирнов. Кастусь Калиновский. М., 1959, стр. 23).

141. Калчигин Я., офицер неуставленной части; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231).

142. Каменский (Каминский) Мечислав Казимирович, штабс-ротмистр л.-гв. Павлоградского гусарского полка; родился в 1831 г., католик, из дворян Виленской губ., имением не владел; учился в Академии генерального штаба в 1860—1862 гг.; во время восстания работал в военном отделе Жюнда Народового, впоследствии эмигрировал во Францию (ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862, д. 160, лл. 47—48; ф. 725л., оп. 1, д. 129, лл. 440—445; ГПБ, Материалы по истории..., т. XVI, лл. 33—36).

143. Кантакузен Михаил Алексеевич, инженер-подпоручик; родился в 1839 г., православный, из дворян Херсонской губ., отец владел имением в 5000 десятин земли с 250 крестьянами; воспитывался в Инженерном училище, откуда выпущен в 1859 г.; поступил в Инженерную академию, но в январе 1861 г. был отчислен за участие в «истории» (ЦГВИА, ф. 725л., оп. 1, д. 134, лл. 421—424; д. 5547, лл. 8—13).

144. Каплинский Василий Телесфорович, поручик 4-го стрелкового батальона; из дворян Минской губ., сын коллежского регистратора; с 16 июня 1860 по 4 января 1861 г. учился в Артиллерийской академии, отчислен по болезни; был активным участником кружка Сераковского—Домбровского и одним из инициаторов создания Комитета русских офицеров в Польше (Алфавит..., стр. 522—523, 587—588).

145. Карелин, офицер Финского саперного полубатальона; в марте 1862 г. был в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 231).

146. Катеринич, инженер-подпоручик; православный; был связан с членами кружка Сераковского—Домбровского офицерами Инженерной академии А. Рудомино и Ст. Янчевским-Глинкой (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, лл. 64, 199).

147. Керсновский Антон Станиславович, прапорщик л.-гв. кошвой артиллерии; из дворян Гродненской губ.; в 1862—1863 гг. был в Петербурге; упоминается в деле о «литературных вечерах» у Я. Домбровского и его товарищей (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, св. 251, д. 47, лл. 272—273).

148. Керсновский Викентий-Рудольф Станиславович, инженер-поручик; родился в 1839, католик, из дворян Виленской губ., имением не владел; воспитывался в Инженерном училище, откуда выпущен в 1858 г.; в 1859—1860 гг. учился в Инженерной академии, с августа 1860 по апрель 1861 г. служил в Петербургском инженерном округе, а затем был переведен в Динабургскую инженерную команду; в марте 1863 г. непосредственное начальство аттестовало его «неблагонадежным»; в мае 1863 г. — подал в отставку; во время пребывания в Петербурге был членом кружка Сераковского—Домбровского, впоследствии поддерживал с ним связь (Алфавит..., стр. 526—527, 593; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 30, д. 479, лл. 1—9; ЦГАОР, ф. 109л, 1 экз., 1863, д. 23, ч. 107, л. 5; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378ПО, 1863, д. 265, лл. 1—2). Возможно, что план захвата Динабурга, разработанный в начале восстания Сераковским, имел в виду поддержку революционного кружка в его гарнизоне с тем или иным участием В. Керсновского.

149. Керсновский Ивал-Андрей Никодимович, прапорщик л.-гв. конно-гренадерского полка; родился в 1838 г., католик, из дворян Минской губ.; с марта 1859 по июль 1861 г. учился в Константиновском военном училище, после чего был прикомандирован к Инженерной академии; упоминается в деле о «литературных вечерах» у Я. Домбровского и его товарищей (ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 108, л. 127; ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, св. 251, д. 47, лл. 272—273; ф. 320л, оп. 1, д. 231, лл. 36—37; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 20).

150. Киселев, инженер-подполковник; летом 1862 г. был связан с П. Д. Баллодом, арестованным за размножение революционных прокламаций (М. К. Лемке. Политические процессы в России 1860-х годов по архивным материалам. М.—Пг., 1923, стр. 506).

151. Клянский Митрофан Иосифович, инженер-подпоручик; родился в 1842 г., православный, из дворян Орловской губ., имением не владел; в 1854—1858 гг. учился в Межевом институте, в 1858 г. поступил в Инженерное училище, по окончании которого в 1862 г. был зачислен в Инженерную академию; весной 1863 г. распространял прокламации «Земли и воли» и намеревался бежать через Гельсингфорс в Швецию для участия в какой-то совместной акции русских и польских эмигрантов (по-видимому, экспедиции на пароходе «Ward Jackson»), по не смог

осуществить этого намерения; в мае 1863 г. скрылся из Петербурга и присоединился к повстанцам в Августовской губернии, причем сам назвал себя членом «Земли и воли»; приговорен к 12 годам каторги; умер от туберкулеза в мае 1864 г. (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, 1863 г., св. 251, д. 47, лл. 209—210; ф. 9л, оп. 92/37, 1863 г., д. 94, т. 6, лл. 60—62; 211—212, 272; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 48, лл. 1—63).

152. Классовский В. И., преподаватель 2-го Петербургского кадетского корпуса; с 1850 г. был знаком с Н. Г. Чернышевским, в конце 50-х годов был близок к «Современнику» и его окружению (В. Е. Филъгус. Революционное движение..., стр. 97).

153. Клеточников Л., офицер 21 стрелкового батальона; в марте 1862 г. был в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест. 106..., стр. 231).

154. Козаковский Станислав Карлович, подпоручик 1-й конно-артиллерийской бригады; родился в 1838 г., католик, из дворян Ковенской губ.; учился в Артиллерийском училище и был связан с кружком Сераковского—Домбровского; во время восстания был начальником артиллерии в отряде Сераковского (ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1863, 1 отд., 1 ст., д. 94, т. 1, л. 179; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378ПО, 1863, д. 312, ч. I, л. 3; 1871, д. 1, л. 27; ф. 494, оп. 1, д. 785, см. по алфавиту).

155. Козелл-Поклевский Ян (Иван Иванович), прапорщик, л.-гв. Гатчинского полка, окончил в 1856 г. Школу гвардейских подпрапорщиков; у отца в Вилейской губ. 370 крепостных, в Вильно — два каменных дома; в 1857—1859 гг. учился в Инженерной академии и, по его собственным словам, входил в кружок Сераковского; родился в 1837 г., католик, из дворян Минской губ.; в 1863 г. возглавлял повстанцев в Литве (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 131, лл. 547—550; ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 108, л. 114; ГПБ С.-П., Материалы по истории..., т. XVI, стр. 33—36; ЦГИА Лит. ССР, ф. 438, оп. 1, д. 1352, лл. 6—25).

156. Козлов Николай Семенович, капитан Глуховского драгунского полка; родился в 1832 г., православный, из дворян Полтавской губ., у отца — имение 9 тыс. десятин земли и 160 душ крепостных; воспитывался в Полтавском кадетском корпусе и в Константиновском военном училище; учился год в Инженерной академии; в 1861—1862 г. был слушателем Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии; в июне 1862 г. участвовал в панихиде по И. Н. Арнольдту и его товарищам, отслуженной в Боровичах (Алфавит..., стр. 524—525, 590—591; Протест. 106..., стр. 231).

157. Колесов, подполковник артиллерии; по словам М. П. Сажина, входил в кружок «чернышевцев», возглавлявшийся П. Л. Лавровым (М. П. Сажи н. Указ. соч., стр. 25—26).

158. Колесов Владимир Петрович, прапорщик лейб-гренадерского Екатеринбургского полка; родился в 1838 г., православный, из дворян, сын майора; воспитывался в Брестском кадетском корпусе; в 1858 г. закончил Константиновское военное училище, в которое поступил в 1856 г.; в 1858—1861 гг. служил в Москве, где был близок к ряду участников революционного движения; в 1862—1863 гг., будучи слушателем Артиллерийской академии, имел контакты с петербургскими революционерами и в то же время поддерживал связь со своими московскими товарищами, в частности с участником восстания Игнатием Будзиловичем (Алфавитный список..., стр. 52).

159. Колотилин, офицер Томского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест. 106..., стр. 232).

160. Кольб[е] Пшемислав-Мельхиор Михайлович, инженер-подпоручик; родился в 1842 г., католик, из дворян Витебской губ., у родителей 3500 десятин земли и 400 душ крепостных; воспитывался в Инженерном училище, по окончании которого оставлен при Инженерной академии; в середине апреля 1863 г. скрылся из Петербурга и перешел на сторону повстанцев; расстрелян в Динабурге 2 апреля 1864 г. (ЦГВИА, ф. 395, 300/860, св. 251, д. 47, л. 146; ф. 330л, оп. 1, д. 2105, л. 11; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378ПО, 1863, д. 173, лл. 1—12; 1871, д. 1, л. 26; Z. K o l u m n a. Указ. соч., ч. I, стр. 76).

161. Коссович Сократ Игнатьевич, поручик 3-го гренадерского стрелкового батальона; родился в 1842 г., православный, из дворян Московской губ., имением не владел; воспитывался в Александровском сиротском кадетском корпусе в Москве, откуда выпущен в июне 1860 г. с зачислением в Инженерную академию; за участие в «истории» отчислен в часть и возвратился в Академию в 1863 г. (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 459—461; 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

162. Коссовский Владислав Гедеонович, поручик л.-гв. конной артиллерии; родился в 1836 г., католик, из дворян, сын управляющего имением графа В. Браицкого в Киевской губ., недвижимой собственностью не владел; учился в Винницкой и Белоцерковской гимназиях, а с 1851 г. — в Артиллерийском училище; в 1856 г. произведен в прапорщики и зачислен в Артиллерийскую академию; после окончания ее в 1858 г. оставлен ассистентом в химической лаборатории Академии; в 1861—1862 г., взяв 11-месячный отпуск, выехал за границу и был преподавателем польской военной школы в Генуе—Кунео; активный член кружка Сераковского—Домбровского; с осени 1862 г. его представитель в сношениях с другими революционными

организациями; участник Петербургских переговоров русских и польских революционеров в конце 1862 г. (Алфавитный список... , стр. 53).

163. Костежа Тацац, отставной поручик, учившийся в 1862—1863 гг. в Петербургском университете; когда началось восстание, вступил в ряды повстанцев, был ранен, умер в эмиграции в 1865 г. (Z. Kolumba. Указ. соч., ч. II, стр. 127).

164. Костенич К., прапорщик Муромского пехотного полка; с октября 1861 по октябрь 1862 г. находился в Царскосельской офицерской стрелковой школе; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106... , стр. 232).

165. Красовский Андрей Афанасьевич (1822—1868), подполковник Александровского гусарского полка; православный, из дворян Орловской губ., владел имением в 1800 десятии земли и 300 крепостных крестьян; воспитывался в Пажеском корпусе, откуда выпущен прапорщиком в 1848 г.; участник Крымской войны; в 1858—1860 гг. находился в Петербурге и был связан с многими революционными деятелями (Г. Маратов Андрей Красовский — борец против крепостничества и самодержавства. Київ, 1961; Алфавит... , стр. 588—590).

166. Кржевицкий, поручик 3-го гренадерского стрелкового батальона; в 1859—1861 гг. учился в Инженерной академии, отчислен за участие в «истории» (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2051, лл. 24—25; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

167. Крженевский, инженерный офицер; в следственном деле о «литературных вечерах» у Я. Домбровского и его товарищей упоминается как один из участников (ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 108, л. 126).

168. Крйер Николай Александрович, прапорщик л.-гв. Семеновского полка; родился в 1841 г., католик, из дворян Лифляндской губ., имением не владел; воспитывался в Орловском кадетском корпусе (1852—1856) и в Константиновском военном училище (1856—1859); в 1859 г. — по окончании училища — прикомандирован к Инженерной академии, но в январе 1861 г. отчислен отсюда за участие в «истории»; был связан с многими членами кружка Сераковского—Домбровского и сам, по-видимому, участвовал в его деятельности; впоследствии служил в Муромском пехотном полку и являлся одним из активных участников революционной организации русских офицеров в Польше (Алфавитный список... , — стр. 54).

169. Кротоцкий Петр Алексеевич (1842—1921); находясь в Петербурге и будучи воспитанником Пажеского корпуса в 1857—1862 гг., регулярно читал «Колокол» и другие издания Вольной русской типографии, был хорошо знаком с нелегальными изданиями внутрироссийского происхождения; внимательно следил за студенческим движением и был связан с участниками революционного движения в военной среде, особенно из числа учившихся в Артиллерийском училище и Артиллерийской академии («Переписка Петра и Александра Кротоцких», т. I, Academia. М.—Л., 1932, стр. 81, 86—87, 175, 240, 255).

170. Крылов Н., офицер Могилевского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106... , стр. 232).

171. Кублицкий П., офицер 5-го резервного стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106... , стр. 232).

172. Кувызев Владимир Сергеевич, подпоручик 12-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1843 г., православный, из дворян Рязанской губ., имением не владел; воспитывался в Орловском кадетском корпусе (1854—1860) и в Артиллерийском училище (1861—1862); в июне 1862 г. произведен в подпоручики и зачислен в Артиллерийскую академию, но в феврале 1863 г. по неизвестной причине откомандирован в часть; в апреле 1863 г. по пути к месту службы распространял прокламации «Свобода» № 1 и «Льется польская кровь, льется русская кровь» (Алфавит... , стр. 526—527, 594—595).

173. Кукель, подполковник, состоявший при Военном министерстве по кавалерии; в июле 1861 г., приехав из Петербурга в отпуск, участвовал в религиозно-патриотической манифестации жителей Гродно (ЦГИА БССР (Гродно), ф. 1, оп. 22, д. 1241, лл. 317—319).

174. Кулеша Генрих-Иосиф Феликсович, воспитанник Константиновского военного училища; родился в 1840 г., католик, из дворян Виленской губ. (по другим данным, Ковенской губ.); в училище поступил экстерном в сентябре 1861 г.; в марте 1863 г. подал прошение об увольнении от службы, а несколько позже присоединился к повстанцам (ЦГВИА, ф. 320л, оп. 1, д. 231, лл. 40—41; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 214, лл. 1—63; д. 468, т. II, л. 5).

175. Кульчицкий Болеслав Маврикевич, инженер-подпоручик; родился в 1842 г., католик, из дворян Подольской губ., имением не владел; выпущен из Константиновского военного училища в июне 1862 г. с зачислением в Инженерную академию; в первой половине апреля скрылся из Петербурга; возможно, был повстанческим организатором в Староконстантиновском уезде Волынской губ. и после подавления восстания эмигрировал в Галицию (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2105, л. 11; ф. 395, оп. 300/860, 1863, св. 251, д. 47, лл. 142, 144; J. Białunia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 275).

176. Кульчицкий Евстафий-Болеслав Францевич, подпоручик полевой пеший артиллерии; родился в 1842 г., католик, из дворян Августовской губ., имением не владел; воспитывался в Брестском (1850—1859) и Новгородском (1859—1861) кадетских корпусах, а затем в Артиллерийском училище (1861—1862); в июне 1862 г. произведен в офицерский чин и зачислен в Артиллерийскую академию; в 1863 г. скрылся из Петербурга и присоединился к повстанцам в Витебской губ.; в мае 1863 г., оказавшись в руках карателей, застрелился (Алфавит..., стр. 526—527, 595).

177. Курдюмов, офицер л.-гв. Уланского полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

178. Курпатовский Рафаил Вацлавович, инженер-подпоручик; родился в 1836 г., вероисповедания реформатского, из дворян Ковенской губ., имением не владел; в 1858 г. окончил Инженерное училище и был зачислен в Инженерную академию, но в 1859 г. по болезни отправлен в Киев в резервный саперный полубатальон, где подружился с инженер-прапорщиком А. А. Зелинским (см.); в 1863 г., будучи уже в отставке, помогал повстанцам, за что был приговорен к шести годам каторги (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 133, лл. 319—323; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 9, лл. 1—97).

179. Кюхельбекер Михаил Васильевич, прапорщик 8-го стрелкового батальона; родился в 1839 г. православный, из дворян Петербургской губ., имением не владел; учился в Петербургском университете, но, не окончив его, поступил в 1857 г. на военную службу; с октября 1861 г. по сентябрь 1862 г. находился в Царскосельской офицерской стрелковой школе, с января 1863 г. прикомандирован к л.-гв. Царскосельскому стрелковому батальону; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862 г., д. 33, лл. 274, 276, 280; ф. 14014, оп. 3, д. 235, л. 345 об). В «Протесте» указание на 7-й стрелковый батальон, как место службы М. В. Кюхельбекера, ошибочно.

180. Лабупский Александр (по другим данным — Антон) Юлианович, поручик 21-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1838 г., православный, из дворян Витебской губ., сын коллежского асессора, имением не владел; окончил Константиновское военное училище в 1856 г., в Академии генерального штаба учился с декабря 1860 по декабрь 1862 г.; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862 г., д. 160, лл. 47—48; ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 405—408).

181. Лавров Петр Лаврович (1823—1900), полковник, профессор Артиллерийской академии; возглавлял кружок революционно настроенных офицеров-артиллеристов, являвшихся последователями идей Н. Г. Чернышевского; кружок, в который входили А. Н. Энгельгардт, А. И. Семевский, Е. В. Странден, Н. П. Андреев и другие, имел широкие связи в военной среде и активно поддерживал студенческое движение (В. А. Дьяков. Был ли П. Л. Лавров революционером шестидесятых годов? «Вопросы архивоведения», 1962, № 3, стр. 114—115; М. П. Сажиц. Указ. соч., стр. 25—26).

182. Лазарев Петр Степанович, поручик Малороссийского гренадерского полка; родился в 1838 г., православный, из дворян Пензенской губ., имением не владел; окончил Павловский кадетский корпус около 1858 г.; учился в Академии генерального штаба с августа 1860 по декабрь 1862 г.; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862 г., д. 160, лл. 47—48; ф. 725л, оп. 1, д. 129, л. 75).

183. Лакруа, офицер 18-го стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

184. Левицкий Казимир Васильевич, подпоручик л.-гв. Павловского полка; родился в 1835 г., православный, из дворян Витебской губ., имением не владел; воспитывался в Полоцком кадетском корпусе; учился в Академии генерального штаба в 1857—1858 гг.; по словам учившегося вместе с ним М. А. Домонтовича, был одним из ближайших друзей З. Сераковского и активным участником созданного им революционного кружка (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 126, лл. 423—426; ф. 242, оп. 1, д. 2, лл. 5—6).

185. Левицкий Николай, поручик 17-й артиллерийской бригады; в феврале 1863 г. находился в Петербурге, входил в кружок, собиравшийся на квартире братьев Сергея и Михаила Худяковых (см.), и участвовал в распространении прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь» (ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1863, д. 97, ч. 9, лл. 12—13).

186. Лемешев, офицер Рижского драгунского полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

187. Ленковский Николай Лукич, прапорщик 4-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1841 г., православный, сын губернского секретаря, уроженец Киевской губ.; воспитывался в Киевском кадетском корпусе до 1861 г. и Константиновском военном училище в 1861—1862 гг.; в июне 1862 г. участвовал в панихиде по

И. Н. Аригольдту и его товарищам в Повонзовском лагере (Алфавит..., стр. 528—529, 596; ЦГВИА, ф. 395, оп. 53/577, св. 646, д. 19, лл. 76—80).

188. Лесли Дмитрий Николаевич, подпоручик л.-гв. Волынского полка; родился в 1836 г., православный, сын отставного ротмистра, уроженец Смоленской губ., имением не владел; воспитывался в Павловском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1856 г. с зачислением в Инженерную академию; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232, ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 131, лл. 523—525).

189. Лещинский Витольд Станиславович, офицер генерального штаба; родился в 1835 г., католик, из дворян Гродненской губ., имением не владел; воспитывался в частном учебном заведении, на военной службе с 1854 г.; учился в Академии генерального штаба с мая 1858 по декабрь 1860 г.; потом служил в штабе Отдельного гвардейского корпуса; участвовал в «литературных вечерах» на квартире Я. Домбровского и его товарищей (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 128, лл. 793—796; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 16).

190. Ливанов, коллежский секретарь, служивший в Военном министерстве; уволен из Инспекторского департамента «за распространение вредных идей между писарями»; перейдя в Аудиториатский департамент был заподозрен в пересылке одного из военно-судных дел издателям «Колокола» и уволен; в 1863 г. издал в Перми брошюру «Беглый кантонист», в которой «выставлено военное судопроизводство в самом неблагоприятном виде» (ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 146, л. 9).

191. Лишинский Василий-Дионисий-Николай Иосифович, штабс-капитан л.-гв. Павловского полка; родился в 1835 г., католик, из дворян Могилевской губ., имением не владел; воспитывался в Полоцком кадетском корпусе и в Константиновском военном училище; с апреля 1860 по декабрь 1862 г. учился в Академии генерального штаба; в феврале 1864 г., находясь в Симбирской губ., обнаружил «сочувствие польскому делу, защищая действия поляков, и порицал меры, принимаемые правительством к подавлению мятежа» (ЦГВИА, ф. 38, оп. 10/259, 1861 г., д. 153, л. 158; ф. 395, оп. 54/578, св. 60, д. 160, л. 47; ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 315—318).

192. Лисенко В., офицер Азовского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

193. Лисовский, офицер; в 1863 г. находился в Петербурге и был связан с В. Коссовским и Э. Юндзиллом (см.), причем покупал оружие для офицеров, отправляемых в повстанческие отряды (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 205 об).

194. Лихачев Петр Федорович, капитан 7-го стрелкового батальона; родился в 1839 г., православный, из дворян Харьковской губ., отец (полковник) имел в Курской губ. 33 крепостных крестьянина; воспитывался в Павловском кадетском корпусе, откуда выпущен в июне 1858 г. с зачислением в Инженерную академию; в июле отчислен отсюда как не выдержавший экзамены; в августе 1861 г. поступил в Академию генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии, а в июле 1862 г. организовал в Боровичах панихиду по И. Н. Аригольдту и его товарищам (Алфавит..., стр. 528—529, 596—597; Протест 106..., стр. 232).

195. Лубба Казимир, поручик 40-й полевой артиллерийской бригады; в 1862 г. учился в Артиллерийской академии и был связан с Г. Рошковским, А. Шукштой (см.) и другими участниками кружка Сераковского—Домбровского, а также с В. С. Кувязевым, Н. Е. Мазаракием (см.) и другими участниками революционного движения (Алфавит..., стр. 530—531, 598; ЦГВИА, ф. 5л, оп. 5, д. 8, лл. 1—9).

196. Лугинин Владимир Федорович, поручик гвардейской конной артиллерии; родился в 1834 г., сын крупного помещика; участник Крымской войны; окончил Артиллерийскую академию, в марте 1862 г. вышел в отставку и уехал за границу; был связан с Н. Н. Обручевым, З. Сераковским, З. Падлевским и другими армейскими революционерами; возможно, участвовал в выпуске «Великорусса» (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 220—221; «Литературное наследство», т. 63, стр. 109; Б. П. Козьмин. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, стр. 526—527).

197. Лыко Марцелий Викентьевич, поручик Ростовского гренадерского полка; воспитывался во 2-м Московском кадетском корпусе; в марте 1862 г. учился в Академии генерального штаба и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

198. Лясковский Вильгельм Викентьевич, поручик 1-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1840 г., католик, из дворян Минской губ., имением не владел; окончил Константиновское военное училище в июле 1859 г.; с июня 1860 по август 1862 г. учился в Артиллерийской академии; посещал «литературные вечера» у Я. Домбровского и его товарищей; участвовал в восстании на территории Минской губ., после восстания в эмиграции (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, 1863 г., св. 251, д. 47, лл. 167, 398—400; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 14).

199. Лясковский Игнатий Викентьевич, штабс-капитан пешей батареи Артил-

лерийского училища; родился в 1832 г., католик, из дворян Минской губ., имением не владел; участник Крымской войны и обороны Севастополя; прикомандирован к Артиллерийскому училищу с сентября 1860 г.; участник кружка Сераковского—Домбровского; во время восстания — видный повстанческий командир в Ковенской губ.; после восстания — в эмиграции (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, лл. 68, 109, 127; ф. 109и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 254, л. 190; ЦГИА Лит. ССР, ф. 438, оп. 114, д. 30, лл. 919—934; ГИБ С.-Щ., Материалы по истории..., т. XVI, лл. 33—36).

200. Ляуданский Мечислав, инженер-подпоручик; участник «истории» в Инженерной академии; посетитель «литературных вечеров» и участник кружка Сераковского—Домбровского (ЦГВИА, ф. 14014, оп. 3, д. 360, л. 4; ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, л. 3).

201. Ляуданский Михаил-Устин Францевич, корнет Бугского уланского полка; родился в 1839 г., католик, из дворян Минской губ., имением не владел; выпущен из Константиновского военного училища в июне 1862 г. и зачислен в Инженерную академию; в апреле 1863 г. выехал из Петербурга и перешел на сторону повстанцев (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, 1863 г., св. 251, д. 47, л. 152; ф. 320л, оп. 1, д. 231, лл. 45—46; ф. 330л, оп. 1, д. 2105, лл. 1—40; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1835, л. 114; З е л и н с к и й, стр. 269, 445 и др.).

202. Маевский Станислав, инженер-подпоручик; в 1862 г. учился в Инженерной академии; был близок к Г. Рошковскому, А. Шукште и другим членам кружка Сераковского—Домбровского, «навелк на себя подозрение во вредном образе мыслей в политическом отношении» (Алфавит..., стр. 534—535, 603; ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2105, л. 40).

203. Мазаракий Николай Егорович, поручик 37-й полевой артиллерийской бригады; в начале 60-х годов учился в Артиллерийском училище, в 1862 г. был прикомандирован к Артиллерийской академии; был дружен с В. С. Кузязевым, К. Лубой, В. П. Колесовым (см.); впоследствии при обыске у него были обнаружены портреты репрессированных царизмом деятелей революционного движения В. Т. Каплинского и П. М. Сливницкого, а также участников восстания 1863 г. Богуслава Павловича и Анны Пустовойтовой (ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1863 г., д. 97, ч. 39, лл. 1—57; ЦГВИА, ф. 1606, оп. 5, д. 2, лл. 11—13; ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 11, лл. 9—11).

204. Майковский Владислав Моисеевич, прапорщик Смоленского пехотного полка; родился в 1837 г., католик, из дворян Варшавской губ., имением не владел; воспитывался в Петровской гимназии; с сентября 1861 по сентябрь 1862 г. — экстерн Константиновского военного училища; в 1863 г. перешел на сторону повстанцев (Алфавитный список..., стр. 57).

205. Максевич К., поручик Самогитского гренадерского полка; в 1862 г. во время обучения в Царскосельской офицерской стрелковой школе был близок к Г. Рошковскому, А. Шукште (см.) и другим членам кружка Сераковского—Домбровского; в апреле 1863 г. оставил расположение части, находившейся в Повопзковском лагере под Варшавой, и, по-видимому, перешел к повстанцам (Алфавит..., стр. 534—535, 603; ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, св. 251, д. 47, л. 138).

206. Макшеев Алексей Иванович (1822—1892), полковник, профессор Академии генерального штаба; входил в кружок профессоров военных академий, связанных с Чернышевским и Добролюбовым; был в числе членов — учредителей Шахматного клуба. (Р. А. Таубиш. Указ. соч., стр. 62—63, 86—87).

207. Малевский, инженер-прапорщик; в 1863 г. сразу же после окончания Инженерной академии подал в отставку; начальник Академии М. П. Кауфман характеризовал его следующим образом: «Воспитывался в [Инженерном] училище, правдивности сомнительной, за образ мыслей не ручаюсь, католик и поляк. Полагаю, что вышел в отставку потому, что опасался быть отправленным в войска, расположенные в Западном крае» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 198).

208. Малевский Казимир, ординатор 2-го Петербургского военно-сухопутного госпиталя; родился в 1835 г., католик, из дворян Гродненской губ., отец имел часть небольшого имения; воспитывался в Белостокской гимназии; в 1858 г. окончил в Петербурге Медико-хирургическую академию и до 1860 г. оставался прикомандированным ко 2-ому госпиталю «с научной целью», затем служил на Кавказе, а летом 1862 г. снова вернулся в Петербург в качестве ординатора 2-го госпиталя; в марте или апреле 1863 г. подал в отставку и уехал в г. Дрогоич; во время пребывания в Петербурге был тесно связан с В. Миладовским, Н. Н. Васильковским, Э. Вжесневским и другими членами кружка Сераковского—Домбровского; выйдя в отставку, оказывал медицинскую помощь повстанцам (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 269—277).

209. Малецкий Александр Войцехович, кондуктор Инженерного училища; родился в 1842 г., уроженец Подолии; в апреле 1863 г. вместе с несколькими товарищами скрылся из Петербурга и присоединился к повстанцам в Витебской губ.; впоследствии действовал в Ковенской губ., был ранен; после восстания — эмигрировал (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2105, лл. 1—40; J. Białynia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 294—295).

210. Малецкий Гаспер Ромуальдович, прапорщик л.-гв. Семеновского полка;

родился в 1840 г., католик, из дворян Ковенской губ., за семьей небольшое нераздельное имение в Вилкомирском уезде; воспитывался в Павловском кадетском корпусе, после окончания которого поступил в Инженерную академию; за участие в «истории» отправлен в Ревельский пехотный полк, откуда переведен в 3 полевую артиллерийскую бригаду подпоручиком; в 1863 г. перешел на сторону повстанцев и командовал 8-м батальоном у Сераковского; после восстания эмигрировал во Францию (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 134, лл. 629—633; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378ПО, 1863 г., д. 241, лл. 76—77; д. 589, л. 1; д. 592, л. 6; ф. 1248, оп. 1, д. 524, лл. 12—18 и др.). По его собственным словам, Г. Малецкий в 1859—1861 гг. участвовал в оппозиционном кружке, собиравшемся у художника Мартынова; среди участников кружка Малецкий называет Т. Г. Шевченко, М. И. Михайлова, Бр. Залеского, Эд. Подосского (Василь Лукич. Звістки і замітки. До життя і смерті Шевченка. «Ватра», Литературний збірник. Стрий, 1887, стр. 206—207).

211. Малецкий Доминик Ромуальдович, подпоручик гвардейской козней артиллерии; родился в 1841 г., католик, из дворян Ковенской губ., за семьей небольшое нераздельное имение в Вилкомирском уезде; воспитывался в Павловском кадетском корпусе; в 1859—1862 гг. был репетитором химии и учился в Артиллерийской академии на практическом отделении; в 1859—1862 гг., числясь в Академии, слушал лекции в Горном институте; 27 марта 1863 г. взял отпуск и перешел на сторону повстанцев; командовал 7 батальоном в повстанческом соединении З. Сераковского; повешен в Вилькомире 9 декабря 1863 г. (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, св. 251, д. 47, лл. 363—368; ЦГИА Лит. ССР, ф. 494, оп. 1, д. 440, лл. 1—5; ф. 1248, оп. 1, д. 524, лл. 12—18 и др.; ф. 378 ПО, 1871, д. 1, л. 36; J. Białunia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 41).

212. Марков Василий, прапорщик 5-го стрелкового батальона; воспитывался в Новгородском кадетском корпусе, в 1859 г. окончил Константиновское военное училище; в июне 1862 г. участвовал в организованной Комитетом русских офицеров панихиде по И. Н. Аригольдту и его товарищам (Алфавит..., стр. 532—533, 600; ЦГВИА, ф. 320л, оп. 2, д. 368, л. 10).

213. Махвиц Оттон-Серафим сын Люциана-Леона, кондуктор Инженерного училища; родился в 1844 г., из дворян Ковенской губ., у родителей — имение в Вилкомирском уезде; 13 апреля вместе с товарищами бежал из Петербурга с целью присоединиться к повстанцам; задержан в Витебской губ., лишен дворянства и направлен рядовым в Оренбургский корпус (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2105, лл. 1—40; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, лл. 337—338; д. 1838, л. 30).

214. Межаков Н., офицер Сибирского гренадерского полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

215. Мейер Эдуард Готфридович, подпоручик 9-го стрелкового батальона; лютеранин; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232; ЦГВИА, ф. 14014, оп. 3, д. 228, л. 320).

216. Мерецкий Оскар, поручик 6-го саперного батальона; в феврале 1863 г. жил в Петербурге вместе с С. Г. Стахевичем и другими студентами Медико-хирургической академии; участвовал в распространении прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь» (ЦГАОР, ф. 112и, оп. 1, д. 30, лл. 3—5).

217. Мехеда Иван Ефимович, корнет Петербургского уланского полка; родился в 1830 г., православный, из дворян Полтавской губ., имением не владел; закончил Ришельевский лицей в Одессе, на военной службе с 1852 г.; в 1856—1858 гг. учился в Академии генерального штаба; в 1862—1863 гг., находясь в Казани, был связан с местными революционерами, в том числе с Н. Иваницким и другими руководителями «Казанского заговора»; поддерживал связи с петербургскими землевольцами и с революционной организацией русских офицеров в Польше (Алфавитный список..., стр. 59).

218. Мижевский, офицер из числа обучавшихся в Инженерной академии; судя по показаниям В. Миладовского (см.) посещал «литературные вечера», проводившиеся кружком Сераковского—Домбровского (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, лл. 39, 53).

219. Микулч Александр-Антоний-Иосиф Георгиевич; поручик 3-го стрелкового батальона; родился в 1839 г., реформатского вероисповедания, из дворян Гродненской губ., имением не владел; воспитывался в Константиновском военном училище, откуда выпущен в 1860 г.; в 1861 г. участвовал в религиозно-патриотической манифестации в Суwalkах, за что уволен от службы; выехал за границу и учился в польской военной школе в Генуе—Кунео; участвовал в восстании под командованием Л. Мерославского, погиб в феврале 1863 г. (Алфавит..., стр. 530—531, 598; Алфавитный список..., стр. 59).

220. Миладовский Витольд-Виктор-Павел сын Феофила, инженер-прапорщик; родился в 1834 г., католик, из дворян Минской губ., имением не владел; учился в Киевском университете, но в 1858 г. оставил его и поступил экстерном в Инженерное училище; окончив его в июне 1860 г., поступил в Инженерную академию; за участие в «истории» отчислен в 5-й понтонный парк; с декабря 1861 г. — снова в Академии; член кружка Сераковского—Домбровского; в 1863 г. — командовал пов-

станцами в Новогрудском уезде Минской губ.; дал откровенные показания в Виленской следственной комиссии, в связи с чем наказание ему было смягчено и выразилось в ссылке на поселение в Сибирь (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2105, лл. 10—11 и др.; ф. 9л, оп. 92/37, 1-е отд., 1-й ст., 1863 г., д. 94, т. 25, лл. 216—222; 315—317; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 108, лл. 3, 5, 7, 36—41, 126 и др.; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 621, лл. 1—125).

221. Миневский Юзеф-Карл, сын Владислава, инженер-подпоручик; родился в 1841 г., католик, из дворян Варшавской губ., имением не владел; учился в Инженерном училище с 1858 г., в июне 1860 г. выпущен прапорщиком с зачислением в Инженерную академию; за участие в «истории» отчислен в 4-й саперный батальон; в июне 1861 г. подал в отставку по болезни; активный участник кружка Сераковского—Домбровского; во время восстания—крупный повстанческий командир; впоследствии—эмигрировал (ЦГВИА, ф. 395, оп. 53/577, св. 47, д. 989, лл. 1—10; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 108, лл. 3, 38, 53, 126 и др.; ф. 109л, 1 экзп, 1863 г., д. 23, ч. 254, л. 190; J. Białunia-Chołodecki. Dowódcy oddziałów w powstaniu styczniowym i współczesne pieśni rewolucyjne. Lwów, 1907, стр. 52—54).

222. Минейко Сигизмунд Станиславович, юнкер Инженерного училища; в мае—июне 1861 г., будучи в отпуске в Ошмянском уезде, участвовал в манифестациях, а также «старался сблизиться с крестьянами и, переодеваясь для этого в крестьянское платье, в разговорах своих с ними возбуждал в них ненависть к правительству» (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 205, л. 92); исключенный из училища за просрочку отпуска, бежал за границу, учился в польской военной школе в Купео; во время восстания под псевдонимом Матвей Боровой командовал повстанцами в Ошмянском уезде (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 1, д. 205, лл. 1—12; ф. 378ПО, 1861 г., д. 60, лл. 42—43; ЦГАОР, ф. 109л, 1 экзп., 1861 г., д. 293, лл. 12—15).

223. Минятов Александр Викентьевич, подпоручик 20-й полевой артиллерийской бригады, родился в 1838 г., из дворян, сын коллежского асессора; воспитывался в Полоцком кадетском корпусе (1849—1855) и Константиновском военном училище (1855—1858); в марте 1862 г. учился в Академии генерального штаба и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232; ЦГВИА, ф. 320 л, оп. 2, д. 363, л. 31 об.).

224. Миткевич Эдислав, поручик, учившийся в Артиллерийской академии; во время восстания был адъютантом Л. Звездовского, когда тот действовал в Могилевской губ.; проявил себя горячим сторонником распространения восстания на Смоленскую губ. и далее до Волги с привлечением к нему широких масс крестьянства (ЦГИАЛ, ф. 930, оп. 1, д. 129, лл. 24—25; ЦГИА Лит. ССР, ф. 378ПО, 1864 г., д. 84).

225. Михайлов Николай Алексеевич, поручик 7-го стрелкового батальона; в 1860 г. находился в Петербурге, учился в Инженерной академии и участвовал в «истории»; впоследствии активный деятель революционной организации русских офицеров в Польше, участник повонзковской панихиды по И. Н. Аргольдту и его товарищам, один из руководителей «Казанского заговора»; в августе 1863 г. приговорен к 10 годам каторги (Алфавитный список..., стр. 59—60).

226. Михайловский Михаил Николаевич, прапорщик л.-гв. Литовского полка; родился в 1840 г.; православный, из дворян Курской губ., имением не владел; в 1849—1855 гг. воспитывался в Новгородском кадетском корпусе; окончил Константиновское училище в 1858 г. с зачислением в Инженерную академию; за участие в «истории» отправлен в Калужский пехотный полк (Алфавитный список..., стр. 60).

227. Михалевский Василий Гаврилович (1835—1898), преподаватель Новгородского кадетского корпуса; православный, из дворян Саратовской губ.; недвижимого имущества не имел; учился у Н. Г. Чернышевского в Саратовской гимназии; учился в Казанском, затем перевелся в Петербургский университет, который закончил в 1857 г.; с 1857 г. преподавал законоведение и статистику в Новгородском кадетском корпусе и был одним из руководителей существовавшего там революционного кружка; поддерживал тесные связи с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым и петербургскими революционными кружками; летом 1862 г. переселился в Петербург и вошел в петербургскую землевольческую организацию (В. А. Дьяков, В. Е. Филъгус. Революционные кружки в Новгороде в 1859—1863 гг. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.» М., 1962, стр. 494—499).

228. Михеев Александр Дмитриевич, капитан Томского пехотного полка; в 1862—1863 гг. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

229. Мокряцкий Вещеслав, поручик Московского гренадерского полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии; участвовал в восстании на территории Ковенской губ., но сумел скрыться (Протест 106..., стр. 232; ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 381, лл. 1—18; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 299—301).

230. Морикиевский, инженер-прапорщик; по показаниям Эм. Юцзилла (см.), относился к числу его друзей и единомышленников; в феврале 1863 г. откоманди-

рован в 5-й саперный батальон (ЦГИА, Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, лл. 34—35).

231. Мосальский Николай Иванович, капитан Могилевского пехотного полка; православный; с августа 1858 г. по апрель 1860 г., а может быть и позже, был прикомандирован к Константиновскому военному училищу; впоследствии был одним из активных деятелей революционной организации русских офицеров в Польше (Алфавитный список..., стр. 61).

232. Муромцев Николай Николаевич, подпоручик л.-гв. Волынского полка; родился в 1839 г., православный, из дворян Калужской губ., имением не владел; окончил 1-й Московский кадетский корпус в 1856 г.; в апреле 1860 г. прикомандирован к гвардейскому штабу для подготовки к вступительным экзаменам, а в январе 1861 г. зачислен в Академию генерального штаба; вместе с В. С. Кувязевым (см.) посещал собрания кружка Ф. С. Судакевича (В. Е. Фильгус. Революционное движение, стр. 138; ЦГВИА, ф. 725л., оп. 1, д. 129, лл. 525—528).

233. Муханов Владимир Владимирович, прапорщик 7-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1839 г., православный, из дворян Московской губ., имением не владел; воспитывался в Новгородском кадетском корпусе; окончил Константиновское военное училище в 1859 г. с зачислением в Артиллерийскую академию, но в 1860 г. переведен в Инженерную академию, откуда отчислен за участие в «истории» (ЦГВИА, ф. 320л., оп. 2, д. 368, л. 8; ф. 330л., оп. 1, д. 299, лл. 371—373; ф. 725л., оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

234. Мясоедов Александр Николаевич, инженер-прапорщик; родился в 1841 г., православный, из дворян Саратовской губ., имением не владел; учился в Инженерном училище, после окончания которого в 1860 г. был принят в Инженерную академию; за участие в «истории» отчислен оттуда с назначением в управление инженеров Отдельного гвардейского корпуса; в декабре 1862 г. снова вернулся в Академию (ЦГВИА, ф. 330л., оп. 1, д. 299, лл. 367—369; ф. 725л., оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

235. Нарбут Василий Федорович, поручик 1-й гренадерской артиллерийской бригады; из дворян Тверской губ., православный; окончил Константиновское военное училище, в 1861—1863 гг. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии; привлекался по делу о «литературных вечерах» у Я. Домбровского и его товарищей (Протест 106..., стр. 232; ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, л. 6; ф. 109и, 1 экзп., 1862, д. 406, л. 30).

236. Недзьялковский Александр Александрович, поручик 9-го стрелкового батальона; родился в 1840 г., православный, из дворян Херсонской губ., имением не владел; воспитывался во 2-м Петербургском кадетском корпусе, из которого выпущен в июне 1859 г. с зачислением в Инженерную академию; за участие в «истории» откомандирован в свой батальон; возвратился в Академию в августе 1863 г. (ЦГВИА, ф. 330л., оп. 1, д. 299, лл. 400—401; ф. 725л., оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

237. Нелидов Петр Иванович, подпоручик Прагского пехотного полка; родился в 1837 г., православный, из дворян Бессарабской губ., имением не владел; воспитывался в частном учебном заведении, на военной службе с 1853 г., участник Крымской войны; с октября 1860 г. по октябрь 1862 г. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии; с октября 1862 г. был прикомандирован к Инспекторскому департаменту Военного министерства, в июне 1863 г. подал в отставку, заявив о своем намерении жить в г. Белом Смоленской губ. (Протест 106..., стр. 232; ЦГВИА, ф. 38, оп. 10/259, св. 289, д. 12, л. 2; ф. 395, оп. 55/579, св. 37, д. 939, лл. 1—12).

238. Неловицкий Рудольф Карлович, инженер-прапорщик; родился в 1838 г., католик, из дворян Ковенской губ., имением не владел; воспитывался в частном учебном заведении, на военной службе с 1859 г. — экстерн Инженерного училища, после окончания которого оставлен в Инженерной академии; судя по показанию Ф. Варавского, участвовал в кружке Сераковского—Домбровского; 28 апреля 1863 г. подал в отставку по болезни, заявив о намерении жить в Ковенской губ. (ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 37, д. 936, лл. 13—21; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 12).

239. Немчевский Тадеуш, юнкер Константиновского военного училища; в марте 1863 г. вербовал своих товарищей и сам бежал в повстанческий отряд Б. Кольшико в Ковенской губ.; погиб в одной из стычек с карателями (ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 449, лл. 1—3; Z. K o l u m n a. Указ. соч., ч. II, стр. 190).

240. Неслуховский Станислав-Иосиф-Иосафатович подпоручик; родился в 1842 г., католик, из дворян Минской губ., имением не владел; окончил Артиллерийское училище в июне 1862 г. с зачислением в Артиллерийскую академию; был близок к Е. А. Рыдзевскому, А. Гедройцу (см.) и другим участникам кружка Сераковского—Домбровского; в феврале 1863 г. переведен в 15 артиллерийскую бригаду; прибыл туда в июле и сразу подал в отставку по болезни (Алфавит..., стр. 536—537, 606—607; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 43, д. 1283, лл. 1—9).

241. Никифороки Антон Николаевич, штабс-капитан л.-гв. Семеновского полка; учился в училище гвардейских юнкеров; в марте 1862 г., будучи слушателем Академии генерального штаба, подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

242. Никонов Михаил Петрович, инженер-подпоручик; родился в 1839 г., православный, из дворян Херсонской губ., имением не владел; в 1859 г. окончил Инженерное училище и был зачислен в Инженерную академию; был виновником «истории», происшедшей в октябре 1860 г. и повлекшей за собой исключение из Академии 115 офицеров, выступивших в его поддержку; сам Никонов был исключен без права поступления (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 134, лл. 481—484; д. 5547, лл. 8—13).

243. Новицкий, инженер-поручик; в 1860—1861 гг. находился в Петербурге, посещал «литературные вечера» у Я. Домбровского и его товарищей, был близок к П. Хойновскому и Э. Юндзиллу (см.); после окончания Инженерной академии назначен в Ревельскую инженерную команду; с марта 1862 г. выехал из части в 11-месячный отпуск для проведения межевых работ в Гродненской губ., по запад не вернулся; в мае 1863 г. в управлении генерал-инспектора по инженерной части было получено «частное сведение» о том, что Новицкий «убит в рядах мятежников около г. Вильно» (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, 1863 г., св. 251, д. 47, л. 219; ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, л. 3; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 16; д. 1835, л. 52; ф. 438, оп. 1, д. 1487, см. по алфавиту).

244. Новицкий Иван-Проспер Юлианов сын, прапорщик 6-й артиллерийской бригады; родился в 1840 г., католик, из дворян Волынской губ., имением не владел; окончил Павловский кадетский корпус в июне 1858 г., после чего до октября 1860 г. был прикомандирован к Петербургской крепостной артиллерии; в мае 1861 г., будучи в Варшаве, проявил сочувствие к польскому пароду и выказал недовольство политикой царизма в Польше; в августе 1863 г., находясь в 18-й артиллерийской бригаде (с. Терехово Московской губ.), подал в отставку, обязавшись жить в Петербурге (Алфавит..., стр. 536—537, 605—606; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 41, д. 1199, лл. 1—6).

245. Новицкий Николай Дементьевич (1833—1906), подпоручик 8 полевой артиллерийской бригады; православный, из дворян Псковской губ., унаследовал родовое имение и 400 душ крепостных крестьян; в 1857—1860 гг. учился в Академии генерального штаба; был знаком с Н. Г. Чернышевским, Т. Г. Шевченко; являлся одним из ближайших друзей Н. А. Добролюбова в военной среде (В. Э. Боград. Воспоминания Н. Д. Новицкого о Чернышевском и Добролюбова. «Литературное наследство», т. 67, стр. 85—120; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 126, лл. 293—298).

246. Новосельский, инженер-прапорщик; судя по мемуарным источникам, состоял в кружке Сераковского—Домбровского (J. Białynia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 10).

247. Обакевич, поручик 3-го стрелкового батальона; родился в 1841 г., католик, недвижимого имущества не имел; окончил Константиновское военное училище незадолго до прибытия в батальон; в 1861 г. участвовал в религиозно-патриотической манифестации в м. Шаты Ковенской губ. и проявил «политическую неблагодарность» (Алфавит..., стр. 536—537, 608).

248. Обезерский Иоаким Целестинович, штабс-капитан 3-го стрелкового батальона; родился в 1837 г., католик, из дворян Варшавской губ., недвижимого имущества не имел; воспитывался в Полоцком кадетском корпусе до 1854 г., и в Константиновском военном училище (1854—1857); с декабря 1860 по декабрь 1862 г. учился в Академии генерального штаба; участвовал в «литературных вечерах» у Я. Домбровского и его товарищей; в мае 1863 г. был задержан в Витебской губ., куда прибыл для того, чтобы принять командование над повстанцами (Алфавитный список..., стр. 62—63).

249. Обломиевский Иван Дмитриевич, прапорщик л.-гв. Семеновского полка; родился в 1838 г., православный, уроженец Петербурга, сын действительного статского советника; недвижимого имущества не имел; воспитывался в 1-м Петербургском кадетском корпусе, в 1858 г. был зачислен в Инженерную академию, участвовал в «истории» (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 133, лл. 422—425; д. 5547, лл. 8—13).

250. Обручев Владимир Александрович, поручик л.-гв. Измайловского полка; родился в 1836 г., православный, из дворян Тверской губ., имением не владел; воспитывался в 1-м Петербургском кадетском корпусе, в 1856—1858 гг. учился в Академии генерального штаба одновременно с З. Сераковским, Н. Д. Новицким и другими участниками революционных кружков; был близок к Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову; в 1859 г. вышел в отставку и, поселившись в Петербурге, сотрудничал в «Современнике»; в 1861 г. арестован и приговорен к каторжным работам за распространение «Великорусса» (Н. Н. Новикова. «Великорусс» и его место в демократическом движении периода революционной ситуации 1859—1861 гг. Рукопись кандидатской диссертации. МГУ, 1951, стр. 520—620).

251. Обручев Николай Николаевич (1830—1904), полковник, профессор Академии генерального штаба; входил в редакцию «Военного сборника» в 1858 г., когда в пей был и Н. Г. Чернышевский; был одним из ближайших друзей и единомышленников Н. А. Добролюбова в военной среде, был близок к Н. Г. Чернышевскому, входил в кружок оппозиционно настроенных профессоров военной академии; был связан с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, сотрудничал с З. Сераковским, В. Ф. Лугиным и многими другими несомненными участниками революционных кружков

в Петербурге; входил в Центральный комитет «Земли и воли», причем, судя по всему, ведал в нем всеми военными организациями; в конце 1863 г. отошел от революционного движения; впоследствии крупный военный деятель царской России (Н. Н. Новикова. Указ. рукопись диссертации, стр. 640—647 и др.; она же. Письмо Н. Н. Обручева Н. П. Огареву. «Литературное наследство», т. 62, стр. 413—429; ЦГВИА, ф. 544, оп. 1, д. 494, лл. 1—74; ф. 725л, оп. 1, д. 2680, лл. 24—25 и др.).

252. Обирп Титус Феликсович, штабс-капитан 3-го стрелкового батальона; родился в 1838 г., католик, из дворян Гродненской губернии, недвижимым имуществом не владел; воспитывался в 1-м Петербургском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1857 г.; в 1861—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; входил в число активных участников кружка Сераковского—Домбровского; 7 мая 1863 г. подал в отставку; участвовал в восстании в качестве повстанческого начальника Подляского воеводства; после восстания эмигрировал в Галицию (Алфавитный список..., стр. 63—64).

253. Огородников Павел Иванович (1837—1884), поручик 6-го стрелкового батальона; православный, из дворян Полтавской губернии, недвижимым имуществом не владел; воспитывался в Новгородском кадетском корпусе, затем в Константиновском военном училище, откуда выпущен в феврале 1858 г. с прикомандированием к Образцовому кавалерийскому полку; переведенный оттуда в 6-й стрелковый батальон, в мае 1860 г. добился направления для сдачи экзаменов в Академию генерального штаба, где учился с декабря 1860 по октябрь 1861 г. и был отчислен по неизвестной причине; во время пребывания в Петербурге дружил с Я. Домбровским и несомненно входил в возглавляемый им кружок; впоследствии активный деятель революционной организации русских офицеров в Польше (Алфавит..., стр. 538—539, 610—612; ЦГВИА, ф. 320л, оп. 2, д. 355, л. 23).

254. Огрызко Исафат Петрович (1827—1890), вице-директор департамента неокладных сборов министерства финансов; из дворян Лепельского уезда Витебской губ., недвижимым имуществом не владел; товарищ З. Сераковского по университету, редактор-издатель выходившей в 1859 г. польской газеты «Słowo»; в начале 60-х годов был в числе близких знакомых Н. Г. Чернышевского и частых посетителей его квартиры; был тесно связан с кружком Сераковского—Домбровского, а в 1863 г. по рекомендации З. Сераковского был назначен представителем Жонда Народового в Петербурге; был арестован в 1864 г. и являлся главным обвиняемым по делу «О Петербургской революционной организации» в Виленской следственной комиссии; приговорен к каторжным работам, умер в Иркутске (Н. В. Гогель. Исафат Огрызко... Вильно, 1867; В. Р. Лейкина-Свириная, В. С. Шидловская. Польская военная организация в Петербурге (1858—1864 гг.) «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года». М., 1962, стр. 41—48).

255. Озеранский Иосиф Михайлович, штабс-капитан; упоминается в числе посетителей «литературных вечеров» у Я. Домбровского и его товарищей; в апреле 1864 г., находясь в Петербурге, просился в отставку, но не получив ее, эмигрировал (ЦГАОР, ф. 95я, оп. 1, д. 108, лл. 38, 52; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 12; д. 1834, л. 381).

256. Озеров Владимир Михайлович (1838—1915), ротмистр Волынского уланского полка; в 1861—1863 гг. по-видимому входил в революционную организацию русских офицеров в Польше; в августе 1863 г., подав в отставку, поселился в Петербурге, был связан с революционерами, в 1864 г. содействовал побегу Я. Домбровского; в 1866 г. оказался причастным к ишутинскому делу и, узнав о возможном аресте, бежал за границу; в эмиграции был связан с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, М. А. Бакуниным, П. Л. Лавровым, Я. Домбровским (С. И. Шкреб. В. М. Озеров и Ал. Озерова — Н. П. Огареву. «Литературное наследство», т. 62, стр. 433—462; Алфавитный список..., стр. 64).

257. Окилчиц Станислав Фадеевич, прапорщик 3-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1838 г., католик, из дворян Гродненской губернии; воспитывался в Белостокской гимназии, с сентября 1859 г. по ноябрь 1861 г. учился в Константиновском военном училище; в апреле 1863 г. перешел на сторону повстанцев (Алфавитный список..., стр. 64).

258. Окулевич, офицер одной из военных академий; упоминается в числе лиц, связанных весной 1863 г. с Эм. Юндзиллом, который в это время входил в руководящий центр кружка Сераковского—Домбровского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1835, л. 31 об.).

259. Олендзкий Антон Варфоломеевич, подпоручик пешей полевой артиллерии; католик, уроженец Люблинской губ., сын штабс-капитана в отставке; с 1853 г. воспитывался в 1-м Московском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1862 г. с зачислением в Артиллерийскую академию; в феврале 1863 г. входил в кружок, собиравшийся у братьев Сергея и Михаила Худяковых (см.), участвовал в распространении прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь»; был очень дружен с К. Жебровским (см.), вместе с которым в апреле 1863 г. скрылся из Петербурга и перешел на сторону повстанцев; был помощником повстанческого начальника Сепинского уезда Могилевской губ.; расстрелян в Мянске 30 марта 1864 г. (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, 1863; св. 251, д. 47, лл. 98, 116; ф. 310л, оп. 1,

д. 5003, л. 1—3, 29—30, 46; ЦГАОР, ф. 109и, 1863 г., д. 97, ч. 9, лл. 1—7; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 333, лл. 1—136; Z. K o l u m p a. Указ. сл., ч. I, стр. 113).

260. Оледзский Станислав-Казимир Станиславович, поручик л.-гв. Литовского полка; родился в 1832 г., католик, из дворян Ковенской губ., за родителями нераздельное имение и 97 душ крепостных крестьян; с декабря 1855 по декабрь 1857 г. учился в Академии генерального штаба; в 1861 г., находясь на службе в штабе войск Царства Польского, подал в отставку; в 1863 г. был повстанческим военным начальником Новогрудского, Слуцкого и Пинского уездов (ЦГВИА, ф. 1964, оп. 1, д. 147, лл. 32—37; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1863 г., д. 23, ч. 357, л. 205).

261. Олешкевич Людвик Викентьевич, кондуктор Инженерного училища; уроженец Милской губ.; в апреле 1863 г. с несколькими товарищами бежал из Петербурга, чтобы присоединиться к повстанцам; задержан по дороге в Витебской губ. (ЦГВИА, ф. 330л., оп. 1, д. 2405, лл. 10—11 и др.; ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1838, л. 31).

262. Опоцкий Виталис, чиновник Министерства государственных имуществ; уроженец Волынской губ., учился в Киевском университете; в 1860 г. при посредстве своих университетских друзей В. Миладовского и П. Хойновского (см.) вошел в кружок Сераковского—Домбровского; в конце 1862 г. вместе с Э. Юндзиллом и В. Коссовским входил в комитет, руководивший этим кружком; в августе 1863 г., опасаясь ареста, выехал из Петербурга в Киев; в октябре 1864 г., узнав об аресте В. Коссовского (см.), эмигрировал за границу; возвратившись оттуда в 1873 г. был арестован и дал довольно подробные показания о деятельности кружка (ЦГАОР, ф. 109и, 1 экз., 1863, д. 23, ч. 558, лл. 141—181; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 299—300 и др.).

263. Орфаню Александр Герасимович (1834—1902), поручик л.-гв. Преображенского полка; православный, уроженец Москвы, из дворян, недвижимым имуществом не владел; в июне 1859 г. вышел в отставку; в 1862 г. привлекался по делу «о сношениях с лондонскими пропагандистами», в 1866 г. — по иштунскому делу (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 297—298; ЦГАОР, ф. 272и, оп. 1, д. 50, лл. 18, 66 и др.).

264. Останов А., офицер Волынского пехотного полка, в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

265. Осташкевич, офицер генерального штаба; в мае 1864 г. входил в кружок офицеров и студентов, связанных ранее с «Землей и волей»; вместе с офицерами Н. Преснухиным, А. Роснитоком (см.), М. П. Сажиным и другими студентами Петербургского технологического института, принимал участие в подготовке подпольной типографии (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 144, лл. 3—4).

266. Островский Александр Александрович, прапорщик л.-гв. Гатчинского полка; родился в 1840 г., католик, из дворян Минской губ., недвижимым имуществом не владел; окончил Константиновское военное училище в июне 1860 г. с зачислением в Инженерную академию; за участие в «истории» в январе 1861 г. исключен и отправлен в 4-й стрелковый батальон, где в ноябре 1861 г. начальство аттестовало его как человека «сомнительных убеждений»; в декабре 1862 г. возвратился в Академию и закончил ее в 1864 г. (Алфавитный список..., стр. 64—65).

267. Островский (Михаил?), чиновник Военного министерства; по словам Л. Ф. Пантелеева, был членом «Земли и воли» и вместе с Ф. С. Судакевичем возглавлял крупнейший из столичных землевольческих кружков, который имел широкие связи среди офицеров (Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 294, 311, 312).

268. Павленков Флорентий Федорович (1839—1900), поручик гвардейской конной артиллерии; воспитывался в 1-м Петербургском кадетском корпусе, по окончании которого был зачислен в Артиллерийскую академию; закончил Академию в 1862 г., служил в Петербурге, в 1866 г. вышел в отставку и открыл книжный магазин; один из ближайших друзей и единомышленников Д. И. Писарева; впоследствии активный участник пародических организаций, видный публицист и издательский деятель (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 300—301).

269. Павлович Богуслав Семенович, прапорщик 13-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1841 г., католик, из дворян г. Варшавы, недвижимым имуществом не владел; воспитывался в Брестском кадетском корпусе, откуда выпущен в июне 1861 г.; с мая по сентябрь 1862 г. был прикомандирован к Артиллерийской академии, но, не сдав экзаменов, был отправлен в бригаду, находившуюся в Херсонской губ.; отклонился от маршрута, жил некоторое время в Варшаве, за что был наказан двумя неделями ареста на гауптвахте; в феврале 1863 г. перешел к повстанцам и был адъютантом Р. Рогинского; расстрелян в Брест-Литовске 19 июля 1863 г. (Алфавит..., стр. 544, 617; Алфавитный список..., стр. 65).

270. Павловский Иосиф-Мариан Петрович, поручик Екатеринбургского драгунского полка; родился в 1841 г., католик, из дворян Подольской губ., за матерью родовое имение в 850 десятин земли и 97 душ временнообязанных крестьян; окончил Константиновское военное училище в июне 1860 г. с зачислением в Инженерную академию; за участие в «истории» отчислен в полк; с декабря 1862 г. — снова

в Академии (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 232—233; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

271. Падлевский Зыгмунт, сын Владислава (1835—1863), поручик гвардейской конной артиллерии; католик, из дворян Волынской губ., у отца — 3153 десятины земли; воспитывался в Брестском кадетском корпусе и в Константиновском военном училище, которое окончил в 1857 г.; в 1857—1859 гг. учился в Артиллерийской академии, а после ее окончания остался на службе педалеко от Петербурга; активный участник кружка Сераковского—Домбровского; в 1861 г. взяв 11-месячный отпуск, выехал за границу, стал преподавателем польской военной школы в Генуе—Кунео, возглавил левое крыло эмигрантского Общества польской молодежи; с осени 1862 г. член ЦНК партии красных; повстанческий пачальник Плоцкого воеводства; расстрелян в Плоцке в мае 1863 г. (Список фон Валя..., стр. 542; Алфавитный список..., стр. 65).

272. Паиский, офицер 11-й артиллерийской бригады; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

273. Пантелеев, поручик 19-го стрелкового батальона; будучи прикомандированным к Академии генерального штаба для сдачи экзаменов, «толковал о предметах, обсуждению его вовсе не подлежащих», за что в октябре 1862 г. по настоянию III отделения был возвращен в часть (Алфавит..., стр. 542, 616).

274. Парамонов, офицер 13-го стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

275. Парафианович Зенон Фадеевич, поручик из военного министерства; в 1863 г. был связан с Н. Н. Васильевским (см.) и другими участниками кружка Сераковского—Домбровского; содействовал побегу за границу члена кружка и участника восстания В. В. Ляжковского (см.); привлекался по делу Ф. Варавского (ЦГИА Лит. ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 14; д. 1839, л. 197 об.).

276. Петрашевский Казан Осипович, экстерн Константиновского военного училища; родился в 1840 г., католик, из дворян Мидской губ., имением не владел, находился в училище с августа 1860 до середины февраля 1863 г.; 16 февраля подал в отставку и с несколькими своими товарищами выехал из Петербурга, был до мая 1863 г. в рядах повстанцев; за добровольную явку наказание было снижено и он был отправлен в Томскую губ. под надзор полиции (ЦГВИА, ф. 320л, оп. 1, д. 231, лл. 60—61; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1714, лл. 1—173).

277. Петриковский Владислав Фомич, подпоручик 5-й сводной артиллерийской бригады; родился в 1834 г., католик, из дворян Гродненской губ., недвижимого имущества не имел; участник Крымской войны, в чине прапорщика с 1855 г.; с декабря 1862 г. по июнь 1863 г. был прикомандирован к Петербургской артиллерии «для испытания в науках»; в августе 1863 г., следуя из Петербурга в часть, предъявил на почтовой станции по ошибке вместо подорожной воззвание «Свобода» № 1, самый вид которого доказывал, «что оно прочитано многими»; приговорен к 4-м месяцам крепости, увольнению со службы и поселению в Архангельской губ. под надзором полиции (ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1866 г., д. 44, лл. 1—87).

278. Пизани Александр Петрович, прапорщик л.-гв. Измайловского полка; родился в 1841 г., католик, из дворян Ковенской губ., имением не владел; окончил Константиновское военное училище в июне 1860 г. с зачислением в Инженерную академию; в январе 1861 г. отчислен за участие в «истории», служил в Волыском нехотном полку; с декабря 1862 г. снова в Академии (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 262—263; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13). Старшие братья Александра Пизани — отставные офицеры Андрей, Павел и Петр, либо участвовали в восстании, либо содействовали повстанцам (ЦГИА Литовской ССР, ф. 438, оп. 1, д. 1490; ф. 494, оп. 1, д. 785; ф. 1248, оп. 1, д. 613, везде см. по алфавиту).

279. Пиленко В., юнкер Артиллерийского училища, украинец; в 1862 г. получал от своего младшего брата Евгения письма, в которых высказывались «взгляды и понятия, несоответствующие его возрасту и идеи, вредные в политическом отношении» (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 2, д. 223, л. 1).

280. Погорельский Владислав Васильевич, прапорщик л.-гв. Семеновского полка; родился в 1839 г., католик, из дворян Подольской губ., за бабушкой 25 душ крестьян; в 1857 г. окончил 1-й Петербургский кадетский корпус; в 1861—1862 г. учился в Академии генерального штаба, откуда отчислен до окончания «за нарушение формы одежды», был членом кружка Сераковского—Домбровского; по показанию М. Черняка (см.) в начале 1862 г. был избран его председателем (Алфавит..., стр. 542—543; 616; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 254, л. 190); участвовал в восстании на территории Подлясья (Зеленский, стр. 76, 459, и др.).

281. Погоцкий Александр Фомич, отставной офицер, редактор и издатель журнала «Солдатская беседа»; был близко знаком с Н. Г. Чернышевским, Н. А. Добролюбовым, Н. Н. Обручевым, А. Д. Путьтой; выезжал за границу, встречался с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым; по-видимому, входил в «Землю и волю»; умер в 1874 г. (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 320; «Литературное наследство», т. 61, стр. 830—831; т. 62, стр. 847, 854).

282. Подбельский Иван Андреевич, поручик Белевского пехотного полка; родился в 1836 г., католик, из дворян Царства Польского (уроженец Ломжи), недвижимым имуществом не владел; воспитывался в Брестском кадетском корпусе (до 1855 г.) и Константиновском военном училище (1855—1860); с осени 1860 до декабря 1862 г. учился в Академии генерального штаба; был членом кружка Серасовского—Домбровского; участник восстания, погиб в бою с карателями в мае 1863 г. (Алфавитный список..., стр. 66).

283. Подгорецкий, офицер Екатеринбургского гренадерского полка; в марте 1862 г. был в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

284. Поздняков Дмитрий Михайлович, воспитанник Павловского кадетского корпуса; родился около 1845 г.; вышел в отставку в 1865 г., вскоре после производства в офицерский чин; в 1869 г. привлекался по делу С. Г. Нечаева, а с 1877 г. подвергался тайному надзору из-за «крайней политической неблагонадежности». (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 322).

285. Покатилов Дмитрий Викторович, корнет л.-гв. Уланского полка; родился в 1842 г., православный, сын майора, уроженец Царства Польского, недвижимым имуществом не владел; в июне 1860 г. окончил 1-й Петербургский кадетский корпус с зачислением в Инженерную академию; откомандировал из нее в полк за участие в «истории» в январе 1861 г.; с декабря этого года — снова в Академии (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 278—280; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

286. Попов Василий Петрович, штабс-капитан л.-гв. Павловского полка, преподаватель 2-го Петербургского кадетского корпуса; родился в 1827 г., православный, из дворян Петербургской губ., за матерью в Петербурге деревянный дом; воспитывался в Дворянском полку; преподаватель русского языка и словесности в 1853—1855 гг. в Александровском Сиротском (Москва), а в 1855—1862 гг. — в 1-м и 2-м Петербургских кадетских корпусах; печатался в «Русском слове», был близко знаком с Г. Е. Благосветловым и Д. И. Писаревым, который снимал у Попова квартиру (ЦГВИА, ф. 315л, оп. 1, д. 197; ф. 725л, оп. 1, д. 5743, лл. 1—5).

287. Посников Георгий (Юрий) Николаевич, поручик л.-гв. Саперного батальона; родился в 1836 г., православный, из дворян Тамбовской губ., в Новгородской губернии имел 100 душ временнообязанных крестьян; окончил Инженерное училище в июне 1855 г. с зачислением в Инженерную академию, после окончания которой служил в Петербурге; в 1861—1862 гг. активно участвовал в деятельности воскресных школ, был связан с многими участниками студенческих и офицерских революционных кружков (Алфавит..., стр. 615; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 131, лл. 317—321; ЦГИАЛ, ф. 1275, оп. 1, 1862 г., д. 41, лл. 14—19).

288. Потобня Андрей Афанасьевич (1838—1863), прапорщик Шлиссельбургского пехотного полка; православный, из дворян Полтавской губ., у отца небольшой хутор и 5 душ крестьян; учился в Орловском и Полоцком кадетских корпусах и в Константиновском военном училище, которое окончил в июне 1856 г.; с ноября 1858 г. по ноябрь 1859 г. находился в Царскосельской офицерской школе; в этот период был связан с Я. Домбровским, Н. Н. Обручевым, В. Каплинским; впоследствии один из руководителей революционной организации русских офицеров в Польше (Алфавит..., стр. 614; В. Р. Лейкина—Сви́рская. Андрей Потобня. «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», М., 1963 г. стр. 83—115).

289. Преснухин Николай Васильевич, поручик 1-го резервного стрелкового батальона; участник «истории» в Инженерной академии; в 1862—1864 г., будучи прикомандирован к Артиллерийской академии, входил в руководящий центр кружка из революционно настроенных офицеров, студентов, чиновников; был связан с Д. Г. Войновским, С. Издебским, М. П. Сажиным и другими участниками революционного движения; по словам Л. Ф. Пантелеева, был членом «Земли и воли» (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 339; Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 295; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13, ЦГАОР, ф. 109л, 1 экзп., 1863 г., д. 97, ч. 11, лл. 60—62; ф. 95л, оп. 1, д. 144, лл. 3—4).

290. Пржевальский Николай Михайлович (1839—1888), подпоручик Полоцкого пехотного полка; сын мелкого помещика Смоленской губ.; воспитывался в Смоленской гимназии; в 1861—1863 г. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232; ЦГВИА, ф. 14014, оп. 3, д. 228, л. 233); впоследствии выдающийся русский путешественник и ученый.

291. Прицт Карл Карлович, прапорщик л.-гв. Царскосельского стрелкового батальона; родился в 1840 г., лютеранин, сын доктора медицины, недвижимым имуществом не владел; воспитывался во 2-м Петербургском кадетском корпусе, откуда выпущен в июне 1859 г. с зачислением в Инженерную академию; отчислен за участие в «истории» (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 134, лл. 653—657; д. 5547, лл. 8—13).

292. Прохорович П., офицер Севского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 232).

293. Путята Александр Дмитриевич (1829—1899), подполковник, преподаватель 2-го Петербургского кадетского корпуса; православный, из дворян Смоленской губ.;

в начале 60-х годов учился в Академии генерального штаба; в 1864 г. уволен со службы; был одним из руководящих деятелей «Земли и воли»; в 1866 г. арестовывался по делу Каракозова, но освобожден за недостатком улик (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 342; Л. Ф. Пиптелеев. Указ. соч., стр. 322; «Звенья», т. II, стр. 443—444).

294. Пункарев Владимир Алексеевич, инженер-прапорщик; родился в 1842 г., православный, из дворян Петербургской губернии, недвижимого имущества не имел; воспитывался в Инженерном училище с 1856 по 1860 г., по окончании зачислен в Инженерную академию; в январе 1861 г. отчислен за участие в «истории»; в начале 1863 г. подал в отставку по болезни; входил в кружок, собиравшийся на квартире братьев Сергея и Михаила Худяковых (см.), участвовал в распространении прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь» (ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 26, д. 186, лл. 1—10; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; ЦГАОР, ф. 109я, 1 экз., 1863 г., д. 97, ч. 9, лл. 1—7).

295. Радван Иван Антонович, прапорщик л.-гв. Семеновского полка; родился в 1840 г., католик, из дворян Царства Польского, имением не владел; воспитывался в Орловском кадетском корпусе (1850—1855) и в Константиновском военном училище (1855—1859); выпущен с зачислением в Инженерную академию; откомандирован в часть за участие в «истории» (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 134, лл. 637—640; д. 5547, лл. 8—13).

296. Радзипевский Павел Иванович, поручик л.-гв. Волынского полка; окончил Константиновское военное училище; в 1861—1863 гг. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

297. Растрини, офицер Литовского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

298. Ребиндер, поручик л.-гв. Уланского полка; по показанию М. Черняка, входил в кружок Сераковского—Домбровского (ЦГАОР, ф. 95я, оп. 1, д. 108, л. 68; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 12).

299. Реутт Сигизмунд Леопольдович, инженер-подпоручик; родился в 1840 г., католик, из дворян Витебской губ., имением не владел; с 1854 по 1858 г. учился в Инженерном училище, после окончания которого зачислен в Инженерную академию; в январе 1861 г. за участие в «истории» откомандирован в 6-й саперный батальон, но, не являясь туда, взял отпуск, а потом подал в отставку (Алфавитный список..., стр. 68).

300. Рехневский Станислав-Казимир Симонович, подполковник, профессор геодезии в Академии генерального штаба; родился в 1835 г., католик, из дворян Минской губ., недвижимым имуществом не владел; с мая по август 1860 г. и в те же месяцы 1861 г. был в заграничных командировках, причем имел контакты с польской и русской революционной эмиграцией; в апреле 1863 г. снова получил двухмесячный заграничный отпуск; вместе с братом Юлиушем был связан с кружком Сераковского—Домбровского (ЦГАОР, ф. 95я, оп. 1, д. 108, л. 113; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 93—97; ф. 406; оп. 1, д. 173, лл. 650—651; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 126).

301. Рижосницкий Оттон Ромаульдович, батальонный лекарь Старорусского пехотного полка; родился в 1840 г., католик, уроженец Ковенской губ.; воспитывался в Ковенской гимназии, в апреле 1863 г. окончил Медико-хирургическую академию, но в полк по назначению не явился и «неизвестно где был» до декабря 1863 г.; предавался суду по обвинению в помощи повстанцам, но за недостатком улик не осужден, хотя и оставлен в подозрении (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1634, лл. 1—120).

302. Родзевич Кароль, воспитанник 2-го Петербургского кадетского корпуса; родился в 1846 г., из дворян; доставлял продовольствие повстанцам Сейнинского уезда; приговорен к определению в солдаты (ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1863 г., д. 94, т. I, лл. 319—320, 364—367).

303. Ростковский, инженер-прапорщик; в 1862—1863 гг. учился в Инженерной академии, один из товарищей А. Рудомино (см.); в апреле 1863 г. подал в отставку одновременно с Р. К. Неловицким (см.); по мнению начальника Академии, это было вызвано нежеланием служить после окончания ученья в карательных войсках (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, лл. 63, 199).

304. Росшток Алексей, поручик; в мае 1864 г., учился в Академии генерального штаба и вместе с Н. В. Преспухиным (см.) стоял во главе революционного кружка, состоявшего из военных и студентов (ЦГАОР, ф. 95я, оп. 1, д. 144, лл. 3—4).

305. Рошковский Варфоломей Людвикович, инженер-поручик, репетитор Инженерного училища; 28 марта 1863 г. подал в отставку одновременно с К. Л. Русецким (см.); кроме того, мог быть связан с кружком Сераковского—Домбровского через своего брата Генриха и других участников этого кружка (ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 30, д. 463).

306. Рошковский Генрих-Бонавентурий Людвикович, прапорщик 8-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1840 г., католик, из дворян Гродненской губ.,

за отцом — имение в Гродненском уезде; окончил Константиновское военное училище в июне 1861 г., в 1861—1862 гг. находился в Петербурге, готовясь к экзаменам и обучаясь в Артиллерийской академии; был активным участником кружка Сераковского—Домбровского и в то же время собирал у себя революционно настроенных экстернов Константиновского училища; в январе 1863 г. откомандирован в Динабургскую крепостную артиллерию, куда прибыл в марте того же года, а в мае — подал в отставку. (Алфавит..., стр. 620; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 34, д. 728, лл. 1—6).

307. Рощковский Николай Францевич, поручик 7-го стрелкового батальона; родился в 1841 г., католик, из дворян Гродненской губ., за родителями в Волковыском уезде 8 душ крестьян; воспитывался в Павловском кадетском корпусе, откуда выпущен в июне 1858 г.; в 1861—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; участвовал в панихиде по И. Н. Аригольдту и его товарищам, проведенной в Боровичах; за это отчислен из Академии в 6-й Оренбургский линейный батальон; в марте 1863 г. подал в отставку. (Алфавит..., стр. 619).

308. Рощин Петр Емельянович, преподаватель 2-го Петербургского кадетского корпуса и других столичных военно-учебных заведений; судя по агентурным сведениям и отзывам начальства, был атеистом, пренебрежительно относился к чинам и званиям, проявлял другие признаки неблагонамеренности (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5746, лл. 50—51; ф. 315л, оп. 1, д. 309, л. 27).

309. Рудницкий Владислав Викторович, инженер-поручик; родился в 1835 г., католик, из дворян Киевской губ., недвижимым имуществом не владел; на службе с 1853 г., участник обороны Севастополя; в 1857—1859 гг. учился в Инженерной академии, а в 1859—1861 гг. — в Академии генерального штаба; был связан с кружком Сераковского—Домбровского; впоследствии служил в Киевской инженерной команде и участвовал в местных конспиративных организациях; в апреле 1863 г. вошел в повстанческий отряд, созданный в Киеве; был одним из ближайших сотрудников Э. Ружижко и Я. Савицкого (см.); после восстания в эмиграции; в 1865 г. пелегально приехал в Варшаву, где был арестован (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, 1863 г., св. 251, д. 47, л. 234; 248—249; ф. 725л, оп. 1, д. 132, лл. 528—532; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1864, д. 122, ч. 1, лл. 1, 6—9, 12—15, 25—26; 42, 70 и др.; ГПБ С.-П. Материалы по истории..., т. XII, лл. 1, 4—8, 14—21, 30—31, 77 и др.).

310. Рудомин Антоп-Викентий Антонович, инженер-подпоручик; родился в 1843 г., католик, из дворян Ковенской губ., недвижимого имущества не имел; учился в Инженерном училище и получил офицерский чин в июне 1862 г. с зачислением в Инженерную академию; был связан с В. Миладовским, Э. Вжесневским и другими участниками кружка Сераковского—Домбровского; намеревался в 1863 г. перейти на сторону повстанцев вместе со Ст. Глинкой-Япчевским (см.), но был раньше арестован (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, лл. 4, 5; ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 464—466; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 211; д. 1834, лл. 22—23, 44—47, 88 и др.).

311. Румящев, офицер 6-го резервного стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

312. Русецкий Константин Людвигович, инженер-подпоручик; родился в 1841 г., католик, из дворян Минской губ., имением не владел; воспитывался в Константиновском военном училище, которое окончил в июне 1862 г., с зачислением в Инженерную академию; входил в кружок Сераковского—Домбровского; 28 марта 1863 г. подал прошение об отставке по домашним обстоятельствам и выехал из Петербурга «без всякого вида»; участник восстания в Виленской губернии, впоследствии эмигрировал во Францию (Алфавит..., стр. 620—624; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 30, д. 464, лл. 1—5; оп. 300/860, 1863 г., св. 251, д. 47, лл. 153—154; ф. 725л, оп. 2, д. 186; ГПБ. «Материалы по истории...», т. XVI, лл. 33—36).

313. Рыздзевский Евсей Антонович, подпоручик 16-й полевой артиллерийской бригады; католик, из дворян Минской губ., имением не владел; воспитывался в Брестском кадетском корпусе, который окончил в июне 1859 г.; в 1861—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; был членом кружка Сераковского—Домбровского; с 26 марта по 8 мая 1862 г. был в отпуске в Варшаве; 31 декабря 1862 г. подал в отставку по болезни; во время восстания был в отрядах А. Валигурского и М. Гейденрейха (Крука); впоследствии эмигрировал во Францию (Алфавит..., стр. 620; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/578; св. 25, д. 109, лл. 19—24; ГПБ С.-П. Материалы по истории..., т. XVI, лл. 33—36).

314. Рылеев, инженер-подпоручик, слушатель Инженерной академии; судя по агентурным данным III отделения, в мае 1863 г. у него собиралась группа офицеров, которые вели антиправительственные разговоры (ЦГАОР, ф. 109и, са, оп. 1, д. 227, л. 1).

315. Рычков Венямин Иванович, артиллерийский офицер; по данным III отделения в 1862 г. числился «неблагонадежным» и подозревался в сообщничестве Н. Г. Чернышевскому, которому приходился дальним родственником по жене (А. И. Герцен. Соч., под ред. М. К. Лемке, т. XV, стр. 392; «Литературное наследство», т. 62, стр. 613).

316. Савицкий, офицер лейб-гвардии Семеновского полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

317. Савицкий Ян (1831—1911), полковник генерального штаба; католик, из дворян Ковенской губ., за матерью в Шавельском уезде небольшое имение и 20 душ временнообязанных крестьян; воспитывался в Дворянском полку, откуда выпущен в 1849 г.; в 1852—1854 гг. учился в Академии генерального штаба, после окончания которой назначен в штаб Отдельного гвардейского корпуса; с мая 1857 по апрель 1858 г. служил в Оренбургском корпусе, а затем, будучи начальником штаба 1-й и 6-й кавалерийских дивизий, находился преимущественно в Петербурге; с октября 1861 г. до августа 1862 г. служил в Курске в должности начальника штаба 4-й кавалерийской дивизии; с августа 1862 г. находился в Петербурге в распоряжении военного министерства; 7 апреля 1863 г. подал прошение об увольнении в отставку, представив явно фиктивное свидетельство о болезни, подписанное врачом 2-го Петербургского кадетского корпуса Г. Р. Городковым (см.); был одним из ближайших друзей и единомышленников З. Сераковского, входил в революционный кружок, возглавлявшийся им и Я. Домбровским; был коротко знаком с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым; поддерживал дружеские отношения с землевольцем А. Н. Столпаковым (см.); после увольнения в отставку выехал за границу; в конце 1863—начале 1864 г. находился в Галиции, был начальником штаба в повстанческих формированиях Ю. Высоцкого и Э. Ружицкого; после восстания, находясь в эмиграции, поддерживал контакты с А. И. Герценом (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1307, лл. 1—16; ф. 395, оп. 55/579; св. 29, д. 458; лл. 1—7; ф. 450, д. 67, л. 160; ф. 95л, оп. 1, д. 133, лл. 1—20; ф. 109л, 1 экзп., 1862 г., д. 230, ч. 10 «Б», лл. 13—14; д. 276, лл. 12—13 и др.; Н. М. Чернышевская. Альбом О. С. Чернышевской. «Звенья», т. VIII, М., 1950, стр. 566, 574—577; J. Białynia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 354—355; Зелинский, стр. 466 и др.).

318. Сахповский Александр, инженер-прапорщик; воспитывался в Павловском кадетском корпусе вместе с И. Н. Аригольдтом и П. М. Сливичким; после окончания корпуса учился в Инженерной академии, откуда исключен за участие в «истории»; некоторое время служил в Царстве Польском, причем и во время службы и после увольнения в 1862 г. был связан с существовавшими там офицерскими революционными кружками; опасаясь ареста, во второй половине 1862 г. эмигрировал, был наборщиком в Вольной русской типографии, пользовался доверием А. И. Герцена и Н. П. Огарева, которые в апреле 1863 г. предполагали послать его нелегально в Россию для участия в подготовке восстания в Поволжье (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; А. И. Герцен. Соч., под ред. М. К. Лемке, т. XVI, стр. 201—202; Z. Kolumna. Указ. соч., ч. I, стр. 55; P. Łossowski, Z. Miynarski. Указ. соч., стр. 51).

319. Свищевский Дмитрий Тимофеевич, прапорщик л.-гв. Гатчинского полка; родился в 1840 г., православный, из дворян Подольской губ., имением не владел; окончил 1-й Петербургский кадетский корпус в 1859 г. с зачислением в Инженерную академию; отчислен в январе 1861 г. за участие в «истории», возвратился в Академию летом 1863 г. (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 439—441; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

320. Северин Артур, прапорщик Драгунского военного ордена полка; родился в 1838 г., лютеранин, сын купца; окончил Московский университет, после чего в сентябре 1859 г. поступил экстерном в Константиновское военное училище; с июня 1860 г., получив чин прапорщика, зачислен в Инженерную академию; в январе 1861 г. отчислен оттуда за участие в «истории» (ЦГВИА, ф. 320л, оп. 1, д. 231, лл. 69—70; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

321. Семевский Александр Иванович, поручик гвардейской конной артиллерии; родился в 1838 г., православный, из дворян Псковской губернии, имением не владел; в 1856 г. окончил Константиновское военное училище, в 1856—1859 гг. учился в Артиллерийской академии, затем служил в Петербурге; входил в кружок «чернышевцев», собиравшийся у П. Л. Лаврова; предан суду за участие в «сборищах» студентов 25, 26 сентября и 2 октября 1861 г., но отделался двухнедельным арестом на гауптвахте; в сентябре 1862 г. подал в отставку и управлял заводами графа Стейнбок — Фермора в Пермской губ.; был женат на дочери М. В. Буташиевича-Петрашевского (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 368; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578; св. 42, д. 1053, лл. 28—37; ф. 9л, оп. 92/37, 1-е отд. 1-й ст., 1861 г., д. 63, лл. 1—50; В. В. Тимощук. Михаил Иванович Семевский — основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. СПб., 1895, стр. 2, 22—23, 80 и др.).

322. Семевский Михаил Иванович (1837—1892), подпоручик л.-гв. Павловского полка, репетитор 1-го Петербургского кадетского корпуса; воспитывался в Полоцком кадетском корпусе и Дворянском полку; с августа 1857 г. служил в Петербурге, в феврале 1861 г. вышел в отставку и занялся научно-литературной и издательской деятельностью; был знаком с П. Л. Лавровым, Т. Г. Шевченко, многими возвратившимися из ссылки декабристами; впоследствии известный историк, редактор-издатель «Русской старины»; в конце 50-х—начале 60-х годов у него соби-

рался кружок оппозиционно настроенных лиц; в относящемся к этому времени агентурном донесении в III отделение говорится: «Семевский, литератор, бывший офицер л.-гв. Павловского полка. Постоянно обнаруживает весьма предосудительный образ мыслей и имел в своей квартире подозрительные собрания» («Красный архив», 1928, т. 4 (28), стр. 186; П. Д. Боборыкин. За полвека. М.—Л., 1929, стр. 125; В. В. Тимошук. Указ. соч., стр. 1—9, 17, 83, 111 и др.).

323. Семевский Петр Иванович, воспитанник Константиновского военного училища; родился в 1840 г., брат Александра и Михаила Семевских (см.); в апреле 1858 г. у него была отобрана записная книжка с рукописными копиями различных запрещенных сочинений (ЦГВИА, ф. 320л, оп. 2, д. 329, лл. 105—106).

324. Семичев Петр Николаевич, прапорщик л.-гв. Гатчинского полка; родился в 1839 г., православный, из дворян Смоленской губ., имением не владел; воспитывался в Воронежском кадетском корпусе (1850—1856) и в Константиновском военном училище, после окончания которого в 1859 г. был зачислен в Инженерную академию; отчислен за участие в «истории» (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 134, лл. 601—603; д. 5547, лл. 8—13).

325. Сераковский Зигмунт (1826—1863), капитан генерального штаба, католик; из дворян Волынской губ., имением не владел; учился с 1845 г. в Петербургском университете, в 1848 г. определен рядовым в Оренбургский корпус за намерение бежать за границу; получив чин прапорщика, в 1856 г. возвратился в Петербург; в 1857—1859 гг. учился в Академии генерального штаба, после окончания которой был прикомандирован к военному министерству; сотрудничал в «Современнике», был близок к Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову, являлся одним из активнейших деятелей петербургского революционного центра; был связан с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым, русской и польской революционной эмиграцией, руководителями польских конспиративных организаций и революционной организацией русских офицеров в Польше; с конца марта 1863 г. во главе повстанческих сил в северо-западной части Литвы; взят в плен раненым и повешен в Вильно 15 июня 1863 г. (А. Ф. Смирнов. Сигизмунд Сераковский. М., 1959 г., 135 стр.; В. А. Дьяков. Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского. «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов». М., 1960, стр. 63—124).

326. Сигунов, офицер неуставленной части; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

327. Симонов, офицер Бутырского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

328. Скальский Александр Александрович, офицер 5-го саперного батальона; в 1862—1863 г. учился в Инженерной академии и по показаниям Н. Н. Васильевского (см.) входил в кружок Сераковского—Домбровского; в июле 1864 г. получил назначение в 3-й саперный батальон (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, лл. 13—14; д. 1839, лл. 190, 197).

329. Скибинский, офицер генерального штаба; в конце 50-х начале 60-х годов окончил Академию генерального штаба, был знаком с Н. Н. Обручевым, З. Сераковским; в 1862 г., находясь в Тобольске, оказал «послабления» осужденным на каторжные работы В. А. Обручеву и М. И. Михайлову, за что был уволен со службы (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 375; ЦГВИА, ф. 9л, оп. 52/77, 1863 г., Канц., 2-й ст. д. 81, л. 33).

330. Скибинский Иосиф Иосифович, поручик 3-го резервного стрелкового батальона; родился в 1841 г., католик, сын коллежского асессора из Виленской губ., недвижимого имущества не имел; окончив 2-й Петербургский кадетский корпус в июне 1860 г., был зачислен в Инженерную академию; откомандирован в батальон в январе 1861 г. за участие в «истории»; в августе 1862 г. возвратился в Академию; по показаниям Н. Н. Васильевского, был связан с кружком Сераковского—Домбровского и вносил деньги в фонд помощи повстанцам (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 315—316; д. 5547, лл. 8—13; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1839, лл. 189, 197).

331. Слепцов Алексей Александрович, поручик, ротный командир 2-го Петербургского кадетского корпуса; родился в 1834 г., православный, из дворян Симбирской губ., за отцом имение неуставленного размера; на военной службе с 1851 г., участник обороны Севастополя, в 1856—1859 гг. служил в Низовском пехотном полку; в кадетском корпусе с июня 1861 г.; в марте 1863 г. подал в отставку, заявив о намерении жить в Петербурге; был дружен с братом Александром — одним из руководящих деятелей «Земли и воли»; переписывался с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым (ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 31, д. 603, лл. 1—7; ф. 14014, оп. 3, д. 227, л. 334; ЦГАОР, ф. 109и, са, оп. 1, д. 147, лл. 6—7).

332. Слепцов Дмитрий Александрович, офицер; служил в Петербурге, был связан с Александром Слепцовым, А. Д. Путьтой и другими землевольцами и, по словам М. Н. Слепцовой, сам входил в состав «Земли и воли» (М. Н. Слепцова. Указ. соч., стр. 459).

333. Сливичский Иван Михайлович, поручик 16-го стрелкового батальона;

в марте 1862 г. находился в Царскосельской офицерской стрелковой школе и подписал протест против телесных наказаний в армии; впоследствии, оказавшись предателем, выдал революционный кружок в 4-м стрелковом батальоне, возглавлявшийся его братом П. М. Сливичем и И. Н. Арнольдтом (Протест 106..., стр. 232; ЦГВИА, ф. 14014, оп. 3, д. 227, л. 252 об.; д. 230, л. 190; ф. 78л, оп. 1, д. 32, лл. 47—48; ф. 395, оп. 297/857, Канц., 2-й ст. по сч., 1862, д. 40, лл. 1—9).

334. Случевский Константин Константинович, подпоручик л.-гв. Семеевского полка; родился в 1837 г. в Петербурге; в 1861 г. вышел в отставку и выехал за границу; привлекался по делу Гейдельбергской читальни (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 379).

335. Смирнов Езоп Дмитриевич, поручик 4-го резервного батальона Азовского пехотного полка; в 1862—1863 г. учился в Академии генерального штаба; участвовал в снабжении повстанцев топографическими картами; дружил с Н. Ивановичем (см.) и переписывался с ним; был связан с В. Коссовским (см.) и другими участниками революционных кружков в Петербурге (ЦГАОР, ф. 109и, 1 эксп., 1863 г., д. 23, ч. 85, лл. 158—162; 226—229; ф. 39п, оп. 2, д. 45, л. 41; Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., М., 1958, стр. 323, 338).

336. Спарский Эдуард-Иван Евзбиев сын, кондуктор Инженерного училища; уроженец Витебской губ.; 13 апреля 1863 г. вместе со своими товарищами бежал из Петербурга, чтобы принять участие в восстании (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2105, лл. 10—11 и др.; ЦГИА Литовской ССР, д. 1248, оп. 2, д. 1838, л. 30).

337. Снежко-Блоцкий Александр Яковлевич, прапорщик Мингрельского гренадерского полка; родился в 1838 г., православный, из дворян Харьковской губернии, имением не владел; воспитывался в Полоцком (1848—1854) и в Константиновском (1854—1856) кадетских корпусах; в ноябре 1861 г. зачислен в Академию генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии; в июле 1862 г. участвовал в организованной в Боровичах папихиде по И. Н. Арнольдту и его товарищам, за что исключен из Академии и отправлен в часть (Алфавит..., стр. 623).

338. Соколов Николай Васильевич (1832—1889), полковник генерального штаба; в 1858 г. окончил Академию генерального штаба; ездил на Кавказ, в июле—сентябре 1860 г. был в Англии и посетил А. И. Герцена; в промежутках между поездками жил в Петербурге; был знаком с Н. Г. Чернышевским, Г. Е. Благодетелевым, сотрудничал в «Современнике» и в «Русском слове», имел связи с П. Л. Лавровым, А. И. Энгельгардтом и другими участниками революционных кружков; незадолго до начала восстания 1863 г. подал в отставку и выехал за границу, чтобы не оказаться в карательных войсках; впоследствии сослан в Архангельскую губернию за повесть «Отщепенцы» (Б. П. Козьмин. Благодетель и «Русское слово». «Современник», 1922, № 1, стр. 238; Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 254—255).

339. Соколовский, инженер-поручик; родился в 1843 г., католик, из дворян Царства Польского, недвижимого имущества не имел, воспитывался в Варшавской реальной гимназии; с августа 1860 г. экстерн Инженерного училища, после окончания которого в июле 1862 г. зачислен в Инженерную академию; был связан с кружком Сераковского—Домбровского; в апреле 1863 г. выехал из Петербурга и присоединился к повстанцам в Виленской губернии; впоследствии эмигрировал во Францию (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, 1863 г., св. 251, д. 47, л. 147; ф. 406, оп. 1, д. 173, л. 931; ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, л. 114; ГИБ С.-П., «Материалы по истории...», т. XVI, лл. 33—36).

340. Соколовский Франц Андреевич, поручик л.-гв. Литовского полка; родился в 1835 г., католик, из дворян Варшавской губ., имением не владел; воспитывался в Павловском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1853 г., участник Крымской войны; после ее окончания служил в Петербурге, в январе 1863 г. взял 11-месячный отпуск, уехал в Варшаву, а по истечении отпуска подал в отставку; по мнению начальства это было вызвано сочувствием к начавшемуся подъему национально-освободительного движения; в марте 1863 г. был захвачен карателями вместе с другими повстанцами (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, 1863 г. св. 251, д. 47, л. 119; ф. 484, оп. 1, д. 44, л. 63; ф. 531л, оп. 1, к. 215, д. 25, лл. 1—75).

341. Стабровский Александр Гаврилович, подпоручик л.-гв. Павловского полка; родился в 1839 г., католик, из дворян Минской губ., за родителями в Борисовском уезде 228 десятин земли; воспитывался в Брестском кадетском корпусе; выпущен из Константиновского военного училища в июле 1860 г.; служил в Невском пехотном полку, в мае 1862 г., переведен в гвардию и служил в Петербурге; 21 апреля 1863 г. бежал из части и перешел к повстанцам под псевдонимом Любич; погиб в июле 1863 г. (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860; 1863 г., св. 251, д. 47, л. 113; ф. 1956, оп. 4, д. 2, лл. 13—16; ЦГИА Литовской ССР, ф. 378ПО, 1864 г., д. 983, лл. 1—8; Z. Kolumba. Указ. соч., ч. II, стр. 157; J. Białunia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 47).

342. Станевич Иероним Фердинандович, поручик 6-го саперного батальона; родился в 1834 г., католик, из дворян Ковенской губ., за родителями 64 души крепостных крестьян; воспитывался в Брестском кадетском корпусе, выпущен пра-

порщиком в 1853 г.; в 1858—1859 гг. имел перерыв в службе; в 1859—1861 гг. учился в Академии генерального штаба; входил в кружок Сераковского—Домбровского, являлся одним из активнейших его участников; в апреле 1863 г. «уволен от службы с чином титулярного советника и отправлен через Ригу на Юмудь» (ЦГАОР, ф. 95п, оп. 1, д. 108, л. 7; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 128, лл. 318—322; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 12).

343. Станевич Ян-Онуфрий Фердинандович, штаб-капитан генерального штаба; родился в 1832 г., католик, из дворян Виленской губ., имением не владел; воспитывался в Дворянском полку, откуда исключен в 1850 г. «по дурному поведению» и направлен в Оренбургский отдельный корпус; в 1855 г. произведен в чин прапорщика и получил разрешение служить, где пожелает; в 1857—1859 гг. учился в Академии генерального штаба, после чего был там помощником библиотекаря; 4 января 1863 г. просил разрешения начальства на 11-месячный отпуск, но не получил его; в мае 1863 г. подал в отставку по домашним обстоятельствам и поселился в Москве; был одним из ближайших друзей и единомышленников З. Сераковского с 1850 г., а может быть и с более раннего времени; поддерживал дружеские отношения с Т. Г. Шевченко в ссылке и после его возвращения в Петербург; сотрудничал в «Современнике», был близок к Н. А. Добролюбову; являлся одним из наиболее активных деятелей кружка Сераковского—Домбровского (В. А. Дьяков, Т. Г. Шевченко и польское национально-освободительное движение. «Гарас Шевченко». М., 1962, стр. 204—205 и др.; ЦГВИА, ф. 242, оп. 1, д. 2, лл. 1—17; ф. 544, оп. 1, д. 498, лл. 1—2; д. 604, лл. 1—9; ф. 725л, оп. 1, д. 127, лл. 860—863; ф. 395, оп. 47/541, 1855 г., 1-е отд., 2-й ст., д. 70, лл. 21—24, 49, 58, 60, 67; ЦГАОР, ф. 95п, оп. 1, д. 108, лл. 38, 52, 126 и др.; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1835, лл. 220—221 и др.; J. Staniewicz. Указ. соч., стр. 1—48).

344. Станишевский Михаил Осипович, поручик 17-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1836 г., католик, из дворян Могилевской губ., за родителями 800 душ крепостных; в офицерских чинах с 1854 г., участник обороны Севастополя; в 1858—1860 гг. учился в Академии генерального штаба, после окончания которой получил назначение в 3-ю гвардейскую и гренадерскую артиллерийскую бригаду, по вышел в отставку; в 1863 г. в рядах повстанцев, один из ближайших сподвижников З. Сераковского на Ковенщине; взят в плен и расстрелян в июне 1863 г. (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 127, лл. 289—292; ЦГИА Литовской ССР, ф. 378ПО, 1863, д. 312, ч. 1, л. 4; там же, 1871 г., д. 1, л. 48; Z. Kolumna. Указ. соч., ч. I, стр. 148).

345. Степут Бонифаций Филиппович, студент Медико-хирургической академии; родился в 1836 г., происходил из мещан, мать имела в Витебске три деревянных дома и одну торговую баню; после окончания Витебской гимназии в 1855 г. приехал в Петербург и поступил в Академию; был связан с Г. Рошковским, А. Шукштой и другими участниками кружка Сераковского—Домбровского; в своей фотографии размножил по их заданию различные пелегальные издания (Алфавит..., стр. 623—624).

346. Столпаков Алексей Николаевич, штаб-ротмистр Белорусского гусарского полка; родился в 1842 г., православный, из дворян Петербургской губ., воспитывался в Школе гвардейских подпрапорщиков и произведен в чин поручика в 1860 г.; с июня 1862 г. по май 1863 г. учился в Академии генерального штаба; был связан с Л. Ф. Пантелеевым, Я. Савицким и другими участниками революционных кружков в Петербурге; в 1863 г. привлекался по делу Московского отделения «Земли и воли» (ЦГВИА, ф. 9л, оп. 68/9, 1-е отд., 2-й ст., 1864, д. 69, чч. I—IV; ф. 395; оп. 54/578, св. 60, д. 160, л. 40; ЦГАОР, ф. 109я, 1 экзп., 1862, д. 230, ч. 10 «Б», л. 43; «Былое», 1906, № 9, стр. 43—44; Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 392; Л. Ф. Пантелеев. Указ. соч., стр. 336).

347. Страпцен Евгений Владимирович, прапорщик 2-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1843 г., православный, из дворян Архангельской губ., имением не владел; воспитывался в Брестском кадетском корпусе до июня 1859 г. и в Константиновском военном училище (1859—1860); был близок к кружку «чернышевцев» под руководством П. Л. Лаврова; участвовал в студенческих беспорядках 25, 27 сентября и 2 октября 1861 г., за что присужден к месячному аресту на гауптвахте (ЦГВИА, ф. 9л., оп. 92/37, 1-е отд., 1-й ст. 1861, д. 63, лл. 3, 40—46, 49 и др.; ф. 320л, оп. 2, д. 391, лл. 191, 195; ф. 14014, оп. 3, д. 235, л. 132).

348. Стройновский Карл-Плуц-Эдуард Валезиевич, инженер-прапорщик; родился в 1842 г., католик, из дворян Вольнской губернии, имением не владел; учился в Инженерном училище, которое окончил в июне 1860 г. с зачислением в Инженерную академию; исключен за участие в «истории» в январе 1861 г.; в июне 1863 г. подал в отставку (ЦГВИА, ф. 395, оп. 297/857; 1861 г., Канц. 2-й ст., по сч. д. 71, ч. 1, лл. 480—499; оп. 55/579, св. 38, д. 956, лл. 13—19; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; ЦГИАЛ, ф. 1282, оп. 1, д. 232, лл. 1—6).

349. Струмилло Лев Станиславович, поручик 3-го стрелкового батальона; родился в 1839 г., католик, из дворян Виленской губ., имением не владел; воспитывался в Полоцком кадетском корпусе и Константиновском военном училище; с июня 1859 г. учился в Артиллерийской академии; был участником кружка Се-

раковского—Домбровского; в 1863 г. командовал повстанцами в Августовской губернии; впоследствии — эмигрировал (Алфавитный список..., стр. 73).

350. Сырвойт, юнкер л.-гв. саперного батальона; жил вместе с А. Мирза-Туган-Барановским, хранил рукописи антиправительственного содержания. (ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1834, л. 379).

351. Табенский, офицер-артиллерист; в 1858—1859 гг. жил в Петербурге и входил в кружок революционно настроенных студентов и военнослужащих вместе с А. А. Красовским (см.) и другими (В. Сорокин. Воспоминания старого студента. «Русская старина» 1888, № 12, стр. 623).

352. Тарчевский Петр, капитан; судя по мемуарным источникам, уроженец Волыни; в феврале 1863 г. прибыл из Петербурга и командовал кавалерией в повстанческом отряде Круковецкого (Z. Kolumba. Указ. соч., ч. II, стр. 277).

353. Татаринов И., инженер-поручик; 2 июня 1862 г. выступил в «Северной пчеле» со статьей, протестующей против обвинений в поджогах революционеров и участников студенческого движения (Л. Ф. Пантелеев. Указ., соч., стр. 278).

354. Таубе Георгий Фердинандович, штабс-капитан лейб-гвардии Гатчинского полка; воспитывался в Павловском кадетском корпусе; в 1861—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106, стр. 232; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862 г., д. 160, лл. 47—48).

355. Терещенко, офицер 9-го стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

356. Терпиловский, прапорщик 13-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1841 г., православный, из дворян Гродненской губ., воспитывался в Брестском кадетском корпусе и в Артиллерийском училище; выпущен из училища в феврале 1863 г., взял отпуск и перешел к повстанцам; участвовал в стычках под Боровлянской и др.; после восстания эмигрировал в Париж (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, св. 251, д. 47, лл. 389, 471; ГПБ С.-Щ. ф. 629, Письмо неизвестного автора от 24 апреля 1867; Материалы по истории... т. XII, лл. 77—79).

357. Тиманов, офицер Орловского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

358. Тимушев Порфирий Иванович, подпоручик 4-го резервного батальона Виленского пехотного полка; родился в 1837 г., православный, из дворян Бессарабской губ., имением не владел; на службе с 1854 г., участник обороны Севастополя; с октября 1861 по сентябрь 1862 г. учился в Парскасельской офицерской стрелковой школе; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии; в мае 1863 г. подал в отставку по болезни (Протест 106..., стр. 233; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 36, д. 826, лл. 1—14).

359. Томич Петр Иванович, штабс-капитан Бородинского пехотного полка; окончил Константиновское военное училище; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

360. Траугут Ромуальд (1825—1864); подполковник инженерной службы; уволился в отставку из Петербургского гальванического заведения в мае 1861 г.; некоторое время перед этим, находясь в Петербурге, был связан с рядом деятелей революционного движения; во время восстания один из крупнейших повстанческих воепачальников, с октября 1863 г. — глава Жонда Народового; казнен в августе 1864 г. (ЦГАОР, ф. 109п, 1 экз., 1864, д. 107, лл. 1—5; Zb. Świek. «Przywódcy...», стр. 243—290).

361. Тронцкий Петр Архипович, штабс-капитан 19-й артиллерийской бригады; учился в Артиллерийском училище; в марте 1862 г., будучи слушателем Академии генерального штаба, подписал протест против телесных наказаний в армии. (Протест 106..., стр. 233).

362. Трубенкой, Николай Платонович, князь, офицер гвардейской конной артиллерии; в конце 50-х—начале 60-х годов с перерывами находился в Петербурге, был связан с В. Ф. Лугининым, З. Падлевским и другими деятелями революционного движения; биографические сведения о нем очень бедны и противоречивы (В. И. Кельсиев. Исповедь. «Литературное наследство», т. 41—42, стр. 291, 449, 609).

363. Трусов Анатолий Федорович, прапорщик 1-й конной артиллерийской бригады; родился в 1842 г., православный, из дворян Петербургской губ., сын генерал-майора; воспитывался в 1-м Петербургском кадетском корпусе, откуда выпущен в августе 1861 г.; в июне 1862 г. участвовал в повозковской панихиде по И. Н. Аригольдту и его товарищам (Алфавит..., стр. 627; ЦГВИА, ф. 395, оп. 53/577, св. 64в, д. 21, лл. 122—132).

364. Тур Ярослав Сигизмундович, поручик 3-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1837 г., католик, из дворян Виленской губ., недвижимым имуществом не владел; окончил Константиновское военное училище в 1859 г.; в 1859—1861 гг. учился в Академии генерального штаба; был членом кружка Сераков-

ского—Домбровского; в июле 1863 г. подал в отставку (Алфавитный список..., стр. 75).

365. Усов Степан Александрович (1825—1890), полковник, редактор «Артиллерийского журнала»; окончил Московский университет, на военной службе с 1847 г., участник венгерского похода и Крымской войны (на кавказском театре); в 1862—1863 гг., будучи в Петербурге, был связан с многими оппозиционными и революционными деятелями; в 1863 г. подал в отставку, по-видимому, в связи с нежеланием оказывать в рядах карателей, и выехал за границу; знаком с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым; проявил себя не только другом, но и полным единомышленником В. Ф. Лутинина; впоследствии возвратился в Россию и стал известным профессором физики и педагогическим деятелем (Б. П. Козьмин. Из прошлого революционной мысли в России. М., 1961, стр. 528—530).

366. Усов Федор Николаевич (1838—1888), есаул Сибирского казачьего войска; воспитывался в Сибирском казачьем корпусе; в 1861—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; был связан с оппозиционно настроенными лицами, в том числе с участниками кружков Сераковского—Домбровского и «чернышевцев»; в 1865 г. привлекался по делу «сибирских сепаратистов» (Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 416).

367. Ушаков Яков Афанасьевич, подпоручик 16-го стрелкового батальона; родился в 1840 г., православный, из дворян Ярославской губ., имением не владел; воспитывался в 1-м Петербургском кадетском корпусе, откуда выпущен прапорщиком в июне 1859 г. в л.-гв. Семеновский полк с прикомандированием к Артиллерийской академии; в январе 1861 г. отчислен оттуда по неустановленной причине и откомандирован в 16-й стрелковый батальон; с ноября 1861 г.—зачислен после экзамена, данного в июле, в Инженерную академию; в июне 1862 г. арестован; за антиправительственную пропаганду в воскресных школах и «дерзкие отзывы» о царе в обнаруженных при обыске его записях осужден на четыре года каторги; впоследствии довольно крупный деятель реакционного склада (Алфавит..., стр. 628—629; ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 2051, лл. 30—34; ф. 9л, оп. 74/15, 2-е отд. 1-й ст., 1863, д. 11, лл. 1—339).

368. Фалевич Карл Иванович, штабс-капитан инженерной службы; родился в 1831 г., католик, из дворян Витебской губ., недвижимого имущества не имел; в конце 50-х—начале 60-х годов жил в Петербурге, входил в редакцию польского журнала «Słowo» был связан с З. Сераковским, Я. Станевичем, Я. Савицким и другими участниками офицерских революционных кружков; во время восстания привлекался к суду за содействие в отправлении добровольцев в повстанческие отряды и в снабжении их транспортными средствами и оружием (J. Staniewicz. Указ. соч., стр. 16; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1051, лл. 1—155).

369. Фатеев Иосиф Львович, поручик Московского гренадерского полка; родился в 1838 г., православный, из дворян Курской губ., имением не владел; окончил 1-й Московский кадетский корпус в 1857 г.; с августа 1861 г. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. был одним из наиболее энергичных инициаторов протеста против телесных наказаний в армии; в июле 1862 г. участник отслуженной в Боровичах панихиды по И. Н. Арпгольту и его товарищам (Алфавит..., стр. 629; Протест 106..., стр. 233).

370. Фашович Эразм-Антон Францевич, поручик 15-го стрелкового батальона; родился в 1841 г., католик, из дворян Подольской губ., имением не владел; закончил в июне 1861 г. Константиновское военное училище и был прикомандирован к Инженерной академии; в апреле 1863 г. взял краткосрочный отпуск в Москву по случаю пасхального праздника и назад не возвратился; участвовал в восстании на территории Вольны (ЦГВИА, ф. 395, оп. 300/860, 1863 г., св. 251, д. 47, л. 151; ф. 330л, оп. 1, д. 2105, лл. 10—11 и др.; ф. 406, оп. 1, д. 173, л. 931; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1838, л. 30; Зелинский, стр. 341—342, 428).

371. Федоров, офицер 17-го стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

372. Федоров Степан Николаевич, офицер, учившийся в одной из военных академий; несколько раз упоминается в дневнике и письмах Н. А. Добролюбова за 1859 г., как лицо симпатичное их автору и близкое ему по политическим взглядам; сотрудничал в «Современнике», был знаком с Н. Г. Чернышевским; в одном из своих писем Добролюбову выразил солидарность с его позицией, когда появилась в «Колоколе» статья «Very dangerous»; являлся, очевидно, одним из тех офицеров, которые были теснейшим образом связаны с Петербургским революционным центром, возглавлявшимся Чернышевским и Добролюбовым («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», том I. М., 1890, стр. 514; Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. VI, стр. 488; С. А. Рейсер. К вопросу о революционных связях Н. А. Добролюбова. «Известия АН СССР», серия истории и философии, т. IX, 1952, стр. 56—58).

373. Фелькнер Михаил Александрович, подпоручик 2-го гренадерского стрелкового батальона; родился в 1839 г., православный, из дворян Петербургской губ., сын майора, недвижимым имуществом не владел; воспитывался в 1-м Петербург-

ском кадетском корпусе, откуда выпущен в июне 1859 г.; с марта 1861 г. прикомандирован к Академии генерального штаба для сдачи экзаменов, после чего был зачислен в списки обучающихся в ней офицеров; в марте 1862 г. одним из первых подписал протест против телесных наказаний в армии; в июле того же года участвовал в отслуженной в Боровичах панихиде по И. Н. Аригольдту и его товарищам, за что был исключен из Академии (Алфавит..., стр. 629; Протест 106..., стр. 233; ЦГВИА, ф. 9л., оп. 80/21; 1862 г., св. 653, д. 50, лл. 174—177).

374. Фертов Алексей Григорьевич, штабс-капитан Мгинского пехотного полка; родился в 1839 г., православный, из дворян Полтавской губ., имением не владел; воспитывался в Полтавском кадетском корпусе до 1857 г., и в Константиновском военном училище (1857—1859); с декабря 1860 по декабрь 1862 г. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862 г., д. 160, лл. 47—48; ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 283—285).

375. Филатьев, офицер; в начале 60-х годов учился в Артиллерийской академии и вместе с В. С. Кузизевым (см.) посещал собрания кружка Ф. С. Судакевича (В. Е. Фильгус. Революционное движение..., стр. 138).

376. Филевский Александр Николаевич, поручик Кавказского резервного стрелкового батальона; родился в 1841 г., православный, из дворян Московской губ., имением не владел; воспитывался в Александровском сиротском кадетском корпусе в Москве, откуда выпущен в июне 1860 г. с зачислением в Инженерную академию; в январе 1861 г. исключен за участие в «истории» и отправлен в часть; с декабря 1862 г. снова в Академии (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 286—288; ф. 725л., оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

377. Фишер Валериан-Иван-Степан Адамович, инженер-подпоручик; родился в 1839 г., католик, из дворян Виленьской губ., имением не владел; воспитывался в Инженерном училище с 1855 г., откуда выпущен в июне 1859 г., с зачислением в Инженерную академию; в январе 1861 г. исключен отсюда за участие в «истории»; в декабре 1862 г. снова возвратился в Академию (ЦГВИА, ф. 330л., оп. 1, д. 299, лл. 272—274; ф. 725л., оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

378. Францевич Франц-Пиколай, подпоручик Витебского пехотного полка; родился в 1840 г., католик, из дворян Витебской губ., сын коллежского секретаря; воспитывался в Константиновском военном училище, которое окончил в июне 1860 г.; участник восстания, расстрелян в Петровке 29 января 1863 г. (Алфавитный список..., стр. 76).

379. Фрейлиг, офицер Одесского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

380. Фрейтаг Аркадий Александрович, поручик 21-й артиллерийской бригады; в марте 1862 г., будучи слушателем Академии генерального штаба, подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

381. Фриессе Константин Карлович, прапорщик л.-гв. Царскосельского стрелкового батальона; родился в 1839 г., католик, из дворян Гродненской губ., имением не владел; воспитывался в Новгородском кадетском корпусе и в Константиновском военном училище, которое окончил в июне 1859 г., с зачислением в Инженерную академию; в январе 1861 г. исключен отсюда за участие в «истории» (ЦГВИА, ф. 330л., оп. 1, д. 299, лл. 402—404; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

382. Халецкий, офицер неуставленной части; по сведениям из польских мемуарных источников, входил в польский революционный кружок в Петербурге (J. Białuńia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 12).

383. Хамец Эдмунд Иохимович, поручик Украинского пехотного полка; родился в 1835 г., католик, из дворян Волынской губ.; за отцом в Житомирском уезде — 329 десятин земли и 118 душ крестьян; в начале 60-х годов был прикомандирован к 1-му Петербургскому кадетскому корпусу, откуда в 1862 г. был удален за «неодобрительный образ мыслей»; был связан с многими участниками революционных кружков в Петербурге; в 1863 г. участвовал в подготовке восстания в Поволжье вместе с И. Кеневичем, М. Черпиком и др.; умер в тюрьме в ноябре 1863 г. (Алфавит..., стр. 631, Бб. словарь..., т. 1, вып. II, стр. 433; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, св. 8, д. 15, лл. 31—35; ф. 725л, оп. 2, д. 214, лл. 1—13).

384. Харзеев Иван, штабс-капитан Калужского пехотного полка; православный, из дворян Новгородской губ., имением не владел; с 1858 по январь 1862 г. был прикомандирован к 1-му Петербургскому кадетскому корпусу, где, как и Э. И. Хамец (см.), принадлежал «к числу офицеров, отличающихся весьма вредным направлением и образом мыслей»; в Гродно, где квартировал Калужский полк, Харзеев пытался в 1862 г. организовать общественную библиотеку и вообще вел себя так, что непосредственное начальство считало желательным его удаление из полка (Алфавитный список..., стр. 76).

385. Ходорович, офицер 1-го Кронштадтского линейного батальона; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

386. Хойновский Николай, инженер-прапорщик; в конце 50-х—начале 60-х го-

дов учился в Инженерной академии и был посетителем «литературных вечеров» у Я. Домбровского и его товарищей (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, лл. 37, 51).

387. Хойновский Петр Осипович, инженер-прапорщик; родился в 1835 г., католик, из дворян Подольской губ., имением не владел; учился несколько лет в Киевском университете и участвовал в существовавших там революционных кружках; в 1859 г. поступил на военную службу в л.-гв. саперный батальон; в июне 1860 г. по экзамену произведен в прапорщики и зачислен в Инженерную академию; в январе 1861 г. за участие в «истории» исключен, с апреля 1862 г. прикомандирован к штабу Отдельного гвардейского корпуса, в декабре 1862 г. снова зачислен в Академию; активный участник кружка Сераковского—Домбровского; в апреле 1863 г. скрылся из Петербурга, чтобы принять командование над повстанцами в Киевской губернии; расстрелян 22 мая 1863 г. в Житомире (ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1863 г., к. 1502, д. 64, лл. 1—2; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, лл. 3—4, 7, 37, 51, 56, 126; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 12; д. 1835, л. 175; Зелинский, стр. 422 и др.; В. Г. Короленко. История моего современника, ГИХЛ. М., 1948, стр. 98, 601).

388. Хроменцкий М., подпоручик 3-го саперного батальона; с октября 1861 по октябрь 1862 г. находился в Царскосельской офицерской стрелковой школе; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (ЦГВИА, ф. 395, оп. 299/859, ч. ОА, 1862 г., д. 161, л. 9; ф. 14014, оп. 3, д. 235, л. 405); при публикации списка участников протеста пинциал и место службы Хроменцкого были прочитаны неправильно (Протест 106..., стр. 233).

389. Худяков В., офицер 11-го стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

390. Худяков Михаил, офицер из числа обучавшихся в Инженерной академии; был связан с А. В. Олендским (см.) и многими другими участниками революционных кружков; на квартире М. Худякова и его брата С. Худякова, живших вместе с инженерным офицером Венцлавовичем (см.), в феврале 1863 г. собиралась группа офицеров, распространявших прокламацию «Льется польская кровь, льется русская кровь» (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 78, лл. 28—31 и др.).

391. Худяков Павел Сергеевич, поручик 2-й сводной артиллерийской бригады; родился в 1836 г., православный, из дворян, сын капитана, недвижимым имуществом не владел; с августа 1859 г. был прикомандирован к 1-му Петербургскому кадетскому корпусу; в 1860—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 415—418).

392. Худяков Сергей, подпоручик из Инспекторского департамента военного министерства; в феврале 1863 г. участвовал в распространении прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь»; снимал квартиру вместе с братом Михаилом и инженерным офицером Венцлавовичем (см.), участвовал в собиравшемся там кружке революционно настроенных офицеров (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 78, лл. 24—31).

393. Цзюпдзевичий Михаил-Иоаким Мельхиорович, прапорщик 8-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1839 г., католик, из дворян Минской губ., владел нераздельным с братьями имением стоимостью примерно в 50 тыс. руб. серебром; воспитывался в 1-ом Петербургском кадетском корпусе, откуда выпущен прапорщиком по экзамену в 1859 г.; с мая по октябрь 1862 г. находился в Петербурге, будучи прикомандированным к Академии генерального штаба; сдав экзамены в Академию, взял отпуск на 4 месяца по домашним обстоятельствам в Минскую и Гродненскую губернии; 18 февраля 1863 г. арестован за распространение среди крестьян «Мушницкой правды» и за поездки по деревням с целью «волновать простой народ и склонять его к мятежу»; расстрелян в Мипске 21 мая 1863 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 1310, лл. 87—88; ф. 14014, оп. 3, д. 229, л. 173; ф. 9л, оп. 92/37, 1863 г., к. 1502, д. 53, лл. 2—7; ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 8, лл. 1—193; Алфавитный список..., стр. 77).

394. Цитович Андрей Поликарпович, поручик Киевского гренадерского полка; в 1861 г. был прикомандирован к Академии генерального штаба, жил в одном доме с Я. Домбровским и, по-видимому, был посетителем «литературных вечеров», собиравшихся на квартире Домбровского и его товарищей (ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, лл. 5, 8; ф. 109и, 1 экзп., 1862 г., д. 406, л. 31; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 12 об).

395. Чайковский, офицер 2-го резервного стрелкового батальона; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233). Вероятно это был капитан Митрофан Петрович Чайковский, о котором имеются следующие сведения: родился в 1839 г., православный, из дворян Казанской губ., имением не владел; учился в 1-ом Московском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1858 г., и в Инженерной академии, которую не окончил; в 1862 г. поступил в Академию генерального штаба (ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 1-й ст., 1862 г., д. 33, л. 186).

396. Чайковский Андрей Петрович, подпоручик 2-го резервного стрелкового

батальона; православный, из дворян Казанской губ., имением не владел; в 1861—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии; в июле 1862 г. участвовал в отслуженной в Боровичах пашиде по И. Н. Арнгольдту и его товарищам, за что был исключен из Академии (Алфавит..., стр. 556, 632; Протест 106..., стр. 233; ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862 г., д. 33, л. 186).

397. Чарнецкий Казимир, гусарский ротмистр; судя по мемуарным источникам, примкнул к польскому революционному кружку в Петербурге (J. Białynia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 12).

398. Чекерский Павел Казимирович, прапорщик Киевского гренадерского полка; родился в 1841 г., православный, из дворян Полтавской губ., имением не владел; воспитывался в Воронежском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1859 г.; в августе 1862 г. зачислен в Академию генерального штаба, а в мае 1863 г. исключен из числа обучающихся по подозрению в причастности к польской конспиративной организации в Петербурге; в сентябре 1863 г. находясь в Гельсингфорсе, подал в отставку по болезни, причем, обязался жить в Петербурге (Алфавит..., стр. 558, 634; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 45, д. 1385, лл. 1—6; оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862 г., д. 160, л. 41; ЦГАОР, ф. 109и, 1 экзп., 1863 г., д. 23, ч. 108, лл. 1—12).

399. Червицкий, прапорщик; по сведениям петербургской полиции, в 1860—1861 гг. был среди лиц, посещавших «литературные вечера» у Я. Домбровского и его товарищей, находился в близких отношениях с П. Хойновским, Э. Юндзиллом (см.) и другими участниками кружка Сераковского—Домбровского (Список фон Валя..., стр. 545; ЦГАОР, ф. 95и, оп. 1, д. 108, л. 3; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 16; д. 1834, л. 224).

400. Черкасов Митрофан Иванович, поручик 4-го стрелкового батальона; родился в 1840 г., православный, из дворян Харьковской губ., имением не владел; в июне 1860 г. окончил Константиновское военное училище с зачислением в Инженерную академию; в январе 1861 г. откомандирован в часть за участие в «истории», в декабре 1862 г. возвратился в Академию (Алфавитный список..., стр. 77).

401. Черпецкий Рафаил Андреевич, подпоручик 3-й сводной резервной артиллерийской бригады; родился в 1842 г., католик, из дворян Подольской губ.; воспитывался в Киевском кадетском корпусе и в Артиллерийском училище, после окончания которого в 1862 г. был прикомандирован к Артиллерийской академии для сдачи экзаменов; не выдержав экзамены был отправлен в часть, но в марте 1863 г. оказался под арестом за уклонение от маршрута с явным намерением присоединиться к повстанцам (Алфавитный список..., стр. 77—78).

402. Черников, офицер 4-го резервного батальона Белостокского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233).

403. Чернов, офицер-артиллерист; по свидетельству М. П. Сажина участвовал в кружке «чернышевцев», возглавлявшемся П. Л. Лавровым (М. П. Сажин. Указ. соч., стр. 25—26). Возможно речь идет о поручике 10-го стрелкового батальона Чернове, который в октябре 1862 г. был зачислен в Артиллерийскую академию (ЦГВИА, ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862 г., д. 160, л. 32 об.).

404. Чернов, офицер-артиллерист; по свидетельству М. П. Сажина, входил в кружок «чернышевцев», возглавлявшийся П. Л. Лавровым (М. П. Сажин. Указ. соч., стр. 25—26).

405. Черняк Максимилиан Андреевич, поручик Одесского пехотного полка; родился в 1835 г., православный, из дворян Волынской губ., имением не владел; учился в Киевском университете; на военной службе с 1857 г.; в 1860—1862 гг. учился в Академии генерального штаба, а после ее окончания был прикомандирован к Петербургской провизантской комиссии; активный участник кружка Сераковского—Домбровского; в 1863 г. один из организаторов восстания в Поволжье, затем повстанческий командир в Северо-западном крае; расстрелян в Казани в сентябре 1865 г. (Алфавитный список..., стр. 78).

406. Чехович Лев-Давид Ромуальдович, инженер-подпоручик; родился в 1840 г., католик, из дворян Виленской губ., недвижимым имуществом не владел; окончив Константиновское военное училище в июне 1862 г., был зачислен в Инженерную академию; находился в дружеских отношениях с Г. Рошковским, А. Шукштой (см.) и другими участниками кружка Сераковского—Домбровского; 22-го января 1863 г. подал в отставку; впоследствии командовал повстанческим отрядом в Северо-Западном крае; приговорен к расстрелу, по Александру II снизил наказание до 12 лет каторги (Алфавит..., стр. 633; ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, к. 26, д. 186, лл. 1—5; ЦГИА Литовской ССР, ф. 494, оп. 1, д. 15, лл. 1—151; Зелинский, стр. 424 и др.).

407. Чечёт Лев Петрович, инженер-прапорщик; родился в 1841 г., католик, из дворян Минской губ., имением не владел; воспитывался в Инженерном училище с 1856 по 1860 г., после чего был зачислен в Инженерную академию; в январе 1861 г. откомандирован в часть за участие в «истории», в декабре 1862 г. возвратился в Академию (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 234—236; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13; ф. 14014, оп. 3, д. 360, л. 5).

408. Чижик Мельхиор Осипович, штабс-капитан Московского гренадерского полка; родился в 1835 г., католик, из дворян Минской губ., недвижимым имуществом не владел; служил в Москве и поддерживал тесные связи с Л. Звездовским, В. Колесовым (см.) и другими лицами, по-видимому входившими в петербургские революционные кружки; в марте 1863 г., выписавшись из Петербургского военного госпиталя, перешел на нелегальное положение; с апреля возглавлял повстанческий отряд в Виленской губернии; приговорен к 20 годам каторги (Алфавитный список..., стр. 78).

409. Чудовский Владимир Никитич, подпоручик л.-гв. Семеновского полка; родился в 1840 г., православный, из дворян Курляндской губ., имением не владел; воспитывался в 1-м Московском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1858 г.; в 1860—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 569—572; ф. 395, оп. 54/578, 1-е отд., 4-й ст., 1862 г., д. 160, лл. 47—48).

410. Шафров Троадей Васильевич, штабс-капитан 11-й артиллерийской бригады; родился в 1833 г., православный, из дворян Московской губ., имением не владел; участник Крымской войны и обороны Севастополя; с июня по октябрь 1858 г. прикомандирован к Академии генерального штаба, с июня 1859 по декабрь 1861 г. учился в ней; впоследствии служил в штабе генерал-фельдцейхмейстера; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 233; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 614—617).

411. Шайтапов Александр Дмитриевич, хорунжий Сибирского казачьего войска; в 1861 г. находился в Петербурге и был в числе офицеров, принявших участие в студенческих волнениях; впоследствии привлекался по делу «сибирских сепаратистов» (С. Гессен. Петербургский университет осенью 1861 г. «Революционное движение 1860-х годов». М., 1932, стр. 16, 20, 259; Бб. словарь..., т. I, вып. II, стр. 459).

412. Шалевич Карл Фомич, штабс-капитан 3-го стрелкового батальона; родился в 1839 г., католик, из дворян Виленской губ., недвижимым имуществом не владел; окончил Константиновский кадетский корпус в 1857 г.; с 1859 по 1861 г. учился в Академии генерального штаба, в конце 1862 г. подал в отставку; был участником кружка Сераковского—Домбровского; с начала апреля 1863 г. возглавил повстанческий отряд Новоградского уезда, который был сразу же разгромлен; приговорен к 6 годам каторги (Алфавитный список..., стр. 79).

413. Шатилов, офицер 3-й гвардейской гренадерской артиллерийской бригады; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 234).

414. Шевцов Николай Михайлович, поручик 1-го стрелкового батальона; родился в 1840 г., православный, из дворян Орловской губ., имением не владел; окончил Константиновское военное училище в 1860 г. с зачислением в Инженерную академию; в январе 1861 г. исключен оттуда за участие в «истории»; в декабре 1862 г. возвратился в Академию (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 255—257; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

415. Шильдер, прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка; участник «истории» в Инженерной академии; в 1860—1861 гг. был близок к некоторым членам кружка Сераковского—Домбровского (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

416. Шимкевич Рудольф Зенонович, инженер-прапорщик; учился в Петербурге и остался там жить, выйдя в отставку в мае 1863 г.; был связан с кружком Сераковского—Домбровского и помогал побегу арестованного Эм. Юпдзилла (ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 151, лл. 49, 52 об и др.; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, л. 233; д. 1833а, лл. 1—14).

417. Шкларевич Петр Данилович, инженер-прапорщик; родился в 1841 г., православный, из дворян Полтавской губ., владел родовым имением в 2000 десятин земли и 200 душ временнообязанных крестьян; в июне 1860 г. окончил Константиновское военное училище с зачислением в Инженерную академию; отчислен за участие в «истории» в январе 1861 г., а с декабря 1862 г. — снова в Академию; в феврале 1863 г. жил вместе с подпоручиком А. Бринкемом (см.) и участвовал вместе с братьями Худиковыми (см.) и другими офицерами в распространении прокламации «Льется польская кровь, льется русская кровь» (Алфавитный список..., стр. 80; ЦГАОР, ф. 109л, 1 экз., 1863 г., д. 97, ч. 9, лл. 1—7).

418. Шкуринский Семен Афанасьевич, поручик л.-гв. 1-го стрелкового батальона; родился в 1832 г., православный, из дворян, сын штабс-капитана; окончил Ришельевский лицей; в 1857—1859 гг. учился в Константиновском военном училище, в 1861—1863 г. — в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 234; ЦГВИА, ф. 320л, оп. 1, д. 231, лл. 85—86).

419. Шлягер, прапорщик л.-гв. Измайловского полка; участник «истории» в Инженерной академии; в 1860—1861 гг. был близок к некоторым членам кружка Сераковского—Домбровского (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

420. Шолковский Эрик Викентьевич, офицер генерального штаба; родился в 1828 г., католик, из дворян Минской губ., имением не владел; на военную службу поступил в 1843 г. из студентов Дерптского университета; с августа 1854 по декабрь 1856 г. учился в Военной академии по отделению генерального штаба; впоследствии служил оберквартирмейстером Кубанской области и, часто бывая в Петербурге, поддерживал связь с участниками кружка Сераковского—Домбровского; в марте 1864 г., уволившись в отставку, поселился в Петербурге; в это время Департамент генерального штаба характеризовал его следующим образом: «как истый поляк, питает в душе ненависть ко всему русскому, сочувствует польским тенденциям и скрытно занимается их пропагандой» (ЦГВИА, ф. 38, оп. 10/259, 1861 г., д. 153, л. 170; ф. 725л, оп. 1, д. 124, лл. 333—336).

421. Шредерс Федор Федорович, поручик 7-го стрелкового батальона; родился в 1842 г., евангелического вероисповедания, из дворян Курляндской губ., недвижимым имуществом не владел; окончил Павловский кадетский корпус в июне 1859 г.; с апреля 1861 г. прикомандирован к Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии, в июле того же года принял участие в отслуженной в Боровичах панихиде по И. Н. Арпгольду и его товарищам; за участие в панихиде исключен из Академии; в ноябре 1863 г. вышел в отставку (Алфавитный список..., стр. 80).

422. Шрейберг Федор Августович, штабс-капитан 4-го резервного стрелкового батальона; родился в 1839 г., лютеранин, из дворян Петербургской губ., недвижимым имуществом не владел; окончил 2-й Петербургский кадетский корпус в 1857 г.; в 1859—1860 гг. был репетитором тактики в этом корпусе; в 1860—1862 гг. учился в Академии генерального штаба; в марте 1862 г. подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 234; ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 129, лл. 249—252; ф. 395, оп. 54/578, 1 отд., 4-й ст., 1862 г., д. 160, лл. 47—48).

423. Шукевич Октавиан-Феликс, подпоручик 5-й полевой артиллерийской бригады; родился в 1840 г., католик, из дворян Виленской губ.; воспитывался в Полоцком кадетском корпусе и в Константиновском военном училище, которое окончил в июне 1860 г.; в 1863 г. перешел на сторону повстанцев и командовал отрядом в Августовской губернии; после восстания в эмиграции (Алфавитный список..., стр. 80—81).

424. Шукшта Адольф Иосифович, юнкер Артиллерийского училища; католик, сын помещика Ковенской губ.; входил в кружок Сераковского—Домбровского; вместе с Г. Рошковским (см.) и другими участвовал в размещении агитационно-пропагандистских материалов этого кружка, за что осужден на каторжные работы (Алфавит..., стр. 635—636).

425. Шуляченко Алексей Романович, прапорщик л.-гв. Гатчинского полка; родился в 1841 г., православный, из дворян Киевской губ., имением не владел; в июне 1860 г. окончил Константиновское военное училище и был зачислен в Инженерную академию; в январе 1861 г. исключен отсюда за участие в «истории», с января 1862 г. — снова в Академии (ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 200—202; ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

426. Шумилин Александр Александрович, подпоручик Сапкт-Петербургского уланского полка; родился в 1839 г., православный, уроженец Петербурга, сын полковника, недвижимым имуществом не владел; выпущен из 2-го Петербургского кадетского корпуса в 1858 г. с зачислением в Инженерную академию; в 1860 г. участвовал в «истории», по взял рапорт об отчислении из Академии назад и отбывал три суток ареста (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 134, лл. 719—723; д. 5547, лл. 8—13).

427. Щука, подпоручик л.-гв. Московского полка; участник «истории» в Инженерной академии; в конце 1860—начале 1861 г. был близок к некоторым участникам кружка Сераковского—Домбровского (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 5547, лл. 8—13).

428. Щурский Константин Михайлович, поручик 20-й артиллерийской бригады; воспитывался в Артиллерийском училище; в марте 1862 г., будучи слушателем Академии генерального штаба, подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 234).

429. Экеспарре Оскар Романович, прапорщик л.-гв. Семёновского полка; родился в 1840 г., лютеранин, из дворян Лифляндской губ., за отцом на о. Эзеле числилась мыза; воспитывался во 2-м Петербургском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1858 г. с зачислением в Инженерную академию; в январе 1861 г. исключен за участие в «истории»; в мае 1861 г. подал в отставку (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 133, лл. 655—658; д. 5547, лл. 8—13; ф. 395, оп. 53/577, св. 49, д. 1055, лл. 1—10).

430. Эйрманович Богуслав-Антон Францевич, поручик Либауского пехотного полка; родился в 1833 г., католик, из дворян Ковенской губ., недвижимым имуществом не владел; с октября 1857 по октябрь 1858 г. учился в Царскосельской офицерской стрелковой школе; впоследствии активный участник восстания на территории Гродненской, Люблинской и отчасти Варшавской губ. (Алфавитный список..., стр. 81). Судя по мемуарным данным входил в кружок Сераковского—Домбровского (J. Białunia-Chołodecki. Указ. соч., стр. 12).

431. Энгель Николай Иванович, штабс-капитан л.-гв. саперного батальона; воспитывался в Инженерном училище; в 1862 г. был связан с бывшим студентом А. А. Яковлевым, который вел революционную пропаганду среди солдат, и вместе с Г. Н. Посняковым и С. Ф. Еллиным (см.) помог ему уничтожить улики при аресте; за это уволен с военной службы после длительного предварительного заключения (Алфавит..., стр. 636—637).

432. Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893), поручик гвардейской конной артиллерии; учился в Артиллерийском училище и Артиллерийской академии (1848—1853); служил в Петербургском арсенале, занимался литейным делом и химией, преподавал в Артиллерийской академии; в 1861 г. находился под судом за участие в студенческих волнениях 25, 27 сентября и 2 октября; приговорен к двухнедельному аресту на гауптвахте; входил в кружок, возглавлявшийся П. Л. Лавровым; был членом «Земли и воли» и одним из активных деятелей ее петербургского отделения; уволен с военной службы в 1866 г.; впоследствии известный химик и публицист народнического толка (Бб. словарь..., т. II, вып. IV, стр. 2096—2098; ЦГВИА, ф. 9л, оп. 92/37, 1-е отд., 1-й ст. 1861 г., д. 63, лл. 1, 24—31, 49, 59—65, 66, 77—80 и др.).

433. Юдип, офицер-артиллерист; по свидетельству М. П. Сажина, входил в кружок «чернышевцев», возглавлявшийся П. Л. Лавровым (М. П. Са ж и н. Указ. соч., стр. 25—26).

434. Юндзилл Петр-Эмануил Иосифович, инженер-подпоручик; родился в 1839 г., католик, из дворян Виленской губ., имением не владел; учился в Петербургском университете, но не закончил его; с октября 1860 до августа 1862 г. — экстерн Инженерного училища; после экзамена произведен в подпоручики и зачислен в Инженерную академию; в марте 1863 г. подал в отставку по болезни; активный участник кружка Сераковского—Домбровского, один из его руководителей в 1863 г.; летом 1863 г. арестован; в 1865 г. бежал за границу (ЦГВИА, ф. 395, оп. 55/579, св. 30, д. 465, лл. 1—5; ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 108, лл. 3—4, 19; д. 151, лл. 1—3, 52; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1834, лл. 20—21, 30—31, 34—37 и др.).

435. Явданский, подпоручик; по сведениям петербургской полиции, был в близких отношениях с П. Хойновским и Э. Юндзиллом (см.) и посещал «литературные вечера» у Я. Домбровского и его товарищей (ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 108, л. 3).

436. Якубовский Давид Захарович, поручик Псковского драгунского полка; в марте 1862 г., находясь в Царскосельской офицерской стрелковой школе, подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 234; Алфавитный список..., стр. 82).

437. Якубовский Иван Иосифович, прапорщик л.-гв. Финляндского полка; родился в 1838 г., православный, из дворян Гродненской губ., имением не владел; воспитывался в Павловском кадетском корпусе, откуда выпущен в 1858 г. с зачислением в Инженерную академию; в январе 1861 г. откомандирован в часть за участие в «истории» (ЦГВИА, ф. 725л, оп. 1, д. 133, лл. 669—674; д. 5547, лл. 8—13).

438. Ямонт Осип, юнкер 3-го саперного батальона; в 1861 г. был уволен из экстернов Инженерного училища со следующей характеристикой М. П. Кауфмана: «За поведение и образ мыслей не ручаюсь; вышел в отставку, вероятно, потому, чтобы не служить в русских войсках; католик и поляк» (Алфавитный список..., стр. 82).

439. Янковский Станислав-Любомир Игнатьевич, инженер-подпоручик; католик, из дворян Волынской губ., за родителями 100 душ временнообязанных крестьян; в апреле 1863 г. вместе с другими слушателями Инженерной академии бежал из Петербурга и, по-видимому, присоединился к повстанцам (ЦГВИА, ф. 406, оп. 1, д. 173, л. 931; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1838, л. 30).

440. Янчевский-Глинка Станислав Казимирович, инженер-прапорщик; родился в 1843 г., католик, из дворян Варшавской губ.; до 1858 г. воспитывался в Новгородском кадетском корпусе, а затем — в Инженерном училище, откуда выпущен в июне 1862 г. с зачислением в Инженерную академию; по сведениям петербургской полиции был в близких отношениях с Э. Юндзиллом и П. Хойновским (см.), посещал «литературные вечера» на квартире Я. Домбровского и его товарищей; весной 1863 г. намеревался перейти к повстанцам (ЦГАОР, ф. 95л, оп. 1, д. 108, лл. 3, 4, 25, 172; ЦГВИА, ф. 330л, оп. 1, д. 299, лл. 462—463; ЦГИА Литовской ССР, ф. 1248, оп. 2, д. 1833, лл. 210—211; д. 1834, лл. 24—25, 40—41, 88 и др.; Л. Ф. П а н т е л е е в. Указ. соч., стр. 365).

441. Ярошевич, офицер Либавского пехотного полка; в марте 1862 г. находился в Петербурге и подписал протест против телесных наказаний в армии (Протест 106..., стр. 234; Алфавитный список..., стр. 82).

442. Яхимович Викентий Иванович, экстерн Константиновского военного училища; родился в 1840 г., католик, из дворян Ковенской губ.; воспитывался в Ковенской гимназии; в 1861 г. поступил в Константиновское училище, а 18 марта 1863 г. был уволен оттуда по его просьбе; участвовал в восстании на территории Ковенской губ.; сослан на поселение в Западную Сибирь (ЦГВИА, ф. 484, оп. 1, д. 335, лл. 1—52; ф. 320л, оп. 1, д. 321, лл. 97—98).

**СПИСКИ ЛИЦ,
ОТНЕСЕННЫХ ПРИ СТАТИСТИЧЕСКИХ ПОДСЧЕТАХ
К ТЕМ ИЛИ ИНЫМ КРУЖКАМ ***

Кружок Сераковского — Домбровского

1. Адамович П. И.	52. Калиновский К. С.
2. Александрович К.-Л. К.	53. Каменский М. К.
3. Бабашицкий И. О.	54. Каплинский В. Т.
4. Бараповский А.	55. Катеринич
5. Бараповский Л.	56. Керсновский А. С.
6. Бобровский С.	57. Керсновский В.-Р. С.
7. Босак Р.	58. Керсновский И.-А. Н.
8. Будаевский Н. А.	59. Козаковский С. К.
9. Булатов (или Балаков)	60. Козелл-Поклевский Я.
10. Бунин В. И.	61. Козлов Н. С.
11. Бялоцкий	62. Коссовский В. Г.
12. Варавский Ф. П.	63. Крженевский
13. Васьковский Н. Н.	64. Лабунский А. Ю.
14. Величковский А. П.	65. Лазарев П. С.
15. Вержбицкий	66. Левицкий К. В.
16. Вжесневский А. Ф.	67. Лещинский В. С.
17. Вжесневский Э. Ф.	68. Липинский В.-Д.-Н. И.
18. Владычанский Т. Ф.	69. Лисовский
19. Вольф	70. Лихачев П. Ф.
20. Вылежипский А. Т.	71. Лубба К.
21. Галензовский Ю.	72. Лыко М. В.
22. Гауке Ю.	73. Лясковский В. В.
23. Гедройц А.	74. Лясковский И. В.
24. Гедройц Э.	75. Ляуданский М.
25. Гейденрейх М. К.	76. Ляуданский М.-У. Ф.
26. Геммер К.	77. Маевский С.
27. Гиргас Ф. Ф.	78. Малевский К.
28. Голиневич Н. Н.	79. Мехеда И. Е.
29. Дембовский Л. М.	80. Микевский
30. Дзеконский Ю.	81. Миладовский В. Ф.
31. Держановский С. Ю.	82. Миневский Ю.-К. В.
32. Дмоховский И. П.	83. Минятов А. В.
33. Добровольский В. М.	84. Михеев А. Д.
34. Довгар-Запольский Э. И.	85. Моржиевский
35. Домбровский Я. В.	86. Нарбут В. Ф.
36. Жебровский К. А.	87. Нелидов П. И.
37. Желтухин П. В.	88. Неловицкий Р. К.
38. Жельский А. И.	89. Неслуховский С. И.
39. Забавский Ц. Ф.	90. Никифораки А. Н.
40. Загоровский М. А.	91. Новицкий
41. Залевский	92. Новицкий Н. Д.
42. Звездовский Л.	93. Новосельский
43. Зейн Е. И.	94. Обезерский И. Ц.
44. Зеленой А. С.	95. Обыри Т. Ф.
45. Зелинский А. Л.	96. Огородников П. И.
46. Золотницкий И. П.	97. Огрызко И. П.
47. Иванов В. А.	98. Озеранский И. М.
48. Каверский Э. А.	99. Окулевич
49. Калиновский Б. Ф.	100. Олендзский С.-К. С.
50. Калиновский В. С.	101. Опонский В.
51. Калиновский И. А.	102. Падлевский Э.

* При пользовании списками необходимо учитывать: а) что отнесение того или иного лица в данной рубрике не может быть и не является окончательным и неоспоримым, хотя основывается по возможности на всей совокупности имеющихся сведений; б) что каждая фамилия включена только в один список, даже в тех случаях, когда ее обладатель мог входить или заведомо входил в две, а то и несколько революционных организаций; при этом принималась во внимание прочность и продолжительность связей данного лица с соответствующей организацией, значение данной организации и роль в ее деятельности соответствующего лица, а также некоторые другие соображения; возможно, однако, что не всегда в достаточной мере удалось учесть все заслуживающие учета факторы.

103. Пантелеев
104. Парафианович З. Ф.
105. Погоржельский В. В.
106. Подбельский И. А.
107. Пржевальский Н. М.
108. Радзишевский П. И.
109. Ребиндер
110. Рехневский С.-К. С.
111. Рошковский В. Л.
112. Рошковский Г.-Б. Л.
113. Рошковский Н. Ф.
114. Рудницкий В. В.
115. Рудомино А.-В. А.
116. Русецкий К. Л.
117. Рыздзевский Е. А.
118. Савицкий Я.
119. Сераковский З.
120. Скальский А. А.
121. Скибинский
122. Скибинский И. И.
123. Смирнов Е. Д.
124. Снежко-Блоцкий А. Я.
125. Соколовский
126. Станевич И. Ф.
127. Станевич Я.-О. Ф.
128. Станиславский М. О.
129. Степут Б. Ф.
130. Струмило Л. С.
131. Сырвойт
132. Таубе Г. Ф.
133. Траугут Р.
134. Троицкий П. А.
135. Тур Я. С.
136. Усов Ф. Н.
137. Фалевич К. И.
138. Фатеев И. Л.
139. Фелькнер М. А.
140. Фертов А. Г.
141. Фрейтаг А. А.
142. Халецкий
143. Хойновский Н.
144. Хойновский П. О.
145. Худяков П. С.
146. Цзюндзевицкий М.-И. М.
147. Цитович А. П.
148. Чайковский
149. Чайковский А. П.
150. Чарнецкий К.
151. Черекский П. К.
152. Червинский
153. Черпак М. А.
154. Чехович Л.-Д. Р.
155. Чудовский В. Н.
156. Шавров Т. В.
157. Шалеев К. Ф.
158. Шильдер
159. Шимкевич Р. З.
160. Шкуринский С. А.
161. Шлягер
162. Шолковский Э. В.
163. Шредерс Ф. Ф.
164. Шрейберг Ф. А.
165. Шукшта А. И.
166. Щука
167. Щурский К. М.
168. Юпдзыл П.-Э. И.
169. Явданский
170. Янчевский-Глинка С. К.

Кружок военных инженеров

1. Анисимов П. Т.
2. Барановский А. П.
3. Бимман
4. Битнер М. К.
5. Бобровский К. И.
6. Бобровский В.
7. Грабовский В.
8. Кантакузен М. А.
9. Киселев
10. Киянский М. И.
11. Кольб П.-М. М.
12. Коссович С. И.
13. Кржевицкий
14. Криер Н. А.
15. Курнатовский Р. В.
16. Малевский
17. Малецкий Г. Р.
18. Минейко С. С.
19. Михайлов Н. А.
20. Михайловский М. Н.
21. Муханов В. В.
22. Мясоедов А. Н.
23. Никонов М. П.
24. Обломиевский И. Д.
25. Островский А. А.
26. Павловский И.-М. П.
27. Пизани А. П.
28. Покатилов Д. В.
29. Пригц К. К.
30. Радван И. А.
31. Реутт С. Л.
32. Ростовский
33. Рылеев
34. Сахновский А.
35. Свищевский Д. Т.
36. Северин А.
37. Семичев П. Н.
38. Стройновский К. В.
39. Татариннов И. И.
40. Фанович Э. Ф.
41. Филевский А. Н.
42. Фишер В. А.
43. Фриессе К. К.
44. Черкасов М. И.
45. Чечёт Л. П.
46. Шевцов Н. М.
47. Шуляченко А. Р.
48. Шумилин А. А.
49. Эвеснарре О. Р.
50. Якубовский И. И.
51. Ямонт О.
52. Янковский С.-Л. И.
53. Гирдвойн К. М.
54. Довнарлович Б. Р.
55. Дурасевич И. А.
56. Ибянский В. П.
57. Малецкий А. В.
58. Махвиц О. С.
59. Олешкевич Л. В.
60. Снарский Э.-И. К.

Кружок «чернышевцев»-артиллеристов во главе
с П. Л. Лавровым

1. Аверкиев И. И.	18. Мазаракый Н. Е.
2. Азагчевский И.	19. Малецкий Д. Р.
3. Альтфатер	20. Миткевич Э.
4. Альтфатер М. Г.	21. Недзялковский А. А.
5. Андреев Н. П.	22. Павленков Ф. Ф.
6. Богданов	23. Павлович Б. С.
7. Богданович И. З.	24. Пиленко В.
8. Вериго А.	25. Семевский А. И.
9. Гейнс В. К.	26. Странден Е. В.
10. Замысловский	27. Терпиловский
11. Колесов полковник	28. Усов С. А.
12. Колесов В. П.	29. Чернецкий Р. А.
13. Кропоткин П. А.	30. Чернов
14. Кувязов В. С.	31. Чернов
15. Кульчицкий Е.-Б. Ф.	32. Энгельгардт А. Н.
16. Лавров П. Л.	33. Юдин
17. Лугинин В. Ф.	

Кружок в Константиновском военном училище

1. Адамович Г.	18. Имшенецкий М. А.
2. Бабынин И. П.	19. Кулеша Г.-И. Ф.
3. Бейдеман М. С.	20. Кульчицкий Б. М.
4. Бейнар Е.-А. У.	21. Лепковский Н. Л.
5. Бобянский Б. А.	22. Майковский В. М.
6. Бялковский В. В.	23. Марков В.
7. Бялковский Вл. В.	24. Микулич А. Г.
8. Володзько А. Э.	25. Мосальский Н. И.
9. Волосевич	26. Немчевский Т.
10. Гасабов Ага-бек	27. Обакевич
11. Герман А. В.	28. Окинчик С. Ф.
12. Грибоедов Н. А.	29. Петрашевский К. О.
13. Грохольский	30. Семевский П. И.
14. Дунин А.-И. К.	31. Францевич Ф. Н.
15. Емелига Ф. П.	32. Шукевич О.-Ф.
16. Жолнерович И. А.	33. Яхимович В. И.
17. Зелинский А.-Г.-Ф.	

Кружок в Царскосельской офицерской школе

1. Арендаренко Н. А.	9. Кюхельбекер М. В.
2. Верещагин	10. Максевич К.
3. Галлер В. Ф.	11. Потебня А. А.
4. Гап А. Н.	12. Сливичский И. М.
5. Готский-Данилович С. Ю.	13. Тимушев П. И.
6. Иваницкий Н. Л.	14. Хромецкий М.
7. Иванов А.	15. Эйрманович Б. Ф.
8. Костенич К.	16. Якубовский Д. З.

Кружок братьев Худяковых

1. Бринкен А. Ю.	6. Пушкарев В. А.
2. Венцлавович	7. Худяков М.
3. Витте Э.-В. Г.	8. Худяков С.
4. Левицкий Н.	9. Шкляревич П. Д.
5. Олендзский А. В.	

Кружок профессоров военных академий

1. Аничков В. М.	4. Макшеев А. И.
2. Беренс А. И.	5. Обручев Н. Н.
3. Драгомиров М. И.	6. Погосский А. Ф.

Различные смешанные военно-студенческие кружки

1. Анастасьев	24. Петриковский В. Ф.
2. Аргаматов В. П.	25. Поздняков Д. М.
3. Белихов (Беликов?)	26. Попов В. П.
4. Валицкий В. Э.	27. Посников Ю. Н.
5. Вуколич	28. Преснухин Н. В.
6. Гербель Н. В.	29. Путята А. Д.
7. Городков Г. Р.	30. Росшток А.
8. Григорьев Н. А.	31. Рычков В. И.
9. Де-Роберти А. А.	32. Семевский М. И.
10. Жуков И. Г.	33. Слепцов А. А.
11. Загряжский Е. С.	34. Слепцов Д. А.
12. Зиновьев	35. Случевский К. К.
13. Классовский В. И.	36. Соколов Н. В.
14. Красовский А. А.	37. Столпаков А. Н.
15. Ливанов	38. Табенский
16. Мерецкий О.	39. Трубецкой
17. Михалевский В. Г.	40. Ушаков Я. А.
18. Муромцев Н. Н.	41. Федоров С. Н.
19. Обручев В. А.	42. Филатьев
20. Озеров В. М.	43. Хамец Э. И.
21. Орфано А. Г.	44. Харзеев И.
22. Останкевич	45. Шайтанов А. Д.
23. Островский (М?)	46. Энгель Н. И.

Прочие участники движения

1. Абросимов	36. Лесли Д. Н.
2. Аверкиев	37. Лисенко В.
3. Адамович	38. Межаков Н.
4. Алхазов П. К.	39. Мейер Э. Г.
5. Аригольдт И. Н.	40. Мокрицкий В.
6. Бабич П.	41. Новицкий И.-П. Ю.
7. Барсуков	42. Остапов А.
8. Бельцов В. А.	43. Папский
9. Бинеман	44. Парамонов
10. Богданович П. А.	45. Подгорецкий
11. Винницкий А. Л.	46. Прохорович П.
12. Войно	47. Растрюгин
13. Вольнский В.	48. Ржонсницкий О. Р.
14. Герасимов	49. Родзевич К.
15. Гольмдорф	50. Рощин П. Е.
16. Гржимайло А. И.	51. Румянцев
17. Гутан	52. Савицкий
18. Гутовский М. С.	53. Сигунов
19. Давыдов	54. Симонов
20. Довяковский Н. И.	55. Соколовский Ф. А.
21. Доманский Ф. А.	56. Стабровский А. Г.
22. Еллинский С. Ф.	57. Тарчевский П.
23. Жданов Н. А.	58. Терещенко
24. Калакуцкий	59. Тиманов
25. Калчигин Я.	60. Томич П. И.
26. Карелин	61. Трусов А. Ф.
27. Клеточников Л.	62. Федоров
28. Колотилин	63. Фрейлиг
29. Костежа Т.	64. Ходорович
30. Крылов Н.	65. Худяков В.
31. Кублицкий П.	66. Черников
32. Кукель	67. Чижик М. О.
33. Курдюмов	68. Шатилов
34. Лакруа	69. Ярошевич
35. Лемешев	

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УЧАСТНИКОВ КРУЖКОВ

Чины или служебное положение	Кружок Сераков- ского— Домбров- ского	Кружок в Инженер- ной академии и училище	Кружок «чернышев- цев» под руководством П. Л. Лав- рова	Кружок в Констан- тиновском военном училище	
Прапорщики	30 (17,5%)	27 (45%)	8 (24,15%)	—	
Подпоручики	25 (14,7%)	12 (20%)	5 (15,25%)	—	
Итого	55 (32,3%)	39 (65%)	13 (39,4%)	—	
Поручики	57 (33,5%)	10 (16,7%)	9 (27,35%)	—	
Штабс-капитаны	19 (11,3%)	—	—	—	
Капитаны	10 (5,9%)	—	—	—	
Итого	86 (50,7%)	10 (16,7%)	9 (27,35%)	—	
Майоры	—	—	—	—	
Подполковники	2 (1,15%)	1 (1,6%)	—	—	
Полковники	2 (1,15%)	—	3 (9,1%)	—	
Итого	4 (2,3)	1 (1,6%)	3 (9,1%)	—	
Офицеры неустановленного чина . .	11 (6,4%)	—	6 (18,15%)	—	
Всего офицеров . .	156 (91,7%)	50 (83,3%)	31 (94%)	—	
Воспитанники средних военно-учеб- ных заведений	4 (2,3%)	10 (16,7%)	2 (6%)	33 (100%)	
Военно-медицинский персонал . .	1 (0,6%)	—	—	—	
Чиновники военного ведомства . .	1 (0,6%)	—	—	—	
Нижние чины из дворян	—	—	—	—	
Невоенные	8 (4,8%)	—	—	—	
Всего	170 (38,5%)	60 (13,5%)	33 (7,45%)	33 (7,45%)	

ДАННЫЕ О ВОЗРАСТНОМ СОС

Возрастные группы	Кружок Сераков- ского— Домбров- ского	Кружок в Инженер- ной академии и училище	Кружок «чернышев- цев» под руководством П. Л. Лав- рова	Кружок в Констан- тиновском военном училище	
От 25 лет и старше (рожд. 1815— 1835)	36 (34,3%)	—	4 (20%)	—	
От 20 до 24 лет (рожд. 1836—1840)	52 (49,5%)	25 (58,2%)	8 (40%)	15 (62,5%)	
Моложе 20 лет (рожд. 1841—1845)	17 (16,2%)	18 (41,8%)	8 40%)	9 (37,5%)	
Всего	105 (43,8%)	43 (17,9%)	20 (8,3%)	24 (10%)	

Таблица 1

ПО ЧИНАМ И СЛУЖЕБНОМУ ПОЛОЖЕНИЮ

Кружок в Царскосель- ской офицерской стрелковой школе	Кружок братьев Худя- ковых	Кружок профессоров военных ака- демий	Смешанные военно-студен- ческие кружки	Прочие участники движения	Всего по Пе- тербургскому гарнизону
3 (18,75%) 4 (25%)	2 (22,2%) 4 (44,4%)	— —	2 (4,35%) 7 (15,25%)	3 (4,3%) 6 (8,7%)	75 (17%) 63 (14,2%)
7 (43,75%) 8 (50%) 1 (6,25%) —	6 (66,6%) 1 (11,1%) — —	— — — 1 (16,7%)	9 (19,6%) 10 (21,7%) 4 (8,7%) 2 (4,4%)	9 (13%) 6 (8,7%) 3 (4,3%) 2 (2,9%)	138 (31,2%) 101 (22,9%) 27 (6,1%) 15 (3,4%)
9 (56,25%) — — —	1 (11,1%) — — —	1 (16,7%) — — 4 (66,6%)	16 (34,8%) — 2 (4,4%) 1 (2,2%)	11 (15,9%) — 1 (1,45%) 1 (1,45%)	143 (32,4%) — 5 (1,35%) 11 (2,5%)
— —	— 2 (22,2%)	4 (66,6%) —	3 (6,6%) 11 (24%)	2 (2,9%) 43 (62,4%)	17 (3,85%) 73 (16,35%)
16 (100%) — — — — —	9 (100%) — — — — —	5 (83,3%) — — 1 (16,7%) — —	39 (85%) 2 (4,4%) 1 (2,2%) 4 (8,4%) — —	65 (94,2%) 2 (2,9%) 1 (1,45%) 1 (1,45%) — —	371 (83,8%) 53 (12%) 3 (0,7%) 7 (1,6%) — 8 (1,9%)
16 (3,6%)	9 (2%)	6 (1,3%)	46 (10,4%)	69 (15,6%)	442 (100%)

Таблица 2

ТАБЕ УЧАСТНИКОВ КРУЖКОВ

Кружок в Царскосель- ской офицерской стрелковой школе	Кружок братьев Худя- ковых	Кружок профессоров военных ака- демий	Смешанные военно-студен- ческие кружки	Прочие участники движения	Всего по Пе- тербургскому гарнизону
3 (50%) 3 (50%) —	— 1 (33,4%) 2 (66,6%)	3 (100%) — —	12 (50%) 10 (41,6%) 2 (8,4%)	3 (25%) 5 (41,7%) 4 (33,3%)	61 (25,4%) 119 (49,6%) 60 (25%)
6 (2,5%)	3 (1,25%)	3 (1,25%)	24 (10%)	12 (5%)	240 (100%)

СВЕДЕНИЯ О МЕСТЕ ВОСПИ

Учебные заведения	Кружок Сераков- ского— Домбров- ского	Кружок в Инженер- ной академии и училище	Кружок «Чернышев- цев» под руководством П. Л. Лав- рова	Кружок в Констан- тиновском военном училище
Высшие военно-				
Академия генерального штаба . . .	78 (30,7%)	—	—	—
Артиллерийская академия	14	1	22	—
Инженерная академия	32	46	1	—
Медико-хирургическая академия . .	2	—	—	—
Офицерская стрелковая школа . .	—	—	—	—
Итого	126 (49,6%)	47 (44%)	23 (49%)	—
Военные				
Константиновское	29	17	4	33
Артиллерийское	10	—	6	—
Инженерное	15	24	—	—
Итого	54 (21,1%)	41 (38,3%)	10 (21,2%)	33 (66%)
Прочие военно-учебные заве				
1-й кадетский корпус	5	3	1	—
2-й кадетский корпус	5	3	1	—
Павловский кадетский корпус . . .	7	3	1	—
Морской кадетский корпус	—	—	—	—
Школа гвардейских подпрапор- щиков	2	—	—	—
Пажеский корпус	2	—	1	—
Итого	21 (8,3%)	9 (8,4%)	4 (8,5%)	—
Всего по Петербургу	201 (79%)	97 (90,7%)	37 (78,7%)	33 (66%)
Военно-учебные				
1-й кадетский корпус	7	—	—	—
2-й кадетский корпус	1	1	—	—
Сиротский кадетский корпус	—	2	—	—
Итого	8 (3,2%)	3 (2,8%)	—	—
Прочие кадет				
Полоцкий	6	—	—	3
Брестский	10	—	5	—
Киевский	2	—	1	2
Полтавский	3	—	—	1
Финляндский	—	—	—	—
Новгородский	3	1	2	2
Орловский	1	2	1	1
Воронежский	1	1	—	—
Оренбургский	—	—	—	—
Сибирский	1	—	—	—
Итого	27 (10,7%)	4 (3,7%)	9 (19,2%)	9 (18%)

Таблица 3

ТАНЕНИЯ ИЛИ ОБУЧЕНИЯ.

Кружок в Царскосель- ской офицерской стрелковой школе	Кружок братьев Худя- ковых	Кружок профессоров военных академий	Смешанные военно-студен- ческие кружки	Прочие участники движения	Всего по Пе- тербургскому гарнизону
учебные заведения					
—	—	5	6	—	89 (16,25%)
—	1	—	2	—	40
—	5	—	1	2	87
—	—	—	1	1	4
16	—	—	—	—	16
16 (76,2%)	6 (54,5%)	5 (83,4%)	10 (32,4%)	3 (15,8%)	236 (43,3%)
училища					
1	1	—	1	3	89
—	—	—	—	1	17
—	2	—	3	1	45
1 (4,8%)	3 (27,2%)	—	4 (12,9%)	5 (26,2%)	151 (27,1%)
дния Петербурга и окрестностей					
—	—	—	4	1	14
—	—	—	4	2	15
—	—	—	1	3	15
—	—	—	—	—	—
—	—	—	1	—	3
—	—	—	1	—	4
—	—	—	11 (35,35%)	6 (31,6%)	51 (9,3%)
17 (81%)	9 (81,7%)	5 (83,4%)	25 (80,65%)	14 (73,6%)	438 (79,7%)
заведения Москвы					
—	1	—	1	—	9
—	—	—	1	—	3
—	—	—	—	—	2
—	1 (9,15%)	—	2 (6,45%)	—	14 (2,7%)
ские корпуса					
2	—	—	1	—	12
—	—	—	—	1	16
—	—	—	—	—	5
—	—	—	—	—	4
—	—	—	—	—	—
—	—	—	1	1	10
1	—	—	—	1	7
—	—	—	—	—	2
—	—	1	—	—	1
—	—	—	—	—	1
3 (14,2%)	—	1 (16,6%)	2 (6,45%)	3 (15,8%)	58 (10,8%)

Учебные заведения	Кружок Сераков- ского— Домбров- ского	Кружок в Инженер- ной академии и училище	Кружок «чернышев- цев» под руководством П. Л. Лав- рова	Кружок в Констан- тинском военном училище
Гимназии	—	1	—	7
Духовные семинарии	—	—	—	—
Университеты, институты, лицеи	16	2	1	—
Итого	16 (6,30%)	3 (2,80%)	1 (2,10%)	7 (140%)
Частные учебные заведения	2 (0,80%)	—	—	—
Домашнее воспитание	—	—	—	1 (20%)
Всего	254 (46,50%)	107 (19,60%)	47 (8,60%)	50 (9,20%)

СВЕДЕНИЯ О МЕСТЕ РОЖДЕ

Место рождения	Кружок Сераков- ского— Домбров- ского	Кружок в Инженер- ной академии и училище	Кружок «чернышев- цев» под руководством П. Л. Лав- рова	Кружок в Констан- тинском военном училище
Так называемые «внутренние» гу- бернии *	24 (220%)	16 (37,250%)	6 (500%)	3 (12,50%)
Так называемые северо-западные губернии				
Ковенская	9	5	1	1
Виленская	13	3	—	3
Гродненская	10	2	1	2
Минская	15	3	—	4
Витебская	6	3	—	1
Могилевская	5	—	—	2
Итого	58 (53,10%)	16 (37,250%)	2 (16,70%)	13 (54,20%)
Так называемые юго-западные гу- бернии				
Киевская	5	2	—	1
Волынская	8	2	—	—
Подольская	3	3	1	1
Бессарабская	—	—	—	1
Итого	16 (14,70%)	7 (16,20%)	1 (8,30%)	3 (12,50%)
Царство Польское	9 (8,30%)	2 (4,650%)	2 (16,70%)	4 (16,70%)
Прочие окраинные губернии				
Эстляндская	—	—	1	—
Курляндская	1	—	—	—
Лифляндская	1	2	—	—
Тифлисская	—	—	—	1
Итого	2 (1,90%)	2 (4,650%)	1 (8,30%)	1 (4,10%)
Всего	109 (470%)	43 (18,50%)	12 (5,150%)	24 (10,30%)

* В том числе: Петербургская, Новгородская, Псковская, Архангельская, Тверская, Смоленская, Пензенская, Казанская, Симбирская, Саратовская, Черниговская, Харьковская, Полтавская, Херсон

Таблица 3 (окончание)

Кружок в Паркосель- ской офицерской стрелковой школе	Кружок братьев Худя- ковых	Кружок профессоров военных ака- демий	Смешанные военно-студен- ческие кружки	Прочие участники движения	Всего по Пе- тербургскому гарнизону
гражданского ведомства					
—	—	—	1	1	10
—	—	—	—	—	—
1	1	—	1	1	23
1 (4,8%)	1 (9,15%)	—	2 (6,45%)	2 (10,6%)	33 (6,3%)
—	—	—	—	—	2 (0,33%)
—	—	—	—	—	1 (0,17%)
21 (3,8%)	11 (2%)	6 (1,1%)	31 (5,7%)	19 (3,5%)	546 (100%)

Таблица 4

НИЯ УЧАСТНИКОВ КРУЖКОВ

Кружок в Паркосель- ской офицерской стрелковой школе	Кружок братьев Худя- ковых	Кружок профессоров военных академий	Смешанные военно-студен- ческие кружки	Прочие участники движения	Всего по Пе- тербургскому гарнизону
2 (33,3%)	3 (60%)	1 (100%)	18 (90%)	4 (33,3%)	77 (33,2%)
1	—	—	—	2	19
—	—	—	—	—	19
—	—	—	1	—	16
—	—	—	—	3	25
—	—	—	—	—	10
1	—	—	—	—	8
2 (33,3%)	—	—	1 (5%)	5 (41,7%)	97 (41,8%)
—	—	—	—	—	8
1	—	—	1	2	14
—	—	—	—	—	8
1	—	—	—	—	2
2 (33,4%)	—	—	1 (5%)	2 (16,7%)	32 (13,8%)
—	2 (40%)	—	—	1 (8,3%)	20 (8,6%)
—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	3
—	—	—	—	—	1
—	—	—	—	—	6 (2,6%)
6 (2,6%)	5 (2,2%)	1 (0,4%)	20 (8,7%)	12 (5,15%)	232 (100%)

Московская, Ярославская, Тульская, Рязанская, Курская, Орловская, Воронежская, Тамбовская, ская, Оренбургская губернии, а также Сибирь.

СВЕДЕНИЯ О ВЕРО

Вероисповедание	Кружок Сераков- ского— Домбров- ского	Кружок в Инженер- ной академии и училище	Кружок «Чернышев- цев» под руководством П. Л. Лав- рова	Кружок в Констан- тинском военном училище
Православное	40 (34,2%)	19 (45%)	12 (75%)	8 (33,3%)
Католическое	72 (62%)	19 (45%)	4 (25%)	14 (58,5%)
Лютеранское	2 (1,9%)	3 (7,5%)	—	—
Реформатское	2 (1,9%)	1 (2,5%)	—	1 (4,1%)
Греко-армянское	—	—	—	1 (4,1%)
Всего	116 (46,8%)	42 (16,9%)	16 (6,4%)	24 (9,7%)

СВЕДЕНИЯ О СОСЛОВНОЙ ПРИНАДЛЕЖ

Сословная принадлежность, имущественное положение	Кружок Сераков- ского— Домбров- ского	Кружок в Инженер- ной академии и училище	Кружок «Чернышев- цев» под руководством П. Л. Лав- рова	Кружок в Констан- тинском военном училище
Потомственные дворяне	109 (95%)	38 (88,5%)	16 (100%)	22 (95,7%)
Дети личных дворян	4 (4%)	4 (9,3%)	—	1 (4,3%)
Выходцы из духовенства	—	—	—	—
Разночинцы	1 (1%)	1 (2,2%)	—	—
Всего	114	43	16	23
Недвижимостью не владели	82 (78%)	33 (77%)	10 (83%)	11 (85%)
Владели именьями: неустановленного размера	7	3	2	2
1—50 душ	5	—	—	—
51—100 душ	3	2	—	—
101—300 душ	1	1	—	—
301—1000 душ	3	2	—	—
Свыше 1000 душ	1	—	—	—
Итого	20 (19%)	8 (18,6%)	2 (17%)	2 (15%)
1—100 десятин	1	—	—	—
101—500 десятин	—	—	—	—
501—1000 десятин	—	—	—	—
Свыше 1000 десятин	1	2	—	—
Итого	2 (1,2%)	2 (4,4%)	—	—
Владели городскими строениями	3 (1,8%)	—	—	—
Всего	107 (50%)	43 (20%)	12 (5,6%)	13 (6,1%)

Таблица 5

ИСПОВЕДАНИИ

Кружок в Царскосель- ской офицерской стрелковой школе	Кружок братьев Худя- ковых	Кружок профессоров военных акаде- мий	Смешанные военно-студен- ческие кружки	Прочие участники движения	Всего по Пе- тербургскому гарнизону
3 (43%)	3 (60%)	6 (100%)	17 (85%)	5 (41,7%)	113 (45,5%)
4 (57%)	1 (20%)	—	2 (10%)	6 (50%)	122 (49,2%)
—	1 (20%)	—	1 (5%)	1 (8,3%)	8 (3,3%)
—	—	—	—	—	4 (1,6%)
—	—	—	—	—	1 (0,4%)
7 (2,8%)	5 (2,1%)	6 (2,4%)	20 (8,1%)	12 (4,8%)	248 (100%)

Таблица 6

НОСТИ И ИМУЩЕСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ

Кружок в Царскосель- ской офицерской стрелковой школе	Кружок братьев Худя- ковых	Кружок профессоров военных акаде- мий	Смешанные военно-студен- ческие кружки	Прочие участники движения	Всего по Пе- тербургскому гарнизону
6 (100%)	4 (80%)	1 (100%)	18 (94,7%)	9 (81,8%)	223 (93,5%)
—	1 (20%)	—	—	2 (18,2%)	12 (5,1%)
—	—	—	1 (5,3%)	—	1 (0,4%)
—	—	—	—	—	2 (1%)
6	5	1	19	11	238
4 (80%)	3 (60%)	1 (100%)	11 (55%)	5 (62,5%)	160 (75%)
—	—	—	3	1	18
1	—	—	1	—	7
—	—	—	2	1	8
—	1	—	1	1	5
—	—	—	—	—	5
—	—	—	—	—	1
1 (20%)	1 (20%)	—	7 (35%)	3 (37,5%)	44 (20,5%)
—	—	—	—	—	1
—	—	—	1	—	1
—	—	—	—	—	—
—	1	—	1	—	5
—	1 (20%)	—	2 (10%)	—	7 (3,15%)
—	—	—	—	—	3 (1,35%)
5 (2,3%)	5 (2,3%)	1 (0,5%)	20 (9,4%)	8 (3,8%)	214 (100%)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Я. С. Яжборовская.</i> Использование польскими пролетарскими партиями опыта Октябрьской революции при создании Советов (1918—1919 гг.)	3
<i>А. Я. Манусевич.</i> «Нова Трыбуна» — польская легальная газета правдистского направления (1914 г.)	26
<i>Я. Б. Шмераль.</i> Проблемы образования и становления чехословацкой буржуазной республики в зарубежной историографии	44
<i>Е. Д. Воробьева.</i> Делегация чехословацкой рабочей молодежи в СССР (ноябрь 1925—январь 1926 г.)	85
<i>В. И. Карпов.</i> Стачечное движение в Польше в 1929—1931 гг.	105
<i>Н. И. Лециловская.</i> О социальных основах иллиризма	122
<i>В. Н. Кондратьева.</i> Из истории попытки организации восстания в Герцеговине в 1872 году	143
<i>А. И. Озолин.</i> Экономические требования бюргерской оппозиции в гуситском революционном движении	165
<i>Н. И. Кравцов.</i> Славянская пародная баллада	222
<i>Л. А. Козырева.</i> Тадеуш Микульский — исследователь польского Просвещения	247
<i>Л. Н. Титова.</i> «Фидловачка»	254
<i>В. А. Дьяков.</i> Петербургские офицерские организации конца 50-х—начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей	268

Ученые записки, том XXVIII

Из истории классовой борьбы и национально-освободительных движений в славянских странах

*
Утверждено к печати Институтом славяноведения Академии наук СССР

*
Редактор Шелудько Г. В. Редактор издательства Прохоров Е. П.
Технический редактор Астафьева Г. А.

Сдано в набор 29/XII 1963 г. Подписано к печати 27/III 1964 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 22,5 = 30,82 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 33.7. Тираж 1000 экз. Т-05520. Изд. № 2414. Тип. зак. № 552. Темплан 1964 г. № 145.

Цена 2 р. 17 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

